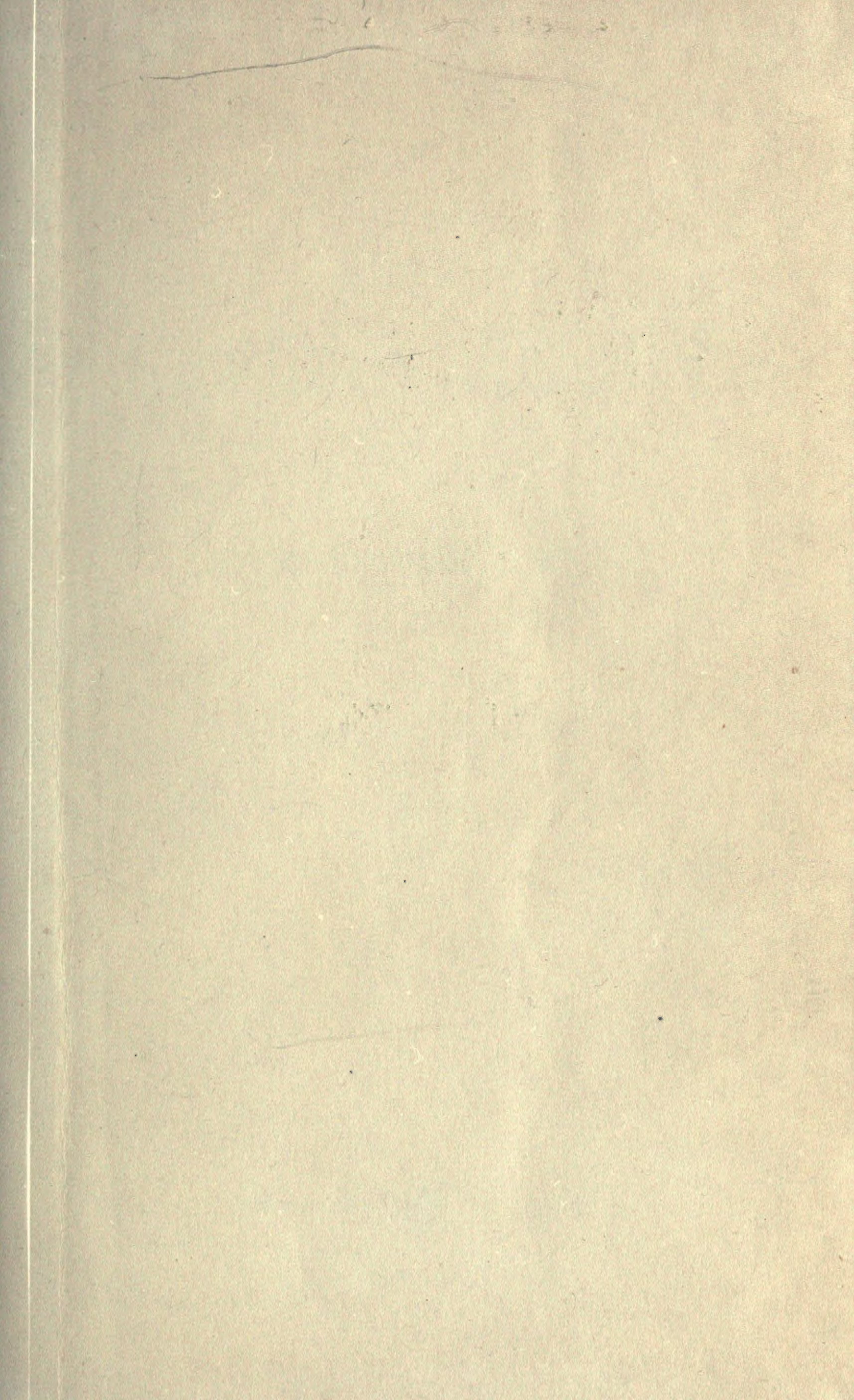
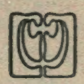

3 1761 07977922 9

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ДѢДУШКА ЛЕБИГРЪ

LE GRAND-PÈRE LEBIGRE

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

I.

Мой отецъ прочилъ меня въ военную службу,—разсказывалъ судья Лебигръ;—но онъ умеръ рано, а мать скоро послѣдовала за нимъ. Семейный совѣтъ рѣшилъ тогда, что я буду адвокатомъ и поступлю учиться въ коллежъ Сенъ-Сюзанъ, куда я и былъ немедленно опредѣленъ.

Мой дѣдъ, Этіеннъ Лебигръ, былъ книгопродавцемъ въ этомъ небольшомъ городкѣ, и я ходилъ къ нему по воскресеніямъ въ отпускъ. Мнѣ было въ то время девять лѣтъ; я умѣлъ читать, писать и немного считать. Я ходилъ на прогулку во главѣ толпы товарищей, въ школьномъ мундирѣ, и добрые люди, видя меня такимъ маленькимъ, интересовались мной.

Впрочемъ, все шло благополучно. Я росъ, учился латинской грамматикѣ, немножко географіи и исторіи, ариѳметикѣ, зубрилъ басни Лафонтена и занимался игрою на корнетъ-а-пистонѣ, къ чему чувствовалъ особенное пристрастіе.

Дисциплина въ школѣ не была слишкомъ строга: мосье Бриньоланъ, нашъ директоръ, человѣкъ свѣтскій, стремился главнымъ образомъ, чтобы воспитанники его заведенія пріобрѣли хорошія манеры и свѣтскій лоскъ; потому-то всѣ изящныя искусства тщательно культировались: у насъ были учителя танцевъ, фехтованія, рисованія и музыки. Словомъ, жизнь въ коллежѣ Сенъ-Сюзанъ была не тяжела, и въ послѣдніе годы моего воспитанія, подъ руководствомъ г-на Пуарье, почтеннаго профессора риторики и философіи, я такъ свыкся съ жизнью въ этомъ старинномъ монастырѣ, что только желаніе обнять дѣдушку по временамъ заставляло меня покидать училище.

Впрочемъ, и городская жизнь не лишена была для меня пріятности, и когда я попадалъ въ круговоротъ ея, то веселость

моего характера брала верхъ. Господа офицеры мѣстнаго гарнизона давали по временамъ, въ зимніе сезоны, балы для городскихъ жителей; послѣдніе не оставались въ долгу и, въ свою очередь, отвѣчали воинамъ приглашеніями на собранія и танцовальные вечера у мэра, коменданта и т. д.; на масляницѣ происходили обычныя карнавальныя увеселенія, похороны карнавала съ музыкой и со всѣми присущими этому времени затѣями и удовольствіями. Въ посту проповѣди и ежедневныя вечерни, куда дамы и кавалеры отправлялись цѣлымъ обществомъ, при лунномъ свѣтѣ и укутанные капюшонами, если шелъ снѣгъ.

Лѣтомъ устраивались прогулки въ лѣсъ, пикники въ лѣсной трактирчикъ въ Мезанжѣ и экскурсіи къ ключу св. Клары.

Въ качествѣ музыканта училищнаго оркестра я участвовалъ во всѣхъ этихъ затѣяхъ; я игралъ мою партію гдѣ приходилось: и въ оркестрѣ, и въ буфетѣ, и даже въ пивной.

«Сенъ-Сюзанская газета», листокъ, выходившій подъ редакціей г-на Стекена, преподавателя третьяго класса, помѣщалъ отчеты о всѣхъ городскихъ происшествіяхъ, цвѣтистымъ слогомъ, раздавая похвалы кому подобало, и не разъ я встрѣчалъ свое имя въ числѣ отличившихся исполнителей, что, смѣю васъ увѣрить, доставляло мнѣ не малое и искреннее удовольствіе.

Ахъ, славное было времячко! Счастливые дни провинціальной жизни, вы уже не повторитесь!.. Вы миновали... миновали на вѣки!..

Погромъ начался въ концѣ 1843 г., когда появились «Парижскія Тайны» Эженя Сю.

Не только весь городъ, но и весь коллежъ зачитывался этой книгой.

Она произвела настоящій фуроръ. Въ Сенъ-Сюзанѣ не имѣли до тѣхъ поръ никакого понятія о великосвѣтскомъ великолѣпіи, о столичныхъ ужасахъ, о всѣхъ любовныхъ приключеніяхъ, съ ихъ тайными радостями и страхами, отъ которыхъ хотя и бѣгаютъ мурашки по тѣлу, но въ то же время чувствуешь себя убаюканнымъ,—по выраженію г-на Пти-Дидье, нашего профессора четвертаго класса,—убаюканнымъ упоительными грезами.

Это было новинкой. Кабинетъ для чтенія дѣдушки Этіенна внезапно наполнился всѣми сливками нашего общества.

Дѣдушка бралъ по пяти су за чтеніе каждаго тома «Парижскихъ тайнъ». Ихъ требовали на расхватъ. У молодыхъ дамъ и кавалеровъ не было другихъ разговоровъ какъ о Шуринерѣ, о школьномъ учителѣ, о Шуетѣ Тортильарѣ и о виконтѣ Сенъ-Реми... словомъ, всѣ толки вертѣлись вокругъ романа.

И все пошло вверхъ дномъ. Тогда-то нашъ учитель рисованія г-нъ Брюске, до той поры скромный и благоразумный молодой человѣкъ, вдругъ возымѣлъ странную фантазію разыгрывать роль Кабріона въ Сенъ-Сюзанѣ. А между тѣмъ это былъ добрый малый, ученикъ стараго профессора Пишо, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, котораго онъ замѣнилъ съ успѣхомъ не только благодаря природному таланту, но и благодаря неистощимому запасу веселости. Во время класса онъ то и дѣло посвистывалъ, прогуливаясь между столами и заглядывая черезъ плечо въ рисунки учениковъ, затѣмъ молча бралъ изъ вашихъ рукъ карандашъ и переправлялъ носъ вашему Горацію, глазъ Клеопатрѣ, бормоча въ видѣ комментарій:—хорошъ вашъ римлянинъ съ пластыремъ на носу! Или же:—вы рисуете какъ сапожникъ! Ужъ навѣрное вы не будете Рафаэлемъ... можете повѣрить мнѣ на слово!

И кто же могъ подумать, что этотъ степенный мосье Брюске способенъ на сумасбродство?

Онъ нарядился въ большую остроконечную шляпу по образцу Кабріона, завелъ широкій плащъ, гусарскія шаровары и мчался по улицѣ, какъ Анастази Пипле, когда та уронила миску съ супомъ на голову Маликарна. Онъ началъ говорить не иначе, какъ на арго, и принимался ржать и пѣть пѣтухомъ подъ самымъ носомъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго. Это было нелѣпо; но весь городъ потѣшался. Дамы находили его прелестнымъ; гарнизонные офицеры приглашали его за свой табль-д'отъ къ Трипотену. Онъ давалъ тамъ свои представленія, на которыхъ постоянно фигурировали мой дѣдъ Этіеннъ и сестра его, тетя Кларисса.

Шалопай подмѣтилъ, что старички, жившіе уже сорокъ лѣтъ вмѣстѣ, имѣли кое-какія смѣшныя стороны,—свои старческія привычки и маніи. Онъ копировалъ ихъ манеру гово-

рить, интонацію голоса, жесты, съ неподражаемымъ совершенствомъ.

Ему стоило сказать: «Кла-а-риссъ! Кла-а-риссъ!», передразнивая моего почтеннаго дѣдушку, чтобы вся зала разразилась восторженными: «Браво! Браво! Браво! Какъ похоже!.. Bis! Bis!»

Стекла дребезжали въ рамахъ, а на улицѣ, подъ окнами, полгорода подслушивало потихоньку и помирало со смѣху.

Діалогъ дѣдушки Этіенна съ тетей Клариссой продолжался до восьми часовъ, приправленный каламбурами и дурачествами, способными заставить надорвать животики отъ хохота. Затѣмъ все общество, взявшись подъ ручки, направлялось къ кафэ Лекенъ. Дорогой всѣ хохотали, какъ сумасшедшіе, и покрикивали Брюске: «Да полно тебѣ!.. Совсѣмъ уморилъ!»

Да, съ этой-то поры и начался погромъ въ нашей мирной провинціальной жизни.

Дѣдушка, какъ человѣкъ умный, первый смѣялся шуткамъ провинціальнаго Кабріона; но тетушка Кларисса, нѣсколько строптивая по природѣ, сердилась и выходила изъ себя до того, что попросту обзывала нашего учителя рисованія шутомъ.

Вскорѣ Брюске, вообразивъ себя настоящимъ Кабріономъ, забылъ всѣ границы благоприличія, и самые почтенные буржуа рисковали встрѣтить на своихъ воротахъ не совсѣмъ удобообъяснимыя эмблемы, нарисованныя углемъ, заставлявшія подниматься дыбомъ волоса этихъ мирныхъ гражданъ...

II.

Такимъ-то манеромъ закипѣла жизнь въ нашемъ маленькомъ городѣ Сенъ-Сюзанѣ. Это одно изъ самыхъ живыхъ воспоминаній моей молодости, не смываемое годами.

Помню я особенно отчетливо дни отпусковъ, проводимые мной у дѣдушки Лебигра. Я никогда не встрѣчалъ человѣка интеллигентнѣе, образованнѣе и пріятнѣе въ обществѣ моего почтеннаго дѣда. Ему было тогда семьдесятъ два года. Голова его была совсѣмъ сѣдая, но темные, почти черные глаза свѣтились еще юношескимъ огнемъ; его широкій лобъ, носъ съ большимъ горбомъ и выдающійся подбородокъ свидѣтельствовали о рѣшительномъ характерѣ.

Его книжный магазинъ, единственный въ Сенъ-Сюзанѣ, находился на углу улицы Коллежъ и площади Акацій.

Онъ помѣщался въ старомъ, низенькомъ домѣ, въ одинъ этажъ, надъ подвальнымъ. Въ окнахъ красовались на выставкѣ альманахи, религіозныя книжки для деревенской публики, классическіе учебники и большія раскрашенныя объявленія. Вообще магазинъ былъ на хорошемъ мѣстѣ, на виду, въ тѣни деревьевъ площади.

Открывъ дверь комнаты, смежной съ магазиномъ, можно было видѣть всю большую улицу вдоль.

Въ этой комнатѣ, обращенной единственнымъ окномъ въ улицу Коллежъ, помѣщался кабинетъ для чтенія, составлявшій отъ четырехъ до пяти тысячъ томовъ, изъ коихъ одни принадлежали къ литературѣ эпохи до революціонной, другіе эпохи республики и наконецъ — эпохи реставраціи. Вольтеръ, Руссо, Монтескье стояли на верхней полкѣ; Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Динокуръ, сочиненія г-жъ Коттенъ и Жанлисъ, Сенъ-Венана, виконта д'Арленкура и проч.—пониже; Пиго-Лебренъ, Рабу, Ламотъ—Ланжонъ, Поль-де-кокъ въ самомъ низу, подъ рукой, истрепанные, оборванные до нельзя, хотя дѣдушка то и дѣло подновлялъ переплеты и мѣнялъ обложки. Весь городъ чередовался въ этой читальнѣ, начиная съ полковника до капрала, начиная отъ супруги мэра до дамъ, состоявшихъ на общемъ ождивеніи, или, какъ ихъ называютъ, дамъ полусвѣта.

Каждый находилъ въ библіотекѣ то, что ему нравилось.

Всѣ эпохи, всѣ режимы вложили въ нее образчики своего духа и вкуса.

Одна имперія блистала отсутствіемъ, ибо при правленіи великаго человѣка не писали, такъ какъ онъ присвоилъ себѣ монополію общественнаго ума.

Обѣдали обыкновенно въ библіотекѣ. Тетушка Кларисса съ двумя сѣдыми буклями на вискахъ, круглыми полными щеками, въ большомъ тюлевомъ чепцѣ съ подвязанными лопастями у подбородка, радушно хозяйничала. При каждомъ звонкѣ она вставала изъ за стола и шла выполнять заказы кліентовъ, затѣмъ возвращалась на свое мѣсто.

Дѣдушка разсказывалъ мнѣ свой дебютъ въ Сенъ-Сюзанѣ въ качествѣ книгопродавца—переплетчика, и открытіе кабинета для чтенія, что произошло послѣ нарушенія Амьенскаго до-

говора, въ годъ, когда былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, на Венсенскомъ валу.

— Бурбоны, — говрилъ онъ, — распространили слухъ, что первый консулъ работаетъ для нихъ, что онъ возвратитъ имъ престолъ. Нація взволновалась, и Бонапартъ рѣзко напомнилъ тогда претендентамъ, что онъ корсиканецъ.

Въ этотъ самый годъ, когда былъ изгнанъ Моро, Пишегрю найденъ удавленнымъ въ тюрьмѣ, а папа короновалъ Наполеона въ соборѣ Нотръ-Дамъ, дѣдъ мой основалъ свое заведеніе въ Сенъ-Сюзанѣ, предпочтя трудъ увлеченіемъ славою.

Онъ разсказывалъ мнѣ о первыхъ годахъ своей трудовой жизни. Когда приходилъ подписчикъ, онъ всегда отпускалъ книги самъ.

Утромъ тетушка Кларисса торговала въ магазинѣ. Дѣдъ переплеталъ брошюрки, требовавшія ремонта, и вставалъ изъ-за работы каждый разъ, когда нѣсколько кліентовъ приходили въ одно время, и его сестра не могла справиться одна.

Эти хожденія взадъ и впередъ очень нравились мнѣ.

Сколько счастливыхъ часовъ провелъ я въ этой маленькой комнатѣ, уставленной книгами, въ обществѣ этого превосходнаго человѣка, вѣчно занятаго прошиваньемъ, клейкой, выправкой своихъ книгъ и то разказывавшаго мнѣ тысячи анекдотовъ, то дѣлавшаго различныя замѣчанія на счетъ приходившихъ. Все это безъ малѣйшей злобы, чисто въ силу веселаго расположенія духа и склонности къ философствованію.

— Вотъ пришли мѣнять книги два сержанта. Ты услышишь сейчасъ, какъ они будутъ щеголять пріятнымъ разговоромъ передъ Клариссой. Она, конечно, не первой молодости; но имъ вѣдь это все равно, — имъ нужно выказать передъ кѣмъ-нибудь свое остроуміе. Я убѣжденъ, что маленькій брюнетъ сдалъ бакалаврскій экзаменъ, потому что сыплетъ латинскими цитатами, а этотъ другой смѣется, дѣлая видъ, что что-нибудь понимаетъ... Увидишь,—чистая Поль-де-коковщина!

Старикъ не ошибался никогда. Можно было подумать, что всѣ эти господа разыгрывали комедіи спеціально для него; его добродушная улыбка одобряла ихъ и мнѣ зачастую приходилось съ трудомъ удерживаться отъ смѣха.

Послѣ ухода сержантовъ, продолжая работать, дѣдъ взглядывалъ на площадь.

— Вотъ идетъ,—продолжалъ онъ,—моя старѣйшая практика, поручикъ Алатъ, корсиканецъ. Тридцать пять лѣтъ я ему даю читать, за тридцать су въ мѣсяцъ, все одно и то же сочиненіе: философскую исторію основанія торговли въ Индіи— аббата Рейналя, которую онъ, впрочемъ, и не читаетъ, по той уважительной причинѣ, что безграмотенъ!.. Онъ надѣваетъ очки и засыпаетъ надъ книгой.—Каждыя двѣ недѣли онъ аккуратно является перемѣнить книги, и я всегда выдаю ему двѣ первыя части, затѣмъ двѣ слѣдующія и такъ далѣе. На свои тридцать су мѣсячнаго абонемента онъ могъ бы скупить уже всю мою библіотеку; но ему пріятнѣе показываться на улицѣ съ книгами подъ мышкой,—хочется прослыть ученымъ.—Вотъ и онъ.

— Здравствуйте, мосье Алатъ, — говорилъ дѣдъ, поднимаясь съ мѣста.—Вы за книгами?

— Точно такъ.

— Какъ вамъ понравилось это сочиненіе?

— Хорошо... очень хорошо!

— Такъ вамъ вѣроятно угодно опять что-нибудь серьезное? Вы любите серьезныя книги, мосье Алатъ,—капитальныя вещи. Видите, для васъ есть у меня только одна подходящая книга,— это «исторія торговли въ Индіи»—совсѣмъ новая книга. Я вамъ дамъ первый и второй томы, и когда вы ихъ прочтете, то получите остальные.

Дѣдушка серьезно вписывалъ оба тома въ реестръ, между тѣмъ какъ г. Алатъ, польщенный тѣмъ, что его считаютъ ученымъ, уходилъ, ласково покачивая головой.

— Вотъ дѣло и сдѣлано,—говорилъ дѣдушка, садясь за свой станокъ.—Ты слышишь по акценту, что Алатъ итальянецъ, компатріотъ Наполеона. Она изъ самаго Аяччіо, и ему теперь должно быть лѣтъ подъ восемьдесятъ. Еще въ 1807 году онъ былъ уже на подпоручичьей пенсіи, то есть, получалъ шестьсотъ франковъ. Великій человѣкъ удвоилъ его пенсію... Это было на моихъ глазахъ.

Императоръ возвращался изъ Эрфрута. Проѣздомъ онъ остановился позавтракать въ гостиницѣ «Журавля» и между тысячами голосовъ, кричавшихъ на площади: «да здравствуетъ Императоръ!» одинъ голосъ, голосъ Алата, обратилъ его вниманіе. Алатъ кричалъ съ корсиканскимъ акцентомъ: «Виватъ Буонапарте! Виватъ Наполіо!»

Императору этотъ голосъ напомнилъ его утесистый островъ, его настоящее отечество, и тронулъ его болѣе остальныхъ. Онъ тотчасъ отправилъ одного изъ адъютантовъ отрыть Алата въ толпѣ, и послѣдній, находя все это совершенно въ порядкѣ вещей, предсталъ передъ героемъ, для котораго была пріятна встрѣча съ соотечественникомъ, и который спросилъ его: кто онъ, и что онъ дѣлаетъ въ Сенъ-Сюзанѣ?

Алатъ сообщилъ ему, что онъ членъ семьи Алатовъ, проживавшихъ въ Аяччіо, въ той же улицѣ, за нѣсколько домовъ отъ семьи Бонапартовъ, сказалъ ему, что зналъ его отца, судью Шарля, и красавицу Летицію; что даже имѣлъ честь качать его самого маленькимъ ребенкомъ на своихъ рукахъ, и что мать его, старая Жакобина, утирала кончикомъ своего передника носы у маленькихъ Елизы и Полины, какъ водится между добрыми сосѣдями; наконецъ, сказалъ, что они могутъ считаться старыми пріятелями.

Кажется эти подробности понравились Бонапарту, бывшему въ хорошемъ расположеніи духа.

— Хорошо, мой другъ,—отвѣтилъ онъ,—я не забуду тебя.

И по возвращеніи императора въ Тюильери, Алатъ сталъ получать 1200 франковъ пенсіи, вмѣсто 600. Это его не удивило. Вотъ какимъ маперомъ, благодаря хриплому голосу и корсиканскому акценту, онъ получаетъ тридцать семь лѣтъ капитанскую пенсію, которой тысячи людей не могли добиться потерей ногъ и рукъ на службѣ Франціи. Пріятно имѣть подобныхъ соотечественниковъ.

Въ то время какъ я задумывался этимъ надъ разсказомъ, дѣдушка шелъ навстрѣчу посѣтителямъ.

— Здравствуйте, мосье Пежуанъ. Здравствуйте, м-мъ Пуантель... Чѣмъ могу служить?

— Мнѣ нужны перья, чернила и облатки.

— Извольте, мосье Пежуанъ. А вамъ, сударыня?

— Позвольте мнѣ молитвенникъ, мосье Лебигръ.

— Въ такую цѣну? У насъ есть молитвенники различной стоимости. Золотообрѣзные, съ застежкой и безъ застежекъ.

Я смотрѣлъ сквозь стеклянную дверь; дѣдъ, удовлетворивъ покупателей, возвращался на свое мѣсто.

— Ты видѣлъ этого толстяка, съ краснымъ носомъ, въ широкой соломенной шляпѣ?—спрашивалъ онъ.—Вѣроятно ты

задаешь себѣ вопросъ, за что онъ получилъ орденъ, такъ какъ онъ не похожъ ни на воина, ни на ученаго?—Это г-нъ Пежуанъ, бывшій почтмейстеръ. Орденъ пожаловалъ ему Людовикъ-Филиппъ, во время проѣзда своего, въ 1832 г., черезъ Сенъ-Сюзанъ, за то, что у того была большая бѣлая лошадь, смирная и съ гладкой шерстью, на которой онъ ѣздилъ въ поля въ рабочую пору и наблюдалъ, какъ работники свозятъ его сѣно и картофель.

Пежуанъ, катаясь на своей лошади, могъ быть спокоенъ, что не упадетъ; добрая кляча никогда не ускоряла шага.

Такая-то лошадь и нужна была его величеству для разъѣздовъ по городу и смотра 24-го полка, стоявшаго въ то время у насъ гарнизономъ. Г-нъ Пежуанъ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, предложилъ своего коня. Предложеніе его приняли.

Такъ какъ почтмейстеръ не захотѣлъ послѣ смотра взять вознагражденія за услугу, то ему дали крестъ, который онъ и повѣсилъ не лошади, а себѣ на шею. Поэтому-то караульный у комендантскаго дома отдаетъ честь Пежуану... Взгляни туда... онъ издали примѣтилъ его и уже беретъ ружье на плечо... разъ два... превосходно.

Дѣдъ смѣялся.

— Что касается м-мъ Саломе Пуантель,—продолжалъ онъ вспомнивъ старушку,—то въ одиннадцатомъ году это была самая красивая дѣвушка во всемъ Сенъ-Сюзанѣ. Она покорила бы республикѣ сердца всѣхъ капуциновъ, если бы тѣ могли видѣть ее въ роли богини свободы на тріумфальной колесницѣ на праздникѣ Верховнаго Существа: высокая, смуглая, въ красной туникѣ съ обнаженными по плечо руками, съ открытой грудью и бѣлыми какъ мраморъ икрами; но на бѣду всѣ капуцины убѣжали за кардиналомъ Роганомъ въ Тревъ. Съ тѣхъ поръ бѣдная дѣвушка чистосердечно раскаялась и оплакивала свои заблужденія.

Теперь она ходитъ только въ церковь и въ домъ кюрэ; гладитъ брыжжи господина кюрэ и пелены престола. Она желала бы еженедѣльно исповѣдываться, но Бланшаръ принужденъ обуздывать ея рвеніе и раскаяніе. Будемъ надѣяться, что она обрѣла прощеніе Верховнаго Существа и что ей отпустится многое, потому что добрѣйшая душа возлюбила много.

— Ахъ, что за злой у васъ языкъ!—воскликнула тетушка Кларисса.—Право, это ни на что не похоже!

— Что вы!—говорилъ дѣдъ, задорно поглядывая на сестру.—Развѣ я сказалъ неправду?

— Конечно... Боже мой... вы говорите правду, но не всякую правду похвально высказывать, вы это прекрасно знаете сами... Если бы приняться сосчитать наши грѣхи...

— Наши грѣхи!—удивился онъ.—Да развѣ у васъ, Кларисса, есть грѣхи?.. Ну-ка, поразскажите ихъ мнѣ...Я обѣщаю вамъ прощеніе.

— Будьте покойны, вы ихъ никогда не узнаете!

— Почему?

— Да ужъ такъ...

— Вы предпочитаете разсказывать ихъ кюрэ Бланшару?

— Понятно!.. Вы не духовникъ.

— Ахъ, Кларисса, то, что вы говорите не совсѣмъ похвально, но это меня не удивляетъ. Можетъ быть, я поступлю дурно, напомнивъ вамъ, что знаю васъ пятьдесятъ лѣтъ и долженъ былъ бы внушать вамъ довѣріе. Кто же, Кларисса, вытащилъ васъ изъ нашей бѣдной деревни? Кто замѣнилъ вамъ отца? Даже при жизни покойницы жены, не пользовались ли вы всегда моей дружбой и довѣріемъ! Не повѣрялъ ли я вамъ самыя сокровенныя мои тайны?.. Не знали ли вы всѣхъ моихъ дѣлъ? Слѣдовательно, я имѣю всѣ права на отплату. Но нѣтъ, не я вашъ старшій братъ, вашъ конфидентъ, а господинъ кюрэ Бланшаръ, чужой!.. Противъ него ничего я сказать не имѣю,—это честный человѣкъ, старый галликанскій священникъ, и мы оба знаемъ его давнымъ давно... Но пріѣзжай и другой, одинъ изъ тѣхъ равностныхъ молодыхъ людей, о которыхъ говоритъ Поль-Луи, и будетъ то же самое, не такъ ли, Кларисса? Вы также побѣжите разсказывать все ему, а не мнѣ?..

Тетушка, сжавъ губы, не отвѣчала; дѣдушка былъ правъ, и добрая старуха не хотѣла лгать.

Тогда, бросая на меня проницательный взглядъ, старикъ говорилъ насмѣшливо и въ то же время съ горечью:

— Видишь, Люсьенъ, видишь, до чего дошло. Ты, изучающій философію, воспользуйся урокомъ и обдумай эту статью... Вотъ тебѣ моя сестра, она меня любитъ и уважаетъ, я увѣренъ, и иначе быть не можетъ; а все-таки она беретъ въ повѣренные чужого человѣка, и если бы явился сюда одинъ изъ

пресловутыхъ іезуитовъ, одинъ изъ тѣхъ хитрыхъ пройдохъ, у которыхъ нѣтъ ни семьи, ни отечества, ни настоящей религіи, ничего кромѣ холоднаго честолюбія и горячей жажды власти, то сестра моя, родная сестра, пойдетъ бросаться къ его ногамъ и просить у него прощенья за свои грѣшки, между тѣмъ какъ мнѣ не скажетъ ни слова о своихъ сомнѣніяхъ. Посуди, каково могущество этого отродья!.. Я никогда не узнаю, что таится на сердцѣ у моей сестры, а тому іезуиту стоитъ только показаться въ Сенъ-Сюзанѣ, и онъ узнаетъ все... Да, то, что дѣвушка таитъ отъ отца, сестра отъ брата, жена отъ мужа, онѣ идутъ повѣрять все это холостяку въ черной рясѣ!.. Вотъ, что печально! Да, очень печально!.. Нѣтъ, лучше поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, это слишкомъ горько.

Въ голосѣ дѣдушки звучалъ сдержанный гнѣвъ, глубокое чувство жалости и горя и рядомъ съ тѣмъ иронія, придававшая ѣдкость малѣйшимъ его замѣчаніямъ и никогда не покидавшая его.

III.

Наступилъ конецъ іюня 1844 года; время бакалаврскихъ экзаменовъ приближалось, и Пуарье, желавшій видѣть всѣхъ своихъ учениковъ съ дипломами, какъ и въ предшествующіе года, держалъ насъ за переводами съ греческаго и латыни до десяти часовъ вечера.

Насъ не отпускали ни по четвергамъ, ни по воскресеньямъ, и философскія бесѣды съ дѣдушкой на время пріостановились.

Брюске продолжалъ свои проказы въ городѣ. Буржуа, напуганные размноженіемъ каррикатуръ на стѣнахъ домовъ, начинали страшно тяготиться «Парижскими тайнами»; но сумасброды, закусивъ удила, никогда уже не знаютъ удержу, и нѣтъ средствъ вернуть ихъ къ здравому смыслу.

Рукоплесканія, пожинаемыя ежедневно Брюске за офицерскимъ табль-д'отомъ, льстили его самолюбію и, вдобавокъ, его поощряли одобренія друга его, Пти-Дидье, профессора четвертаго класса, находившаго всѣхъ провинціаловъ смѣшными Брюске и Пти-Дидье были неразлучны. Ихъ можно было встрѣтить каждое утро и каждый вечеръ подъ ручку, одного въ желтомъ пальто, наброшенномъ на плечи, съ шляпой на бекрень,

съ картономъ подъ мышкой, смѣющагося и кричащаго на всѣхъ перекресткахъ: «кукуреку»; другого — съ взъерошенной гривой, съ мрачнымъ взоромъ, горькой усмѣшкой, считавшаго себя непонятнымъ существомъ и сочинявшаго стишки, которые, по его мнѣнію, по меньшей мѣрѣ не уступали ни въ чемъ стихамъ Виктора Гюго и Мюссе.

Вотъ эти-то двое сумасбродовъ и имѣли претензію законодательствовать въ Сенъ-Сюзанѣ. Муниципальный совѣтъ обсуждалъ, какъ избавиться отъ подобныхъ интригановъ, когда тетя Кларисса, которой надоѣло служить ежедневно, вмѣстѣ съ братомъ, мишенью насмѣшекъ для людей, которыхъ она въ душѣ признавала за дураковъ, нашла средство выпроводить ихъ самымъ потѣшнымъ образомъ.

Въ одно прекрасное утро, дѣдушка, отпирая ставни магазина, увидалъ Брюске, выходившаго изъ коллежа, съ противоположной стороны улицы, и шагавшаго жестикулируя и заливаясь сумасшедшимъ хохотомъ.

— Ну,—сказалъ онъ себѣ,—повѣса придумалъ еще какую-нибудь злую шутку, чтобы позабавить дураковъ на счетъ добрыхъ людей. Наконецъ, это становится скучнымъ.

Дѣдушка немножко обидѣлся, видя, что Брюске проходитъ мимо его двери, будто не замѣчая его.

— Эй, мосье Брюске, вы очень веселы сегодня. Куда это вы бѣжите такъ поспѣшно?

— Ахъ, какая умора! — воскликнулъ тотъ, останавливаясь.—Ахъ, этотъ Пти-Дидье смѣшитъ меня... Онъ доведетъ меня до судорогъ!

— Въ чемъ дѣло, милый мосье Брюске? Войдите на минуточку. Вы такъ завидно смѣетесь, подѣлитесь вашимъ смѣхомъ.

Могло быть не больше шести частовъ утра; площадь Акацій была пуста, и Брюске, видя, что кафэ Лекена еще заперто, поднялся на крыльцо магазина и влетѣлъ въ кабинетъ для чтенія со взрывомъ неудержимаго хохота.

— Вы знаете маркитанта Пуатвена, который живетъ въ павильонѣ пѣхотныхъ казармъ, за коллежемъ? Вы должны знать его, мосье Лебигръ?

— Видалъ его иногда,—отвѣтилъ дѣдушка, доставъ здоровую понюшку табаку, чтобы освѣжить голову.—Да, я видалъ

его передъ моей выставкой, и этимъ огриничивается мое знакомство съ нимъ...

— Ахъ!—стремительно перебилъ его Брюске.—Этотъ Пуатвенъ ужасный человѣкъ: высокій, худой, усы крючками и орудуетъ рапирой... Брр... Надо видѣть его по воскресеньямъ, въ фехтовальномъ залѣ; это лучшая шпага въ полку; онъ заткнулъ бы за поясъ покойника Лапуанта, 32 полубригады.

— Чортъ побери! — отозвался дѣдушка. — Надѣюсь, что вы съ нимъ въ ладахъ? У васъ нѣтъ съ нимъ никакихъ счетовъ?

— Боже сохрани! Мнѣ оставалось бы только писать завѣщаніе.

Брюске расхаживалъ взадъ и впередъ по библіотекѣ, и внезапно остановился.

— Надо вамъ сказать, что у этого почтеннѣйшаго господина прелестная дочка: маленькая брюнеточка, черноглазая, съ розовыми губками, талья... ручки... ножки! Словомъ, скажу вамъ,—проговорилъ онъ, чмокнувъ концы своихъ пальцевъ:—настоящій букетъ фіалокъ!

— Вѣрю вамъ,—сказалъ съ улыбкой старикъ.—Да ужъ не влюблены ли вы въ нее, мосье Брюске?

— Влюбиться! Пойдите! Я говорю о ней только какъ артистъ... впрочемъ... если бы обстоятельства... однако, нѣтъ, я тутъ ни при чемъ; дѣло въ моемъ другѣ Пти-Дидье. Мы добрались до самой исторіи. Вотъ вы похохочете. Вообразите себѣ, что третьяго дня, передъ уроками, часовъ въ восемь утра, я зашелъ къ Пти-Дидье. Мы живемъ въ коллежѣ, на одной площадкѣ. Окна наши выходятъ въ садъ, какъ разъ противъ павильона казармы. Пти-Дидье меня не замѣчаетъ. И что же я вижу? Мой повѣса стоитъ у окна и машетъ рукой по направленію павильона, м-мъ Розаліи, дочери фехтовальнаго учителя. Она сидитъ у окошка и скромно штопаетъ свои чулки. Мой Пти-Дидье изъ кожи лѣзетъ, прикладываетъ руку къ сердцу и т. д... Онъ такъ былъ поглощенъ своими телеграфными сигналами, что даже не слышалъ, что я тутъ. Я тогда потихонечку ушелъ на цыпочкахъ, притворилъ за собой дверь и вернулся къ себѣ. Мнѣ въ голову пришла идея... блестящая идея... идея, способная повалить стѣны.. Вотъ увидите, мосье

Лебигръ... Только не прерывайте меня и не смѣйтесь заранѣе, иначе и я заражусь смѣхомъ и не доскажу.

— Ну, разсказывайте дальше,—поощрилъ его дѣдушка, заинтересованный завязкой.—Мы посмѣемся послѣ, это будетъ еще веселѣе.

— Да-съ, пришла мнѣ великолѣпная мысль, геніальная,—продолжалъ Брюске;—хоть сейчасъ садись и пиши водевиль, съ главной ролью для Арналя... объ этомъ я еще подумаю.

— Если придутъ покупатели въ магазинъ, я не услышу конца вашей исторіи,—нетерпѣливо замѣтилъ дѣдъ.

— Сейчасъ доскажу, мосье Лебигръ. Всего два слова: вернувшись къ себѣ, я сѣлъ за конторку и написалъ слѣдующее письмо:

«Господинъ профессоръ Пти-Дидье!

«Уже нѣсколько дней я замѣчаю, какъ вы изъ-за вашихъ занавѣсокъ стараетесь соблазнить мою дочь, дѣлая знаки, какіе можетъ позволить себѣ относительно добродѣтельной дѣвушки только повѣса. Я терпѣлъ, думая, что вы опомнитесь, но такъ какъ вы упорствуете, то и приказываю вамъ прекратить это... или я приду въ училище и проучу васъ при воспитанникахъ.

«Затѣмъ, такъ какъ эта исторія продолжалась черезчуръ долго и лицо ваше мнѣ не нравится, то я не желаю встрѣчаться съ вами ни на улицѣ, ни на плацъ-парадѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣю привычку прогуливаться съ моей дочерью.

«Итакъ, если мы встрѣтимся, то немедленно послѣдуетъ за симъ объясненіе, о которомъ вы долго не забудете. Вы понимаете, что я хочу сказать этимъ, и, конечно, примите свои мѣры.

Пуатвенъ.

Учитель фехтованья и элегантнаго обращенія».

Дѣдушка не могъ воздержаться отъ улыбки, но тетушка Кларисса, только что вошедшая въ комнату и все слышавшая, была въ восторгѣ и хохотала отъ всей души. Она ненавидѣла Пти-Дидье почти наравнѣ съ самимъ Брюске!

— Вотъ такъ хорошо!—воскликнула она.—Ахъ, какая чудесная идея пришла вамъ въ голову!

Брюске, обрадованный успѣхомъ, выкрикивалъ: «кукуреку!» и восклицалъ: «Валяй!»

— Однако,—спросилъ черезъ минуту дѣдушка, — послѣ этого вы видѣлись съ г-номъ Пти-Дидье?

— Еще бы не видѣлся!.. Какъ только прошелъ почтальонъ, я побѣжалъ къ нему, какъ вы, конечно, догадываетесь!.. А у него физіономія... физіономія вытянулась въ аршинъ!—Что съ вами, Дидье?—спрашиваю его.—Вы словно нездоровы?

— Пустяки,—отвѣчаетъ онъ и потихоньку покашливаетъ въ руку;—я дурно спалъ и чувствую себя утомленнымъ.

— Вѣрно выпили вчера лишній стаканъ?

— Нѣтъ... не то... дурное пищевареніе.

— О, понимаю, схватки въ желудкѣ... бурчитъ въ животѣ... это пройдетъ. Посмотрите, какая прелестная погода. У васъ нѣтъ урока послѣ обѣда... надѣньте-ка ваше пальто и пойдемте прогуляться на плацъ-парадъ; тамъ играетъ полковая музыка; прохаживаются дамы. Вы будете дѣлать имъ глазки... хе... хе.. это мигомъ вылѣчитъ васъ, повѣса!.. Да разсмѣйтесь же; вы были такъ веселы всѣ эти дни.

— Нѣтъ, нѣтъ... отстаньте отъ меня,—говоритъ онъ,—мнѣ въ самомъ дѣлѣ что-то нехорошо.

Брюске, разсказывая переполохъ своего пріятеля, принималъ такую комическую интонацію, что тетя Кларисса присѣла бы отъ хохота на полъ, если бы дѣдъ не поторопился подставить ей стула.

— Вотъ такимъ же образомъ этотъ негодяй передразниваетъ и меня съ братомъ,—думала она.—Ахъ, если бы съ нимъ случилась такая же штука, какъ съ тѣмъ,—вотъ была бы благодать-то!

Нѣсколько кліентовъ пришли въ магазинъ, и дѣдушка вышелъ къ нимъ.

— Послушайте, все это должно остаться между нами,— сказалъ учитель рисованія тетѣ Клариссѣ... Надѣюсь, вы не скажете никому.

— Будьте покойны, мосье Брюске, ни я, ни братъ не пикнемъ.

А про себя она думала: ты сейчасъ пойдешь и все разболтаешь самъ въ кофейнѣ; сегодня же вечеромъ узнаетъ весь городъ.

Она проводила Брюскє до порога и слѣдила за нимъ глазами, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно идетъ въ кафэ Лекенъ. Затѣмъ ушла въ свою комнату, присѣла къ небольшому бюро и написала слѣдующее письмо:

«Господину Брюскє, учителю рисованія въ коллежѣ.

Милостивый государь,

Я только что узналъ, что съ цѣлью поднять меня на смѣхъ передъ посѣтителями кафэ Лекена, вы не посовѣстились компрометировать репутацію моей дочери. Я старый солдатъ, господинъ учитель рисованія, и до сихъ поръ никому не позволялъ наступить себѣ на ногу; надѣюсь, что вы не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе на оскорбленіе съ оружіемъ въ рукахъ. Сегодня же будутъ у васъ мои секундапты; вы имъ сообщите имена вашихъ, и мы окончимъ это дѣло, какъ подобаетъ порядочнымъ людямъ; въ противномъ случаѣ я вамъ дамъ пощечину вездѣ, гдѣ буду имѣть удовольствіе васъ встрѣтить.

Пуатвенъ».

Написавъ письмо, сложивъ и запечатавъ его, тетя Кларисса сама побѣжала отдать его на почту и возвратилась сіяющая при мысли, что оно отправлено!

Радость мщенія молодила ее. Она не переставала подкарауливать всѣхъ входящихъ въ коллежъ и выходящихъ изъ него.

Часовъ около четырехъ, увидѣвъ, какъ почталіонъ Латушъ вошелъ въ училище, она сказала себѣ: «Теперь Брюскє читаетъ письмо,—воображаю, какую онъ скорчилъ мину!»

Дѣйствительно, едва Брюскє успѣлъ пробѣжать письмо, какъ съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно. Онъ только что кончилъ урокъ; схватившись за стѣну, онъ проговорилъ, заикаясь:

— Ай... ай... поддержите меня.. Боже, мнѣ дурно!

— Что съ вами?—спросилъ Пти-Дидье, выходившій изъ сосѣдняго класса.

— Со мной?.. Ничего... головокруженіе.

Комкая письмо въ карманѣ, онъ бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Я... драться!.. Онъ пришлетъ мнѣ секундантовъ... бретеръ... рубака по профессіи!.. Благодарю покорно, драться съ такимъ аматеромъ!

Пти-Дидье, слушая его, спрашивалъ себя: «Ужъ не пере-

глядывался ли и онъ съ дѣвочкой черезъ свое окошко? Это меня не удивило бы, онъ на это способенъ... Ну, что же, тѣмъ лучше... по крайней мѣрѣ я не буду одинъ. Мы можемъ играть въ безигъ до вакацій въ моей комнатѣ.

Къ довершенію коварства, тетушка Кларисса, замѣтивъ двухъ пѣхотинцевъ, остановившихся противъ выставки, вѣжливо попросила ихъ пойти къ привратнику коллежа и спросить: «нельзя ли повидать г. Брюске, учителя рисованія».

Солдаты взялись за порученіе и черезъ нѣсколько минутъ вернулись доложить ей, что привратникъ отвѣчалъ, что г. Брюске нельзя видить, что онъ нездоровъ.

— Я знаю, чѣмъ онъ боленъ,—подумала тетушка.—Ахъ, негодяй! Сколько онъ напортилъ мнѣ крови!.. Но каждому своя очередь... теперь ему долго не нужно будетъ принимать слабительнаго.

И ея предположенія были совершенно вѣрны. Бѣдный Брюске, тотчасъ по прочтеніи письма, побѣжалъ предупредить консьержа, что онъ никого не можетъ принимать! Можно представить себѣ его отчаяніе, когда онъ узналъ, что двое военныхъ приходили и спрашивали его. Онъ не сомнѣвался ни минуты, что это были секунданты кровожаднаго Пуатвена, и мысль, что они могутъ вернуться и вторгнуться къ нему насильно, произвела него дѣйствіе бутылки Сейдлицкой воды.

Никогда тетушка Кларисса не была въ такомъ веселомъ настроеніи, какъ въ этотъ день, и дѣдушка, видя, что она прыскаетъ со смѣху одна, увязывая пачки книгъ на конторкѣ, наконецъ, сказалъ ей:

— Желалъ бы я знать, сестра, чему это вы такъ радуетесь сегодня? Навѣрное случилось что-нибудь необыкновенное. Не скажите ли вы мнѣ, въ чемъ дѣло?

Тогда добрая женщина уже не выдержала и разсказала ему всю шутку, сыгранную надъ Брюске, и показала ему черновое письмо.

Онъ очень удивился.

— Отместка хороша, Кларисса... да... но какъ это похоже на нашихъ богомолокъ:—гдѣ же снисходительность, прощеніе обидъ и всѣ христіанскія чувства, которыми вы похваляетесь?

— Ахъ, Господи,—возражала тетушка,—кажется, позволительно посмѣяться немножко надъ тѣми, кто постоянно подни-

маетъ на смѣхъ другихъ. Но такъ какъ вы мнѣ дѣлаете справедливый упрекъ, братецъ, то я скажу на исповѣди и...

— Тогда все будетъ улажено, не такъ ли? — отвѣчалъ ѣдко дѣдушка. — Но это не измѣнитъ того, что вы написали анонимное письмо и что, если дѣло откроется, то ваша хитрость навлечетъ на васъ настоящія непріятности. Вы пишете отъ имени и за подписью г-на Паутвена, котораго вы даже не знаете и...

— Но развѣ Брюске не сдѣлалъ того же!—воскликнула тетушка.—Я только послѣдовала его примѣру...

— Дурнымъ примѣрамъ не слѣдуетъ подражать...

— Но вѣдь это шутка...

— Анонимное письмо, самаго невиннаго содержанія, все-таки останется плохой шуткой... и я надѣюсь, сестра, что вы не оставите этого такъ и предупредите Брюске...

— Ахъ, Лебигръ, что вы только выдумываете!

Слово за слово, споръ между братомъ и сестрой продолжался до ужина. Мой дѣдъ ненавидѣлъ анонимныя письма, и вдобавокъ онъ никогда не пропускалъ случая покритиковать поведенія святошъ, желающихъ служить примѣромъ для другихъ, и не щадилъ бѣдную тетушку, защищавшуюся, по выраженію древнихъ, «unguibus et rostro».

Въ этотъ вечеръ, часовъ въ восемь, въ концѣ ужина, старички еще вели свой споръ на ту же тему, когда раздался звонокъ магазина. И въ тотъ же моментъ за стекломъ двери показалось длинное, блѣдное лицо. То былъ Брюске, но безъ своей остроконечной шапки, безъ венгерки, въ простой сѣрой блузѣ...

Онъ переридился, чтобы не быть узнаннымъ при лунномъ свѣтѣ страшнымъ Пуатвеномъ.

Дѣдушка имѣлъ намѣреніе предупредить учителя рисованія, что все это была мистификація; но при видѣ этого блѣднаго растеряннаго лица, разинутаго рта и круглыхъ испуганныхъ глазъ онъ сказалъ себѣ: «Это не мужчина, а Піерро, вылѣзшій изъ мучного мѣшка». И у него естественно явилась мысль подурачить немножко того, кто такъ долго издѣвался надъ нимъ.

Когда Брюске робко отворилъ дверь, дѣдъ, притворяясь, что не узнаетъ его, вытаращилъ глаза.

— Какъ! Это вы, мосье Брюске?—воскликнулъ онъ. — Господи, да что же случилось!.. Отчего вы такъ блѣдны?

Брюске прокашлялся три раза, раньше чѣмъ собрался отвѣчать. Затѣмъ, вынувъ письмо изъ кармана, проговорилъ:

— Прочтите, мосье Лебигръ, прочтите это!

Дѣдушка читалъ громко, озадаченнымъ тономъ и безпрестанно прерывалъ чтеніе восклицаніями:

— Такъ вы объ этомъ разболтали въ кафэ Лскенъ?.. А насъ-то уговаривали молчать... какая неосторожность! Боже мой, какая неосторожность!

— Что прикажете дѣлать!..—охалъ бѣдный малый.—Дурачество! Шутка... ради смѣха!.. Что дѣлать?.. Я не думалъ, что пойдутъ благовѣстить объ этомъ въ казармахъ.

— Ахъ, молодость... молодость,—бормоталъ старикъ, качая головой.—Въ какое положеніе вы себя поставили, мой милый мосье Брюске! По тону этого письма ясно, что Пуатвенъ не пощадитъ васъ; онъ положительно рѣшился проколоть васъ насквозь... Да вы то, по крайней мѣрѣ, сильны-ли на шпагахъ?

— Есть кое-какія понятія о фехтованіи, но...

— Не деритесь, мосье Брюске,—восклицала тетушка, сложивъ руки, — не деритесь!

Онъ даже выпрямился отъ негодованія, что могутъ заподозрить его въ намѣреніи драться.

— Чтобы я пошелъ драться!—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Помилуйте!.. Драться съ такимъ бретеромъ... съ человѣкомъ, уложившимъ съ полдюжины противнковъ!.. Чтобы я сталъ съ нимъ драться... Нѣтъ объ этомъ я и не думалъ ни минуты.

— Однакоже,—сказалъ дѣдушка, еле перессиливая смѣхъ,— вина на вашей сторнѣ, и вы принуждены или принять дуэль, или подвергнуться тому, что онъ вамъ сулитъ.

— Мнѣ все равно!.. Я позову на помощь,—сказалъ Брюске;—никто не допуститъ избить учителя коллежа... и... который вдобавокъ готовъ признать себя виноватымъ... О! Безъ сомнѣнія, я очень виноватъ, я въ этомъ готовъ признаться громко... въ кофейнѣ, при всѣхъ, если онъ этого потребуетъ.

— Конечно, конечно,—сказалъ дѣдушка растроганнымъ тономъ. — Это очень хорошо съ вашей стороны, мосье Брюске, и доказываетъ ваше смиреніе; я это одобряю... Но найдутся люди!..

— Плевать мнѣ на то, что скажутъ! — воскликнулъ г-нъ

Брюске.—Я добрый малый... люблю отъ времени до времени посмѣяться, но у меня нѣтъ желчи... Во мнѣ желчи не болѣе, чѣмъ въ цыпленкѣ, и я равнодушенъ къ чужому мнѣнію. Я ставлю себѣ въ честь сознавать мои ошибки.

— Да; но быть можетъ Пуатвенъ не удовлетворится этимъ; онъ можетъ быть предпочтетъ надавать вамъ пощечинъ... вы знаете... есть такіе странные характеры.

— На мѣстѣ мосье Брюске,—сказала тетя Кларисса,—я предпочла бы все дуэли.

— О, я такъ и рѣшился поступить,—отозвался учитель рисованія,—у меня всегда было установленное мнѣніе насчетъ дуэли... Это мерзость!

Послѣдовало молчаніе.

— А вашъ товарищъ, Пти-Дидье,—спросилъ дѣдушка,—что онъ говоритъ относительно всего этого?

— Онъ ни о чемъ не догадывается.

— Знаете ли, мосье Брюске, что когда онъ узнаетъ, какъ вы его одурачили, то, пожалуй, потребуетъ отъ васъ удовлетворенія?

— Онъ? Нѣтъ, у него тѣ же принципы, какъ у меня; ему никогда не придетъ въ голову драться. Ахъ, если бы только дѣло шло о немъ, я былъ бы спокоенъ. Но что теперь дѣлать? Какъ попасть въ кафэ Лекенъ и подышать немного воздухомъ?.. Нельзя же сидѣть взаперти цѣлыми недѣлями, нужно подышать воздухомъ!

— Ну, вы будете гулять ночью, послѣ зари,—утѣшалъ дѣдъ. — Вы знаете, что послѣ зари всѣ казармы запираются. Вамъ можно будетъ отъ восьми до десяти часовъ проводить время у Трипотена, въ офицерскомъ кружкѣ, и забавлять компанію вашимъ талантомъ чревовѣщанія.

— Ахъ, у меня пропала всякая охота дурачиться; между нами будь сказано, это проклятое приключеніе подрѣзало мнѣ крылья. Будетъ съ меня аплодисментовъ; я стану просить о переводѣ меня въ другой городъ.

— А вашъ пріятель, Пти-Дидье?

— У него тѣ же намѣренія; онъ уже сообщалъ мнѣ это вчера вечеромъ, не догадываясь о моемъ положеніи... Скоро наступятъ вакаціи... Положимъ, что придется ждать шесть мѣсяцевъ, даже годъ, прежде чѣмъ найдутся замѣстители... что же,

подождуть! Всѣ эти гарнизонные города не особенно привлекательны,—они прiѣдаются. Я положительно рѣшился уѣхать.

— Какъ, — сказала тетя Кларисса, — вы хотите лишить насъ вашихъ талантовъ? О васъ будутъ очень сожалѣть, мосье Брюске. Кто же будетъ смѣшить, какъ вы уѣдете?

— Это до меня не касается. Лишь бы вакацiи наступали скорѣе!.. А то сидѣть еще шесть недѣль въ четырехъ стѣнахъ, не смѣть показать носа на улицу!..

— О, это ужасно скучно!—сказала добрая старушка.—Это очень тяжело для молодыхъ людей. Но вы хорошо дѣлаете, что не выходите изъ дома, иначе Пуатвенъ могъ бы васъ встрѣтить и...

— Я уѣду,—внезапно прервалъ ее Брюске, догадываясь по лукавому виду тети Клариссы, что она въ душѣ радовалась его бѣдѣ. — Я уѣду... это рѣшено.

Онъ ежеминутно оглядывался на стеклянную дверь магазина, тускло освѣщенную уличнымъ фонаремъ. Свѣтъ безпокоилъ его.

— Въ это время къ вамъ уже не ходятъ покупатели?

— Случается, что и заходятъ.

— Мнѣ пора домой. Вы позволяете, мосье Лебигръ, заходить къ вамъ иногда поболтать на минуточку... для развлеченiя. Вы живете близко отъ коллежа, и опасности непрiятныхъ встрѣчъ тутъ меньше... понимаете?

— О да, да, приходите... приходите вмѣстѣ съ г-номъ Пти-Дидье; приглашаю васъ даже каждый день пить со мной кофе, послѣ ужина.

— Вы не злопамятны, мосье Лебигръ.

— Не злопамятенъ? Да за что же мнѣ сердиться на васъ?

— Я боялся... что за мои шутки у Трипотена... вы могли бы...

— Ха, ха, ха! Милый мосье Брюске, будьте спокойны! Вы хорошо дѣлали, что смѣялись,—это дѣло молодое. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, я не сержусь.

Онъ проводилъ несчастнаго молодого человѣка черезъ магазинъ до крыльца и, озираясь по сторонамъ, озабоченно проговорилъ:

— Никого!.. Никого не видать!.. Можете идти... Прощайте, мужайтесь и счастливаго пути!

Брюске пустился бѣгомъ къ коллежу, гдѣ чуть не оборвалъ звонка, такъ не терпѣлось ему поскорѣе укрыться за дверью.

— Ахъ, какъ онъ труситъ!—говорилъ себѣ дѣдушка, глядя на него издали.—Задали же ему страха!

Наконецъ, швейцаръ коллежа зажегъ фонарь и, посмотрѣвъ изъ своей караулки, кто такъ трезвонитъ, отперъ дверь, и Брюске однимъ прыжкомъ очутился въ прихожей.

Тетя Кларисса, стоя за спиною дѣдушки, заливалась смѣхомъ.

На часахъ меріи пробило десять. Старички пошли спать. Въ послѣдующіе дни весь городъ Сенъ-Сюзанъ, не видя ни Брюске, ни друга его, Пти-Дидье, задавалъ себѣ вопросъ, что съ ними случилось? Скоро узнали отъ Бриньолана, директора коллежа, что они хлопочутъ о переводѣ, и каждый ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, что могло побудить ихъ къ такому рѣшенію, послѣ того какъ всѣ носили ихъ на рукахъ, и они могли считать себя необходимыми во всѣхъ увеселеніямъ.

Тѣмъ временемъ тетушка Кларисса не могла удержаться, чтобы не разсказать тремъ или четыремъ сосѣдямъ, какую славную штуку она сыграла надъ провинціальнымъ Кабріономъ. Вскорѣ слухъ этотъ распространился, и всѣ жертвы карикатуристовъ города вздохнули.

— Вотъ такъ чудесная штука,—говорили они, встрѣчаясь на прогулкѣ.—Хе, хе, хе! Вотъ каковы нынѣшніе храбрецы! Пусть только покажутся теперь... имъ приготовятъ встрѣчу.

Неразлучные, сидя взаперти въ коллежѣ, какъ кролики въ своей норѣ, и только по вечерамъ забѣгавшіе въ книжный магазинъ, не догадывались еще ни о чемъ.

Однажды вечеромъ они, по обыкновенію, пришли къ дѣдушкѣ напиться кофе и объявили ему, что получили повѣстки о своемъ переводѣ. Добрый старикъ расчувствовался и спросилъ:

— Сколько дней остается вамъ провести съ нами до вакацій?

— Еще недѣли двѣ,—отвѣтилъ Пти-Дидье.

— Видите ли, друзья мои,—сказалъ онъ,—меня стала бы мучить совѣсть, если бы я еще допустилъ васъ сидѣть взаперти; пора прекратить арестъ. Выходите безъ боязни, вернитесь къ старымъ привычкамъ, я вамъ это разрѣшаю.

— А какъ же фехтовальный учитель... маркитантъ-то?—удивился Брюске.—Вы забыли про него, мосье Лебигръ?

— Будьте спокойны... будьте спокойны, говорятъ вамъ.

— Кларисса,—сказалъ онъ, обращаясь къ своей сестрѣ,—дайте сюда черновую письма... оно въ третьемъ ящикѣ конторки. Нашли?

— Вотъ оно.

— Хорошо! Хотите я прочту ее вамъ, мосье Брюске?—Старикъ смѣялся и, видя, что учитель рисованія начинаетъ догадываться, что попался на какую-то мистификацію, онъ подалъ ему листокъ.—Возьмите, читайте сами. Это Кларисса отомстила вамъ.

Лицо Брюске вытягивалось по мѣрѣ чтенія.

— Слѣдовательно, г-нъ Пуатвенъ ничего не знаетъ?—пробормоталъ онъ.

— Онъ ровно ничего не знаетъ. Это одна Кларисса нанесла вамъ такой ударъ... признайтесь, что она не промахъ.

— Ахъ,—воскликнулъ добрый малый,—это все же лучше, чѣмъ ударъ шпаги. Но и онъ очень чувствителенъ... во всякомъ случаѣ это жестоко.

Пти-Дидье все еще ничего не понималъ. Онъ смотрѣлъ и слушалъ, недоумѣвая, когда дѣдушка двумя словами разъяснилъ ему, что и онъ былъ жертвой обмана.

Услыхавъ эту новость, онъ хотѣлъ было разсердиться, но Брюске расхорохорился какъ пѣтухъ, завопилъ, что это шутка, и что онъ готовъ за нее отвѣчать, если пріятель обидѣлся.

Пти-Дидье при видѣ такого воинственнаго задора тотчасъ притихъ и даже весело помирился со своей судьбой.

— Не будемте говорить объ этомъ,—сказалъ онъ;—вы меня одурачили, мадемуазель Кларисса отомстила за меня... Это перекрестный огонь мистификацій. Главное въ этомъ дѣлѣ то, что мы можемъ спокойно показаться на улицѣ. Вы ручаетесь за это, мосье Лебигръ? Это уже не мистификація, не правда ли? На этотъ разъ шутка была бы злая.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь... Ступайте въ кафэ... идите куда угодно... Пуатвенъ никогда не злоумышлялъ противъ васъ... даю вамъ честное слово.

— Въ такомъ случаѣ обнимемтесь, — сказалъ Пти-Дидье,

вспомнивъ при этомъ Шекспира: «все хорошо, что хорошо кончается».

Всѣ обнялись.

Дѣдушка и даже тетушка Кларисса получили долю братскихъ поцѣлуевъ. Затѣмъ оба молодца ушли очень довольные.

На слѣдующій день они попытались занять прежнюю позицію за офицерскимъ табль д'отомъ, но замѣтили, что не они уже смѣшили другихъ насчетъ ближнихъ, а что сами были предметомъ насмѣшекъ, и время до вакацій показалось имъ очень долгимъ.

Наконецъ, они отправились щеголять своими талантами въ другія мѣста, къ великой радости жителей Сенъ-Сюзана, гдѣ все вошло въ обычную колею.

IV.

Въ этомъ году я получилъ бакалаврскій дипломъ и до отъѣзда въ Парижъ, куда я долженъ былъ отправиться изучать право, поселился на вакаціи у дѣдушки.

Мнѣ дали комнату надъ книжнымъ магазиномъ. Окна мои выходили на маленькую площадь акацій, и воробьи будили меня рано утромъ, гоняясь другъ за другомъ въ вѣтвяхъ деревьевъ.

Я читалъ, мечталъ и составлялъ планы будущихъ занятій. Дѣдушка отпиралъ магазинъ въ шесть часовъ утра; завтракъ подавался въ одиннадцать; обѣдали мы въ семь; а вечеромъ болтали, читали газеты и разсуждали о событіяхъ дня.

Въ ту эпоху преподобные патеры іезуиты требовали свободы преподаванія, во имя хартіи, и дѣдушка, волтеріанецъ въ душѣ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ черныя рясы снова выступаютъ въ походъ!—восклицалъ онъ.—Они погубили Карла X закономъ о святотатствѣ, правомъ первородства, миссіонерствами въ странѣ и проч., а все-таки кое-что у нихъ осталось. Какъ ни говори Дюпенъ: «они захватили,—у нихъ отняли; захватятъ еще,—у нихъ опять отнимутъ», а все же, чтобы отнять у нихъ оптомъ то, что они загребли по мелочамъ, приходится всякій разъ дѣлать революцію. Люди, сражающіеся противъ нихъ, умираютъ, а орденъ ихъ остается цѣлъ. Съ 1830 г. считали ихъ мертвыми, а между тѣмъ они смѣло поднимаются и требуютъ себѣ свободы у насъ.

Они, злѣйшіе враги всякой свободы, хотятъ теперь свободы подкапываться подо все и все разрушать. И осмѣливаются еще заявлять свои требованія отъ имени хартіи! Ну, видано ли гдѣ-нибудь что-либо подобное? Хартія написана для французовъ, а этотъ народъ — итальянцы, ультрамонтаны... Они хотятъ эксплуатировать насъ въ интересахъ чужой державы. Что сказали бы англичане, нѣмцы, или русскіе, если бы мы, французы, пришли требовать у нихъ, на основаніи ихъ законодательства, права основать у нихъ школы, лицеи и университеты для того, чтобы учить ихъ дѣтей, что глава ихъ націй французскій король? Они расхохотались бы намъ подъ носъ и живо выпроводили бы вонъ. И были бы совершенно правы. Развѣ хартія написана для іезуитовъ? Развѣ она не дана наперекоръ имъ и противъ нихъ? Развѣ для того, чтобы утвердить ее, не пришлось свергнуть короля и ихъ властъ? И они смѣютъ послѣ этого ссылаться на Римъ? Или онъ считаетъ, что мы глупѣе его? Развѣ всякій не хозяинъ у себя дома?.. Ахъ, гнусное отродье!.. Какое несчастіе для Франціи, что эта стая такъ упорно точитъ на нее зубы... Можно было бы подумать, что мы законная ея добыча? Да, они цѣпляются намъ за ноги, какъ утопленники, говоря: «спаси насъ, или тони съ нами!»

Такъ негодовалъ дѣдъ.

— Если Людовикъ-Филиппъ,—закончилъ онъ,—согласится на это, онъ погибшій человѣкъ. Это все равно, какъ если бы я позволилъ крысамъ придти грызть мои книги и вить гнѣзда въ моихъ шкапахъ. Они скоро выжили бы меня самого!

— Но неужели, дѣдушка, — говорилъ я, — вы такъ убѣждены, что Іисусово братство такъ опасно?

— Еще бы не убѣжденъ!—восклицалъ онъ.—Это самое страшное тайное общество въ мірѣ; эта ассоціація не столько религіозная, какъ политическая, организованная по одному плану съ древнимъ орденомъ Тампліеровъ. Тампліеры желали основать во Франціи военную теократію, іезуиты хотятъ учредить—политическую. Ихъ справедливо упрекаютъ въ одинаковомъ честолюбіи и въ одинаковыхъ преступленіяхъ. Тампліеры, своей гордостью, своими богатствами, сложившимися изъ гигантскихъ пожертвованій и территоріальныхъ имуществъ, пріоратовъ, командорствъ, своей извращенной нравственностью и моралью глубоко потрясли государство въ двѣнадцатомъ, три-

надцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ. И нужна была вся энергія Филиппа Красиваго, чтобы уничтожить ихъ. Арестовавъ ихъ всѣхъ разомъ, онъ спасъ цивилизацію и христіанство. И вотъ на смѣну явились іезуиты, вооруженные удвоенной хитростью и опытомъ предшественниковъ. Игнатій Лойола не могъ не знать ихъ статутовъ. Онъ заимствовалъ изъ нихъ пресловутыя упражненія и дисциплину, характеръ которой очевидно военнаго происхожденія. Общество холостяковъ, куда не принимаютъ ни дураковъ, ни безпокойныхъ людей, способныхъ нарушить спокойствіе ордена, общество, гдѣ всѣ члены наблюдаютъ другъ за другомъ, отъ генерала до солдата, гдѣ всякое дѣйствіе совершается не иначе, какъ по предписанію, преднамѣренно изготовляемому въ тайнѣ; куда допускаются члены только послѣ продолжительнаго искуса; корпорація, находящаяся внѣ правительственнаго контроля, образующая государство въ государствѣ, имѣющая свои учрежденія, свою полицію, свои цѣли и живущая на средства страны,—такая ассоціація опасна. Ей мы обязаны всѣми религіозными войнами при старомъ режимѣ, и одинъ Богъ знаетъ, что она готовитъ намъ въ будущемъ. Что имъ значитъ погубить Францію, лишь бы восторжествовало іезуитство! Въ настоящее время цѣль іезуитовъ — захватить въ свои руки общественное образованіе. Черезъ одно, или два поколѣнія, воспитанные подъ ихъ руководствомъ, они будутъ господствовать надъ умами. Они будутъ править матеріей, т. е. всѣмъ, что можно осязать,—продолжалъ дѣдушка, потирая между пальцами монету,—что звенитъ и что доступно слуху, вкусу и обонянію. Ты понимаешь, Люсьенъ,—умъ господствуетъ надъ всѣмъ. Поэтому-то святые отцы такъ страстно и стоятъ за спиритуализмъ. Имъ хотѣлось бы сдѣлаться единственными его хранителями, они ревниво присвоиваютъ себѣ эту миссію. Ихъ смертельный врагъ—университетъ, потому что университетъ не признаетъ за ними монополіи спиритуализма; онъ тоже провозглашаетъ себя послѣдователемъ спиритуализма, основаннаго на разумѣ, наукѣ и философскомъ образованіи. Святые отцы, не имѣя возможности уязвить его съ этой стороны, увѣряютъ, что разумъ, наука и философія ничто, что нужна вѣра, вѣра исходящая свыше и основанная на откровеніи; а откровеніе они считаютъ собственнымъ своимъ достояніемъ, такъ какъ преемникъ апостола Петра, т. е. папа, поста-

вилъ ихъ хранителями его. Они ежедневно нападаютъ на главныхъ дѣятелей университета: Кузена, Жоффруа и Дамирона, обвиняютъ ихъ въ пантеизмѣ, атеизмѣ, матеріализмѣ, вопреки очевидности и не представляя никакихъ доказательствъ. Тщетно защищаются члены университета; святые отцы кричатъ имъ: «Вы матеріалисты—вы пантеисты»! Ахъ, если бы іезуитамъ удалось убѣдить всѣхъ, что одни они учатъ вѣровать въ Бога и въ безсмертіе души, дѣло ихъ было бы выиграно. Такъ какъ никакое правительство не можетъ прокормить цѣлаго народа; такъ какъ бываютъ войны, болѣзни, неурожаи и вдобавокъ безчисленныя личныя несчастья, которыхъ ни избѣжать, ни облегчить нельзя, то единственное утѣшеніе несчастныхъ—надежда на лучшее будущее, хотя бы за гробомъ; и если бы только святые отцы раздавали благостыню, именуемую вѣрой въ «вѣчную жизнь», то рано или поздно, благодаря развитію пауперизма, три четверти человѣчества попали бы въ ихъ сѣти. Вотъ суть всей исторіи. Самое печальное въ этомъ то, что политика этихъ господъ всѣмъ уже теперь извѣстна: ихъ алчность и безграничное честолюбіе, отсутствіе совѣстливости и ихъ явный матеріализмъ породили въ массахъ общее безвѣріе. О предметахъ судятъ по людямъ, которые ихъ проповѣдуютъ; примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе словъ и послѣдній крестьянинъ повторяетъ теперь, подмигивая другому и считая себя неглупѣе самихъ миссіонеровъ: «Слѣдуй моимъ совѣтамъ, а не гляди на мой примѣръ»!

— Однако же, дѣдушка,—замѣчалъ я,—свобода великая вещь, и мнѣ кажется, что іезуиты правы, требуя свободы преподаванія. Не всѣ же они итальянцы. Ламенэ и Лакордеръ стоятъ за ту же свободу, развѣ ты ихъ причисляешь къ іезуитамъ?

— Ламенэ, — улыбаясь, говорилъ дѣдушка, — Ламенэ въ 1825 г. въ своей книгѣ: «Tradition de l'Eglise sur l'Institution des Evêques» (Традиціи Церкви о епископскомъ чинѣ) ожесточенно нападалъ на галликанскіе принципы и отрицалъ авторитетъ націи и короля во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Въ его «Опытѣ объ индифферентизмѣ въ вопросахъ религіи» онъ отрицалъ авторитетъ личнаго разсудка и допускалъ только авторитетъ церкви. Самыя запальчивыя статьи въ «Drapeau Blanc» и

«Quotidienne contre la libre discussion» написаны имъ; онъ требовалъ подавленія до послѣднихъ предѣловъ. Книга его «Религія съ точки зрѣнія политики» уничтожила декларацію галликанскаго духовенства 1682 г. Въ то время Ламенэ былъ самымъ ярымъ противникомъ свободы. Но вотъ наступилъ 1830 годъ. Народъ одержалъ верхъ, и Ламенэ внезапно обратился въ либерала. Онъ основываетъ «l'Avenir» вмѣстѣ съ Монталамберомъ и Лакордэромъ. Эти милые люди берутъ девизомъ: Богъ и свобода, папа и народъ! Они хотятъ взволновать массы и поднять ихъ противъ общества, а затѣмъ выдвинуть католическую, апостольскую и римскую религію, какъ единственное средство возстановить спокойствіе и выйти изъ хаоса. Они доводятъ свой энтузіазмъ до требованія немедленнаго отдѣленія свѣтской власти отъ духовной. Но вдругъ стопъ!.. Григорій XVI, дорожившій свѣтской властью, громогласно отвергаетъ ихъ и ихъ теоріи. Въ пресловутой энцикликѣ 1832 г. онъ провозглашаетъ всѣ идеи возрожденія церкви нелѣпыми, свободу совѣсти — безуміемъ, свободу печати — мерзостью, подчиненіе власти — заповѣдью религіи. Трое товарищей летятъ въ Римъ уговаривать папу; но Григорій XVI остается непреклоннымъ и стоитъ за свѣтскую власть. Монталамберъ и Лакордеръ падаютъ ницъ, сознаютъ себя виновными и бьютъ себя въ грудь. Но Ламенэ, взбѣшенный, что его великій планъ не признанъ тѣми, кто долженъ былъ воспользоваться всѣми его результатами, обращается противъ церкви и монархіи; онъ пишетъ «Современное Рабство», «Слова вѣрующаго» и «Страну и Правительство». Противъ него начинается судебное преслѣдованіе и постановляется приговоръ. Онъ пишетъ «Голосъ изъ темницы».

— Что же, дѣдушка, онъ былъ правъ; всегда правъ тотъ, кто протестуетъ противъ несправедливости.

— Безъ сомнѣнія, Люсьенъ, всегда похвально бороться противъ ига, удручающаго насъ. Я уважаю Ламенэ гораздо болѣе его сотоварищей, Монталамбера и Лакордера, стукающихъ лбами о ступени собора св. Петра въ Римѣ; онъ выказалъ характеръ, но не пади Карлъ X, Ламенэ продолжалъ бы бороться противъ свободы, противъ разума и здраваго смысла, какъ онъ это дѣлалъ ранѣе; онъ продолжалъ бы восхвалять деспотическую власть, подчиненную одному св. Престолу. Папа благословилъ бы его и быть можетъ сдѣлалъ бы его кардиналомъ:

онъ заслуживалъ этого. Только побѣда народа, матеріальный фактъ, а не чувство права заставила его перемѣнить мнѣніе. Одержи побѣду швейцарская армія, Монталамберъ, Лакордэръ и Ламенэ были бы съ ней. Съ католической точки зрѣнія Ламенэ послѣ пораженія своей партіи просто перебѣжчикъ въ непріятельскій лагерь, между тѣмъ какъ двое остальныхъ возвратились въ свои ряды и подчинились дисциплинѣ. Въ ихъ глазахъ Ламенэ —измѣнникъ. Впрочемъ. такъ будетъ всегда. Іезуиты, добровльные и прочіе, воюютъ якобы за торжество св. Престола. Когда они дѣйствуютъ успѣшно, тогда все прекрасно: ихъ одобряютъ, повышаютъ; когда ихъ постигаетъ неудача, ихъ обвиняютъ, совершенно также какъ дѣлалъ Бонапартъ: онъ пожиналъ побѣды и сваливалъ пораженія на своихъ генераловъ, грозя имъ вдобавокъ разстрѣляніемъ. Эта теорія успѣха—матеріализмъ. Удача—единственное правило въ политикѣ. Что касается меня, Люсьенъ, то я считаю достойными уваженія только нашихъ простыхъ кюрэ, нашихъ добрыхъ приходскихъ священниковъ, исполняющихъ свои обязанности безъ шума и кичливости и не вмѣшивающихся въ политику... Они настоящіе ученики Христа, говорившаго: «Царство мое не отъ міра сего» всѣ же остальные, стремящіеся къ наслажденіямъ властью, почестями и богатствомъ «для вящшей славы Господней», по моему іезуиты. Даже и тогда, когда они не члены братства, то достойны стать въ его ряды. По крайней мѣрѣ, при такомъ воззрѣніи, я увѣренъ, что не ошибаюсь.

Дѣдушка, просматривавшій всѣ книги, прошедшія въ теченіе сорока лѣтъ черезъ его магазинъ, цитировалъ всѣ заглавія и время ихъ изданія съ такой безошибочной вѣрностью. что приводилъ меня въ изумленіе.

V.

Во время этихъ каникулъ случилось одно необыкновенное происшествіе.

Уже нѣсколько дней какъ въ Сенъ-Сюзанѣ происходилъ сборъ на проповѣдь христіанства среди невѣрныхъ.

Спеціально по этому дѣлу пріѣхалъ изъ Св. земли монахъ-кармелитъ. Онъ остановился въ церковномъ домѣ и то въ сопро-

вожденіи кюрэ Бланшара, то кого нибудь изъ его викаріевъ, обходилъ дома набожныхъ прихожанъ.

Мы не ожидали его къ себѣ, когда однажды утромъ онъ появился на порогѣ магазина, вмѣстѣ съ кюрэ, заставъ тамъ дѣдушку и тетю Клариссу съ нѣсколькими покупщиками.

Я стоялъ въ дверяхъ смежной комнаты и смотрѣлъ на улицу, когда этотъ монахъ, въ бѣломъ сермяжномъ хитонѣ, съ лысой головой, длинной сѣдой бородой, спускавшейся до пояса, и орлинымъ носомъ, поднялся по ступенькамъ магазина. Вслѣдъ за нимъ вошелъ кюрэ Бланшаръ.

Онъ показался мнѣ очень старымъ и я глядѣлъ на него съ уваженіемъ, думая о далекомъ путешествіи, которое ему пришлось совершить для выполненія благочестивой миссіи, потому то я былъ крайне удивленъ, когда дѣдушка, судорожно выпрямившись за прилавкомъ, устремилъ на него свои черные глаза съ выраженіемъ глубокаго изумленія.

Монаха тоже передернуло при взглядѣ на дѣда и щеки его замѣтно поблѣднѣли.

Бланшаръ разговаривалъ съ тетушкой Клариссой въ сторонкѣ, и не замѣчая ничего, улыбался; я одинъ наблюдалъ эту странную сцену.

Вдругъ старый монахъ и дѣдъ, не говоря ни слова, съ живостью двухъ молодыхъ людей, юркнули въ кабинетъ для чтенія.

Я взобрался на библіотечную лѣстницу; они сначала не замѣтили моего присутствія и дѣдушка сухо сказалъ гостю:

— Это вы... вы, господинъ Казенавъ, васъ-ли я вижу здѣсь? Вы осмѣлились являться ко мнѣ? Вы развѣ забыли, что было между нами?

— Видите ли,—загнусилъ старый монахъ, выговаривая слова съ иностраннымъ акцентомъ,—я полагалъ что вы давно умерли.

— И я думалъ, что вы давно провалились въ преисподнюю!—возразилъ дѣдъ.

— Это одно и то же, — замѣтилъ монахъ равнодушно.

— Но чего вы отъ меня хотите?

— Ничего, случай и вашъ кюрэ привели меня сюда... Считайте, что этого визита не было.

— Пусть будетъ по вашему,—отвѣтилъ дѣдъ, замѣтивъ мое присутствіе въ библіотекѣ.

Разговоръ прекратился, такъ какъ въ то же мгновеніе вошелъ кюрэ.

— Ну, отецъ Іоаннъ-Баптистъ, — проговорилъ добродушно улыбаясь старый кюрэ, — наше краснорѣчіе и труды будутъ здѣсь потрачены даромъ, предупреждаю васъ; мы имѣемъ дѣло съ неисправимымъ вольтеріанцемъ, совершенно не интересующимся обращеніемъ невѣрныхъ.

Тогда дѣдушка, принявъ свой обыкновенный, привѣтливый видъ, сказалъ:

— Мосье Бланшаръ, вы ошибаетесь; такъ какъ вопросъ заключается въ обращеніи невѣрныхъ, то я предлагаю вамъ обратить меня... я былъ бы очень радъ.

— Ахъ, — пояснилъ кюрэ, — мы хлопочемъ объ обращеніи невѣрныхъ въ Азіи.

— Это другое дѣло, — отозвался дѣдъ, — но когда дойдетъ очередь до обращенія невѣрныхъ въ Европѣ, приходите ко мнѣ.

Такъ какъ они были одни,—кюрэ не замѣтилъ моего присутствія на лѣстницѣ, — то онъ разсмѣялся и затѣмъ они ушли.

— Мы зайдемъ въ другой разъ,—говорилъ монахъ,—зайдемъ въ другой разъ, въ настоящую минуту господинъ книгопродавецъ занятъ... ему не до насъ.

Дверь заперлась за ними; я спустился съ лѣстницы, ломая себѣ голову, какимъ образомъ дѣдушка, жившій столько лѣтъ въ Сенъ-Сюзанѣ, могъ знать этого монаха съ Кармельской горы? Много лѣтъ должно быть прошло со времени ихъ встрѣчи, такъ какъ они оба считали другъ друга умершими.

Меня удивлялъ также фамильярный тонъ ихъ разговора.

Прошелъ весь день, но дѣдушка не заговаривалъ со мной о монахѣ. Онъ былъ задумчивъ и не дѣлалъ обыкновенныхъ своихъ замѣчаній на счетъ публики, приходившей въ магазинъ.

Вечеромъ часовъ въ девять, послѣ ужина, когда тетушка Кларисса, убравъ скатерть со стола, ушла къ себѣ, дѣдушка отложилъ въ сторону газету и обратился ко мнѣ.

— Случай привелъ тебя быть свидѣтелемъ моего гнѣва при

видѣ монаха, приходившаго сегодня утромъ,—сказалъ онъ:— это величайшій мошенникъ, какого я встрѣчалъ въ жизни.

Послѣ этого вступленія, подстрекнувшаго мое любопытство, дѣдушка, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Здѣсь, въ этой самой комнатѣ, въ 1804 г., сорокъ лѣтъ тому назадъ, происходила сцена, которую я собираюсь разсказать тебѣ. Библіотека еще не была основана, она образовалась позднѣе. Здѣсь была моя переплетная мастерская, и вотъ въ этомъ углу, у камина, стоялъ небольшой таганчикъ, на которомъ я варилъ клей и обѣдъ.

Я былъ одинъ. Твоя бабушка, ожидавшая рожденія второго ребенка, находилась въ Рибовиллье, у своихъ родныхъ.

Въ работѣ недостатка не было. Новый кодексъ былъ только что изданъ, муниципалитетъ поручилъ мнѣ переплесть старые документы гражданскихъ записей, представлявшихъ по большей части отдѣльные листы, такъ что приходилось приводить ихъ въ порядокъ по числамъ.

Кромѣ того, коллежъ былъ только что основанъ, и я продавалъ лексиконы, учебники и канцелярскія принадлежности ученикамъ. Торговля шла хорошо. Надъ магазиномъ жилъ Борухъ Леви, продавшій мнѣ домъ, выговоривъ себѣ на пять лѣтъ право занимать верхній этажъ. Я только что уплатилъ второй взносъ за покупку дома, и такъ какъ остальные взносы были разсрочены по годамъ, то я былъ спокоенъ, зная, что буду въ состояніи разсчитаться аккуратно.

Въ это время мосье Лето, конституціонный священникъ, возвратившійся въ церковный домъ послѣ подписанія конкордата, привелъ ко мнѣ одного изъ своихъ собратьевъ, высокаго, худощаваго человѣка, съ энергичнымъ лицомъ. По акценту, въ немъ сейчасъ можно было узнать итальянца, но онъ свободно говорилъ по-французски.

Кюре представилъ мнѣ иностранца въ качествѣ кліента, которому можно оказать кредитъ.

Такимъ образомъ я познакомился съ Казнавомъ. Онъ приходилъ ко мнѣ часто. Я разсказывалъ ему о моемъ походѣ, подъ начальствомъ Лекурба, въ Вальтелину и не скрывалъ, что увольненіе генераловъ рейнской арміи, послѣ 78 брюмера, казалось мнѣ вопіющей несправедливостью.

Онъ обыкновенно расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пока я работалъ, ругалъ перваго консула, находя его плохимъ республиканцемъ, несмотря на то, что тотъ былъ прежде якобинцемъ и другомъ Робеспьера младшаго. И въ этомъ онъ безспорно былъ правъ.

Казенавъ жалѣлъ Кая Гракха Бабефа и его друга Буонаротти, говорилъ, что природа дала всѣмъ равные права на землю и что нужно возстановить это право, во что бы то ни стало. Говорилъ, что французскій народъ долженъ быть объявленъ единственнымъ собственникомъ національной территоріи, трудъ каждаго регламентированъ закономъ на условіяхъ полнаго равенства, безъ всякихъ исключеній; что правительственная власть должна быть вручена избраннымъ начальникамъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать сохраненіе и распредѣленіе продуктовъ, движеніе торговли, промышленности и земледѣлія, безъ малѣйшаго попеченія о развитіи наукъ и искусствъ, способствующихъ, какъ онъ говорилъ, единственно къ развращенію нравовъ.

Для достиженія этого, — утверждалъ Казенавъ,—слѣдуетъ уничтожить всѣхъ, кто не будетъ согласенъ подчиниться новому общественному строю.

Онъ наводилъ на меня ужасъ, а между тѣмъ я говорилъ себѣ: какой человѣкъ!.. Нѣтъ, никогда не сравняться тебѣ въ гражданской доблести съ Казенавомъ!

Я не осмѣливался возражать ему и невольно восхищался его идеями.

Это слишкомъ хорошо,—думалъ я,—люди очень эгоистичны, чтобы владѣть всѣмъ сообща. Многіе станутъ отчаянно защищать свою собственность и пришлось бы перебить слишкомъ много народу для достиженія такого совершеннаго порядка. Къ тому же придется безпрестанно начинать все сызнова. Множество людей не захотятъ работать, другіе будутъ трудиться и завладѣютъ всѣмъ, и снова поднимутся требованія передѣла. А жаль! Если бы всѣ были таковы, какъ Казенавъ, на землѣ водворился бы рай.

Этотъ человѣкъ совсѣмъ обольстилъ меня. Между тѣмъ счетъ его возросталъ ежедневно. Я не понимаю, что онъ могъ писать для того, чтобы уничтожить такую массу перьевъ, чернилъ и

бумаги. Въ шесть мѣсяцевъ онъ задолжалъ мнѣ 200 франковъ на канцелярскихъ принадлежностяхъ.

Но я съ радостью повѣрилъ бы ему половину моего товара, настолько благоговѣлъ я передъ его геніальностью и такъ былъ очарованъ его краснорѣчіемъ.

Наши отношенія состояли въ такомъ видѣ, когда 4 мая Бонапартъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ императоромъ, по положенію трибунала, утвержденному консервативнымъ сенатомъ: «дабы обезпечить французской націи ея достоинство, независимость ея территоріи и помѣшать возвращенію деспотизма: дворянства, феодализма, рабства и невѣжества, единственныхъ даровъ, которыхъ можетъ ожидать Франція отъ возвращенія Бурбоновъ».

Таковъ подлинный текстъ сенатскаго объявленія

Затѣмъ папа пріѣхалъ короновать новаго императора въ соборѣ Нотръ-Дамъ, и Казенавъ, вдругъ измѣнивъ свое мнѣніе о другѣ Робеспьера младшаго, котораго незадолго передъ тѣмъ находилъ недостаточно горячимъ республиканцемъ, сталъ называть его теперь вторымъ Давидомъ, Іосафатомъ, Матафіей, окомъ Іеговы, десницей Всевышняго... Я только разводилъ руками.

Но нѣсколько времени спустя послѣ этого, когда папа Пій VII, льстившій себя мечтой возвратить владѣнія церковной области, врученіемъ «отъ имени Бога» короны Бурбоновъ Бонапарту, былъ отпущенъ домой съ пустыми руками, возбуждая смѣхъ патріотовъ, Казенавъ впалъ въ мрачное настроеніе. Онъ садился возлѣ моего таганчика, скрестивъ руки, сжавъ губы, и не говорилъ ни слова по цѣлымъ часамъ.

Общество мосье Лето, стараго конституціоннаго кюрэ надоѣдало ему.

Все это я сообразилъ уже позднѣе; въ то время я пропускалъ все это безъ вниманія, думая просто, что Казенавъ, какъ житель юга, страдаетъ отъ суровой зимы, стоявшей въ 1804—1805 году. Онъ исхудалъ какъ щепка.

По веснѣ, когда Наполеонъ короновался королемъ Италіи, однажды вечеромъ, прочитавъ въ газетѣ курьезное привѣтствіе миланскихъ властей герою: «Вчера вамъ было тридцать лѣтъ... Нынѣ вы имѣете Миланъ (mille ans—тысячу лѣтъ)», Казе-

навъ принялся такъ неистово хохотать, что мнѣ пришло въ голову, что онъ рехнулся.

На другое утро онъ исчезъ и не показывался цѣлый мѣсяцъ.

Я думалъ, что не увижу его болѣе и хотѣлъ пойти къ мосье Лето—справиться куда онъ дѣвался, когда, въ одно прекрасное утро, онъ влетѣлъ въ магазинъ какъ бомба.

— Императоръ будетъ черезъ часъ здѣсь,—кричалъ онъ,—у меня до него просьба. Не окажите ли вы мнѣ услугу написать петицію, которую я вамъ продиктую?

Было часовъ восемь; городъ былъ биткомъ набитъ народомъ. Пушкари стояли у орудій на валу, ожидая только сигнала, чтобы салютовать великому человѣку, и соборные пономари держали въ рукахъ веревки, ожидая перваго выстрѣла пушекъ, чтобы зазвонить во всѣ колокола.

— Скорѣе... садитесь!—скомандовалъ Казенавъ, нельзя терять ни минуты.

Я, радуясь тому, что онъ отыскался и что долгъ мой не пропалъ, усѣлся передъ листомъ бумаги и приготовился писать.

Но при первой же строкѣ, я оглянулся на него, чтобы удостовѣриться, въ своемъ ли онъ умѣ.

Я буквально запомнилъ эту петицію. Она начиналась во вкусѣ Кая Гракха Бабефа, и до сихъ поръ я не могу понять, какъ, при всей моей молодости, я не бросилъ тутъ же пера и не предоставилъ ему писать самому.

Продиктовалъ онъ мнѣ слѣдующее:

«Ваше величество, Александръ, Ганнибалъ, Цезарь были не болѣе какъ дѣти передъ вашимъ величествомъ. Вы раздавили варваровъ подобно македонцу, преодолѣли Альпы подобно кареагенянамъ, задушили гордость аристократовъ какъ племянникъ Марія; вы трижды возвеличены, трижды освящены народнымъ восторгомъ.

Но, между нами будь сказано, вашъ Наполеоновскій кодексъ настоящее отребье.

Наполеону Бонапарту подобаетъ имѣть относительно законодательства нѣсколько иныя понятія, чѣмъ Гондебо Бургундскому»...

Итакъ отъ начала до конца, въ томъ же духѣ.

Я говорилъ себѣ каждую минуту, что онъ потерялъ голову и что это безсмыслица.

Онъ видѣлъ по моему лицу мое недоумѣніе и повторялъ:

— Не обращайте на это вниманіе; мы все это перечтемъ, это черновая... пишите... пишите дальше.

Вдругъ раздается на улицѣ потрясающій кликъ: «Да здравствуетъ Императоръ!»

Гремитъ пальба.

Онъ выхватываетъ перо изъ моихъ рукъ и подписываетъ бумагу, сдѣлавъ три, или четыре толстыя помарки.

— Постойте!—кричу я, видя, что онъ схватилъ бумагу и хочетъ уходить.—Вы видите, что въ такомъ видѣ подавать нельзя... надо переписать.

Но онъ, не слушая меня, бѣжитъ черезъ магазинъ на улицу и врѣзывается въ несмѣтную толпу. Колокола трезвонятъ, пушки палятъ.

Съ крыльца я видѣлъ по временамъ его широкій рукавъ, мелькавшій надъ головами, и бѣлый листъ бумаги, трепавшійся въ рукѣ.

Наконецъ, онъ пробрался до коляски императора на поворотѣ въ большую улицу. Кто-то нагнулся съ козелъ, взялъ петицію. Крики усилились, экипажи проѣхали мимо рысью, между шпалерами солдатъ... Я возвратился къ себѣ, говоря: «Казенавъ положительно помѣшался, мнѣ слѣдовало давно замѣтить это!»

Шумъ удалялся, толпа слѣдовала за экипажами по Жавонкурской дорогѣ. Пушки продолжали палить, и колокольный звонъ продолжалъ гудѣть надъ городомъ.

Черезъ часъ, однако, спокойствіе возстановилось, и я принялся за работу, когда жандармскій бригадиръ и мировой судья, Дитамель, внезапно появились въ моей лавкѣ.

— Не вы ли написали это?

— Да,—отвѣтилъ я въ изумленіи,—писалъ это я подъ диктовку Казенава.

— Уйдемте въ другую комнату,—сказалъ мировой судья, потому что слѣдомъ за ними въ магазинъ вошло нѣсколько человѣкъ постороннихъ.

Тогда мы вошли вотъ сюда, и мировой судья спросилъ меня, гдѣ я познакомился съ Казенавомъ?

— Мнѣ рекомендовалъ его кюрэ; онъ представилъ его мнѣ какъ кліента, которому можно вѣрить въ кредитъ.

Я открылъ мою главную книгу и показалъ счетъ этого гражданина въ 200 франковъ.

— Вы не знавали раньше этого человѣка?—спросилъ Дюгамель, глядя мнѣ пристально въ глаза.—Вы не проходили Фрибургомъ во время швейцарскаго похода? Вѣдь вы дѣлали походъ VII года?

— Да, господинъ судья, я участвовалъ въ походѣ, но въ Фрибургѣ не былъ. Я познакомился съ Казенавомъ только здѣсь. Господинъ Лето можетъ это засвидѣтельствовать.

— Мы только что отъ него,—возразилъ бригадиръ,—и на ваше счастье его показанія сходятся съ вашими... Отъ Сенъ-Сюзана до Мадагаскара далеко, но все-таки туда можно попасть. Вы были бы не первымъ.

— Мосье Лебитръ,—строго сказалъ судья,—вы еще молоды! Подумайте, что за эту петицію вы рисковали жизнью.

— Жизнью?

— Да, вашей головой!

— Но, господинъ судья...

— Молчите, ваша рѣчь впереди... Этотъ Казенавъ итальянскій іезуитъ, преслѣдующій уже давно его величество. Онъ нѣсколько разъ покушался убить его—и снова скрылся изъ рукъ правосудія. Если бы не ваша репутація смирнаго молодого человѣка мы были бы обязаны арестовать васъ; но вы написали эту петицію по молодости и неопытности. Счастье, что экипажъ его величества ѣхалъ рысью! Злодѣй могъ воспользоваться удивленіемъ и негодованіемъ великаго человѣка, при видѣ помарокъ въ петиціи и наглости петиціонера, чтобы нанести свой ударъ. Наконецъ, и самъ кюрэ былъ введенъ въ заблужденіе разбойникомъ и справки на вашъ счетъ сказались удовлетворительными.

— Да, въ приказѣ находится только распоряженіе допросить васъ; но если бы вы отрицали, что петиція написана вами, то я немедленно арестовалъ бы васъ.

Вслѣдъ за этимъ они ушли, оставивъ меня пораженнымъ всѣмъ случившимся; я нѣсколько часовъ не могъ придти въ себя.

По счастью, дѣло осталось безъ послѣдствій.

— Теперь ты можешь понять мое удивленіе, когда я узналъ

Казенава подъ рясой монаха съ Кармельской горы. Вотъ каковы іезуиты!

Когда кто-нибудь изъ ихъ шайки промахнется, онъ исчезаетъ безслѣдно. У святого братства есть недоступныя убѣжища для его членовъ. У него есть мѣста для вознагражденія заслугъ и миссіи во всѣхъ концахъ вселенной. Оно очень богато, несмотря на обѣтъ нищеты,—словомъ это могущественнѣйшая и опаснѣйшая ассоціація, изъ всѣхъ извѣстныхъ обществъ. Она не отступаетъ ни передъ какимъ средствомъ для распространенія своей власти. Бонапартъ, этотъ страшный человѣкъ, боялся іезуитовъ; онъ зналъ, что убійцы ходятъ по его пятамъ и что полиція его, несмотря на всю ея искусную организацію, никогда не задержала ни одного изъ нихъ.

Это наводило на него страхъ, и всѣ уступки, сдѣланныя имъ церкви, по большей части являлись послѣдствіемъ внутренняго сознанія своего безсилія побѣдить эту вѣчно возрождающуюся опасность. Онъ полагалъ, что слѣдуетъ откупиться и заставлялъ Францію платить эту страховую премію.

Сколько разъ я вспоминалъ этого Казенава. Я думалъ, что онъ погибъ, какъ много другихъ враговъ Наполеона; но іезуиты спасли свое орудіе! Онъ старъ, «пресыщенъ днями», какъ выражается библія, и здравствуетъ. Такъ какъ идеи Кая Гракха Бабефа вышли изъ моды, онъ эксплуатируетъ теперь людскую глупость обращеніемъ въ христіанство китайцевъ и японцевъ.

Что же касается тебя, Люсьенъ, то воспользуйся этимъ урокомъ и берегись людей крайнихъ мнѣній. Истина, справедливость и здравый смыслъ всегда идутъ рука объ руку съ умѣренностью.

Не слушай краснобаевъ, съ односторонними мнѣніями—это или утописты, или негодяи, подкупленные іезуитами для того, чтобы компрометировать самыя святыя требованія, доводя ихъ до абсурда съ цѣлью отвратить отъ нихъ честныхъ людей.

Не забывай этого Казенава, проповѣдывавшаго мнѣ полное равенство и кончающаго монашеской рясой. Іезуиты не разъ еще употребятъ идею Бабефа для возстановленія невѣжественныхъ народныхъ массъ противъ буржуазіи: — разъединять, чтобы царствовать!

Вотъ ихъ девизъ. Ты молодъ! Увидишь еще многое на своемъ вѣку.

Такъ говорилъ со мной дѣдъ. Вскорѣ послѣ этого разговора наступилъ конецъ каникулъ; мы обнялись съ чувствомъ, и я уѣхалъ въ Парижъ оканчивать мое образованіе.

VI.

Въ 1844 году октябрь стоялъ необыкновенно теплый.

Я сѣлъ въ верхнее отдѣленіе дилижанса возлѣ толстаго, добродушнаго кюрэ, съ лоснящимися щеками, въ ермолкѣ, прикрывавшей тонсуру, и запыленной рясѣ, спавшаго въ уголкѣ, съ раскрытымъ требникомъ на колѣняхъ. Рядомъ съ нами помѣщался кондукторъ, одинъ изъ старыхъ и опытныхъ кондукторовъ почтовыхъ каретъ, ходившихъ между Лафитомъ и Кальяромъ, веселый и словохотливый, но обращавшійся съ пассажирами деспотически, какъ капитанъ на кораблѣ.

Мы катили въ облакахъ пыли. Но мы по крайней мѣрѣ были на воздухѣ, а несчастные пассажиры, сидѣвшіе въ каретѣ и въ купэ должны были задыхаться отъ жары.

Скоро между мной и кондукторомъ завязалось знакомство.

— Ѣдете въ Парижъ, молодой человѣкъ?

— Да, отправляюсь доучиваться.

— Я такъ и догадывался... Хотите сдѣлаться правовѣдомъ, или медикомъ.

Онъ смѣялся.

— Попадете въ Шомьеръ, Прадо и Шато-Ружъ, хе, хе, хе! Жизнь-то, Господи помилуй, жизнь-то какая въ двадцать лѣтъ!

Когда мы подъѣзжали къ спуску, онъ нагибался къ тормазу и вертѣлъ ручку, не переставая болтать.

— Теперь вотъ вы свѣжи, какъ полевая маргаритка, а когда я повезу васъ въ будущемъ году, вы уже будете знать жизнь,— Латинскій кварталъ всему научитъ!..Господи! Сколькихъ я видалъ на своемъ вѣку такихъ невинныхъ новичковъ какъ вы, красныхъ дѣвушекъ.—Онъ подмигнулъ.—А черезъ два, три года, глядишь—прожженный, что твой старый мундштукъ; еле уже и раскуришь.

Говоря это, онъ потягивалъ воздухъ изъ коротенькаго чубучка трубки, нажимая пальцемъ трутъ на табакъ и высѣкая искры кремнемъ.

— Да-съ, съ трудомъ раскуривается!.. Ну, а подъ конецъ все же раскуришь... Вотъ и раскурилась,—говорилъ кондукторъ уже самому себѣ, позабывая меня.

— Эй! Казиміръ... кажется мы дремлемъ!—замѣчалъ онъ кучеру.

Казиміръ подстегивалъ лошадей, и они принимались трусить рысцой.

Я былъ задумчивъ. Смотрѣлъ на убѣгавшія поля, думалъ и о колокольняхъ Сенъ-Сюзана, уходившихъ вдаль, и о дѣдушкѣ, наклеивающемъ теперь свои ярлычки и обнявшемъ меня со слезами на глазахъ; думалъ о Нанси, Баръ-ле-Дюкѣ и Эпернеѣ, гдѣ будемъ останавливаться обѣдать, а затѣмъ и о Парижѣ... объ этомъ большомъ, невѣдомомъ для меня городѣ.

И эти мысли, частью грустныя, иногда веселыя, перемѣшивались въ моей головѣ со всякой всячиной.

— Вы наймете квартиру въ Латинскомъ кварталѣ,—подхватилъ кондукторъ,—въ улицѣ Лагарпъ, или въ Грэ?

И не ожидая отвѣта, продолжалъ:

— Я знаю эти мѣста... это мой кварталъ, — двѣнадцатый округъ; я вѣдь выросъ въ тѣни Сорбонны. Правда, давненько ужъ то было! Я былъ типографскимъ ученикомъ, ходилъ въ бумажномъ колпакѣ и набиралъ уже три строки въ часъ, когда задумалъ перемѣнить занятіе... Можетъ быть я сдѣлалъ глупость. Обѣды за табль д'отомъ не стоятъ тогдашнихъ фрикасе; нынче и пулярдка мнѣ кажется не такъ вкусна, какъ лепешки въ два су въ 1810 году. Да—молодость все краситъ!.. Нынче ходятъ къ Дефоржу, на углу площади Сенъ-Мишель,—это вы узнаете молодой человѣкъ,—а когда въ карманѣ свищетъ, пойдете къ Фликото, въ улицѣ Матюренъ: тарелка бульона, кусокъ говядины, жареный картофель... не дорого—двѣнадцать су,—ей Богу! За комнату 20 франковъ; три сигары по 5 сантимовъ въ день; по воскресеньямъ обѣдъ въ 32 су у Тавернье, съ красоткой подъ ручку, стирка 4 франка... Положительно, Казиміръ, мы не трогаемся съ мѣста. Ваши лошади, даю въ закладъ свою голову, вѣрно уже сдѣлали два конца сегодня утромъ: онѣ спятъ на ходу, какъ кроты.

Кучеръ опять стегалъ лошадей, и мы двигались скорѣе.

— Да-съ, съ 150 франками въ мѣсяцъ проживешь въ Ла-

тинскомъ кварталѣ не хуже Ротшильда: просто можно купаться въ золотѣ.. Кабы у меня въ ту пору было 150 франковъ въ мѣсяцъ, я поступилъ бы въ студенты медицины, ботаники, или чего-нибудь такого, какъ всѣ прочіе, и былъ бы теперь президентомъ кассаціоннаго суда, или прокуроромъ; можетъ штабнымъ хирургомъ, или какимъ-нибудь инспекторомъ. Была бы у меня пенсія и рента, вмѣсто того, чтобы сидѣть вотъ здѣсь на сквозномъ вѣтру. Скажу вамъ... не родись уменъ, а родись счастливъ,—все дѣло въ счастьѣ. Мнѣ нужно было имѣть въ рукахъ 150 франковъ, а ихъ то и не было...

Разсужденія кондуктора не мѣшали мнѣ думать; я слушалъ его, а самъ погружался въ свои мысли; кюрэ, мой сосѣдъ, продолжалъ дремать; повременамъ его глаза полураскрывались, голова поднималась, но тотчасъ же снова склонялась на плечо, къ кузову.

Не знаю, муха ли какая укусила кондуктора, или тому способствовала жара и пыль, но послѣ двухъ или трехъ перепряжекъ, на которыхъ онъ слѣзалъ присмотрѣть, чтобы лошадей запрягали какъ слѣдуетъ, бралъ со станціи письма и выпивалъ рюмку водки, онъ совсѣмъ расходился и, толкая меня локтемъ, подмигнулъ на священника.

— Кюрэ спитъ?—сказалъ онъ.

— Кажется, что спитъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, а я такъ этому не вѣрю. Онъ подслушиваетъ. Хе, хе, хе! Его интересуетъ Шомьеръ, Прадо... Ему хотѣлось бы отплясать кадриль съ Биби, или королевой Помаре.

Кюре открылъ глаза.

— Ну что, видѣли?

Я молчалъ и переконфузился. Но онъ не обращалъ вниманія на мои знаки и не умолкалъ.

— Это не удивляетъ меня,—іезуиты зашевелились. Вотъ этотъ, я увѣренъ, выбрался изъ своей деревни послушать проповѣди Лакордера въ Нанси. Очень ужъ много шумятъ по поводу этого Лакордера... А знаете, года три тому назадъ ходилъ я слушать его въ Нотръ Дамъ. Ни дать ни взять, торговка у театральнаго подъѣзда, которая кричитъ: «Купите у меня, mesdames, вафлей!» А какъ онъ вдругъ забаситъ, то выходитъ точь въ точь старьевщикъ:—«Стараго платья продать!.. Старыхъ сапоговъ продать!..» Ей-Богу, даже въ потъ ударитъ, какъ послу-

шаешь его. Только скуфейники умѣютъ такъ превозносить другъ друга. Если хотите преуспѣвать, молодой человѣкъ, ступайте въ скуфейники... изъ капельки таланта они раздуютъ гору.

Я не могъ зажать ему рта. Кондукторъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которыхъ противорѣчіе еще сильнѣе подзадориваетъ.

Да кромѣ того, въ эту эпоху, вся Франція раздѣлилась на два лагеря: за іезуитовъ и противъ нихъ! Но бѣдный кюрэ, конечно, не былъ повиненъ въ этомъ расколѣ, и меня приводила въ полнѣйшее негодованіе невѣжливость кондуктора. Онъ это замѣтилъ и сказалъ мнѣ, хмуря брови:

— Послушайте, надѣюсь, вы не стоите за скуфейниковъ?

— Я стою за вѣжливость и приличіе,—отвѣтилъ я.—Вы видите, что господинъ кюрэ не спитъ, и называете его іезуитомъ.

Къ великому моему изумленію, при этихъ словахъ кюрэ поднялся, зѣвнулъ въ руку и возразилъ:

— О, господинъ кондукторъ вовсе не обидѣлъ меня, называя іезуитомъ; напротивъ—это мнѣ очень лестно. Я желалъ бы быть іезуитомъ—настоящимъ іезуитомъ,—это классъ людей, въ которомъ несравненно менѣе дураковъ, чѣмъ между кондукторами дилижансовъ.

Кондукторъ рѣзко обернулся въ его сторону.

— Это вы не на мой ли счетъ говорите, господинъ кюрэ?

— Я говорю о дуракахъ вообще,—отвѣтилъ толстякъ равнодушно,—я никого не назвалъ дуракомъ въ частности.

Затѣмъ, открывъ свой требникъ, онъ принялся самымъ спокойнымъ образомъ за чтеніе.

Кондукторъ сразу ничего не отвѣтилъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, приподнявъ подушку сидѣнья, онъ досталъ изъ-подъ нея пачку газетъ.

— Читали вы это?—спросилъ онъ меня.

— Что такое?

— Это фельетонъ: «Вѣчный жидъ».

Я слышалъ отъ дѣдушки объ этомъ новомъ произведеніи Эженя Сю, которое скоро должно было выйти выпусками, но еще не читалъ его.

— Это шедевръ изъ шедевровъ Эженя Сю,—продолжалъ

кондукторъ.—Я два раза въ недѣлю ѣзжу въ Страсбургъ и беру съ собою фельетонъ, чтобы читать его въ гостиницѣ, во время остановки... Я рискую потерять глаза, но все-таки зачитываюсь до двухъ часовъ ночи. Только изъ-за одной этой книги Эженъ Сю заслуживаетъ мѣста въ Пантеонѣ, рядомъ съ Вольтеромъ и Руссо.

— Неужели лучше «Парижскихъ Тайнъ»?

— «Парижскія Тайны» подлѣ «Вѣчнаго Жида»!—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Это какъ небо отъ земли...да! Вообразите, что тамъ есть нѣкій Роденъ—socius, какъ іезуиты величаютъ другъ друга,—который, желая заполучить наслѣдство двухъ бѣдныхъ сиротъ и всего семейства Реннепонъ, разсѣяннаго по лицу земли гоненіями инквизиціи, напускаетъ на двухъ сиротокъ дѣвушекъ и другихъ членовъ семьи, всѣхъ разбойниковъ міра и истребляетъ ихъ. Въ концѣ концовъ, вамъ кажется, что вы попали въ музей Курціуса, на бульварѣ Тампль: мужчины, женщины и дѣти выставлены въ гробахъ цѣлыми рядами, а господину socius'у отъ этого ни тепло, ни холодно, какъ отъ понюшки табаку... канальи! Возможно ли терпѣть подобныхъ негодяевъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, всѣхъ этихъ: Роденовъ, Баленье, г-жъ Сенъ-Дизье, матушекъ Перпетю и г-жъ Сенъ-Коломбъ! Вотъ почему у насъ застой въ торговлѣ; фабрики прекращаютъ работу; устраиваются стачки, и почему я возвращаюсь теперь въ Парижъ съ третью груза, между тѣмъ какъ въ прошломъ году мы не знали куда дѣваться отъ товара. Нынче все идетъ вверхъ дномъ, даже на картофель напалъ червь... да—даже на картофелѣ отражается. Всюду проникаетъ порча, и если не примутъ мѣръ противъ этой чумы, то все общество превратится въ гниль. И эта-то зараза смѣетъ требовать свободы преподаванія! Какъ не такъ, пошлю я къ вамъ учиться моихъ дочерей и сыновей...жди!.. Очень нужно, чтобы изъ нихъ вышли Кабошъ, Франсуаза Бодуенъ или Голопятый!..

При этихъ словахъ кюрэ захлопнулъ свой требникъ и обратился ко мнѣ.

— Вы были свидѣтелемъ, милостивый государь,—сказалъ онъ,—тѣхъ оскорбленій, которымъ я подвергаюсь уже цѣлый часъ; надѣюсь, что вы согласитесь дать показаніе объ этомъ передъ администраціей, куда я обращусь съ жалобой, по пріѣздѣ въ Парижъ.

— Администрація плюетъ на іезуитовъ,—возразилъ кондукторъ.—У васъ ваши мнѣнія, у меня—мои.

— Это мы посмотримъ,—сказалъ кюрэ.—Если жалобы моей не приметъ ваше начальство, я поведу дѣло судомъ; приглашу защитникомъ Ліувилля, который не дастъ ему заглохнуть.

Почему кюрэ назвалъ Ліувилля, а не Фавра, Деморе или кого-нибудь другого?—Этого я не узналъ никогда. Но кондукторъ казался сильно раздосадованнымъ. Онъ выколотилъ пепелъ изъ своей трубки о фартукъ дилижанса и сунулъ ее въ карманъ; затѣмъ, прислонившись къ кузову, закрылъ глаза.

Мы поднимались шагомъ въ длинную гору. Наступила его очередь притворяться спящимъ.

Кюрэ смотрѣлъ на меня съ довольнымъ видомъ.

— Хотя вы не принадлежите къ духовенству, но позвольте искренно поблагодарить васъ за защиту.

— Вы не исполните вашей угрозы?—спросилъ я шепотомъ.

Незамѣтнымъ кивкомъ головы онъ далъ понять мнѣ, что не сдѣлаетъ этого, и, успокоенный за кондуктора его обѣщаніемъ, я немедленно почувствовалъ расположеніе къ старику.

Это былъ человѣкъ умный и пріятный собесѣдникъ.

Вспоминая теперь прошлое, я удивляюсь ловкости и безыскусственности, съ какой онъ овладѣлъ моимъ довѣріемъ.

Мы проговорили всю дорогу до Парижа о моихъ занятіяхъ и планахъ, повидимому, интересовавшихъ его, и даже о моихъ вкусахъ, о которыхъ онъ разспрашивалъ меня съ улыбкой.

Я сказалъ ему, что очень желалъ бы охотиться, если бы случились подъ рукой собака, ружье и лѣсъ.

— Это меня не удивляетъ,—говорилъ онъ, — я раздѣляю вашъ вкусъ. Мои занятія и духовное званіе заставили меня отказаться отъ этой очень невинной страсти, вдобавокъ очень полезной для здоровья.

Словомъ, черезъ часъ или два разговора мы были совсѣмъ друзьями.

Онъ, какъ оказалось, зналъ Бриньолана, Пуарье, Стекена,—весь персоналъ коллежа Сенъ-Сюзана, зналъ Бланшара не менѣе меня самаго, что немного удивляло меня. За табль д'отомъ онъ усаживалъ меня рядомъ съ собой, самъ накладывалъ кушанья на мою тарелку и, когда кондукторъ торопилъ ѣхать пас-

сажировъ, онъ, вынувъ большіе золотые часы, говорилъ степенно:

— Мы имѣемъ право на пять минутъ, кондукторъ, и успѣемъ напиться кофе.

Кондукторъ не возражалъ.

Помню, что во время нашего продолжительнаго разговора, рѣчь коснулась случайно отцовъ церкви: святого Григорія Великаго, Іоанна Златоуста, святого Амвросія и такъ какъ этотъ отдѣлъ моего образованія не оставленъ былъ въ пренебреженіи профессоромъ Пуарье, согласно желанію нашего директора, то кюрэ былъ удивленъ моими познаніями.

Онъ сообщилъ мнѣ вскользь свѣдѣнія о католическихъ конференціяхъ, устроенныхъ въ улицѣ Жакобъ и въ другихъ мѣстахъ, упомянулъ о прекрасномъ обществѣ, посѣщающемъ эти чтенія; но все это мимоходомъ, ни мало не настаивая, чтобы я бывалъ тамъ.

Въ концѣ концовъ, благодаря ему, этотъ долгій переѣздъ въ двое сутокъ пролетѣлъ незамѣтно.

Вторая ночь прошла, однако, въ дремотѣ—я изнемогалъ отъ усталости.

Кондукторъ, принимавшій меня окончательно за клерикала, не говорилъ со мной ни слова.

На слѣдующій день, часовъ въ семь, вдали показался Парижъ. Мы увидали его съ возвышенности Пантеона, подъ которой онъ разстилался безконечной панорамой. Купола, башни, крыши, окутанныя октябрьскимъ туманомъ, смутно выступали подъ утренними лучами солнца.

Вскорѣ, яркій свѣтъ прорѣзалъ мглу и освѣтилъ сначала шпицы высокихъ зданій, затѣмъ амфилады улицъ, линіи бульваровъ, вершины садовъ, авеню и аллей, налѣво іюльскую колонну, а вдали, направо, тріумфальную арку Звѣзды, позлащенную лучами восходящаго солнца. Я былъ въ восторгѣ.

Наконецъ, нашъ дилижансъ миновалъ заставу, загромыхалъ по мостовой улицъ, посреди кукушекъ, тильбюри, кабріолетовъ, телѣгъ, фіакровъ и всевозможныхъ экипажей, численность которыхъ возрастала по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ. Прохожіе оборачивались и торопились къ тротуарамъ вдоль

ресторановъ, магазиновъ, мастерскихъ и выставокъ, постоянно чередовавшихся по обѣ стороны пути.

Это первое впечатлѣніе городской суеты осталось неизгладимо въ моей памяти: я былъ совсѣмъ ошеломленъ.

Кюрэ продолжалъ со мной говорить, но я уже ничего не слыхалъ.

Черезъ полчаса мы въѣхали на почтовую станцію, въ улицѣ Нотръ-Дамъ-де-Виктуаръ.

Здѣсь кюрэ, слѣзшій первымъ, подождалъ меня, чтобы пожать мнѣ руку. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ свою карточку, на которой я прочелъ: «Розерелль, каноникъ—кассиръ въ Бовэ».

— Мой милый другъ,—сказалъ онъ мнѣ,—надѣюсь, что вы посѣтите меня. Бовэ не далеко отъ Парижа. У насъ есть гдѣ поохотиться, есть собаки, ружья и все что нужно для вашего удовольствія. Я васъ представлю его преосвященству. Вы будете приняты съ распростертыми объятіями.

Меня тронуло это радушное приглашеніе.

— Вы вѣдь пріѣдете, не правда ли? Хотя бы на день или два, во время пасхальныхъ вакацій?

Я не рѣшался дать слова, но обѣщалъ постараться.

Нашъ багажъ былъ уже выданъ и мы разстались, какъ старые знакомые.

Кондукторъ не безъ удовольствія видѣлъ, какъ онъ сѣлъ въ фіакръ и уѣхалъ, не подавъ жалобы въ контору администраціи...

Я отправился въ Латинскій кварталъ.

Въ полдень я уже занялъ квартиру у Мартена, державшаго съ помощью своей супруги, м-мъ Гертруды, и свояченицы, м-ль Жанеттъ, небольшой отель въ переулкѣ Пуаре, по сосѣдству съ Пантеономъ. М-мъ Гертруда занимала должность привратницы, Жанетта убирала комнаты студентовъ. Она была рыжая и некрасивая дѣвушка,—хорошія условія для доброй нравственности. Мосье Мартенъ разводилъ кроликовъ и куръ въ маленькомъ дворикѣ, темномъ какъ колодезь. Солнце заглядывало туда только въ іюнѣ и іюлѣ на нѣсколько мгновеній и тогда можно было разглядѣть кроликовъ, копошившихся у стѣнъ, какъ крысы, и поводившихъ усиками.

Водворившись въ моей комнатѣ и разложивъ вещи въ стѣнные шкафчики, я бросился на постель. Сонъ не заставилъ себя

ждать и когда я проснулся, то въ окна свѣтилъ газъ: было восемь часовъ вечера.

Взглянувъ въ окно, я увидалъ длинныя вереницы газовыхъ рожковъ улицы Грэ, что произвело на меня впечатлѣніе волшебнаго фонаря, такъ какъ газовое освѣщеніе не было еще знакомо въ Сенъ-Сюзанѣ.

Я одѣлся и сбѣжалъ внизъ, чтобы отыскать гдѣ нибудь обѣдъ.

Не стану разсказывать мосто перваго обѣда у Деформа, въ обществѣ пятидесяти другихъ молодыхъ людей, собравшихся со всѣхъ концовъ Франціи и сидѣвшихъ тутъ всѣ вмѣстѣ, по товарищески, за однимъ столомъ. Нѣкоторые только что вновь прибывшіе, какъ и я, сидѣли въ сторонкѣ, стараясь завязать знакомства, связи, читали программы и разспрашивали объ открытіи курсовъ.

Выйдя изъ ресторана, я пошелъ поглазѣть на набережную, размышляя о выборѣ профессоровъ на первый годъ.

Въ Сенъ-Сюзанѣ пользовались извѣстностью: Дюрантонъ— по гражданскому праву, и Дюкорруа—по римскому праву. Я рѣшилъ слушать ихъ, и возвратясь къ одиннадцати часамъ въ свою квартиру, опять легъ и заснулъ блаженнымъ сномъ подъ гулъ и шумъ оживленной жизни Латинскаго квартала

VII.

На другой день я началъ свое знакомство съ Парижемъ. Я отправился изъ дома очень рано; женщины и мужчины, подметавшіе улицы, начинали расходиться по своимъ лачугамъ, молочницы, обвѣшанныя бѣлыми жестяными кувшинами, усаживались у входовъ. Вѣроятно, было не больше шести часовъ утра.

Старый Латинскій кварталъ, тонувшій въ своихъ узкихъ, темныхъ и грязныхъ улицахъ, походилъ на современный ровно настолько-же, какъ походитъ любой дѣвственный лѣсъ Америки на роскошные сады Тюильери.

Нынѣ отъ него осталось лишь нѣсколько зданій: бани Жюльена, отель Клюни, Сорбонна, — старыя гнѣзда, когда-то таившіяся во тьмѣ лѣсовъ, но нынѣ вычищенныя и выскобленныя.

Для человѣка, жившаго въ старомъ кварталѣ до его перестройки, попасть въ него теперь чрезвычайно грустно.

Такъ и кажется, что всѣ эти бульвары, скверы, бронзовый фонтанъ передъ новымъ мостомъ Святого Михаила дразнятъ тебя своей новизной и блескомъ и безжалостно твердятъ тебѣ на каждомъ шагу:

«Ты отжилъ здѣсь свое время, для насъ ты чужой! Отъ твоихъ старыхъ друзей не осталось здѣсь и слѣда. Профессора, студенты, гризетки, водоносы, угольщики, разнощики каштановъ, торговки фруктами, перекупщики стараго платья, всѣ, всѣ они исчезли отсюда, — ступай же и ты за ними: Requiescant in pace!»

О, мой старый Латинскій кварталъ, среди котораго я провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ моей прекрасной юности! Что сталось съ твоими старыми крышами, на которыя такъ безпощадно хлесталъ дождь въ декабрѣ и такъ привѣтно свѣтило солнце весною? Гдѣ твои темные подземные ходы изъ монастыря Святого Бенуа въ улицу Сорбоны, а оттуда въ улицу Ла-Гарпъ? Гдѣ твои почтенные букинисты, честнѣйшіе торговцы древностями, добродушнѣйшіе тряпичники, цѣлыми днями бродившіе по кучамъ мусора, молодыя дѣвушки весело щебетавшія, расхаживая подъ руку со студентами? Куда дѣвались твои полишинели и скоморохи, съ безшабашнымъ весельемъ носившіеся подъ хлопьями карнавальнаго снѣга? Куда унеслись граціозныя тѣни, мелькавшія сквозь окна Прадо въ вихрѣ вальса подъ звуки трубъ и барабановъ? О, что-же сталось съ тобою, мой старый, незабвенный Латинскій кварталъ?!

Я вполнѣ сознаю, что въ моемъ сожалѣніи много безразсуднаго. Я знаю, что изъ вѣка въ вѣкъ сюда являлись то чума, то холера, и безпощадно косили тысячи жертвъ; что во время народныхъ возстаній здѣсь-то и гнѣздились и бѣдность, и отчаяніе, и озлобленіе, олицетворявшіяся въ удальцахъ съ разстерзанной рубахой на плечахъ и старинными мушкетами въ рукахъ, ухитрявшихся осыпать національныхъ гвардейцевъ выстрѣлами изъ каждаго закоулка. Теперь-же о такихъ засадахъ не можетъ быть и рѣчи: благодаря новымъ широкимъ улицамъ, вооруженныя силы власти могутъ спокойно и побѣдоносно двигаться отъ вокзала Западной желѣзной дорги вплоть до заставы Святаго Іакова.

Я знаю все это и не могу не признавать, что въ этомъ направленіи цивилизація совершила здѣсь огромный шагъ впередъ. Солнце и воздухъ вещи безспорно хорошія. Здоровью и благоденствію давно была пора проникнуть въ эти закоулки, въ которыхъ ужъ слишкомъ долго сохранялась устарѣвшая паутина шестнадцатаго вѣка.

Да, это несомнѣнно такъ! Но все таки, какъ хотите, а славно жилось въ этихъ темныхъ гнѣздахъ и когда взглянешь на теперешнія усовершенствованія, поневолѣ кажется, что васъ обокрали, отняли у васъ и вашу юность и душу, и жизнь, и даже лучшія воспоминанія о нихъ!

И знаете-ли, какое впечатлѣніе производятъ на меня эти широкія свѣтлыя улицы? Точно будто сравниваемъ прекрасный чистый и четкій экземпляръ современнаго иллюстрированнаго изданія со старой гравюрой Колло, или Рембрандта, напечатанной на закопченой, пожелтѣвшей бумагѣ и все-таки производящей какое-то странное, чарующее впечатлѣніе.

Вы меня разумѣется, поняли,—я просто и искренно высказываю вамъ то чувство, которое возбуждаетъ во мнѣ мысль о старомъ Парижѣ.

Пусть новыя поколѣнія преклоняются передъ широкими бульварами и рядами аркадъ,—онѣ безспорно правы,—за нихъ и здравый смыслъ и гигіена,—но чувство, по всей вѣроятности, остается на нашей сторонѣ.

Но какъ-бы тамъ ни было, а я поселился у мосье Мартена въ крошечной комнаткѣ подъ крышей, куда взбирался на четвереренькахъ, какъ бѣлка...

Оттуда, съ своей вышки, я могъ постоянно видѣть какъ смѣнялись караулы муниципальныхъ гвардейцевъ, какъ расхаживали вдоль старой улицы Грэ досужіе, или занятые обыватели, какъ они останавливались у лавокъ букинистовъ, просматривали книги, или подолгу глазѣли въ витрины.

Мнѣ нравился этотъ видъ,—казалось, я опять очутился въ моей Сенъ-Сюзанской кельѣ. Вся разница состояла только въ томъ, что здѣсь у меня было больше развлеченій.

Въ восемь часовъ утра, съ томомъ «Уставовъ», или «Кодексовъ» подъ мышкой, я отправлялся въ новый амфитеатръ въ улицу Сорбонны на лекціи профессора Дюкорруа, или въ глу-

бину темнаго двора школы на площади Пантеона въ аудиторію Дюрантона.

По правдѣ сказать, Пуарье своими риторическими разсказами о славной борьбѣ на Пниксѣ *) и Форумѣ **) избаловалъ меня. Я сталъ требователенъ и старый добрякъ Дюрантонъ со своей огромной сѣдой косматой головой и увѣсистой табакеркой, длинно и многорѣчиво толковавшій пункты Кодекса, далеко не удовлетворялъ моимъ вкусамъ. Мнѣ было бы гораздо больше по душѣ слушать Цицерона, или Квинтиліана. Но вѣдь «на безрыбьи и ракъ рыба» и этого рака приходится ѣсть хоть поневолѣ, особенно, если, въ концѣ концовъ, онъ имѣетъ право спросить васъ на экзаменѣ, какъ онъ вамъ понравился.

Дюкорруа, съ золотыми очками на носу, серьезно, тщательно и неутомимо объяснялъ намъ слово за словомъ Кодексъ Юстиніана, придавая каждой запятой чуть не міровое значеніе. Онъ всегда представлялся мнѣ доброй старушкой, которая принялась учить ребятишекъ азбукѣ.

Но говорили, что онъ очень строгъ на экзаменахъ и своимъ коментаріямъ о запятыхъ придаетъ особенную цѣну, а потому приходилось запоминать и ихъ, чтобы не оплошать въ рѣшительную минуту.

Послѣ лекцій я бѣжалъ завтракать къ монастырю Святого Бенуа, къ Оберу. Со мной всегда было трое товарищей: Перриго, Комперъ и Ледюкъ, — все милые, добрые и очень работящіе люди, къ которымъ я искренно привязался.

Ресторанъ Обера состоялъ изъ трехъ залъ, плохо освѣщавшихся окнами со двора монастыря. Меблированы онѣ были небольшими столиками съ мраморными досками и легкими стульями. Но что за веселое оживленіе царило въ нихъ постоянно!

Порціи розбифа, фрикасе, треугольники сыра, вазы салата, бутылки съ виномъ разносились дюжинами.

Надо было видѣть, какъ молодецки жевали здѣсь челюсти, слышать, какъ бойко брякали чокающіеся стаканы, какимъ тре-

---

*) Пниксъ—площадь въ древнихъ Аѳинахъ. На ней происходили народныя собранія, въ которыхъ рѣшались политическія дѣла. Въ глубинѣ ея была высѣчена въ скалѣ каѳедра для ораторовъ.

**) Форумъ—площадь народныхъ собраній въ древнемъ Римѣ.

скомъ раздавался стукъ вилокъ и ножей о тарелки, какъ безпрерывно звучали голоса:

«Гарсонъ, хлѣба! Человѣкъ, печеное яблоко! Человѣкъ, вина!.. Человѣкъ!.. Человѣкъ!.. Человѣкъ!.. Человѣкъ!..» раздавалось со всѣхъ концовъ, точно перекрестный огонь жаркой перестрѣлки.

А старикашка Оберъ только благодушно улыбался изъ за своего прилавка и усердно, съ наслажденіемъ понюхивалъ табакъ.

— Славно! Славно! — приговаривалъ онъ. — Дѣло идетъ живо!

И чего, чего только не продавалъ онъ въ своемъ уголкѣ огромнаго темнаго двора.

Во всемъ Парижѣ навѣрно нѣтъ ресторана, посѣщаемаго публикой, бѣгущей ѣсть съ такимъ волчьимъ аппетитомъ! Все это были молодцы восемнадцати, или девятнадцати лѣтъ и по мѣрѣ того, какъ они мужали, дѣлались требовательнѣе и удалялись, ряды ихъ постояно пополнялись новыми взводами молодежи.

И все это толковало, спорило, горячилось. Вести разговоръ съ одного стола на другой было положительно невозможно,—человѣка едва хватало для выслушиванія рѣчей своихъ застольныхъ товарищей.

Это было самое веселое мѣсто, какое я только зналъ въ своей жизни. Цѣлыхъ долгихъ тридцать лѣтъ уже отдѣляютъ меня отъ той поры, когда я бывалъ тамъ ежедневно и все таки я не могу вспомнить о немъ безъ веселой улыбки!

Но тѣ милыя времена уже прошли! Насъ замѣнила иная молодежь! И у ней такой же хорошій аппетитъ и иные молодые зубы грызутъ орѣхи съ такимъ бойкимъ трескомъ, что старыя челюсти начинаютъ вчужѣ ныть отъ одного только этого звука. Но и васъ, о юноши, ждетъ то же, что постигло и насъ, и вы когда нибудь тоскливо скажете тѣмъ, кто заступитъ ваше мѣсто: fui, fuisti, fuimus... Аминь!

Таковъ былъ ресторанъ Обера въ 1844 году.

Послѣ завтрака, если стояла хорошая погода, мы лихо надвигали боливары на бекрень, засовывали руки въ карманы, и громко болтая, вполнѣ довольные собою, отправлялись въ Люксембургскій садъ.

Если же день выдавался дождливый, мы шли въ Сорбонну слушать, какъ Жюль Симонъ приходилъ въ восторгъ отъ Александрійской школы, какъ Сенъ-Маркъ Жирарденъ съ неистощимымъ остроуміемъ объяснялъ поэзію, или, наконецъ, какъ Жерюзе читалъ намъ отрывки изъ Раблэ въ честь колбасы и божественной бутылки.

Эти литературныя произведенія заставляли насъ хохотать; милѣйшій Жерюзе хохоталъ вмѣстѣ съ нами и въ залѣ скоро устанавливался общій электрическій токъ воодушевленія, а воздухъ дрожалъ отъ рукоплесканій...

VIII.

Около того же времени душой моей овладѣли еще и иныя ощущенія.

Зима прошла. Воспоминанія о Сенъ-Сюзанѣ и нашихъ прогулкахъ съ городскими знакомыми къ домику лѣсничаго въ Мезанжѣ, все чаще и чаще начали возникать въ моей памяти и нагонять на душу все большую грусть.

— О, милое прошлое время!—восклицалъ я.—О, какъ хороша была Дениза Кольсонъ и какъ прелестно она пѣла:

Если ты его встрѣтишь,
Скажи ему, что я боготворю его,
Ты повтори ему всѣ его клятвы...

Эти мысли глубоко волновали меня, и я изливалъ свое волненіе, разыгрывая на корнетъ-а-пистонѣ арію изъ «Гвидо и Джиневры», или тому подобные чувствительные мотивы. Я очень надоѣдалъ своей музыкой сосѣдямъ,—но, что дѣлать!—Есть возрастъ, въ которомъ сердце непремѣнно требуетъ жизни, а я былъ именно въ этомъ самомъ интересномъ періодѣ.

На одной лѣстницѣ со мною жилъ нѣкій старецъ, котораго всѣ называли Боливаромъ, вѣроятно, за то, что онъ всегда носилъ большую шляпу освободителей испанской Америки.

Острая сѣдая бородка этого старца, его впалыя щеки, закрученные усы, и въ особенности его огромная шляпа внушали мнѣ нѣкоторое уваженіе. Онъ всегда казался мнѣ однимъ изъ тѣхъ художниковъ маляровъ, въ которыхъ талантъ забитъ необходимостью зарабатывать кистью кусокъ хлѣба. У него была старушка жена и дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати или семнад-

пати, съ кругленькимъ загорѣлымъ личикомъ, черными вьющимися волосами, небольшимъ, но красивымъ лбомъ и съ парой преогромныхъ черныхъ глазъ, въ которыхъ сіяла безпредѣльная нѣжность.

На ней всегда было яркое платье, нитка кораллов вилась вокругъ ея красивой загорѣлой шеи, ноги у нея были маленькія, стройныя. Вообще трудно встрѣтить что-нибудь лучше этого прелестнаго созданія.

Вся семья уходила изъ дома съ ранняго утра. Старикъ шагалъ впереди съ какимъ-то подобіемъ палатки о четырехъ кольяхъ на плечѣ, за нимъ плелась старушка съ большой закрытой корзиной въ рукахъ, а за ними слѣдовала и дочь съ небольшимъ ридикюлемъ. Никто не зналъ, куда они шли, но возвращались они всегда только къ ночи.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ встрѣчаться съ ними на лѣстницѣ, и дѣвочка поднимала на меня свои прекрасные, безпредѣльно кроткіе глаза.

Тогда я вбѣгалъ въ свою комнату, бросался на стулъ и, подперши голову руками, по цѣлымъ часамъ мечталъ объ этомъ ребенкѣ, о ея дивномъ взорѣ, и мысли эти волновали меня до глубины души.

Такъ было съ самаго начала весны. Каждый вечеръ, возвратясь около десяти часовъ изъ кабинета Леклерка въ улицѣ Сорбонны, я начиналъ думать о своей юной сосѣдкѣ.

Семья ея возвращалась домой почти въ одно время со мною, и я тотчасъ же хваталъ корнетъ-а-пистонъ и исполнялъ весь свой репертуаръ любовныхъ романсовъ. Играя, я не сводилъ глазъ со слухового окна, освѣщавшаго чердакъ моихъ сосѣдей. По временамъ въ немъ появлялась тѣнь молодой дѣвушки, задумчиво облокотившейся на край крыши.

Луна тихо выступала изъ-за остроконечныхъ крышъ стараго квартала и, медленно плывя среди легкихъ бѣлыхъ облаковъ, одна была свидѣтельницей нашего взаимнаго вниманія. Мы никогда еще не сказали между собою ни слова, но уже понимали другъ друга отлично.

— Ну, полно, Маргариточка,—говорила, наконецъ, старая Жакелина,—туши-ка лампу, пора тебѣ спать.

Прелестное личико мгновенно исчезало. Я бралъ еще нѣсколько грустныхъ дрожащихъ нотъ, затѣмъ свѣтъ въ ихъ окнѣ

потухалъ, и я также укладывался въ постель и опять принимался мечтать.

Но едва я успѣвалъ заснуть, какъ часовъ въ двѣнадцать, а иногда и позже, начинало происходить нѣчто въ высшей степени странное. Надо мною раздавались взрывы рѣзкаго хохота, слышались голоса, разговаривавшіе то серьезно, то комично, доносились какія-то восклицанія, жалобы, стоны...

Этотъ шумъ будилъ меня, я вздрагивалъ и начиналъ прислушиваться.

— Кой чортъ поселился тамъ, надо мной, на чердакѣ!?— думалось мнѣ.—Навѣрно, тамъ запертъ какой-нибудь сумасшедшій, потому что здравомыслящій человѣкъ такъ вопить, да еще по ночамъ, не станетъ. Тамъ наверху непремѣнно дѣлается нѣчто странное!

Въ одну ночь шумъ этотъ дошелъ до того, что поневолѣ приходило въ голову, что на нашъ чердакъ забрались всѣ кошки со всего квартала. Меня, наконецъ, разобрало любопытство.

Я всталъ, надѣлъ брюки и босикомъ вышелъ на лѣстницу.

Стоялъ уже іюнь, было тепло и одѣваться окончательно мнѣ казалось лишнимъ; но изъ предосторожности, на случай какой-нибудь непріятной встрѣчи, я захватилъ съ собой добрую дубинку, которую привезъ съ родины.

На площадкѣ я замѣтилъ маленькую переносную лѣстницу. Днемъ она обыкновенно стояла у стѣны, но при свѣтѣ луны я увидѣлъ, что теперь она была приставлена къ люку, прорѣзанному въ потолкѣ и ведшему прямо подъ крышу.

Въ эту минуту все стихло. Весь домъ съ чердака до ложи привратника спалъ въ глубокомъ безмолвіи.

Я постоялъ, прислушался, и такъ какъ было тихо, то хотѣлъ было уже возвратиться къ себѣ, какъ вдругъ опять раздался взрывъ безумнаго хохота.

— Ха, ха, ха! Вотъ она и умерла! Хи, хи, хи! Умерла моя Коломбина! Я ее убилъ! Хе, хе, хе!.. Однакожъ, слушай,— полно врать-то... вставай! Ну, Коломбиночка, ну, хорошая моя, сердечная радость моя! Нѣтъ, не шевелится! Ахъ ты, Господи! Что жъ я буду дѣлать, когда полиція придетъ?! Да вотъ уже и идетъ! Идетъ! Дамъ-ка я лучше тягу!

— Стой!

— Ай, ай, ай! Схватили меня горемычнаго!

— Кто ты такой?

— Пустите меня!..

— А-а! Попался, разбойникъ! Надѣнь на него цѣпи.

— Охъ, горькіе бѣдные мои родители! Осрамилъ я всю породу нашу, всѣхъ почтенныхъ Панталоновъ! Каково-то будетъ отцу, какъ узнаетъ онъ, что его сынокъ, поддержка его старости, болтается на висѣлицѣ? Ой, ой, ой! Ай, ай, ай! А вотъ постой! Кракъ!.. Вотъ же вамъ, олухи! Схватить меня хотѣли!.. А я двоихъ и уложилъ.

— Держи его! Держи!

— Да, какъ же! Подержи меня теперь! Такъ я тебѣ и дался!

— Держи его! Держи!

И такъ дальше.

Я взобрался на лѣстницу и, какъ только носъ мой очутился въ уровень съ поломъ чердака, началъ осматриваться. Старикъ Боливаръ стоялъ передъ небольшимъ деревяннымъ театромъ и, подергивая за веревочки, заставлялъ плясать и скакать нѣсколько штукъ маріонетокъ. Посреди нихъ тускло мерцалъ фонарь.

Старикъ стоялъ ко мнѣ спиною.

Темный чердакъ, куклы, то появляющіяся въ кругѣ мутнаго свѣта, то точно тонущія во мракѣ, отрывистыя рѣчи стараго шута и особенно его дикій хохотъ производили въ высшей степени странное впечатлѣніе.

Нѣсколько минутъ я стоялъ неподвижно. Боливаръ, оборачиваясь за куклами, повернулся ко мнѣ лицомъ, и я не могъ больше сомнѣваться, что то былъ именно онъ. Въ его профессіи ошибиться теперь было тоже нельзя. Я уже хотѣлъ было потихоньку спуститься къ себѣ, какъ мнѣ попала въ носъ пылинка и заставила меня чихнуть.

Надо было видѣть въ эту минуту старика Боливара! Онъ мгновенно перестaлъ хохотать, повернулся въ мою сторону и силился всмотрѣть въ мракъ!

Несмотря на полутьму, въ которой онъ стоялъ, я видѣлъ, какъ широко раскрылись его старые глаза.

Я изо всѣхъ силъ старался не чихать больше, но мнѣ никакъ не удавалось совладать со своимъ расходившимся носомъ,

а старикъ тяжело переводилъ дыханіе при каждомъ вырывавшемся у меня звукѣ.

Ни онъ, ни я не говорили ни слова, и въ интервалахъ моего чиханія можно бы было разслышать топотъ мышиныхъ ногъ по полу.

Наконецъ, старикъ собрался съ духомъ и негромко спросилъ:

— Кто тамъ?

Я быстро поднялся по лѣстницѣ и очутился на чердакѣ во весь ростъ.

— Это я, мосье Боливаръ,—отвѣтилъ я успокоительно.

Онъ замѣтно вздрогнулъ. Кто могъ узнать его на этомъ пустынномъ чердакѣ? Это, вѣроятно, показалось ему сверхъестественнымъ. Кромѣ того, въ темнотѣ все кажется въ преувеличенномъ размѣрѣ, и я, поднимаясь по перекладинамъ лѣстницы, казалось, гигантски выросталъ съ каждымъ мгновеніемъ. Старикъ сталъ растерянно пятиться за свой театръ.

— Да кто же вы?—переспросилъ онъ хрипло.

Не оставалось сомнѣнія, что бѣдняга не имѣлъ добродѣтели своего славнаго однофамильца, храбраго Боливара изъ Каракаса. Должно быть онъ принялъ меня за полицейскаго, пришедшаго схватить преступнаго полишинеля.

— Это я, корнетъ-а-пистонъ.

— Корнетъ-а-пистонъ?—повторилъ онъ растерянно, точно силясь припомнить что-то.

— Ну, да... вѣдь вы знаете,—тотъ сосѣдъ вашъ, что играетъ: «Сжалься».

Онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ и съ видимымъ удовольствіемъ залепеталъ:

— А! А! Такъ это вы!.. А, такъ это вы, дорогой сосѣдъ! А я-то васъ и не узналъ совсѣмъ! Да, да, да,—вѣдь ваша комната приходится какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ, къ вамъ все и слышно... Хе, хе, хе! Ну, сами знаете, какъ же мнѣ было не перепугаться... ночь вѣдь не то, что день. Очень радъ, очень радъ, что это вы!

Съ каждымъ словомъ онъ становился все веселѣе и, наконецъ, принялся даже хохотать.

— Да, да, напугали вы меня... ха, ха, ха! Представьте себѣ: вдругъ слышу кто-то чихаетъ!.. Какъ тутъ было не перепугаться? Въ столицѣ, вѣдь знаете, столько разбойниковъ. И

прячутся они всегда по разнымъ закоулкамъ... Шуриперы тамъ всякіе, да Родены.

«Эге, да старикашка читалъ и «Парижскія Тайны!»—подумалось мнѣ.

Онъ не давалъ мнѣ вымолвить ни слова, схватилъ фонарь, поднесъ его къ моему лицу и принялся въ меня всматриваться.

— Да, да, это вы, теперь я васъ узналъ!—бормоталъ онъ.

— Но что же вы тутъ дѣлаете, мосье Боливаръ?—спросилъ я, наконецъ.

— А... вотъ видте,—я повторяю роль Полишинеля для моего маленькаго общественнаго театра. Мнѣ понравился этотъ чердакъ... я тутъ одинъ и никому не мѣшаю. Мосье Моршенъ мнѣ его и уступилъ. Это славное мѣсто,—какъ разъ подходящее!

Онъ, очевидно, стыдился своего ремесла.

— А я думалъ, что вы живописецъ, мосье Боливаръ,—сказалъ я, чтобы ободрить бѣднягу.

— Да я и есть живописецъ! Или, вѣрнѣе сказать, былъ живописцемъ!—подхватилъ онъ, замѣтно обрадовавшись хорошему мнѣнію, которое я имѣлъ о немъ.—Но зрѣніе у меня ослабѣло, принимать заказы стало не подъ силу... ну, а ѣсть, пить все-таки же надо. Что жъ будешь дѣлать?.. По моему, на свѣтѣ есть глупые люди, а глупаго ремесла не бываетъ. Вотъ я и воспользовался талантомъ, который былъ мнѣ данъ отъ природы, пустилъ его въ ходъ! Господинъ префектъ далъ мнѣ разрѣшеніе останавливаться на аллеѣ Елисейскихъ Полей, и дѣла мои идутъ недурно. Да, да, очень недурно! Ну, а знаете, для этого нужны роли... сцены... Добросовѣстно представить Бобино, полишинеля, арлекина—дѣло совсѣмъ не легкое... Для этого нуженъ талантъ, умѣнье,—ну и репетиціи тоже...

Изъ этихъ словъ бѣдняка я понялъ, что было время, когда онъ занималъ гораздо лучшее положеніе, что, можетъ быть, у него былъ и талантъ, но что теперешнее ремесло скомороха хотя и гнететъ его, но осталось единственнымъ способомъ существованія.

— Да, да, разумѣется, мосье Боливаръ,—поспѣшилъ я поддакнуть;—нельзя и сомнѣваться въ томъ, что въ вашемъ дѣлѣ нуженъ талантъ. Вѣдь это такъ сказать родное дѣтище драматическаго искусства. Размѣры сцены вовсе ничего не значатъ! Великіе геніи, какъ Шекспиръ, Лопе-де-Вега, Кальдеронъ и мно-

гіе другіе разыгрывали свои сцены на чердакахъ, или давали ихъ въ баракахъ ярмарочныхъ театровъ, и, тѣмъ не менѣе, никто и никогда не могъ сомнѣваться въ ихъ геніальности.

— Понятное дѣло!—подтвердилъ онъ.—И я даже горжусь моимъ дѣломъ!

Мы разговаривали уже пять минутъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что я стою передъ нимъ босикомъ и спросилъ:

— Вы вскочили съ постели?

— Да... мнѣ хотѣлось посмотрѣть...

— Такъ идите же скорѣе и уляттесь. Сегодня, видите ли, воскресенье, въ Елисейскихъ Поляхъ будетъ тьма народу, и мнѣ хотѣлось бы произвести впечатлѣніе посильнѣе, такъ ужъ вы извините, я опять за свою репетицію.

— Хорошо, хорошо,—я пойду и лягу.

— Теперь мы станемъ часто видѣться, какъ добрые сосѣди,—говорилъ онъ,—да, да, часто видѣться!

Я спустился къ себѣ и едва успѣлъ лечь, какъ сверху опять послышался хохотъ и крики бѣднаго фитляра.

Итакъ, несмотря на свои внушительные усы, это былъ не больше какъ добрый, кроткій человѣкъ.

Нѣсколько разъ мнѣ случалось слышать, какъ они возвращались домой, и если окна ихъ мансарды были отворены, то до меня доносилось каждое слово ихъ разговора.

Я замѣтилъ, что дѣвушка повелѣвала старикàми, а они не умѣли ни въ чемъ отказать ей.

Ей хотѣлось шляпку, платье, ботинки. Все это, разумѣется, естественно въ молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ: каждая изъ нихъ не можетъ не любить нарядовъ, но эти несчастные люди были вѣдь такъ бѣдны!

Иногда старая Жакелина пыталась возражать дочери, но дѣвушка начинала плакать.

Тогда старикъ впадалъ въ безконечную нѣжность и дрожащимъ голосомъ принимался утѣшать ее.

— Господи ты Боже мой! Да не плачь же ты, Маргариточка! Ну, ну, хорошо! Все, все купимъ, и шляпку, и платье, и башмаки. Только будь умница, не плачь! Намъ, видишь ли, чтобы купить хорошія ботинки нужно заплатить двѣнадцать франковъ... вѣдь не захочешь же ты ходить въ нескладныхъ опоркахъ,—понятое дѣло, что ты должна быть хорошо обута.

А до двѣнадцати франковъ у насъ не достаетъ только еще трехъ! Ну, не плачь же,—вѣдь я обѣщался, значитъ, и куплю тебѣ ботинки.

— А вѣдь надо правду сказать,—продолжалъ онъ, укоризненно обращаясь къ женѣ,—нѣтъ у насъ сердца, совсѣмъ мы какіе-то безсердечные люди! Ребенокъ цѣлый мѣсяцъ ждетъ шляпки... Скоро и лѣто пройдетъ, и надѣвать ее будетъ некуда!

— Да развѣ жъ я не хочу купить ей шляпку?—оправдывалась старушка.—Я говорю все это только для того, чтобы напомнить тебѣ, что намъ и такъ не очень-то вѣрятъ въ лавкахъ.

— Эхъ, ужъ и не напоминай лучше! И такъ тяжко! А все-таки у Маргариты будетъ шляпка! Непремѣнно будетъ! Если завтра выдастся хорошая погода, можетъ быть намъ и посчастливится!

Эти маленькія семейныя сцены часто трогали меня до глубины души. Несмотря на мое сильнѣйшее желаніе сойтись съ Маргаритой поближе, я вполнѣ понималъ, что соблазнить эту дѣвочку, лишить бѣдныхъ стариковъ единственнаго утѣшенія ихъ тяжкой жизни, значило бы сдѣлать самую постыдную, самую безсердечную подлость. Я считалъ себя буквально неспособнымъ на такое дѣло, а все-таки повторялъ себѣ:

«Добрякъ-старикашка приглашаетъ къ себѣ! Вѣдь, на это нельзя было даже надѣяться! Сама дѣвочка влюбилась въ меня, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Слѣдовательно, не сегодня, такъ завтра я стану въ ихъ семьѣ своимъ человѣкомъ!»

Эта мысль нагнала на меня чувство какого-то умиленія, и я уснулъ среди самыхъ сладкихъ мечтаній.

Когда я проснулся на другое утро, сосѣдей моихъ уже не было дома.

Мнѣ пришло въ голову отправиться въ Елисейскія Поля, апплодировать моему новому другу, что разумѣется еще больше расположило бы его въ мою пользу. Но старая Жакелина навѣрно догадается, въ чемъ дѣло,—вѣдь не можетъ же она повѣрить, что я пришелъ туда единственно изъ любви къ маріонеткамъ.

Это соображеніе нѣсколько умѣрило мою поспѣшность, и я пошелъ въ Елисейскія Поля только послѣ завтрака. Однако, на половинѣ дороги осторожность опять взяла верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, и чтобы убить скучное время, я завернулъ въ

Лувръ и прошелъ въ музей скульптуры, чтобы взглянуть на старыхъ римскихъ императоровъ: Тиверія, Нерона, Домиціана, этихъ истинныхъ сыновъ славы. Но ни они, ни глубокомысленные лики греческихъ философовъ не могли научить меня благоразумію, ни измѣнить неудержимое теченіе моихъ мыслей.

Напрасно хмуро устремлялись на меня ихъ многоумныя очи...

«Ну, чего вы, старые вы обманщики!?—думалось мнѣ.— Вѣдь настоящая-то исторія ваша извѣстна! Не хмурились вы въ тотъ день, когда возлежали у своихъ Фринъ и Лаисъ! А теперь ужъ не хитро вамъ изображать разумъ и премудрость своими мраморными головами и ощущать безпредѣльный покой философа въ мраморной груди!»

Я думаю, что если бы въ то время ко мнѣ явился разубѣждать меня самъ Пуарье, то и онъ ушелъ бы отъ меня ни съ чѣмъ.

Долго бродилъ я взадъ и впередъ по галлереямъ Лувра, потомъ зашелъ въ Палэ-Рояль и безсмысленно глядѣлъ сквозь витрины на наряды и разныя произведенія искусства, но въ сущности не видѣлъ ничего. Въ воображеніи моемъ какъ живая стояла Маргарита, сердце билось отъ восторга при мысли, что скоро мнѣ представится случай говорить съ нею «ad personam», какъ выражался дядя Дюрантонъ.

Я настолько увлекся мыслями о своей сердечной жизни, что едва вспомнилъ, что мнѣ слѣдуетъ пообѣдать.

Время тянулось нестерпимо долго. Наконецъ, въ восемь часовъ я очутился въ своей комнатѣ и съ полуотворенной дверью ожидалъ возвращенія сосѣдей.

Мнѣ казалось, что ждать ихъ именно у себя будетъ удобнѣе всего,—тогда старой Жакелинѣ не можетъ придти въ голову никакое подозрѣніе. При малѣйшемъ шумѣ на лѣстницѣ я вздрагивалъ и повторялъ себѣ:

— Это они! Это они!

Прошло цѣлыхъ два томительно долгихъ часа. Наконецъ, они показались внизу лѣстницы. При свѣтѣ газовыхъ рожковъ я видѣлъ, какъ старикъ Боливаръ медленно взбирался по ступенямъ.

Я точно случайно отворилъ дверь, вышелъ на лѣстницу со свѣчей въ рукѣ, какъ разъ ему навстрѣчу, и съ поддѣльнымъ удивленіемъ воскликнулъ:

— Ахъ! Это вы, мосье Боливаръ? Что—домой возвращаетесь?

Старая Жакелина стояла уже у дверей мансарды и нетерпѣливо рылась въ своемъ бездонномъ карманѣ, отыскивая ключъ. Она, видимо, не расположена была завязывать новое знакомство. Старикъ ждалъ, держа свои колья на плечѣ. Онъ, очевидно усталъ и равнодушно, даже не глядя на меня, отвѣтилъ:

— Да, да, домой. День конченъ.

Я не спускалъ глазъ съ дѣвочки. На ней была соломенная шляпа и новыя ботинки. Никогда не казалась она мнѣ такой хорошенькой. Я замѣтилъ, что увидя меня, она сильно поблѣднѣла, и готовъ былъ броситься къ ея ногамъ.

— Ну, хорошій день удался вамъ, мосье Боливаръ? Довольны вы?

— Да, славный день! Солнце свѣтило такъ ярко,—а это для насъ вѣдь самое главное.

Старая Жакелина отыскала свой ключъ, подхватила съ полу корзину и быстро вошла въ дверь.

Боливаръ зашагалъ за нею; а когда Маргарита проходила мимо меня, я дотронулся до ея руки.

Она взглянула на меня съ глубокимъ волненіемъ и взглядъ ея отозвался у меня въ сердцѣ.

— Иди, скорѣй, Маргарита!—послышался изъ темной мансарды голосъ старой Жакелины.

Дѣвушка вошла домой, и дверь за нею быстро захлопнулась.

Тѣмъ и закончился этотъ памятный для меня день. Теперь я не могъ сомнѣваться, Маргарита любила меня. И я всю ночь мечталъ объ этой любви, то съ чувствомъ безпредѣльнаго счастья, то съ сознаніемъ какого-то тайнаго безпокойства на душѣ. Вопросъ о томъ, что выйдетъ изъ этой страсти, и слова кондуктора дилижанса назойливо приходили мнѣ въ голову:

— Эхъ, насмотрѣлся я на этихъ молоденькихъ мальчиковъ, невинныхъ какъ дѣвочки,—говорилъ онъ, — уѣзжаютъ отсюда свѣженькими, чистыми... а потомъ... а потомъ!..

Припоминалась мнѣ и странная сцена, произошедшая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и тогда же заставившая меня задуматься.

Въ одно утро мы по обыкновенію сидѣли и разговаривали

въ маленькомъ кабинетѣ. Вдругъ мимо насъ прошелъ господинъ, очень извѣстный въ Сенъ-Сюзанѣ. Это былъ человѣкъ богатый, жилъ онъ въ лучшемъ отелѣ города, въ отелѣ «Аиста» и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ.

Дѣдъ мой взглянулъ на него и сказалъ:

— Вотъ у этого человѣка, который такъ самодовольно шествуетъ со своимъ выпяченнымъ брюхомъ и красными ушами, здѣсь въ городѣ есть нѣсколько человѣкъ дѣтей. Всѣ онѣ удивительно похожи на него лицомъ и всѣ ходятъ въ лохмотьяхъ. Стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы съ перваго раза догадаться, кто ихъ отецъ; а онъ о нихъ вовсе и не думаетъ. Зимой онъ сидитъ въ отдѣльномъ кабинетѣ своей гостиницы, одѣтъ тепло и изящно, возлѣ него роскошный сытный столъ; онъ наслаждается прекраснѣйшимъ виномъ, и совершенно хладнокровно смотритъ, сквозь большія свѣтлыя окна, какъ его собственная плоть и кровь, посинѣвши отъ холода и голода, трясется, какъ въ лихорадкѣ, и молитъ:

— Милый, добрый баринъ, дайте хлѣбца!

А онъ точно и не слышитъ и продолжаетъ себѣ ѣсть преспокойно съ прекраснымъ аппетитомъ! Наѣвшись, онъ отправляется совершать свое пищевареніе. Одѣтъ въ теплую шубу, садится въ прекрасный экипажъ и породистая лошадь несетъ его по мягкому снѣгу, какъ по ковру. А босые ребятишки гонятся за нимъ слѣдомъ и протягиваютъ къ нему свои окоченѣвшія ручонки. Но онъ представляется, что не узнаетъ ихъ и не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія! Это знаетъ весь городъ и все-таки ему всѣ кланяются! Всѣ даже радуются приглашенію на его обѣды, потому что онъ обѣдаетъ роскошно и вкусъ у него утонченный.

Такъ говорилъ мой дѣдъ дрожавшимъ отъ негодованія голосомъ и искоса поглядывая на меня. Меня же пробирала дрожь, и я думалъ, что такой извергъ недостоинъ названія человѣка.

Теперь же наступало время мнѣ самому рѣшить способенъ ли я поступать такъ же, какъ тотъ франтъ.

Дѣло было вѣдь такъ просто: сойтись съ Маргаритой, пѣть, играть, танцовать съ ней, возить ее иногда въ Пале-Рояль, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бѣдныхъ стариковъ, а потомъ уѣхать на лѣто, обѣщая ей возвратиться, а, въ сущности,

оставить все на отвѣтственности общества, какъ выражаются нѣкоторые философы. Вѣдь каждому извѣстно, что за все и вся должно отвѣчать общество, а отдѣльныя личности тутъ не причемъ. Дѣти, у которыхъ нѣтъ отцовъ и которыя умираютъ съ голоду, имѣютъ право жаловаться только на общество.

Для меня лично все это выходило чрезвычайно удобно, и самъ Сенъ-Сюзанскій герой не могъ бы поступить иначе.

Съ другой стороны, вѣдь я могъ и жениться на Маргаритѣ, оставить свое ученіе и взять заботу о старикахъ на себя.

У меня всегда былъ довольно твердый взглядъ на вещи, и я никогда не вступалъ въ полюбовныя сдѣлки со своею совѣстью, а потому смѣло разбиралъ свое положеніе.

Самое лучшее на моемъ мѣстѣ было бы перемѣнить квартиру, не играть больше на корнетъ-а-пистонѣ и даже не появляться въ этихъ мѣстностяхъ. Да, разумѣется, это было бы самое лучшее! Но именно противъ этого то и возмущалось все существо мое.

Мнѣ приходило даже въ голову, что не я—такъ другой! Дѣвушка сочтетъ меня дуракомъ и съ досады отдастся первому попавшемуся молодцу, который свозитъ ее въ Шомьеръ; а этотъ молодецъ можетъ оказаться ни чѣмъ не лучше Сенъ-Сюзанскаго обольстителя.

Все это приключеніе началось такъ весело, но теперь уже начинало принимать мрачный оттѣнокъ. Немного ночей въ моей жизни я спалъ такъ дурно, какъ въ эту ночь. На утро я проснулся только въ девять часовъ и едва поспѣлъ на лекцію гражданскаго права.

Старикашка Дюрантонъ съ увлеченіемъ объяснялъ VII пунктъ «отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ». Онъ вынюхалъ уже половину своей табакерки и уже разъ двадцать торжественно повторилъ, что его мнѣнія по этому пункту были признаны авторитетными въ судѣ ассизовъ.

Держа бумагу на колѣняхъ, я старался набросать хоть коекакія замѣтки; но умъ мой былъ далеко и отъ лекціи, и отъ ея содержанія.

Стократъ блаженны дураки, никогда не думающіе о будущемъ! Блаженны и вы, о, негодяи, сваливающіе всякую отвѣтственность на общество, всегда довольные собой и еще

ублажаемые этимъ же обществомъ, если только у васъ есть деньги!

Пуатье, разумѣется, сказалъ бы, что люди эти живутъ, какъ животныя, что безсмертныя души ихъ пали. Но вѣдь люди эти ни въ душу, ни въ безсмертіе не вѣрятъ; складъ ума у нихъ чисто практическій и всѣ остальные люди кажутся имъ лишь жалкими дураками. Они пользуются не только всѣми благами жизни, но еще гордятся сознаніемъ, что ихъ ясные умы сумѣли возвыситься надъ пошлыми предразсудками толпы.

IX.

Съ этихъ поръ я не могъ думать ни о чемъ кромѣ Маргариты; образъ ея преслѣдовалъ меня повсюду,—на лекціяхъ, на прогулкѣ, въ ресторанѣ. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, возвращаясь изъ библіотеки Святой Женевьевы, гдѣ я обыкновенно приводилъ въ порядокъ свои записки, я увидѣлъ ее на лѣстницѣ. Она стояла, задумчиво облокотясь на перила.

Можетъ быть даже она ожидала меня, не знаю, но мы бросились въ объятія другъ друга.

— Я люблю тебя!—проговорилъ я.

А она рыдала какъ ребенокъ.

Мы не могли оторваться другъ отъ друга. Вдругъ въ мансардѣ Боливара послышался шумъ.

— А Маргарита все не идетъ! Сходи-ка ты, посмотри, гдѣ она,—говорила старая Жакелина мужу.

Дѣвушка мгновенно отерла глаза и бѣгомъ спустилась двумя этажами ниже; а я вбѣжалъ въ свою комнату, влюбленный больше, чѣмъ когда-либо.

Съ этого дня каждый вечеръ въ одинъ и тотъ же часъ мы встрѣчались на томъ же самомъ мѣстѣ, шопотомъ говорили о нашемъ счастьѣ, и дѣйствительно были безпредѣльно счастливы.

Такъ шло дѣло цѣлую недѣлю. Но въ одинъ вечеръ мнѣ вдругъ послышался надъ нами какой-то шорохъ. Верхній конецъ лѣстницы терялся во мракѣ, но мнѣ довольно явственно показалось, что тамъ мелькнуло чье-то лицо. Я вздрогнулъ и сталъ присматриваться.

Маргарита смотрѣла туда же, но оба мы не видѣли ничего и вокругъ насъ было попрежнему тихо

Но, тѣмъ не менѣе, мы до того перепугались, что тотчасъ же разошлись. Она крѣпко сжала мою руку и убѣжала въ свою мансарду, а я возвратился къ себѣ.

Когда я ложился спать, меня сильно заботила мысль о томъ, что старый скоморохъ подстерегъ наши свиданія. Но у сосѣдей было все тихо, и я успокоился и заснулъ.

На другой день было воскресенье. Я всталъ рано и только что взялся было за свой корнстъ-а-пистонъ, какъ послышались два легкіе удара въ дверь.

Меня очень удивило такое раннее посѣщеніе, но, тѣмъ не менѣе, я тотчасъ же отвѣтилъ приглашеніемъ войти. Въ дверяхъ появился старикъ Боливаръ въ своей огромной шляпѣ. Лицо его было такъ блѣдно и такъ серьезно,что для меня не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ цѣли его прихода.

Въ эту минуту я стоялъ посреди комнаты и почти машинально придвинулъ ему стулъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мое предупредительное движеніе.

— Милостивый государь,—заговорилъ онъ просто и серьезно, такимъ тономъ, который проникалъ до глубины моей души,—я старый живописецъ. Я никогда не пользовался славой, но все-таки я нѣсколько и физіономистъ. Когда мы встрѣтились въ первый разъ, глядя на ваше лицо, я подумалъ, что вы славный, добрый мальчикъ, а впослѣдствіи станете честнымъ человѣкомъ. Я зналъ, что вы изучаете законы и радовался, что вы не одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которые проводятъ ученическіе годы въ томъ, что гоняются за дѣвушками, сбиваютъ ихъ съ толку, развращаютъ, отучаютъ отъ работы и порядка, а потомъ садятся на судейскія кресла и безпощаднымъ судомъ караютъ воровокъ, дѣтоубійцъ и другихъ погибшихъ женщинъ, вовсе не думая о томъ, что и они, какъ причина многихъ подобныхъ преступленій, должны были бы нести часть отвѣтственности за этихъ несчастныхъ. Да, такъ вотъ какое мнѣніе я составилъ себѣ о васъ. И неужели я ошибся?

Онъ въ упоръ взглянулъ мнѣ въ глаза и все существо его приняло выраженіе такого возвышеннаго достоинства, что я былъ просто пораженъ.

— Если бы обстоятельства мои были хоть нѣсколько лучше, я не пришелъ бы къ вамъ... Я просто перемѣнилъ бы квартиру Но переѣхать теперь я не въ состояніи. Если вы честный че-

ловѣкъ, то мнѣ нечего совѣтывать вамъ, какъ вамъ слѣдуетъ поступить.

Онъ поклонился и вышелъ.

Черезъ двѣ минуты я уже укладывался.

Не стану говорить вамъ о горькихъ мысляхъ, которыя проносились въ то время въ моей головѣ. Одно сознаніе, что мнѣ предстоитъ навсегда разстаться съ Маргаритой, даже не взглянувъ на нее въ послѣдній разъ, даже не повторивъ ей на прощанье, что я безумно люблю ее, приводило меня въ отчаяніе. Да!.. Но слова старика были такъ справедливы! Я счелъ бы величайшей подлостью не оправдать своимъ поведеніемъ того мнѣнія, которое онъ обо мнѣ составилъ,—а потому не колебался ни минуты.

Наскоро укладывая свои вещи, я слышалъ, что сосѣди мои собираются уходить.

— Скорѣй, скорѣй, Маргарита,—ворчала старая Жакелина,—ужъ мы и такъ опоздали.

И легкіе шаги быстро спустились съ лѣстницы. Я поблѣднѣлъ, какъ смерть, и съ замираніемъ сердца прислушивался къ этому знакомому милому звуку; а когда онъ затихъ окончательно, я невольно опустился на стулъ.

Хорошая вещь имя честнаго человѣка! Старый Боливаръ сумѣлъ найти средство заставить меня повиноваться!

Наконецъ, я уложился и сходилъ за комиссіонеромъ.

Мосье Мартенъ, увидя, что я спускаюсь съ лѣстницы и за мною несутъ всѣ мои вещи, подошелъ ко мнѣ и высказалъ предположеніе, что вѣроятно какая-нибудь неожиданная вѣсть заставила меня такъ внезапно выѣхать. Я отвѣтилъ ему, что это такъ и было, разсчитался съ нимъ, и онъ пожелалъ мнѣ добраго пути.

Мы съ комиссіонеромъ медленно подвигались по старой улицѣ Грэ, отыскивая вывѣску: «меблированныя комнаты».

Минутъ черезъ двадцать ходьбы, мы взобрались на лѣстницу стараго дома въ улицѣ Ла-Гарпъ, близъ бань Жюльена, и я поселился у вдовы Обюртенъ.

Моя новая комната была лучше прежней, гораздо выше, въ два окна, которыя выходили на улицу.

Я поселился въ ней съ великой тоской въ душѣ, но съ твердой рѣшимостью никогда больше не видать Маргариту,

даже не думать о ней. Однако, милая улыбка моей возлюбленной не покидала моего воображенія.

Иногда, идя на лекціи, мнѣ казалось, что я узнавалъ ее вдали на улицѣ по всей фигурѣ, по манерѣ держать голову, по ея прекраснымъ волосамъ. Ноги мои мгновенно принимались шагать съ необыкновенной быстротой, совершенно противъ воли я бѣжалъ, чтобы догнать ее, но скоро разубѣдившись въ своей ошибкѣ, я опять медленно плелся съ опущенной головой.

Я никогда не видалъ ее больше!

Вотъ вамъ исторія моей первой любви. Я всегда вспоминаю о ней съ чувствомъ глубокой нѣжности. Можетъ статься, что «не исполни я тогда своей обязанности честнаго человѣка», оно обратилось бы въ самое ужасное, тягостное воспоминаніе моей жизни.

Скажу мимоходомъ, тѣмъ, что на совѣсти моей нѣтъ пятна, я обязанъ дѣду. Его разсказъ о гнусномъ извергѣ изъ Сенъ-Сюзана далъ мнѣ силу поступить честно и сбросить съ сердца путы, которыя надолго оставили па немъ кровавые слѣды. Да, истинно счастливы тѣ, кто видитъ въ своей семьѣ лишь хорошіе примѣры и слышитъ лишь добрые совѣты.

X.

Но возвратимся къ моимъ занятіямъ.

Я не только не пересталъ изучать право, но еще слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ для того, чтобы усовершенствовать свое образованіе. Патенъ разъяснялъ намъ нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ временъ упадка. Жерюзэ—французскихъ писателей шестнадцатаго вѣка, Дамиронъ разбиралъ въ этотъ годъ единственно философію Боссюэта.

Лекціи Мишле и Кинэ въ Коллежъ-де-Франсъ внушали мнѣ живѣйшій интересъ, всѣ онѣ были проникнуты намеками на совершавшіяся событія. Какъ только эти профессора появлялись на каѳедрѣ, аудиторія дрожала отъ грома рукоплесканій. Иногда имъ приходилось ждать минутъ по десяти, пока не возстановлялась тишина и возможность начать говорить.

Въ концѣ лекціи оказывалось, что слушателямъ едва удавалось схватить три, четыре связныхъ предложенія... это было просто обидно!

Но къ счастью, эти люди и писали! Они писали противъ іезуитовъ.

Благодаря ненависти къ іезуитамъ, революція, смолкшая было при Людовикѣ-Филиппѣ, начинала снова просыпаться. Іезуиты сами начали нападать на наши учрежденія. Подъ видомъ религіозныхъ собраній, они устраивали въ улицѣ св. Якоба митинги, въ сущности политическаго содержанія.

Ихъ повѣренные, такіе же студенты, какъ и мы, преслѣдовали насъ всюду, даже въ стѣнахъ школы и совращали наивныхъ юношей точно извѣстные агенты въ Америкѣ, которые поджидаютъ эмигрантовъ на дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ и уводятъ ихъ сотнями въ свои гостиницы.

Да, великое движеніе возникало снова, хотя пока еще только подъ названіемъ исключительно религіознаго. Великій агитаторъ Ирландіи, О'Коннель, ученикъ Сенмерскихъ іезуитовъ, подалъ къ нему первый сигналъ.

Приманкой былъ слухъ, что вся Англія цѣликомъ обратится въ католицизмъ, что королева Викторія и знатнѣйшіе лорды, хотя еще и втайнѣ, но уже признали верховную власть папы.

Разумѣется, это была грубѣйшая выдумка! Но іезуиты отлично понимали всю заразительность примѣра и знали, что изъ ста человѣкъ лишь одинъ рѣшится на перемѣну самостоятельно, а остальные девяносто девять пойдутъ на нее только слѣдомъ за другими, а потому смѣло и разсказывали эти враки молодымъ студентамъ перваго курса.

Таково было положеніе дѣлъ въ теченіе лѣта 1845 г.

Приближавшіеся экзамены поглотили все мое вниманіе. Да, впрочемъ, во все продолженіе послѣднихъ недѣль учебнаго года и не произошло ничего выдающагося. Въ концѣ августа я съ успѣхомъ сдалъ свой первый экзаменъ на степень бакалавра правъ и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Парижа на родину.

Что за счастье возвратиться въ свое старое гнѣздо, снова свидѣться со всѣмъ и всѣми, что дорого сердцу! И какъ живо стоитъ въ моей памяти это счастливое время.

Мы выбрались изъ Парижа, проѣхали Шампань, Лоррень, и, наконецъ, съ высоты имперіала своего дилижанса, я снова увидѣлъ старыя улицы Сенъ-Сюзана, съ его казармами и ко-

колокольней, увѣнчанной огромнымъ гнѣздомъ аиста. Вотъ дилижансъ въѣзжаетъ въ форштадтъ, перебирается черезъ мостъ, на мгновеніе исчезаетъ подъ сводомъ Лорренскихъ воротъ и звонко дребезжа, катится по мостовой городскихъ улицъ. Длинная вереница домовъ мелькаетъ передъ моими глазами, кое-кто изъ прохожихъ узнаетъ меня и въ мою сторону несутся добродушные, ласковые поклоны; я отвѣчаю на нихъ, а въ душѣ у меня радость и умиленіе.

А что за воздухъ на этой возвышенной равнинѣ среди Вогезовъ! Какъ особенноярокъ свѣтъ солнца среди бѣлыхъ и розовыхъ фасадовъ милаго городка! А тамъ дальше какой заманчивой, прохладной тѣнью темнѣетъ роскошная зелень акацій!..

Мнѣ кажется, что я уже вижу дѣда у входа въ нашъ магазинъ.

Онъ ждетъ меня и на губахъ его играетъ веселая улыбка. Изъ за его плеча виднѣется парадный чепчикъ тети Клариссы.

Они получили мое письмо утромъ и знали, что я буду съ двѣнадцатичасовымъ дилижансомъ.

Наконецъ, мы останавливаемся передъ гостиницей «Аиста», я, какъ кошка, спускаюсь со своей вышки, бросаю свой багажъ у входа и бѣгомъ перелетаю черезъ площадь. Дѣдъ идетъ мнѣ навстрѣчу, и вотъ мы въ объятіяхъ другъ друга.

— Вотъ и ты, наконецъ!—говоритъ старикъ взволнованнымъ голосомъ.—Ну, здоровъ?

— Разумѣется, совсѣмъ здоровъ! А ты, дѣдушка? Ты совсѣмъ не перемѣнился! Какъ я радъ васъ видѣть! Э, тетенька Кларисса, что же это вы меня не поцѣлуете?

— О, Люсьенъ, вы стали такой большой, да красивый мужчина, что я даже не посмѣла...

Мы смѣемся, обнимаемся и входимъ въ библіотеку.

Дѣдъ бодръ и свѣжъ, какъ юноша; глаза его свѣтятся огнемъ и силой молодости.

Тетя Кларисса побѣжала въ кухню готовить завтракъ

Пришелъ носильщикъ съ моими вещами и сталъ подниматься въ мою комнату. Мы пошли за нимъ.

Послѣ тридцати шести часовъ ѣзды въ открытомъ экипажѣ, нужно привести себя въ порядокъ. Я тотчасъ же открылъ че-

модапъ и сталъ раскладывать вещи; а пока я мылся, причесывался и устраивался, дѣдъ разсказывалъ мнѣ о послѣднихъ выборахъ, о продѣлкахъ реакціонеровъ, объ ихъ обѣщаніяхъ, рѣчахъ и обѣдахъ. Въ то же время старикъ просматривалъ мои письма и визитныя карточки,—онъ былъ вообще любопытенъ и очень интересовался моими дѣлами, какъ крупными, такъ и мелкими.

Едва я успѣлъ одѣться, какъ послышался голосъ тети Клариссы,—она звала завтракать, и мы хотѣли уже идти внизъ, какъ вдругъ дѣду попалась на глаза одна изъ моихъ визитныхъ карточекъ. Это была та самая, которую далъ мнѣ, годъ тому назадъ, мосье Розерель. Она валялась на днѣ моего чемодана, и я совершенно забылъ о ней.

— Розерель!—вскричалъ дѣдъ съ удивленіемъ.—Изъ Бовэ! Скажи на милость, гдѣ ты познакомился съ этимъ іезуитомъ.

Онъ былъ видимо пораженъ.

Смѣясь его удивленію, я разсказалъ ему, какъ любезно обошелся со мною преподобный отецъ, какъ онъ приглашалъ меня къ себѣ и обѣщалъ доставить мнѣ въ Бовэ и роскошные обѣды, и охоту, и всевозможныя удовольствія.

— А, какъ вамъ это нравится!?—вскричалъ дѣдъ, не сводя съ меня своихъ свѣтлыхъ, умныхъ глазъ.—Вѣдь это онъ хотѣлъ сманить тебя туда, чтобы представить аббату Фетріе! И знаешь ли? Эта великая честь тому, кого запримѣтитъ эта старая лисица. Значитъ, онъ нашелъ, что ты достоинъ чести попасть въ ихъ братство! Хе, хе! Люсьенъ, да мы съ тобой теперь на славной дорогѣ,—можно и жениться выгодно, и протекціей пользоваться, и всего, чего хочешь, добиться,—стоитъ только быть поподлѣе, хорошенько унижаться, хорошенько льстить да лицемѣрить.

— А ты, значитъ, тоже знаешь этого господина Розереля?—спросилъ я.

— Еще бы не знать, отлично знаю! Да это цѣлая исторія. Ты готовъ? Пойдемъ теперь завтракать, а потомъ я разскажу тебѣ все это за дессертомъ.

Мы сошли внизъ.

Столъ былъ уже накрытъ, и большой графинъ ярко блестѣлъ своими гранями среди бѣлоснѣжной скатерти. Бутылка Лиронкура и галантинъ изъ курицы напомнили мнѣ воскрес-

ные дни милаго стараго времени. Дѣдъ усѣлся и скоро началъ свою исторію:

— Въ 1829 году умеръ нашъ конституціонный священникъ, мосье Лето. Это былъ славный честный человѣкъ, котораго я зналъ съ самаго поселенія моего въ Сенъ-Сюзанѣ. Когда-то онъ принялъ присягу гражданскому учрежденію духовенства, признанному Людовикомъ XVI и множествомъ почтенныхъ лицъ изъ духовенства. Другіе отказались принять эту присягу. Въ этомъ дѣлѣ духовенство раздѣлилось на двѣ партіи. Но послѣ конкордата 1801 года всѣ эти распри были прекращены и принятіе присяги не могло быть поставлено въ упрекъ духовному лицу.

Многіе говорятъ, что возвращеніе Бурбоновъ снова водворило у насъ миръ и согласіе, но на дѣлѣ этого вовсе не было,— благодаря имъ, добрые старые священники очутились въ опалѣ. Совершенно удалить ихъ отъ дѣятельности было нельзя, потому что по самому конкордату всѣ священники кантона были признаны несмѣняемыми, но тѣмъ не менѣе имъ ставили въ постоянный и непростительный упрекъ то, что они подчинились скорѣе законамъ своей родины, а не волѣ Рима.

Пій VII своей буллой «Sollicitudo omnium» возстановилъ орденъ іезуитовъ и нашъ бѣдный отецъ Лето, въ силу своей присяги, обязанъ былъ ежегодно 21 января, въ годовщину смерти короля, совершать публичное покаяніе.

Онъ произносилъ свою «mea culpa», стоя на каѳедрѣ, колотя себя въ грудь и самымъ жалкимъ образомъ унижаясь передъ паствой.

Это доказываетъ только, что заповѣданное Христомъ прощеніе обидъ далеко не составляетъ одной изъ добродѣтелей людей, которые гордо признаютъ себя христіаннѣйшими изъ христіанъ.

Нашъ добрый священникъ испилъ свою чашу до конца и умеръ среди всеобщаго сочувствія и сожалѣнія всѣхъ порядочныхъ людей. На похороны его собралось все окрестное населеніе городка, тѣмъ болѣе, что разнесся слухъ, что совершать богослуженіе и говорить надгробное слово будетъ самъ монсиньоръ Форбенъ Янсонъ.

Монсиньоръ, славился какъ талантливый ораторъ. Я былъ въ то время муниципальнымъ совѣтникомъ, и по должности

обязанъ былъ участвовать въ процессіи и радовался, что услышу все, что онъ станетъ говорить.

Дѣло было осенью, послѣ жатвы, а потому крестьянъ собралось въ городъ необычайно много. Такихъ сборищъ не запоминали съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ уходилъ въ свои походы.

По правиламъ старциннаго церемоньяла, бѣднягу Лето перенесли изъ пасторскаго дома въ церковь. Заупокойную обѣдню отслужили съ необыкновенной торжественностью. Все окрестное духовенство принимало участіе въ служеніи, пѣвчимъ и органу аккомпанировалъ хоръ военной музыки.

Послѣ обѣдни, процессія снова двинулась, среди разступившейся толпы, отъ церкви къ кладбищу.

Монсиньоръ, окруженный духовенствомъ, шелъ позади гроба, за нимъ слѣдовалъ муниципальный совѣтъ въ полномъ составѣ и множество депутацій.

На кладбище собралось столько народу, что если бы солдаты не расчистили намъ дорогу и не стали шпалерами по сторонамъ прохода, намъ не удалось бы добраться до могилы.

Все стремилось услышать надгробное слово, оживившаяся дѣятельность духовенства возродила религіозное чувство въ душахъ паствы, армія и администрація были вполнѣ подъ его вліяніемъ.

У бѣдняги Карла X было много грѣховъ юности, и всѣ ихъ нужно было замаливать передъ Богомъ! Весь народъ каялся вмѣстѣ съ королемъ и за него; колокола звонили съ утра до вечера; воскресенья соблюдались самымъ строгимъ образомъ; люди говѣли по наряду.

Для того, чтобы выслужиться, стоило только почаще повторять: «Безъ вѣры нѣсть спасенія».

За то вѣра и не была никогда такъ сильна въ мірѣ какъ въ то время.

Наконецъ, мы подошли къ могилѣ и стали вокругъ: съ одной стороны духовенство, съ другой военныя и гражданскія власти.

Торжественно пропѣли «Miserere», затѣмъ монсиньоръ Форбенъ Янсонъ подошелъ къ гробу и началъ свою рѣчь.

Я стоялъ какъ разъ противъ него на разстояніи десяти ша-

товъ. У него былъ такой же великолѣпный носъ, какъ и у меня, такъ что можно сказать, что мы стояли носомъ къ носу.

Говорилъ онъ прекрасно, громкимъ, звучнымъ голосомъ. Толпа стояла поразительно тихо.

Вѣроятно, каждое слово его доносилось до самыхъ послѣднихъ рядовъ, хотя сборище было по крайней мѣрѣ въ пятнадцать, или двадцать тысячъ человѣкъ и наводнило все кладбище, дорогу и прилегающія поля. Я стоялъ выше другихъ на кучѣ земли и не могу не сказать, что все это представляло зрѣлище поразительно величественное.

Монсиньоръ коротко пересказалъ бурную жизнь покойнаго Лето, коснулся драматическихъ условій эпохи, которую онъ пережилъ, не преминулъ также и упрекнуть его за слабость, по которой онъ принялъ присягу свѣтскимъ властямъ вмѣсто того, чтобы послушаться голоса, который вѣщалъ ему съ самаго неба: «Откажись!.. преклоняться подобаетъ только передъ Богомъ!»

Можетъ быть, все это, и такъ, но только большинство людей, которые слушали эту проповѣдь, ежедневно преклонялись передъ совсѣмъ иными властями, чѣмъ воля Божія. Мнѣ пришло это въ голову тогда же, но я и теперь думаю, что мысль это была вѣрная.

Дальше Форбенъ-Янсонъ продолжалъ, что благость Всевышняго неизсякаема и что помилованіе Его простирается на всѣ грѣхи и слабости, но съ тою только разницею, что для слабаго и грѣшнаго врата райскія не могутъ быть отверсты сразу, а не иначе какъ послѣ того, какъ онъ вынесетъ муки искупленія.

Отсюда онъ вывелъ причину существованія чистилища, доказывая, что еретики совершенно ошибочно думаютъ, что существуетъ только адъ и рай.

Эту мысль онъ развивалъ долго и краснорѣчиво, и наконецъ, громко и торжественно воскликнулъ:

— Итакъ, всѣ мы, здѣсь стоящіе и вѣрующіе, станемъ же колѣнопреклонно умолять Господа ниспослать милость свою и на эту душу, не уберегшуюся отъ минуты заблужденія!

И вдругъ вся эта тысячеголовая толпа мгновенно опустилась на колѣна, точно будто бурный порывъ вѣтра пригнулъ къ землѣ цѣлое поле колосьевъ. Одинъ я остался на ногахъ про-

тивъ Форбена-Янсона, который взглянулъ на меня такъ, точно хотѣлъ проникнуть въ глубину моей души.

Я тоже смотрѣлъ на него въ упоръ и думалъ:

— Если ты только заговоришь со мною, я стану громко прославлять своего стараго друга, Лето; я докажу этимъ людямъ его безпредѣльную преданность родинѣ и тогда заставлю ихъ понять, что ему долженъ быть уготованъ рай за всѣ эти добродѣтели!

Вѣрно, по глазамъ моимъ, онъ догадался, на что я былъ готовъ. Онъ опустилъ голову и съ минуту какъ бы молился, потомъ поднялъ руки къ небу и громко проговорилъ:

— Благодарю Тя, о, Боже, преблагій и великій, что среди такого огромнаго стеченія людей твоихъ лишь немногіе остаются непричастными твоей милости!

Я быстро оглянулся и увидѣлъ, что въ толпѣ не опустился на колѣни еще одинъ человѣкъ. Это былъ нотаріусъ Эмбахъ, отецъ Страсбургскаго профессора Эмбаха. Онъ тоже смотрѣлъ на меня, и мы улыбнулись другъ другу.

Всѣ же остальные: мэры, чиновники, офицеры всѣхъ чиновъ, даже раввинъ, да, именно старый раввинъ Зихель, мой сосѣдъ, пришедшій сюда просто изъ любопытства,—всѣ униженно склонились передъ этимъ человѣкомъ. И въ ту минуту я понялъ гордость этой власти, способной однимъ словомъ повергнуть въ прахъ цѣлые сонмы человѣческихъ головъ.

Послѣ молитвы монсиньора, толпа поднялась на ноги и начала расходиться, такъ что черезъ четверть часа и намъ стало можно пробраться домой.

Сейчасъ мнѣ вспомнился презабавный случай, который былъ со мною тогда. Идя домой, я нагналъ стараго друга и сосѣда своего, раввина Зихеля, и началъ было дразнить его по поводу его колѣнопреклоненія. Но онъ сразу остановилъ меня.

— Знаешь что, Лебигръ,—сказалъ онъ,—до сихъ поръ я всегда считалъ тебя за человѣка разумнаго, но послѣ сегодняшняго, извини! Что за неосторожность. Ай, ай, какая неосторожность! Вѣдь только мигни этотъ монсиньоръ однимъ глазомъ, и все это стадо дураковъ бросилось бы на тебя и разорвало бы въ клочья. Неужто ты этого не понялъ?

— Да ужъ нечего! Вѣдь вижу, что ты нападаешь на меня, чтобы самому тебѣ отъ меня не попало!—отвѣтилъ я, смѣясь.—

Нѣтъ, ты скажи-ка мнѣ лучше, какъ это ты, Зихель, вмѣсто того, чтобы стоять гордо подъ защитой своего Іеговы, самъ унизилъ его въ своей персонѣ,—растянулся ничкомъ по первому слову монсиньора? И неужто тебѣ не стыдно? Неужто ты не понимаешь, что унизился?

— Полно тебѣ! Перестань пожалуйста! — возразилъ онъ, пожимая плечами.—Натанъ Зихель можетъ ложиться на землю сколько угодно, а Іегова все-таки останется на своемъ мѣстѣ! Ну, что можетъ значить такая ничтожная былинка, какъ, я для великаго Бога Израиля? Э! Натанъ Зихель никогда не былъ такимъ безсовѣстнымъ, чтобы говорить, или даже думать, что онъ представляетъ изъ себя Іегову! Такъ-то, братъ Лебигръ,—знай разъ на всегда: «гордымъ Богъ противится»! Онъ можетъ однимъ махомъ смести съ лица земли всѣхъ монсиньоровъ и епископовъ!

Нѣсколько человѣкъ нагнало насъ и шло очень близко. Раввинъ оглянулся на нихъ и замѣтно вздрогнулъ, испугавшись своихъ собственныхъ словъ.

— Съ тобой и я становлюсь какимъ-то сумасшедшимъ,— пробормоталъ онъ.—Ну, что было бы если бы кто-нибудь изъ этихъ бѣшенныхъ фанатиковъ услышалъ то, что я сказалъ...

Однако, я все еще не добрался до моего знакомства съ Розерелемъ. Онъ былъ секретаремъ Форбена Янсона; познакомились мы съ нимъ именно по поводу этой исторіи надъ могилой Лето.

На другой день я былъ въ магазинѣ и переставлялъ книги. Вдругъ входитъ Розерель и спрашиваетъ нѣсколько книгъ религіознаго содержанія. Долго вертѣлъ онъ ихъ въ рукахъ и разсматривалъ, потомъ посмотрѣлъ на меня и говоритъ:

— Вотъ вы торгуете такими книгами, а сами ни во что не вѣрите.

Я сначала было очень озадачился, но потомъ отвѣтилъ ему:

— Какъ же это я ни во что не вѣрю? Нѣтъ! Я вѣрю напримѣръ въ разумъ, въ здравый смыслъ, а еще вѣрю и въ то, что на свѣтѣ есть много проходимцевъ, и что они ходятъ въ разныхъ платьяхъ.

— Вы въ Бога не вѣрите!—закричалъ онъ съ досадой.

Это меня ужъ совсѣмъ разозлило.

— Я вѣрую, что есть Высшее Существо, есть Богъ—ска-

залъ я,—но я не понимаю вашихъ проповѣдей о безконечности да и вы тоже, я думаю, не много понимаете.

И видя, что онъ собирается затѣять споръ, а въ лавкѣ набралось нѣсколько человѣкъ, которые могли бы дурно понять мои слова, я схватилъ философскій словарь Вольтера и подалъ ему.

— Вотъ прочтите эту книгу, тогда и поймете, во что я вѣрю и во что не вѣрю. Большихъ объясненій мнѣ давать не для чего,—онѣ были бы совершенно излишни.

Онъ взглянулъ на заглавіе и проговорилъ:

— Очень хорошо. Я такъ и думалъ.

— Онъ ушелъ.

Дѣло было уже въ концѣ каникулъ. Къ началу кл[illegible] выписалъ добрый запасъ учебниковъ. И вдругъ всѣ они [illegible] у меня на рукахъ потому, что господину директору в[illegible] потребовать совсѣмъ другихъ. Меня наказали убыткомъ въ нѣсколько сотъ франковъ.

Затѣмъ скоро пронесся слухъ, что въ Сенъ-Сюзанѣ откроется новый книжный магазинъ, подъ покровительствомъ самого монсиньора, и что ему одному будетъ предоставлено право торговать книгами религіознаго содержанія.

Становилось ясно, что меня рѣшено разорить! И не произойди іюльскихъ событій, не соединись люди одинаковыхъ со мною убѣжденій для того, чтобы заставить ихъ восторжествовать,—не знаю, что было бы со мною дальше.

Да, такъ вотъ какъ познакомился я съ отцомъ іезуитомъ Розерелемъ.

Несмотря на свои семьдесятъ три года, дѣдъ вполнѣ сохранилъ весь свой юморъ.

— Теперь іезуиты въ горѣ и страхѣ,—продолжалъ онъ.— Новый папа, Пій IX, избранъ подъ вліяніемъ Франціи, онъ не ихъ креатура. Вотъ они и собрались въ свою крѣпость, Ліонъ, чтобы слить тамъ свои силы.

Въ военномъ дѣлѣ разбитый непріятель обязанъ уплатить убытки, которые причинилъ побѣдителю, а съ ними этого не бываетъ. Они преспокойно удаляются себѣ восвояси и сидятъ тамъ, выжидая случая опять выбраться на свѣтъ Божій и начать ставить въ немъ все вверхъ дномъ. Къ нимъ не примѣняютъ даже прежнихъ законовъ объ ихъ изгнаніи. Всѣ такъ рады хоть

на время освободиться отъ ихъ козней, что забываютъ даже свою ненависть къ нимъ, а имъ это и на руку.

- Вѣдь это не малое дѣло принадлежать къ такой привилегированной ассоціаціи, которая беретъ съ бою все, а въ случаѣ пораженія ничего не теряетъ. Не если такое положеніе дѣла у насъ затянется, то объяснить его можно будетъ только развѣ слабостью и безчестностью правительства.

Послѣ смерти герцога Орлеанскаго іезуиты овладѣли умомъ королевы Маріи-Амеліи. Бѣдная женщина воображала, что кончина сына была наказаніемъ за нѣсколько еретическихъ браковъ, бывшихъ въ ихъ семьѣ. Она въ отчаяніи готова была сдѣлать все на свѣтѣ, лишь бы спасти душу своего покойнаго сына. Понятное дѣло, что хитроумные отцы іезуиты не преминули воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ они воспользовались суевѣрнымъ ужасомъ Маріи Медичи послѣ убіенія Генриха IV для того, чтобы выманить у нея указъ о дозволеніи имъ «публично преподавать теологію и всѣ науки», а потомъ быть даже причисленными къ университету. Но скоро имъ показалось мало и этого, они захотѣли руководить раздачей университетскихъ степеней, т. е. внести въ это учрежденіе разладъ, а затѣмъ овладѣть имъ окончательно.

Когда университету стала угрожать такая явная опасность быть выгнаннымъ самому изъ себя,—онъ возсталъ. Парламентъ, состоявшій изъ людей прежде всего съ французскимъ складомъ мыслей, осудилъ книги достопочтенныхъ отцовъ. Дворъ давно былъ озабоченъ усиленіемъ этой посторонней власти, но только не зналъ, какъ взяться за дѣло ея изгнанія, а потому былъ въ восторгѣ отъ мѣры принятой парламентомъ. Іезуиты потеряли тогда всякую надежду на то, что ихъ допустятъ «извращать и насиловать народный умъ» и начали открыто проповѣдывать, что «позволительно свергать съ троновъ королей, которые не исполняютъ своихъ обязанностей»,—другими словами: такихъ, которые не желаютъ предоставить имъ воспитаніе юношества.

Видѣлъ я, какъ они ведутъ свои дѣла: то стихнутъ такъ, что кажется, будто они дремлютъ, то вдругъ энергія и дерзость ихъ не имѣетъ границъ.

— Неужели ты думаешь, дѣдушка,—спросилъ я,— что они

опять осмѣлятся приняться за свои происки, да еще при такомъ либеральномъ папѣ, какъ Пій IX?

— Я думаю,—отвѣтилъ онъ,—что если новый папа осмѣлится идти наперекоръ отцамъ іезуитамъ, то его очень скоро постигнетъ перстъ Божій.

Я не могъ воздержаться отъ протестующаго восклицанія.

— Да да, совершенно вѣрно, именно перстъ Божій!—подтвердилъ дѣдъ, сильно затягиваясь табакомъ.—Когда въ 1769 г. послы Франціи и Италіи представили папѣ Клименту XIII формальную просьбу о уничтоженіи ордена Іисуса, престар[illegible] глава церкви вынужденъ былъ уступить ихъ настоян[illegible] и умеръ именно въ ночь передъ совѣщаніемъ, на которомъ [illegible] было разбираться это дѣло.

«Богъ наказалъ его за недостатокъ энергіи».

Тогда іезуиты приняли всевозможныя мѣры, чтобы избраніе новаго папы произошло подъ ихъ руководствомъ. Но имъ не удалось. Винцентъ Ганганелли былъ избранъ по желанію Франціи и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Климента XIV.

Едва онъ принялся за дѣла, какъ ужасный вопросъ объ уничтоженіи ордена Іисуса очутился передъ нимъ, требуя рѣшенія. Долго пролежало это дѣло подъ сукномъ—несчастный папа просто боялся взяться за него и съ году на годъ откладывалъ его рѣшеніе.

Наконецъ, уступая настояніямъ Карла III Испанскаго и Людовика XV, онъ не могъ болѣе откладывать и 21 іюля 1773 г. подписалъ знаменитую буллу объ уничтоженіи ордена іезуитовъ. «Я исполняю свою обязанность,—сказалъ онъ при этомъ,—но знаю, что это уничтоженіе будетъ мнѣ стоить жизни»!

Климентъ V и Филиппъ Красивый умерли въ самый годъ уничтоженія ордена Темпліеровъ для того, чтобы предстать на судъ Божій. Климентъ XIV тоже долженъ былъ въ этотъ же годъ нести Богу отчетъ за вредъ, нанесенный ордену іезуитовъ.

Эти внезапныя кончины всегда потрясаютъ воображеніе народовъ. Они видятъ въ нихъ гнѣвъ Божій, безотлагательно карающій согрѣшившихъ служителей своихъ.

Вскорѣ послѣ подписанія буллы, наступила святая недѣля. Папа вдругъ почувствовалъ себя очень дурно, смертельный холодъ охватилъ все его тѣло,—перстъ Божій настигъ его!

Несчастный помѣшался и умеръ въ 1774 году.

— Да вѣдь это не больше, какъ случай,—замѣтилъ я.

Но дѣдъ, не обращая на меня вниманія, продолжалъ:

— Нашъ посолъ въ Римѣ, кардиналъ Берни, писалъ тогда: «Родъ болѣзни папы и въ особенности обстоятельства, сопровождавшія его кончину, заставляютъ предполагать, что смерть его не была естественной».

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Обстоятельства, которыя предшествовали, сопровождали и послѣдовали за смертью послѣдняго папы, возбуждаютъ и ужасъ и состраданіе».

Оба эти письма кардинала Берни были доставлены въ числѣ другихъ дипломатическихъ бумагъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; но скоро исчезли изъ архива, а впослѣдствіи были даже признаны подложными...

Дѣдъ смолкъ на нѣсколько минутъ, точно желая дать мнѣ возможность сознательнѣе отдаться моимъ впечатлѣніямъ.

— Теперь ты самъ видишь,—началъ онъ снова,—что если Пій IX человѣкъ осторожный, то онъ даже и не можетъ идти въ дѣлѣ реформъ особенно далеко. Если нашъ духовный министръ въ Римѣ, преподобный Росси *) даже и оправдаетъ возлагаемыя на него надежды и уговоритъ папу учредить конституціонный образъ правленія въ Церковной Области, то обоимъ имъ будетъ грозить кара Господня. Всякій человѣкъ, который посредственно или непосредственно посягаетъ на всемогущество іезуитовъ, обращается во врата самого Бога и если только въ немъ дѣйствительно есть хоть какая нибудь сила, его рано или поздно постигнетъ судьба Климента XIV. Такія событія, разумѣется, служатъ весьма внушительными предостереженіями для послѣдующихъ дѣятелей.

— Нѣтъ, дѣдушка, — вскричалъ я,—ты просто пересаливаешь! Вѣдь это невѣроятно!

Онъ улыбнулся и пожалъ плечами.

---

*) Росси (Пелегрино), сдѣлавшійся впослѣдствіи государственнымъ министромъ папы, послѣ февральскихъ событій 1848 года былъ зарѣзанъ кинжаломъ въ Римѣ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ 15 ноября 1848 года, и папа даже не назначилъ слѣдствія по этому дѣлу.

— Дитя, ты—дитя,—возразилъ онъ,—не знаешь ты страстей человѣческихъ! Да, пожалуй, это къ лучшему! Не знаешь ты, до какихъ крайностей доводитъ людей духъ гордости, любостяжанія и властолюбія, прикрывшійся великимъ именемъ Божіимъ! Стоитъ только разъ переступить эту границу всецѣлаго почтенія къ Богу и тогда не остановишься уже ни передъ чѣмъ. Самое представленіе о совѣсти становится лишь забавнымъ! Говорятъ, что матеріализмъ дѣлаетъ громадные успѣхи въ средѣ народа,—это и несомнѣнно! Но кто-же виноватъ въ этомъ? Іезуиты самые величайшіе матеріалисты въ мірѣ. Съ самаго созданія своего ордена они проповѣдывали спиритуализмъ и страхъ грядущаго возмездія лишь для того, чтобы устрашать воображеніе своихъ слушателей и держать ихъ этимъ страхомъ въ своихъ рукахъ. А сами они всегда вѣрили лишь въ силу, хитрость, богатство, успѣхъ! Всѣ дѣла ихъ доказываютъ несомнѣнность этого факта. Ни одного раза не останавливались они ни передъ какимъ средствомъ, лишь-бы оно вело къ выгодамъ ихъ ордена. Всѣ ихъ дѣла оправдываются ихъ матеріалистическими принципами. А отсюда и ихъ наглость, и ихъ распущенная нравственность, и ихъ девизъ: «цѣль оправдываетъ средства». Отсюда и ихъ неотразимое вліяніе на всѣ дѣла земныя. До начала XVIII вѣка и до Вольтера и энциклопедистовъ, у іезуитовъ было двадцать четыре училища, шестьсотъ шестьдесятъ девять коллегій, сто семьдесятъ шесть семинарій, шестьдесятъ одинъ новиціатъ *), триста пять резиденцій, двѣсти семьдесятъ три миссіи среди язычниковъ и протестантовъ. Орденъ состоялъ изъ двадцати двухъ тысячъ пятисотъ восьмидесяти девяти членовъ, изъ которыхъ больше чѣмъ половина была облечена саномъ священства.

Дѣдъ открылъ энциклопедическій словарь и оттуда вычитывалъ мнѣ всѣ эти цифры.

— Понятно, что послѣ этого гордость ихъ не имѣла предѣловъ; но въ 1759 году они были изгнаны изъ Португаліи, въ 1764—изъ Франціи, въ 1767—изъ Испаніи и Неаполя, и, наконецъ Климентъ XIV, уступая общественному мнѣнію и неотступнымъ настояніямъ государей, пожелавшихъ наконецъ стать дѣйствительными и единственными властителями своихъ вла-

*) Учебное заведеніе для послушниковъ.

дѣній, окончательно прекратилъ существованіе ордена буллой: «Dominus ac Redemptor noster», за что и поплатился жизнью. Теперь преподобнымъ отцамъ, разумѣется, хотѣлось-бы возвратить все, чего они лишились, но нынѣ обстоятельства уже совершенно измѣнились. Нынѣ, когда благодаря ихъ собственной политикѣ, матеріализмъ обратился въ школу и всѣ дѣйствія ихъ обсуждены по ихъ же принципу «Acta non verba», имъ приходится встрѣчаться съ людьми гораздо менѣе богобоязненными, которые видятъ ихъ насквозь, спокойно ожидаютъ ихъ и всегда готовы на борьбу съ ними до крайнихъ предѣловъ, и которые не затруднятся стереть ихъ съ лица земли, чтобы прекратить эту вѣчную эксплоатацію довѣрія, отъ которой столько выстрадала наша родина и которая погубила столько другихъ народовъ.

Меня охватило чувство ужаса и отвращенія. Я не былъ уже въ состояніи доказывать дѣду, что онъ держится черезчуръ крайнихъ мнѣній.

XI.

Во время моего отсутствія милый маленькій городокъ Сенъ-Сюзанъ былъ сильно взволнованъ. Слѣдомъ за «Парижскими тайнами» вышелъ въ свѣтъ «Вѣчный жидъ». Духовенство формально запретило его; но, несмотря на это запрещеніе, всѣ принялись читать его съ усиленнымъ интересомъ.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ всѣ пятнадцать экземпляровъ, бывшіе въ библіотекѣ дѣда, разбирались постоянно нарасхватъ. Едва успѣвалъ одинъ изъ подписчиковъ возвратить книгу, какъ десять человѣкъ другихъ являлись получить ее.

Не мало экземпляровъ было и распродано. Всеобщее воодушевленіе и разладъ все возрастали. Дошло до того, что всѣмъ и повсюду видѣлись іезуиты.

Всѣ прежнія должностныя лица, отрѣшенныя съ паденіемъ Карла X: бывшій мэръ, Жюбиналь, его помощникъ, Фаріа, всѣ владѣльцы фабрикъ и ихъ жены, жившія всегда особнякомъ среди всѣхъ остальныхъ, всѣ тѣ, кого называли мѣщанскими дворянами,—кавалеры Сенъ-Луи и Мальтійскаго ордена, всѣ они безъ исключенія причислялись къ іезуитамъ.

— Вонъ идетъ Роденъ!—говорили другъ другу знакомые.—

Вонъ мадамъ Сентъ-Дизіе отправляется къ виконту д'Эгриньи!.. Старая Франсуаза Бодуэнъ ждетъ очереди въ исповѣдальнѣ отца Дюбуни!.. Кобошъ ужъ сдѣлалъ свой докладъ сегодня утромъ.

И такъ далѣе.

Выходило просто скандально.

Вскорѣ, вслѣдствіе нескромности Фаріа, узнали что легитимистская партія посылала нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ въ Бельгревъ-Сквэръ, чтобы выразить свои вѣрноподданическія чувства юному отпрыску Лилій, который жилъ тогда въ Англіи, и что, повидавшись съ принцемъ, посланные пришли въ отчаяніе и что самъ Бэрріе воскликнулъ:

«Бѣдный, бѣдный ребенокъ, какъ его намъ воспитываютъ! Онъ живетъ все еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Герцогъ Дама беретъ на себя величайшую отвѣтственность... Разумѣется, это трогательно... но для дѣйствительной жизни выходитъ ужъ слишкомъ прекрасно».

Когда эти слухи дошли до моего дѣда, онъ понюхалъ табаку и сказалъ очень серьезно:

— Я это и впередъ зналъ!.. Когда забываютъ завести часы, они непремѣнно останавливаются! На Версальскихъ часахъ и до сихъ поръ еще стоитъ часъ смерти Людовика XIV; въ Горитцѣ, разумѣется, тоже, а, пожалуй, и еще того лучше,—перевели стрѣлку къ самому Гуго Капету. Іезуиты воспитываютъ юнаго принца по своему, а эти люди способны на все на свѣтѣ. Будь я на ихъ мѣстѣ, такъ ужъ прямо дошелъ бы до Дагобера,—вѣдь чѣмъ вещи старѣе, тѣмъ онѣ благороднѣе и почтеннѣе! Каждый разъ по вечерамъ, когда я слышу, что заиграютъ пѣсню про «добраго царя», мнѣ становится грустно, а въ Горитцѣ отъ нея ужъ навѣрно рыдаютъ! Эхъ, милое старое время инквизиціи, Варѳоломеевской ночи! Нечего сказать, счастливы были бы іезуиты, если бы могли вернуть его! Вотъ ужъ отомстили бы они за себя! Да, къ счастію, не такъ то легко заставить идти назадъ солнце, луну, звѣзды, идеи, интересы и всѣ часы во вселенной. Да, да,—не легкое это дѣло!

Около этого же времени скончался отецъ Бланшаръ, нашъ священникъ, и на мѣсто его поступилъ нѣкто Піервиль, человѣкъ еще молодой, высокій, сухопарый и мрачный. Онъ отличался той особенностью, что никогда не смотрѣлъ на человѣка

прямо, а наблюдалъ за нимъ какъ то искоса, точно крадучись, и отвѣчалъ на поклоны, не снимая своей треуголки.

Старыя богомолки и женщины лѣтъ отъ тридцати до сорока приходили отъ него въ восторгъ.

Только и было толковъ, что объ отцѣ Піервилѣ. Тетя Кларисса была безъ ума отъ его краснорѣчія. Дѣдъ встрѣтилъ его раза два и составилъ себѣ о немъ особое мнѣніе.

— Этотъ молодецъ явился сюда прямо изъ Фрибурга или Монтружа,—говорилъ онъ.—Это самый чистокровный іезуитъ. Мирная дѣятельность стараго Лето и покойнаго Бланшара породила между нами какое то благодушіе, горячность фанатизма спала,—вотъ святые отцы и нашли, что пора имъ опять подогрѣть ее. У этого отца Піервиля навѣрно есть особыя инструкціи. Посмотримъ, какъ то онъ примется за дѣло.

И старикъ мой дѣйствительно не ошибся. Черезъ нѣсколько времени, безъ всякой видимой причины, безъ всякихъ особыхъ мѣръ, но все замѣтно перемѣнилось, — всѣми овладѣла какая то тревога, исповѣдальня была постоянно занята. Добрѣйшая тетя Кларисса была прежде всегда весела, а теперь стала задумываться и опускать передъ братомъ глаза.

Скоро во всемъ городѣ только и было разговору о томъ, что необходимо перевѣнчать въ церкви всѣхъ тѣхъ стариковъ и старухъ, которые во время революціи при совершеніи брака ограничивались только гражданской стороной дѣла.

Нѣкоторые изъ этихъ стариковъ, а особенно тѣ изъ нихъ, которые попали въ списки приходскихъ нищихъ, охотно соглашались подчиниться этой церемоніи, тѣмъ болѣе, что это совершалось на разсвѣтѣ, до обѣдни. Но другіе, посостоятельнѣе, прямо вознегодовали и наотрѣзъ отказались отъ этого, говоря, что съ нихъ совершенно достаточно брака, заключеннаго въ мэріи и что дѣти ихъ настолько же законныя, какъ и всѣ остальныя.

Старый капитанъ Шоссетье, ветеранъ императорскихъ войскъ, человѣкъ страдавшій отъ раны и кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, умеръ не причастившись и Піервиль отказался похоронить его.

Такимъ образомъ, разладъ между добрыми людьми все увеличивался.

— Вотъ теперь ты самъ видишь,—говорилъ мнѣ дѣдъ,—

что такое называется у нихъ водворять миръ въ средѣ людей. Двухъ-трехъ сотенъ такихъ молодцовъ въ странѣ достаточно для того, чтобы поставить все вверхъ дномъ, перессорить и разрушить даже семьи. И вѣдь мы все это терпимъ и даже хорошо платимъ іезуитамъ за такія дѣла.

Особенно раздражало его то, что тетя Кларисса стала теперь охладѣвать къ дѣламъ магазина и большую часть времени проводила въ церкви. Я видѣлъ, что собирается гроза, но дѣдъ былъ съ большимъ запасомъ самообладанія, долго сдерживался и до конца каникулъ ни слова не говорилъ сестрѣ.

Случай высказать свою досаду доставило ему появленіе въ Сенъ-Сюзанѣ одного въ высшей степени страннаго предмета, который взволновалъ весь городъ. Это была дощечка духовъ.

Въ предыдущемъ году сенъ-сюзанцы не особенно занимались вертящимися столами, потому что столъ, который двигается, когда его толкаютъ—вещь весьма обыкновенная, и доска, которая стучитъ однимъ концомъ, когда ее поднимаютъ за другой, представляетъ изъ себя тоже мало удивительнаго.

Нѣсколько праздныхъ людей занялись было опытами столоверченья отъ бездѣлья; но увидя, что они удаются каждому, скоро бросили эту забаву. Между тѣмъ, въ городъ возвратился изъ Америки Жанъ Піеръ Легри, сынъ собственника кузницы у Лорренскихъ воротъ. Пять лѣтъ тому назадъ онъ уѣхалъ въ чужіе края искать счастья, но теперь отецъ его умеръ и онъ пріѣхалъ принять наслѣдство.

Легри привезъ съ собою изъ Филадельфіи знаменитую дощечку духовъ. Къ ней обыкновенно придѣлывается карандашъ, ее кладутъ на бумагу и держатъ руки такъ же, какъ при столоверченіи, и черезъ нѣсколько времени она начинаетъ выводить удобочитаемые знаки.

Какъ только въ Сенъ-Сюзанѣ разнесся слухъ объ удивительной дощечкѣ, плацъ-маіоръ, мэръ, нотаріусы, муниципальные совѣтники, словомъ вся знать съ женами отправилась цѣлой процессіей въ кузницу Легри, побесѣдовать съ Моисеемъ, Сократомъ, Александромъ, Цезаремъ, Вольтеромъ и Наполеономъ, которые съ любезной поспѣшностью являлись отвѣчать по первому приглашенію.

Каждый вечеръ около десяти часовъ кузница была бит-

комъ набита публикой. Отвѣты духовъ передавались въ городѣ и всѣ находили въ нихъ поразительное глубокомысліе.

Дѣдъ, стоя у дверей своего магазина, видѣлъ, какъ спѣшили эти люди въ кузницу и былъ необыкновенно грустенъ.

— Съ каждымъ днемъ приходится все больше и больше убѣждаться въ бездонной пропасти человѣческаго тупоумія!— говорилъ онъ.—Во времена римлянъ и грековъ люди вѣрили въ мудрость куръ и гусей; египтяне почитали за боговъ кошекъ, крокодиловъ и коровъ, — а вотъ теперь цѣлая толпа бѣжитъ учиться уму-разуму и вопрошать о таинствахъ природы кусокъ деревяшки! Господи Боже, да до чего же это дойдетъ, наконецъ! Развѣ дикари, боготворящіе солнце не въ тысячу разъ разумнѣе этихъ дураковъ?

Однако, его скептицизму пришлось выдержать не легкое испытаніе по поводу этой самой дощечки.

Одинъ разъ утромъ Жанъ Пьеръ Легри пришелъ къ намъ въ магазинъ купить бумаги для своей дощечки. Дѣдъ воспользовался случаемъ поговорить съ нимъ о духахъ.

Легри былъ здоровякъ съ грубыми руками и серьезнымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми баками въ видѣ щетки. Онъ расхаживалъ по городу просто въ рубахѣ, съ по локоть засученными рукавами и въ грязномъ кожаномъ передникѣ.

Даже по внѣшнему виду нельзя было бы заподозрить его въ какой либо плутнѣ.

— А, Легри!—вскричалъ дѣдъ, знавшій его съ дѣтства — Скажите на милость, что это за дощечка, о которой всѣ говорятъ такъ много и что это за духи, съ которыми у васъ бесѣдуютъ?

— Да, по правдѣ сказать, я и самъ не знаю. Каждый разъ какъ я берусь за эту дощечку, то спрашиваю себя: «ну будетъ-ли то, она опять дѣйствовать или не будетъ?» А когда она дѣйствуетъ, поневолѣ думается: «ужъ не самъ-ли я ее пихаю?» Да! удивительная это штука и я въ ней ничего не понимаю.

Но откуда жъ вы ее взяли?

— Мѣсяцевъ за шесть до отъѣзда сюда, я видѣлъ въ Филадельфіи точно такую,—взялъ да и сдѣлалъ самъ для себя.

Тамъ у каждаго есть такая дощечка и по вечерамъ всѣ забавляются тѣмъ, что заставляютъ ее писать.

Я жилъ въ кузнецахъ неподалеку отъ города, и мы пере-

няли эту забаву. Дѣвушки гадали объ женихахъ, а Юдманъ Юде, нашъ хозяинъ, разспрашивалъ про будущіе выборы; словомъ, всякій спрашивалъ, что хотѣлъ. У хозяйской дочки, Генріеты, былъ токъ.

— Что значитъ, и у васъ есть токъ?

— Да, есть, мосье Лебигръ.

— А у меня?

— Не знаю, надобно попробовать, — можетъ быть, и есть.

— Хорошо,—сказалъ дѣдъ, улыбаясь,—попробуемъ. Когда жъ мнѣ къ вамъ придти?

— Приходите, когда вздумаете. Да вотъ хоть сегодня вечеромъ. По старому знакомству я доставлю вамъ дощечку прежде другихъ.

— Хорошо. Сегодня же вечеромъ я приду къ вамъ съ Клариссой и внукомъ.

Кузнецъ ушелъ, а его открытый, честный видъ оставилъ во мнѣ хорошее впечатлѣніе.

«Если онъ и вретъ, то дѣлаетъ это безсознательно, подумалось мнѣ.

Я рѣшился наблюдать какъ можно тщательнѣе.

Дѣдъ, посмѣиваясь, говорилъ, что забава нужна для всякаго возраста, а такъ какъ въ Сенъ-Сюзанѣ нѣтъ театра, то отчего же не посмотрѣть хоть на этотъ фокусъ.

Вечеромъ мы поужинали часовъ въ восемь и отправились въ кузницу.

Во мглѣ вечера кузничный огонь виднѣлся уже издалека.

Когда мы пришли, Легри ковалъ у дверей лошадь ломового извозчика, а нѣсколько человѣкъ уже ожидало начала представленія.

— Милости просимъ, — сказалъ намъ кузнецъ,—вы пришли какъ разъ во-время, — народу еще немного. Только я обѣщалъ мадамъ Пуларъ начать съ нею, а потомъ ужъ съ вами.

Мадамъ Пуларъ была жена булочника, толстая и веселая женщина. Она пришла съ двумя дочерьми.

Ожидая начала сеанса, мы смотрѣли, какъ Легри заготовилъ подкову, остудилъ ее, расчистилъ копыто и подковалъ лошадь.

Въ это время подошли новые посѣтители: секретарь мэріи, Фрюскъ, и мировой судья, Лагассъ, съ женою.

Мы раскланялись.

Оба эти человѣка казались очень серьезными и задумчивыми.

Наконецъ, Легри кончилъ свое дѣло, вымылъ руки въ ведрѣ, вытеръ ихъ тряпкой, которая висѣла за дверью, и весело сказалъ намъ:

— Пожалуйте, господа, — теперь можно начинать. Столъ уже готовъ. Катерина, зажги свѣчку.

— Да вѣдь ты видишь, что у меня ребенокъ на рукахъ.

— Ну, ладно,—такъ я и самъ зажгу.

Когда онъ нашелъ свѣчку, мы вошли въ его лачугу. Двое дѣтей уже спали въ деревянной кроваткѣ, третью кормила мать, видимо, недовольная тѣмъ, что въ ея домѣ каждый вечеръ собирается столько посторонняго народа. Возлѣ нея рычала маленькая собачка. Посрединѣ стоялъ простой сосновый столъ, а на немъ былъ уже приготовленъ свертокъ бумаги и чудесная дощечка.

Легри сѣлъ къ столу на скамейку и положилъ свою огромную руку на аппаратъ.

— Ну-съ, мадамъ Пуларъ, вамъ начинать. Спросите чью хотите душу, только, чтобы человѣкъ тотъ былъ уже умершій. Она сейчасъ же и явится.

Жена булочника перепугалась. Вѣроятно, она подумала, что душа умершаго явится къ ней воочію.

— Охъ, ужъ нѣтъ! Я пришла не за тѣмъ, чтобы увидать покойника!—проговорила она.—Я лучше домой пойду!

— Напрасно. Вѣдь душа то вамъ ничего не сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ пойду домой.

— Да подождите же! Смотрите!.. Вотъ дощечка уже и пошла. Что вы хотѣли спросить?

Мадамъ Пуларъ пошла было къ двери, но видя что дощечка собирается отвѣчать безъ видимаго присутствія какого-либо духа, возвратилась.

— Да вотъ сынъ мой, Губертъ, служитъ въ африканскихъ стрѣлкахъ,—такъ мнѣ хочется знать, скоро ли его произведутъ въ бригадиры.

— Да,—отвѣчала дощечка,—черезъ три мѣсяца послѣ экспедиціи.

— А надо послать ему денегъ?

— Да, но не столько, сколько онъ проситъ.

— Такъ сколько же?

— Половину.

— Значитъ, пятнадцать франковъ?

— Да, этого достаточно.

— Но онъ говоритъ, что содержаніе у нихъ дурное, что они совсѣмъ нищенствуютъ.

— Это неправда, вашъ Губертъ кутила, онъ пьянствуетъ, не вѣрьте ему.

— Я тоже такъ думала,—призналась булочница.

— Я потомъ опять приду спросить еще кое что,—прибавила она съ стѣсненнымъ видомъ, оглядываясь вокругъ.

— Что же? Говорите теперь.

— Скоро ли дочка моя, Элиза, выйдетъ замужъ?

— Нѣтъ, еще не такъ скоро. Пусть она будетъ осторожна.

Вѣроятно, матери не хотѣлось слушать дальнѣйшія подробности,—она прокралась сквозь толпу зрителей и ушла.

Въ это время раскричался ребенокъ.

— Неси-ка его на улицу,—сказалъ кузнецъ женѣ,—а то изъ за него ничего не слышно.

А дѣдушка Лебигръ шепталъ мнѣ на ухо:

— Вѣдь это просто безуміе! Фокусъ какой-то!

Легри обратился къ нему.

— Ну-съ, мосье Лебигръ, теперь ваша очередь. Что вы хотите спросить?

— Мнѣ-то спрашивать нечего,—отвѣтилъ дѣдъ улыбаясь.—а вотъ Кларисса хотѣла спросить вашу дощечку кое о чемъ. Говори-же, Кларисса.

Но раньше, чѣмъ она успѣла что нибудь сказать, дощечка съ поразительной быстротой написала:

— Нѣтъ, ей я отвѣчать не стану!

— Вотъ тебѣ и разъ! Это отчего-же?

— Потому, что она сожгла Вольтера.

Дѣйствительно, мѣсяца уже съ два философскій словарь Вольтера исчезъ у насъ изъ кабинета и дѣдъ не зналъ, куда онъ могъ дѣваться.

Отвѣтъ дощечки просто поразилъ его.

— Какъ же это такъ? Правду говорилъ Легри?—спросилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Да это говоритъ вовсе не Легри,—написала дощечка.

— Такъ кто же?

— Я самъ, Вольтеръ!

Тетя Кларисса была не въ силахъ произнести ни одного слова, такъ поразило ее и обличеніе, и самый оракулъ.

Видя, что она молчитъ, дѣдъ нахмурился и рѣзко сказалъ:

— Довольно. Пойдемте.

Мы тотчасъ же пошли домой. Идя въ кузницу, дѣдъ велъ сестру подъ руку. Теперь онъ шелъ впереди одинъ, крѣпко задумавшись. У входа въ магазинъ я нагналъ его и спросилъ:

— А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ удивительно, дѣдушка?

— Что—«это?»

— Да отвѣтъ, который написала дощечка.

Онъ остановился и сухимъ, раздражительнымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ:

— Послушай, Люсьенъ, для юноши твоихъ лѣтъ такое легковѣріе становится уже неумѣстнымъ! Эта дощечка сущій вздоръ! Она писала то, что Легри узналъ черезъ свою жену, а жена его узнала отъ кого нибудь другого. Всѣ эти кумушки говѣли въ день Сенъ-Сюзанскаго праздника, а теперь разбалтываютъ другъ другу свои исповѣди.

Тетя Кларисса въ отчаяніи шла сзади, поодаль отъ насъ, и не могла разслышать его отвѣта. Онъ отомкнулъ дверь магазина, вошелъ, зажегъ лампу и въ первый разъ во всю свою сорокалѣтнюю жизнь вмѣстѣ съ сестрою назвалъ ее не по имени.

— Сударыня,—сказалъ онъ ей гордо и презрительно,—вы сожгли мой философскій словарь Вольтера по приказанію Піервиля, ради искупленія грѣховъ и спасенія души своей. Вы заставили меня цѣлыхъ два мѣсяца подозрѣвать честныхъ людей въ воровствѣ. Кажется, господинъ священникъ сдѣлался въ этомъ домѣ больше хозяинъ, чѣмъ я самъ! Думалось мнѣ, что я живу по своей волѣ, а оказывается и сюда проникъ его благодатный духъ.

Бѣдная тетка стояла, опустя голову и не говоря ни слова.

У дѣда все лицо было искажено волненіемъ, но онъ пересилилъ себя.

— Впрочемъ, мы поговоримъ объ этомъ и сведемъ наши счета завтра,—закончилъ онъ коротко.

Она хотѣла было возразить что-то, но губы видимо не слушались ее.

Никогда въ жизни не видалъ я у дѣда такого строгаго, неподвижнаго лица. Я не посмѣлъ даже заговорить съ нимъ и мы молча разошлись по своимъ комнатамъ.

И такъ, и въ этотъ милый, тихій домъ, столько лѣтъ наслаждавшійся невозмутимымъ счастіемъ и дружелюбіемъ, такъ неожиданно вкрался разладъ. Тогда въ первый разъ въ жизни, я ясно понялъ, что вся судьба католическихъ семействъ лежитъ въ рукахъ ихъ священниковъ и что никто не можетъ быть увѣренъ, что избѣжитъ ихъ вліянія.

На другой день, въ шесть часовъ утра, я слышалъ, что дѣдъ по обыкновенію всталъ, одѣлся и пошелъ внизъ.

Но вмѣсто того, чтобы отпереть магазинъ, онъ вышелъ изъ дома, и я видѣлъ, какъ онъ перешелъ черезъ площадь акацій и позвонилъ у нотаріуса Бержерона.

На немъ былъ длинный плащъ и парадная шляпа.

Черезъ нѣсколько минутъ сошла внизъ и тетя Клариса. Я спустился за нею и засталъ бѣдняжку въ магазинѣ. Сквозь запертый ставень витрины пробирался слабый лучъ свѣта. Меня поразило, до чего она была блѣдна.

Но она не плакала, а только просто сказала мнѣ:

— Люсьенъ, я несчастная женщина, я погибла. Дѣдушка никогда не проститъ меня. Лучше бы Господь прибралъ меня!

Покорный тонъ ея отчаянія глубоко тронулъ меня.

— Да, это большое несчастіе,—сказалъ я,—не знаю, зачѣмъ дѣдушка пошелъ сейчасъ къ нотаріусу Бержерону?

Вѣроятно, она тоже не знала этого, потому что ничего не отвѣтила мнѣ.

Я отперъ магазинъ, а тетя Клариса пошла въ кухню готовить завтракъ.

Дѣдъ пробылъ у нотаріуса очень долго,—почти до восьми часовъ.

Наконецъ онъ вышелъ изъ конторы и возвратился прямо въ библіотеку.

— Мадемуазель,—сказалъ онъ мимоходомъ,—потрудитесь пройти за мной. Люсьенъ пока побудетъ въ магазинѣ, а мнѣ нужно поговорить съ вами.

Тетя Кларисса пошла за нимъ. Дверь осталась полуотворенной и я видѣлъ, какъ дѣдъ сѣлъ за свое бюро и раскрылъ книгу.

— Мадемуазель,—началъ онъ, вы служите у меня тридцать девять лѣтъ. Первые десять лѣтъ ваше жалованье составляли триста франковъ въ годъ, слѣдующіе десять—пятьсотъ франковъ, а послѣдніе девятнадцать—шестьсотъ франковъ въ годъ. По вашему желанію я помѣщалъ эти деньги въ вѣрныя руки,—у Бержерона. Сумма эта постепенно увеличивалась и въ настоящую минуту вы можете существовать на нее, хотя и скромно, но въ довольствѣ. Вотъ вамъ счетъ—потрудитесь провѣрить. Послѣ провѣрки счета я вручу вамъ деньги, а вы соблаговолите выдать мнѣ росписку.

Слышно было, что тетя разрыдалась

— Сжальтесь надо мной, Лебигръ, не выгоняйте меня,—проговорила она.—Къ чему мнѣ эти деньги. Вѣдь это первая моя вина за столько лѣтъ службы.

— Не знаю, первая-ли,—возразилъ дѣдъ.—Вы говорите, что первая, но это еще не доказано. Я всегда думалъ, что я хозяинъ у себя въ домѣ, а вотъ теперь оказывается, что господинъ здѣсь патеръ и что онъ можетъ даже распоряжаться моей собственностью, какъ ему вздумается. Этотъ господинъ не любитъ Вольтера, а такъ какъ я его люблю, такъ какъ я всячески стараюсь распространить его полезныя мысли между своими согражданами, то онъ и распорядился, чтобы его сожгли! Съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ замѣчать, что нѣкоторыя изъ моихъ книгъ пропадаютъ. Вѣроятно, господинъ Піервиль назначалъ вамъ, которыя именно, а вы...

— О, Лебигръ, не думайте этого! Отецъ Піервиль сказалъ что если я не сожгу Вольтера, онъ не дастъ мнѣ причастія... Я и сама была этому не рада... Я буду исповѣдываться въ другомъ мѣстѣ.

— А тамъ отъ васъ потребуютъ чего-нибудь другого. Да нѣтъ! Это дѣло конченное! Вотъ вашъ разсчетъ. Подите къ вашему Піервилю и скажите ему, что онъ сумѣлъ глубоко огорчить честнаго человѣка. Онъ будетъ радъ этому, донесетъ своему начальству, и его за это похвалятъ.

— Братъ,—возразила тетя Кларисса, заливаясь слезами,—но вѣдь вы часто бываете больны, вы привыкли къ моему уходу.

Никогда никто другой не станетъ служить вамъ такъ преданно, какъ я.

— Не все-ли это равно!— отвѣтилъ онъ холодно и горько.— Пусть я умру одинъ одинешенекъ, всѣми оставленный... а все-таки іезуиту не хозяйничать у меня въ домѣ! Не уговаривайте меня больше,—я вамъ больше не вѣрю. Вы меня обокрали!— продолжалъ онъ, вдругъ оживляясь.—Слышите-ли,—обокрали! И это по приказанію отца Шервиля. Пусть онъ и дастъ вамъ отпущеніе этого грѣха, для васъ этого достаточно. А что касается до меня, то я смотрю на такія дѣла иначе. Я признаю одну только справедливость и честность! И вотъ видите: я вычитаю изъ вашихъ денегъ стоимость моего словаря, который вы сожгли: 26 франковъ 50 сантимовъ. Теперь мы въ разсчетѣ.

Отъ этого разговора меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Я понималъ, что рѣшеніе разстаться съ сестрой стоило старику многаго, но съ другой стороны чувство оскорбленія и нестерпимое для него сознаніе, что онъ находился подъ вліяніемъ ненавистной ему власти, дѣлало рѣшеніе неизмѣннымъ.

Несмотря на его приказаніе, тетя Клрисса не хотѣла выдти изъ комнаты. Онъ вышелъ въ магазинъ и съ волненіемъ началъ передвигать книги на полкахъ.

Я также былъ настолько взволнованъ, что не могъ заговорить съ нимъ.

Черезъ полчаса, видя, что онъ не идетъ обратно въ библіотеку, тетя Кларисса прошла мимо насъ, закрывая лицо передникомъ и силясь заглушить рыданія.

Я слышалъ, какъ она вошла въ свою комнату, собрался съ духомъ и заговорилъ съ дѣдомъ.

— Дѣдушка,—сказалъ я, а вѣдь ты рѣшился на ужасное дѣло.

— Я и самъ это знаю,—отвѣтилъ онъ,—теперь придется доживать ужъ совсѣмъ одинокимъ. Надѣюсь только что это протянется не долго,—вѣдь мнѣ уже семьдесятъ три года. Теперь мнѣ придется остаться съ первой попавшейся служанкой, которая не знаетъ моихъ привычекъ, да въ сущности даже и не можетъ отнестись ко мнѣ хотя бы съ малѣйшимъ участіемъ. Но за то ей не для чего будетъ и обманывать меня, а я больше всего на свѣтѣ ненавижу ложь и лицемѣріе.

— Но послушай, дѣдушка, — возразилъ я, — вѣдь ты же

знаешь, что тетя Кларисса женщина не получившая образованія и очень можетъ быть, что она вовсе и не поняла всей возмутительности своего поступка... Она не знала...

— Очень хорошо! Но она знала, что я довѣрялъ ей и оказалась недостойною моего довѣрія!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ прибавилъ:

— Я постараюсь поскорѣй отдѣлаться отъ этого дома, отъ всего товара и переселюсь къ тебѣ въ Парижъ,—найму себѣ маленькую комнатку и стану жить одинъ. Ты будешь приходить иногда меня провѣдать, станемъ разговаривать,—можетъ быть смогу еще дать тебѣ кое-когда добрый совѣтъ,—да такъ помаленьку и дотяну до конца.

Я понялъ, что пока онъ въ такомъ настроеніи духа, всѣ мои уговоры не поведутъ ни къ чему.

До отъѣзда моего въ Парижъ оставалось еще восемь дней и я надѣялся, что въ теченіе этого времени успѣю еще пріискать случай успокоить и переубѣдить его.

Но съ этой минуты въ нашемъ, когда-то веселомъ, домѣ стало невыразимо тоскливо.

Несмотря на приказаніе дѣда выѣхать отъ насъ, тетя Кларисса никакъ не могла разстаться со старымъ пепелищемъ и продолжала жить у насъ; однако не смѣла являться за столъ и обѣдала отдѣльно.

Не въ характерѣ дѣда было прямо выгнать ее изъ дому; но онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе и не говорилъ съ нею ни слова.

Подписчики приходили и уходили, но на нихъ обращали вниманіе лишь на столько, чтобы удовлетворить ихъ требованіямъ.

Но грустнѣе всего было смотрѣть на несчастную тетю. Бѣдняжка, совершенно измученная тоской, съ постоянно опухшими глазами, безропотно ждала рѣшенія своей участи.

Въ одно утро, послѣ завтрака, мы съ дѣдомъ сидѣли въ библіотекѣ; у обоихъ было тяжело на душѣ и мы долго не говорили другъ другу ни слова.

— Вотъ и каникулы окончились!—сказалъ я наконецъ.— Но я не могу уѣхать и оставить тебя одного. Меня нестерпимо мучитъ мысль, что ты долженъ прожить здѣсь цѣлые мѣсяца, а можетъ быть, и годы, одинъ одинешенекъ. Въ Парижѣ она совершенно истерзаетъ меня. Я не въ состояніи буду работать:

мнѣ все будетъ видѣться, что ты сидишь такой-же грустный, какъ теперь, а это можетъ убить во мнѣ всякую энергію.

— Я скоро переѣду въ Парижъ,—отвѣтилъ онъ.

— Эхъ, Боже мой,—вскричалъ я,—да вѣдь въ Парижѣ, въ маленькой комнаткѣ, безъ привычнаго занятія,—это будетъ еще хуже, чѣмъ здѣсь. Я не могу часто бывать у тебя. Лекціи, конференціи и всѣ остальныя занятія поглощаютъ по крайней мѣрѣ три четверти моего времени. Что же ты станешь дѣлать одинъ?

— Ужъ я придумаю тамъ себѣ какое-нибудь препровожденіе времени. Постараюсь бывать на дебатахъ палатъ, стану читать журналы.

— И будешь постоянно тосковать о Сенъ-Сюзанѣ, о своихъ привычкахъ и умирать отъ скуки. Я просто не въ силахъ буду работать отъ этого сознанія.

Я былъ дѣйствительно огорченъ и озабоченъ,—онъ могъ замѣтить это по интонаціи моего голоса. Старикъ всталъ, заложилъ руки за спину, и долго задумчиво шагалъ взадъ и впередъ по кабинету.

Я начиналъ уже бояться, что мнѣ не удастся переубѣдить его, но вдругъ онъ остановился передо мною и сказалъ:

— Ну, ради твоихъ занятій, я способенъ принести даже и эту жертву. Поди скажи Клариссѣ, что я позволяю ей остаться.

— Вотъ за это спасибо, дѣдушка!—вскричалъ я радостно. И повѣрь, что тебѣ не придется пожалѣть объ этомъ. Бѣдная старушка такъ настрадалась за свою ошибку, что навѣрно ужъ во второй разъ не сдѣлаетъ ничего подобнаго!

Я выбѣжалъ изъ кабинета и громко крикнулъ:

— Тетенька Кларисса, идите сюда!.. Дѣдушка васъ прощаетъ.

Она укладывалась, но мгновенно, едва переводя дыханіе, выскочила изъ своей комнаты.

— Господи, ты спасъ меня!—Вѣдь это ты сдѣлалъ, Люсьенъ!

Она стремглавъ сбѣжала внизъ и бросилась къ ногамъ дѣда.

— Лебигръ, вы простили меня?! О, повѣрьте, теперь ужъ вамъ никогда не придется пожаловаться на меня. Я не стану больше выходить на улицу, я буду вѣчно сидѣть въ магазинѣ, только не подозрѣвайте меня!

Дѣдъ былъ видимо тронутъ.

— Полно, Кларисса, встаньте,—проговорилъ онъ.—Пусть

между нами все будетъ забыто! Я вовсе не хочу, чтобы вы постоянно сидѣли дома. Воскресенья попрежнему вы будете свободны и ходите себѣ въ церковь, если это вамъ нравится. Это дѣло религіи и касается только васъ и вашей совѣсти. Но только, если господинъ Піервиль станетъ заговаривать съ вами о моихъ дѣлахъ, вы ему не отвѣчайте, а если онъ будетъ давать вамъ совѣты относительно меня, вы передайте его слова мнѣ. Тогда я самъ пойду къ этому молодому человѣку и объяснюсь съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

Въ это время передъ нашей дверью остановился почтовый экипажъ, дѣдъ вышелъ навстрѣчу и факторъ передалъ ему довольно объемистый ящикъ.

Старикъ вернулся къ намъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

— А вотъ и Вольтеръ опять поселяется въ нашемъ домѣ,— говорилъ онъ, съ наслажденімъ набивая носъ табакомъ.—Я выписалъ его тотчасъ-же и на этотъ разъ самое полное изданіе въ семидесяти двухъ томахъ in octavo, въ прочныхъ переплетахъ, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографіей, написанной Кондорсэ.

— Пусть-же господинъ Піервиль узнаетъ, что Вольтеръ не умеръ, а преважно разгуливаетъ по Сенъ-Сюзану въ своемъ огромномъ парикѣ, подпирается тросточкой и попрежнему безпощадно смѣется надъ дураками и лицемѣрами.

Онъ непремѣнно хотѣлъ собственными руками раскупорить ящикъ и разложить книги по прилавку, прежде чѣмъ разставить ихъ по шкафамъ библіотеки.

— Вотъ вы, господа, все требуете у меня что-нибудь новенькаго,—говорилъ онъ нѣсколькимъ кліентамъ, собравшимся въ магазинѣ, а что есть въ мірѣ новѣе ума и здраваго смысла?

Онъ улыбался и лукаво прибавлялъ:

— Умъ и здравый смыслъ всегда новы для тѣхъ, у кого ихъ не хватаетъ. Для нихъ самое полезное дѣло изучать Фрерона, Нонотть и Патуйле.

Наконецъ, къ нему возвратился и обычный юморъ.

Тетя Кларисса слушала его, стоя за прилавкомъ и не смѣя улыбнуться, а я не могъ нарадоваться, что устроилъ дѣло, грозившее такой печальной развязкой.

Черезъ нѣсколько дней окончились мои каникулы. Дѣдъ самъ проводилъ меня до дилижанса. Никогда не казался онъ мнѣ такимъ здоровымъ и веселымъ.

— Ну, прощай,—говорилъ онъ мнѣ.—Смотри же, будь молодцомъ. Я надѣюсь еще дождаться того времени, когда ты надѣнешь мантію и произнесешь свою первую рѣчь.

Я тоже надѣялся на это; но со стариками я разставался всегда съ невольнымъ ощущеніемъ тревожнаго предчувствія. Карета покатилась; холмы Сенъ-Сюзана давно исчезли въ мутной дали, а я все еще раздумывалъ о разныхъ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, которые могли произойти во время моего десятимѣсячнаго отсутствія.

Мнѣ было грустно. И лишь только тогда, когда мы перебрались черезъ Жавенкуръ, мысли мои нѣсколько бодрѣе обратились къ будущему.

XI.

Я думаю, что нѣтъ стараго студента, который безъ удовольствія вспоминалъ бы свое возвращеніе въ Латинскій кварталъ послѣ вакацій. Очутиться, послѣ монотонной деревенской тишины среди парижскаго оживленія, встрѣчаться съ товарищами, только наканунѣ вернувшимися изъ Нормандіи, Брэтани, Орлеана и т. д., бѣжать снова записаться на лекціи, снова войти въ свою колею, опять устроиться въ маленькой комнаткѣ, надѣть туфли, усѣсться за маленькимъ столикомъ у пылающаго камина и сказать себѣ: «и вотъ опять впереди цѣлые десять мѣсяцевъ свободы, труда и удовольствій»!—вѣдь это, разумѣется, полное счастье!

Мадамъ Обюртенъ не перемѣнила квартиры; товарищи съѣзжались отовсюду и кромѣ новыхъ лекцій по коммерческому и уголовному праву, да гражданскому судопроизводству, словомъ, кромѣ нѣкоторой прибавки труда, въ моей жизни все установилось по прошлогоднему.

Я горячо принялся за работу, но въ первыхъ числахъ ноября, возвратясь утромъ съ лекцій, я получилъ ужасное письмо:

«Дорогой Люсьенъ!

Не теряйте времени... возвращайтесь въ Сенъ-Сюзанъ какъ можно скорѣе. Дѣдушка опасно заболѣлъ.

Ваша любящая тетка
Кларисса Лебигръ».

Едва-ли стоитъ говорить о томъ мучительномъ чувствѣ, которымъ сжалось мое сердце. Вѣроятно, каждый испытывалъ въ жизни нѣчто подобное.

Часъ спустя, наскоро уложившись, я уже садился въ дилижансъ въ улицѣ Нотръ-Дамъ де Виктуаръ. Мое душевное состояніе легко себѣ представить.

Эти тридцать шесть часовъ были самымъ мучительнымъ временемъ моей жизни. Тяжелая карета медленно и грузно подвигалась дальше и дальше, но я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не замѣчалъ,—всѣ мои чувства были тамъ, въ нашемъ домикѣ, въ альковѣ, въ которомъ лежалъ дѣдъ. Я видѣлъ его, какъ живого; мнѣ казалось даже, что я слышу его тяжелое дыханіе, вижу померкшій, ищущій меня взоръ и губы, съ трудомъ повторяющія: «Люсьенъ!.. Люсьенъ!..»

Удивительно, что только можетъ пережить человѣкъ! Кажется, въ организмѣ нашемъ должны быть какія-нибудь особенныя приспособленія для выносливости въ страданіяхъ! И должно быть, онѣ составляютъ самую прочную часть нашего существа.

Наконецъ утромъ на второй день я былъ въ Сенъ-Сюзанѣ. Я выпрыгнулъ изъ кареты и бросился бѣжать... Дверь магазина была заперта. Я подбѣжалъ ко входу со стороны аллеи и постучался. Мнѣ отворила тетя. Она была въ траурѣ, страшно блѣдна и истощена.

Бѣдная старушка побоялась написать мнѣ всю правду. Она хотѣла доставить мнѣ хотя нѣсколько лишнихъ часовъ надежды.

Дѣдъ умеръ и уже покоился на послѣднемъ земномъ убѣжищѣ человѣка,—на кладбищѣ.

Можете себѣ представить, каково мнѣ было войти въ его опустѣлую комнату... я плакалъ, звалъ, кричалъ... Это было невыразимое страданіе!

Да, онъ умеръ!...

Патеръ Піервиль призвалъ однажды къ себѣ тетю Клариссу, говорилъ ей объ образѣ жизни и политическихъ мысляхъ старика, бывшаго столько лѣтъ заклятымъ врагомъ іезуитовъ, доказывалъ, что онъ человѣкъ безвозвратно погибшій и требовалъ, чтобы она оставила его. Въ случаѣ непослушанія, онъ грозилъ оставить ее безъ причастія.

Бѣдная женщина сочла своей обязанностью пересказать все

брату. Дѣдъ одѣлся и пошелъ къ Піервилю. Между ними вышло очень горячее объясненіе, послѣ котораго старикъ пришелъ домой совершенно блѣдный съ кровью на губахъ. Онъ тотчасъ же слегъ и съ той минуты только и говорилъ, что обо мнѣ.

На другой день онъ скончался.

. . . .

Вотъ и вся исторія моего дѣда.

Онъ погибъ жертвою іезуитовъ, какъ погибли милліоны несчастныхъ, повинныхъ только въ томъ, что не любили ихъ, и какъ погибнутъ за ту же ошибку еще многія тысячи изъ среды цивилизованныхъ націй, мечтающихъ о порядкѣ, мирѣ и свободѣ и все еще не рѣшающихся уничтожить это братство, съ виду религіозное, но въ сущности состоящее лишь изъ бездушныхъ холостяковъ, цѣлые вѣка терзающихъ міръ и имѣющихъ общаго съ истинными служителями Христа развѣ только одно,— черную рясу!..

КЛАДЪ.

Фурбахъ, достойный и всѣми уважаемый книгопродавецъ въ Мюнхенѣ, вдругъ проснулся отъ стука, происходившаго на чердакѣ какъ разъ надъ его головою. Это случилось въ сентябрьскую ночь 1828 года. Кто-то ходилъ по чердаку тревожными шагами, и черезъ открытое слуховое окно слышались глубокіе вздохи въ тиши ночной.

Въ эту минуту на башнѣ пробилъ часъ пополуночи, а подъ спальной Фурбаха раздавались лошадиный топотъ и возня въ коновязи.

На чердакѣ жилъ кучеръ Никлаузъ, высокій, худощавый парень, превосходный кучеръ, получившій нѣкоторое образованіе въ Маріентальской семинаріи, но сохранившій простодушіе и легковѣріе въ высшей степени, хотя ему было лѣтъ подъ тридцать; онъ постоянно носилъ на груди бронзовый небольшой крестикъ, который цѣловалъ утромъ и вечеромъ.

Фурбахъ насторожилъ ухо; черезъ нѣкоторое время окно затворилось, ходьба прекратилась, кровать затрещала, и все смолкло.

— Да, вотъ въ чемъ дѣло,—подумалъ старый книгопродавецъ;—у насъ сегодня полная луна, такъ Никлаузъ колотитъ себя въ грудь и оплакиваетъ свои грѣхи. Охъ, бѣдняга.

Послѣ этой разгадки онъ не сталъ болѣе тревожиться, но, повернувшись на другой бокъ, скоро опять заснулъ.

На другой день, около семи часовъ утра, Фурбахъ, сидя въ туфляхъ, преспокойно завтракалъ, приготовляясь идти въ свой магазинъ. Вдругъ у дверей кто-то тихо постучалъ.

— Войдите!—закричалъ Фурбахъ, удивленный такимъ раннимъ посѣщеніемъ.

Дверь отворилась, и явился Никлаузъ въ сѣрой блузѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, какія обыкновенно носятъ горцы, и съ здоровою дубиною изъ дикой яблони въ рукахъ—словомъ.

точь въ точь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ первый разъ по прибытіи изъ деревни.

Онъ былъ очень блѣденъ.

— Господинъ Фурбахъ,—сказалъ онъ,—прошу васъ отпустите меня домой. Слава Богу, я получу, наконецъ, средства, чтобы жить безбѣдно и помогать моей бабушкѣ Орхель въ Валгебургѣ.

— Вѣрно наслѣдство досталось? — спросилъ книгопродавецъ.

— Никакъ нѣтъ, господинъ Фурбахъ, но я видѣлъ хорошій сонъ, что я нашелъ кладъ и что онъ дается мнѣ въ руки.

Добрякъ говорилъ съ такою силою убѣжденія, что Фурбахъ былъ ошеломленъ.

— Эге, такъ это былъ сонъ?—спросилъ онъ.

— Точно такъ. Я видѣлъ кладъ такъ ясно, какъ теперь васъ вижу, видѣлъ его въ подземельѣ подъ низкими сводами въ старинномъ замкѣ. Тамъ на кладѣ лежалъ высокій рыцарь, скрестивъ руки; подъ его головою былъ желѣзный горшокъ.

— Но гдѣ же это, Никлаузъ?

— Ну вотъ оттого-то и я не знаю. Сперва я пойду отыскивать замокъ, потомъ найду подземелье и золото. Золотыя монеты наполняютъ гробъ шести футовъ длины, вотъ какъ теперь все вижу ясно.

Необыкновеннымъ блескомъ засверкали глаза Никлауза.

— Полно, любезный другъ, полно, — воскликнулъ Фурбахъ,—будьте благоразумнѣе. Садитесь-ка, потолкуемъ съ вами. Ну, хорошо, привидѣлся вамъ сонъ, но что же значитъ сонъ? Не спорю, во времена Іосифа Прекраснаго сны имѣли значеніе, но въ наше время—это совсѣмъ другое дѣло.

«Кому не представляются сны. Я и самъ сотни разъ видѣлъ во снѣ богатѣйшіе клады, но, къ сожалѣнію, еще ни одного раза не случалось найти кладъ на яву. Подумайте хорошенько, что вы хотите дѣлать; вы потеряете хорошее мѣсто за тѣмъ, чтобы погнаться за воздушными замками, можетъ быть, не существующими.

— Я видѣлъ его; это громадный замокъ въ развалинахъ, внизу деревня, круглая извилистая дорога и очень древняя церковь. Въ той странѣ много живетъ народа, и большая рѣка протекаетъ тамъ.

— Но вѣдь все это вы видѣли во снѣ!—сказалъ Фурбахъ, пожимая плечами.

Черезъ минуту онъ опять спросилъ съ видимымъ желаніемъ образумить хорошаго человѣка.

— А на что похожи своды, которые вы видѣли во снѣ?

— На темное подземелье.

— Такъ вы, вѣроятно, спуститесь туда съ огнемъ?

— Нѣтъ.

— Какимъ же образомъ вы могли видѣть безъ огня гробъ, рыцаря и золото?

— Они были освѣщены луннымъ свѣтомъ.

— Ну, сами посудите, какъ же это можетъ быть, и какъ луна можетъ забраться съ своимъ свѣтомъ въ подземелье? Сами видите, что и здраваго смысла нѣтъ въ вашемъ снѣ!

Никлаузъ, видимо, терялъ терпѣніе, однако, сдерживаясь, сказалъ:

— Я видѣлъ все ясно, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ; ну, а что касается рыцаря, то вотъ онъ самъ,—вдругъ крикнулъ онъ,—вотъ онъ самъ налицо!

Онъ снялъ съ себя бронзовый крестикъ, висѣвшій на немъ на ленточкѣ, и положилъ его на столъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи.

Фурбахъ, большой любитель древностей, былъ пораженъ необыкновеннымъ и поистинѣ художественнымъ произведеніемъ этой святыни. По внимательномъ осмотрѣ, онъ открылъ, что эта древность принадлежитъ двѣнадцатому столѣтію. На серединѣ креста вмѣсто изображенія Спасителя былъ представленъ рельефной работы рыцарь съ сложенными руками для молитвы. Года не было выставлено.

Во все это время Никлаузъ тоскливо слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Фурбаха.

— Превосходная работа, — сказалъ Фурбахъ, — но я не могу понять, почему при видѣ этой святыни вы вообразили, что на ней изображенъ рыцарь, охраняющій кладъ. Повѣрьте мнѣ истинное сокровище слѣдуетъ искать въ крестѣ, объ остальномъ не стоитъ и говорить.

Никлаузъ не далъ на то отвѣта, но, снова надѣвая на шею крестъ, сказалъ:

— Я буду искать и Пресвятая Дѣва укажетъ мнѣ путь.

—

Если Богу угодно послать намъ милость, то мы должны съ благодарностью принять ее. Вы, господинъ Фурбахъ, всегда милостиво обращались со мною, это правда, но Господь повелѣваетъ мнѣ итти. Кромѣ того, пришла и мнѣ пора жениться, а я здѣсь видѣлъ во снѣ молодую дѣвушку, которой, кажется, суждено быть моей женою

— А въ какую сторону лежитъ вашъ путь? — спросилъ книгопродавецъ, невольно улыбаясь на такое простодушіе.

— Откуда вѣтеръ подуетъ,—отвѣчаетъ Никлаузъ. — Извѣстное дѣло, что это самый вѣрный путь.

— Такъ это ужъ рѣшено и безвозвратно?

— Точно такъ.

— Дѣлать нечего; въ такомъ случаѣ надо намъ счеты свести. Мнѣ очень жаль потерять такого хорошаго и вѣрнаго человѣка, но я не имѣю права удерживать васъ отъ предназначенія судьбы.

Они вмѣстѣ спустились въ комнату; хозяинъ, разсмотрѣвъ по книгамъ, отсчиталъ Никлаузу двѣсти пятьдесятъ австрійскихъ флориновъ, то есть всю сумму его жалованья за шесть лѣтъ со слѣдующими на то процентами. Покончивъ разсчеты, Фурбахъ пожелалъ Никлаузу счастливаго пути, самъ же отправился отыскивать новаго кучера.

Старый книгопродавецъ долго помнилъ эту исторію и, передавая ее своимъ друзьямъ, до слезъ смѣялся надъ легковѣріемъ жителей Питчерланда, рекомендуя ихъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, какъ лучшую прислугу.

Такъ прошло много лѣтъ. Фурбахъ выдалъ замужъ свою дочь Анну за Рубенска, тоже богатаго книготорговца, самъ же удалился отъ дѣлъ. Но онъ имѣлъ такую закоренѣлую привычку къ дѣятельности, что, несмотря на свои полныя шестьдесятъ лѣтъ, не могъ выносить скуки праздной жизни. Тогда онъ пустился путешествовать по Италіи, Франціи и Бельгіи.

Въ первые осенніе дни онъ посѣтилъ берега Рейна. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ свѣжій, бодрый старикъ съ румянымъ лицомъ и твердою походкою. Все время весело онъ расхаживалъ на палубѣ парохода, застегнувъ пальто сверху донизу, съ зонтикомъ подъ мышкою, въ шелковомъ колпакѣ набекрень, болтая и разспрашивая всѣхъ обо всемъ, записывая въ книжку и часто справляясь съ путеводителемъ.

Въ одно утро между Фризенгеймомъ и Нейбургомъ, проведя ночь въ каютѣ, биткомъ набитой другими пассажирами, до тридцати человѣкъ женщинъ и дѣтей, туристовъ и торговцевъ, тѣснившихся по скамейкамъ, Фурбахъ считалъ за счастье, что, наконецъ, могъ избавиться отъ такой паровой ванны, и вышелъ на палубу чуть заря занялась.

Пробило четыре часа, и густой туманъ спустился на воду. Шипѣлъ и ревѣлъ паръ, тихо покачивался пароходъ; въ далекомъ туманѣ сверкали огоньки и повременамъ поднимался во тьмѣ сильный шумъ; но надъ всѣми этими звуками царствовалъ голосъ стараго Рейна, разсказывавшаго вѣчную легенду о прошедшихъ поколѣніяхъ, преступленіяхъ, доблестныхъ подвигахъ, величіи и паденіи его древнихъ маркграфовъ, логовища которыхъ начинали выказываться на разсвѣтѣ дня.

Задумчиво прислонившись къ борту корабля, старый книжникъ видѣлъ всѣ эти воспоминанія, какъ бы олицетворенныя передъ своими глазами. Кочегаръ и машинистъ работали около него, искры летѣли къ небу, фонарь качался на своемъ канатѣ, утренній вѣтерокъ заливалъ его струею брызгъ. Другіе пассажиры, подобно тѣнямъ, выползали изъ каюты.

Фурбахъ повернулся и увидѣлъ на правомъ берегу Рейна черную массу развалинъ и множество маленькихъ домовъ, расположенныхъ ступенями по обширнымъ и крутымъ берегамъ; разъемный мостъ хлесталъ по пѣнистой влагѣ своимъ длиннымъ канатомъ.

Фурбахъ подошелъ къ фонарю, открылъ путеводитель и прочелъ слѣдующее: «Древній Брейзахъ, Brisacum и Brisacus mons, основанный Друзомъ; прежде бывшая столица Бреслау, долго слывшая самымъ укрѣпленнымъ городомъ въ Европѣ, называясь ключомъ Германіи. Бернардъ V Церингенскій построилъ эту прекрасную крѣпость. Фридрихъ Барбароса хлопоталъ перенести мощи св. Жерве и св. Прата въ церковь св. Стефана. Густавъ Горнъ, шведъ, одержавъ многія побѣды надъ имперіалистами, пытался взять эту крѣпость въ 1633 году, но не имѣлъ успѣха. По Вестфальскому трактату старый Брейзахъ былъ уступленъ Франціи, но послѣ Рюйсвикскаго мира былъ возвращенъ взамѣнъ Страсбурга, въ 1793 году былъ сожженъ французами, а въ 1814 году срыты его укрѣпленія».

«Итакъ,—подумалъ Фурбахъ,—вотъ, вотъ онъ этотъ Старый

Брейзакъ графовъ Эберштейнскихъ, Олаускихъ, Циренгинскихъ, Швабскихъ и Австрійскихъ. Не могу же я проѣхать мимо, не осмотрѣвъ его».

Черезъ нѣсколько минутъ онъ спустился съ своимъ багажомъ въ подъѣхавшую лодку, а пароходъ продолжалъ свой путь къ Базелю.

Быть можетъ, на всѣхъ берегахъ Рейна нѣтъ мѣстоположенія болѣе поразительнаго, какъ эта древняя столица Бреслау съ своею разрушенною крѣпостью, разноцвѣтными кирпичными стѣнами, каменными и глиняными массами, висящими на пятьдесятъ и на шестьдесятъ футовъ надъ Рейномъ. Это уже не городъ, но и не развалины. Старый умершій городъ окруженъ сотнями новыхъ хижинъ, которыя то тѣснятся на скатахъ, то лѣзутъ на бастіоны и свѣшиваются надъ его разсѣлинами, голодное, оборванное населеніе, подобно комарамъ, муравьямъ и другимъ миріадамъ насѣкомыхъ съ буравами и клещами, добываютъ себѣ жилище въ старыхъ дубахъ, роется, подкапывается, осушиваетъ свои дороги, чтобы какъ-нибудь добыть себѣ хлѣбъ насущный.

Надъ соломенными кровлями, расположенными около валовъ, все еще высятся крѣпостныя ворота съ своими рѣзными гербами, спускными рѣшетками и подъемнымъ мостомъ. Изъ широкихъ брешей потоками высыпались обломки; терновникъ, мохъ и плющъ соединяютъ свои разрушительныя силы, чтобы докончить дѣло рукъ человѣческихъ. Все разрушается, все уничтожается.

Виноградныя лозы завладѣли амбразурами, пастухи и ихъ козы смѣло пробираются по карнизамъ; но еще страшнѣе видѣть, какъ крестьянки, ребятишки и старики высовываютъ головы изъ тысячи отверстій въ крѣпостныхъ стѣнахъ; каждый погребъ древней крѣпости превратился въ удобный жилой уголокъ; только на валахъ продѣланы окна и отдушины. Бѣлье, красныя и синія юбки, всевозможныя хозяйственныя лохмотья развѣваются на вершинѣ, а надъ всѣмъ этимъ высятся остатки зданій, сады, столѣтніе дубы и соборъ св. Стефана, передъ которымъ благоговѣлъ Барбароса.

Набросьте надъ всѣми этими сѣрыми картинами остатки утренняго разсвѣта, внизу протяните замѣтную полосу текущаго Рейна, а на пристани вообразите длинные ряды бочонковъ и

ящиковъ, и вы будете имѣть полное понятіе о впечатлѣніяхъ Фурбаха, когда онъ вышелъ на берегъ.

Посреди кучи багажа онъ замѣтилъ человѣка съ обнаженной грудью, съ лямками на плечахъ, съ гладко прилизанными къ вискамъ волосами, присѣвшаго на двухколесную телѣжку.

— Не угодно ли вамъ осмотрѣть старый Брейзахъ? Не прикажете ли провести васъ въ Шлосгартенъ»?—спросилъ онъ торопливо.

— Именно такъ, любезный другъ, не возьметесь ли вы доставить туда мою поклажу?

Приглашенія не понадобилось повторять. Лодочникъ получилъ за перевозъ двѣнадцать пфенниговъ, а путешественникъ сталъ взбираться по крутой тропинкѣ къ древнему замку.

Чѣмъ болѣе разсвѣтало, тѣмъ неизмѣримѣе становился могущественный Рейнъ, выступая изъ тумана, и съ необыкновенною отчетливостью обнаруживались его живописныя подробности. На полуразрушившуюся башню, нѣкогда выставлявшую сигнальные флаги, слетѣлась цѣлая стая голубей, тутъ поселившихся и мирно чистившихъ свои носики въ бойницахъ, откуда въ иные дни стрѣлки посылали свои смертоносныя стрѣлы. А тамъ рано вставшій ткачъ развѣшивалъ изъ окна тюремной башенки пуки льна для сушки на длинныхъ жердяхъ, виноградари взбирались по крутымъ скатамъ, крики куницъ пронизывали утреннее безмолвіе; извѣстно, что безъ куницъ не обходятся развалины.

Черезъ четверть часа ходьбы Фурбахъ съ проводникомъ достигли широкой извилистой дороги, вымощенной кремнемъ, дороги черной и гладкой, какъ будто изъ чугуна, обрамленной стѣной, которая извилистою линіей поднималась къ платформѣ; въ былыя времена это былъ форпостъ стараго Брейзаха. Съ высоты этой дороги, облокотясь на стѣну, Фурбахъ осматривалъ безчисленныя хижины, расположенныя уступами сверху до самаго берега; ихъ задніе дворы, крылечки, червемъ подточенныя галлерейки, крыши, крытыя гонтомъ, соломою и дранью, небольшія закоптѣлыя трубы, все было какъ на ладони. Хозяйки разводили огонь на своихъ очагахъ, голые ребятишки копошились около хижинъ, мужчины чистили себѣ сапоги, котъ пробирался на самой высокой крышѣ, на птичьемъ дворѣ на шестьсотъ футовъ ниже рылись куры въ навозной кучѣ, а на

развалившейся крышѣ стараго гумна онъ увидѣлъ семейство кроликовъ, рѣзвившихся въ тѣни. Все это ярко выставлялось даже въ самыхъ далекихъ уголкахъ, человѣческая жизнь, привычки, дѣятельность, семейныя радости и печали обнаруживались безъ утайки и притворства.

А между тѣмъ, въ первый, быть можетъ, разъ въ жизни Фурбахъ открылъ тайну этихъ предметовъ, и чувство невыразимой тревоги промелькнуло въ его мысляхъ. Многоразличность ли отношеній между всѣми этими существами была необъяснима для него, сознаніе ли вѣчной причины, присутствующей въ развитіи этихъ существованій. Тоскливое ли чувство, навѣваемое этими укрѣпленіями съ ускоряющимъ разрушеніемъ подъ усиліями этого безконечнаго количества живыхъ существъ. Не знаю, да и самъ Фурбахъ не въ состояніи былъ бы рѣшить эти вопросы; онъ только почувствовалъ, что есть другой міръ, который жизненно сочувствуетъ этому міру, гдѣ онъ живетъ, что тѣни проходили и уходили въ пространствѣ, что надъ всѣмъ носилась жизнь, движенія и дѣятельность осязательныя. Ему стало страшно, онъ поторопился за своею тележкою. Свѣжій воздухъ на платформѣ разогналъ эти странныя впечатлѣнія. Переходя черезъ террасу, онъ увидалъ на правой сторонѣ сѣровато-красный соборъ, непоколебимо стоящій на своемъ гранитномъ фундаментѣ со временъ Крестовыхъ походовъ. на лѣвой— нѣсколько смиренныхъ домиковъ; молоденькая дѣвушка кормила своихъ птицъ, старый булочникъ, въ цвѣтномъ, засыпанномъ мукой жилетѣ, курилъ трубку у дверей своей лавки, а какъ разъ напротивъ, на самомъ краю нагорія, гостиница «Шлосгартенъ» ярко выдѣлялась своимъ бѣлымъ фасадомъ на зеленомъ фонѣ парка. Въ этой гостиницѣ останавливаются всѣ туристы по перепутью изъ Фрибурга въ Брисгау. Нельзя не отдать справедливости, что «Шлосгартенъ» одна изъ тѣхъ превосходныхъ нѣмецкихъ гостиницъ, гдѣ все просто, изящно, уютно,и поистинѣ достойна пріютить даже странствующаго милорда.

При входѣ Фурбаха въ прекрасную переднюю привѣтствовала его миловидная горничная и сейчасъ же отнесла его багажъ въ отличную спальную въ первомъ этажѣ. Тутъ старый книжникъ умылся, выбрился, надѣлъ чистое бѣлье и, свѣжій, бодрый, весело спустился въ общую залу, гдѣ съ хорошимъ ап-

петитомъ намѣревался выпить кружку кофе по принятой имъ привычкѣ.

Вотъ уже съ полчаса времени прошло, какъ онъ ходитъ по этой залѣ, оклеенной бѣлыми обоями съ букетами цвѣтовъ; полъ усыпанъ пескомъ, высокія окна съ блестящими чистотою стеклами открыты на террасу. Онъ только что кончилъ свой завтракъ и хотѣлъ уже отправится на прогулку по окрестностямъ, какъ вдругъ вошелъ высокій мужчина въ черномъ сюртукѣ, гладко выбритый, красивый и добрый, съ салфеткой подъ рукой—это былъ хозяинъ гостиницы. Окинувъ зоркимъ взоромъ столы, накрытые превосходнымъ столовымъ бѣльемъ, онъ подошелъ къ Фурбаху и церемонно поклонился ему; но когда, поднявъ голову, онъ посмотрѣлъ на него, изъ его груди вырвалось восторженное восклицаніе:

— Боже мой, неужели это правда! Моего стараго хозяина я вижу!—и, протянувъ руки, растроганнымъ голосомъ продолжалъ:—Господинъ Фурбахъ, неужели вы не узнаете меня?

— Эге! Да это никакъ вы, Никлаузъ?

— Да, я Никлаузъ,—отвѣчалъ онъ со слезами,—да, это я. Если бы только я смѣлъ...

Фурбахъ всталъ и сказалъ, улыбаясь:

— Не тревожьтесь, Никлаузъ. Я самъ счастливъ, очень счастливъ, что вижу васъ и въ такомъ благоденствіи. Поцѣлуемся, если это вамъ пріятно.

И они стали обниматься, какъ старые друзья.

Никлаузъ плакалъ; сбѣжалась прислуга; вдругъ добрый хозяинъ бросился къ двери и закричалъ:

— Жена, дѣти, идите сюда, да торопитесь! Мой старый хозяинъ пріѣхалъ. Скорѣе, скорѣе идите сюда!

Молодая женщина, лѣтъ тридцати, свѣжая, привѣтливая, красивая, и два здоровыхъ мальчугана, одинъ лѣтъ девяти, другой помоложе, спѣшили на его зовъ.

— Вотъ мой хозяинъ, —кричалъ Никлаузъ: — господинъ Фурбахъ, вотъ мои жена и дѣти! Ахъ, если бы вы дали имъ свое благословеніе!

Старый книгопродавецъ, кажется, никогда никого не благословлялъ. Но онъ охотно поцѣловалъ молодую женщину и обоихъ мальчиковъ; но младшій заревѣлъ благимъ матомъ, вѣроятно,

воображая, что случилась какая-нибудь бѣда, а старшій внѣ себя отъ удивленія таращилъ глаза.

— Ахъ, господинъ Фурбахъ, — сказала хозяйка, зарумянившись и взволновавшись,—сколько разъ мужъ мнѣ разсказывалъ о васъ, о вашихъ милостяхъ, о всемъ, чѣмъ онъ обязанъ вамъ.

— Точно такъ,—прервалъ ее Никлаузъ,—а также и то правда, что я сотни разъ порывался писать къ вамъ, но мнѣ надо было такъ много пересказать вамъ, что это потребовало бы много объясненій и времени. Сказать короче, вы должны простить меня.

— Отъ всего сердца прощаю, любезный Никлаузъ,—вскричалъ книгопродавецъ.—Будьте увѣрены, что я всею душою радуюсь, видя васъ въ полномъ благополучіи, хотя ничего не знаю, какъ это съ вами случилось.

— Теперь вы узнаете всѣ подробности, — отвѣчалъ хозяинъ,—сегодня же вечеромъ или завтра я вамъ все разскажу, всю исторію. Самъ Господь послалъ мнѣ такую счастливую судьбу. Ему, Единому Богу, я обязанъ за все. Вѣдь это почти чудо, не правда ли, Фридолина.

Молодая женщина кивнула головою въ знакъ согласія.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Фурбахъ, опять усаживаясь на мѣсто,—все на свѣтѣ къ лучшему. Вы позволите мнѣ провести у васъ денька два для возобновленія нашего стараго знакомства.

— Ахъ, господинъ Фурбахъ, вы должны считать себя, какъ дома!—воскликнулъ Никлаузъ. — Я самъ пойду съ вами въ Фрибургъ и покажу вамъ всѣ достопримѣчательности страны. Я самъ буду вашимъ проводникомъ.

Такому сердечному радушію добрыхъ людей нельзя было сопротивляться; Фурбахъ былъ тронутъ до слезъ. Весь этотъ день и послѣдующій за тѣмъ Никлаузъ показывалъ Старый Брейзахъ и его окрестности. Противъ его желанія Никлаузъ возилъ его въ коляскѣ, и самъ управлялъ лошадьми вмѣсто кучера. А такъ какъ Никлаузъ считался богатѣйшимъ землевладѣльцемъ, обладавшимъ лучшими виноградниками, роскошнѣйшими лугами въ окружности и, кромѣ того, пускалъ деньги во всѣхъ оборотахъ, то можно себѣ представить общее удивленіе жителей Брейзаха, когда они увидѣли его на козлахъ кучеромъ

у незнакомаго господина. Фурбахъ прослылъ у нихъ за какого-то принца, путешествующаго инкогнито. О томъ, какими услугами его окружали, какими винами и яствами угощали—и говорить не надо: все было превосходно. Старый книгопродавецъ не могъ не сознаться, что никогда еще я нигдѣ его не угощали такъ великолѣпно, какъ у бывшаго его кучера, такъ что онъ безъ нетерпѣнія началъ ожидать той минуты, когда услышитъ объясненіе этого чуда, какъ говорилъ Никлаузъ. Тогда ему пришелъ на память сонъ его прежняго кучера, и ему показалось, что этотъ сонъ можетъ быть единственнымъ объясненіемъ столь неожиданно и быстро пріобрѣтеннаго счастья.

Наконецъ, на третій день его пребыванія, къ девяти часамъ вечера, послѣ ужина, старый хозяинъ и его прежній кучеръ, оставшись вдвоемъ за столомъ, уставленномъ передъ ними бутылками стараго рюдесгейма, посмотрѣли другъ на друга вопросительно. Никлаузъ хотѣлъ уже начинать свой разговоръ, когда вошелъ слуга убирать со стола.

— Ступай, ступай спать, Каспаръ, — сказалъ хозяинъ; завтра пораньше утромъ все можешь убрать. Только запри дверь у подъѣзда.

Слуга ушелъ. Никлаусъ всталъ и отворилъ окно, чтобы освѣжить воздухъ въ комнатѣ, потомъ опять сѣлъ и такъ началъ свой разсказъ:

— Помните ли, господинъ Фурбахъ, сонъ, который заставилъ меня покинуть службу у васъ въ 1828 году. Долгое время этотъ сонъ преслѣдовалъ меня. Одинъ разъ я видѣлъ, что ломаю стѣну у развалины, въ другой разъ видѣлъ, что спускаюсь по извилистой лѣстницѣ въ глубокій колодезь до тѣхъ поръ, пока попалъ въ какое-то подземелье и тутъ почти ползкомъ добрался до желѣзнаго кольца въ какой-то плитѣ; отъ этого бросало меня въ потъ.

«Принесчастный человѣкъ былъ я отъ этихъ сновъ, но когда мнѣ казалось, что я поднималъ плиту и видѣлъ склепъ, рыцаря и кладъ—всѣ мои бѣды какъ не бывали. Я считалъ уже себя обладателемъ этихъ сокровищъ, и въ глазахъ у меня темнѣло. Я говорилъ самъ себѣ: «Никлаузъ, Самъ Господь по милосердію своему возвеличиваетъ тебя на высоту почестей и богатства. Какъ будетъ счастлива твоя бабушка Орхель, когда ты вернешься къ ней въ экипажѣ, да еще четверней. А что ска-

жутъ другіе-то? Жери, старый школьный учитель, Омахтъ, рызничій, и всѣ эти умники, съ утра до ночи толковавшіе, что изъ меня ничего не будетъ, ну, какъ же они станутъ таращить глаза, какъ вытянутся ихъ длинные носы. Ха, ха, ха!

«Всѣ эти картины ясно представлялись мнѣ, наполняя сердце мое черезъ край довольствомъ и усиливая желаніе отыскать предназначенный мнѣ кладъ. Но когда я ушелъ отъ васъ и очутился на улицѣ съ мѣшкомъ за спиной и съ палкою въ рукѣ, вы не можете себѣ представить, въ какое смятеніе я пришелъ.

«На углу вашего магазина я присѣлъ на тумбочкѣ и пытался узнать, съ какой стороны вѣтеръ дуетъ. На мою бѣду, какъ нарочно, въ этотъ день вѣтеръ не шелохнулъ; всѣ дымогарни стояли, какъ вкопанныя, и не двигались ни вправо, ни влѣво. Посмотрѣлъ я на улицы, которыя перекрещивались передъ моими глазами, такъ всѣ какъ будто говорятъ тебѣ: «Вотъ по этой дорожкѣ твой путь лежитъ... Нѣтъ, не по той».

«Ну что же тутъ прикажете дѣлать?

«Я думалъ, думалъ до тѣхъ поръ, что мурашки побѣжали по спинѣ. Чтобы освѣжить свою голову, я зашелъ въ трактиръ «Красный Пѣтухъ» выпить чарку вина. Я принялъ, однако, мѣры осторожности и денежки свои запряталъ въ кожаный кушакъ подъ блузу, потому что «Красный Пѣтухъ» стоитъ у самой рощи, гдѣ довольно водится добрыхъ молодцовъ, охотниковъ очищать чужіе карманы.

«Темно было отъ дыма въ низкой и узкой темной залѣ, освѣщенной двумя окнами, выходившими во дворъ; извозчики въ блузахъ, помятыхъ шляпахъ или изношенныхъ шапкахъ двигались, какъ тѣни; по временамъ спички загорались въ клубахъ дыма, на минуту выставлялись красные носы и впалые глаза, отвисшія губы и вслѣдъ затѣмъ опять туманъ, ничего не видать. Зато шумъ не переставалъ, что барабанъ.

«Я присѣлъ въ уголокъ, палку ткнулъ между колѣнами, чарка вина передо мною, и такъ просидѣлъ до самой ночи съ разинутымъ ртомъ, вытаращенными глазами, смотря на свою шляпу, которая казалась мнѣ нарисованною на стѣнѣ.

«Къ восьми часамъ я проголодался; захотѣлось мнѣ червяка заморить и выпить чарку вина. Лампу зажгли, и черезъ два-три часа я очнулся. Предо мною стоялъ хозяинъ Фоксъ и говорилъ:

— «Три крейцера за ночлегъ; можете занять постель.

«Меня провели на чердакъ, гдѣ я нашелъ соломенный тюфякъ на полу и среднюю балку надъ нимъ какъ разъ. Рядомъ со мною въ другомъ отдѣленіи ворчало двое пьяныхъ, что не могутъ вытянуться во весь ростъ; мнѣ пришлось вдвое согнуться, чтобы не стукаться головою о черепицы.

«Всю ночь я глазъ не могъ сомкнуть, сколько отъ страха, чтобы меня не обокрали, сколько и отъ желанія покончить на чемъ-нибудь, куда же мнѣ путь держать.

«Въ четыре часа утра окно въ крышѣ посѣрѣло; мои сосѣди храпѣли точно въ двѣ трубы. Я спустился внизъ по лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Торопясь уходить, я то-и-дѣло ощупывалъ свой кушакъ, цѣлъ ли онъ. Начинало разсвѣтать. У иныхъ домовъ служанки подметали тротуаръ, два-три сторожа съ палками подъ мышкой тихо проходили по улицамъ. Я ускорялъ шаги, отрадно вдыхалъ въ себя свѣжій утренній воздухъ и, дойдя до Штутгардскихъ воротъ, могъ уже видѣть вдалекѣ сельскія рощи, какъ вдругъ пришло мнѣ въ голову, что я забылъ заплатить за ночлегъ: всего только три крейцера. Фоксъ былъ первый бездѣльникъ во всемъ Мюнхенѣ, подбиравшій къ себѣ всѣхъ городскихъ негодяевъ, но мысль, что такой человѣкъ имѣетъ право считать меня, подобнымъ себѣ, разомъ преградила мнѣ путь.

«Часто мнѣ случается слышать, что и въ этомъ мірѣ добродѣтель награждается, а порокъ наказывается. Къ счастью, на своемъ вѣку я такъ много видѣлъ противорѣчій этому правилу, что вѣрить ему не могу. По моему, надо скорѣе вѣрить тому, что когда человѣкъ предаетъ себя покровительству небесныхъ силъ, тогда все, что онъ ни дѣлалъ бы изъ храбрости или трусости, и даже своего желанія, все это обращается ему на пользу. Тяжело бываетъ видѣть, что какіе-нибудь разбойники благодѣтельствуютъ на землѣ, но не въ томъ дѣло: если бы одно богатство давало человѣку счастье, то люди всегда могли бы добыть богатства хотя изъ чужихъ каргановъ, но не такъ судилъ Господь.

«Сказать короче, проклиная свою забывчивость, я вернулся въ «Красный кабачекъ». Фоксъ брился передъ разбитымъ зеркаломъ, приставленнымъ на краю камина. Когда онъ услы-

шалъ, что я вернулся съ дороги, чтобы заплатить ему три крейцера, онъ обернулся и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, какъ бы подозрѣвая недобрый умыселъ съ моей стороны. Однако, подумавъ хорошенько и вытеревъ себѣ бороду, онъ протянулъ руку за деньгами въ силу того убѣжденія, что хоть и три крейцера, однакоже, все же деньги. Толстая служанка съ одутловатымъ лицомъ вытирала въ это время столы и не менѣе хозяина вытаращила на меня глаза отъ удивленія.

«Я уже повернулся, чтобы уходить, какъ вдругъ взглядъ мой упалъ на небольшія, закоптѣлыя картинки въ рамкахъ, развѣшанныя по стѣнамъ. Окна были открыты для очищенія воздуха, и хотя въ комнатѣ было такъ же мрачно, какъ и вчера, однако, все же свѣту было больше. Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что въ нѣкоторыя минуты жизни наши глаза освѣщаютъ тѣ предметы, которые намъ суждено видѣть, словно въ насъ есть внутренній свѣтъ, предупреждающій, чтобы мы были внимательнѣе. Но какъ бы тамъ ни было, а я готовъ уже былъ переступить за порогъ, когда взглядъ на эти рамки заставилъ меня вернуться. Тутъ были гравюры, изображавшія виды Рейнскихъ береговъ; гравюрамъ, по крайней мѣрѣ, было сто лѣтъ, такія онѣ были грязныя и перепачканныя мухами. Но, странная вещь, однимъ взглядомъ, я все увидалъ въ нихъ и между множествомъ узналъ развалины, которыя видѣлъ во снѣ. Я поблѣднѣлъ; на минуту я не имѣлъ силъ, чтобы стать на скамью и разглядѣть картины. Еще минута и у меня сомнѣнія не оставалось: три башни впереди, деревья внизу, а подъ ними футовъ на пятьсотъ рѣка—все какъ есть. Я прочелъ внизу картины надпись готическими буквами: «Виды Рейна—Брейзахъ», а въ углу «Гравировалъ Фридрихъ, 1728». Какъ разъ сто лѣтъ прошло.

«Хозяинъ наблюдалъ за мною.

— Ага,—сказалъ онъ, — вы засмотрѣлись на Брейзахъ. Вѣдь это моя родина. Эти подлецы французы сожгли городъ.

«Я спустился со скамьи и сказалъ:

— Развѣ вы изъ Брейзаха?

— Нѣтъ, я изъ Мюльтаузена, нѣсколько миль подальше, славная сторонушка. Въ хорошіе годы тамъ за цѣлый литръ вина платили два крейцера, не больше.

— А это далеко отсюда?

— По крайней мѣрѣ, за сто миль. Ужъ не собираетесь ли вы туда?

— Можетъ быть.

«Я ушелъ, а онъ проводилъ меня до двери и шутливо закричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Послушайте-ка. Какъ пойдете въ Мюльгаузенъ, постарайтесь вспомнить, не должны ли мнѣ еще чего-нибудь.

«Я не отвѣчалъ, но былъ уже на пути къ Брейзаху. Тамъ въ мрачной глубинѣ подземелья я видѣлъ груды золота. Я уже завладѣлъ имъ, бралъ его пригоршнями и опять бросалъ на землю; золото, падая, производило звучные отголоски, и тамъ слышался какъ будто хохотъ, отъ котораго у меня кровь стыла въ жилахъ.

«Вотъ какимъ образомъ, господинъ Фурбахъ, я отправился изъ Мюнхена и благополучно прибылъ въ Старый Брейзахъ. Это случилось 3-го сентября 1828 года. Не забыть этого мнѣ во всю жизнь. Въ этотъ день я вмѣстѣ съ разсвѣтомъ отправился въ дорогу. Около девяти часовъ вечера я увидѣлъ первые дома деревни; дождь лилъ, какъ изъ ведра; шляпа, блуза, рубаха, все промокло у меня насквозь. Отъ вѣтра, дувшаго отъ швейцарскихъ ледниковъ, я такъ дрожалъ, что не могъ зубомъ на зубъ попасть. Какъ теперь слышу, дождь льется шумными потоками, вѣтеръ воетъ, Рейнъ реветъ. Въ Старомъ Брейзахѣ не видать огонька. Какая-то старуха указала мнѣ путь на гору въ Шлосгартенъ. Мнѣ удалось отыскать тропинку, и, ощупью пробираясь, я говорилъ про себя: «Боже милостивый: если нѣтъ на то Твоей воли, чтобы я здѣсь погибъ, то приди ко мнѣ на помощь и исполни хотя четвертую часть Твоихъ милостей, обѣщанныхъ бѣдной христіанской душѣ».

«А дождь такъ и хлещетъ, деревья такъ и клонятся къ землѣ, и вѣтеръ, чѣмъ выше я поднимаюсь, тѣмъ яростнѣе бушуетъ.

«Минутъ уже двадцать пробирался я по этой извилистой тропинкѣ, и съ каждымъ шагомъ грозила мнѣ опасность упасть и скатиться внизъ; вдругъ вижу фонарь медленно подвигается ко мнѣ навстрѣчу; дождь заливалъ его, и лучи его отражались на старой стѣнѣ.

— Эй, кто тутъ?—закричалъ надломанный голосъ.

— Путникъ по дорогѣ въ Шлосгартенъ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо, вотъ мы увидимъ.

«Огонь заколебался и подался впередъ прямо на меня.

«Ко мнѣ приблизилось угрюмое лицо съ плоскимъ носомъ и мертвенно-блѣдными морщинистыми щеками, голова, прикрытая старою мѣховою шапкою, изъ которой вся шерсть давно уже вылѣзла. Длинная, тощая рука подняла фонарь въ уровень съ моею шляпою; нѣсколько секундъ мы молча смотрѣли другъ на друга. У него были свѣтло-сѣрые глаза какъ у кошки, а брови и борода бѣлыя, какъ лунь; на немъ былъ тулупъ изъ козьяго мѣха и сѣрые холщевые штаны. Это былъ старый Цулпикъ, канатный мастеръ, престранное существо; онъ жилъ одиноко въ своемъ подвалѣ подъ башнею Гонтрана Скряги. Цѣлые дни онъ проводилъ за работою своихъ канатовъ, сидя въ небольшомъ проходѣ позади церкви св. Стефана; когда прохожіе желали ему добраго дня, онъ никогда не отвѣчалъ иначе, какъ безмолвнымъ кивкомъ головы; къ вечеру онъ уходилъ въ свой уголъ, мурлыча подъ носъ пѣсни временъ Барбароссы, и самъ готовилъ себѣ ужинъ, послѣ чего онъ до самой ночи просиживалъ у своего окошечка, облокотившись на обѣ руки, и по цѣлымъ часамъ глазѣлъ на Рейнъ, Эльзасъ, Швейцарскія горы. Иногда видали его по ночамъ разгуливающимъ среди развалинъ, и по временамъ, только очень рѣдко, онъ хаживалъ въ кабачекъ дяди Корба на пристани у самаго моста, распить бутылку киршвассера съ ладочниками и сплавщиками лѣса. Въ такихъ случаяхъ онъ разсказывалъ своимъ пріятелямъ разныя преданія о старыхъ временахъ, и добряки часто толковали промежъ себя:

— Гдѣ это Цулпикъ научился всѣмъ этимъ наукамъ. Кажись, онъ всю жизнь провелъ надъ канатами.

«По воскресеньямъ Цулпикъ никогда не пропускалъ обѣдни, но по какому-то странному тщеславію всегда становился на хорахъ на самомъ мѣстѣ старыхъ герцоговъ, и, что еще страннѣе, брейзахцы смотрѣли на это дѣйствіе старика, какъ будто такъ и надо, между тѣмъ какъ всякаго другого осудили бы за это самое.

«Таковъ былъ человѣкъ съ фонаремъ въ рукахъ.

«Долго всматривался онъ въ меня, несмотря на дождь, который такъ и хлесталъ, и несмотря на мое нескрываемое нетерпѣніе.

«Наконецъ, онъ сказалъ очень сухо:

— Вотъ ваша дорога.

«Сгорбившись и задумавшись, онъ продолжалъ свой путь внизъ къ кабачку дяди Корба, бормоча себѣ подъ носъ.

«А я, желая воспользоваться послѣдними лучами удалявшагося фонаря, поторопился проворнѣе взобраться на террасу, гдѣ свѣтъ выходилъ какъ будто изъ-подъ земли—это и былъ Шлосгартенъ. Одна служанка еще ложилась спать; я постучалъ въ дверь; дверь отворилась передо мною, и Катель закричала:

— Ахъ, Боже мой, что за непогода. Каково теперь путешественникамъ! Войдите, войдите.

«Я вошелъ въ переднюю; она осмотрѣла меня съ головы до ногъ.

— Вамъ бы надо все снять и перемѣнить бѣлье, но, я вижу, вы не богаты. Идите за мною въ кухню; вы получите чарку вина и краюху хлѣба, Христа ради. Потомъ я поищу старую рубаху и приготовлю вамъ теплую постель.

«Такъ говорила эта добрѣйшая женщина, и я поблагодарилъ ее отъ глубины души.

«Расположившись у камина, я принялся ужинать, какъ голодный волкъ. Катель только руки къ небу воздымала, смотря на меня съ удивленіемъ. Когда я покончилъ, она отвела въ служительскую комнату, гдѣ я, перемѣнивъ бѣлье, скоро заснулъ подъ покровомъ Господа.

«Проснувшись на другой день въ семь часовъ утра, я услышалъ шелестъ листьевъ. Тогда я выглянулъ въ окно, выходившее въ паркъ, и увидѣлъ, что сухія листья развѣсистыхъ яровъ падаютъ одни за другими на безлюдныя аллеи, и туманъ сѣроватыми клубами стелится по Рейну. Моя одежда все еще не высохла, однако, я спѣшилъ одѣться, и черезъ нѣсколько минутъ пришла Катель и представила меня старому Михелю Дурлаху, хозяину гостиницы, лѣтъ восьмидесяти, съ опухлыми вѣками и лицомъ, покрытымъ безчисленными морщинами. На немъ былъ однобортный жилетъ изъ темно-коричневаго бархата съ серебряными пуговицами, синіе суконные штаны, черные шелковые чулки и съ круглыми носками башмаки съ старинными мѣдными пряжками. Онъ сидѣлъ въ нарадной залѣ у камина изъ китайскаго фарфора.

«Я сталъ просить его принять меня въ услуженіе—мнѣ пришло въ голову остаться пока на житье въ Старомъ Брейзахѣ—хозяинъ зорко осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потомъ потребовалъ мой аттестатъ; взявъ его въ руки, онъ преважно сталъ читать его сквозь огромныя очки на сине-багровомъ носу, очень напоминавшемъ вороній клювъ. По временамъ онъ кивалъ головою, приговаривая:

— Хорошо, хорошо.

«Наконецъ, поднявъ на меня глаза, онъ сказалъ съ благосклонной улыбкой:

— Ну, что же, Никлаузъ, вы можете оставаться у насъ на мѣсто Каспара, который послѣ завтра уходитъ отъ насъ въ свой полкъ. Утромъ и вечеромъ ваше дѣло будетъ ходить на пристань смотрѣть, нѣтъ ли путешественниковъ, и привозить ихъ пожитки на тележкѣ. Жалованія вамъ будетъ шесть флориновъ въ мѣсяцъ и полное содержаніе; щедрость путешественниковъ удвоитъ жалованіе, а впослѣдствіи, какъ послужите, и я буду доволенъ вами, ну, тогда и побольше прибавимъ. Довольны ли вы этими условіями?

«Я охотно согласился, потому что непремѣнно рѣшилъ остаться въ Старомъ Брейзахѣ; но еще сильнѣе утвердился я въ своей рѣшимости, когда появилась Фридолина Дурлахъ: ея большіе голубые глаза и ласковая улыбка совершенно покорили мое сердце. Какъ только я взглянулъ на Фридолину, сейчасъ припомнился мнѣ мой сонъ: румяная, весело улыбающаяся, съ прекрасными льняными волосами, заплетенными широкою косою, лежавшей на бѣлоснѣжной шеѣ, полная круглая съ пухленькими руками и ласковымъ голосомъ; дѣвушка, которой не минуло и двадцати лѣтъ, а она уже вздыхала, какъ и всѣ молоденькія дѣвушки, о томъ, когда пробьетъ счастливый часъ, и она выйдетъ замужъ, точь-въ-точь, какъ я видѣлъ во снѣ.

«Но, размышляя о томъ, кто я, бѣдный слуга въ старой блузѣ, каждый вечеръ запряженный въ телѣжку, какъ вьючное животное, я невольно опускалъ голову и съ тоскою въ душѣ не осмѣливался думать объ обѣщаніяхъ невидимыхъ силъ. Я не смѣлъ даже втихомолку сказать себѣ: «Вотъ твоя невѣста, она обѣщана тебѣ». Нѣтъ, я смѣлъ остановиться на этой мысли; я дрожалъ передъ нею, обвинялъ себя въ безуміи. Фридолина была такъ прекрасна, а я такъ бѣденъ...

«Несмотря на это, съ первой же минуты моего пребыванія въ Шлостартенѣ Фридолина бросила на меня ласковый или скорѣе благосклонный взглядъ. Часто вечеромъ послѣ ломовой дневной работы, когда я садился у очага въ кухнѣ, печальный, опустивъ руки и задумчиво поглядывая по сторонамъ, она тихо, какъ волшебница, входила, и пока Катель занималась уборкою посуды, Фридолина успѣвала ласково улыбаться и шепнуть мнѣ:

— Вы, кажется, очень утомились, Никлаузъ. Погода сегодня ужасная. Этотъ несносный ливень промочилъ васъ насквозь. Ваша работа очень тяжелая; но имѣйте терпѣніе, добрый Никлаузъ; немножко еще потерпите, какъ только въ гостиницѣ откроется другое лучшее мѣсто, вы тотчасъ получите его. Вы не для того созданы, чтобы возить телѣжку съ тяжестью; для этой работы нуженъ погрубѣе и попривычнѣе.

«И все время она смотрѣла на меня такими нѣжными, сострадательными глазами, что у меня сердце дрожало подъ вліяніемъ ея взгляда, и глаза наполнялись слезами; мнѣ такъ хотѣлось броситься къ ея ногамъ, взять ее за руки и съ рыданіемъ прижаться къ нимъ губами. Почтеніе удерживало меня. А чтобы сказать ей: «Люблю тебя, Фридолина», никогда, никогда не осмѣлился бы я этого сдѣлать. А между тѣмъ вѣдь ей предназначено было сдѣлаться моей женою».

Никлаузъ прервалъ свой разсказъ; онъ задыхался отъ сильнаго волненія. Да и старый Фурбахъ былъ сильно растроганъ: онъ наблюдалъ за добрымъ Никлаузомъ, когда тотъ плакалъ отъ умиленія при столько сладостныхъ воспоминаніяхъ, и эти слезы счастья глубоко растрогали его, такъ что онъ не находилъ словъ выразить свое сочувствіе.

Чрезъ нѣсколько минутъ Никлаузъ оправился и продолжалъ:

«Вы легко можете себѣ представить, господинъ Фурбахъ, что всю эту зиму, продолжительную и суровую въ 1828 году, моя постоянная забота не покидала меня. Вообразите себѣ бѣдняка съ лямкою на шеѣ, утромъ и вечеромъ таскавшаго на себѣ телѣжку то вверхъ, то внизъ по узкой, казалось, безконечной дорогѣ, отъ береговъ Рейна до верхней террасы. Вы теперь знакомы съ этими извилистыми ступеньками отъ террасы до террасы, гдѣ дуютъ всѣ вѣтры Швейцаріи и Эльзаса. Сколько разъ бывало, останавливался посрединѣ этого пути, чтобы по-

глядѣть на эти громадныя развалины съ ихъ окружающими закоптѣлыми хижинами, самъ себя утѣшая: кладъ скрывается гдѣ-то здѣсь, гдѣ, я самъ не знаю, но непремѣнно здѣсь. Если бы я нашелъ его, вмѣсто того, чтобы дождь хлесталъ мнѣ въ лицо, ноги вязли въ тинѣ, и веревка перетягивала меня вмѣсто кушака, я сидѣлъ бы теперь за убраннымъ столомъ, попивалъ бы хорошее винцо и, прислушиваясь къ буйнымъ вѣтрамъ и дождю, благодарилъ бы Бога за всѣ Его милости. А выше всего этого я видѣлъ передъ собою милое лицо, привѣтствующее меня улыбкою.

«Отъ такихъ мыслей меня била лихорадка; глаза мои пронизывали стѣны, я измѣрялъ взглядомъ глубину бездны, я подкапывался подъ фундаментъ каждой башни, соображая толщину его по верхнимъ частямъ зданія.

— Ахъ!—восклицалъ я.—Ужъ найду я кладъ, непремѣнно найду.

«Какая-то странная притягательная сила увлекала мои взоры къ башнѣ Гонтрана Скряги, стоящей какъ разъ противъ подъема. Это высокое каменное зданіе, увѣнчанное тяжелыми зубцами, сильно выдается со стороны Гуневира. Къ ней примыкаетъ Рудольфова темница. Между ними виситъ подъемный мостъ. Обѣ эти башни составляютъ колонны колоссальныхъ воротъ.

«Было еще одно обстоятельство, которое тѣмъ болѣе привлекало меня къ Гонтрановой башнѣ: на половинѣ ея высоты, на широкомъ обтесанномъ камнѣ вырѣзанъ крестъ, увѣнчанный шлемомъ, а вмѣсто рукъ Спасителя на немъ прибиты двѣ латныя рукавицы.

«Конечно, вы не забыли, господинъ Фурбахъ, тотъ крестикъ, который я показывалъ вамъ въ тотъ день, когда уходилъ отъ васъ. Я всегда ношу его на себѣ. Именно этотъ крестикъ показался мнѣ совершенно сходнымъ съ крестомъ Гонтрановой башни; шлемъ и рукавицы совершенно одинаковы. Кромѣ того, каждый разъ, какъ я проходилъ мимо башни, по мнѣ пробѣгала какая-то необъяснимая дрожь. Я чувствовалъ себя подъ гнетомъ необыкновенной силы; страхъ овладѣвалъ мною, и наперекоръ желанію проникнуть эту тайну, смертельный ужасъ заставлялъ меня бѣжать оттуда.

«Когда уходилъ въ свою комнату на ночь, я начиналъ уко-

рять себя за трусость и давалъ себѣ слово быть храбрымъ на завтрашній день, но самыя мои твердыя намѣренія распадались въ прахъ при одной мысли о возможности встрѣтиться съ лицомъ къ лицу съ невѣдомыми силами.

«Кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, внизу этой знаменитой башни, подъ сводами оружейной залы, проживалъ старый канатный мастеръ Цулписъ, который съ самаго моего прибытія въ Брейзахъ наблюдалъ за всѣми моими проступками. Какое дѣло этому человѣку до меня. Подозрѣваетъ ли онъ мои намѣренія. Не обладаетъ ли и онъ такими инстинктами, какъ и я. Не у него ли ключъ отъ этой разгадки. Я самъ не могъ избавиться отъ нѣкоторыхъ опасеній при встрѣчѣ съ нимъ; ясно было, что между Цулпикомъ и мною существуютъ какіе-то интересы. Но какого они рода. Я не могъ отвѣтить на эти вопросы и былъ настороже.

«Прошло уже три мѣсяца, какъ я возилъ телѣжку, не рѣшаясь остановиться на какомъ-нибудь намѣреніи. На меня напала тоска. Иногда мнѣ сдавалось, что духъ тьмы смѣялся надъ моимъ легковѣріемъ. Каждый вечеръ, возвращаясь въ Шлосгартенъ, я чувствовалъ, что невыразимая тоска душитъ меня. Катель и Фридолина все разспрашивали меня о причинѣ моего сокрушенія и, утѣшая меня, говорили о лучшей судьбѣ въ будущемъ. Съ каждымъ днемъ я видимо худѣлъ.

«Наступила зима, холода были невыносимые, особенно въ ясныя ночи, когда небо было усыпано множествомъ звѣздъ, и блистательная луна набрасывала свои бѣлоснѣжныя тѣни на огромныя деревья съ тысячами переплетенныхъ вѣтвей.

«Пароходы тогда еще не существовали. Большія парусныя суда подвозили пассажировъ не въ одинаковое время; они приходили въ восемь, девять, десять, одиннадцать и часто даже въ двѣнадцать часовъ ночи, смотря по болѣе или менѣе благопріятному вѣтру. Я долженъ былъ оставаться на пристани посреди тюковъ въ ожиданіи пассажировъ; снѣгъ порошилъ, засыпая меня съ ногъ до головы; но часто случалось, что суда проходили мимо, и я возвращался въ гостиницу порожнемъ, потому что въ зимнюю пору мало было охотниковъ до путешествій.

«Въ одинъ январскій вечеръ я печально совершалъ свой обратный путь. Дорога покрылась снѣгомъ; моя телѣжка тихо скользила, не производя ни малѣйшаго шума. Доѣхавъ до по-

ловины дороги, я остановился и, облокотившись на нижнюю стѣну, въ моемъ любимомъ мѣстѣ, задумчиво смотрѣлъ на Гонтранову башню. Погода прояснилась. Внизу меня вся деревня была погружена въ сонъ. Деревья, покрытыя инеемъ и снѣгомъ, сверкали при лунномъ сіяніи. Долго смотрѣлъ я внизъ на бѣлыя крыши, на темные дворики съ ихъ заступами, лопатами, упряжью, плугами, пуками соломы, висѣвшими на жердяхъ—у оконъ, ничто не шелохнулось, и я говорилъ про себя: «Всѣ они спокойно спятъ, и немудрено, они не заботятся о кладахъ. Боже мой, что такое человѣкъ. На что ему богатство? Развѣ богачи не умираютъ точно такъ же, какъ и бѣдные? Развѣ бѣдняки не могутъ любить своихъ женъ и дѣтей, согрѣваться теплотою домашняго очага въ холодную пору, точно и богачи? Развѣ для того, чтобы быть счастливымъ, необходимо каждый день напиваться дорогимъ виномъ? Все на землѣ такъ мимолетно; недостаточно ли для этихъ немногихъ дней счастья—любоваться небомъ, звѣздами, луною, рыбою, зеленью полей и лѣсовъ, пользоваться плодами деревъ, наслаждаться виноградомъ, сказать ей нѣсколько словъ о своей любви: «Ты самая лучшая, самая любимая, самая прекрасная женщина въ мірѣ, я буду любить тебя вѣчно!»—не достаточно ли видѣть своихъ дѣтей на ея рукахъ, ласкать ихъ, радоваться ихъ веселому смѣху—все это не доставляетъ ли счастья, бѣднаго счастья человѣка въ этомъ мірѣ? Не всѣмъ ли намъ суждено одному за другимъ спускаться, въ богатыхъ ли одеждахъ, или лохмотьяхъ, въ могилу, откуда нѣтъ выхода, и неизвѣстно, что тамъ происходитъ. Опомнись Никлаузъ, нужны ли сокровища для всего этого? Подумай и успокойся. Возвратись-ка въ свою родную деревню, займись обработкою своего маленькаго поля, поля твоей бабушки: женись на какой-нибудь Гредели, Христинѣ или Лотхенъ, сдѣлай ее счастливою и будь самъ счастливъ съ жирной, веселой красавицей, если полюбится, или съ худощавой, задумчивой, если больше понравится. Недостатка въ невѣстахъ нѣтъ—всѣхъ не перечтешь. Послѣдуй примѣру отцовъ и дѣдовъ, слѣдуй за толпою, слушайся приходскаго священника. Слѣдуя по торной дорожкѣ большинства, ты достигнешь почета и довольства, и черезъ сотню лѣтъ о твоихъ костяхъ будутъ съ почтеніемъ говорить, какъ и прежнихъ далекихъ предковъ: «Вотъ были люди—такъ люди, а нынѣшніе—все дрянь».

«Въ такомъ грустномъ раздумьи, облокотившись о стѣну, я наслаждался безмолвіемъ ночи, деревни, небесныхъ звѣздъ, луны и развалинъ, и сокрушаясь о кладѣ, который никакъ мнѣ въ руки не дается.

«Но вдругъ послышалось мнѣ, какъ будто что-то зашевелилось въ трехстахъ шагахъ надо мною. Медленно выдвинулась голова, окинула взоромъ рѣку, пристань и крутую, далеко извивающуюся дорогу.

«Я спустился внизъ и скрылся со своею телѣжкою за стѣнками.

«Это былъ Цулпикъ съ обнаженной головою; при ясномъ свѣтѣ луны я могъ, несмотря на далекое разстояніе, отчетливо разсмотрѣть, что старый канатчикъ необыкновенно взволнованъ. Его блѣдныя щеки совсѣмъ впали, его большіе глаза изъ-подъ нависшихъ бровей сверкали, а между тѣмъ онъ стоялъ спокойно. Долго высматривалъ онъ все по тѣмъ же направленіямъ и, наконецъ, опять надѣлъ свою старую шапку, которую снялъ, чтобы она не мѣшала ему смотрѣть вдаль, спустился по крутой тропинкѣ къ Рудольфовой башнѣ и вслѣдъ затѣмъ скрылся между бастіонами.

«Что онъ дѣлаетъ въ такую позднюю пору между развалинами? Внезапно меня озарила свѣтлая мысль: онъ ищетъ тамъ клада. За минуту передъ тѣмъ я совсѣмъ былъ спокоенъ, но при этой мысли вся кровь хлынула мнѣ въ голову. Я надѣлъ лямку на себя и сколько было силы пустился домой; колеса моей телѣжки скользили по снѣгу безъ всякаго шума. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на заднемъ дворѣ Шлосгартена, поставилъ телѣжку на мѣсто и, схвативъ заступъ, бросился по слѣдамъ стараго канатчика. Черезъ четверть часа я былъ уже во рву башни, отыскивая по снѣгу слѣды Цулпика. Я до того торопился, что при поворотѣ за кучу развалинъ столкнулся носомъ къ носу съ самимъ Цулпикомъ, и крѣпко схватился за него обѣими руками, какъ только увидѣлъ меня. Неподвижно, какъ статуя, стоялъ онъ, и въ его осанкѣ было столько величавости, что я былъ пораженъ—право же, его можно было принять за самаго стараго рыцаря. У меня духъ даже занялся; однако я скоро оправился и сказалъ:

— Добрый вечеръ, господинъ Цулпикъ. Какъ поживаете? Сегодня что-то холодно!

«Какъ разъ въ эту минуту на часахъ башни древняго собора св. Стефана пробила полночь, и каждый ударъ звучно и торжественно раздавался въ бастіонѣ. Когда пробилъ послѣдній ударъ, Цулпикъ спросилъ:

— Зачѣмъ сюда пришелъ?

— Зачѣмъ?—повторялъ я въ замѣшательствѣ: — За тѣмъ же, за чѣмъ и вы.

— Но по какому праву вы объявляете притязанія на кладъ Гонтрана Скряги? Говорите,—закричалъ онъ сурово.

— Ага,—возразилъ я,—видно и вамъ извѣстно.

— Да, извѣстно, я понялъ васъ насквозь, я ждалъ васъ.

Сердце мое сильно билось.

— Какъ, вы ждали меня?

«Не отвѣчая на мой вопросъ, онъ продолжалъ:

— По какому праву вы предъявляете притязанія на этотъ кладъ?

— А вы-то сами, дядя Цулпикъ, по какому праву предъявляете свои притязанія? Если есть тутъ кладъ, такъ почему же онъ долженъ принадлежать вамъ, а не мнѣ.

— Совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи меня—совсѣмъ иное; вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ прошло, что я отыскиваю этотъ кладъ,—сказалъ онъ, и, положивъ руку на сердце, прибавилъ съ видомъ глубокаго убѣжденія:—кладъ мнѣ принадлежитъ, я купилъ его цѣною крови, и прошло уже восемь столѣтій съ тѣхъ поръ, что я лишенъ его.

«Я подумалъ, что онъ помѣшался, но, читая въ моихъ мысляхъ, онъ поспѣшилъ сказать:

— Я не помѣшался. Покажите мнѣ, гдѣ находится мое наслѣдство, потому что вамъ дано свыше узнавать это мѣсто, покажите, и я вамъ отдамъ добрую долю изъ моихъ сокровищъ.

«Мы были у подошвы Рудольфовой башни, гдѣ я засталъ стараго Цулпика, хлопотавшаго выломать одинъ камень, вокругъ котораго лежало уже множество другихъ разрушенныхъ камней.

«Такъ онъ и мѣсто то не знаетъ,—подумалъ я про себя.— Клада тутъ нѣтъ, въ этомъ я увѣренъ. Онъ долженъ лежать внутри Гонтрановской башни».

«И, не отвѣчая на его вопросъ, я сказалъ вслухъ:

— Потерпите немножко, дядюшка Цулпикъ. Мы потолкуемъ объ этомъ когда-нибудь.

«Я повернулъ на дорогу, ведущую на террасу. Дорогою я вспомнилъ, что въ Гонтранову башню другого входа нѣтъ, какъ черезъ подземелье, гдѣ Цулпикъ, и потому, оглянувшись, закричалъ ему:

— Завтра опять потолкуемъ о томъ.

— Вотъ и прекрасно! — закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

«Опустивъ голову, съ унылымъ видомъ, онъ слѣдовалъ за мною на значительномъ разстояніи.

«Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ своей комнаткѣ и ложился спать съ чувствомъ надежды и бодрости, какого уже давно не испытывалъ.

«Въ эту ночь мнѣ приснилось то же видѣніе съ поражающимъ величіемъ. Не надолго, но я видѣлъ стараго рыцаря на бронзовомъ крестѣ; передъ моими глазами медленно развивалась полная, странная и колоссальная исторія. На древнемъ соборѣ св. Стефана ударили въ большой колоколъ. Тяжелые, красные камни обширнаго зданія со сводами, склепами и шпицами, потряслись на своихъ гранитныхъ основаніяхъ.

«Безчисленная толпа изъ духовенства и дворянства, въ золотыхъ одеждахъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями, тѣснилась на платформѣ Стараго Брейзаха, не того, какимъ мы теперь его видимъ, въ развалинахъ, съ жалкими хижинами внизу, а Брейзаха древности, покрытаго величественными зданіями, возносившимися до облаковъ. Въ каждой амбразурѣ его пространныхъ стѣнныхъ зубцовъ стоялъ вооруженный воинъ, устремивъ глаза въ туманную синеватую долину; по всей извилистой дорогѣ до самаго Рейна блестѣли штыки, сабли и бердыши, а въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, сверкали солнечные лучи. Внизу крутой дороги въ темныхъ воротахъ слышался топотъ лошадей. Оглушительный гулъ носился надъ долиной. Вдругъ перенесенный на самую вершину башни, я увидѣлъ—далеко, очень далеко, плыветъ по рѣкѣ большой корабль, покрытый черным покровомъ съ большимъ бѣлымъ крестомъ по серединѣ. Каждый ударъ погребальнаго колокола проносился отъ одной башни къ другой и продолжительными отголосками отдавался въ глубинѣ укрѣпленій. Я понималъ, что скончалась великая особа, императоръ или король, и, видя, что всѣ пре-

клонили колѣна, и я хотѣлъ стать на колѣни, но вдругъ все исчезло. Вѣроятно, во снѣ я повернулся на другой бокъ. Могильная тишина наступила вслѣдъ за этими шумными звуками.

«Послѣ этого я снова увидѣлъ себя въ склепѣ и смотрѣлъ въ отверстіе бойницы. Напротивъ меня былъ подъемный мостъ, Рудольфова Башня и на мосту часовой. «Вотъ ты не ошибся, Никлаузъ,—сказалъ я про себя:—«и сомнѣваться нечего: эта башня Гонтрана Скряги и тутъ непремѣнно лежитъ старый герцогъ». Я оглянулся и увидалъ гробъ и стараго герцога, совсѣмъ не въ видѣ скелета, а цѣлый трупъ въ голубой мантіи, сверкающей звѣздами и двуглавыми орлами, вышитыми на серебрѣ. Я подошелъ поближе и съ восхищеніемъ разсматривалъ всѣ украшенія. Мантія, мечъ, корона и большая чаша, блистали при свѣтѣ звѣзды, свѣтившейся въ амбразурахъ отверстія. Я замечтался о счастьѣ обладать всѣми этими сокровищами; въ это время старый герцогъ открылъ глаза и строго посмотрѣлъ на меня:

— Вотъ и ты здѣсь, Никлаузъ,—сказалъ онъ, не шевеля ни однимъ мускуломъ своего длиннаго лица,—давно уже я забытъ въ этомъ склепѣ. Добро пожаловать. Присядь-ка на краю моего гроба. Не безпокойся, онъ крѣпокъ и не обрушится подъ тобою.

«Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ руку и я не могъ отказаться отъ его пожатія.

«Боже мой, какія холодныя руки у мертвецовъ»,—подумалъ я съ содроганіемъ.

«Въ эту минуту я проснулся и увидѣлъ, что во снѣ я схватилъ въ руку, стоящій около меня на столикѣ, подсвѣчникъ: это-то и разбудило меня. Было такъ холодно, что маленькія стекла въ окнахъ замерзли.

«Остальное время ночи я не могъ заснуть, а все время старался припомнить обстоятельства этого сновидѣнія. Я вполнѣ вспомнилъ его; окружающая меня дѣйствительность дополняла всѣ подробности.

«Цѣлый день до самой ночи надо было имѣть терпѣніе. Спускаясь съ тележкой къ пристани въ шесть часовъ, я завернулъ къ Цулпику сказать ему, что возвращусь между восемью и девятью часами и тогда потолкуемъ. Вмѣсто отвѣта онъ кивнулъ мнѣ головою и указалъ на входъ въ его подвалъ.

«Въ девять отправился пароходъ. Къ десяти часамъ я со-

вершалъ обратный путь въ гостиницу и, поставивъ тележку на мѣсто, спустился въ Гонтранову Башню. Цулпикъ ожидалъ меня. Молча спускались мы, и съ этой минуты я былъ убѣжденъ, что близка пора великаго открытія, потому что спускаясь по ступенькамъ, я вспомнилъ, что точно такія же видѣлъ во снѣ; но Цулпику я не сказалъ объ этомъ ни слова. По достиженіи его подвала, у меня исчезли всѣ сомнѣнія: я узналъ мѣстность, низкій потолокъ со сводами, старыя стѣны, плиту у отверстія, четыре круглыя стекла разбитаго окна, простой ящикъ вмѣсто кровати, въ углу пуки веревокъ. Все было мнѣ знакомо въ логовищѣ дяди Цулпика и я измѣрилъ уже глазами плиту, которую надо будетъ поднять, если дѣло у насъ пойдетъ на ладъ.

«Жестяная лампа горѣла на столѣ. Старый канатчикъ безъ церемоніи усѣлся на стулъ съ прорваннымъ дномъ, а мнѣ показалъ на ящикъ, на который я и сѣлъ. Цулпикъ, съ плѣшивою головою, двумя пучками волосъ, торчавшими надъ ушами, приплюснутымъ носомъ, сверкающими глазами и острокопечнымъ подбородкомъ, былъ взволнованъ и погруженъ въ раздумье, мрачно смотрѣлъ на меня и, наконецъ, заговорилъ:

— Кладъ мнѣ принадлежитъ и я не позволю себя ограбить! Онъ мой; я владѣю имъ, не изъ таковскихъ я, чтобы позволить себя ограбить! Понимаете?

— Что же? Тутъ и дѣлу конецъ; кладъ вашъ, такъ и держите его при себѣ,—сказалъ я, вставая и показывая видъ, что я хочу уходить.

«Вскочивъ съ мѣста, онъ схватилъ меня за руку и со скрежетомъ зубовъ, закричалъ:

— Сколько вы хотите получить?

— Половину.

— Половину. Это ужасно. Просто грабежъ!

— Такъ пользуйтесь всѣмъ—вотъ и дѣлу конецъ,—сказалъ я, поднимаясь уже на первую ступень.

«Сильно рванулъ онъ меня за полу сюртука и заревѣлъ:

— Вамъ ничего неизвѣстно—ровно ничего; вы только хотите надуть меня—ограбить меня. Я и самъ отыщу его.

— Такъ зачѣмъ же вы удерживаете меня?

— Ну, ну, подите-ка сюда, посидите со мною,—сказалъ

онъ съ необыкновенной благосклонностью: — посмотримъ, что такое вамъ извѣстно; изъ чего состоитъ кладъ.

«Я сѣлъ и отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, тутъ есть золотая корона съ шестью зубцами, четыре большіе брилліанта въ каждомъ зубцѣ и наверху крестъ.

— Да, такъ и есть.

— Во-вторыхъ, тутъ находится большой золотой мечъ.

— Справедливо.

— Золотая чаша съ бѣлыми, розовыми и желтыми жемчужинами.

— Да, да, все какъ есть. Я хорошо помню свою корону, чашу и мечъ. Они были положены со мною—я такъ требовалъ. Но теперь я опять желаю добыть свое.

— О, если вы желаете все это забрать себѣ одному, то мнѣ нечего здѣсь дѣлать.

«И я снова всталъ, съ намѣреніемъ уйти, но онъ, снова схвативъ меня за руку, закричалъ:

— Золото я себѣ возьму, вамъ и серебра довольно.

— Но тамъ нѣтъ серебра,—закричалъ я внѣ себя,—а если бы и было, то я не хочу серебра, слышите ли вы?

«Какъ полоумный, съ дикимъ выраженіемъ въ лицѣ, старикъ умолялъ меня согласиться, стараясь просьбами преклонить меня; но ясно было, что онъ непремѣнно бросился бы душить меня, если бы только чувствовалъ довольно силъ на то и не имѣлъ бы во мнѣ настоятельной нужды.

— Ну, послушайте же меня, Никлаузъ,—говорилъ онъ,—вѣдь вы всегда были добрымъ и честнымъ человѣкомъ; неужели вы пожелаете ограбить меня. Говорю вамъ, что эти сокровища мнѣ принадлежатъ. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, что я отыскиваю этотъ кладъ. Я полагаю, что это было въ моихъ рукахъ—давно, очень давно. Мнѣ не суждено было наслаждаться ими. Но что нужды, если это мое.

— И прекрасно. Если оно ваше, такъ оставьте меня въ покоѣ.

— А вотъ мы добьемся, какъ вырыть его,—взревѣлъ онъ, бросаясь за топоромъ.

— Къ счастью, у меня была въ рукѣ толстая дубинка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую я захватилъ съ собою въ

предвидѣнія, что дѣло можетъ принять непріязненный оборотъ. Я тотчасъ сталъ насторожѣ и сказалъ хладнокровно:

— Дядя Цулпикъ, я пришелъ къ вамъ какъ другъ, а вы желаете убить меня. Но, берегитесь, при малѣйшимъ непріязненномъ движеніи вы можете получить здоровый щелчокъ по головѣ!

«Онъ понялъ меня и послѣ минутнаго наблюденія за мною, какъ бы раздумывая, кто изъ насъ сильнѣе, вдругъ положилъ топоръ и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Вы желаете получить половину?

— Да.

— Какую половину? Золото, мечъ, корону... Какую же? Какую, говорите?

— Все, что найдется, мы раздѣлимъ на двѣ половины и кинемъ жребій, какая половина кому достанется.

«Онъ задумался на минуту, потомъ сказалъ:

— Согласенъ, поневолѣ согласенъ; но вы ограбили меня Я оставляю этотъ грѣхъ на вашей душѣ! Подавитесь вы этимъ золотомъ. Мнѣ нечего болѣе не остается дѣлать, какъ только согласиться.

— Такъ по рукамъ, что ли?—спросилъ я.

— Вѣдь я сказалъ, что я согласенъ.

— Да, но вы еще должны поклясться вотъ передъ этимъ крестомъ.

«Тутъ я вынулъ свой бронзовый крестикъ. У него въ глазахъ потемнѣло при видѣ крестика.

— Какъ онъ вамъ достался?

— А вамъ какое дѣло? Клянитесь.

— Хорошо. Клянусь отдать вамъ половину.

— Равную половину по жребію.

— Да.

— И прекрасно,—сказалъ я, опять спрятавъ крестикъ,—ну теперь примемся за дѣло. Во-первыхъ, дядя Цулпикъ, кладъ-то здѣсь.

— Здѣсь. Гдѣ же?—спросилъ онъ, заикаясь.

— Надо прежде поднять эту плиту и затѣмъ копать подъ нею. Тутъ мы докопаемся до лѣстницы и тогда спустимся че-

резъ пятьдесятъ ступенекъ. Внизу мы найдемъ склепъ, а въ склепѣ кладъ.

«Онъ вытаращилъ на меня глаза въ изумленіи.

— Какимъ образомъ вы все это знаете?—закричалъ онъ.

— Какъ видите, я знаю это.

— Но увѣрены ли вы въ этомъ?

— Увѣренъ. Вы сами увидите!

«Я всталъ и принесъ свой заступъ съ другого конца подвала. Онъ бросился ко мнѣ съ крикомъ:

— Дайте мнѣ поднять плиту. Дайте мнѣ копать подъ плитою.

— Поднимайте плиту и ройтесь въ землѣ, если такъ это вамъ хочется, дядя Цулпикъ, но помните, что вы поклялись на крестѣ. Одинъ разъ вы могли быть клятвопреступникомъ, а въ другой разъ не сойдетъ съ рукъ!

«Онъ ничего не отвѣчалъ, но взялъ заступъ и поднялъ плиту.

«Я стоялъ какъ разъ надъ нимъ и держалъ наготовѣ свою дубину съ желѣзнымъ наконечникомъ, подозрѣвая, что сумасшествіе можетъ внушить ему недобрыя мысли. Нѣсколько разъ уже я подмѣчалъ, что онъ бросалъ на меня исподтишка зоркіе взгляды, чтобы узнать, беру ли я мѣры предосторожности. Поднявъ плиту, онъ принялся рыть землю, но съ такою быстротою, какъ собака, роющая яму своими лапами. Потъ ручьями катилъ съ него. Вдругъ онъ остановился и сказалъ:

— Этотъ подвалъ мнѣ принадлежитъ. Я не хочу дальше копать. Уходите вонъ!

— Вспомните вашу клятву на крестѣ!—отвѣчалъ я холодно.

«Онъ снова принялся за работу, повторяя при каждомъ ударѣ заступа:

— Вы грабитель: злодѣйски ограбили меня! Вотъ воръ! Все это мнѣ принадлежитъ!—и все такъ твердилъ, пока, наконецъ, докопался до свода подъ лѣстницею. Увидѣвъ первую ступеньку, онъ вдругъ поблѣднѣлъ какъ смерть и присѣлъ на кучу земли. Но когда я хотѣлъ было взять заступъ у него изъ рукъ, онъ вскочилъ на ноги и, заикаясь отъ волненія, закричалъ:

— Предоставьте это дѣло мнѣ одному. Я все одинъ сдѣлаю. Мнѣ первому надо спуститься внизъ.

— Ну, и прекрасно. Продолжайте сами!

«Онъ принялся за работу съ такой запальчивостью, что духъ

у него запимало. На лицѣ его выражалось бѣшенство. Однако, дѣло подвигалось впередъ, каждый ударъ заступа вызывалъ глухіе отголоски. Вдругъ камень обрушился, и за нимъ весь сводъ упалъ въ это отверстіе съ глухимъ стукомъ. Самъ старикъ подвергался большой опасности при паденіи камней. Къ счастью, я успѣлъ схватить его сзади. Но, вмѣсто благодарности, онъ взревѣлъ отъ бѣшенства, какъ только увидѣлъ ступеньки.

— Все мое!

— И мое тоже,—отвѣчалъ я равнодушно.

«Я взялъ лампу, но онъ потребовалъ лампу себѣ.

— Хорошо, возьмите, хотя и лучше было мнѣ имѣть ее. Ступайте впередъ, дядя Цулпикъ.

«Мы спустились внизъ по ступенькамъ.

«Мерцающій свѣтъ лампы освѣщалъ эти своды, видѣвшіе десять столѣтій. Тихіе звуки нашихъ шаговъ по звучнымъ ступенькамъ производили странное впечатлѣніе на меня. Сердце у меня такъ сильно стучало, какъ будто разорваться хотѣло. Я видѣлъ передъ собою плѣшивую голову, синеватый затылокъ и согбенную сгорбленную спину. Другой быть можетъ на моемъ мѣстѣ испыталъ бы злобное искушеніе избавиться отъ него, но по милости Божіей мнѣ въ голову никогда не приходило злобныхъ мыслей. Смерть всегда ходитъ за нами и кого-нибудь вѣчно поджидаетъ. Счастливы тѣ, у кого совѣсть мирна и кто предоставляетъ Господу заботу о жизни и смерти ближнихъ... Господь не нуждается въ нашей помощи, чтобы взять кого-нибудь изъ насъ изъ этого міра.

«Спустились мы съ послѣдней ступеньки. Цулпикъ, ничего не видя въ склепѣ, посмотрѣлъ на меня тупо, пробуя заговорить, но его губы не произнесли ни одного звука. Я указалъ ему на кольцо въ плитѣ, лежавшей посрединѣ. Онъ понялъ меня и, поставивъ лампу на земь, обоими руками ухватился за плиту, испустивъ дикій ревъ. Потъ крупными каплями катился по его щекамъ. Но я оставался спокоенъ, не теряя присутствія духа. Видя напрасныя усилія старика, я сказалъ ему:

— Пустите меня, Цулпикъ, у васъ не достанетъ силы.

«Онъ хотѣлъ отвѣчать; въ эту минуту я замѣтилъ, что у него губы посинѣли.

— Посидите, Цулпикъ, и отдохните немного. Будьте спокойны, я ничего лишняго не захвачу изъ вашей доли.

«Но онъ не хотѣлъ отдыхать, а скорчившись присѣлъ у самой плиты, и когда я сталъ приподнимать ее, засунувъ заступъ въ промежутокъ камней, онъ усиливался поддерживать ее, уцѣпившись за нее ногтями.

— Берегитесь! Плита вамъ отдавитъ ноги.

«Напрасная работа, онъ ничего не слыхалъ; бѣшеная алчность овладѣла имъ, и въ ту минуту, какъ я приподнялъ плиту, употребляя всѣ силы, чтобы сдержать ее стоймя, онъ уже скользнулъ внизъ, и я слышалъ, какъ онъ съ трудомъ, переводя дыханіе, испускалъ какіе-то нечеловѣческіе вопли.

«Установивъ плиту, я стоялъ нѣсколько секундъ какъ ошеломленный. Отъ блеска драгоцѣнностей, сверкавшихъ при свѣтѣ лампы, у меня голова пошла кругомъ. Въ эту минуту всѣ изгладившіяся отъ времени воспоминанія предстали предо мною съ быстротою молніи. Я вспомнилъ даже ваши слова, сказанныя мнѣ въ Мюнхенѣ: «Но если у васъ не было огня, какъ могли вы видѣть гробъ, рыцаря и золотыя монеты. Вотъ видите ли, вашъ сонъ не имѣетъ здраваго смысла». И въ отвѣтъ на это возраженіе мои глаза отыскивали свѣтъ. Тутъ только я увидѣлъ отверстіе въ стѣнѣ. Съ наружной стороны оно имѣло видъ обыкновенной отдушины, которыя бываютъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ для отвлеченія сырости изъ подваловъ. Ясный мѣсяцъ свѣтилъ въ это отверстіе, сливая свои синеватые лучи съ желтоватымъ свѣтомъ лампы.

«Все это должно пояснить вамъ, что въ подобныя минуты наши чувства пріобрѣтаютъ сверхъестественную чуткость; ничто не ускользаетъ тогда отъ насъ, ни даже самыя мелочныя обстоятельства.

«Цулпикъ схватилъ корону съ заплѣсневѣвшей пурпуровой подушки и надѣлъ ее себѣ на голову съ величественнымъ видомъ. Также торжественно онъ взялъ мечъ, чашу и, смотря на меня, произнесъ:

— Смотрите, вотъ герцогъ, старый герцогъ Гонтранъ Скряга!

«Тутъ онъ приподнялъ покровъ, отъ времени жесткій какъ пергаментъ, откуда заблестѣло золото, и сумасшедшій старикъ поднялъ мечъ, чтобы нанесть мнѣ ударъ по головѣ, но вдругъ

изъ груди его раздалось невыразимое словами хрипѣніе, и онъ упалъ ницъ, испустивъ долгій и тяжелый вздохъ.

«Объятый ужасомъ, я поднесъ лампу къ его лицу и увидѣлъ, что его лѣвый високъ посинѣлъ, глаза закатились, и кровавая пѣна потекла изо рта.

— Дядя Цулпикъ!—закричалъ я внѣ себя.

«Онъ не отвѣчалъ.

«Я скоро понялъ, что его сразилъ апоплексическій ударъ. Отъ радости ли при видѣ золота, отъ того ли, что онъ сдѣлался клятвопреступникомъ, пожелавъ убить меня, только чтобы не отдать мнѣ обѣщанной половины.

«Или пробилъ назначенный для него часъ смерти, какъ и для всѣхъ насъ въ будущемъ. Мнѣ это неизвѣстно, да и не до того было, чтобы хлопотать о разгадкѣ тайны; кровь застывала при мысли, что насъ могутъ захватить при нашихъ обстоятельствахъ въ присутствіи мертваго тѣла. Понятно, что тогда непремѣнно обвинили бы меня въ убійствѣ бѣднаго, слабаго старика Цулпика, съ умысломъ присвоить себѣ его собственность. Что же теперь мнѣ дѣлать. Искать спасенія въ бѣгствѣ и бросить его здѣсь. Такова была моя первая мысль; но когда я поднимался по лѣстницѣ, отчаяніе овладѣло мною при мысли, что я навѣки потеряю эти богатства, о которыхъ такъ много мечталъ и такъ долго ихъ искалъ, и это заставило меня опять туда опуститься. Съ большимъ трудомъ я высвободилъ изъ окостенѣвшихъ рукъ Цулпика мечъ и чашу и поставилъ ихъ на гробъ, такъ же какъ и корону. Затѣмъ, взваливъ на себя тѣло Цулпика и взявъ лампу въ руки, я пошелъ наверхъ въ его подвалъ. Тутъ я положилъ старика на его кровать и, приведя въ прежній порядокъ землю и мусоръ, положилъ лопату на старое мѣсто. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я осторожно выглянулъ за дверь. Все живущее было погружено въ сонъ. Еще не было и двухъ часовъ пополуночи, и луна распространяла широкую, черную тѣнь собора на окрѣпшемъ снѣгу. Я поспѣшилъ въ «Шлосгартенъ» и незамѣтно проскользнулъ въ свою комнату черезъ заднюю дверь.

«На другой день по всему Брейзаху распространилась вѣсть, что старикъ Цулпикъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Еще черезъ день его похоронили; всѣ старыя кумушки, матросы и лодочники участвовали въ церемоніи, провожая его на кладбище.

«Еще три недѣли продолжалъ я возить свою тележку. Въ

концѣ этого времени была объявлена продажа съ аукціона подвала, кровати и стула, принадлежавшихъ Цулпику. У меня оставались еще нетронутыми двѣсти флориновъ, полученные отъ васъ, а потому я и купилъ всѣ эти предметы цѣною за три гульдена, что привело въ большое удивленіе все сосѣдство, не исключая и самого Дурлаха. Какъ могъ простой работникъ имѣть три гульдена. Я показалъ Дурлаху записку, которую вы мнѣ дали, и послѣ этого не было никакихъ возраженій противъ меня. Очень скоро разнеслась молва, что я страшный богачъ и тележку возилъ на себѣ только за покаяніе. Другіе же толковали, что будто я только притворялся работникомъ для того, чтобы за дешевую цѣну скупить всѣ развалины стараго Брейзаха, а тамъ перепродать ихъ за другую болѣе высокую цѣну австрійскому императору, который намѣревался перестроить замокъ заново сверху до низу въ стилѣ двѣнадцатаго столѣтія, установивъ прежнихъ рыцарей, капеллановъ и епископовъ. Остальные же, болѣе безпристрастные, увѣряли, что я просто напросто затѣялъ основать фабрику соломенныхъ шляпъ, какими богатъ Эльзасъ.

«Со времени моего пріобрѣтенія Фридолина стала совсѣмъ иная, чѣмъ прежде была. Она не знала, что и думать обо всѣхъ этихъ толкахъ, ходившихъ обо мнѣ, и выказывала болѣе робости и сдержанности, чѣмъ когда-нибудь. Я видѣлъ, какъ она краснѣла при моемъ приближеніи, а когда я объявилъ о своемъ намѣреніи вернуться на родину, она совсѣмъ запечалилась. Мнѣ даже показалось на другой день, что у нея глаза красные отъ слезъ—обстоятельство, доставившее мнѣ много удовольствія; я рѣшился вести до конца исполненіе моего сна на яву, и оставшаяся для совершенія часть была самая пріятная.

«Что же еще остается сказать вамъ, господинъ Фурбахъ. Остальную часть моей исторіи очень немудрено угадать. Ночью я заперъ свою дверь на засовъ и опять спустился въ склепъ; когда же увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ клада, когда сосчиталъ всѣ эти безцѣнныя богатства и сказалъ себѣ, что на будущее время никогда уже не узнаю бѣдности, тогда я почувствовалъ глубокую благодарность къ Богу, и какъ выразить вамъ чувство признательности, наполнившее мою душу.

«А впослѣдствіи, когда я уѣхалъ въ Франкфуртъ, чтобы размѣнять нѣсколько сотъ золотыхъ монетъ у банкира Куммера, ко-

торый не могъ довольно надивиться древности монетъ временъ крестовыхъ походовъ, и когда я вернулся въ старый Брейзахъ. какъ сказочный принцъ, на пароходѣ «Германъ», прибытія котораго я такъ долго ожидалъ на берегу, какъ описать вамъ изумленіе и восторгъ Фридолины, когда, краснѣя и смущаясь, она увидѣла, что я сажусь за столъ вмѣстѣ съ другими путешественниками. Какъ описать дружественный пріемъ и поздравленія хозяина Дурлаха и смущеніе Катели, которая привыкла обращаться со мною немного свысока и называть меня лѣнтяемъ, когда бывало примѣтитъ, что я черезчуръ печаленъ и глубоко вздыхаю, сидя въ уголку ея очага.

«Бѣдная Катель! Вѣдь она это дѣлала отъ добраго сердца. желая возбудить мужество во мнѣ, но теперь она сробѣла, оцѣпенѣла и лишилась языка, видя, что въ приличной одеждѣ и съ важностью знатной особы садится за столъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ она обращалась съ такою безцеремонностью.

— Ахъ, господинъ Фурбахъ, какіе странные контрасты случаются въ мірѣ и какъ несправедливо гласитъ пословица: «по одеждѣ нельзя судить о человѣкѣ».

«Грѣшно пренебрегать деньгами, когда видишь, какое значеніе онѣ придаютъ человѣку. Никогда не забуду, что съ той минуты, какъ я открылъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда шкатулку, которую открылъ и поставилъ на столъ, добрѣйшій старикъ Дурлахъ, со свойственной ему откровенностью все еще сомнѣвавшійся въ положительности моего богатства, тутъ же при внезапномъ блескѣ золота почтительно снялъ свой черный шелковый колпакъ и, обратясь къ Фридолинѣ, закричалъ съ досадою:

— Скорѣе поворачивайся, Фридолина! Подай кресло господину Никлаузу. Что это ты ни о чемъ не думаешь?

«А когда я сказалъ ему, что у меня нѣтъ другого лучшаго желанія, какъ только жениться на его внучкѣ, онъ, который нѣсколько недѣль тому назадъ пришелъ бы въ страшное негодованіе, если бы я осмѣлился сдѣлать такое предложеніе, и непремѣнно прогналъ бы меня изъ дома, теперь пришелъ въ восторгъ, поспѣшно изъявляя свое согласіе.

— Согласенъ, разумѣется, согласенъ, любезнѣйшій господинъ Никлаузъ. Считаю за великую честь.

Однако, онъ согласился съ однимъ только условіемъ, что

я навсегда останусь въ «Шлосгартенѣ», не желая, какъ онъ выражался, чтобы заведеніе, основанное еще его дѣдомъ, перешло въ руки постороннихъ.

«Фридолина, прижавшись въ углу, тихо плакала.

«А когда я, опустившись передъ нею на колѣни, спросилъ:

— Фридолина, любишь ли ты меня? Фридолина, согласна ли ты быть моею женою?

«Бѣдная дѣвушка съ трудомъ могла отвѣчать сквозь слезы:

— Самъ знаешь, Никлаузъ, какъ я люблю тебя...»

— Ахъ, господинъ Фурбахъ, подобныя воспоминанія заставляютъ благословлять это презрѣнное золото, посредствомъ котораго дѣлается возможнымъ такое счастье.

«Тутъ Никлаусъ остановился и, облокотившись на столъ, опустивъ голову на руки, погрузился въ раздумье. Казалось, передъ его духовными глазами проходили въ это время всѣ счастливые и несчастные дни прошлаго; онъ умилялся до слезъ. Голова стараго книгопродавца тоже преклонилась, и онъ тоже впалъ въ размышленія, не совсѣмъ ему привычныя.

— Любезный другъ, — вдругъ сказалъ онъ, вставая со стула,—ваша исторія исполнена чудесъ, но по здравомъ размышленіи я не могу объяснить ее себѣ фактами. Было ли это слѣдствіемъ магнетизма, потому что крестикъ, который вы мнѣ показывали въ Мюнхенѣ, принадлежалъ Гонтрану Скрягѣ,— какъ знать? Кто это разгадаетъ! Во всякомъ случаѣ, я знаю, что въ нынѣшнюю ночь мнѣ привидятся страшные сны.

Никлаузъ не отвѣчалъ, но тоже всталъ и, взявъ свѣчу, молча проводилъ своего бывшаго хозяина въ его номеръ.

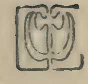
Луна ярко свѣтила въ высокія окна; было уже около часа ночи.

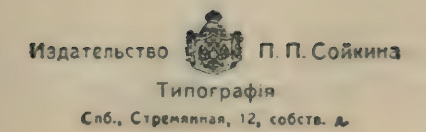
На другой день Фурбахъ отправился въ Базель на пароходѣ. Стоя на палубѣ, онъ махалъ рукою въ знакъ прощанія. Никлаузъ въ отвѣтъ ему махалъ шляпою.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ДАНІЭЛЬ РОКЪ

MAITRE DANIEL ROCK

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

I.

Въ блаженный 1840 годъ, въ Фельзенбургѣ, у подножія Вогезъ, жилъ старикъ кузнецъ Даніэль Рокъ съ двумя сыновьями, Касперомъ и Христіано́мъ, и дочерью Терезою.

Представьте себѣ старика высокаго, сухого, крѣпкаго какъ дубъ, съ узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, длиннымъ носомъ, бѣлыми зубами и руками въ видѣ палицъ: таковъ былъ мастеръ Даніэль Рокъ.

Года не согнули его высокаго стана, не сронили ни одного сѣдого волоска его, складъ губъ выказывалъ спокойствіе и рѣшительность, а въ прямой и гордой осанкѣ его было что-то рыцарское и деспотическое. Старые всадники Рудольфа Габсбургскаго, вѣроятно, были чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Старику Року не доставало только шишака, кольчуги и длинной шпаги, торчавшей выше плеча.

Надо сказать тоже, что имя Роковъ было самое древнее въ околодкѣ; во всѣхъ старинныхъ картахъ Дагсберга говорилось объ этомъ старомъ родѣ оружейниковъ и кузнецовъ. Фельзенбургскіе маркграфы считали за честь покровительствовать имъ; ихъ латы, ихъ каски, ихъ латныя перчатки красовались на Ахенскихъ, на Тревскихъ и на Кельнскихъ турнирахъ, какъ произведенія Дюшена при французскомъ дворѣ.

Горькое чувство лишенія правъ и сожалѣніе о потерянномъ могуществѣ невольно проявлялись въ рѣзкихъ чертахъ стараго кузнеца и придавали ему какой-то особенный видъ. Деревенскіе сосѣди Даніэля боялись его, сами не зная почему, а г. меръ Захарій Пиперъ, говорившій обыкновенно очень громко, понижалъ голосъ при входѣ старика въ народный совѣтъ.

Самъ же Даніэль работалъ всю недѣлю и выходилъ только

по воскресеньямъ къ обѣднѣ. Иногда онъ поднимался къ развалинамъ стараго Фельзенбургскаго замка одинъ, согнувъ спину и думая о чемъ-то.

Въ то время тишину большихъ лѣсовъ не возмущали ни каналы, съ своими криками бичевой, ни желѣзныя дороги съ своимъ рѣзкимъ свистомъ и съ страшнымъ грохотомъ поѣзда. Деревня съ широкими соломенными крышами, съ амбарами, сараями, съ маленькой церковью, возвышавшейся къ небу, съ густой зеленью фруктовыхъ деревьевъ, поднимавшихся одно надъ другимъ до половины горы, гдѣ начинались верескозые кусты; пѣнившійся зормъ, огибавшій всѣ неровности горы; жирныя пастбища, гдѣ купались въ высокой травѣ до самой груди огромные быки, коровы, телята, поднимая свои мохнатыя головы и мыча меланхолическимъ голосомъ—все это исчезало какъ свѣжая идиллія въ голубоватой долинѣ. Фельзенбургъ не былъ тогда за десять часовъ скораго поѣзда отъ Парижа, но за пять и за шесть вѣковъ; въ немъ говорили первороднымъ языкомъ, наполненнымъ старыми нѣмецкими словами и оборотами; тамъ пѣлись старинныя пѣсни, такія нѣжныя и меланхолическія, что на глаза выступали слезы и невольно припоминались миннезингеры, воспѣвавшіе прекрасныхъ владѣтельницъ замковъ, рыцарей и бѣдствія несчастнаго народа, ограбленнаго, разореннаго, обиженнаго и повѣшеннаго Таворднами, Брабансонами, Бурдиньерами и другими героями средняго вѣка. Тамъ оставались въ модѣ сѣрые армяки и грубыя, мохнатыя, шерстяныя шапки съ длинными наушниками временъ Генриха Птицелова, чепцы въ видѣ лепешекъ, и платья съ короткими тальями, переходившія отъ матери къ дочери вмѣстѣ съ золотыми вещами и хозяйственными принадлежностями.

Единственная мѣстная литература состояла только въ Страсбургскомъ Хромомъ Гонцѣ, а единственными произведеніями искусства были Вѣчный Жидъ и св. Михаилъ Монбельяра.

Все это привелось намъ видѣть въ дѣтствѣ, и, иногда вспоминая, намъ кажется, что мы жили во времена Фридриха Барбароссы, когда Фельзенбургское графство было частью Германской имперіи.

Надъ деревней у гребня скалъ виднѣлся сѣрый абрисъ развалинъ: старый замокъ разрушался, ночной туманъ гнѣздился въ обвалившихся башняхъ, трава росла между большими исто-

ченными камнями, нѣсколько огромныхъ глыбъ обламывалось ежегодно отъ главной стѣны; въ долгія, зимнія ночи, когда ревѣтъ вѣтеръ, когда бѣдняки, усѣвшись вокругъ очага, разсказываютъ другъ другу старыя преданія прошедшихъ временъ и невѣдимые духи грозно толкаются въ двери, прося убѣжища отъ муки, слышно было иногда, какъ въ пропасть падала цѣлая часть стѣны, въ то время какъ буря усиливала свое бѣснованіе, а деревья увеличивали свои заунывные стоны.

Туда-то въ воскресенье, послѣ обѣдни, поднимался Даніэль Рокъ побесѣдовать съ Фульдрою, разсказчицей преданій.

Хотя этой несчастной было сто лѣтъ, хотя она была худа въ морщинахъ, одѣта въ жалкія отрепья, хотя носъ у нея былъ горбатый и крошечные глаза едва виднѣлись между морщинами лба и щекъ, хотя она едва дышала и единственное ея богатство составляли двѣ большія козы, молоко которыхъ она доила въ деревянную чашку, но Даніэль уважалъ ее болѣе всякихъ властей Франціи и Наварры; онъ почиталъ ее за святую и считалъ себя весьма счастливымъ, что она захотѣла поселиться въ башенкѣ Фельзенбурга.

Кузнецъ такъ любилъ развалины стараго замка, что, узнавъ, что міръ хочетъ продать ихъ на постройку, пожертвовалъ всѣмъ, что выработалъ съ своей семьею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и купилъ гору со всѣми развалинами, кустарниками, и совиными гнѣздами.

Никто не смѣлъ смѣяться надъ его глупостью, потому что старикъ Рокъ не любилъ глупить, и кромѣ того, такъ какъ онъ заплатилъ наличными деньгами, то міръ былъ очень доволенъ, избавившись отъ хлопотъ.

Это случилось лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, и Даніэль, казалось, ничуть не раскаивался въ покупкѣ.

Онъ работалъ обыкновенно съ своими сыновьями до шести часовъ зимою и до восьми лѣтомъ. Въ это время они закрывали кузницу и вмѣстѣ возвращались домой.

Тереза накрывала на столъ, и они ужинали и выпивали по хорошему стакану вина. Потомъ приходилъ Людовикъ Бенедумъ,—сынъ мельника Франца Бенедума,—возлюбленный Терезы, красивый, бѣлокурый, румяный парень съ голубыми глазами, съ довольно полными губами, въ сѣрой блузѣ и въ широкой пуховой, горной шляпѣ. Онъ садился за большой чугунной

печкой, рядомъ съ молодой дѣвушкой, и оба бесѣдовали вполголоса, чѣмъ отецъ Рокъ не былъ не доволенъ. Онъ уважалъ фамилію Бенедумовъ, какъ самую старую въ Фельзенбургѣ послѣ своей; это были люди положительные, честные и богатые. Хотя онъ упрекалъ старика Бенедума за то, что онъ слишкомъ много занимался дѣлами, скупалъ хлѣбъ, барышничалъ, гонялся за деньгами, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ своей мельницѣ, но онъ любилъ сына и съ удовольствіемъ согласился на его предложеніе.

Нѣсколько позже приходилъ священникъ Никлосъ, высокій старикъ, съ сѣдой головой. Къ нему пододвигали кресло и когда со стола было убрано, начинали говорить объ очерствленіи сердецъ.

— Ахъ!—говорилъ старикъ Никлосъ.— Мы живемъ ужъ не въ то время, когда надъ сердцами царствовала наша святая религія, когда народы сотнями тысячъ уходили воевать съ сарацинами и завоевывать гробъ Господень... Тогда свѣтъ походилъ на царство небесное. Небесный святой отецъ нашъ въ трехъ вѣнцахъ металъ громы... короли и императоры повиновались ему, какъ покорные сыны. Потомъ принцы, герцоги, владѣтели замковъ, окруженные всадниками и благочестивыми монахами, провозглашали торжество вѣры. Въ народы еще не вселился дьяволъ гордости. Они еще не вели торговли, не занимались лихоимствомъ, источникомъ лжи и всѣхъ пороковъ... Они обрабатывали землю, возвигали соборы и униженно получали хлѣбъ у дверей монастырей.—Гдѣ они, эти славныя времена?.. Увы! Порохъ, печатаніе, далекія плаванія, паръ и тысяча другихъ изобрѣтеній духа тьмы извратили міръ. Прежде заботились только о спасеніи души... Въ наше же время думають только о почестяхъ и тщетныхъ богатствахъ... Прежде все дѣлалось толково: сынъ плотника — и оставался плотникомъ... сынъ каменьщика — оставался каменьщикомъ... Нынче же всякій лѣзетъ въ гору... Никто не доволенъ своимъ положеніемъ, древо науки приноситъ, наконецъ, свои плоды: съ Мататіями и Маккавеями; сынъ мѣщанина хочетъ быть судьей, прокуроромъ, писателемъ, хочетъ произносить приговоры, какъ Самуилъ, пѣть гимны, какъ Исай, держать мечъ, какъ святой Варъ и перо, какъ святой Іоаннъ!.. А короли?.. короли тоже хотятъ ослѣпить будущее поколѣніе своими дѣ-

яніями... Они покрываютъ землю дорогами и каналами, а моря безконечными кораблями... Они призываютъ людей для новыхъ открытій, какъ будто не всѣ науки въ нашихъ святыхъ книгахъ... Они воздвигаютъ памятники людямъ тьмы, которые прежде были обречены работать заступомъ или лопатой... Они поощряютъ духъ гордости, и революціи спускаются на народы, какъ коршуны на бездушное тѣло. Ахъ! Дядя Даніэль, какъ мы счастливы, что живемъ посреди лѣса, за горами!—это море бѣдствій и несчастій не доберется до насъ... Мы живемъ тутъ, какъ Ной въ ковчегѣ, когда бури, молніи и громы бушевали вокругъ, а моря разливались по всей вселенной!

Старикъ Рокъ кивалъ тутъ важно головой и отвѣчалъ:

— Вы правы, батюшка, но не надо думать объ этихъ вещахъ, онѣ слишкомъ раздражаютъ... Тереза, принеси-ка книгу преданій... Прочти намъ «исторію Гюга волка, перваго изъ Нидековъ», задушившаго свою жену своими собственными руками... или «Войны Брюнего и Фринегонды»... или что хочешь... Все хорошо, батюшкѣ стоитъ только выбрать.

Тереза послѣ этого шла за старой книгой, съ мѣдными застежками, тихо раскрывала ее на столѣ и, отбрасывая на свои прелестныя плечи свои великолѣпныя черныя косы, начинала тихо читать о дѣяніяхъ великихъ и славныхъ владѣтелей Гюга волка, Хильперика Косого или Гаттона Чернаго, вѣчной памяти.

При каждомъ описаніи какой-нибудь битвы старикъ Рокъ смотрѣлъ на отца Никлоса, какъ будто говоря ему:

«Какой ударъ!.. Какая битва!.. Вотъ такъ люди!.. Они плечомъ сдвигали стѣны... Они руками вырывали зубцы на стѣнахъ... Они ударомъ сѣкиры разсѣкали рыцаря въ полномъ вооруженіи... Ну, назовите мнѣ хоть одного изъ нашихъ генераловъ, способнаго на это!..

Щеки его ввалились, глаза разгорались, онъ кашлялъ съ мрачнымъ воодушевленіемъ...

Людовикъ Бенедумъ, болѣе влюбленный въ Терезу, нежели въ старыя преданія, нѣжно смотрѣлъ на дѣвушку, а оба сына кузнеца, сидя другъ противъ друга, съ черными кудрявыми головами, съ широкими затылками, положивъ на руки свои тяжелыя челюсти, смотрѣли, задерживая дыханіе, другъ на друга, какъ два задумчивыхъ сфинкса.

Время между тѣмъ проходило, старые часы монотонно щел-

кали, жестяная лампа, загораясь по временамъ ярче, бросала желтый свѣтъ на темныя перекладины потолка, на большой шкафъ съ разными мѣдными бляхами и на всѣ эти внимательныя лица, смотрѣвшія въ пространство будто во снѣ.

Наконецъ, часы били одинадцать. Тогда всѣ присутствующіе вздыхали, и отецъ Никлосъ говорилъ:

— Какъ жаль! Ужъ пора идти домой.

— Да, жалко,—отвѣчалъ старикъ Рокъ:—сдѣлай замѣтку... большую замѣтку, Тереза, къ завтрашнему дню... Самое-то лучшее впереди: Брюнего привязываютъ къ хвосту лошади, чтобы тащить ее вокругъ лагеря.

Всѣ нехотя встали.

— Прощайте, батюшка.

— Прощайте, дѣти мои.

И въ то время, какъ всѣ выходили провожать стараго священника, Людовикъ тихо вставалъ и нѣжно цѣловалъ шею Терезы, а молодая дѣвушка поднимала на него съ кротостью свои большіе черные глаза.

— Э! хе!—шутливо говорилъ въ дверяхъ старикъ Даніэль.—А гдѣ Людовикъ?

— Я здѣсь... здѣсь!

Онъ убѣгалъ, а старый кузнецъ, посмѣиваясь, кричалъ ему:

— Прощай, молодецъ, ты бѣжишь точно воришка... хе, хе, хе!

Такимъ образомъ проводили время у Даніэля Рока. День шелъ за днемъ, и такъ, казалось, могло идти цѣлые вѣка, какъ вдругъ странное обстоятельство разстроило этотъ глубокій покой.

II.

Дѣло было въ концѣ мая мѣсяца. Добрые Фельзенбургскіе обитатели кончили посѣвъ; темныя стрѣлы ели уже обрисовывались на нѣжной зелени буковъ и дубовъ, зябликъ и кукушка оглашали воздухъ своей вѣчной пѣсней и послѣдній снѣжный слой сбѣгалъ прозрачными ручейками съ далекой вершины Шнееберга.

Въ этотъ день, съ ранняго утра, маленькій старикъ изъ еврейскаго племени, сухой, худой и желтый какъ сухая селедка,

съ носомъ въ видѣ лезвія бритвы, съ лоснящейся кожей, съ безконечными морщинами, съ живыми и добродушными глазами, съ подбородкомъ, посѣрѣвшимъ отъ бороды, не бритой съ недѣлю, Эліасъ Блюмъ, сидя на своемъ ослѣ Шиммелѣ, самомъ грязномъ, растрепанномъ и меланхолическомъ изъ всѣхъ еврейскихъ ословъ, тихо возвращался изъ Дагсберга въ Саверпъ. Голова его была прикрыта широкой засаленной шляпой, а рукава его стараго шерстяного кафтана болтались у бедеръ.

Подъ деревья начиналъ чуть-чуть проникать свѣтъ. Бѣлый утренній туманъ безконечно разстилался на безмолвной долинѣ и доходилъ до самой тропинки, какъ воды какого-нибудь озера. Далеко, далеко за горой слышался шумъ кузницы. Но вообще же все было тихо: все еще спало, начиная съ деревенскаго пѣтуха и кончая лѣснымъ дроздомъ.

Причина, побудившая стараго еврея пуститься въ путь такъ рано, должно быть, была очень важна. Вѣроятно, онъ замышлялъ какую-нибудь важную сдѣлку.

И дѣйствительно, онъ казался погруженнымъ въ серьезныя размышленія: вмѣсто того, чтобы понукать, по обыкновенію, Шиммеля, онъ задумался и глядѣлъ куда-то вдаль. Оселъ, пользуясь этой задумчивостью, останавливался то тамъ то сямъ, чтобы сорвать травки, гроздь орѣховъ, вѣтку плюща; его повисшія уши при этомъ поднимались, и онъ бодро махалъ мохнатою головою, выражая удивленіе и внутреннее восхищеніе странностью хозяина.

— Ну, ну, Шиммель,—говорилъ старикъ:—торопись!

Но почти сейчасъ же онъ снова задумывался, а оселъ останавливался у перваго же куста.

Такимъ образомъ они проѣхали всѣ пригорки Шпарцпрадской долины, отъ Шевргофа до Фельзенбурга, и Шиммель никогда въ жизни не былъ такъ счастливъ.

Вдругъ чистый, пронзительный крикъ краснаго пѣтуха мельничихи Катерины Бенедумъ раздался по всей долинѣ. При этомъ крикѣ старикъ вздрогнулъ; глаза его сверкнули... Онъ оглянулся вокругъ и увидѣлъ первые дома въ деревнѣ. Солнце уже взошло, и на часахъ маленькой церкви пробило шесть.

— Ну, Шиммель, ну же!—вскрикнулъ старичокъ, и веселый оселъ проскакалъ шаговъ двадцать.

Всѣ слуховыя окна, всѣ маленькія окошечки съ желѣзными

рѣшетками, дощатыя галлереи и наружныя лѣстницы, съ навѣшеннымъ на нихъ бѣльемъ, наполнялись, при появленіи еврея, лицами молодыми и старыми—въ шляпкахъ, шапкахъ и чепцахъ.

— Вотъ еврей,—кричали всѣ:—эй, Эліасъ у насъ есть соломенныя бутылки!

— У насъ есть старое бѣлье!

— Эй!.. Эліасъ... Эліасъ... Остановись, мы продаемъ корову!

— У насъ есть зола!

И старикъ, по обыкновенію, сходившій у каждаго дома, разспрашивавшій обо всемъ, желавшій все видѣть, все поторговать, старикъ, который не находилъ ничего ни слишкомъ тяжелымъ, ни слишкомъ теплымъ, лишь бы только была надежда на барышъ, не повернулъ даже головы и отвѣчалъ только возгласами: «Ну, Шиммель, ну же!»

Повернувъ изъ большой извилистой улицы къ площади съ общественнымъ фонтаномъ, у котораго поятъ скотъ, Эліасъ остановился и сталъ смотрѣть на старыя развалины, возвышавшіяся на горѣ, потомъ на утесы и на гору, покрытую верескомъ.

Онъ такъ предался этому наблюденію, что не замѣтилъ, какъ вокругъ него образовался кружокъ дѣтей, которые, выпучивъ глаза и поднявъ носы кверху, спрашивали другъ друга:

— Что тамъ такое? Мы ничего не видимъ.

Еврей бормоталъ про себя:

— Да, надо будетъ тутъ пройти.

Губы его сжимались, на лобъ набѣгали морщины, и онъ бормоталъ невнятныя слова.

Потомъ взоръ его обратился на мрачное зданіе кузницы старика Рока, стоявшее подъ горой и сложенное изъ камней, съ черной крышей и трубами, дымящими пламенемъ; къ источенной стѣнѣ было прислонено нѣсколько снятыхъ колесъ, негодныхъ осей, тяжелый ручной жерновъ, и разное старое желѣзо. За кузницей виднѣлась тропинка, пробиравшаяся между цвѣтущимъ дерномъ, а нѣсколько выше возвышалась одна изъ башенъ стараго замка, заросшая плющемъ.

Между кузницей, пріютившейся въ тѣни, и башней, исчезавшей въ облакахъ, можно было угадать таинственную связь, полную гармоніи, которую опредѣлить могъ только вдохновен-

ный артистъ. Старикъ Эліасъ поѣхалъ нѣсколько тише и, отъѣхавъ шаговъ пятьдесятъ, остановился у дверей кузницы, вытянувъ шею, внимательно всматриваясь и нахмуривъ брови. Онъ смотрѣлъ на Христіана и Каспера, двухъ сыновей старика Рока, въ закопченыхъ рубашкахъ, съ открытыми шеями, разбивавшихъ по очереди молотомъ огромный кусокъ желѣза, который самъ старикъ вертѣлъ въ клещахъ.

Мѣхи медленно раздувались, удары сыпались равномѣрно, искры летѣли до самаго свода и шипѣли на мокромъ полу; въ глубинѣ очага пылалъ огонь, какъ закатывающееся красное іюльское солнце.

О чемъ думалъ Эліасъ? Любовался ли онъ на силу мускуловъ двухъ атлетовъ, стоявшихъ къ нему бокомъ, на свѣтъ, проникавшій во всѣ углы кузницы, или на равномѣрность молотовъ, взлетавшихъ надъ наковальнею? Почемъ знать, онъ, казалось, размышлялъ о чемъ-то и не спускалъ глазъ со стараго кузнеца, какъ будто хотѣлъ прочесть что-то въ его душѣ.

Послѣ минуты или двухъ безмолвнаго наблюденія, онъ сошелъ съ осла и хотѣлъ уже переступить порогъ, когда самъ старикъ Рокъ, съ обнаженной грудью, почернѣвшимъ лицомъ, облитымъ потомъ, въ сѣрыхъ холщевыхъ панталонахъ, стянутыхъ на тальѣ, и въ кожаномъ передникѣ, поспѣшно вышелъ отдохнуть.

— А, это Эліасъ!—весело вскричалъ онъ.—Какъ поживаешь, Эліасъ? Такъ ты все еще разъѣзжаешь, старый грѣшникъ. Неужели тебѣ еще не довольно земель, домовъ и денегъ? Надо еще копить... копить до самыхъ краевъ могилы!

— Хе, хе, хе!—добродушно засмѣялся старый еврей, привязывая своего осла къ одному изъ колецъ дверей.—Что жъ дѣлать, дядя Даніэль, что жъ дѣлать? Вдругъ не перемѣнишься... Привычка разъѣзжать, смотрѣть, торговать, барышничать... съ этимъ не совладаешь... это ужъ въ крови.

— Да, это въ крови; лисицы останутся—лисицами, волки волками, отъ отца до сына,—сказалъ кузнецъ.

Потомъ, посмотрѣвъ внизъ на маленькаго еврея, онъ продолжалъ:

— Все равно, ты ужъ старѣешь... Смотри, ужъ облысѣлъ какъ яйцо... Зубы у тебя шатаются... Теперь ужъ ты не зада-

вишь много пѣтуховъ и курицъ... На твоемъ мѣстѣ я подумалъ бы о спасеніи души.

— Право,—возразилъ Эліасъ, прищуривая глаза: — ну, нѣтъ... вы не правы... Я лысъ, это правда, но чутье у меня хорошее... Я, слава Богу, чую еще издали... и хотя во рту у меня не достаетъ нѣсколькихъ зубовъ, но это не мѣшаетъ мнѣ ѣсть такъ же охотно, какъ и прежде.

Послѣ этого старикъ Рокъ отъ души расхохотался. Этотъ маленькій, жеатый, тщедушный, хитрый человѣкъ всегда смѣшилъ его. Онъ смотрѣлъ на него совершенно такъ, какъ смотрѣли старые владѣтели Герольдзека или Габорана на своихъ шутовъ, карликовъ и попугаевъ. Эліасъ Блюмъ подозрѣвалъ это и хотѣлъ воспользоваться своимъ преимуществомъ. Онъ сѣлъ на каменную скамью около дверей и продолжалъ, смѣясь:

— Я не шучу, дядя Даніэль, аппетитъ у меня становится съ каждымъ днемъ лучше... И вамъ никогда не догадаться, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ.

— Ахъ, да... Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ? Любопытно было бы знать это... Не потерялъ ли оселъ твой подковы?

— Нѣтъ, но мнѣ пришла мысль.

— Мысль?

— Да... мысль устроить съ вами небольшое дѣльце.

— Эліасъ, ты долженъ знать, что Даніэль Рокъ не имѣетъ дѣлъ съ евреями.

— Да, я знаю это, дядя Рокъ... и не сержусь за это... между нами есть негодяи... Но меня вы вѣдь знаете уже пять лѣтъ... Однимъ словомъ, не люблю хвастаться.

— Все что тебѣ угодно, Эліасъ, только не дѣла...

— Все-таки выслушайте же меня, чортъ возьми!—вскричалъ маленькій старичокъ, пожимая плечами.—Кто принуждаетъ васъ имѣть дѣло?.. Развѣ вы не свободны? Развѣ вы боитесь, что я соблазню васъ?.. Если дѣло хорошо... если оно ясно...

— Я не дѣлаю его.

— Ну, все равно, слушайте. Сейчасъ, проѣзжая по деревнѣ, мнѣ пришло въ голову: а вѣдь только одинъ дядя Рокъ во всемъ околодкѣ никогда ничего не купилъ у меня, и не продалъ мнѣ... я старъ... могу со дня на день умереть... это было бы пятно... настоящее пятно въ жизни Эліаса Блюма, если я не продамъ

ему чего-нибудь... Но что же продать ему? И я думалъ... и ничего не находилъ... какъ вдругъ поднялъ голову, и увидѣлъ эти развалины... эти старыя развалины... Вотъ нашелъ! Если онъ ничего не хочетъ купить, такъ онъ продастъ мнѣ эти развалины.

— Ты шутишь... Зачѣмъ онѣ тебѣ?

— А вамъ самимъ зачѣмъ?

— Мнѣ... мнѣ... это другое дѣло

— У васъ развалины эти стоятъ безъ дѣла, и у меня могутъ стоять также безъ дѣла... Но вотъ у меня какая мысль: подъ развалинами и въ рогѣ есть вѣрныхъ двадцать десятинъ. Вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ заросшими верескомъ, я распашу ихъ и засажу картофелемъ.

— Посадить картофель на скалахъ? Да тамъ ни одна не выростетъ.

— Да что же вамъ-то до этого, если я хорошо заплачу? Ну, дядя Даніэль, надо устроить это... мнѣ этого хочется... Надо же обработать хоть одно дѣльце съ вами. Продайте мнѣ ваши развалины!

Старикъ Рокъ, говорившій сначала о дѣлѣ шутя, поблѣднѣлъ какъ полотно, видя, что предложеніе это серьезно. Онъ въ свою очередь посмотрѣлъ сѣрыми глазами на жида, какъ будто желая проникнуть въ глубь его души. Эліасъ, занятый своими мыслями, не замѣтилъ этого горящаго взора и продолжалъ:

— Ну, дядя Даніэль, что могутъ стоить эти обломки? Вы купили ихъ десять лѣтъ тому назадъ за триста экю: удваивая капиталъ на проценты, это составитъ шестьсотъ экю... я еще такъ прибавлю двѣсти... всѣ вмѣстѣ составитъ четыре тысячи восемьсотъ франковъ. Мнѣ кажется, что это честно.

— Я сказалъ тебѣ, что никогда не имѣю дѣла съ евреями...

— Какъ, дядя Рокъ! Вы находите плату эту не достаточной?.. Какая же ваша цѣна?

— Развалины не продаются.

— Все продается, дядя Рокъ... все... Надо только найти такого старика безумца покупщика, какъ я... Вамъ дорога ваша груда камней, гдѣ снѣгъ лежитъ по шести мѣсяцевъ въ году, гдѣ ростутъ только дернъ, крапива да верескъ, гдѣ двѣ козы Фульдроды едва находятъ чѣмъ кормиться... Вамъ она дорога... вы

знаете, что мнѣ хочется купить развалины. Потому что я завираюсь... теряю голову и вы думаете: «старый дуракъ! тебѣ хочется ихъ... ну такъ ты и заплатишь!»

— Я повторяю тебѣ, что замокъ не продается,—раздраженнымъ голосомъ сказалъ кузнецъ.

— Что жъ тамъ, кладъ, что ли, на верху?—смѣясь, замѣтилъ старый еврей.—Я всегда подозрѣвалъ это... ну, такъ увеличимъ плату... Вмѣсто восьмисотъ экю положимъ тысячу.

— Берегись, Эліасъ, если хочешь смѣяться надо мной!

— Я говорю серьезно, дядя Рокъ.

— А! Это серьезно... ну такъ слушай же меня: вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ ты бродишь по свѣту, какъ ты хватаешь направо и воруешь налѣво, какъ ты копишь золото, и ты долженъ быть богатъ, Эліасъ, очень богатъ!.. Ты можешь купить всю деревню, всю гору, съ домами, съ лѣсами и съ лугами; ты можешь выстроить мельницы, заводы и фабрики; ты можешь купить цѣлые полки рекрутовъ въ Эльзасѣ и продавать ихъ вдвое дороже въ Бретани. Но когда ты покроешь всю Фельзенбургскую гору и развалины твоимъ золотомъ до верхушки самой высокой башни, ты не пріобрѣтешь ихъ. Развалины принадлежатъ Даніэлю Року, сыну Петра Рока, а когда Даніэль умретъ, онѣ будутъ принадлежать Христіану Року, его старшему сыну... и до тѣхъ поръ, пока будетъ живъ хоть одинъ Рокъ, гора съ кустарниками будетъ принадлежать ему!

Проговоривъ это рѣшительнымъ тономъ, Даніэль вошелъ въ кузницу, не дожидаясь отвѣта Эліаса, схватилъ кусокъ желѣза и вскричалъ:

— Ну, ребята!

Послѣ этого молотки запрыгали по наковальнѣ. Старый еврей, оставшись одинъ съ полуоткрытымъ ртомъ и видя, что Даніэль повернулся къ нему спиной, отвязалъ своего осла, сѣлъ на него и грустно удалился.

III.

Страшная сумма, предложенная Эліасомъ за развалины и безплодную землю горы, возбудила въ Даніэлѣ самыя грустныя предчувствія. Онъ не сомнѣвался, что жидъ хочетъ устроить на горѣ фабрики, заводы, каменоломни и другія заведенія въ

этомъ родѣ, которыя быстро повлекутъ за собой забвеніе старыхъ обычаевъ, заставятъ бросить хлѣбопашество, презирать самые почтенные обычаи и, наконецъ, вселятъ ужасъ разврата, предсказаннаго святымъ писаніемъ.

Мрачное уныніе запало въ его душу.

Вечеромъ того же дня, при чтеніи преданій, вмѣсто того, чтобы отъ времени до времени прерывать Терезу какими-нибудь вѣрными замѣчаніями относительно стараго значенія маркграфовъ, безконечныхъ милостей, которыми они осыпали страну, или прославлять торжество Іери-Гансовъ, Рупертовъ и Луитпратовъ, опрокидывавшихъ къ ногамъ своихъ лошадей тысячи пикъ и алебардъ, какъ полевую траву,—онъ мрачно молчалъ.

Когда Людовикъ пришелъ извѣстить его, что отецъ его хочетъ повидаться съ нимъ на слѣдующій день, чтобы поговорить о серьезныхъ дѣлахъ, онъ едва разсѣянно отвѣтилъ ему: хорошо, хорошо... мнѣ очень пріятно.

Когда пробило одиннадцать часовъ и всѣ встали, чтобъ разойтись по домамъ, старикъ Даніэль, вмѣсто того, чтобы проводить до улицы батюшку Никлоса и закричать ему: «покойной ночи, батюшка... какая славная погода! Посмотрите-ка на звѣзды!» не тронулся съ своего мѣста и какъ будто забылся въ глубокихъ размышленіяхъ.

Тереза, оставшаяся дольше всѣхъ и видя, какъ онъ сталъ подниматься по деревянной лѣстницѣ, чтобы отправиться спать, задумчивый, блѣдный, тяжело ступая на каждую ступеньку и тихо бормоча какія-то несвязныя слова, подумала: отецъ боленъ.

Она болѣе часа не ложилась спать, и отъ безпокойства ей чудилось, что старикъ поворачивается у себя на постели и стонетъ. Но, однакожъ, на слѣдующій день, старикъ Рокъ былъ съ пяти часовъ въ кузницѣ со своими сыновьями, и молоты летали надъ наковальней.

Они работали до полудня.

Тереза накрыла на столъ и не безъ удовольствія увидала, какъ отецъ проходилъ по двору, вымылъ у колодца руки и лицо и твердой поступью вошелъ въ домъ.

Онъ, казалось, оправился отъ вчерашняго безпокойства и весело пообѣдалъ.

Чрезъ открытыя настежъ окошки падали великолѣпные лучи солнца на полъ, на бѣлую скатерть съ красными клѣтками, на большія блюда съ цвѣточками, наполненныя говядиной, и на блестящія кружки. Зрѣніе услаждалось горою, покрытою бѣлыми яблонями и розовыми персиковыми деревьями. Старикъ Рокъ нѣжно смотрѣлъ на свою дочь, и видно было, что она казалась ему красавицей и что онъ гордился ею.

Его оба сына ѣли съ аппетитомъ и пили точно такъ же.

— Славная погода!—сказалъ Касперъ.

— Ахъ, еслибъ сегодня было воскресенье,—смѣясь замѣтилъ Даніэль, — какъ бы славно идти въ «Зеленое дерево»!.. Но будь покоенъ, воскресенье придетъ и маленькая Гредель не улетитъ.

При этомъ большой бородатый парень вспыхнулъ до ушей.

Послѣ этого старикъ Даніэль впалъ опять въ задумчивость. Касперъ и Христіанъ вышли, а Тереза стояла у окошка и молча смотрѣла на улицу.

— А! вдругъ вскричалъ Касперъ.—Вотъ и дядя Бенедумъ ѣдетъ на своихъ сивыхъ.

— Да, а Людовикъ идетъ сзади,—замѣтилъ Христіанъ,— что, развѣ на мельницѣ праздникъ, что онъ надѣлъ свои красныя подтяжки и праздничный жилетъ?

Лошади мельника ѣхали рысью, и отъ поступи ихъ дрожала вся земля.

Тереза немедля исчезла въ кухню, а старикъ Рокъ, сидя еще за столомъ и повернувъ голову, увидѣлъ, какъ его старый товарищъ Францъ Бенедумъ приближался, держа подъ уздцы своихъ большихъ сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ и улыбнулся изъ-подъ широкихъ полей своей пуховой шляпы.

Глаза старика Рока воодушевились, онъ посмотрѣлъ на своего товарища дѣтства, единственнаго еще оставшагося въ деревнѣ, и подумалъ: «вотъ еще одинъ изъ стараго утеса! Какъ онъ сложенъ, какъ онъ крѣпокъ... такихъ теперь нѣтъ. Теперешнихъ мельниковъ можно узнать по жилетамъ... А мельники моего времени узнавались по ширинѣ плечъ... А кромѣ того, какое чисто лицо съ сѣдыми волосами, съ большимъ вздернутымъ носомъ, съ маленькими лукавыми глазками. Любо глядѣть на моего стараго Франца!»

Такъ мечталъ старикъ, восхваляя свой родъ и родоначальниковъ въ ущербъ потомству.

Францъ Бенедумъ входилъ въ это время въ дверь.

— Эй, вы, ребята,—сказалъ онъ:—подкуйте-ка мнѣ, да хорошенько!

— Будьте покойны, дядя Францъ.

— А гдѣ же отецъ?

— Здѣсь, здѣсь, Бенедумъ, входи же, старина!

— А! Хорошо.

По сѣнямъ раздались тяжелые шаги мельника въ то время, какъ толстыя лошади его ржали на дворѣ.

— Здравствуй, Францъ.

— Здравствуй, Даніэль... Я какъ разъ во-время.

— Да, выпей-ка стаканчикъ вина. Тереза, Тереза!

— Что, батюшка?—сказала, вспыхнувъ, молодая дѣвушка, появляясь въ смущеніи.

— Поди-ка, налей эту кружку изъ маленькаго боченка... знаешь?

— Да, батюшка.

— Да,—замѣтилъ мельникъ, провожая ее глазами:—я не удивляюсь, что мой парень мучитъ меня съ утра до ночи, прося устроить его дѣльце... На его мѣстѣ я кричалъ бы еще громче... Экая красавица!

Тереза вошла, чтобъ поставить кружку на столъ и хотѣла тотчасъ же уйти, но дядя Францъ схватилъ ее своими широкими руками и вскричалъ:

— Постой, постой... не торопись... не торопись. Развѣ не хочешь меня поцѣловать за любовь-то, которую я привезъ тебѣ?

Тереза, дрожа всѣмъ тѣломъ, исполнила желаніе старика и потомъ убѣжала, совершенно переконфуженная.

Послѣ этого два мощныхъ старика сѣли другъ противъ друга, тихо смѣясь. Францъ черезъ столъ подалъ руку Даніэлю, который съ своей стороны протянулъ свою, и они долго молча пожимали ихъ. Казалось, будто они не могли говорить.

Трогательно было видѣть эти двѣ старыя сѣдыя головы; одну спокойную, серьезную, энергическую, а другую нѣсколько хитрую, но добрую и откровенную; да, отрадно видѣть двухъ старыхъ друзей, полныхъ силъ и здоровья, убѣленныхъ преклон-

лыми лѣтами, но еще пользующихся всѣмъ и помнящихъ все старое. Старикъ Рокъ наполнилъ стаканы. На дворѣ шумно подковывали лошадей.

— Ну, ну! Тише, Реппель... потерпи немного... возьми его за ногу, Христіанъ... экія бѣшеныя эти лошади дяди Бенедума!.. Видно, что онѣ получаютъ овесъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало.

— Молодецъ мой говорилъ тебѣ вчера, что я пріѣду повидаться съ тобой?—спросилъ мельникъ.

— Кажется, что говорилъ...

— Вѣроятно, говорилъ, онъ не могъ этого забыть, я въ этомъ увѣренъ... за твое здоровье, Даніэль.

— За твое, Францъ.

— Славное вино, откуда ты его берешь?

— Изъ Рикевира въ Эльзасѣ.

— Оно очень хорошо.

Потомъ, возвратясь къ своей мысли, Францъ прибавилъ:

— Вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ, какъ Людовикъ ходитъ къ тебѣ. Ты долженъ его знать.

— Онъ славный малый, и я его люблю.

— Да, онъ славный малый, порядочный, трудолюбивый, экономный; ты можешь повѣрить мнѣ, Даніэль.

— Я знаю его, и онъ мнѣ нравится... Это человѣкъ нашего времени.

— Такъ. И такъ какъ мы согласны, то зачѣмъ же откладывать свадьбу? Мнѣ кажется, Людовикъ нравится Терезѣ?

— Все хорошо, но не достаетъ еще одной вещи: приданое не готово.

— Приданое! Ты дашь его потомъ.

— Нѣтъ, надо, чтобъ у Терезы было приданое. Дочь Даніэля Рока не можетъ выйти безъ приданаго. Кромѣ того, ждать придется недолго; я каждый день откладываю что-нибудь. Еще пять или шесть мѣсяцевъ, и мы сыграемъ свадьбу.

За этимъ послѣдовала минута молчанія; старый мельникъ, казалось, обдумывалъ что-то и потомъ, улыбаясь, сказалъ:

— Даніэль, болѣе всего ты долженъ желать видѣть внучатъ, и я, и жена моя, мы только объ этомъ и думаемъ: мы каждый день говоримъ объ этомъ. Катерина уже приготовила домашнее бѣлье и была бы въ восторгѣ приготовить и дѣтское.

И кромѣ того представляется отличный случай устроить Людовика. Знаешь ли, мельникъ Дислеръ изъ Штейнбаха торговалъ хлѣбомъ и проторговался; такъ эта мельница его продается. Людовику нельзя отправиться въ Штейнбахъ безъ Терезы... нельзя... а если я упущу тотъ случай устроить его,— такого, можетъ быть, и не представится болѣе. Такъ зачѣмъ же откладывать свадьбу? Зачѣмъ мучить дѣтей? Приданое! Это хорошо: но развѣ слово твое не стоитъ золота?..

— Нѣтъ! Я могу умереть. Ты знаешь, Францъ, что я купилъ развалины и гору, но вѣдь это не приданое для дѣвушки, между тѣмъ это разорило меня. Теперь работа идетъ, я зарабатываю каждый день, сыновья помогаютъ мнѣ, но приданое еще не готово; ты долженъ понять, что я, Даніэль Рокъ, не могу сказать своей дочери, которую люблю, своей Терезѣ: «вотъ другіе составляютъ твое счастье, а отецъ твой ничего для тебя не сдѣлалъ!» Это невозможно, у нея будетъ приданое и наличными деньгами... я хочу этого, я счастливъ, работая для нея.

Старикъ Рокъ снова налилъ стаканы, и мельникъ, покачивая головой, вскричалъ:

— Ты вѣчно останешься такимъ же, Даніэль... Вотъ шестьдесятъ лѣтъ, какъ я тебя знаю, и ты ничуть не измѣнился... Вѣдь это, наконецъ, смѣшно. Приданое! Приданое!.. Ну, а если у меня есть два приданыхъ... Доволенъ ты?

— Какъ это?

Глаза Франца Бенедума заблистали; онъ вытянулъ шею и выдвинулъ впередъ локти во всю ширину стола, положивъ свою большую сѣдую голову между рукъ, какъ будто для того, чтобъ говорить поближе, въ то время, какъ Даніэль, поднявъ важно и торжественно голову и скрестивъ руки, слушалъ его спокойно и не обнаруживая своихъ впечатлѣній.

— Ты знаешь мой лонгвальдскій лугъ?

— Да... подъ Рошплатомъ.

— Лугъ въ три десятины, который дважды въ годъ заливаетъ рѣка, гдѣ ничего не найдешь, кромѣ тростника и тины. Близкимъ людямъ можно было продать его за тысячу или тысячу двѣсти франковъ. Ну, вообрази же, Даніэль, что третьяго дня, въ три часа послѣ обѣда, въ то время, какъ я былъ у себя на мельницѣ, является на своемъ ослѣ маленькій еврей Эліасъ Блюмъ. Онъ повелъ разговоръ о томъ, о семъ, о хлѣбѣ, объ овсѣ

и мукѣ и, наконецъ о моемъ лонгвальдскомъ лугѣ. Я, слушая его, подумалъ: «Тебѣ надо что-нибудь, Эліасъ... посмотримъ!» Я сталъ внимательнѣе, хотя не показалъ этого. Итакъ, еврей начинаетъ говорить о моихъ лугахъ и хулить ихъ: земля дурная, чистое болото, тамъ ростетъ больше лягушекъ, чѣмъ травы. Хорошо, я все молчу. Ну, дядя Бенедумъ, что вы за него хотите? Но вѣдь онъ никуда негоденъ, Эліасъ. Все равно, скажите вашу цѣну. Довольно ли вамъ по пятисотъ франковъ за десятину, дядя Францъ? По пятисотъ франковъ! Ты шутишь? И я повернулся къ нему спиной.

Тутъ старый мельникъ началъ смѣяться, а дядя Рокъ, продолжая о чемъ-то думать, не спускалъ съ него своихъ большихъ, сѣрыхъ глазъ.

— Шестьсотъ франковъ, дядя Бенедумъ? Ты смѣешься, что ли? Шестьсотъ пятьдесятъ? Нѣтъ, семьсотъ?

«Когда я услыхалъ, что онъ мнѣ дастъ семьсотъ франковъ, ты понимаешь, Даніэль, что у меня духъ захватило... Катерина на мельницѣ дѣлала мнѣ знаки... Поэтому я догадался, что еврею такъ хотѣлось моего луга, что я рѣшился и спросилъ тысячу франковъ! Эліасъ закричалъ и уѣхалъ. Катерина стала толкать меня въ спину и посылать за нимъ, но я увидѣлъ, что онъ поѣхалъ по дорогѣ въ Дагсбергъ и подумалъ, что вѣдь, возвращаясь въ Саверпъ, надо же ему будетъ проѣхать мимо моей мельницы. А если воротишь его, то онъ, пожалуй, можетъ и отказаться. Катерина громко кричала и упрекала, что я упускаю изъ рукъ счастье. Ты знаешь женщинъ, Даніэль... ждать онѣ не умѣютъ... Имъ бы хотѣлось дѣлать все тотчасъ же. А я былъ правъ, что не торопился... Этотъ плутъ Эліасъ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ Дагсбергъ, остановился выпить въ трехъ домахъ шнарцброба у Бурдонпэ. Въ пять часовъ вечера онъ уже возвратился съ гербовой бумагой и деньгами: тремя тысячами франковъ... тремя тысячами франковъ золотомъ за землю, гдѣ быки мои уходили по колѣно въ тину, за землю, на которой нельзя было ни косить, ни пахать... Понимаешь ли ты это, Даніэль?

И Францъ Бенедумъ въ пылу восторга разразился громкимъ хохотомъ. Старикъ же Рокъ не смѣялся; онъ поблѣднѣлъ и не произносилъ ни слова. Старикъ мельникъ, удивленный его молчаніемъ, посмотрѣлъ на него пристальнѣе и, замѣтивъ

на сжатыхъ губахъ его какую то странную улыбку, сказалъ ему:

— Что съ тобой, Даніэль?.. Развѣ ты находишь дѣло это нехорошимъ?

— Нѣтъ, это дѣло хорошее,—съ горечью сказалъ кузнецъ.— Ты пріобрѣтаешь деньги... Значитъ, это дѣло хорошее... Но выслушай меня, Францъ. Взглядъ его принялъ строгое выраженіе.

— Мы старые товарищи дѣтства... Въ горахъ у меня только и есть другъ, что ты; да я другихъ и не хочу... Ты человѣкъ хорошій, но слишкомъ любишь деньги! Вмѣсто того, чтобы оставаться на мельницѣ, молоть хлѣбъ, что тебѣ привозятъ, и брать честную плату за свой трудъ, ты ходишь въ Эльзасъ и покупаешь хлѣбъ, овесъ и даже лошадей, чтобы перепродавать ихъ... Ты ведешь торговлю... Это нехорошо! Нѣтъ, это нехорошо! Тебѣ бы слѣдовало помнить, что Бенедумы были нѣкогда драбантами, рейтерами и ландскнехтами, отъ отца до сына, въ Фельзенбургскомъ замкѣ, что многіе изъ нихъ имѣли честь умереть на службѣ нашихъ господъ, что въ твоемъ родѣ были три Дамсбергскихъ капитана и два герольдскихъ видама, что люди эти держались своей службы и не барышничали.

— Но вѣдь капланы, драбанты, рейтеры и видамы не существуютъ болѣе,—сказалъ мельникъ:—ихъ болѣе не видно, и я не могу ихъ воскресить.

— Нѣтъ, Францъ, нѣтъ!—перебилъ его Даніэль, гнѣвно качая головой.—Ты не заставишь меня повѣрить, что хорошо забывать примѣръ нашихъ отцовъ и продавать ихъ прахъ. Во-первыхъ, что будетъ дѣлать еврей съ твоими лугами?.. Извѣстно ли тебѣ это?

— А что мнѣ до этого?.. Это его дѣло... Сознаю только, что онъ не заставитъ рости тамъ траву.

— Можетъ быть, но онъ можетъ выстроить тамъ фабрики, привлечь въ околодокъ иностранныхъ работниковъ и вселить въ насъ любовь къ пріобрѣтенію. Тогда вмѣсто того, чтобъ жить просто, честно въ нашихъ горахъ, вмѣсто того, чтобы обрабатывать свое маленькое поле и довольствоваться немногимъ, всякому захочется пріобрѣтать денегъ. Мужчины будутъ продавать свой трудъ, а дѣвушки свою добродѣтель... Мы будемъ жить, какъ городскіе жители, и будемъ думать и дѣйствовать, какъ они... Мы сдѣлаемся лжецами, плутами, завистливыми и

продажными. Управлять нами будутъ приказные и адвокаты. Хорошая нравственность пропадетъ, всякому захочется прославиться въ ущербъ другому... Мы будемъ дѣлать все, что намъ велятъ дѣлать, только бы намъ за это хорошо платили... Воли у насъ больше не будетъ... Богатые будутъ повелѣвать бѣдными, а бѣдные станутъ работать для людей, лоснящихся отъ жира. Вотъ, Францъ, что сдѣлаетъ еврей... А ты... ты... ты помогаешь ему въ этомъ дѣлѣ!..

— Ну, ну, чортъ возьми... Постой, ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи, Даніэль.

— Я смотрю на нихъ такъ, какъ надо смотрѣть.

Потомъ, привставъ, старикъ Рокъ съ достоинствомъ прибавилъ:

— Я не сержусь на тебя, Францъ... нѣтъ... ты не обдумалъ; но знаешь ли, что еврей пріѣзжалъ и ко мнѣ и хотѣлъ купить у меня развалины... Отгадай, сколько онъ мнѣ предлагалъ?

— За камни?

— Да, за камни и за гору съ кустами?

— Ну... сто экю...

— Онъ мнѣ предлагалъ тысячу.

— Тысячу экю!—вскричалъ, вскочивъ, старикъ Бенедумъ.— И ты отказалъ?

— Я отказалъ! Я отказалъ, потому что я, Даніэль Рокъ, думаю о будущности нашихъ дѣтей; я не хочу, чтобы, строя фабрики, сосали изъ нихъ кровь и потъ, не хочу, чтобъ строили тюрьмы для того, чтобы душить ихъ тамъ наверху на горѣ, и кромѣ того, еслибъ я былъ способенъ продавать замокъ нашихъ старыхъ владѣтелей... то, право... положивъ руку на сердце, Францъ, развѣ ты не счелъ бы меня мерзавцемъ, предателемъ— хуже всякаго Іуды?

Пораженный Францъ Бенедумъ не зналъ, что отвѣчать, а старый кузнецъ продолжалъ со слезами на глазахъ:

— Думаешь ли ты когда-нибудь о нашихъ старыхъ владѣтеляхъ, Францъ? Объ этихъ смѣлыхъ, храбрыхъ и великодушныхъ людяхъ, которые первые проникли въ великіе лѣса Эльзаса и Вогезъ, чтобы извести изъ нихъ хищныхъ звѣрей и населить людьми? Думаешь ли ты, что наши отцы получили свои поля, дома, свой первый домашній скотъ отъ этихъ людей и что они жили счастливо, охраняемые ихъ копьями и храб-

ростью? Тогда земля принадлежала всѣмъ, и никто не могъ быть увѣреннымъ, что соберетъ жатву; тысячи разбойниковъ, безъ крова и пристанища, — какъ намъ извѣстно изъ преданій,—бродили по всѣмъ концамъ, все жгли, грабили и уничтожали. Владѣтель, живя на скалѣ, издали видѣлъ врага, летѣлъ къ нему навстрѣчу и бился... страшно бился... Иногда одинъ противъ десятерыхъ... За жатву мужика! Я говорю, что люди эти были лучше насъ, что они были сильнѣе, великодушнѣе и благороднѣе насъ... Я говорю, что храбрости ихъ мы обязаны тѣмъ, что изъ насъ вышли люди, и храбрости ихъ предки наши были обязаны спокойствіемъ. Дурно забывать это, Францъ! Вѣдь опять этимъ же людямъ мы обязаны тѣмъ, что сдѣлались христіанами, потому что безъ нихъ, гдѣ бы жили апостолы и всѣ эти ученые, которые писали хроники и читали проповѣди посреди лѣсовъ? Мы остались бы дикими и никогда не узнали бы объ Евангеліи! Теперь же, когда дѣти мужиковъ и мѣщанъ сдѣлались господами, когда вся земля расчищена и рубка лѣса дѣлается правильно, у потомства владѣтелей осталось только воспоминаніе объ ихъ имени, ихъ славѣ и даже объ ихъ воинахъ. Фельзенбургскіе же владѣтели все равно умерли... Но еслибъ они могли воскреснуть, старикъ Рокъ сказалъ бы имъ: «Вотъ вашъ замокъ... отъ него осталась только груда камней... Но орламъ нужна только скала, чтобы вновь свить гнѣздо».

Произнося эти послѣднія слова, кузнецъ всталъ, лицо его приняло ужасное выраженіе, губы его дрожали, сѣдые волосы шевелились, какъ грива.

— Я пойду съ ними!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.— Да, Даніэль Рокъ пойдетъ съ ними противъ всего свѣта!

Онъ снова сѣлъ блѣднѣе смерти, съ разгорѣвшимися глазами и залпомъ выпилъ свой стаканъ.

Бенедумъ былъ тоже блѣденъ, онъ никогда не видѣлъ въ такомъ положеніи своего стараго товарища.

Черезъ минуту кузнецъ продолжалъ тихимъ и сдержаннымъ голосомъ:

— И мнѣ продать замокъ нашихъ владѣтелей... Ихъ замокъ? Нѣтъ... Это вѣдь могила! Мнѣ продать ихъ могилу еврею за нѣсколько горстей золота?.. Полно... Скорѣй отрубить руку! Слушай, Францъ, ты знаешь, что усопшіе просыпаются разъ въ годъ на одну ночь... на ночь Рождества. Ну, что бы сказали

наши старые владѣтели, проснувшись въ эту ночь, еслибъ нашли, что замокъ ихъ проданъ Даніэлемъ Рокомъ и разрушенъ евреемъ? Нѣтъ... Слава Богу, я еще не такой негодяй, чтобъ это сдѣлать. Я сказалъ Эліасу: «До тѣхъ поръ, пока будетъ живъ хоть одинъ Рокъ, ему будутъ принадлежать Фельзенбургскія развалины... и покрой ихъ всѣхъ хоть золотомъ, онъ не продастъ изъ нихъ ни камня». Даніэль Рокъ дастъ приданое своей дочери; сыновья его съ удовольствіемъ будутъ работать для своей сестры... Для того, чтобъ доставить Терезѣ счастье, котораго она стоитъ, мнѣ не понадобится продавать ни клочка травы.

Старый кузнецъ замолчалъ; глаза его еще горѣли, и сжатый кулакъ лежалъ на столѣ. Оба сына его слушали со двора, облокотившись на окно, и ихъ энергическія лица выражали мрачный энтузіазмъ.

Францъ Бенедумъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, какъ пораженный, потомъ, вставъ, сказалъ:

— Превосходно, Даніэль! То, что ты сказалъ, превосходно! Но, къ несчастію, не многіе поймутъ это.

— А что мнѣ за дѣло до людей, въ особенности до такихъ, которые ничего не понимаютъ изъ того, что имъ не приноситъ денегъ?.. Я чувствую то, что чувствую, и дѣлаю то, что долженъ дѣлать. А до остальнаго мнѣ все равно. Ты продалъ только жалкіе луга, но мнѣ... продать послѣднее воспоминаніе о Фельзенбургскихъ маркграфахъ, нашихъ владѣтеляхъ?

— Ну, Даніэль, что сдѣлано, то сдѣлано... Деньги у меня... У меня есть приданое для Терезы, и я съ удовольствіемъ предлагаю его... Ты возвратишь мнѣ, когда будетъ возможно... Недостаетъ только твоего согласія, чтобы составить счастье моего сына и, осмѣлюсь сказать, и твоей дочери.

Тутъ растроганный кузнецъ снова пожалъ руку товарищу своего дѣтства.

— И я даю свое согласіе,—прошепталъ онъ, — да, сынъ твой славный малый, я довѣряю ему счастье Терезы. Еслибъ мнѣ пришлось выбирать изъ тысячи зятьевъ, я не выбралъ бы другого. Только, Францъ, ты никогда не будешь мнѣ говорить болѣе о развалинахъ... Не будешь никогда упрекать меня, что я отказался отъ шести тысячъ ливровъ Эліаса?

— Мнѣ упрекать тебя, Даніэль, да развѣ ты не хозяинъ своего имущества?

— Слава Богу! Такъ позовемъ дѣтей.

Въ это время лошади были уже подкованы. Людовикъ, стоя на наружной лѣстницѣ, дрожалъ отъ нетерпѣнія, а Тереза, слушая въ кухнѣ, то блѣднѣла, то краснѣла. Она знала своего отца, и возгласы его пугали ее.

Оба старика встали.

— Людовикъ!—крикнулъ мельникъ.

Даніэль пошелъ за дочерью.

— Ну, иди же, Тереза, иди... Хочешь въ мужья этого сорванца?

Людовикъ и Тереза упали другъ другу въ объятія, заливаясь слезами.

Оба старика, не менѣе взволнованные, улыбались, утирая глаза. Христіанъ и Касперъ смотрѣли какъ-то грустно, думая, можетъ быть: «Когда же придетъ нашъ чередъ?»

Старикъ Рокъ, вѣроятно, отгадывая ихъ мысли, вскричалъ:

— Ну, ребята, снимайте ваши передники... Сегодня нечего больше работать... Францъ, сходи за Катериной... Мы поужинаемъ вмѣстѣ... Надо, чтобъ вся семья была въ сборѣ...

IV.

Вѣсть о помолвкѣ Людовика съ Терезой разнеслась въ одинъ мигъ по всей деревнѣ.

— Видѣли вы, какъ прошла Катерина?—кричали кумушки отъ одной двери къ другой.

— Да, да, она шла къ дядѣ Року.

— Такъ ужъ дѣло слажено... Они женятся.

— Да, Маркгредель, еще славная парочка... Попируютъ же они!

— Всякому свой чередъ, Кетель, всякому свой чередъ... Ахъ! Какъ я подумаю о своей свадьбѣ... Такъ свадьбы больше ужъ не празднуются. Было больше тридцати человѣкъ гостей, шесть окороковъ, пятнадцать фунтовъ говядины, восемь фунтовъ телятины, бочка въ четыре мѣры эльзасскаго вина, не говоря ужъ о яйцахъ, сырѣ и лепешкахъ, ни о толстомъ Фиферъ-Карлѣ, который игралъ на кларнетѣ, когда мы воротились изъ церкви. Вотъ такъ свадьба!

— А моя-то, Маркгредель! На моей свадьбѣ школьный учитель Бишофъ былъ къ вечеру такъ пьянъ, что принялъ окошко въ огородъ за дверь и упалъ носомъ въ капусту... Надо было его поднять и какъ ребенка отвести домой... А церковный староста Фрейлихъ такъ разстроилъ себѣ желудокъ, что прохворалъ двѣ недѣли! Это я вамъ разсказываю для того, чтобы показать, что на моей свадьбѣ всякій ѣлъ и пилъ, сколько душа принимала. Немало надобно вина, чтобъ опьянить Бишофа, и окороковъ, чтобъ разстроить желудокъ церковнаго старосты! Ужъ, конечно, отъ нынѣшнихъ свадьбъ у нихъ бы ничего не сдѣлалось!

Такимъ образомъ болтали старухи, съ жаромъ вспоминая хорошее время своихъ свадьбъ. О количествѣ же картофеля, который имъ пришлось ѣсть съ тѣхъ поръ, онѣ не упоминали.

Въ то время, какъ онѣ такъ болтали, у старика Даніэля бренчали стаканы, бутылки и побрякивали вилки.

Всякому свой чередъ веселиться,—какъ говорили добрыя кумушки,—всякому свой чередъ быть свѣжимъ, полнымъ, съ черными или бѣлокурыми волосами, со взглядомъ, отуманеннымъ любовью! Всякому свой чередъ смѣяться, пѣть, ликовать, видѣть все въ розовомъ свѣтѣ и восклицать со стаканомъ въ рукѣ: «вы друзья мои, мои истинные друзья... Поцѣлуемся, обнимемся... да здравствуетъ радость!»

Все это происходило въ большой залѣ въ то время, какъ старые часы тихо отбивали секунды.

Францъ Бенедумъ съ раскраснѣвшимся носомъ, въ широкой шляпѣ набекрень, обнявъ старика Даніэля, восклицалъ:

— Мы старые друзья... У меня кромѣ тебя не было другихъ друзей... Дѣти наши любятъ другъ друга... Мы тоже всѣ любимъ другъ друга... Да... всѣ! Христіанъ и Касперъ тоже мои сыновья... Мы живемъ, можно сказать, какъ въ раю! Выпьемъ за наше здоровье... за здоровье Катерины, моей жены, лучшей женщины въ мірѣ!

И старая мельничиха, высокая, сухая, съ лицомъ, испещреннымъ тысячью веснушекъ, въ огромномъ кружевномъ чепцѣ, стоявшемъ пирамидой надъ затылкомъ, смѣялась и веселилась... Она смотрѣла на старика Рока и говорила ему:

— Вы всегда были красавцемъ, дядя Даніэль, и вы сохранились точно чудомъ.

— И вы тоже, кумушка,—изъ любезности отвѣчалъ куз-

пецъ:—да, вы всегда были стройной, какъ лилія, и свѣжей, какъ роза.

— Охъ, охъ, куманекъ... Если вы начнете говорить о молодости, такъ... Но все-таки, не хвастаясь, можно сказать, что мы были красивы въ то время... лѣтъ тридцать пять, сорокъ тому назадъ.

— Помню, помню, тетушка Катерина, да, я помню... Вы всегда были то, что называется ловкой дѣвицей... Ну, пейте же, кумушка!

— Полноте... полноте... Вы, кажется, хотите опьянить меня.

Всѣ смѣялись, и старый священникъ Никлюсъ не отставалъ отъ другихъ. Касперъ и Христіанъ безъ сюртуковъ, въ жилетахъ, ходили вокругъ стола, разрѣзая говядину и наполняя стаканы. Людовикъ и Тереза, сидя другъ подлѣ друга, были задумчивы; и только, когда глаза ихъ нечаянно встрѣчались, то Тереза тихо краснѣла, а Людовикъ шепталъ, глубоко вздыхая:

— Какая сегодня чудесная погода!.. Какъ все хорошо и какъ я счастливъ, Тереза!

Тутъ она на него взглядывала, и ея большіе черные глаза, казалось, говорили: «Я тоже счастлива, Людовикъ... да... очень счастлива».

Пѣніе жаворонка раздавалось въ поднебесьи; бѣлые цвѣты яблони колыхались около оконъ; заходящее солнце золотило всю гору.

Въ залѣ старики разсказывали по очереди другъ другу старыя исторіи изъ «Хромого Гонца» и хохотали такъ, что всѣ стѣны дрожали. Самъ Даніэль, обыкновенно такой спокойный, серьезный, какъ-то странно воодушевился. Онъ говорилъ, пододвинувшись къ самому Никлосу, говорившему тоже, возвысивъ голосъ и махая руками, какъ съ каѳедры. Оба, казалось, рѣшились оглушить другъ друга и отъ времени до времени вдругъ разражались громкимъ смѣхомъ и восклицали:

— Выпьемъ же, дядя Даніэль, выпьемъ!

— За ваше здоровье, батюшка!

Никому не было скучно. Съ наступленіемъ ночи, зажгли большую жестяную лампу, и пиръ продолжался при общихъ возгласахъ, такъ какъ и сыновья кузнеца воодушевились подобно другимъ и начали разрѣшать вопросъ, слѣдуетъ ли ковать лошадь сначала съ правой ноги или съ лѣвой.

Только одна тетушка Катерина сохранила спокойствіе посреди этой бури хохота.

— Францъ!—вдругъ вскричала она, пользуясь минутой молчанія.

— Что тебѣ, Катерина?—Развѣ ты не видишь, что я разговариваю.

— Да... Но развѣ ты не слышишь, что бьетъ полночь?

— Полночь!—вскричалъ Никлосъ.—Да можетъ ли это быть?

— Посмотрите на часы, батюшка...

— Да, правда, полночь!.. Да, дорогія мои дѣти, время съ вами быстро летитъ...

Онъ всталъ и всѣ послѣдовали его примѣру

— Все равно, день мы провели отлично, дядя Даніэль, и я буду о немъ долго помнить! Но что скажетъ моя Анна? Вотъ уже десять лѣтъ, друзья мои, какъ я не возвращался домой такъ поздно.

— Касперъ, зажги-ка батюшкинъ фонарь,—вскричалъ дядя Рокъ, потомъ, обратившись къ Людовику, прибавилъ:

— А ты поцѣлуй свою жену... Я тебѣ ее даю, Людовикъ, для того, чтобы ты составилъ ея счастье... У меня ничего нѣтъ въ мірѣ дороже ея.

Потомъ, провожая Франца Бенедума и Катерину, онъ спросилъ:

— Не надо ли посвѣтить, Францъ?

— Ты вѣрно шутишь, Даніэль; развѣ я не знаю дороги къ себѣ на мельницу.

— Ну, такъ покойной ночи, тетушка Катерина.

— Прощайте, дядя Даніэль, спите спокойно.

И они удалились.

Людовикъ вышелъ въ свою очередь; онъ въ смущеніи поцѣловалъ старика и торопливо убѣжалъ.

Ночь была совершенно темная. Даніэль, стоя на порогѣ, слушалъ, какъ удалялись шаги его гостей и какъ журчалъ фонтанъ при всеобщей тишинѣ.

— Ай, ай, ай!—кричалъ Касперъ въ домѣ:—видѣлъ ли ты, какъ они цѣловались, Христіанъ?

— Молчи, молчи, Касперъ... Если отецъ услышитъ..

— Ну ,такъ что жъ? Вѣдь они женятся... Что жъ за важ-

шесть, что цѣлуются? По моему, хорошо дѣлаютъ, что цѣлуются.

Старикъ Даніэль, услышавъ этотъ разговоръ, нахмурился. Винные пары скоро разлетаются при ночной свѣжести. Онъ ужъ хотѣлъ войти въ домъ, какъ вдругъ, поднявъ нечаянно глаза, увидѣлъ на верху горы дрожавшій во мракѣ свѣтъ. Красное вспыхивавшее пламя освѣщало черный абрисъ одной изъ башенъ. Старый кузнецъ вздрогнулъ.

Онъ долго смотрѣлъ, какъ пламя подымалось и опускалось вдоль по фасаду, потомъ тихо прошепталъ, наклонивъ голову:

— Это сигналъ Фульдроды; что ей нужно отъ меня въ такое позднее время?—И онъ тотчасъ же вошелъ въ сѣни.

— Ну, ребята, ну, пора спать,—вскричалъ онъ рѣзкимъ тономъ.—Пиръ кончился!.. А гдѣ же Тереза!

— Она только что ушла наверхъ.

— Ну, такъ спокойной ночи!.. Идите... Я запру дверь...

Сыновья не имѣли обыкновенія дѣлать какія-нибудь замѣчанія, поэтому они тотчасъ же поднялись къ себѣ въ комнату, а старый Даніэль запиралъ запоромъ двери и задвигалъ защелку.

Нѣсколько минутъ слышно было, какъ они еще смѣялись, разговаривали вполголоса и стучали по деревянному полу своими грубыми башмаками.

Старикъ Даніэль, мрачный, озабоченный, ходилъ взадъ и впередъ по большой залѣ. Столъ, покрытый остатками угощеній, тишина, послѣдовавшая за шумомъ, и даже, можетъ быть, глубокое чувство непрочности нашихъ радостей послѣ нѣкотораго опьяненія—все это омрачало чело старика. Онъ ходилъ взадъ и впередъ съ грустнымъ выраженіемъ на лицѣ, останавливаясь иногда, чтобы послушать, всѣ ли спятъ въ домѣ.

Наконецъ, все замолкло.

Тогда старикъ Рокъ, набросивъ свой шерстяной армякъ на плечи и надѣвъ шапку, взялъ за часовымъ ящикомъ толстую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ и прошелъ въ кухню, стараясь тихо ступать по каменному полу.

Онъ отворилъ дверь, выходившую на тропинку къ развалинамъ, потомъ снова сталъ прислушиваться и, не услыхавъ ничего, вышелъ, заперъ дверь висячимъ замкомъ и началъ взбираться на гору.

На маленькой церкви пробило часъ. Въ деревнѣ всѣ огоньки уже были погашены.

Мѣсяцъ вышелъ изъ-за облаковъ и горѣлъ во всемъ своемъ блескѣ.

V.

Глубокая, серьезная мысль вела Даніэля Рока въ развалины Фельзенбургскаго замка.

Старая разсказчица преданій, Фульдрода д'Оберпэ, уже много лѣтъ какъ поселилась, со своими двумя козами, въ этихъ развалинахъ.

Выгнанная изъ Трихильса въ 1803 году, она долго бродила изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню, ища себѣ пріюта, разсказывая о славѣ прошлыхъ дней, пугая однихъ своими предсказаніями, радуя другихъ возвѣщеніемъ, что «благородные люди, закованные въ желѣзо», возвратятся.

Эльзаскіе и лотарингскіе горожане считали ее безумной; крестьяне звали ее колдуньей и боялись ея ворожбы—одинъ Даніэль Рокъ глядѣлъ на нее какъ на святую и считалъ себя недостойнымъ приближаться къ ней и выслушивать вырывавшіяся у нея странныя и безсвязныя рѣчи.

Поэтому можно себѣ представить, въ какое волненіе пришелъ старый кузнецъ, когда, послѣ предложеній еврея Эліаса, послѣ разсказа Франца Бенедума и послѣ обручальной попойки, онъ вдругъ увидѣлъ сигналъ, поданный старухою.

Это было пробужденіемъ отъ Валтасарова пира.

Даніэль Рокъ, не боявшійся никого, готовый отстаивать свои идеи противъ цѣлой вселенной, содрогнулся до мозга костей.

Этимъ знакомъ подтверждались всѣ его опасенія

— Что-то такое происходитъ... Что-то великое... Страшное... Часъ близокъ... Судьба должна совершиться!..

Таковы были мысли дяди Рока, когда онъ поднимался вдоль берега, среди мелкаго кустарника и высокаго вереска, останавливаясь по временамъ перевести духъ и глядя внизъ на безмолвное селеніе.

Ночь была совершенно тиха; далеко, очень далеко, въ темной долинѣ слышалось тихое журчаніе рѣки. Серебристый лун-

ный свѣтъ лежалъ на маленькихъ соломенныхъ кровляхъ. Хотя весь день было очень жарко и хотя земля была суха, какъ скала, но ни одно насѣкомое не жужжало въ травѣ.

Надъ прибрежьемъ торчали остроконечныя скалы и какъ будто бы росли съ каждымъ шагомъ; ихъ черныя тѣни тянулись влѣво, въ долину Го-Борра.

Черезъ полчаса утомительной ходьбы, дядя Даніэль дошелъ до подошвы громаднаго природнаго вала стараго замка; его толстые сапоги съ гвоздями и желѣзный наконечникъ палки заскрипѣли по тропинкѣ, ведущей въ замокъ; изъ-подъ ногъ его сыпались обломки.

Вскорѣ онъ достигъ вершины пустынной площадки, находящейся передъ двумя башнями, уцѣлѣвшими, несмотря на вѣтеръ, снѣгъ и разрушительную силу бурь, свирѣпствующихъ въ этихъ высокихъ мѣстностяхъ.

Старикъ остановился на секунду, чтобы всмотрѣться въ это обширное царство смерти.

Груды обломковъ, терновникъ, высокая крапива, торчавшая изъ каждой расщелины скалы; тишина смерти, смѣнившая шумъ оружія, голоса вождей, веселыя пѣсни всадниковъ, набожные гимны монаховъ, все это, навсегда миновавшее, воскресало въ памяти Даніэля, и сердце его сжалось.

— Луитбрандъ!.. Рупертъ!.. Карлъ!.. — вскричалъ онъ.— Всѣ вы... всѣ вы!.. Наши прежніе господа... Куда вы дѣвались?

Сова безмолвно прорѣзала быстрымъ зигзагомъ темное небо и скрылась въ бойницѣ.

Старикъ продолжалъ, молча и уныло, свой путь къ башнѣ Фульдроды по другому концу площадки. Тусклый, красноватый свѣтъ озарялъ полукруглую дверь.

Подойдя къ этой двери и снявъ шапку со своей большой, сѣдой головы, Даніэль какъ будто колебался войти; но изъ двери тотчасъ послышался разбитый голосъ, кричавшій ему:

— Войди, Даніэль; я жду тебя!

Кузнецъ вошелъ въ это совиное гнѣздо, какъ входятъ въ церковь.

Сдѣлавъ шага три, онъ увидѣлъ старуху, сгорбившуюся надъ почти потухшимъ костромъ изъ вереска. Подлѣ нея спали двѣ большія козы. Одна изъ нихъ проснулась отъ шума шаговъ кузнеца, вытянула шею, сверкнула своими большими, зо-

лотистыми глазами, потомъ повернулась на другой бокъ, положила голову на тощую спину и опять заснула.

Что касается до башни, то ея шесть этажей обрушились одинъ на другой; витая лѣстница торчала вверхъ, и сквозь нее, какъ сквозь огромную зрительную трубу, виднѣлись звѣзды. Въ одномъ углу, футовъ на шесть или на восемь надъ землею, выросло буковое деревцо съ бѣлыми листьями.

Фульдрода уже не походила на человѣческое существо; ее скорѣе можно было принять за одну изъ тѣхъ гипсовыхъ мадоннъ, которыя стояли въ нишахъ часовенъ Мархенталя или святой Одилы, и были наряжены въ полинялыя шелковыя платья и въ вѣнки увядшихъ цвѣтовъ. Кожа ея была такъ тонка, что сквозь нее виднѣлись швы лысаго черепа; крючковатый носъ, длинный, загнутый подбородокъ, впалыя щеки, глаза, прикрытые вялыми вѣками, сухія маленькія руки, уши бѣлыя, какъ просфора, маленькій волосяной чепецъ, спускавшійся на затылокъ въ видѣ корзинки—все это давало ей видъ какого-то призрака.

Но, несмотря на всю эту ветхость, можно было угадать, что Фульдрода была когда-то ослѣпительно хороша.

Дядя Даніэль неподвижно стоялъ на порогѣ башни, какъ древній рыцарь на часахъ, поднявъ голову, съ спокойнымъ строгимъ взглядомъ, и опершись обѣими руками на свою палку.

Старуха подбросила въ огонь нѣсколько горстей вереска, который, вспыхнувъ, освѣтилъ мрачныя стѣны башни, широкія, гранитныя плиты и бѣлый букъ, стоявшій, какъ канделябръ, въ самомъ темномъ углу.

Потомъ Фульдрода задумчиво прошептала, не поднимая глазъ:

— Даніэль, время приближается, есть предзнаменованія.

— Предзнаменованія?

— Да, дурныя предзнаменованія! Взгляни въ бойницу... вонъ туда!—сказала она, поднявъ свою маленькую руку, но не слѣдуя взглядомъ за этимъ жестомъ.

Даніэль Рокъ обернулся и увидѣлъ, при свѣтѣ мѣсяца, груду обломковъ.

— Что ты видишь?

— Я вижу башню и часовню.

— А въ большой нишѣ, ты не видишь болѣе статуи Адельберга Стараго,—прибавила Фульдрода.—Она упала!

— Упала!

— Да, вчера, въ десятомъ часу! Потомъ старый маркграфъ явился мнѣ среди ночной тишины, онъ былъ мраченъ, мраченъ, какъ бурная ночь... Онъ взошелъ по лѣстницѣ... онъ говорилъ... стоналъ!

Голосъ старухи сталъ едва слышенъ, она какъ будто бы боялась услышать свой собственный голосъ. Даніэль Рокъ чувствовалъ, что онъ блѣднѣетъ, но оставался неподвиженъ, какъ статуя.

— Онъ говорилъ!..—сказала старуха такъ тихо, что только глубокая тишина ночи и уединеніе развалинъ позволяли разслышать ея шопотъ.—Онъ говорилъ: «Часъ приближается!.. Гора вздрагиваетъ!..» И онъ прислушивался, Даніэль... по его щекамъ текли кровавыя слезы. Потомъ онъ вдругъ громко вскрикнулъ: «Ко мнѣ, ко мнѣ, мои дѣти! Вотъ они!..» Тогда верескъ, хворостъ, деревья заколыхались, какъ отъ сильнаго порыва вѣтра. Послышались глухіе, глубокіе удары, потрясавшіе валъ; всѣ воины сбѣгались защищать его: Рейнгардтъ, Ульрихъ, Мерове, Луитфридъ, Оттонъ Гергардтъ, Гаттонъ Черный... всѣ наши господа, вооруженные мечами, копьями, палицами, въ большихъ каскахъ съ распущенными крыльями, стремились изъ часовни, гдѣ билъ набатъ! За ними шли роты ихъ драбантовъ... Ихъ было столько, сколько песчинокъ на морскомъ берегу... на колокольнѣ, на башнѣ, на зубцахъ стѣнъ, на подъемномъ мосту,—вездѣ сверкало безчисленное множество копій, какъ колосья на полѣ въ солнечный день, а старый замокъ, со своими глубокими сводами, съ лѣстницами, обтоптанными желѣзными башмаками, съ галлереями, башнями и башенками, съ высокими террасами, съ будками, выдающимися надъ пропастью, какъ будто бы выросталъ изъ земли, для того, чтобы принять ихъ. А колоколъ все звонилъ!.. Монахи пѣли, желѣзныя трубы ревѣли, лошади ржали въ своихъ подземныхъ конюшняхъ. Вдругъ подъемный мостъ опустился, и всадники, Гатто Черный впереди, выѣхали изъ замка и построились въ боевомъ порядкѣ у подошвы вала, опустивъ забрало и держа копье наготовѣ, а сверху бдительно глядѣли стрѣлки. Настала

мертвая тишина... гдѣ-то далеко, очень далеко, за горами, слышался ужасный свистъ, потомъ глухіе перекаты, похожіе на шумъ высокихъ валовъ, бѣгущихъ все поглотить. Воины тихо переговаривались: «Что это за шумъ?», и всѣ прислушивались... а мнѣ, бѣдной старухѣ, было страшно... свистъ раздиралъ воздухъ и входилъ въ Шпарцпрадскую долину. Въ эту минуту, на платформу медленно вышелъ почтенный епископъ Готфридъ, въ красной съ золотомъ ризѣ, въ митрѣ и съ посохомъ, съ широкой бѣлой бородой, спущенной на грудь; за нимъ шелъ весь капитулъ монаховъ въ власяницахъ. Епископъ поглядѣлъ черезъ перила, прислушался, потомъ поднялъ дрожащія руки и вскричалъ: «Время настало! Агнецъ восторжествовалъ надъ хищнымъ волкомъ... велики дѣла твои, о, Господи!.. Истинны и справедливы пути твои, о, царь вѣковъ!» Такъ вздыхалъ епископъ и голосъ его, сладкій, какъ лебединая пѣснь въ облакахъ, раздавался по всей горѣ... свѣтало... тѣни нашихъ господъ все блѣднѣли и блѣднѣли, при первыхъ лучахъ солнца онѣ исчезли!

— Тогда, выглянувъ въ отдушину, я, Фульдрода, увидѣла, что статуя Адельберга Стараго лежитъ въ терновникѣ, и я прочла молитву за упокой усопшихъ.

Старуха умолкла. Даніэль Рокъ казался уничтоженнымъ.

— Откуда же происходилъ этотъ шумъ валовъ, Фульдрода?—спросилъ онъ, наконецъ, и глаза его блеснули мрачною злобою.

— Не знаю,—сказала она, опустивъ лысую голову и съ отчаяніемъ закрывъ лицо изсохшими руками.—Изъ ада,—прибавила она потомъ.—Это ангелъ тьмы приближается на драконѣ о семи головахъ... Онъ все истребитъ, все пожретъ, все отравитъ!

— Боже мой... Боже мой! Что такое жизнь?—прошептала она еще тише.—Что сталось съ маркграфами Фельзенбурга... Герольдзека... Дагсберга?.. Что значитъ древность благороднаго рода въ сравненіи съ этимъ потокомъ жизни, который вѣчно течетъ и никогда не изсякаетъ?

Съ этими словами взоръ ея потухъ. Старая сказочница погрузилась въ глубокую задумчивость; ея прерывистое дыханіе сдѣлалось правильнымъ и спокойнымъ. Голова тихо склонилась.

— Фульдрода!—сказалъ Даніэль.

Она не отвѣтила, но козы ея проснулись и, вставъ возлѣ

тся, вытянули свои длинныя шеи и стали вдыхать въ себя воздухъ, проходившій черезъ дверь, сквозь которую уже начинали пробиваться румяныя полосы зари.

Старый кузнецъ простоялъ еще нѣсколько секундъ, опустивъ голову и сжавъ губы, какъ человѣкъ, погруженный въ глубокую горесть; потомъ вышелъ изъ башни, поглядѣлъ на окраину площадки, гдѣ сплелись разныя растенія и образовали причудливыя контуры на туманномъ горизонтѣ. Потомъ онъ медленно ушелъ и спустился въ ущелье, выходящее на поляну, поросшую верескомъ. Лицо Даніэля было покрыто холоднымъ потомъ, но въ душѣ его было самое непреклонное намѣреніе.

— Замокъ Фельзенбургъ принадлежитъ Даніэлю Року,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Пусть драконъ о семи головахъ придетъ разрушить его, Даніэль исполнитъ свой долгъ: Даніэль будетъ драться на смерть!

Спустя минутъ двадцать, старый кузнецъ пришелъ домой и бросился въ постель. Было четыре часа утра. Касперъ и Христіанъ еще спали.

VI.

Было уже совершенно свѣтло, когда дядя Даніэль, нарядившись въ широкій голубой камзолъ со стальными пуговицами, въ красный жилетъ, въ черныя бархатныя панталоны и въ башмаки съ серебряными пряжками, сошелъ съ лѣстницы и, пройдя кухню, величественно вошелъ въ залъ.

Тереза постаралась въ это воскресенье отворить окна, посыпать полъ пескомъ, вытереть шкафы, буфетъ, готическій каминъ и смахнуть пыль съ образовъ святой Одилы и святого Ландольфа. Погода обѣщала быть превосходною; свѣжій утренній воздухъ наполнялъ грудь.

Не было слышно ни обычнаго шума кузницъ, ни скрипа телѣги, ѣдущей на работу, ни звука пастушьяго рога, ни обычнаго блеянія дикихъ козъ, вереницею проходящихъ по деревнѣ. Была совершенная тишина. Только одинъ колоколъ маленькой церкви гудѣлъ въ безмолвной долинѣ и призывалъ вѣрныхъ къ молитвѣ; да сквозь рядъ тополей, окаймляющихъ берегъ, виднѣлось, какъ изо всѣхъ сосѣднихъ деревень спускались, по горнымъ тропинкамъ, крестьяне и крестьянки, по три, по четыре, по шести че-

ловѣкъ, въ поярковыхъ шляпахъ, въ треуголкахъ, въ короткихъ юбкахъ, торопясь и обгоняя другъ друга, чтобы придти поскорѣе.

Весело было глядѣть на нихъ и думалось: «Господь милосердъ! Восхвалимъ Его изъ вѣка во вѣкъ. Аминь!»

Дядя Даніэль остался очень доволенъ, увидя своихъ сыновей гладко выбритыми, въ воротничкахъ отъ толстой рубашки, доходящихъ до ушей, въ коричневыхъ бархатныхъ камзолахъ, застегнутыхъ на широкой груди. Мрачныя ночныя видѣнія разсѣялись въ его душѣ, и потокъ свѣжей крови зарумянилъ его смуглыя щеки. Онъ отперъ буфетъ, досталъ оттуда бутылку вина и три стакана и сказалъ, поставивъ ихъ на столъ:

— Ну, ребята, закусимъ передъ обѣдней; надо подкрѣпиться въ особенности, когда поешь на хорахъ... Не такъ ли, Христіанъ?

Христіанъ покраснѣлъ; онъ имѣлъ обыкновеніе садиться на хорахъ подлѣ пѣвчаго Эгоффа и ревѣть тамъ, какъ труба, въ экстазѣ поднимая глаза къ потолку и открывая ротъ до ушей.

Предметъ его, рослая Бербель, видя при этомъ его длинные бѣлые зубы, вспоминала о кларнетѣ Зеленаго Дерева: ей казалось, что она чувствуетъ, какъ ее схватываетъ за талью сильная рука Христіана и увлекаетъ, какъ перышко, въ вихрѣ вальса.

Дядя Рокъ наполнилъ стаканы и сказалъ:

— За ваше здоровье, ребята!

— За ваше!—отвѣтили сыновья.

Они выпили, и физіономія стараго кузнеца какъ будто просвѣтлѣла.

— Ребята,—началъ онъ, помолчавъ,—я доволенъ вами, вы хорошія дѣти. Я не видалъ отъ васъ ничего, кромѣ удовольствія. Если бы со мною случилось несчастье, то исполните то, что я говорю, единственное утѣшеніе пережившихъ есть сознаніе, что они исполнили свой долгъ относительно родителей... Все остальное ничто.

— Зачѣмъ вы говорите это?—спросилъ Христіанъ.—Вѣдь вы еще полны силы и здоровья.

— Конечно, я здоровъ. Даніэль Рокъ не побоится бороться съ двумя, тремя парнями изъ нашей деревни... Но если мы прожили семьдесятъ лѣтъ, то это еще не значитъ, что мы будемъ жить вѣчно... но все равно, вашъ отецъ благословляетъ Бога за то, что онъ далъ ему такихъ дѣтей, какъ вы. Когда-ни-

будь, вамъ будетъ, можетъ быть, отрадно вспомнить то, что я говорю теперь.

Пока дядя Даніэль говорилъ это взволнованнымъ голосомъ, сыновья его думали:

«Какой мягкій голосъ у нашего отца!.. Онъ никогда не говорилъ съ нами такимъ образомъ». Они сами не знали, отчего глаза ихъ наполнились слезами.

Въ эту минуту изъ кухни послышались легкіе шаги, дверь отворилась, и вошла Тереза въ своемъ лучшемъ нарядѣ: на ея великолѣпныхъ черныхъ волосахъ лежалъ кокесбергскій токъ съ серебряными цвѣтами, талью ловко обхватывалъ узкій корсетъ изъ темно-зеленой тафты съ красноватымъ отливомъ, на который спускалась въ три ряда эмалированная цѣпь, юбка была фіолетовая, шелковая съ широкими разводами. Тереза походила на одну изъ тѣхъ молодыхъ шатлэнъ, которыхъ описываютъ въ старинныхъ лѣтописяхъ.

Дядя Рокъ не могъ надивиться на нее, когда она подходила. Онъ любовался по очереди каждымъ предметомъ въ ея богатомъ нарядѣ и потомъ гордо сказалъ, протянувъ къ ней свои большія руки:

— Вотъ что называется хорошенькая горная дѣвушка, дочь кузнеца Даніэля Рока!.. Поди сюда, Тереза, я тебя поцѣлую!..

Тереза подошла; онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и, поглядѣвъ на нее съ выраженіемъ удовольствія, сказалъ медленно и серьезно:

— Тереза, на тебѣ сегодня токъ твоей матери, золотая цѣпь твоей бабушки Анны и платье твоей прабабушки Одилы... Хорошо... мнѣ пріятно видѣть это. Эти честныя женщины завѣщали тебѣ всѣ эти вещи, чтобы поддержать фамильную честь. Ты вспомнишь о нихъ всякій разъ, какъ надѣнешь эти вещи; вспомнишь, что онѣ были добродѣтельными женщинами, преданными женами, хороши матерями, и послѣдуешь ихъ примѣру.

— Да, батюшка!—сказала Тереза, блѣднѣя.

— Такъ поцѣлуй же меня и пойдемъ къ обѣднѣ; вотъ уже во второй разъ звонятъ.

Тереза обняла старика, который удержалъ ее на минуту у своей груди съ невыразимымъ волненіемъ. Потомъ онъ всталъ,

надѣлъ свою большую треугольную шляпу и, подавъ руку Терезѣ, вышелъ съ нею первый.

Христіанъ и Касперъ заперли въ домѣ окна и двери и потомъ догнали ушедшихъ на большой улицѣ, которая вела къ церкви. Не успѣли они сдѣлать пятидесяти шаговъ отъ дома, какъ имъ представилось странное зрѣлище.

Передъ гостиницею «Лебедь», нѣсколько отдаленной отъ ряда домовъ, между садами Адама Циммеръ и вдовы Лерикъ, передъ этою гостиницею, самою большою въ деревнѣ, стояли семь или восемь человѣкъ пріѣзжихъ въ зеленой одеждѣ и плоскихъ фуражкахъ, вышитыхъ серебромъ. Каждый изъ нихъ держалъ за узду большую лошадь, съ длинною шеею, съ тонкими ногами, и такую рѣзвую, какихъ не видывали въ томъ краю.

Незнакомцы звали, кричали, приказывали; къ нимъ бѣжалъ хозяинъ гостиницы Баумгартенъ, конюхъ Никкель... Весь домъ былъ вверхъ дномъ.

— Ведите нашихъ лошадей въ конюшню!

— Готовьте намъ обѣдать! Что у васъ есть?

— Поторопитесь!

— Подавайте скорѣе!

— Сдѣлайте это!

— Сдѣлайте то!

Словомъ, видно было, что у этихъ господъ не было недостатка въ деньгахъ, потому что они повелѣвали и распоряжались по-княжески. При томъ же они видимо насмѣхались надъ тѣми, кто останавливался поглядѣть на нихъ.

— Посмотри, Орасъ, что у нея наверчено на головѣ.

— Эге! Да эта малютка не дурна! Я доволенъ нашимъ путешествіемъ...

И такъ все въ этомъ неприличномъ родѣ.

Всѣ молчали. Всѣ разсматривали ихъ остроконечныя бороды, усы, кривые глаза, обшивку на ихъ панталонахъ и въ особенности ихъ красивыхъ лошадей, которыя поднимали ноги, какъ истинно важныя особы и поглядывали черезъ плечо на мѣстныхъ лошаденокъ, которыхъ выводили изъ конюшенъ, чтобы очистить мѣста для гостей.

— Это земская стража,—говорили одни.

— Это таможенные,—рѣшали другіе.

— Нѣтъ, это важные господа, маркграфы, ландграфы.

— Они слишкомъ громко говорятъ для людей не важныхъ!—шептали другіе.

Когда проходилъ дядя Даніэль со своею дочерью, пріѣзжіе обернулись, глядя на Терезу.

— Эге!—произнесли они, и глаза ихъ заблестѣли. Они свистнули сквозь зубы, съ лисьею миною.

Костлявое лицо и сѣрые глаза дяди Рока удивили ихъ, повидимому, не менѣе скромнаго вида и бѣлой шеи его дочери, тѣмъ болѣе старый кузнецъ, будучи выше цѣлою головою толпы любопытныхъ, остановился и всматривался въ незнакомцевъ, стиснувъ губы подъ крючковатымъ носомъ; его выпуклыя челюсти вздулись подъ ушами, какъ два кулака.

Одинъ изъ пріѣзжихъ, низенькій, коренастый, смуглый и довольно широплечій, отвѣтилъ на взглядъ кузнеца такимъ же огненнымъ взглядомъ. Онъ держалъ въ рукахъ длинный ременный хлыстъ; въ петлицѣ его камзола была продѣта красная ленточка и сбоку виднѣлась роговая рукоятка охотничьяго ножа.

Дядѣ Даніэлю не понравилось его лицо, и онъ не взлюбилъ его. По прибытіи сыновей, всѣ трое поглядѣли еще съ минуту на пріѣзжихъ и потомъ пошли далѣе. Они услышали, какъ одинъ изъ пріѣзжихъ сказалъ имъ вслѣдъ со смѣхомъ:

— Хорошенькая дѣвушка! Чортъ возьми!

— Да, но у старика видъ не ласковый,—замѣтилъ другой.

Оскорбленный дядя Даніэль обернулся, но въ эту минуту онъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ пріѣзжихъ показался въ растрепанномъ видѣ, у окна гостиницы и крикнулъ:

— Обѣдать! Ступайте обѣдать! Баранина ждетъ насъ!.. Или мы будемъ тутъ тѣшить этихъ увальней.

Остальные стали всходить по лѣстницѣ со свистомъ, съ крикомъ, съ пѣніемъ, съ адкимъ шумомъ.

Дядя Даніэль покачалъ головою и задумался.

Въ церкви звонили уже третій разъ; надо было спѣшить, чтобы найти мѣсто. Подойдя къ паперти, дядя Рокъ увидѣлъ, что она была полна народа: онъ съ трудомъ пробрался до своей фамильной скамьи. Къ счастью, ему встрѣтился церковный сторожъ Биркель. Подъ сводами храма уже разносились протяжные звуки органа; на хорахъ раздавался, какъ трубный гласъ на страшномъ судѣ, пронзительный голосъ маленькаго Виланда;

ему отвѣчалъ у алтаря дрожащій голосъ священника Никлоса. Народъ, сошедшійся со всѣхъ сторонъ, молился, стоя на колѣняхъ; дядѣ Року съ его дочерью пришлось пробираться среди молящихся. Наконецъ, они дошли, въ свою очередь, встали на колѣни. Старый кузнецъ, такой веселый по утру, сдѣлался теперь мраченъ. Онъ во все продолженіе службы не переставалъ думать о пріѣзжихъ въ гостиницѣ «Лебедь».

Зачѣмъ пріѣхали въ горы эти люди?.. Что у нихъ за цѣль? Это не иначе, какъ настоящіе разбойники, люди ни во что не вѣрующіе; они объѣдаются и спиваются во время обѣдни, они смѣются надъ тѣми, кто идетъ въ церковь.

Въ особенности возмущалъ Даніэля низенькій брюнетъ съ наглыми глазами, съ кошачьими усами и дерзкимъ видомъ. Ему казалось, что онъ все еще стоитъ передъ нимъ, сложивъ руки, приподнявъ плечи, спустивъ хлыстъ, и лукаво глядитъ ему прямо въ лицо, съ насмѣшливымъ, вызывающимъ видомъ. Отъ этого вся кровь кипѣла у дяди Рока; онъ чувствовалъ, что блѣднѣетъ, и, несмотря на святость мѣста, на звуки органа, въ душу его вкрадывалась злоба.

Тереза была погружена въ молитву.

Направо со скамьи Бенедума на нее нѣжно смотрѣлъ Людовикъ; она, казалось, не видала его, но она знала, что онъ тамъ, и, замирая отъ нѣжности, поднимала къ потолку свои прекрасные глаза, призывая благословеніе неба на милаго, на отца и на братьевъ.

Наконецъ, отецъ Никлосъ затянулъ дребезжащимъ голосомъ gloria patri et filio... Органъ заигралъ антифонъ стараго Ремера, и толпа стала медленно выходить изъ церкви.

Было одиннадцать часовъ утра; къ концу этого дня предстояло совершиться важнымъ событіямъ.

VII.

Толпа, собравшаяся изъ Шевргофа, изъ Шпарцирада и другихъ окрестностей, медленно высыпала на церковную площадь. Каждый спѣшилъ въ ближній кабачекъ, распить бутылку, до вечерень. Вдругъ въ сторонѣ ратуши раздался бой барабана.

Дядя Рокъ и Тереза, еще стоявшіе на паперти, усмотрѣли вдали маленькаго глашатая Ганса Поліака, одѣтаго въ голубой

камзолъ съ красными отворотами и гордо приподнимавшагося на носкахъ, какъ пѣтухъ, собравшійся пропѣть.

Народъ сходился къ нему, чтобы послушать, что онъ скажетъ, а Гансъ продолжалъ восторженно барабанить.

Поліакъ служилъ когда-то въ полку, въ Страсбургѣ; онъ барабанилъ разомъ на трехъ барабанахъ, приводя въ отчаяніе всѣхъ артистовъ арміи своею виртуозностью, какъ онъ самъ разсказывалъ. Его очень желали удержать въ полку, но онъ пожертвовалъ собою, не желая лишать родныхъ горъ своихъ талантовъ.

Дядѣ Даніэлю тотчасъ пришло въ голову, что тутъ будетъ рѣчь о пріѣзжихъ въ гостиницу «Лебедь». Онъ пробрался въ толпу, окружавшую Ганса, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ кончитъ барабанить. Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько блестящихъ колѣнцевъ, маленькій человѣчекъ закричалъ:

— Мэръ Захарій Пиперъ извѣщаетъ членовъ муниципальнаго совѣта города Фельзенбурга и окрестностей, что нынче въ воскресенье, послѣ обѣдни, въ ратушѣ соберется чрезвычайное засѣданіе для обсужденія общинныхъ дѣлъ.

Проговоривъ это, Гансъ Поліакъ пошелъ по большой улицѣ, важно переваливаясь и фантазируя на барабанѣ какой-то маршъ. Дѣти шли за нимъ въ тактъ.

Дядя Даніэль передалъ Терезу случившемуся въ толпѣ Христіану, а самъ, въ раздумьѣ, пошелъ къ ратушѣ.

Фельзенбургская ратуша очень большое четыреугольное зданіе, сложенное изъ плитъ, съ полукруглыми окнами и такою же дверью; прямая лѣстница ведетъ въ первый этажъ, гдѣ собирается совѣтъ; представьте себѣ огромный залъ, съ еловымъ поломъ, съ четырьмя окнами въ глубинѣ, посрединѣ массивный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, вокругъ стулья и одно кресло для мэра; потомъ въ одномъ углу, направо, пирамидальную плавильную печь.

Эта пустая комната, безъ всякихъ украшеній, со стѣнами, выбѣленными известью, была въ глазахъ дяди Рока образцомъ безплодности и ничтожества новѣйшихъ временъ. Онъ, постоянно мечтавшій о вооруженныхъ рыцаряхъ въ большихъ готическихъ залахъ, украшенныхъ гербами, рѣзьбою, великолѣпными картинами, повелѣвающихъ безчисленнымъ множествомъ слугъ, живописно разряженныхъ, окруженныхъ для забавы шу-

тами, карлами, большими борзыми собаками, рѣдкими птицами; разукрашенныхъ золотомъ прелатахъ, которые читаютъ имъ наставленія; закованныхъ въ желѣзо воинахъ, которые повинуются имъ,—дядя Рокъ не могъ вѣрить, чтобы десять или двѣнадцать подобныхъ ему поселянъ, въ потертыхъ треуголкахъ и въ сѣрыхъ или коричневыхъ суконныхъ камзолахъ, были дѣйствительными правителями въ странѣ.

Часто, когда низенькій ткачъ Веберле, сухой, желтый, жалкій человѣчекъ, принимался говорить: «я требую этого... я хочу того», или когда толстый содержатель гостиницы Кальбъ, съ шишковатымъ носомъ, съ длинными, плоскими ушами, съ отвислыми щеками и съ круглыми, выпуклыми глазами, какъ у лягушки, борметалъ, заикаясь, хриплымъ голосомъ: «предлагаю измѣнить... Я утверждаю, что нужно», или когда другіе члены совѣта, дровосѣки, плотники, землепашцы, съ грубыми, мозолистыми руками, съ крупными морщинами на лбу, съ тусклыми глазами, съ выраженіемъ неспособности связать пяти идей подъ своимъ толстымъ черепомъ, когда эти люди принимались кричать: «мы желаемъ...»—Даніэль Рокъ приходилъ въ смущеніе отъ такой смѣлости; ему представлялось, что одинъ изъ старинныхъ рыцарей, вооруженный копьемъ, касаясь потолка гребнемъ шлема, входитъ вдругъ въ этотъ залъ совѣта и, взглянувъ на пигмеевъ, сидящихъ вокругъ стола подъ предсѣдательствомъ мэра Захарія Пипера, разражается громкимъ хохотомъ, отъ котораго трясутся стекла.

— Что! Это ваши правители!.. Ха, ха, ха! Повѣсить ихъ на зубцы башни... Посмотримъ, какія они сдѣлаютъ лица!

И дядя Рокъ видѣлъ, какъ низенькій ткачъ ползаетъ на колѣнахъ; какъ толстый хозяинъ гостиницы бормочетъ: «помилуйте!» Какъ мэръ молчитъ, потерявъ отъ страха голосъ.

— Да... вотъ мы кто... вотъ кто наши господа!—твердилъ про себя Даніэль Рокъ

Такое именно зрѣлище представилось старому кузнецу и теперь, когда онъ вошелъ въ ратушу. Члены совѣта уже всѣ собрались и спрашивали другъ друга:

— Что случилось?... Зачѣмъ насъ созвали?

Никто не зналъ, что отвѣчать, потому что мэръ еще не приходилъ.

Дядя Даніэль постоялъ съ минуту у двери, глядя на столъ

и на всѣхъ присутствующихъ съ высоты своего большого роста, потомъ приблизился, пожалъ мимоходомъ руку своему старому другу Бенедуму и сѣлъ, съ пасмурнымъ лицомъ, противъ кресла мэра и противъ оконъ, въ которыя свѣтъ падалъ прямо на его лицо. Это было его обычное мѣсто. Онъ повѣсилъ шляпу на свой стулъ, потомъ разложилъ локти на столѣ и оперся лбомъ на свою широкую руку, съ видомъ глубокой скуки.

Для него не было ничего тяжелѣе, какъ слушать пустыя рѣчи, мнѣнія ничего не значущихъ людей, которые ничего не знаютъ и ничего не понимаютъ.

Все это казалось ему смѣшною и жалкою комедіею.

Вокругъ него жужжали частые разговоры, но онъ обращалъ на нихъ столько же вниманія, какъ на шелестъ листвы передъ дверью, въ то время, какъ его наковальня вздрагивала подъ ударами молота.

Минутъ чрезъ десять послышалось:

— Господинъ мэръ!

Даніэль Рокъ медленно поднялъ свою большую голову, зѣвнувъ во весь ротъ, и, не убирая локтей, съ пренебреженіемъ устремилъ глаза на Захарія Пипера, который отперъ дверь и подходилъ какъ бы крадучись.

Захарій Пиперъ былъ въ черномъ фракѣ, въ очкахъ и въ бѣломъ жилетѣ, въ которомъ лежали часы. Онъ служилъ прежде писцомъ у экзекутора въ Савернѣ, потомъ ему посчастливилось жениться на дочери богатаго крестьянина изъ Штейнбаха, которая любила господъ и не хотѣла быть простою мужичкою, подобно своей матери. Господинъ Пиперъ надѣялся быть мировымъ судьей вмѣсто доктора Омахта, который уже устарѣлъ. Въ этой надеждѣ, Пиперъ, чтобы имѣть званіе, уже пять лѣтъ ревностно исполнялъ должность мэра, собственноручно ведя списки рожденіямъ, свадьбамъ и кончинамъ и дѣлая аккуратно разъ въ двѣ недѣли визитъ вице-префекту въ Сарбургѣ, который удостаивалъ его приглашеніемъ къ обѣду и сажалъ на дальнемъ концѣ стола.

Это существо сбивало съ толку проницательнаго дядю Даніэля; онъ не зналъ, съ кѣмъ его сравнить. Прокуроръ ли это, нотаріусъ, видамъ или судья, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ, Даніэль рѣшительно не зналъ. Его все отталкивало въ этомъ человѣкѣ: впалыя щеки, острый носъ, длинныя формы,

черный фракъ, бѣлый жилетъ съ часами. Онъ не находилъ здраваго смысла ни въ одномъ воззрѣніи, ни въ одномъ аргументѣ мэра; въ свою очередь мнѣнія дяди Даніэля не имѣли большаго кредита въ глазахъ бывшаго писца.

Захарій Пиперъ усѣлся въ свое кресло, и лица всѣхъ членовъ муниципальнаго совѣта обратились въ его сторону; старый кузнецъ также устремилъ глаза на это длинное, блѣдное лицо, но устремилъ съ двусмысленнымъ выраженіемъ, которое можно было истолковать такимъ образомъ:

— Что еще онъ скажетъ намъ? Опять что-нибудь нелѣпое... Послушаемъ.

Воцарилась глубокая тишина.

Мэръ положилъ на столъ толстый портфель, порылся въ немъ, чего-то ища, потомъ, обративъ тусклый взглядъ на внимательное собраніе, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Господа, я принесъ вамъ отличную новость изъ вице-префектуры, такую новость, которая осчастливитъ всю страну, удвоитъ цѣнность вашей собственности, обезпечитъ хлѣбъ вашихъ дѣтей и совершенно измѣнитъ видъ нашихъ горъ. Нельзя вѣдь не сознаться, господа, что мы отстали на три вѣка отъ окружающихъ народовъ. Мы питаемся кореньями и зеленью, какъ во времена Гери Ганса и Гуго Кривого. Многіе ли изъ насъ ѣдятъ говядину чаще трехъ разъ въ годъ? Наперечетъ... Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, въ Лотарингіи, въ Эльзасѣ, самые жалкіе бѣдняки увѣрены, что у нихъ каждое воскресенье будутъ на столѣ щи и кусокъ солонины. Мы прозябаемъ и гибнемъ... Это сказалъ самъ вице-префектъ; мы, такъ сказать, сохранились въ нашихъ горахъ, какъ въ теплицахъ, со всѣми предразсудками, фанатизмомъ и невѣжествомъ XIII вѣка, съ этими паразитными растеніями, столь вредными для прогресса цивилизаціи. Такова печальная картина истины, господа! Да, мы живемъ въ теплицѣ... Теплицами называются такія мѣста, гдѣ сохраняется зелень зимою. Г. вице-префектъ показалъ мнѣ свою теплицу и сказалъ: «Вотъ каковы вы въ вашихъ горахъ». Я содрогнулся до мозга костей... И хуже всего то, что мы еще считаемъ себя очень счастливыми!

Мэръ на минуту умолкъ, какъ бы испуганный своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Члены совѣта: Веберле, Кальдъ,

Стенгеръ, Бенедумъ переглядывались, изумленные и огорченные тѣмъ, что они такъ несчастливы.

— Надо покончить съ этимъ,—продолжалъ мэръ:—правительство обратило на насъ вниманіе: «эти несчастные жители Фельзенбурга прозябаютъ въ невѣжествѣ и варварствѣ среди лѣсовъ; наша обязанность просвѣтить ихъ. Поэтому мы проведемъ желѣзную дорогу изъ Парижа въ Страсбургъ. Она принесетъ пользу этому жалкому населенію, которое будетъ благословлять насъ изъ вѣка въ вѣкъ, въ особенности, когда желѣзная дорога начнетъ дѣйствовать.

— Гдѣ же пройдетъ эта желѣзная дорога?—спросилъ Бенедумъ:—По воздуху? Подъ землею? Или по нашимъ полямъ? Но я первый скажу: «стой!», если она пойдетъ по моимъ полямъ. Я ѣмъ говядину, когда хочу, и вовсе не вижу надобности жертвовать моими полями, для того, чтобы другіе ее ѣли.

Поднялся страшный шумъ. Всѣ члены совѣта кричали:

— Бенедумъ правъ! Мы не позволимъ провести ее по нашимъ полямъ.

— Э!—кричалъ хозяинъ гостиницы Кальбъ, раскраснѣвшійся отъ злости.—Какое мнѣ дѣло до того, что сосѣдъ Гансъ или Христофоръ не ѣстъ солонины? Была бы она на моемъ столѣ, по воскресеньямъ, а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Или намѣреваются обобрать насъ для блага общины?

Громче всѣхъ кричалъ низенькій ткачъ Веберле... ужъ такая у него была привычка... онъ придавалъ себѣ этимъ значеніе, такъ какъ у него было всего два акра земли въ долинѣ и плохое поле на скатѣ горы.

— Позвольте, гг. совѣтники, прошу васъ, дайте кончить,—говорилъ мэръ.—Вы потомъ сдѣлаете ваши замѣчанія. У васъ не отнимаютъ вашихъ полей, напротивъ, вамъ заплатятъ за нихъ вдвое, втрое, вчетверо. Вы сами, наконецъ, составите совѣтъ экспертовъ и назначите цѣну.

Это увѣреніе разомъ усмирило самыхъ раздраженныхъ; совѣтъ снова усѣлся, хотя многіе члены уже пошли было къ двери, не желая ничего слушать.

Франну Бенедуму пришло на мысль, что еврей Эліасъ получитъ, можетъ быть, большія деньги за луга, которые онъ, Бенедумъ, ему продалъ, и это повергло его въ большое горе; онъ

рѣшился подать голосъ за желѣзную дорогу, чтобы вознаградить себя тѣми землями, которыя у него остались.

— Да, господа,—продолжалъ мэръ, взволнованный этою тревогою,—мы вѣдь о вашемъ счастьѣ заботимся въ вице-префектурѣ. Чтобы понять, какую пользу принесетъ вамъ эта дорога, вы должны знать, что она пойдетъ подъ горами, посредствомъ тунелей, и чрезъ долины, по мостамъ и насыпямъ. Она будетъ дѣлать по восьми, десяти, по двѣнадцати миль въ часъ; это не я говорю, а г. вице-префектъ. Должно быть, какая-нибудь особенная машина вертитъ колеса... А ужъ когда колеса вертятся, такъ понятно, что лошадей не нужно. Но колеса изобрѣтены, чтобы двигать колеса... Впрочемъ, лишь бы шло... до остального намъ нѣтъ дѣла!

Даніэль Рокъ сдѣлался мраченъ; его сжатыя губы и блестящіе глаза свидѣтельствовали о подавленномъ гнѣвѣ; видно было, что онъ хочетъ что-то сказать, но воздерживается.

— Теперь послушайте, что я вамъ скажу,—продолжалъ Захарій Пиперъ;—предположимъ, что желѣзная дорога проведена, что она проходитъ подъ деревнею Эрмвилеръ, пересѣкаетъ Фельзенбургскую гору и выходитъ въ Эльзасъ, по Саверпской долинѣ. Благодаря Бога, въ лѣсахъ и пастбищахъ у насъ нѣтъ недостатка; но теперь мы должны, продавая скотъ, вести его за горы очень дальними и тяжелыми дорогами. Выйдя на большую дорогу, онъ доходитъ до Парижа не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ и доходитъ исхудалый, истомленный. Проводники его дѣлаютъ большія издержки, такъ что весь барышъ поглощается этимъ! Что же касается до отправленія лѣса въ Парижъ, то объ этомъ нечего и помышлять; одинъ провозъ обойдется втрое дороже цѣны, за которую онъ будетъ проданъ. Поэтому мы вынуждены все употреблять сами; нашъ лѣсъ, главное богатство этого края, ни во что не цѣнится! Но пусть только проведется желѣзная дорога, и мы станемъ каждый день дешево развозить по всѣмъ французскимъ рынкамъ за десять, пятнадцать, двадцать, за сто миль отсюда, нашъ лѣсъ, балки, цѣлыя деревья, если понадобится; нашъ скотъ, хлѣбъ, все дойдетъ въ порядкѣ! Вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь среди изобилія предметовъ, которые ничего не стоятъ, потому что ихъ никто не покупаетъ, мы будемъ все продавать—и разбогатѣемъ!

Нужно было видѣть въ эту минуту лица муниципальныхъ

совѣтниковъ; они не кричали болѣе, они почти не дышали, а только слушали, выпучивъ глаза: ихъ можно было сравнить съ толпою крысъ, которыя совѣщаются о проведеніи туннеля въ сырѣ и заранѣе облизываются.

Видя такой успѣхъ своего краснорѣчія, Захарій Пиперъ думалъ:

— Теперь я мировой судья! Мы утвердимъ единогласно, какъ въ Парижѣ. Потомъ,—продолжалъ онъ,—подумайте, сколько рукъ. лошадей потребуетъ это предпріятіе; подумайте, что бѣднѣйшіе изъ нашихъ рабочихъ будутъ получать по два, по три, даже по четыре франка въ день; тутъ все понадобится, и кузнецы, и плотники, и слесаря, и каменьщики. Подумайте, какія предпріятія станутъ возможными для каждаго изъ насъ, по мѣрѣ его силъ и средствъ: вѣдь нужно быть слѣпымъ, чтобы отказаться отъ такого богатства для страны! Развѣ богатство страны не есть наше собственное богатство?

— Да! Это дѣло иное!—вскричалъ дядя Бенедумъ.—Намъ хорошо заплатятъ за наши земли, и каждый изъ насъ можетъ пуститься въ предпріятія, напримѣръ: взяться доставлять желѣзо, лѣсъ, камень, принять на себя подвозъ, наконецъ, все это такъ, какъ теперь я понимаю.

И все общество принялось шумно выражать свое удовольствіе.

— Такъ, такъ, мы не понимали... Да, г. мэръ правъ... Мы не поняли дѣла вначалѣ!

И они глядѣли другъ на друга съ видомъ невыразимаго счастья. Они готовы были обниматься. Видя это, Захарій Пиперъ прямо пришелъ къ слѣдующему заключенію:

— Теперь, господа, вы поняли выгоды желѣзной дороги, вотъ что дѣлаетъ для насъ правительство. Восхвалимъ и возблагодаримъ его за это! Но это ему не все: надо помочь людямъ, которые берутся за это дѣло. Надо облегчить имъ средства изслѣдовать мѣстность. Имъ придется дѣлать разъѣзды, ставить вехи, объѣзжать поля. Разумѣется, за всякую порчу въ вашихъ владѣніяхъ вамъ заплатятъ. Вы сами назначите цѣну. Поэтому г. вице-префектъ надѣется, что всѣ честные люди окажутъ инженерамъ содѣйствіе и облегчатъ исполненіе ихъ работъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать и, надѣюсь, что здѣсь не найдется никого настолько отсталаго, настолько проникнутаго пред-

разсудками варварства, чтобы не поспѣшить на помощь къ нашимъ благодѣтелямъ.

Сказавъ это, мэръ сѣлъ, и между членами совѣта пошли толки о томъ.

— Какой умный человѣкъ этотъ Пинеръ! Какъ онъ говоритъ хорошо!.. Какъ ясно!.. Нужно быть дуракомъ, чтобы не желать продавать нашихъ земель, лѣса и скота вдесятеро дороже, чѣмъ они стоятъ.

Одинъ Даніэль Рокъ оставался мраченъ, и лицо его приняло страшное выраженіе.

— Кончили вы, г. мэръ? —спросилъ онъ, опустивъ на столъ кулакъ.

— Кончилъ, г. Рокъ.

— Такъ теперь моя очередь. Выслушайте меня, не прерывая, какъ я васъ слушалъ, хотя Богу извѣстно, какъ мнѣ это тяжело.—Онъ возвысилъ голосъ и сказалъ, обводя вокругъ стола своими сѣрыми глазами:

— Наши предки завоевали когда-то эти горы, подъ предводительствомъ нашихъ господъ. Они выбрали себѣ начальниковъ изъ самыхъ храбрыхъ и построили имъ укрѣпленные замки: въ Нидекѣ, въ Фельзенбургѣ, въ Дагсбергѣ, въ Герольдзекѣ, на всемъ протяженіи Вогезскихъ горъ. Впослѣдствіи, они заставили трепетать владѣтелей Базеля, Страсбурга, Меца, Майнца и Кельна. Они не нуждались въ колесахъ, вертящихся безъ лошадей, чтобы спускаться въ Эльзасъ, въ Лотарингію, или въ долины Палатината: они ѣздили на лошадяхъ! А между тѣмъ, эти люди питались зеленью и ѣли мясо, только послѣ большихъ охотъ, или по возвращеніи съ своихъ походовъ на берега Рейна. Тогда не было недостатка ни въ говядинѣ, ни въ аппетитѣ. Вино и баранина изъ Риквира, Барра и другихъ мѣстъ казалась имъ вкуснѣе, когда они ходили за ними сами, съ желѣзомъ въ рукахъ. Такимъ людямъ не могла прійти мысль везти свой лѣсъ и скотъ за горы, въ Парижъ. Они подумали бы: если парижанамъ нужны лѣсъ и мясо, то пусть они сами пошевелятся, пусть набьютъ потуже свои кошельки и придутъ къ намъ. Зачѣмъ же намъ идти къ нимъ? Зачѣмъ мы понесемъ имъ пищу, какъ крупной откормленной птицѣ, которая полагаетъ, что она дѣлаетъ милость, открывая свой клювъ? Развѣ дорога изъ Фельзенбурга въ Парижъ короче дороги изъ Парижа

въ Фельзенбургъ? Крестьянинъ не нуждается въ большихъ дорогахъ; онъ остается на своемъ мѣстѣ; у него все имѣется, чтобы жить своимъ трудомъ. Большія дороги изобрѣтены для удобства евреевъ, которые не сѣютъ, не жнутъ, а живутъ на счетъ тѣхъ, кто сѣетъ и жнетъ!.. Или мы повѣримъ, что эта желѣзная дорога, которая пересѣчетъ наши поля, унесетъ у насъ наше зерно, нашъ хлѣбъ, лѣсъ, даже рыбу изъ нашихъ рѣкъ, даже дичь изъ нашихъ лѣсовъ, за нѣсколько горстей ліардовъ, которыя намъ бросятъ мимоходомъ,—или мы повѣримъ, что она устраивается для нашей пользы? Право, надо считать насъ уже слишкомъ глупыми! Нѣтъ, если когда-нибудь эта дорога прорѣжетъ наши горы, такъ это будетъ на нашу гибель. Мы, правда, обогатимся деньгами, но мы обѣднѣемъ всѣмъ остальнымъ. Слушайте, я вамъ скажу, что тогда будетъ: во-первыхъ, наши горы уже будутъ не наши. Вмѣсто того, чтобы случайно встрѣчать праздныхъ горожанъ, которые ѣдятъ, пьютъ, спятъ, не принося никакой пользы, которые останавливаются передъ скалами, деревьями, долинами, разсуждая и жестикулируя какъ помѣшанные, мы увидимъ, что они нахлынутъ сюда толпою, разсыпятся по нашимъ деревнямъ, какъ чужеядныя насѣкомыя, съѣдятъ, выпьютъ все, что найдутъ лучшаго: все вздорожаетъ! Курица будетъ стоить, вмѣсто десяти су, пять франковъ. Къ чему намъ послужитъ тогда имѣть вдесятеро больше денегъ, когда эти деньги будутъ цѣниться вдесятеро менѣе? А между тѣмъ нашъ скотъ, наша зелень, нашъ лѣсъ уйдутъ отъ насъ. Насъ находятъ жалкими теперь, но мы будемъ дѣйствительно жалкими только тогда, съ карманами, полными денегъ—намъ придется все покупать, а деньги уходятъ быстро! Но пусть бы еще только край обѣднѣлъ,—бѣднымъ тяжело только съ богатыми,—а то у насъ поселятся тысячи праздношатающихся, которые принесутъ съ собою въ наши горы свою глупость, свои пороки, нравы. Они будутъ смѣяться надъ нашими старинными обычаями, входить въ церковь со шляпою на головѣ, смотрѣть на святыхъ, пожимая плечами, обольщать нашихъ дочерей, хозяйничать у насъ! Намъ придется жить, какъ они, смѣяться, какъ они, говорить, поступать, какъ они: носить остроконечныя бороды, осмѣивать честныхъ прихожанъ, кричать, повелѣвать, быть наглыми со слабыми и пресмыкаться предъ сильными.

Ступайте въ гостиницу «Лебедь»: вы увидите образецъ этого отродья. Они пришли проводить эту дорогу, у нихъ есть деньги, и дядя Баумгартенъ кланяется имъ въ поясъ! Постойте, я не кончилъ; положимъ, что у насъ будутъ деньги: но проживемъ ли мы отъ этого долѣе? Будемъ ли ѣсть болѣе трехъ разъ въ сутки? Будемъ-ли лучше спать? Нѣтъ, намъ захочется быть еще богаче. Тогда явятся экзекуторы, судьи, жандармы, усмирять это гнѣздо разбойниковъ, такъ какъ мы всѣ сдѣлаемся разбойниками, ни во что не вѣрующими, ничего не уважающими.

Дядя Даніэль, надѣвшій, въ присутствіи мэра, свою треугольную шляпу и надвинувшій ее на глаза, вдругъ снялъ ее съ торжественнымъ видомъ и продолжалъ:

— Вотъ что увидятъ наши дѣти, если устроится эта желѣзная дорога. А мы покажемся имъ тогда старыми дураками, проникнутыми предразсудками варварства, уважающими Бога и святыхъ, почитающими старость, трудящимися цѣлую недѣлю ради насущнаго хлѣба, отдыхая по воскресеньямъ въ церкви, внимая слову Божію, словомъ—существами, прозябающими въ своихъ теплицахъ со всѣмъ фанатизмомъ и невѣжествомъ XIII вѣка, какъ выразился сейчасъ г. мэръ.

Дядя Даніэль, блѣдный какъ мертвецъ, умолкъ на минуту.

Въ залѣ была такая тишина, что можно было услышать полетъ мухи.

Старый кузнецъ, казалось, собирался съ мыслями, потомъ вдругъ размахнулъ руками и вскричалъ восторженнымъ тономъ:

— О! Зачѣмъ не дано мнѣ орлиныхъ крыльевъ и голоса потока? Я взлетѣлъ бы подъ облака, и слова мои раскатились бы громомъ по всѣмъ деревнямъ. Я сказалъ бы: «Берегитесь, дѣти! Къ вашимъ горамъ приближается духъ тьмы; онъ крадется, какъ змѣй, въ ваши долины. Пока васъ еще охраняютъ тѣни вашихъ господъ и вашихъ отцовъ, то берегитесь! День совращенія близокъ, драконъ о семи главахъ уже свищетъ!

— Если у васъ нѣтъ твердости противиться ему, если вы не возьметесь за ломъ и лопату, чтобы уничтожить его подземные ходы, то горе вамъ! Вы погибнете! Что касается до Даніэля Рока, то онъ исполнитъ свой долгъ. Онъ требуетъ, чтобы въ протоколъ засѣданія вписали, что одинъ изъ горныхъ жителей,

членъ древнѣйшей фамиліи въ селѣ, противится желѣзной дорогѣ. Все равно, будутъ ли колеса вертѣться сами собой, или лошадьми, но онъ не позволяетъ проѣзжать по его полямъ, и не будетъ орудіемъ этого беззаконнаго дѣла.

Сказавъ это, дядя Рокъ важно сѣлъ.

— Вашъ протестъ безполезенъ, г. Рокъ, — возразилъ ему мэръ: — правительство рѣшилось провести желѣзную дорогу, и она будетъ проведена. Впрочемъ, гг. члены совѣта очень хорошо понимаютъ, что желѣзная дорога вовсе не драконъ о семи головахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не драконъ, — вскричалъ Кальбъ:—драконъ придетъ только къ концу міра.

— Дядя Даніэль говоритъ это для того, чтобы удержать насъ отъ подписки, — прибавили нѣкоторые изъ членовъ.

— Да, чтобы не дать вамъ подписать вашей гибели!

— Молчите, г. Рокъ!—крикнулъ мэръ съ негодованіемъ.

— Чтобы я молчалъ!..

— Да.

— И этотъ человѣкъ, этотъ выскочка смѣетъ сказать мнѣ: «молчать»!..—заревѣлъ кузнецъ.

Онъ готовъ былъ броситься, съ бѣшенствомъ льва, на Захарія Пипера, но Бенедумъ схватилъ его поперекъ тѣла.

— Даніэль! Даніэль! Что ты дѣлаешь?

— Пусти, Францъ, пусти, я его разорву!—кричалъ старикъ.

— Нѣтъ, не пущу...

— Францъ! Берегись! Пусти!

— Нѣтъ, ты въ бѣшенствѣ, ты не понимаешь, что дѣлаешь.

— Я не понимаю!.. Такъ я не правъ?

— Да, разумѣется, какъ же ты хочешь, чтобы мы отказались отъ нашего счастья?

Эти слова странно подѣйствовали на стараго кузнеца: онъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ и сказалъ:

— А, хорошо, пусти меня... Я ничего не сдѣлаю ему... Такъ ты хочешь разбогатѣть? Ну, хорошо, богатѣй, но не обращайся ко мнѣ болѣе ни съ единымъ словомъ: между нами все кончено!

Онъ взялъ свою треуголку и медленно вышелъ.

Всѣ члены совѣта подписались.

— Благодарю васъ за то, что заступились, г. Бенедумъ,—

сказалъ мэръ.—Надо исключить этого опаснаго человѣка, онъ способенъ опять придти сюда буянить.

— Не нужно, г. мэръ, онъ не придетъ; я его знаю!—грустно сказалъ старый мельникъ Бенедумъ.

— Все равно, надо исключить для порядка. Подадимъ голоса.

Дядю Даніэля исключили.

Въ эту минуту онъ переходилъ мостъ противъ кузницы.

Францъ Бенедумъ увидѣлъ въ окно, какъ онъ торжественно поднялъ руки, будто проклиная весь свѣтъ и всю деревню. Это было ужасно!

VIII.

Сердце дяди Даніэля сжималось въ тискахъ. Послѣ того, что произошло въ муниципальномъ совѣтѣ, онъ потерялъ вѣру въ своихъ старыхъ друзей, во всю деревню; но онъ вѣрилъ въ самого себя, онъ чувствовалъ въ себѣ непреодолимую силу. Придя домой, онъ нашелъ Терезу, грустно сидѣвшую за столомъ, такъ какъ погода омрачилась и грозила бурей.

— Гдѣ твои братья, Тереза?—спросилъ онъ.

— Они пошли играть въ кегли къ сосѣду Ремеру,—отвѣтила она.

— Поди за ними, скажи, что я ихъ жду.

Тереза ушла, а старикъ сѣлъ въ большое кресло, въ которое садился обыкновенно отецъ Никлосъ, слушая лѣтописи. Дядя Рокъ снялъ свою широкополую поярковую шляпу и погрузился въ глубокую думу.

Вскорѣ пришли сыновья; они были безъ камзоловъ, съ открытой грудью, съ лицами, оживленными игрою. Старикъ, любуясь ихъ широкими плечами, подумалъ: «Нѣтъ, родъ Рока еще не выродился... бѣда тѣмъ, кто къ нему прикоснется!»

— Сядьте, дѣти, — прибавилъ онъ спокойнѣе, — намъ нужно посовѣтоваться. А ты, Тереза, можешь уйти; у насъ дѣла серьезныя, не для женщинъ.

Тереза вышла въ кухню.

Сыновья кузнеца крайне удивились такому вступленію. Даніэль Рокъ никогда ни съ кѣмъ не совѣтовался; онъ дѣлалъ все по своему и сердился за малѣйшее замѣчаніе; а теперь онъ вдругъ требовалъ ихъ совѣта; какъ было не удивиться? Даніэль Рокъ понялъ ихъ мысль и сказалъ:

— Вашему отцу нужны совѣты... Вы мужчины... Къ кому же ему обратиться, какъ не къ собственнымъ дѣтямъ?.. У насъ одна жизнь, одни интересы; сядьте и выслушайте меня.

Они сѣли, и дядя Даніэль принялся описывать имъ засѣданіе муниципальнаго совѣта, разсказывая имъ все по порядку, припоминая каждое слово и ничего не скрывая; но голосъ его дрожалъ, кровь его все еще замѣтно волновалась отъ оскорбленія, нанесеннаго ему мэромъ.

Сыновья жадно слушали его, дивясь дерзости Захарія Пипера, измѣнѣ Бенедума и присутствію духа ихъ отца въ этихъ бурныхъ обстоятельствахъ.

— Такъ вотъ какъ,—заключилъ дядя Рокъ.

— Даніэль Рокъ, послѣдній представитель древнѣйшей изъ нашихъ горныхъ фамилій, единственный, чьи предки разрабатывали эти лѣса, Даніэль Рокъ, сохранившій старинные нравы и обычаи древняго и почтеннаго рода, принужденъ молчать передъ Захаріемъ Пиперомъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ, передъ выскочкой, прикидывающимся важнымъ господиномъ, въ очкахъ и съ часами, который столько же заботится о нашей сторонѣ, какъ о нижнемъ Эльзасѣ, или о Лотарингіи! Ему бы только получить теплое мѣстечко; до остального ему мало дѣла. Этотъ человѣкъ посмѣлъ мнѣ сказать: «молчи, Даніэль Рокъ!» и я долженъ молчать, и всѣ мои старые сосѣди, Димеръ, Кальбъ и Бенедумъ, оправдываютъ его, не даютъ мнѣ проучить его и кричатъ: «берегись, дядя Даніэль!», какъ будто дѣло идетъ о Богѣ. Они всѣ одобряютъ его, уважаютъ, кланяются ему, потому что онъ обѣщаетъ имъ деньги, выгоды, предлагаетъ имъ средства сбывать ихъ лѣсъ и ихъ скотъ. Деньги—все; честь и старинные нравы—ничто! Даніэля Рока выпроваживаютъ изъ совѣта и думаютъ, что этимъ все кончилось!..

Старый кузнецъ на минуту умолкъ; его костлявое лицо приняло страшное выраженіе, еще болѣе страшное потому, что лицо оставалось спокойнымъ и блѣднымъ, его дрожащія губы исказились подъ большимъ крючковатымъ носомъ странною улыбкою.

— И думаютъ, что все кончено!—повторилъ онъ медленно.—Такъ нѣтъ же, ошибаются! Даніэль Рокъ ушелъ изъ совѣта, это правда, но онъ стоитъ на горѣ; гора принадлежитъ ему. Вотъ зачѣмъ пришелъ сюда старый еврей покупать развалины и кустарникъ, за тѣмъ, что здѣсь пройдетъ желѣзная до-

рота. Эліасъ не броситъ своихъ денегъ въ окно. Но на горѣ стоитъ Даніэль Рокъ съ молотомъ на плечѣ; бѣда тому, кто подступитъ! Бѣда тѣмъ, кто первые перейдутъ ровъ! Помилуй Богъ ихъ души! Славная будетъ битва... Одна изъ тѣхъ битвъ, какія описаны въ нашихъ лѣтописяхъ! Ха, ха, ха!.. Пусть и ее опишутъ тѣ, кто придетъ послѣ насъ! Дядя Даніэль падетъ: онъ долженъ пасть... Но онъ заставитъ глотать пыль не одного разбойника прежде, чѣмъ самъ приметъ смертельный ударъ.

Старикъ опьянился своими словами; онъ улыбался, глаза его блестѣли. Старый орелъ, готовый броситься на добычу, не бываетъ болѣе счастливъ и доволенъ. Сыновья глядѣли на него съ удивленіемъ; его кровожадное увлеченіе отражалось и на ихъ энергическихъ лицахъ.

— Вотъ что я рѣшилъ,—сказалъ спокойнѣе дядя Даніэль:—я не пойду къ нимъ навстрѣчу, а буду ждать ихъ: вы, дѣло иное; вы молоды, трудолюбивы, передъ вами еще долгая жизнь... Что до меня, то мнѣ уже надоѣлъ этотъ новый міръ, эти пигмеи, предписывающіе намъ законы, стѣсняющіе насъ все болѣе и болѣе, управляя нами посредствомъ лживыхъ, лицемѣрныхъ бумагъ. Позабудьте старыя лѣтописи и великія мысли, которыя гнетутъ и рвутъ мое сердце... Онѣ еще не укоренились въ васъ... Вы проживете и безъ нихъ. Эта желѣзная дорога потребуетъ много рабочихъ рукъ... Ну вотъ, примиритесь съ этимъ, или ищите счастія въ другомъ мѣстѣ. Кузница, домъ, земля, мебель, серебро,—все это ваше, все, кромѣ развалинъ... Возьмите все и ступайте! Богатство и счастье любятъ молодость... Обнимемся и оставьте меня одного.

Молодые люди почувствовали, при этихъ словахъ, что грудь ихъ надрывается рыданіями.

— Вы гоните насъ!—вскричалъ Христіанъ прерывающимся голосомъ.

— Чѣмъ мы заслужили, чтобы насъ прогнали?—спросилъ Касперъ.

— Я гоню васъ, дѣти мои!—произнесъ дядя Даніэль разстроеннымъ голосомъ.—Совсѣмъ нѣтъ, я хочу только, чтобы вы жили; подумайте, вѣдь мы будемъ одни противъ всѣхъ, противъ всей общины, противъ адвокатовъ, судей, жандармовъ. Подумайте, если мы перебьемъ ихъ десять, двадцать, пятьдесятъ человѣкъ, все же это ничего не будетъ значить. Взгляните на

дубы подъ топоромъ дровосѣка... долго они противятся, но, наконецъ, падаютъ... Надо пасть!.. Мнѣ васъ гнать! О, нѣтъ, я хочу только спасти васъ.

— А мы не хотимъ, чтобы насъ спасали,—хладнокровно сказалъ Касперъ:—мы хотимъ драться вмѣстѣ съ вами.

— Да, мы умремъ вмѣстѣ съ вами,—сказалъ Христіанъ:—мы думаемъ, какъ вы, мы раздѣляемъ всѣ ваши понятія. Не подлецы ли мы будемъ, если покинемъ васъ одного?.. Скорѣе тысячу разъ умереть, чѣмъ сдѣлать это.

— Хорошо,—сказалъ дядя Даніэль тихимъ отъ волненія голосомъ. Изъ его сѣрыхъ глазъ выступили слезы.

— Вы правы, лучше умереть вмѣстѣ.

Онъ протянулъ руки.

— Обнимемся и порѣшимъ все.

Они обнялись.

Лицо старика было очень блѣдно; лица молодыхъ людей выражали спокойную и непреклонную рѣшимость.

— Одно еще заботитъ меня,—началъ старый кузнецъ:—это Тереза. Какъ она будетъ жить безъ насъ, одинокая, покинутая? Вѣдь теперь она уже не можетъ быть женою Людвига.

Въ ту минуту, какъ онъ произносилъ эти слова, Тереза, бѣлая, какъ статуя, но твердая и спокойная, отворила дверь и, подойдя къ креслу отца, опустилась на колѣни:

— Я все слышала,—сказала она;—не заботьтесь обо мнѣ... ваша дочь будетъ съ вами; она не можетъ сражаться, но можетъ молиться, можетъ сохранить память о васъ, когда васъ не будетъ, можетъ читать старыя лѣтописи, которыя вы такъ любили, и призывать ваши смѣлыя души слушать эти возвышенные разсказы... она никогда не будетъ одинока: вы будете навѣщать ее, какъ навѣщаютъ Фульдроду тѣни нашихъ господъ, тамъ на горѣ, въ развалинахъ; вы будете бесѣдовать со мною о былыхъ временахъ.

Эти слова привели въ восторгъ дядю Даніэля.

Спустя минуту онъ нагнулся къ дочери и сказалъ, прижимая ее къ груди:

— Какъ хорошо, Тереза, какъ хорошо то, что ты сказала!.. Да, кровь фамиліи Рокъ, этого славнаго рода кузнецовъ и оружейниковъ, о которомъ говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, сохранилась во всѣхъ насъ. Но, вѣдь, на тебя, бѣдное дитя мое,

обрушится вся тяжесть нашихъ бѣдствій. Смерть ничего; храбрый человѣкъ не видитъ ея, она прячется отъ него; но жизнь, жизнь среди чужихъ людей, особенно жизнь женщины, безъ покровителя, безъ опоры—вотъ, что страшно! Вотъ что заставляетъ меня страдать за тебя, Тереза! И ты рѣшаешься забыть Людвига, котораго ты любишь и который любитъ тебя?

— О, да. я люблю его! Но я люблю еще больше честь моей фамиліи и, въ особенности, свой долгъ!

Лицо дяди Даніэля озарилось гордостью.

— Вы считаете себя смѣлыми,—обратился онъ къ сыновьямъ,— а взгляните на вашу сестру, она еще смѣлѣе! Она добродѣтельнѣе всѣхъ насъ. Вотъ моя гордость! Да, она права. Кровь Роковъ и Бенедумовъ не должна смѣшиваться. Я презираю этого Бенедума, который думаетъ только о своей выгодѣ.

Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ грустно прибавилъ:

— Однако, Людвигъ, хорошій малый; мнѣ жаль сказать ему: кончено, ступай прочь!

Тереза опустилась на грудь старика и тихо зарыдала; ея бѣлая шея, покрыта густыми, черными локонами, тихо вздрагивала. Братья глядѣли на нее съ невыразимымъ состраданіемъ.

— Я сама скажу ему это, батюшка,—прошептала она въ отвѣтъ на послѣднія слова отца:- вы немного жестки, вы можете огорчить его, задѣвъ его семью; лучше я сама поговорю съ нимъ.

Эта черта любви до такой степени тронула старика, что онъ вышелъ и заплакалъ.

Возвратясь, онъ былъ уже спокойнѣе.

Время обѣда уже давно прошло, и семейство сѣло за столъ. Тереза прочла «Benedicite» и вышла за кушаньемъ. Глядя на важныя и спокойныя, по обыкновенію, лица стараго кузнеца и его сыновей, можно было подумать, что въ семьѣ не произошло ничего необыкновеннаго.

IX.

Пока все это происходило у дяди Даніэля Рока, половина деревни стояла передъ гостиницею «Лебедя».

Изъ гостиницы слышались пѣніе, смѣхъ, крики; по коридору бѣгали служанки, пронося корзины съ виномъ и со всякими съѣстными припасами: жаркими, окороками, колбасами,

сосисками, «кухельгофами», пирогами со сливами, сыромъ и проч.

Можно было подумать, что инженеры желѣзной дороги желали все поѣсть въ одинъ день: валтасаровъ пиръ былъ ничто въ сравненіи!

Въ отворенныя окна можно было видѣть этихъ господъ: одни изъ нихъ стояли со стаканами въ рукахъ и кричали:

— За здоровье Жюльеты!

— За здоровье Шарлоты!

— За здоровье Мальвины!

Другіе сидѣли, развалясь и спустивъ руки, отдувались, но не переставали пѣть: они говорили всѣ разомъ, жалуясь, что мало вина: что въ этой жалкой странѣ нельзя добыть среди лѣта мороженаго; что у служанокъ красныя уши: что хозяинъ гостиницы оселъ, а кухарка — отравительница—словомъ, они ничего не находили по вкусу, что не мѣшало каждому пить и ѣсть за четверыхъ.

А толпа передъ домомъ стояла и дивилась. По временамъ кто-нибудь изъ пріѣзжихъ, съ жирной бородой, съ мокрыми усами, подходилъ къ окну и смѣялся прямо въ глаза толпѣ.

— О, ротозѣи! ха! ха! ха! Кипріанъ! Фрагонаръ! Посмотрите на этихъ увальней, нюхающихъ запахъ нашего жаркого!

Они дѣлали странные жесты и опять уходили къ столу, а на мѣсто ихъ подходили другіе, съ красными лицами, съ заплывшими глазами... пиръ продолжался.

Все это казалось до того необыкновеннымъ въ деревнѣ, что даже старыя кумушки сознавались, что онѣ отъ роду не видывали подобныхъ вещей и торопились уводить по домамъ своихъ дочерей, которымъ хотѣлось остаться на улицѣ; отецъ Никлосъ, узнавъ, какія рѣчи говорятся въ гостиницѣ «Лебедя», пришелъ въ крайнее смущеніе. Но каково же было смущеніе и удивленіе самого хозяина гостиницы, Баумгартена, его жены Орхель, служанокъ и всего дома!

На счетъ платы, Баумгартенъ былъ спокоенъ; онъ зналъ, что инженеры при желѣзной дорогѣ должны имѣть деньги. Низенькій брюнетъ, г. Орасъ, тотъ самый, который поутру такъ нагло встрѣтилъ взглядъ дяди Даніэля, удержалъ за собою всѣ комнаты въ гостиницѣ: за расплату отвѣчали мѣшки, чемоданы, ящики его товарищей. Впрочемъ, Баумгартенъ видѣлъ, какъ они

чистили себѣ зубы маленькими щетками, лежавшими въ надушенныхъ ящикахъ... значитъ, что господа, настоящіе господа... однако, это не мѣшало дядѣ Баумгартену находить страннымъ, что г. Орасъ, начальникъ инженеровъ, хотѣлъ посадить къ себѣ на колѣни служанку Гретхенъ; а другой, высокій, одноглазый, котораго звали Фрагонаромъ, вставилъ себѣ въ глазъ стеклышко, сморщилъ носъ и дѣлалъ знаки хозяйской дочери Кетель... Наконецъ, что всѣ эти господа уже обращались совершенно фамильярно съ дѣвушками въ домѣ, называя ихъ: «Красавица! Милая! Малютка!» и другими неприличными выраженіями.

Дядѣ Баумгартену очень хотѣлось разсердиться, но онъ не зналъ, какъ за это взяться.

Парижанамъ такое обращеніе казалось столь же естественнымъ, какъ чистить себѣ зубы или ногти.

Тетка Орхель, съ самаго утра не перестававшая чистить куръ и утокъ, валять тѣсто и наблюдать за кастрюлями, не могла отлучиться изъ кухни, не рискуя сжечь всего: но крики служанокъ и смѣхъ пріѣзжихъ приводили ее въ безпокойство.

— Баумгартенъ! Баумгартенъ!—звала она мужа.

— Ну, что?

— Что они дѣлаютъ съ Грехтенъ? Надъ чѣмъ они такъ смѣются?

— Съ ума ты сошла!

— Ладно, съ ума сошла!.. Скажи Кетель, чтобы она пришла сюда. Я не хочу, чтобы она отходила отъ меня.

— Да что ты думаешь, что эти господа съѣдятъ ее что ли?

— Скажи Кетель, чтобы пришла сюда, вотъ она смѣется... позови ее сейчасъ, или я все брошу.

— Ну полно, полно, Орхель, не сердись, сейчасъ позову.

Едва Кетель ушла изъ залы, какъ Фрагонаръ началъ находить вино скверным, кушанье отвратительнымъ; онъ дѣлалъ страшныя гримасы, а дядя Баумгартенъ, съ котораго градомъ катился потъ, не зналъ, какому святому молиться. Онъ проклиналъ этихъ людей, но въ то же время желалъ имѣть ихъ своими гостями; онъ былъ бы въ отчаяніи, если бы они переѣхали изъ его гостиницы въ гостиницу Кальба, его злѣйшаго врага.

Пока бѣдняга бѣгалъ, хлопоталъ, суетился, пробки летѣли, блюда приносились и выносились.

Послѣ обѣда потребовали дессерта, послѣ дессерта кофе, киршъ-вассера, сигаръ; но сигаръ не нашлось ни одной во всей деревнѣ. Нужно было слышать, какими криками и бранью былъ осыпанъ тогда хозяинъ гостиницы.

Къ счастью, у Ораса былъ ящикъ сигаръ. Такимъ образомъ пріѣзжіе принялись курить, положивъ ноги на стулья. Фрагонаръ напѣвалъ какую-то арію. Кипріанъ другую. Послѣ этого гости потребовали дивановъ. Дядя Баумгартенъ не понималъ, что они хотятъ сказать.

Ему растолковали, что это родъ постели, на которой можно протянуться, и честный трактирщикъ, придя въ совершенное негодованіе, выслалъ тотчасъ же изъ комнаты обѣихъ служанокъ. Но гости уже не требовали дивановъ. Дымъ сигаръ расположилъ ихъ къ грусти.

Одинъ изъ нихъ вскричалъ, что онъ въ изгнаніи; другой замѣтилъ, что въ оперѣ опять поставили Вильгельма Телля. Они качались на стульяхъ, задравъ голову, и разсуждали, что безъ музыки жить нельзя, жалуясь, что какой-то Анатоль медлитъ пріѣхать.

Дядя Баумгартенъ предложилъ позвать деревенскаго кларнетиста, Пфифера-Карла, игравшаго на свадьбахъ.

Кипріанъ нашелъ мысль эту превосходною, а Фрагонаръ смѣшною.

Они заспорили, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы споръ кончился, если бы въ эту самую минуту не вошелъ, низко кланяясь, мэръ Захарій въ своемъ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

— Очень радъ, господа, что вы нашли себѣ пріютъ въ этой неблагодарной странѣ... въ этой Сибири, подобной безплоднымъ степямъ Америки.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ все общество громко расхохоталось, крича:

— Господинъ мэръ! Какое счастье! Господинъ мэръ!

Орасъ всталъ и важно подалъ Пиперу стулъ.

— Сдѣлайте намъ честь присядьте, г. мэръ, и выкушайте съ нами чашку кофе,—сказалъ онъ.

— Ахъ, г. инженеръ... вы слишкомъ любезны... слишкомъ много чести для меня!

Однако, онъ сѣлъ и взялъ поданный кофе. Парижане казались очень обрадованными приходомъ мэра. Фрагонаръ громко сожалѣлъ, что г. мэръ не пришелъ пораньше придать своимъ присутствіемъ нѣкоторую торжественность ихъ собранію.

Благодаря за этотъ утонченный комплиментъ, Захарій Пиперъ чуть не опустилъ носъ въ чашку.

— Сожалѣть нужно мнѣ, г. инженеръ. Какая честь для простого, деревенскаго мэра сидѣть за однимъ столомъ со свѣтилами науки, съ людьми привилегированными, какъ по природному генію, такъ и по образованію просвѣщеннаго вѣка... Съ людьми, предназначенными для совершенія національнаго дѣла. Честь съ моей стороны!

Эти краснорѣчивыя слова видимо тронули пріѣзжихъ, и они подумали: «этотъ мэръ человѣкъ краснорѣчивый, достойный нашего уваженія». Кривой Фрагонаръ отвѣчалъ, сдѣлавъ два поклона:

— О, очень пріятно!.. Очень лестно, г. мэръ!.. Ваши слова трогаютъ насъ. Не угодно ли рюмочку кирша?

— Съ большимъ удовольствіемъ, г. инженеръ.

— Но тѣмъ не менѣе,— продолжалъ Пиперъ, вставая:—тѣмъ не менѣе, господа, и на нашей скромной общинной службѣ мы можемъ иногда оказывать важныя услуги обществу и дѣятельно способствовать прогрессу цивилизаціи, хотя и не съ такимъ блескомъ, какъ вы. Не далѣе какъ сегодня...

— Вы сегодня способствовали?..—прервалъ Фрагонаръ.

— Да, господа; не далѣе какъ сегодня я открылъ глаза муниципальному совѣту и принесъ вамъ теперь единодушное утвержденіе проекта желѣзной дороги фельзенбургскими гражданами.

— Какое счастье!—вскричали собесѣдники.—Такъ муниципальный совѣтъ утвердилъ проектъ желѣзной дороги! Это избавляетъ насъ отъ множества хлопотъ.

Сіяющій мэръ разсказалъ страшную рѣчь дяди Даніэля и его неистовства въ концѣ достопамятной сцены, въ которой онъ, Захарій Пиперъ, рисковалъ погибнуть, безъ геройской преданности мельника Бенедума. Всѣ содрогнулись, а Орасъ, припомнивъ вдругъ старика кузнеца, описалъ его наружность, въ красномъ жилетѣ, въ большой треугольной шляпѣ, съ длиннымъ носомъ и съ сѣрыми глазами.

— Онъ самый,—сказалъ Захарій Пиперъ,—мы его исключили.

Кривой Фрагонаръ намѣревался что-то сказать, когда одинъ изъ собесѣдниковъ всталъ взглянуть въ одно и вдругъ радостно вскричалъ:

— Жюльета!

Все собраніе радостно вскрикнуло и бросилось къ окнамъ, махая кто шляпами, кто салфетками.

За столомъ остался одинъ мэръ за своею чашкою кофе. О немъ забыли, но тѣмъ не менѣе, онъ былъ вполнѣ счастливъ и продолжалъ улыбаться.

Большая телѣга, спускавшаяся съ фальсбургской горы и наполненная дамами въ шелковыхъ платьяхъ, привела въ такой восторгъ все общество. Дамы возбуждали общее удивленіе, потому что трудно было представить себѣ что-нибудь милѣе этихъ свѣжихъ, розовыхъ, улыбающихся созданій. Всѣ встрѣчные снимали передъ ними шляпы и кланялись въ поясъ. И эти прелестныя, граціозныя, нѣжныя существа сидѣли на связкахъ соломы на длинной телѣгѣ, простого мѣстнаго издѣлія! На козлахъ сидѣлъ ямщикъ въ блузѣ, погонявшій двухъ тощихъ клячъ. Нельзя было не удивляться этимъ парижанкамъ, зная, что такое была фельзенбургская дорога въ эти времена—дорога песчаная, каменистая, изрѣзанная скалами, ямами, ухабами и лежавшая у самаго обрыва. Черныя ели, простиравшія надъ дорогою длинныя вѣтви, внизу бездна, въ переспективѣ густые лѣса, бѣдное селеніе, темныя долины, открывающіяся между горъ, развалины на скалахъ—все это, дѣйствительно, казалось страною дикихъ, какъ выразился мэръ.

Какое зрѣлище, какой путь для бѣдныхъ женщинъ, такихъ бѣленькихъ, граціозныхъ, легкихъ и хорошенькихъ, что такъ бы взялъ, да и понесъ ихъ на рукахъ!.. Какая отвратительная гостиница, въ сравненіи съ прекрасными дамами и съ веселою жизнью, которую онѣ оставили за собою! Но ничто не испугало ихъ: онѣ перешли бы горы въ тонкихъ башмачкахъ, чтобъ увидѣть своего Ораса, своего Кипріана, своего Фрагонара.

Вотъ онѣ спускаются съ горы, телѣга увязаетъ въ зыбкомъ пескѣ. Жюльета, вся въ голубомъ, стоитъ на передкѣ и дѣлаетъ знаки Кипріану, который приподнимаетъ свою фуражку. Позади Жюльеты высокая брюнетка Мальвина ѣдетъ

стоя, несмотря на толчки, и, опершись руками на плечи ямщика, отвѣчаетъ на восторги кривого Фрагонара, который машетъ ей салфеткой. Еще одна женщина, совершенно блѣдная, съ черными волосами, съ прямыми бровями, бѣлая какъ снѣгъ, улыбается Орасу губами, осѣненными тонкими усиками. Это прелестная Діана въ простомъ бѣломъ платьѣ, съ руками, обнаженными до локтей; телѣга наклоняется... Діана спокойно смотритъ въ бездну.

Позади сидитъ цѣлое гнѣздо веселыхъ субретокъ, которыхъ болтовня слышится издали. Между ними сидѣть низенькій бѣлокурый господинъ въ нанковой парѣ, съ тройнымъ подбородкомъ, ушедшимъ въ бѣлый галстухъ, въ широкомъ жабо, съ лицомъ, нѣсколько утомленнымъ, но свѣжимъ, съ голубыми глазами и розовымъ ртомъ-сердечкомъ Это Анатоль, секретарь и другъ Ораса.

Всѣ обитатели гостиницы «Лебедь» выбѣжали навстрѣчу къ телѣгѣ, которая подъѣзжала, переваливаясь съ боку на бокъ. Орасъ поспѣлъ первый и, пожавъ руку Діанѣ, обратился къ низенькому господину:

— Милый Анатоль, какое самопожертвованіе! Я узнаю васъ въ этомъ.

— Чего я не сдѣлаю для васъ, милый другъ, и для этихъ дамъ?—сказалъ Анатоль, отдуваясь.—Онѣ удивили меня своею смѣлостью... фу, мочи нѣтъ, какъ усталъ!..

Онъ махалъ себѣ въ лицо бѣлымъ платкомъ. Остальные инженеры также подошли къ телѣгѣ, и тутъ поднялся общій крикъ:

— Жюльета!

— Мальвина!

— Кипріанъ!

— Фрагонаръ!

Всѣ говорили разомъ, протягивали другъ другу руки... парижанки готовы были спрыгнуть съ телѣги, наконецъ телѣга остановилась передъ гостиницей; каждый изъ молодыхъ людей подхватилъ, какъ перышко, по одной изъ пріѣзжихъ и понесъ въ залъ съ сумасшедшимъ хохотомъ.

Въ одинъ мигъ Анатоль остался одинъ на телѣгѣ, обводя неопредѣленнымъ взглядомъ собравшуюся вокругъ толпу. Наконецъ, онъ сдѣлалъ знакъ Баумгартену, стоявшему у двери:

— Г-нъ хозяинъ,—сказалъ онъ,—будьте такъ добры, помогите мнѣ сойти, я совсѣмъ изнемогъ!

Баумгартенъ побѣжалъ къ телѣгѣ, и низенькій господинъ, сойдя съ нея, старательно счистилъ солому, приставшую къ его одеждѣ, обмахнулъ носовымъ платкомъ башмаки и осмотрѣлъ свои бѣлые чулки, изъ подъ которыхъ проглядывала розовая, полная нога. Прокашлявшись и пріосанившись, Анатоль взошелъ по лѣстницѣ въ гостиницу.

X.

Предсказанія Даніэля Рока начинали сбываться: старинная фельзенбургская земля, на которой столько вѣковъ царствовали тишина и уединеніе, искренняя вѣра, уваженіе къ преданіямъ и къ старымъ обычаямъ, завѣщаннымъ мудрыми предками,—этотъ старинный пріютъ покоя и мира начиналъ перевертываться вверхъ дномъ.

По пріѣздѣ парижанокъ, общій восторгъ не зналъ болѣе границъ: въ продолженіе цѣлаго часа слышны были только пѣніе, крики, танцы, прыганье, стукъ падающихъ стульевъ, звонъ стакановъ, дребезжанье стеколъ. Весь домъ дрожалъ. Пріѣзжія дамы пошвыряли свои шляпки на горшки съ цвѣтами, стоявшими на окнахъ, свои шали на спинки стульевъ и, танцуя, понеслись въ залъ. Странное дѣло! Мэръ Захарій Пинеръ смѣялся, глядя на все это, и спокойно стоялъ у дверей въ кухню, съ выраженіемъ удовольствія въ круглыхъ глазахъ и на плоскомъ лицѣ, тогда какъ Баумгартенъ стоялъ на порогѣ своего дома съ крайне огорченнымъ видомъ; а тетка Орхель, у отдушины кухни, воздѣвала къ небу руки, крича:

— Іисусъ! Марія! Іисусъ! Марія! Что съ нами будетъ! Что дѣлаютъ эти люди, называющіе насъ дикими? Ахъ, Боже мой! Да если такъ простоитъ недѣлю, такъ мы погибнемъ... Домъ непремѣнно обрушится!

Однако, спустя часъ, въ домѣ стало спокойнѣе. Пріѣзжія дамочки, счастливыя, какъ царицы, подошли къ окнамъ подышать чистымъ воздухомъ. Смеркалось... Но тишина длилась не долго; снова послышались крики:

— Огня!

Потомъ спустя минуту:

— Шампанскаго! Шампанскаго!

По столу забарабанили ножами.

Дядя Баумгартенъ зажегъ мѣдную лампу о семи рожкахъ и вошелъ съ нею въ комнату.

Пріѣзжія дамы сидѣли вокругъ стола съ обнаженными шеями и весело курили бумажки, барабаня по столу рукоятками ножей и крича хоромъ:

— Шампанскаго! Шампанскаго! Шампанскаго!

Хозяинъ гостиницы, блѣднѣя, подошелъ къ Орасу и шепнулъ ему на ухо, что въ Фельзенбургѣ нѣтъ шампанскаго и никогда не бывало. Орасъ пришелъ въ ярость, вскочилъ со стула и, сложивъ руки, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Такъ у васъ ничего нѣтъ? Ни мороженаго, ни дивановъ, ни сигаръ, ни шампанскаго! Ничего, ничего, ничего!

— Я далъ вамъ все, что у меня было,—отвѣчалъ Баумгартенъ.—Если вамъ мало этого, такъ Богъ съ вами, ступайте къ моему сосѣду Кальбу. Я не привыкъ къ такому шуму.

— А! Вы не привыкли, милостивый государь?.. Такъ послушайте лучшаго. Привести кларнетъ!

— Да, да, кларнетъ, мы хотимъ танцовать!

И пріѣзжія дамы, за минуту такія спокойныя, принялись скакать, топать ногами, крича:

— Шампанскаго! Шампанскаго!

— Господинъ мэръ, — закричалъ Баугартенъ, — уймите этихъ людей!

Но Захарій Пиперъ былъ далекъ отъ этого и сердито отвѣтилъ:

— Вы не правы! Вы должны имѣть шампанское. Что за гостиница, въ которой нѣтъ шампанскаго? Это срамъ, позоръ! Ступайте вонъ, вы позорите край! Я составлю обвинительный актъ противъ васъ.

Мэръ пришелъ въ такое негодованіе, что самъ Орасъ попросилъ его не составлять обвинительнаго акта.

— Хорошо, я не сдѣлаю этого,—вскричалъ онъ:—но единственно изъ уваженія къ господину инженеру и къ этимъ дамамъ, которымъ пришлось бы ждать въ Сарбургѣ для показаній по этому грязному дѣлу. Но если завтра же не будетъ шампанскаго, то горе вамъ, Баумгартенъ! Люди пріѣзжаютъ сюда съ тѣмъ, чтобы осчастливить страну, приносятъ намъ плоды про-

священія... люди честные, особы, внушающіе уваженіе деликатностью своего пола и ума—и вы говорите имъ въ лицо, что у васъ нѣтъ шампанскаго, и посылаете ихъ за нимъ въ другое мѣсто!.. Что можетъ быть нелѣпѣе, что можетъ быть хуже этого! Вы должны бы краснѣть отъ стыда!

Мэръ говорилъ все это съ благороднымъ негодованіемъ.

Онъ правъ, этотъ мэръ, разсуждали между собою парижскія дамы... Онъ говоритъ основательно... Мы привезли цивилизацію въ дикую страну, мы благодѣтели этого края. Здѣсь должно бы быть все приготовлено къ нашему пріему, а намъ отказываютъ въ шампанскомъ! И Баумгартена уничтожали взглядами справедливаго презрѣнія. Онъ ушелъ, убѣжденный, что онъ виноватъ, что эти господа имѣютъ право сердиться на него. Разумѣется, уходъ его не прекратилъ шума, который разносился по горѣ. Никогда фельзенбургское эхо не отвѣчало на такіе крики. По столу катились стаканы, бутылки, ножи. Дамы, видя, что мэръ принялъ ихъ сторону, требовали шампанскаго во что бы то ни стало. Фрагонаръ, Орасъ, Кипріанъ ушли одинъ за другимъ изъ комнаты, затыкали уши. Среди этого шума послышался крикъ осла. Всѣ на минуту умолкли, потомъ разразились страшнымъ хохотомъ.

— Кстати,—вскричала Жюльета,—только этого не доставало въ оркестрѣ!

— Великолѣпный басъ,—замѣтилъ Анатоль.

Оселъ приближался, но вскорѣ замолчалъ.

— Какъ жаль!—сказала Мальвина.

— Ну, давай, смѣлѣе! Шампанскаго!—крикнула Жюльета.

— Вотъ оно, вотъ оно!—отвѣтилъ съ улицы гнусливый голосъ.—Хе, хе, хе!

Всѣ съ удивленіемъ повернулись къ окну. Въ комнату вошелъ старый, сгорбленный, сѣдой, но все еще вертлявый дядя Эліасъ Блумъ съ блестящими глазами и съ горбатымъ носомъ; онъ несъ въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ съ длинной серебристой шеей.

— Вотъ шампанское!—вскричала Жюльета.—Надо только показать характеръ, все будетъ.

Парижанки встали и протянули руки, крича:

— Сюда, сюда! О, милый человѣкъ, о, добрый человѣкъ!

Онѣ принялись цѣловать въ обѣ щеки низенькаго Эліаса, который смѣялся и вертѣлся среди нихъ, гнуся:

— Хе, хе, хе! Я зналъ это... я зналъ, что эти дамы меня примутъ... Ангельчики!.. Хе, хе, хе!

Въ ту же минуту вошла Грехтенъ, неся на подносѣ блестящіе бокалы. Эліасъ ничего не забылъ.

Горлышки двухъ бутылокъ тотчасъ отскочили, одну держалъ Фрагонаръ, другую Орасъ, къ нимъ со всѣхъ сторонъ протянулись бѣлыя руки, и пѣнистое вино заискрилось на розовыхъ губахъ.

— Отлично!—вскричала Мальвина.—Но гдѣ же онъ самъ, маленькій старичекъ?

Эліасъ вышелъ; онъ вернулся, неся еще четыре бутылки, по двѣ подъ каждой рукой. Не берусь описывать, какъ были растроганы всѣ эти дамы, какъ удивились Орасъ, Фрагонаръ, Кипріанъ!.. Опорожнивъ свой бокалъ, Орасъ всталъ изъ-за стола и хотѣлъ посадить Эліаса; но старая лисица была слишкомъ хитра, чтобъ согласиться на это... Онъ зналъ, что во хмѣлю люди милостивы, а протрезвясь, мстительны.

— Никогда, г. инженеръ, никогда!—вскричалъ онъ патетическимъ тономъ.—Я слишкомъ осчастливленъ тѣмъ, что могъ услужить этимъ дамамъ. Я сдѣлалъ, что могъ, но это была моя обязанность. Вы благодѣтели края, вы принесете намъ торговлю, а я люблю торговлю! Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ у меня обливается сердце кровью, когда я бываю въ этихъ горахъ и вижу, что курица стоитъ здѣсь двѣнадцать су вмѣсто сорока, теснина десять су вмѣсто двадцати, а дерево на корню стоитъ только труда срубить его и надѣлать изъ него полѣнъ. Сколько денегъ теряютъ эти бѣдные люди! думалъ я... Ахъ, еслибъ дороги! Ахъ, если бы эти дубы были въ Парижѣ! Если бы эти быки, коровы, бараны шли на рынокъ въ Пуасси! Какое бы богатство, какое бы богатство! Неужели же никогда не будетъ средствъ транспорта? Вы пріѣхали, гг. инженеры, сдѣлать то, о чемъ бѣдный Эліасъ мечтаетъ уже пятьдесятъ лѣтъ, а эти милыя дамочки пріѣхали съ тѣмъ, чтобъ вамъ было веселѣе... Не трогательно ли это? Нужно имѣть слишкомъ жестокое сердце, чтобъ не привѣтствовать ихъ чѣмъ-нибудь!

Старый еврей говорилъ съ такимъ добродушіемъ, что всѣ

были тронуты его привѣтливостью, Анатоль даже вскочилъ пожать ему руку.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что если вездѣ есть дураки и неучи, за то вездѣ есть также и умные люди, готовые служить прогрессу... Присядьте же подлѣ мэра и выпейте бокалъ вашего шампанскаго.

Эліасъ не могъ болѣе отказываться. Вечеръ продолжался очень долго. Пѣли, смѣялись, восхваляли желѣзную дорогу. Было уже около полночи, когда Фрагонаръ, взявъ лампу о семи рожкахъ, проводилъ съ большими церемоніями мэра Захарія Пипера и еврея Эліаса Блума. Прощаясь, Орасъ сказалъ старому еврею:

— Мы нуждаемся въ самомъ необходимомъ въ этой гостиницѣ; намъ нуженъ толковый человѣкъ, хорошо знающій страну, чтобы помочь намъ добыть все необходимое. Зайдите завтра, мы поговоримъ.

Эліасъ и Захарій Пиперъ, люди прогресса, пошли домой, убаюкиваемые самыми сладкими надеждами. Вся деревня спала. Вскорѣ въ гостиницѣ «Лебедя» потухли всѣ огни.

XI

Слухъ о событіяхъ, ознаменовавшихъ пріѣздъ инженеровъ, разнесся по горѣ съ быстротою молніи. Продавцы зелени, птицъ и скота, почтальоны, контрабандисты, всѣ эти люди, переходящіе изъ Гупы въ Саверну, изъ Гарберха въ Фальсбургъ, разнося съ собою по долинѣ разныя преувеличенныя и пріукрашенныя ими новости, важно разсказывали, что у дяди Баумгартена, въ Фельзенбургѣ, остановилось цѣлое общество пріѣзжихъ, мужчинъ и дамъ, навезшихъ съ собою всякихъ богатствъ, лошадей, платьевъ, серебра; что они проводятъ время въ пирахъ и удовольствіяхъ, не отказывая себѣ ни въ какихъ услажденіяхъ вкуса и обонянія; считаютъ эту долину скорби мѣстомъ радости; никогда не ходятъ на проповѣди отца Никлоса и ни во что не вѣруютъ, кромѣ того, что надо хорошо пить, ѣсть, спать и всячески услаждать свою плоть. Разсказывали еще, что пріѣзжающіе мужчины надѣваютъ свои шитыя серебромъ фуражки и отправляются каждое утро, съ толпою работниковъ, въ лѣса; ставятъ вѣхи, тамъ, сямъ, гдѣ попало, глядятъ въ подзорныя трубы и говорятъ въ присутствіи лѣсныхъ сторожей:

— Это срубить... Здѣсь сдѣлать просѣку... И дровосѣки тотчасъ принимались за дѣло. Самыя большія сосны, самые старые дубы валились одинъ за другимъ, какъ скошенная трава, и никто не знаетъ, что изъ этого выйдетъ; что жены этихъ господъ, бѣлыя, полныя, аппетитныя, въ шелку и золотѣ, проводятъ время въ смѣхѣ, въ танцахъ, въ куреньи папиросъ, въ ѣдѣ, или катаются на ослахъ мельника Бенедума, въ обществѣ какого-то господина Анатоля, который забавляетъ ихъ своимъ воркованьемъ. Разсказывали, что слуги ихъ, подъ управленіемъ еврея Эліаса, рыщутъ по всѣмъ рынкамъ Эльзаса и Лотарингіи, скупая все, что находятъ самого тонкаго между дичью, рыбой и другими припасами; что живые рейнскіе карпы, закупоренные въ маленькихъ боченкахъ, страсбургскіе пироги, колбасы, professorwurst, и даже морскія рыбы, постоянно отправляются къ ихъ мѣстопребыванію на спинахъ людей или муловъ: дядя Эліасъ ѣдетъ рядомъ на своемъ ослѣ Шиммелѣ, лично наблюдая за всѣмъ, безпрестанно сердясь и не находя ничего достаточно свѣжаго и вкуснаго для аппетита особъ, которыхъ онъ называетъ «ангельчиками»! Наконецъ говорили, что по песчаной фельсбургской дорогѣ ѣдутъ обозы съ мебелью, съ такой красивой, богатой и блестящей, что на нее и глядѣть нельзя на солнцѣ; что изъ Парижа нарочно пріѣхалъ какой-то господинъ въ шляпѣ, который оклеиваетъ обоями домъ Баумгартена, развѣшиваетъ зеркала, и что Баумгартенъ получитъ за все это пожизненную пенсію! Вотъ что говорилось по деревнямъ, до самаго графства Дабо, за Сольдатенталемъ и Вукханомъ. По вечерамъ, на посидѣлкахъ, только и рѣчи было, что обо всемъ этомъ. О томъ же толковали и въ полѣ за работой, и повсюду. Начиналъ даже распространяться слухъ о громадныхъ работахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, которыя пройдутъ подъ горами, о мостѣ, который будетъ перекинутъ изъ Саверна въ Шварцвальдъ, гдѣ каждый, предложивъ свои руки, можетъ зарабатывать отъ трехъ до пяти франковъ въ день. Мужчины радовались, но женщины, помня, что къ концу міра придетъ антихристъ обольщать людей золотыми кольцами, серьгами, шелковыми платьями и всякими приманками, высказывали недовѣріе, но тѣмъ не менѣе любопытствовали видѣть то, что происходило въ Фельзенбургѣ.

Въ слѣдующее воскресенье, подъ предлогомъ обѣдни, со всей

горы спускались мужчины, женщины, дѣти, старые и молодые, въ треуголкахъ, въ чепцахъ, въ бумажныхъ колпакахъ, пѣшкомъ и на телѣгахъ. Ихъ было столько, что казалось, будто родъ человѣческій сходился въ долину Іосафатову. Тутъ были старики, не выходившіе лѣтъ пятнадцать изъ своихъ сельскихъ домовъ въ парикахъ съ мышинымъ хвостомъ, въ панталонахъ временъ Людовика XVI, въ зеленыхъ плюшевыхъ камзолахъ съ широкими стальными пуговицами; тутъ были старухи, съ дрожавшими головами, тащившія за собою хвосты платьевъ, купленныхъ при разореніи дома кардинала Ганса Сеппеля во 2 годъ республики единой и нераздѣльной; тутъ были толстощекія дѣти, едва вылупившіяся изъ яйца и державшіяся за юбки матерей; тутъ были еще тысячи всякаго народа въ блузахъ, въ короткихъ сюртукахъ, въ шапкахъ на бекрень, въ треуголкахъ, украшенныхъ плющемъ, въ панталонахъ, запущенныхъ въ сапоги, въ приподнятыхъ платьяхъ, чтобы легче было бѣжать. Тутъ можно было вполнѣ убѣдиться, что нашъ вѣкъ дѣйствительно вѣкъ просвѣщенія и прогресса.

Вся эта безчисленная толпа разсѣялась по Фельзенбургу, наполнила всѣ гостиницы и кабаки въ деревнѣ и по дорогѣ, такъ что пришлось выносить на улицу столы и стулья для угощенья, которое продолжалось до полдня. Подкрѣпившись и видя, что шторы въ гостиницѣ «Лебедя» остаются опущены, толпа принялась кричать, что она желаетъ видѣть инженеровъ и молодыхъ дамъ. Поднялся такой шумъ, что старшины составили совѣтъ, чтобъ выбрать депутацію къ благотворителямъ страны. Выбрали дровосѣка Ганса Бреннера, Карла Дунбаха, бывшаго лѣсного сторожа Никкеля Бенса и двухъ или трехъ другихъ наиболѣе значительныхъ людей въ своихъ деревняхъ. Они медленно и торжественно взошли попарно по лѣстницѣ гостиницы, въ виду всего населенія горы, не перестававшаго кричать:

— Инженеровъ! Молодыхъ дамъ!

Въ эту минуту господа инженеры и ихъ дамы только что кончили завтракъ. Хорошенькія парижанки лежали на широкихъ диванахъ, куря и мечтая, въ то время какъ Анатоль сидѣлъ за фортепьяно и пѣлъ нѣжнымъ голосомъ, покачивая головою, сладкій романсъ.

Старый Карлъ Дунбахъ прислушался у дверей и сказалъ остальнымъ:

— Мы пришли не кстати, надо подождать; они занимаются музыкой.

У бѣдныхъ стариковъ сильно билось сердце при мысли, что они сейчасъ явятся передъ сильными земли. Они тихо совѣщались, не рѣшаясь отворить дверь, когда явился Баумгартенъ, несшій изъ погреба корзинку съ бутылками, и спросилъ ихъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Они объяснили ему, зачѣмъ пришли, и Баумгартенъ, уже освоившійся съ парижанами, сказалъ:

— Хорошо, потерпите немножко, я берусь за это. Видите эти бутылки, каждая изъ нихъ стоитъ семь ливровъ десять су. Это бѣлое вино выписываетъ еврей Эліасъ; оно пѣнится какъ пиво, и когда наши дамы попьютъ его, то дѣлаются очень веселыми. Тогда съ ними можно говорить, тогда ихъ все смѣшитъ. Подождите, войдите сюда въ кладовую, а не то кто-нибудь выйдетъ и увидитъ васъ. Сейчасъ я приду за вами.

Старики спустились по ступенькамъ въ погребъ, но не сошли въ глубину: имъ было стыдно сдѣлать это. Баумгартенъ сдержалъ обѣщаніе. Дамы хохотали отъ всего сердца и просили, чтобы имъ показали депутацію; хозяинъ гостиницы сказалъ, что она въ погребѣ; это ихъ еще болѣе развеселило, такъ что хохотъ слышался съ улицы.

— Ступайте, приведите ихъ,—сказали онѣ.

Старые горцы были, наконецъ, введены въ присутствіе дамъ, которыя приняли важный видъ, принимая ихъ. Тѣмъ не менѣе Никкель Бенсъ изложилъ имъ свое порученіе и одна изъ нихъ, самая хорошенькая, которую звали Жюльетой и у которой были голубые глаза, отвѣтила съ достоинствомъ:

— Если ваши деревенскіе жители такъ желаютъ видѣть насъ, то вы можете передать имъ, что послѣ шампанскаго мы выйдемъ на балконъ, гдѣ каждый можетъ глядѣть на насъ сколько угодно. Не такъ ли, mesdames?

— Разумѣется,—отвѣтили другія.

Инженеры только молча кивнули головой, и старые горцы вышли, махая широкими шляпами и крича радостнымъ голосомъ, что дамы удостоятъ выйти на балконъ и что надо только немножко потерпѣть. Сходя съ лѣстницы, эти добрые люди разсыпались въ неистощимыхъ похвалахъ красотѣ дамъ и вѣжливости господъ инженеровъ, такъ что, когда, спустя полчаса, всѣ

окна большой залы распахнулись и въ нихъ показались парижанки, воздухъ огласился восторженными криками, отозвавшимися по всей долинѣ, и слова пророка сбылись:

«Возрадуемся!.. День свадьбы насталъ!.. Блаженны призванные на свадебный пиръ!

Передъ окнами началось торжественное шествіе. Во главѣ шли Пфиферъ Карлъ, Гансъ Вейкландъ, Диммеръ Тоби, кларнетъ, тромбонъ и охотничій рожокъ. Каждая деревня проходила по очереди подъ окнами, поднявъ руки, опустивъ голову, высоко шагая и крича:

— Да здравствуетъ желѣзная дорога! Да здравствуютъ инженеры! Да здравствуютъ дамы!

Зрѣлище было умилительное. Дѣвушки бросали, проходя, къ подножію стѣны буковыя вѣтви, а красивые мѣстные парни, съ разгорѣвшимися глазами, съ курчавыми волосами и съ жесткой бородой, кричали какъ волки, бросающіеся зимой на лошадей. Было отъ чего прійти въ ужасъ!

Шествіе продолжалось до пяти часовъ, когда дамы, натѣшившись вдоволь всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, ушли обѣдать. Невозможно исчислить, сколько было потреблено въ этотъ великій день поживы для фельзенбургскихъ кабаковъ. Вотъ какимъ образомъ цивилизація проникла въ горы.

XII.

Послѣ торжества цивилизаціи въ Фельзенбургѣ дровосѣки возвратились въ лѣсъ, кумушки возвратились къ своимъ прялкамъ, инженеры къ своимъ занятіямъ, и все пришло къ прежнему спокойствію.

Въ это время молодыя дамы, осмотрѣвъ уже гору и всѣ мѣстныя достопримѣчательности, какъ-то: догсбергскую часовню, развалины Нибека и Гобора, Вальшедскую пещеру и Валарнштальскій стеклянный заводъ, вещи все, конечно, замѣчательныя, но которыя, накопецъ, наскучаютъ,—въ это время, повторяю я, милыя дамы начинали скучать, съ сожалѣніемъ вспоминая о Парижѣ... ежедневно зѣвая и повторяя:

— Ахъ! Какъ эта жизнь однообразна!.. Господи... Господи... Что мы будемъ сегодня дѣлать?

Видя это, Эліасъ, подстерегавшій малѣйшее ихъ желаніе и старавшійся изобрѣсти каждый день какое-нибудь новое

удовольствіе, чтобъ повеселить этихъ милыхъ женщинъ, Эліасъ сказалъ имъ, улыбаясь:

— Дорогія мои голубки, вамъ надоѣли лѣса... потоки и развалины... Вы зѣваете и вздыхаете? Это меня не удивляетъ... Люди съ вашими характерами должны любить перемѣны... Когда видимъ все горы... горы да горы... это наконецъ надоѣдаетъ!.. Но позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы еще тутъ не все осмотрѣли и что въ нашей странѣ есть рѣдкость, болѣе любопытная, чѣмъ всякія капеллы... Вещь, дѣйствительно, единственная, которую я хранилъ для вашего развлеченія и удовольствія, когда все остальное вамъ надоѣстъ.

И когда молодыя дамы, лежа на своихъ диванахъ, съ любопытствомъ поглядѣли на него, то Эліасъ началъ лукаво смѣяться и подмигивать глазами.

— Что же это такое?—спросила Жюльета.

Тогда старый еврей, приподнявъ занавѣску, показалъ своимъ скорченнымъ пальцемъ на большую Фельзенбургскую башню и сказалъ съ таинственнымъ тономъ, понизивъ голосъ:

— Посмотрите, тамъ наверху, въ этомъ совиномъ гнѣздѣ, посреди тернія и развалинъ, живетъ старая колдунья!

Онъ пожалъ плечами и сложилъ руки.

— Не васъ, мои дорогія сударыни, воспитанныхъ въ большомъ свѣтѣ и знающихъ все, можно увѣрить, что существуетъ колдунья... Но здѣшніе этому вѣрятъ. Это просто старуха... Но такая старая... Такая старая... что я, Эліасъ, сравнительно съ нею все равно какъ семилѣтній или восьмилѣтній ребенокъ передъ Маѳусаиломъ. Старуху эту зовутъ Фульдродою, она живетъ съ двумя козами, молокомъ которыхъ питается, и занимается гаданьемъ!

Дамы сдѣлались очень внимательны; Діана, Мальвина и Жюльетта поглядѣли другъ на друга и нѣсколько оживились. Обрадованный Эліасъ продолжалъ:

— Предлагаю вамъ съѣздить къ этой старухѣ, которая позабавитъ васъ... Она бормочетъ какія-то иностранныя слова, говоритъ о старыхъ временахъ... говоритъ о маркграфахъ и ландграфахъ... Память ея похожа на толстую книгу съ странными исторіями: вы будете ею довольны! Такъ, если угодно, завтра на разсвѣтѣ, пока еще не жарко, надо быть готовымъ. Я велю привести къ вамъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ ословъ.

А мосье Анатоль будетъ очень доволенъ отправиться съ вами. Вы пріѣдете на гору къ шести или семи часамъ, слѣдуя по тропинкѣ, что извивается тамъ между верескомъ, и увѣряю васъ, что вы увидите вещь любопытную и рѣдкую... Повѣрьте мнѣ, вы будете довольны!

Такъ говорилъ Эліасъ, потирая себѣ руки, а молодыя женщины соглашались на все, что онъ предлагалъ, думая, какъ онѣ будутъ разсказывать потомъ въ Парижѣ, что онѣ вмѣстѣ видѣли горную колдунью, настоящую колдунью съ сѣдыми волосами, говорившую пророческимъ тономъ и угадывающую будущность лучше всѣхъ городскихъ колдуній. Кромѣ того, имъ хотѣлось спросить старуху о нѣкоторыхъ вещахъ, сильно ихъ безпокоившихъ.

Въ продолженіе всего вечера онѣ были какъ-то задумчивы и ни одна изъ нихъ не сказала господамъ инженерамъ, что онѣ намѣрены предпринять на слѣдующій день, боясь, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не вздумалъ ѣхать съ ними и не услыхалъ того, что онѣ будутъ спрашивать у колдуньи.

Такимъ образомъ, рано на слѣдующій день, послѣ ухода инженеровъ на работы, около четырехъ или пяти часовъ утра, самъ Эліасъ привелъ къ гостинницѣ ословъ съ сѣдлами въ видѣ стуликовъ, съ дощечкой для ногъ, что было весьма удобно.

На самомъ сильномъ изъ ословъ навьючены были съѣстные припасы и бутылки съ винами, обернутыя въ мокрое полотно, для того, чтобы онѣ не согрѣвались.

Старый жидъ тихонько постучался въ дверь, которую ему не медля же отворили: — онъ увидѣлъ, что всѣ парижанки были уже готовы, одѣты въ дорожныхъ бурнусахъ и въ большихъ, широкихъ, соломенныхъ шляпахъ, и что самъ мосье Анатоль былъ уже у нихъ въ залѣ, закутанный въ большой шерстяной плащъ, чтобы не охрипнуть отъ холода; однимъ словомъ, онъ увидѣлъ, что всѣ были готовы, что его очень обрадовало.

— Слава Богу, слава Богу, мои милыя голубки,—проговорилъ онъ.—Я вижу, что прогулка вамъ нравится... Я боялся росы, которая бываетъ очень сильна до шести часовъ утра... Но, слава Богу, все хорошо... Очень хорошо!

Разговаривая такимъ образомъ, Эліасъ шмыгалъ по комнатѣ, чтобъ посмотрѣть, не забыто-ли что-нибудь, въ то время, какъ торопившіяся парижанки осматривались, выходили на

улицу. Время было туманное, какъ обыкновенно бываетъ въ такой ранній часъ. Большія сѣрыя полосы застилали гору и окрестный лѣсъ; туманъ, весь пропитанный сильнымъ запахомъ дуба, плюща и тысячи дикихъ лѣсныхъ растеній, сразу охватывалъ человѣка дрожью и распространялъ потомъ чувство невыразимаго блаженства.

Въ деревнѣ всѣ еще спали... Только одни пѣтухи, хлопая крыльями, взлетали на сосѣднія полѣнницы.

Парижанки, выйдя на улицу, стали розыскивать своихъ ословъ, потому что каждая изъ нихъ ѣздила всегда на одномъ и томъ же ослѣ.

Наверху лѣстницы появился мосье Анатоль, защищая рукой пламя свѣчки. Эліасъ помогъ парижанкамъ сѣсть на ословъ, положить ножки ихъ на дощечку и спросилъ у каждой, хорошо ли ей сидѣть. Мосье Анатоль, поставивъ свѣчку въ сѣняхъ, сошелъ въ свою очередь, послѣ чего старый жидъ, указывая на тропинку, извивавшуюся вокругъ горы и незамѣтно поднимавшуюся, сказалъ:

— Вамъ надо итти все этой дорогой... Шаговъ за сто отсюда, налѣво, тропинка пойдетъ между двухъ изгородей... Поѣзжайте тихонько... Не торопитесь... Съ восходомъ солнца вы будете наверху...

Маленькій караванъ тронулся.

Эліасъ послушалъ съ минуту удалявшійся топотъ, потомъ, потушивъ свѣчку, пробормоталъ: «Счастливой дороги!», возвратился въ домъ и тщательно заперъ дверь.

Онъ жилъ тогда въ гостиницѣ «Лебедя», въ жалкой мансардѣ подъ крышей. Онъ дѣлалъ въ домѣ все и многіе удивлялись, что онъ запускаетъ свои собственныя дѣла, исключительно занимаясь дѣлами господъ инженеровъ; но старая лисица не обращала вниманія на то, что говорили, имѣя, вѣроятно, основательныя причины, чтобы дѣйствовать такъ.

Однако, все время онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за чертою желѣзной дороги на большой кадастровой картѣ.

Итакъ, маленькій караванъ поднимался въ гору, Жюльета ѣхали впереди, а мосье Анатоль позади всѣхъ. Парижанки, обыкновенно такія болтливыя, ѣхали на этотъ разъ всѣ молча; только и слышно было, что сухіе и твердые шаги ословъ, ступавшихъ по каменистой тропинкѣ.

Какія странныя и различныя мысли приходятъ въ голову на разсвѣтѣ! Какія чувства, какія воспоминанія!—Какое-нибудь темное дерево... уснувшая птичка, поднимающаяся изъ вереска и испускающая крикъ ужаса... Странное колебаніе тумана передъ появленіемъ солнца... Потомъ далеко, далеко въ глубинѣ долины, пробуждающійся во ржи жаворонокъ... Кукушка, пропѣвающая свою первую ноту у опушки лѣса... Все... все производитъ впечатлѣніе и заставляетъ задумываться.

При этомъ начинаешь думать о тѣхъ, кто далеко... О городскихъ, которые ничего не подозрѣваютъ, возвращаясь съ шумныхъ баловъ, съ кровью, воспаленной лихорадкою,—не подозрѣваютъ, что вы идете по тернію, вдыхая свѣжесть и жизнь.

Всѣ эти мысли такъ и роятся въ головѣ и невольно заставляютъ хранить молчаніе.

Такъ точно предавались воспоминаніямъ и парижанки, и мосье Анатоль, такъ какъ онъ, вообще такой болтливый, на этотъ разъ не говорилъ ни слова.

А тропинка шла все выше и выше, освѣщенная уже нѣкоторымъ свѣтомъ... Потомъ внизу, какъ въ пропасти, виднѣлась деревня. Уже болѣе двадцати пѣтуховъ здоровались другъ съ другомъ съ одной фермы на другую... Собаки лаяли... Шлюзъ поднимался... Мельница старика Бенедума начинала свою трескотню.

И весь этотъ шумъ, все болѣе и болѣе удаляясь, наконецъ, совершенно замеръ, и изъ-за темныхъ стрѣлъ елей показался уже нѣсколько красноватый свѣтъ. Вдругъ лучъ совершенно яркаго свѣта, пробравшись между двухъ изъ этихъ стрѣлъ, упалъ въ глубину туманной долины.

Парижанки, поднявъ голову, увидѣли, что онѣ доѣхали до подножья громадной гранитной стѣны; что надъ ними возвышалась мрачная массивная башня съ глубокими окнами... Плющъ, тернъ, густые буки возвышались уступами вдоль скалъ.

Молодыя женщины вскричали отъ удивленія.

— Какъ добраться до верху,—сказала Жюльетта.

Но, проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ по тропинкѣ, онѣ увидѣли налѣво широкую дорогу, пробитую въ скалахъ.

Мосье Анатоль хотѣлъ пойти пѣшкомъ, но Діана поѣхала впередъ и стала подниматься такъ граціозно, что всѣ отправились за ней не безъ нѣкотораго, однако, страха, потому что

внизу метровъ за пятьсотъ виднѣлась труба старика Рока... и огромныя птицы съ распущенными крыльями у самыхъ ногъ пересѣкали воздухъ и слетали въ пропасть.

Мосье Анатоль закрылъ глаза и отдался на волю провидѣнія. Жюльетта храбрясь напѣвала: «Охотникъ, проворнѣй»... Мальвина не говорила ни слова, а опередившая Діана смотрѣла покойно.

Минутъ черезъ десять все общество добралось до верхней площадки и, взглянувъ внизъ, мосье Анатоль спрашивалъ себя, достанетъ ли у него смѣлости спуститься.

Всѣ сошли съ ословъ и любовались на громадный плоскій утесъ съ двумя башнями, висѣвшими надъ пропастью. Имъ было пріятно быть такъ высоко, такъ какъ башня и площадка господствовали надъ всѣми окрестностями.

Яркое солнце уже нагрѣвало каменистую почву и насѣкомыя стадами поднимались изъ подъ тернія.

Общество точно забыло о цѣли своей прогулки: всѣ ходили куда глаза глядятъ, показывали другъ другу на сосѣднія возвышенности. На скаты, покрытые лѣсами... На громадныя линіи сѣрыхъ скалъ, восхищаясь и восклицая отъ удивленія.

Только одинъ мосье Анатоль позаботился привязать ословъ и потомъ уже пошелъ, чтобы полюбоваться въ свою очередь.

Такимъ образомъ, ходили они съ четверть часа съ мѣста на мѣсто, смѣясь и удивляясь, какъ вдругъ, обогнувъ одну часть стѣны, наткнулись на Фульдроду съ ея двумя козами.

Старуха наклонясь за окраину бойницы, стояла съ неподвижно устремленнымъ взоромъ и смотрѣла на что-то. Вниманіе ея было такъ приковано, что она не замѣчала даже гостей.

Все общество, разумѣется, обратило свое вниманіе на предметъ, привлекавшій взоръ старухи, и увидѣло вдали лѣса просѣку, гдѣ блестѣло нѣсколько досокъ, бѣлыхъ какъ звѣзды.

Это была линія желѣзной дороги, и бѣлыя точки,—вѣхи съ маленькими листками бумаги, мелькавшими на солнцѣ.

Вотъ на что смотрѣла Фульдрода, въ то время какъ козы ея, съ длинными мохнатыми шеями, обрисовывались на голубоватомъ небесномъ фонѣ.

Парижанки долго смотрѣли на старуху, которая, обернув-

шись, наконецъ, не удивилась, увидя ихъ, но, напротивъ того, начала глядѣть на нихъ, бормоча какія-то несвязныя слова.

Жюльета, самая смѣлая изъ нихъ, сказала ей, наконецъ:

— Мы пришли, добрая старушка, чтобы послушать ваше гаданье.

При этихъ словахъ зеленые глаза Фульдроды вспыхнули.

— Я не добрая старушка,—сказала она.—Я Фульдрода д'Оберней... дочь маркграфовъ д'Оберней... А вы... изъ какого вы знатнаго рода?

Жюльета покраснѣла, и почему то вся радость веселаго общества исчезла.

Послѣ этого Фульдрода медленнымъ шагомъ сошла съ своего пригорка и направилась къ башнѣ, куда за ней послѣдовали парижанки, не смотря на убѣжденіе мосье Анатоля, говорившаго имъ:

— Прошу васъ... Пожалуйста останьтесь!.. Эта старуха не возбуждаетъ во мнѣ ни малѣйшаго довѣрія... у нея лукавые глаза и странная улыбка... Намъ лучше уйти.

Но парижанкамъ хотѣлось узнать будущее.

У входа въ башню Фульдрода сѣла на солнышкѣ; лицо ея было бѣло и какъ будто совершенно прозрачно.

Она сѣла на порогъ и сказала, поднявъ свою маленькую сухую ручку.

— Тамъ написано: такъ зачѣмъ же вы хотите знать вашу будущность?

Потомъ, взглянувъ на нихъ съ жалостью, она прибавила.

— Какая можетъ быть будущность у летящей птицы, у листка, уносимаго вѣтромъ?

Но эти вѣрныя слова не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на парижанокъ. Діана, Жюльетта и Мальвина сразу протянули свои бѣленькія ручки къ колдуньѣ, послѣ чего чело ея нахмурилось, глаза отуманились и она прошептала глухимъ страшнымъ голосомъ:

— Имъ этого хочется!.. Имъ этого хочется!..

Потомъ, не поднимая глазъ, она схватила наугадъ руку Діаны и спросила ее:

— Что тебѣ хочется знать?

Но Діана, поблѣднѣвъ какъ полотно,—потому что она боялась... очень боялась,—сказала прежде, чѣмъ отвѣтила...

— Господа, пожалуйста, оставьте меня одну... Я въ свою очередь тоже буду уходить.

Тутъ мосье Анатоль и парижанки удалились, а Діана, наклонясь къ старухѣ, прошептала:

— Женится ли на мнѣ Горасъ?

Фульдрода горько улыбнулась.

— Онъ обѣщалъ тебѣ! Безумная... Безумная! Онъ обѣщалъ тебѣ!.. Но ты, развѣ ты держишь свои обѣщанія? Тамъ я вижу... двухъ сѣдыхъ стариковъ... Вотъ уже три года, какъ они ждутъ письма отъ своей дочери... отъ своей дочери, которую они воспитывали съ такой любовью, цѣною своего тяжелаго труда... И эта дочь...

Діана не хотѣла слышать далѣе; она убѣжала разстроенная, растерянная, а старуха продолжала одна свои предсказанія; молодая же женщина бросилась на руки къ Анатолю, заливаясь слезами, въ то время какъ тотъ говорилъ ей:

— Діана! Неужели вы вѣрите глупой болтовнѣ этой старухи! Ну, проклятый еврей... Я человѣкъ не злой, но онъ у меня поплатится за это!.. Мальвина... умоляю васъ... ради самого смысла, не ходите слушать эти глупости... Посмотрите, какое онѣ производятъ дѣйствіе!..

Но женщины, забравшія разъ что-нибудь себѣ въ голову, не слушаютъ уже совѣтовъ. Мальвина думала, что она будетъ счастливѣе Діаны, отправилась къ Фульдродѣ и подала ей руку, быстро проговоривъ:

— Скажите мою будущность, я щедро вознагражу... Но скажите все... все!..

— Твою будущность? — прошептала старуха. — Ты говоришь о будущности!.. Ну, взгляни же въ долину: жизнь твоя похожа на одно изъ этихъ вырванныхъ деревьевъ, уносимыхъ рѣкою... Утромъ ихъ видно, а къ вечеру ихъ ужъ нѣтъ!

При этихъ словахъ Мальвина хотѣла говорить, но не могла произнести ни звука.

— Не о будущемъ слѣдуетъ думать,—продолжала Фульдрода,—но о настоящемъ... У тебя остается нѣсколько дней для раскаянія... Но ты будешь пить, напиваться и забывать твои грѣхи... Отойди отъ меня! Смерть, забывшая меня, можетъ унести меня, увидѣвъ около тебя.

Послѣ этихъ словъ страшной старухи бѣдная Мальвина

возвратилась, дрожа отъ страха; кровь застыла у нея въ жилахъ, но она не плакала, а улыбнулась, когда подбѣжавшая Жюльета сказала мимоходомъ: «Ну, ты, по крайней мѣрѣ, довольна!»

Мальвина была дѣвушка не робкая, но слишкомъ любила шампанское и намѣревалась въ этотъ же вечеръ забыть, въ обществѣ Фрагонара, это печальное предсказаніе.

Когда Жюльета подошла къ башнѣ, то Фульдрода вздрогнула; безстрастное лицо ея приняло дикое выраженіе. Она стала стараться открыть глаза... и открыла ихъ... Они были совершенно бѣлые... Она хотѣла встать, но снова упала и потомъ, казалось, покорилась своей участи.

Мосье Анатоль, успокоившій Діану, повернулъ голову и увидѣлъ старуху, печальную и убитую, а Жюльету съ воодушевленіемъ облокотившуюся о дверь.

Вотъ что говорила старуха:

— Я знаю тебя... Я знаю тебя... Ты женщина, изъ-за которой гибли, гибнутъ и будутъ погибать во вѣки вѣковъ мужчины... Ты подала яблоко нашему прародителю и отравленную розу Соломону!.. Ты обрѣзала волосы Самсона!.. Ты купалась въ мраморѣ и благовоніяхъ, когда Давидъ взглянулъ въ окно!.. Ты просила голову св. Іоанна у Ирода... Ты была, есть и будешь—обманомъ любви, коварствомъ преданности, бредомъ чувствъ... Потому что ты любишь только самую себя!..

Жюльета обернулась, чтобы посмотрѣть, слышалъ ли кто-нибудь изъ этихъ словъ, но видя, что она одна, она улыбнулась.

— Ты любишь только самое себя,—продолжала Фульдрода печальнымъ голосомъ,—такъ будь же счастлива... Ничто не мѣшаетъ тебѣ... Смѣйся, пой и упивайся гордостью... Настоящее принадлежитъ тебѣ.

Наступила минута молчанія. Жюльета была хороша самодовольствіемъ... Она съ презрѣніемъ смотрѣла на своихъ подругъ.

— И это будетъ продолжаться десять лѣтъ, — вскричала старуха,—да, десять лѣтъ... да... тогда, красавица... тогда появятся морщины и всевозможныя разочарованія... Тогда начнется разрушеніе этого тѣла, которымъ ты такъ гордишься, и ты ничѣмъ этого не остановишь... Да, ты будешь дѣлать то же самое, что и другія: ты будешь бороться... захочешь устоять...

Но никакая борьба не поможеть. А черезъ двадцать лѣтъ... вотъ, смотри... ты будешь такой.

Она съ дьявольскимъ смѣхомъ приподняла свой маленькій чепчикъ изъ конскаго волоса и открыла свой лысый и блестящій, какъ слоновая кость, черепъ...

— Да... Ты будешь вотъ такая! Только, когда проходитъ Фульдрода, то всѣ говорятъ: «женщина эта страдала... Она оплакивала свои благородныя мечты... братьевъ и друзей, погибшихъ за правое дѣло»... Тогда, какъ ты... ты будешь стара, какъ подвѣнечное платье, затасканное въ грязи и брошенное въ какомъ-нибудь углу; всякая морщина твоего лица будетъ говорить: «Развратъ!.. Развратъ!.. Развратъ!..»—Старуха встала, какъ пробудившаяся змѣя... губы ея свистѣли, а Жюльета, отступивъ отъ ужаса, вскричала:

— Ахъ, скверная, дерзкая мегера! Мосье Анатоль! Идите же.... Накажите эту негодную!..

Мосье Анатоль, однакожъ, не спѣшилъ, а Фульдрода дряхлая, морщинистая, но воодушевленная неописаннымъ негодованіемъ, тихо подходила къ женщинамъ и молодому человѣку, бросая на нихъ ядовитые взгляды. Двѣ большія козы ея слѣдовали за нею шагъ за шагомъ.

— Прочь! Несчастная... Прочь!..—хриплымъ голосомъ кричалъ ей Анатоль.—Не подходите... Я запрещаю вамъ это!

Но старуха все приближалась; молодыя женщины дрожали всѣмъ тѣломъ и не имѣли силы бѣжать. Онѣ присѣли на камень, прижимаясь другъ къ другу.

Тогда Фульдрода подошла къ нимъ шаговъ на десять, остановилась посреди высокаго вереска и, поднявъ маленькую руку, сказала имъ:

— Я проклинаю васъ... Будьте прокляты!.. Вы и ваши... и всѣ тѣ, которыя походятъ на васъ... Вы принесли сюда безпорядокъ, стыдъ, примѣръ разврата и низости... Вы продаете ваше тѣло и вашу душу... Вы забываете вашихъ отцовъ и матерей... у васъ нѣтъ ни души, ни сердца... Я проклинаю васъ!.. Отправляйтесь... Отправляйтесь въ ваши города!.. Презрѣнныя!.. Что можетъ быть между нами общаго? Гады питаются нечистотами, а птицы небесныя росою цвѣтовъ!.. Всѣ ваши дѣла... Адскія дѣла... Они прокляты... Вы уйдете отсюда, покрытыя позоромъ... И семь египетскихъ язвъ будутъ преслѣдовать васъ!.. Потому

что сами вы ничто иное, какъ гніеніе!.. Это я, Фульдрода, говорю вамъ это!.. Зачѣмъ не скрывались вы, дочери Вавилона! Вы хотѣли знать истину,—я вамъ сказала ее... Вы позоръ человѣческаго рода!.. Идите... Идите... Несчастныя!..

Старая колдунья говорила такъ скоро, что ее нельзя было остановить , и такъ какъ голосъ ея, сначала тихій, становился все громче и громче; такъ какъ въ ярости она все двигалась впередъ, и ея двѣ большія козы, опустивъ головы, точно, казалось, хотѣли поддержать ее, то парижанки вдругъ ощутили страхъ, придавшій имъ силу бѣжать и онѣ бросились къ своимъ осламъ.

Смущенный мосье Анатоль бросился за ними, не имѣя силы ничего отвѣтить.

Ослы стали спускаться съ горы, а голосъ Фульдроды еще долго кричалъ:—Проклятыя!.. Проклятыя!.. Какъ зловѣщій крикъ совы, обитавшей развалины: впечатлѣніе было ужасное!

Между тѣмъ все общество скрылось на тропинкѣ, извивавшейся надъ пропастью. Мосье Анатоль боялся, чтобы старуха не спихнула на нихъ какой-нибудь обломокъ скалы, но она, къ счастью, наклонясь къ ущелью и ухватившись за сучокъ бука, съ нѣсколькими сѣдыми волосами, развивавшимися на затылкѣ, метала только проклятіе.

Такимъ образомъ они безъ всякихъ приключеній съѣхали къ подножію скалъ и возвратились въ деревню.

Легко себѣ представить, какъ благодарили парижанки Эліаса, за счастливую мысль послать ихъ къ колдуньѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Діана была больна, Мальвина печальна; что же касается до Жюльеты, то ей хотѣлось поднять всю деревню противъ старухи и выжить ее изъ ея гнѣзда, но всѣ боялись колдуньи и кромѣ того она была на землѣ Даніэля Рока, куда никто не смѣлъ ступить.

Инженеры ничего не знали объ этомъ странномъ происшествіи: молодыя женщины ничего о немъ не говорили, мосье Анатолю не чѣмъ было гордиться, а Эліасъ приходилъ тѣмъ болѣе въ отчаяніе, что лицо его напоминало милымъ голубкамъ эту скверную страницу ихъ исторіи и несмотря на всѣ его старанія мѣшало ему быть имъ пріятнымъ.

XIII.

Знаменитыя общественныя сходки, на которыхъ мастеръ Даніэль Рокъ объявилъ, что онъ не позволитъ вступить на свои земли и будетъ противиться устройству желѣзной дороги, какъ дѣлу, вредящему старымъ правамъ, Фельзенбургскимъ преданіямъ, обычаямъ страны, уваженію къ нашей св. религіи, памяти Іери Ганса, Гюга Косого, Бартольда IV и Бастіана I, миновали, и съ этого дня онъ заперся и работалъ въ кузницѣ спокойно и безстрастно.

Священникъ Никлосъ хотѣлъ примирить его съ его другомъ Бенедумомъ, но при первомъ же словѣ старый кузнецъ прервалъ его этимъ простымъ отвѣтомъ:

— Батюшка, вѣдь если вы еще будете мнѣ говорить объ этомъ, то я буду принужденъ видѣться съ вами только въ церкви.

И старикъ Никлосъ понялъ по ледяному выраженію его сѣрыхъ глазъ, по изгибу его большого носа и по рѣзкому и твердому голосу, что съ этой стороны все кончено.

Тереза, казалось, покорилась своей участи; но ея страшная блѣдность доказывала, какъ дорого стоитъ ей побѣда надъ естественными чувствами. Она любила Людвига, знала, что онъ не принималъ участія въ раздорѣ ихъ семействъ, видѣла, какъ онъ каждое утро проходилъ мимо оконъ, грустный, убитый, растерянный; ей хотѣлось бы броситься къ нему на шею и закричать:—Я люблю тебя! Но она говорила себѣ, что дочь Даніэля Рока можетъ быть только на одной сторонѣ, на сторонѣ своего отца... И этого было довольно.

Съ той минуты, какъ старикъ Даніэль высказалъ свое мнѣніе, Касперъ и Христіанъ не могли имѣть другого... Для нихъ было все ясно, просто, справедливо, очевидно, и кто думалъ не за одно съ ними, казался имъ недостойнымъ жить на свѣтѣ. Имъ казалось, что мэръ, муниципальные совѣтники, инженеры, парижанки, жидъ Эліасъ, Бенедумъ, трактирщикъ Баумгартенъ и вся деревня стоили висѣлицы и представляли собой развратъ вѣка.

Впрочемъ, они жили дома, не выражая никому своихъ чувствъ, и читали каждый вечеръ свои хроники такимъ торжественнымъ тономъ, какъ будто дѣло касалось ихъ самихъ.

Въ воскресенье, когда горные жители сошлись въ Фельзен-

бургъ, чтобы праздновать побѣду цивилизаціи, Даніэль, во время чтенія, высказалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, относительно того, какъ нужно держать обѣими руками шпагу и какъ дѣйствовать ею, наклонивъ нѣсколько голову, выставилъ правую ногу впередъ, что заставляло, говорилъ онъ, немного приподнимать забрало, чтобы видѣть противника.

Онъ велѣлъ даже принести одну изъ старыхъ шпагъ, величиною шесть футовъ, которую онъ тщательно хранилъ въ шкапу и, присоединяя дѣйствіе къ словамъ, онъ выучилъ нѣсколькимъ ударамъ своихъ сыновей, которые никогда не подозрѣвали о его способности.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—какъ Гюгъ Косой разсѣкъ голову Руперту Нидегскому.

И онъ хотѣлъ начать показывать, когда появился удивленный старикъ Никлосъ.

— Да будетъ съ вами миръ!..—сказалъ старикъ при видѣ ужаснаго оружія.

— Аминь!—отвѣчалъ Даніэль.

Потомъ, спустя минуту молчанія, онъ прибавилъ:

— Я объяснялъ моимъ сыновьямъ, какъ господинъ нашъ Гюгъ разсѣкъ голову Руперту въ 1405 году. Возьми, Касперъ, положи шпагу на мѣсто... Садитесь, батюшка... Ты можешь продолжать, Тереза; мы были на томъ мѣстѣ, когда Рупертъ, облитый кровью, упалъ на землю... Гюгъ наступилъ ему ногой на горло, а владѣтель Нидека укусилъ его за большой палецъ ноги и изломалъ его кожаные сапожки. Это значитъ, что сапожокъ этотъ былъ скованъ не предкомъ нашимъ Обоардомъ Рокомъ, жившимъ тогда, но однимъ изъ жалкихъ шотландскихъ оружейниковъ, которые заботились больше о блескѣ стали, чѣмъ о прочности ея.

Тереза принялась за чтеніе, но при первой остановкѣ священникъ Никлосъ, сердце котораго горѣло негодованіемъ противъ парижанокъ, не могъ удерживаться долѣе и сталъ разсказывать обо всемъ, что случилось: о торжествѣ инженеровъ, о восторгѣ горцевъ, объ опозоренныхъ старыхъ нравахъ, о покинутой церкви, о соблазненныхъ дѣвушкахъ, объ испорченныхъ крестьянахъ, о страсти къ пріобрѣтенію, о забвеніи стыда, о низости однихъ и подлости другихъ, о порчѣ, охватывающей міръ... Однимъ словомъ, въ продолженіе получаса онъ говорилъ

весьма красноречиво... Но посреди этого потока красноречія онъ вдругъ остановился, удивленный молчаніемъ своихъ слушателей.

Старый кузнецъ, скрестивъ руки на груди, и сыновья его, положивъ локти на столъ, а свои нижнія челюсти на руки, холодно слушали его, не выражая ни малѣйшаго признака одобренія или гнѣва. И когда почтенный священникъ, пораженный этимъ молчаніемъ, сталъ смотрѣть на нихъ всѣхъ, то Даніэль спокойно сказалъ:

— Продолжай, Тереза!

И Тереза опять принялась за чтеніе.

Съ этого времени старикъ Никлосъ сталъ считать себя единственнымъ человѣкомъ, дѣйствительно привязаннымъ къ старымъ обычаямъ... Онъ сталъ рѣже ходить къ Року.

— Люди эти, — думалъ онъ,— ограничиваются только соблюденіемъ обязанностей, относительно самихъ себя, мало заботясь о другихъ... Они говорятъ себѣ: «лишь бы намъ попасть въ ковчегъ, что намъ за дѣло до потомковъ». Но, подождемъ святой недѣли, пусть они придутъ на исповѣдь... Тогда я сниму повязку съ глазъ ихъ... Я объясню имъ, что Господь на вѣсахъ своихъ не прибавляетъ къ числу нашихъ добрыхъ поступковъ зла, котораго мы не дѣлали, но, напротивъ, прибавляетъ къ преступленіямъ добро, которое мы могли бы сдѣлать, но не сдѣлали... Я объясню имъ, что люди, которые зажгли лампу у огня Всевышняго, дѣлаютъ преступленіе, если закрываютъ ее и ставятъ подъ кровать... Что лампа эта должна горѣть на виднемъ мѣстѣ, для того, чтобы всякій входящій могъ видѣть ее! Пусть только наступитъ святая недѣля... И мы посмотримъ!

Такимъ образомъ разсуждалъ старикъ Никлосъ, но ему не пришлось дождаться до святой и увѣщевать Роковъ, потому что люди эти не были изъ числа тѣхъ, которые ставятъ лампу подъ кровать... Напротивъ того, они хотѣли, чтобъ ее видѣлъ весь міръ.

Каждый вечеръ послѣ работы въ кузницѣ, между седьмымъ и восьмымъ часомъ, Даніэль Рокъ тихо взбирался по тропинкѣ къ развалинамъ... Потомъ наверху онъ прислонялся къ скаламъ, иногда одинъ, а иногда съ старухою Фульдрюдою и оба они смотрѣли, какъ подвигались работы по желѣзной дорогѣ, какъ прорубались просѣки и какъ направлялись вѣхи.

Работники инженеры издали видѣли ихъ до самыхъ сумерекъ, въ то время, какъ горизонтъ начиналъ багровѣть и когда каждая вѣтка плюща, каждая тычинка травы ложилась чернымъ рисункомъ на блестящемъ фонѣ.

Тогда ихъ видно было лучше; старикъ Даніэль стоялъ обыкновенно неподвижно... Но старуха, напротивъ того, говорила, махала руками... и дровосѣки побаивались, чтобы она не околдовала ихъ.

Старый кузнецъ скоро замѣтилъ, что дорога направлялась прямо къ горѣ... Но въ продолженіе цѣлаго мѣсяца онъ ни слова не говорилъ объ этомъ своимъ сыновьямъ.

Инженеры продолжали свою работу, на поляхъ, въ лѣсахъ и на лугахъ... Наконецъ, линія съ вѣхами приближалась все ближе и ближе, и вышла изъ буковаго лѣса, выстрѣла за два отъ вересковой горы.

Въ этотъ день старикъ Даніэль сошелъ съ своего наблюдательнаго поста часовъ въ восемь; онъ былъ совершенно спокоенъ и сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Завтра мы пойдемъ къ исповѣди... Завтра, какъ разъ суббота, а послѣзавтра, ребята, можемъ и причаститься.

Оба сына кивнули головой.

Тереза вышла въ кухню, чтобы поплакать.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась накрыть на столъ, и послѣ ужина старикъ Рокъ сказалъ:

— Сегодня вечеромъ мы читать не будемъ... Такъ, чтобы каждый изъ насъ провѣрилъ свою совѣсть... Отправляйтесь по своимъ комнатамъ.

Касперъ и Христіанъ поднялись наверхъ.

Тогда старикъ Рокъ остался одинъ съ своей дочерью... которая, сидя въ большомъ креслѣ, рыдала, наклонивъ свою голову надъ колѣнями... Онъ тихо подошелъ къ ней и посмотрѣлъ на нее, не смѣя заговорить.

Когда же двѣ слезы старика упали на шею дѣвушки, то она встала, и оба долго стояли въ объятіяхъ другъ друга.

— Отъ тебя я ничего не видѣлъ, кромѣ радости, Тереза,— задыхаясь, проговорилъ старикъ Рокъ,—благословляю тебя!..

Послѣ этого они пошли спать, храня глубокое молчаніе, для того чтобы не помѣшать размышленіямъ Каспера и Христіана.

XIV.

На слѣдующій день старикъ Даніэль Рокъ и сыновья его исповѣдывались, а на второй день, въ воскресенье, вмѣстѣ причащались.

Въ этотъ день священникъ Никлосъ, отслуживъ вечерню, спокойно возвращался домой, когда къ нему подошелъ мельникъ Бенедумъ.

Послѣ разрыва брака Людвига съ Терезою, мельникъ лишился своего прежняго веселаго расположенія духа. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по деревнѣ съ поникшею головою, съ озабоченнымъ видомъ, засунувъ руки въ карманы своей куртки, и предавался занятіямъ въ своей мельницѣ безъ всякаго удовольствія, какъ будто по привычкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ душѣ его не было злобы противъ его стараго товарища Даніэля, и онъ не могъ понять, какъ тотъ могъ разойтись со своими друзьями безъ всякихъ личныхъ причинъ изъ-за общаго вопроса, чуждаго интересамъ ихъ фамиліи. Поступокъ этотъ огорчалъ его до глубины души, тѣмъ болѣе, что Людвигъ, видимо, худѣлъ, проводя цѣлые часы у слухового окошка чердака, стараясь увидѣть ленточку Терезы, проходившей по лѣстницѣ, или одну изъ рукъ, поливавшихъ цвѣты на окошкѣ; занятіе весьма печальное, въ особенности, когда была законная, весьма близкая надежда видѣть ближе любимый предметъ.

Священникъ былъ очень удивленъ серьезнымъ и даже какимъ-то торжественнымъ видомъ мельника.

— Здравствуйте, Францъ,—сказалъ онъ ему,—что новенькаго? Я вижу, что вы хотите мнѣ что-то разсказать.

— Да, такъ, батюшка; мнѣ надо сообщить вамъ кое-что.

При этомъ началѣ, священникъ Никлосъ, думая, что онъ отгадываетъ предметъ разговора, вскричалъ:

— Ради Бога, милѣйшій Бенедумъ, умоляю васъ не говорите мнѣ болѣе о бракѣ Людвига и Терезы! Это ни къ чему не ведетъ... Увѣряю васъ, что я употреблялъ всѣ старанія, чтобъ помирить васъ съ Даніэломъ... Онъ ничего слушать не хочетъ... Онъ грозитъ мнѣ даже, если я буду повторять, видѣться со мной только въ церкви, какъ я ужъ и говорилъ вамъ: это не человѣкъ, это камень.

— Я знаю его,—печально отвѣчалъ Бенедумъ,—я знаю, что вы употребляли всѣ усилія, чтобъ помирить насъ, и благодарю васъ... но сегодня дѣло идетъ не объ этомъ. Мы уже съ Катериной покорились своей судьбѣ... покорились съ отчаяніемъ. Сынъ нашъ только думаетъ, что о Терезѣ... Онъ никогда не женится на другой... Это вѣрно... Онъ худѣетъ со дня на день... Но что же дѣлать? Надо покориться волѣ Создателя.

— Да, Бенедумъ, надо покориться волѣ Создателя,—сказалъ растроганный старикъ Никлосъ,—это всего проще... Такъ, покоримся же.

— Конечно, — продолжалъ мельникъ, идя за священникомъ,—конечно... Но вѣдь намъ никогда ужъ не видать нашихъ внучатъ... Это тяжело... Тяжело... Въ особенности, когда радовался заранѣе... Когда вмѣстѣ съ свадебными платьями приготовлялось и бѣлье для будущихъ дѣтей. Если бы вы знали, какъ Катерина была бы счастлива! Говорятъ, будто свекрови и невѣстки не уживаются, но я увѣренъ, что Тереза и моя жена отлично ужились бы. Во-первыхъ, мы любили Терезу, какъ нашу родную дочь. Вы знаете, батюшка, что въ то время, когда жена Рока родила малютку, Катерина еще кормила Людвита: сколько разъ она давала грудь ихъ дочери, право, болѣе ста разъ.

— Я вѣрю вамъ, Бенедумъ, вѣрю вамъ.

— А съ тѣхъ поръ, батюшка, дѣти играли вмѣстѣ, то дѣвочка прибѣжитъ на мельницу, то мальчикъ въ кузницу... Они вездѣ были, какъ у себя дома... Ахъ!.. Право, сердце разрывается... Какъ были мы счастливы, не будь этой несчастной ссоры!.. Неужели слѣдовало допустить Даніэля броситься на мэра? Подумайте только!

— Да... да... Все это я знаю... Вотъ уже три мѣсяца вы мнѣ все повторяете одно и то же.

— Простите, батюшка, простите... Это, должно быть, вамъ наскучило, наконецъ... Ну, вотъ, видите ли,—тутъ Бенедумъ ударилъ себя въ грудь и глаза его налились слезами,—вотъ, видите-ли, Даніэль неправъ и это также вѣрно, какъ вѣра моя въ будущую жизнь. Въ муниципальномъ совѣтѣ я говорилъ за благо страны... Всякій смотритъ на вещи по своему, не такъ ли?

— Ну, да, конечно, Бенедумъ.

— Ну, такъ, за что же онъ сердится на меня? Развѣ я упре-

каю его, что онъ думаетъ не одинаково со мной; но и, кромѣ того, положимъ, что я неправъ, такъ зачѣмъ же Людвиту-то терпѣть изъ-за этого? А его собственная дочь, которую мы такъ любили, и которая насъ тоже любитъ, хотя и скрываетъ это?

— Но, мой милый другъ, хотя бы вы повторяли мнѣ это до скончанія вѣковъ, хотя бы вы были тысячи разъ правы, но чтожъ я могу сдѣлать,—вскричалъ старикъ Никлосъ, всплеснувъ руками,—такъ какъ Даніэль ничего слышать не хочетъ!

Они входили въ это время на маленькій дворъ священникова дома. Старая ключница Анна, возвратившаяся тоже отъ вечерни, отворяла въ это время оба окна, чтобы освѣжить воздухъ въ залѣ.

Они поднялись молча на пять или на шесть ступенекъ крылечка, потомъ священникъ отдалъ ключницѣ свою шляпу, надѣлъ черную бархатную шапочку и сѣлъ въ кресло, заложивъ ноги на ногу, какъ человѣкъ, готовый покориться судьбѣ. Бенедумъ всталъ у стола.

— Садитесь-же, Францъ,—сказалъ ему Никлосъ,—и такъ какъ вамъ нужно сообщить мнѣ что-то, то заприте дверь.

Бенедумъ исполнилъ его желаніе, а Анна ушла въ другую комнату, дожидаясь времени, когда нужно будетъ приготовить ужинъ: это была особа скромная, умѣвшая понимать малѣйшій взглядъ своего господина.

Бенедумъ, опомнившійся вслѣдствіе замѣчанія старика Никлоса, вскричалъ:

— Это такъ, батюшка, я ужъ и забылъ... Я пришелъ сюда, чтобъ предупредить большое несчастіе.

— Несчастіе?

— Да... Я думаю... Я въ этомъ увѣренъ... Даніэль замышляетъ что-нибудь нехорошее.

— Какъ?

— Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я его знаю: если онъ говоритъ что-нибудь... то исполняетъ это.

— Что же онъ сказалъ, Господи?

— Онъ сказалъ въ муниципальномъ совѣтѣ, что никто не вступитъ на его землю; онъ хотѣлъ, чтобы это вписали въ протоколъ... И если бы вы видѣли тогда его лицо, вы поняли бы все остальное.

. . . .

Старикъ Никлосъ вмѣсто того, чтобы испугаться этихъ словъ, только улыбнулся.

— Вы испугали меня,—сказалъ онъ,—но, право, Францъ, вы преувеличиваете многое... Какъ могли вы, на основаніи нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ, предположить, что онъ открыто возмутится? Это уже слишкомъ! Вы боитесь даже тѣни стараго Рока.

— Берегитесь, батюшка!.. Тутъ дѣло не въ его тѣни, а въ его рукахъ и гнѣвѣ... Каждый день онъ поднимается къ развалинамъ и смотритъ оттуда,—съ четверть часа, съ полчаса, или болѣе, или менѣе,—подвигается ли дорога. Я смотрю на него съ своей мельницы черезъ слуховое окно... Вы понимаете... Старый товарищъ дѣтства... что-бы ни случилось, къ нему все что-то такое чувствуешь, чего не можешь преодолѣть!.. Я вижу, какъ онъ взбирается по тропинкѣ къ развалинамъ, сложивъ руки за спину, и, взглянувъ на него, я уже знаю, о чемъ онъ думаетъ. Ну, третьяго дня, часовъ около восьми, онъ спустился скорѣе обыкновеннаго, съ сжатыми губами... Сегодня вѣхи инженеровъ дошли до версты... Завтра они двинутся впередъ... Даніэль былъ мраченъ... А теперь узнаю, что онъ причащался за обѣдней вмѣстѣ съ сыновьями...

— Послушайте, Францъ,—прервалъ его Никлосъ,—вы все преувеличиваете... я довольно часто вижу семейство Рока; это люди очень мирные, даже, можно сказать, слишкомъ мирные. Что бы ни сдѣлалось въ деревнѣ, какъ бы ни соблазняли дѣвушекъ приказчики инженеровъ, какой бы ни былъ скандалъ на танцахъ въ «Зеленомъ Деревѣ», какъ бы ни пировали инженеры и тѣ несчастныя, которыхъ они называютъ своими женами, что бы они ни говорили противъ нашей св. религіи и обычаевъ страны,—ничто не трогаетъ ихъ.. Ничто не волнуетъ ихъ... Они слушаютъ все это холодно и равнодушно... Старикъ Даніэль совершенно покоенъ, чему я самъ удивляюсь и что приписываю его преклоннымъ лѣтамъ. Старость охлаждаетъ наши великодушные порывы и успокаиваетъ волненіе въ крови... Успокойтесь, Францъ, и не судите такъ строго.

Старикъ Никлосъ говорилъ это съ большимъ жаромъ.

— Батюшка, — просто возразилъ Бенедумъ, — я сказалъ вамъ то, что думаю; я исполнилъ свой долгъ... Если же я обманываюсь, то тѣмъ лучше... Можетъ быть, что года охладили

кровь Даніэля, по будь я на мѣстѣ инженеровъ, я не рѣшился бы... Что же касается до остального, то я всегда буду любить и уважать его,—будетъ ли онъ правъ или нѣтъ... Пятидесятилѣтняя дружба не потухаетъ въ одинъ день.

Мельникъ торжественно всталъ, а священникъ, провожая его, думалъ про себя:

— Онъ похожъ на людей, у которыхъ идутъ дурно дѣла, которые видятъ все въ черномъ свѣтѣ и ежедневно предсказываютъ революцію и кончаютъ тѣмъ, что бѣгутъ сами, потому что революція у нихъ въ карманѣ.

Такъ разсуждалъ старикъ, въ которомъ, однакожъ, не было недостатка въ знаніи людей и вещей.

Тѣмъ не менѣе съ наступленіемъ ночи, чтобы очистить совѣсть, онъ отправился къ Рокамъ и нашелъ дверь дома ихъ запертой. Прислушиваясь и не слыша ничего, онъ предположилъ, что семейство спитъ и, возвратившись домой, рѣшилъ, что Бенедумъ положительно ошибся. «Потому что, — говорилъ онъ самъ себя,—люди, замышляющіе преступленіе, не могутъ спать». Всякій судитъ о другихъ по самому себѣ.

XV.

Работа инженеровъ подвигалась быстро: вѣхи ихъ тянулись вдоль лѣса, овраговъ и потоковъ, отъ Сигвиллера до Фельзенбурга.

Какъ подумаешь, сколько надо труда для окончанія желѣзной дороги, чтобы перебросить мостъ съ одной горы на другую... ошлифовать утесы, обогнуть зормъ, выкопать подземные ходы, сравнять пригорки, сдѣлать насыпи въ триста и четыреста футовъ,—какъ подумаешь объ этомъ, такъ удивишься смѣлости человѣка и спросишь себя: «Что подумаютъ о насъ наши дѣти? Какая работа останется на ихъ долю? Что значатъ замки Нидека и Гобора, соборы Страсбурга и всей Германіи сравнительно съ такими предпріятіями? Какіе древніе народы могутъ сравняться съ нами?

Вотъ, что всякому приходило въ голову въ виду этихъ громадныхъ предпріятій; но большинство сомнѣвалось въ томъ, что они когда-нибудь будутъ исполнены.

Въ тотъ день, когда инженеры сошли изъ Фольберга и вѣхи

нихъ показались въ долинѣ, крестьяне, работавшіе въ полѣ, оставляли по временамъ свои работы, и глядѣли на инженеровъ съ подзорными трубами, на землемѣровъ, носившихъ цѣпи, на работниковъ, сравнивавшихъ почву, на дровосѣковъ, срубавшихъ деревья, которыя падали съ трескомъ, и думали, что они бредятъ.

Пѣшеходы, извощики, почтальоны въ продолженіе столькихъ лѣтъ, ползавшіе съ палками и бичомъ въ рукахъ, какъ настоящія улитки по маленькимъ песчанымъ дорожкамъ вокругъ горъ—тоже останавливались и задумчиво издали смотрѣли на этихъ людей въ плоскихъ фуражкахъ, ходившихъ туда и сюда, кричавшихъ, дѣлавшихъ знаки рукою и отдававшихъ приказанія, чтобы проводили линію черезъ массы утесовъ, и все это имъ казалось страннымъ; они качали головою и говорили:

— Когда желѣзная дорога будетъ готова, у насъ не будутъ больше болѣть зубы... А до тѣхъ поръ пѣшеходы износятъ еще не одну пару сапогъ.

Такъ разсуждали прохожіе, что не мѣшало имъ однакожъ дивиться безумію подобнаго труда.

Въ субботу къ вечеру были окончены всѣ работы въ Фельзенбургской долинѣ; теперь оставалось приняться за работы на горѣ, чтобы пройти въ Саверіское ущелье.

Инженеры и парижанки праздновали, по своему обыкновенію, воскресенье, а въ понедѣльникъ съ четырехъ часовъ утра работники взялись за вѣхи, а инженеры за подзорныя трубы въ двухъ стахъ метрахъ отъ горы.

Тутъ приходитъ въ голову весьма естественная мысль: почему строители желѣзной дороги, вмѣсто того, чтобы возбудить во всѣхъ уваженіе, какъ хорошей нравственностью, такъ и смѣлостью своихъ взглядовъ, громадностью своихъ предпріятій и своей неутомимой дѣятельностью, почему, повторяю я, эти славные сыны XIX вѣка, громадныя дѣла которыхъ удивятъ потомство, такъ мало заботились о томъ, чтобы не оскорблять обычаевъ и привычекъ мѣстнаго населенія?

Неужели правда, что нравственность людей образованныхъ отличается отъ нравственности невѣждъ? или слѣдуетъ предполагать, что постоянная дѣятельность мысли, усиліе умственной способности, при достиженіи трудной цѣли требуетъ вознагражденій, или даже излишествъ другого рода, чтобы возстано-

вить равновѣсіе между дѣятельностью тѣла и дѣятельностью души, и вознаградить плоть самымъ насущнымъ и самымъ законнымъ удовлетвореніемъ? Но въ предѣлы нашей задачи не входятъ такія разбирательства. Мы оставляемъ другимъ трудъ рѣшить эту задачу.

Цѣлая толпа деревенскихъ жителей смотрѣла въ этотъ день, по какому мѣсту горы пойдетъ желѣзная дорога.

Погода была великолѣпная. Съ шести часовъ утра солнце разсѣяло туманъ долины; съ почвы поднимался паръ, роса, прохлада; зелень яблонь дрожала отъ дуновенія вѣтерка.

Инженеры въ высокихъ желтыхъ кожаныхъ сапогахъ шагали черезъ высокую сырую траву; потъ лилъ съ нихъ градомъ и рѣзкіе голоса ихъ безпрестанно кричали землемѣрамъ:

— Правѣе... лѣвѣе... такъ... стой!..

За ними слѣдовала цѣлая куча рабочихъ. Въ громадной лѣсной просѣкѣ виднѣлись дровосѣки, завтракавшіе, сидя вокругъ глиняныхъ чашекъ. Всѣ жители сосѣдней долины, пастухи, съ своими стадами, кумушки на порогѣ своихъ домишекъ смотрѣли на работу, спрашивали другъ друга:

— Гдѣ же пойдетъ дорога? Черезъ развалины или подъ горой?

Старикъ Бенедумъ, стоя на своемъ горбатомъ мостикѣ, дѣлалъ видъ, что занятъ подниманіемъ шлюза, а Людвигъ, облокотившись къ двери мельницы, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Въ то время, когда г. Орасъ сдѣлалъ знакъ землемѣру растянуть цѣпь по вереску, по тропинкѣ, ведущей изъ кузницы въ развалины, появился старикъ Рокъ въ рубашкѣ безъ сюртука, въ кожаномъ фартукѣ, съ непокрытой головой и большимъ молотомъ, заткнутымъ за поясъ.

Онъ посмотрѣлъ... потомъ торжественно сошелъ къ землемѣру, какъ будто хотѣлъ съ нимъ поздороваться.

Въ то же время оба его сына вышли тоже изъ кузницы и шли за нимъ нѣсколько поодаль. Они были такъ же, какъ отецъ, въ рубашкѣ безъ сюртуковъ и въ кожаныхъ передникахъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—сказалъ старый кузнецъ работнику, несшему цѣпь.

— Вы видите что, дядя Даніэль,—отвѣчалъ работникъ, который былъ мѣстный житель,—я ставлю вѣху.

— Кто позволилъ тебѣ ходить по моей землѣ?—спросилъ кузнецъ съ пылающими глазами.

— Но... но... дядя Даніэль!—отвѣчалъ тотъ въ совершенномъ смущеніи.

Господинъ Орасъ издали смотрѣлъ на эту сцену, ничего не понимая.

— Ну, ну,—крикнулъ онъ,—поторапливайтесь!

Но работникъ не выражалъ желанія повиноваться; онъ зналъ старика Даніэля, сухо сказавшаго ему:

— Уйди, Гансъ, совѣтую тебѣ!

Г. Орасъ, видя неподвижность этого человѣка, подбѣжалъ, восклицая:

— Что тутъ такое?

— А то,—отвѣчалъ старикъ Даніэль, — что я запрещаю вамъ двигаться сюда.

— Вы намъ запрещаете... вы!—крикнулъ инженеръ, глядя на него свысока.

— Да... я! Отходите же... и скорѣй.

Тутъ щеки кузнеца задрожали; но инженеръ вмѣсто того, чтобы испугаться, разразился громкимъ хохотомъ и, схвативъ вѣху, воткнулъ ее передъ самымъ носомъ стараго кузнеца восклицая:

— Вотъ!

Старикъ Даніэль тихо кашлянулъ, вынулъ свой молотъ и нанесъ инженеру такой ударъ, отъ котораго у него брызнула кровь изъ носу, изъ ушей, изо рта, и онъ упалъ навзничь къ его ногамъ.

Послѣ этого удара, кузнецъ заткнулъ молотъ свой за поясъ, взялъ вѣху съ желѣзнымъ наконечникомъ и всталъ, глядя на то, что дѣлается передъ нимъ.

Гансъ опрометью бросился черезъ верескъ, какъ большая коза, за которой гонится волкъ.

Фрагонаръ, Кипріянъ, землемѣръ и рабочіе суетились съ ужаснымъ крикомъ.

Старикъ Рокъ одинъ, поднявъ гордо голову, нахмуривъ брови, стиснувъ губы и подбородокъ и сощуривъ глаза, ждалъ ихъ, не двигаясь впередъ.

Одинъ видъ его наводилъ страхъ.

Къ нему подошли оба его сына съ молотами въ рукахъ.

— Разбойники!.. Злодѣи!..—кричали парижане, махая оружіемъ.

Когда они подошли къ горѣ, Даніэль закричалъ имъ голосомъ, громкимъ, какъ труба.

— Не подходите!..

Но такъ какъ они не останавливались, съ высокимъ Фрагонаромъ во главѣ, то онъ выступилъ на четыре шага къ нимъ навстрѣчу и вѣха его свистнула по воздуху, выбивъ такую же вѣху изъ рукъ Фрагонара, который успѣлъ отскочить назадъ, лишившись только одного уха, и съ посинѣлой правой щекой.

— Каналья... Мерзавецъ! — крикнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ.

Кузнецъ не отвѣчалъ ни слова... сыновья подошли къ нему... и битва началась... Но битва ужасная,—удары лопатами, заступами, вѣхами сыпались, какъ градъ, убивая то одного, то другого; оставалось еще пять или шесть орудій, взлетавшихъ на воздухъ, какъ порохъ.

Изъ деревни все это было видно... Всѣ бѣжали на гору, съ сапогами и башмаками въ рукахъ, перелѣзали черезъ заборы, сады и кусты, крича:

— Господи... Господи... какъ они дерутся... Да они убиваютъ другъ друга... Господи... какая драка... Создатель мой!

А надъ толпой все еще виднѣлась сѣдая голова старика Рока и вѣха его взмахивала, свистя по воздуху... Онъ былъ облитъ кровью, но, казалось, будто смѣялся своимъ крючковатымъ носомъ.

Въ рукахъ у сыновей его были тоже вѣхи, и они двигались подлѣ него, осыпаемые ударами.

За нѣсколько шаговъ, нѣсколько человѣкъ разбитыхъ уползали отъ этой сумятицы, а вдали выходили изъ лѣса дровосѣки съ топорами въ рукахъ... А наверху, на хребтѣ утеса, стояла старая Фульдрода и проклинала враговъ кузнеца.

Наконецъ по маленькой тропинкѣ вдоль вереска бѣжали впопыхахъ Людвигъ, Бенедумъ и ихъ работники.

Несчастныя деревенскія старухи, которыя не могли бѣжать такъ скоро, подымали свои длинныя сухія руки, сидя на тропинкѣ въ полугорѣ, и кричали:

— Святой Христофоръ!.. Святой Панкратій! Святой Арбогастъ!.. Святой Ландольфъ! Сжальтесь надъ нами.

Но это не мѣшало ударамъ сыпаться съ страшнымъ трескомъ.

Тутъ старикъ Даніэль пришелъ въ такое воодушевленіе, что вообразилъ осуществленіе всѣхъ старыхъ лѣтописей. Онъ двигался, убивая и уничтожая все, что ему попадалось, какъ Гюгъ Кривой въ Мильдорфской битвѣ.

Вскорѣ же, послѣ трехъ или четырехъ ударовъ заступомъ по головѣ, ему вообразилось, что онъ самъ Гюгъ Кривой, и онъ вдругъ закричалъ:

— Графъ Фалькенштейнъ, вы дѣлаете сегодня чудеса!.. Леопольдъ дрожитъ... Мы принесемъ въ жертву останки его нашей мученицѣ, святой Варварѣ! Ум... ум... На Товординцевъ и Бробилсоновъ!.. Убивать безпощадно всѣхъ... Ко мнѣ... дѣти крестоносцевъ!.. Слава Богу, тѣла ихъ не будутъ погребены!

И эти слова лѣтописи придавали удивительную храбрость его сыновьямъ; они скрежетали зубами, рычали и убивали съ страшной свирѣпостью, не чувствуя, какъ бока ихъ ломались ударами заступовъ и лопатъ. Они точно окаменѣли.

Фрагонаръ, высокій, худой, со ртомъ, разинутымъ до самыхъ ушей, съ посинѣвшей щекой, со шляпой на бекрень,—хотѣлъ пробиться черезъ толпу, грозилъ старику новымъ ударомъ шестомъ, потомъ обертывался въ ярости и кричалъ во все горло дровосѣкамъ:

— Да идите же... идите же, чортъ васъ возьми!

Старикъ Даніэль тоже взглянулъ на Фрагонара и хотѣлъ пробраться къ нему.

— Ты умрешь,—бормоталъ онъ,—я видѣлъ тебя въ Ульбертвиллерскомъ ущельѣ... Ты велъ въ наши горы лотарингскихъ разбойниковъ... Теперь надо во второй разъ убить тебя.

Дровосѣки наконецъ подошли, и старикъ Рокъ, взглянувъ на голубоватые топоры, которые онъ самъ сковалъ, нѣсколько опомнился и вскричалъ раздирающимъ голосомъ:

— Христіанъ, Каспаръ... Ихъ слишкомъ много... спасайтесь... Оставьте меня одного!

Продолговатое лицо его приняло выраженіе отчаянія.

Но храбрые молодые люди вмѣсто того, чтобы бѣжать, бросились къ нему. Удары сыпались на ихъ вѣхи, глухо отдаваясь, какъ удары въ кузницѣ

Въ эту минуту дровосѣкъ Уери изъ Шиврегофа ударилъ Каспара топоромъ по головѣ, и тотъ упалъ на колѣни.

Старикъ Даніэль закричалъ такъ, что могъ привести въ содроганіе самого Фрагонара. Онъ бросился на топоры, схватилъ Уери, подмялъ его подъ себя и потомъ закрылъ глаза. Тысячи ударовъ посыпались на его бока и голову; но онъ еще обернулся, закричавъ:

— Христіанъ!.. Спасайся, дитя мое!..

Потомъ упалъ на одно колѣно... изломалъ свою вѣху объ голову еще другого дровосѣка, громко захохоталъ... и во весь ростъ растянулся въ верескѣ.

За послѣдовавшей минутой молчанія раздался страшный гамъ; вся ожесточенная толпа бросилась на Христіана, оставшагося около отца.

Въ эту минуту подоспѣлъ Людвигъ, увидавшій длинныя ноги старика Даніэля подъ ногами дерущихся,—одного изъ его сыновей, лежавшимъ лицомъ къ землѣ и душившимъ еще двухъ раненыхъ,—а другого, Христіана, на колѣняхъ подлѣ старика съ молотомъ въ рукахъ, желая его поднять и отстраняя удары, совершенно окровавленной лѣвой рукой.

При этомъ зрѣлищѣ Людвигъ, очертя голову, бросился въ толпу.

— Подлецы... подлецы!..—кричалъ онъ.

Старикъ Бенедумъ, прибѣжавшій тоже, схвативъ вѣху, сказалъ:

— Это что? Не хотите ли вы потягаться и съ нами? Ну, такъ начинайте!

Въ эту минуту два мельниковы работника перелѣзли черезъ изгородь, и дровосѣки при видѣ этого подкрѣпленія отступили, находя, что и прежняго было довольно.

Кустарникъ представлялъ тогда ужасное зрѣлище: повсюду кровь, повсюду раненые, изъ которыхъ одни кричали, что они убиты... А другіе—молча ощупывались.

Людвигъ сталъ на колѣни около старика Рока и залился слезами.

Старикъ полуоткрылъ сѣрые глаза... взглянулъ на него... Слеза покатилась по щекѣ его... и Людвигъ, державшій его руку, почувствовалъ, что рука стараго кузнеца сжала его руку... Потомъ рука ослабла, и старикъ лишился чувствъ.

Между тѣмъ другіе, при видѣ своихъ раненыхъ, возвращались, крича, что надо добить этихъ негодяевъ.

Но Фрагонаръ, сидя на окраинѣ канавы и обмывая грязной водой себѣ ухо, вскричалъ:

— Только мерзавцы могутъ бить лежачихъ... Убирайтесь! Развѣ мы хищныя животныя?

Послѣ этого онъ подозвалъ своего землемѣра, велѣлъ ему бѣжать въ гостиницу «Лебедя», сѣсть на лошадь и скакать за ближайшимъ докторомъ. Потомъ онъ пошелъ поднять Ораса, у котораго обильно текла кровь изъ носа и изо рта.

Вотъ какимъ образомъ старикъ Даніэль исполнилъ угрозу, которую онъ высказалъ въ муниципальномъ совѣтѣ, и можно полагать, что если онъ убилъ еще недостаточно народа, то совсѣмъ не потому, что не желалъ этого.

XXI.

Захарій Пипперъ брился у окна, когда сотскій Касперъ Пманъ, вбѣжавъ на лѣстницу, отворилъ дверь, пробѣжалъ черезъ прихожую и влетѣлъ въ залу, крича:

— Господинъ мэръ... Господинъ мэръ... Скорѣе... скорѣе... Шарфъ вашъ... на горѣ дерутся... убиваютъ другъ друга... Тамъ уже болѣе пятнадцати убитыхъ и пятидесяти раненыхъ...

При этихъ крикахъ Захарій совершенно остолбенѣлъ. Потомъ, черезъ минуту онъ спросилъ:

— Кто же дерется, Касперъ?

— Старикъ Даніэль и его сыновья напали на инженеровъ, на землемѣровъ, на работниковъ и на всѣхъ... Торопитесь... торопитесь!..

Мэръ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, бритва задрожала въ его рукахъ, колѣни подкашивались.

— Инженеровъ!—пробормоталъ онъ.—Бьютъ инженеровъ!.. Можетъ ли это быть?

Потомъ, опомнившись, онъ наскоро вытеръ подбородокъ и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Шарфъ!.. Шарфъ!.. Мой бѣлый галстухъ!.. Христина!.. Христина!.. Слышишь ты, шарфъ мой!..

Христина прибѣжала въ испугѣ... мэръ надѣлъ шарфъ и бро-

сился, какъ безумный, махая руками, бормоча несвязныя слова, прерываемыя неясными восклицаніями.

— Ахъ! Мерзавцы!.. Ахъ! Эти Роки!.. Посмотримъ!.. Варвары!.. Гнѣздо коршуновъ!.. Ихъ надо повѣсить!.. Сжечь заживо!.. Всѣхъ!.. Всѣхъ!.. Безпощадно!.. Нападаютъ на цивилизацію!.. Разбойники!.. Они ничего не уважаютъ!.. Ничего!.. Убивать благодѣтелей страны!.. Канальи!.. Негодяи!..

Говоря такимъ образомъ, онъ дѣлалъ чуть ли не саженные шаги.

Это не помѣшало однако ему встрѣтить при поворотѣ около фонтана носилки съ г. Орасомъ, — котораго принесли въ гостиницу «Лебедя» при огромномъ стеченіи народа,—и пять или шесть другихъ носилокъ, которыя несли вдоль улицы.

Трудно описать крики и отчаяніе парижанокъ; Діана бросилась на носилки господина Ораса, съ растрепанными волосами и страшно рыдая;—Мальвина обмывала щеку Фрагонара въ большой чашкѣ съ тепловатой водой;—Жюльета дышала местью, — мосье Анатолю сдѣлалось дурно, а старый жидъ Эліасъ, желтый какъ айва, говорилъ въ носъ, качая головой и всплеснувъ руками:

— Бѣдный молодой человѣкъ! Бѣдный молодой человѣкъ!.. Эліасъ Блумъ жалѣетъ тебя! Какое несчастіе, Боже мой, какое несчастіе!

Слуги опрометью бросились за помощью въ Саверну. Одни кричали, что имъ нужно доктора, другіе, что нужно аптекаря, третьи призывали жандармовъ, четвертые осматривали улицу, боясь новаго нашествія Роковъ.

Стоны несчастныхъ, при видѣ своихъ изгнанныхъ сыновей, оглашали воздухъ,—дѣти рыдали, а старики рвали на себѣ волосы.

Захарій при этомъ зрѣлищѣ призывалъ мщеніе небесное на Роковъ, которыхъ онъ называлъ «серверскими морскими разбойниками».

Дѣло въ томъ, что господину Орасу достался дурной ударъ; онъ показывалъ лишь слабые признаки жизни: онъ только, отъ времени до времени, открывалъ ротъ и потомъ снова закрывалъ его, какъ воробьи, которыхъ жмутъ и душатъ жестокія дѣти.

Цирюльникъ Фрейлихъ, который остригъ ему его великолѣп-

ные темпорусые волосы, видя ушибъ головы, объявилъ, что онъ лишится волосъ и что принужденъ будетъ носить парикъ.

Услыхавъ это, Діана упала въ обморокъ.

Вся деревня кричала, что надо поджечь гнѣздо Роковъ; но хотя они были побѣждены, однако никто не смѣлъ подойти къ ихъ дому. Всѣ знали, что старикъ Бенедумъ, Людвигъ и ихъ работники находились тамъ. Всѣ припоминали старую дружбу старика Рока и Бенедума, намѣренія ихъ повѣнчать Людвига и Терезу и всѣ думали, что они дѣйствуютъ заодно.

Мнѣніе это оправдывалось еще тѣмъ, что мельникъ, сынъ его и работники унесли послѣ битвы стараго кузнеца, Каспера и Христіана къ нимъ въ домъ, и съ тѣхъ поръ не выходили оттуда.

Трактирщикъ Баумгартенъ игралъ въ этой сумятицѣ самую жалкую роль; у него спрашивали сто вещей сразу... тряпокъ... корпіи... уксусу... холодной воды... и несчастный не зналъ, куда броситься.

Опасность, казалось, увеличивалась съ минуты на минуту; пульсъ господина Ораса совершенно переставалъ биться.

Наконецъ черезъ часъ на горѣ показались Фальсбургскіе хирурги, скакавшіе маршъ-маршемъ.

Толпа передъ ними разступилась. Тысячи голосовъ просили ихъ помощи, но они вышли у гостиницы, вошли въ большую залу и велѣли закрыть окна.

Послѣ этого несчастные пришли въ отчаяніе и стали кричать.

— Они пріѣхали только для богатыхъ!

Въ это время изъ дома кузнеца вышелъ Бенедумъ и подошелъ къ двери гостиницы, которую онъ хотѣлъ открыть. Она была заперта; но онъ уперся плечомъ и хотѣлъ выломать ее, когда къ нему вышли Захарій и Баумгартенъ.

— Что вамъ надо?—спросили они его.

— Я хочу, чтобы одинъ изъ докторовъ осмотрѣлъ моего стараго друга Даніэля... Ихъ тамъ трое... Я видѣлъ, какъ они пріѣхали... А мнѣ надо только одного.

— Господинъ Бенедумъ,—сказалъ мэръ, понизивъ голосъ, такъ какъ доктора тогда совѣтывались:—берегитесь!.. Ваша заботливость можетъ заставить смотрѣть на васъ, какъ на сообщника.

— Послушайте, господинъ Захарій,—прервалъ его мель-

никъ:—вы виноваты во всемъ случившемся, вы согласились на эту желѣзную дорогу... Развѣ намъ нужна была желѣзная дорога?.. Развѣ мы не были счастливы безъ желѣзной дороги?

— Дѣло не въ этомъ,—вскричалъ мэръ:—всего лучше будетъ, если разбойники тѣ умрутъ; что же касается до васъ, то берегитесь!

Бенедумъ началъ выходить изъ себя, но увидавъ въ коридорѣ болѣе двадцати человѣкъ, онъ понялъ, что бороться противъ нихъ одному нельзя. Онъ ушелъ въ отчаяніи, что нельзя было ожидать никакой помощи для милыхъ его!

Старикъ Рокъ, положенный на столѣ и два сына его на кровати не умерли еще, благодаря ихъ атлетическому тѣлосложенію; Старикъ Даніэль открылъ даже одинъ глазъ, такъ какъ другой, выбитый заступомъ, былъ весь въ крови,—узналъ Терезу и пытался даже улыбнуться.

Такимъ образомъ Бенедумъ возвратился въ этотъ домъ, и когда Тереза, сложивъ руки, вопросила его взглядомъ онъ только опустилъ голову.

Тогда наступило полное молчаніе. Этотъ отказъ въ помощи былъ смертельнымъ приговоромъ.

Въ продолженіе цѣлаго часа Тереза тщетно старалась остановить кровь отца. Грустно было смотрѣть на этого колосса,—громаднаго, сильнаго, страшнаго, съ открытой посинѣвшей грудью, съ огромной окровавленной сѣдой головой, съ неподвижными мускулистыми руками... Всѣ члены его ждали возрожденія, но безъ помощи и безъ возможности остановить кровь,—приходилось умирать.

Къ счастью судьба рѣшила, что Даніэль Рокъ и сыновья его не умрутъ въ этотъ день; она вѣроятно предназначала ихъ для новыхъ дѣяній.

Дѣйствительно, въ ту минуту, когда уже всѣ предались отчаянію, на улицѣ послышался лошадиный топотъ и, почти въ то же время, показался человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати пяти, высокій, худой, костлявый, весь въ поту и со всклокоченной черной бородой, въ длинномъ сѣромъ кафтанѣ, на большой рыжей лошади, футовъ шесть ростомъ и такой же сухой и мускулистой, какъ его господинъ.

Странная личность эта наклонилась съ сѣдла до окошка комнаты, закричавъ зычнымъ голосомъ:

— Не унывайте! Это я.

— Докторъ Маршалъ!—сказалъ Бенедумъ.—Мы спасены.

Тереза, до сихъ поръ выказывавшая столько силы и мужества при видѣ страданій,—Тереза ни на одну минуту не упадавшая духомъ во время битвы, лишилась чувствъ при видѣ этой надежды и упала на руки Людвига.

Докторъ Маршалъ, большой сторонникъ желѣзныхъ дорогъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстный любитель развалинъ, медалей и старыхъ рукописей, всегда чувствовалъ уваженіе къ Даніэлю Року. Ихъ склонность къ старинѣ, ихъ уваженіе къ послѣднимъ проявленіямъ прошлаго, давно установило между ними что-то въ родѣ привязанности, искренной, прочной симпатіи, безъ всякихъ другихъ проявленій, кромѣ какого-нибудь мимолетнаго пожатія руки.

Докторъ ѣздилъ прививать оспу въ горы; услыхавъ же о страшной битвѣ, примчался во весь опоръ, чтобы вправить изломанныя кости стараго кузнеца и его сыновей: сильные характеры и истинныя преданности доказываются такими поступками.

Въ продолженіе всего этого дня доктора работали въ Фельзенбургѣ, вправляя руки и ноги.

Съ наступленіемъ вечера пріѣхали жандармы и направились прямо къ старику Року, въ сопровожденіи г. мэра и цѣлой толпы народа.

У Рока были старикъ Бенедумъ и Людвигъ, священникъ Никлосъ, причащавшій башмачника Фронисена и въ совершенномъ смущеніи прибѣжавшій при первомъ извѣстіи о несчастіи. Тереза сидѣла на скамеечкѣ, неподвижно и спокойно, въ самомъ темномъ углу комнаты, мельниковы работники, старикъ Даніэль, еще на столѣ, и подъ занавѣской небольшой кровати налѣво, около двери Христіанъ и Касперъ, всѣ завернутые въ тряпки, какъ и отецъ ихъ.

Къ этому времени старый кузнецъ и сыновья его поправились на столько, на сколько могли поправиться: всѣ трое пришли въ сознаніе. Докторъ Маршалъ собирался уѣхать, обѣщая возвратиться на слѣдующій день, но услыхавъ бренчаніе сабель, говоръ народа и топотъ деревянныхъ башмаковъ по мостовой, весь этотъ зловѣщій шумъ, предвѣщавшій арестъ,—докторъ возвратился въ залу и сказалъ Терезѣ:

— Они не мѣшкали... и вотъ то, что я предвидѣлъ, случается!.. Будьте покойны и не пугайтесь.

— Бѣдный мой старикъ! Вотъ и жандармы!

— Я слышу ихъ,—проговорилъ, улыбаясь, Даніэль:—насъ возьмутъ, какъ кроликовъ въ норѣ: нѣтъ силъ защищаться.

— Къ счастью,—прошепталъ докторъ:—вы знаете... возстаніе противъ властей...

— Да... да... знаю... Беззубымъ волкамъ всегда проповѣдуютъ воздержаніе

Лишь только проговорилъ онъ это справедливое замѣчаніе, жандармскій бригадиръ Вернеръ,—высокій парень, которому старикъ Даніэль часто подковывалъ лошадь, и который, случалось, выпивалъ съ нимъ по стаканчику вина,—Вернеръ, серьезный и нѣсколько опечаленный, въ большой клеенчатой шляпѣ на бекрень, вошелъ, приподнявъ свою саблю, чтобы не шумѣть, и, наклонившись къ дверямъ, сказалъ:

— Мнѣ очень непріятно, дядя Рокъ, арестовать васъ и везти въ Фальсбургскій госпиталь, васъ и вашихъ сыновей, до тѣхъ поръ, пока вы не оправитесь отъ ранъ.

— Хорошо, Вернеръ,—отвѣчалъ старый кузнецъ,—исполняйте вашу обязанность.

— Да! Это моя обязанность! Ну, какъ это, чортъ возьми, дядя Рокъ, вы, человѣкъ такой серьезный, такой положительный... Такой хорошій гражданинъ... Такой почтенный человѣкъ... Честное слово, это огорчаетъ меня... Но, что жъ дѣлать?.. По крайней мѣрѣ, я доволенъ тѣмъ, что могу самъ проводить васъ.

— Да, Вернеръ.

— И я вижу,—сказалъ бригадиръ,—что въ вашемъ положеніи нечего надѣвать вамъ кандалы.

Въ это же время старикъ Даніэль увидѣлъ мэра, смотрѣвшаго на него съ самодовольной улыбкой; это возбудило его гнѣвъ.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—сказалъ Даніэль, бросивъ на него сверкающій взглядъ.

— Прошу васъ, преступникъ, не говорить мнѣ ты,—важно отвѣчалъ мэръ, — знайте, что это я васъ велѣлъ арестовать... Ради вашей пользы... для общаго дѣла... Потому что недостой-

ный вашъ поступокъ съ инженерами возбудилъ всеобщее негодованіе противъ вашей особы...

Что онъ говоритъ такое?.. Что онъ говоритъ?—прервалъ кузнецъ.—Что онъ жуетъ эти высокопарныя слова, какъ говядину?.. Убирайся... убирайся!.. Ты мутишь мнѣ кровь... Ты бѣсишь меня!..

— Успокойтесь, дядя Даніэль,—прошепталъ добрякъ Никлосъ.—Успокойтесь... Умоляю васъ!

Старикъ Даніэль закрылъ глазъ и вздохнулъ.

Вернеръ только тутъ замѣтилъ сѣдую голову священника Никлоса; онъ приложилъ руку къ своей шляпѣ и прошепталъ:

— Къ вашимъ услугамъ, батюшка... Какое печальное дѣло!..

— Да, бригадиръ, печальное,—отвѣтилъ добрякъ.

Черезъ минуту глубокаго, торжественнаго молчанія Вернеръ продолжалъ вполголоса, обращаясь къ присутствующимъ:

— Какъ приняться намъ за дѣло?

— Г. Вернеръ! — сказалъ докторъ.—Раненыхъ этихъ еще нельзя переносить... Я не могу отвѣчать за ихъ жизнь.

— Мнѣ очень жаль... очень жаль, докторъ... но вотъ приказъ мнѣ... взгляните сами: «Немедля».

— Хорошо... Я хотѣлъ только сложить съ себя отвѣтственность.

Сказавъ это, докторъ Маршалъ прошепталъ нѣсколько словъ на ухо Бенедуму, который приказалъ своимъ работникамъ запречь большую телѣгу.

До настоящей минуты Тереза не говорила ни слова.

Наступила ночь: въ комнатѣ сдѣлалось темно... въ ней двигались черныя тѣни людей, говорившихъ шепотомъ. Старые часы медленно отбивали секунды. Вскорѣ на улицѣ раздался шумъ тяжелой телѣги, скрипѣвшей на осяхъ.

Тутъ Людвигъ не могъ болѣе удерживаться и началъ тихо рыдать; въ то же время тишина была прервана раздирающимъ крикомъ Терезы.

При этомъ крикѣ у всѣхъ присутствующихъ прошла дрожь по тѣлу.

Старикъ Даніэль, который лежалъ точно въ забытьѣ, вскричалъ, возвысивъ голосъ:

— Тереза!.. Тереза!

Молодая дѣвушка бросилась передъ нимъ на колѣни.

Она задыхалась.

Старикъ же съ трудомъ повернулъ голову... слеза текла по его щекѣ... онъ долго глядѣлъ на свою дочь... Потомъ тихимъ и кроткимъ голосомъ сказалъ:

— Тереза... дитя мое... Будь покойна... Я того хочу... надо меня слушать... Не плачь такъ... это мнѣ слишкомъ больно... я отправляюсь... Ты видишь... другіе сильнѣе насъ... но я благословляю тебя... благословеніе отца приноситъ счастье дѣтямъ... поцѣлуй меня... такъ... Да, Тереза... милое, дорогое дитя!...

Рыданья ихъ слились и многіе изъ присутствующихъ торопливо вышли, потому что не могли видѣть этого.

Старый священникъ Никлосъ, облокотившись на печку и положивъ сѣдую голову на руку, плакалъ, какъ дитя, и, самъ Вернеръ даже, отвернувшись, чтобъ придать себѣ бодрости, кричалъ на улицу смѣлымъ голосомъ:

— Отойдите... отойдите, канальи! Дюпремъ!.. Прогоните этихъ людей... гм... гм!...

Черезъ минуту старикъ Даніэль сказалъ снова, возвысивъ голосъ:

— Тереза дай мнѣ руку... Людовикъ! Подойди.

Людовикъ подошелъ, обливаясь слезами.

— Положи и твою руку въ мою.

Онъ исполнилъ желаніе старика.

Бенедумъ же закричалъ:

— Даніэль!.. Даніэль... Прости меня... Я былъ неправъ!

Послѣ этого Даніэль, улыбаясь, прошепталъ:—Дѣти наши соединены, Бенедумъ... ты видишь, что я все забылъ... Людовикъ! Довѣряю тебѣ счастье моей дорогой Терезы... люби ее... уважай ее... Будь для нея отцомъ... братомъ... и мужемъ... у нея нѣтъ другой семьи, кромѣ твоей... обѣщаешь ли ты мнѣ все это, Людовикъ?..

— Да... обѣщаю!

— Хорошо!.. Теперь, Вернеръ, возьмите насъ. Тереза... поцѣлуй братьевъ!

Послѣ этого старика Даніэля подняли и весь домъ огласился воплями.

Верховые жандармы держали два зажженные факела, потому что ночь была совершенно темная.

Мельниковы работники стояли на окнахъ. Бенедумъ на

улицѣ, докторъ Маршалъ и старикъ Никлосъ, всѣ помогали выносить раненыхъ, на матрацахъ, черезъ окно и укладывать ихъ на соломѣ, между высокихъ стѣнокъ кузова.

Толпа дико кричала.

Голубоватый свѣтъ факеловъ освѣщалъ эту странную сцену и лошадей, подымающихся на дыбы, съ растрепанными гривами... старый домъ съ открытыми окнами, мрачный, покинутый, Людовика, уносившаго безчувственную Терезу: все это представляло зрѣлище печальное.

Во время этой сумятицы, когда Іокель, мельниковъ работникъ, взялся уже за вожжи и поднялъ бичъ, вдругъ, въ толпѣ произошло какое-то смятеніе и послышались слова:

— Фульдрода!.. Вотъ Фульдрода!..

И толпа съ ужасомъ разступилась.

И дѣйствительно, въ первый разъ, послѣ двадцати лѣтъ, старая разсказчица преданій спустилась изъ развалинъ. Она сходила съ тропинки вдоль кузницы и кричала рѣзкимъ голосомъ, протянувъ руки:

— Стойте!

Всѣ послушались.

Она подошла къ телѣгѣ, съ двумя большими козами около нея. При видѣ ея, старикъ Даніэль вздрогнулъ, глазъ его озарился счастьемъ.

Вернеръ взялъ одинъ изъ факеловъ и наклонился съ лошади, чтобы слышать, что скажетъ колдунья.

— Ну, Фульдрода,—сказалъ кузнецъ, спустя нѣсколько секундъ,—мы отправляемся.

— Да... вы отправляетесь... Но вы возвратитесь,—сказала старуха.

За этимъ послѣдовала минута молчанія.

— Возвратимся всѣ трое?

— Всѣ трое!

— Когда?

— Не скоро... но еще не все кончено... тамъ владѣтели ждутъ васъ... я берегу вамъ мѣсто подлѣ нихъ.

Мрачное воодушевленіе озарило лицо стараго кузнеца.

— Мнѣ!.. Моимъ дѣтямъ!.. Мѣсто послѣ Гюга Криваго, Люитпранта, Бартольда I? Можетъ ли это быть!

— Это такъ!.. Вы ляжете рядомъ съ ними... вы дворяне...

Я... Фульдрода... Послѣдняя изъ рода маркграфовъ д'Оберней, объявляю васъ дворянами!.. Я видѣла, какъ Гюгъ поднялъ кверху большую шпагу, въ то время, какъ вы дрались и посвятилъ васъ троихъ въ рыцарство.

— Вы видѣли это, Фульдрода?

— Я видѣла это!.. И вотъ зачѣмъ я сошла... я хотѣла вамъ сказать это... Ваше мѣсто тамъ, наверху!.. Теперь отправляйтесь... Я жду васъ...

Даніэль Рокъ былъ такъ пораженъ, что не могъ отвѣтить ни слова.

— Старуха эта помѣшана,—подумалъ бригадиръ.

Фульдрода ушла.

— Ну, пошелъ!—крикнулъ онъ рѣзко.

Телѣга тихо покатилась... Вся деревня: мужчины, женщины и дѣти дико кричали и ругались... жандармы вынули сабли и покрикивали:

— Берегись!

Телѣга качалась и нагибалась въ песчаныхъ колеяхъ. Лошади ржали...

Фульдрода, стоя неподвижно у угла пустого дома, спокойно смотрѣла на это зрѣлищѣ.

— Я жду васъ!—крикнула она.

Голосъ ея рѣзко, какъ голосъ орла, заглушилъ крики толпы. Старый кузнецъ поднялъ руку, какъ будто въ знакъ привѣтствія.

Толпа вошла въ извилистую улицу трехъ фонтановъ; пламя факеловъ освѣщало трубы надъ темными домами до самаго конца деревни.

Шумъ удалялся. Послѣ него мало-по-малу наступила глубокая тишина, и Фульдрода, шепча какія-то несвязныя слова, стала подниматься по тропинкѣ къ развалинамъ.

Дорогой она нѣсколько разъ оборачивалась и смотрѣла, какъ вдали факелы освѣщали буковый лѣсъ.

Вокругъ нея все было темно, даже козы ея шли тихо, какъ будто были не увѣрены въ дорогѣ.

Въ полночь разсказчица преданій вошла въ свое старое гнѣздо. Даніэль Рокъ и сыновья его были тогда въ Фальбургской крѣпости.

XVII.

Несмотря на всѣ предсказанія доктора, г. Орасъ ожилъ послѣ удара молотомъ. У него вышло много крови носомъ и это обстоятельство спасло его.

Черезъ три недѣли онъ появился съ палкою въ рукахъ на улицѣ Фельзенбурга, поглядывая на горы еще томнымъ взоромъ, но съ видимымъ удовольствіемъ.

Щека же Фрагонара перешла по очереди всѣ краски и потомъ уже пріобрѣла свой прежній цвѣтъ, но ухо пришить оказалось невозможнымъ, такъ какъ его не могли найти послѣ битвы.

Между тѣмъ, парижанки, разочарованныя въ такой странѣ, направили крылья свои къ Бадену, а мосье Анатоль имѣлъ духъ не поѣхать туда съ ними. Такимъ образомъ, все было къ лучшему!

Работы по желѣзной дорогѣ возобновились съ новымъ рвеніемъ и самъ г. Орасъ не замедлилъ взяться за аршинъ и за ватерпасъ.

Этотъ маленькій человѣкъ, въ своемъ родѣ такой же энергичный, какъ старикъ Рокъ, не хотѣлъ предоставить другимъ славу продолжать предпріятіе.

Такимъ образомъ, съ конца сентября началось пріобрѣтеніе земель; и тогда всѣ увидѣли, что Эліасъ Блумъ увеличилъ въ три раза свое, уже довольно значительное, состояніе. Старая лисица продала вчетверо дороже не только тѣ негодныя земли, которыя купила у Бенедума въ глубинѣ долины, но и множество другихъ, которыя пріобрѣла заранѣе между Сарбургомъ и Саверномъ на разстояніи шести миль.

Всѣ были удивлены, узнавъ, что Эліасъ Блумъ милліонеръ. На него смотрѣли съ уваженіемъ, когда онъ проѣзжалъ на своемъ маленькомъ ослѣ; передъ нимъ снимали шапки и кланялись чуть не въ землю и называли его «господиномъ Эліасомъ». Многіе удивлялись даже, что его не награждали орденомъ, а онъ, попрежнему, простой и скромный въ своемъ старомъ, засаленномъ кафтанѣ, лукаво улыбался. Часто Захарій Пиперъ, въ бѣломъ галстукѣ, прибѣгалъ раскланиваться съ нимъ. Онъ подмигивалъ глазомъ и говорилъ нѣсколько въ носъ:

— Хе, хе! Къ вашимъ услугамъ, г. мэръ! Я недавно говорилъ объ васъ съ г. супрефектомъ.

— Ахъ! Г. Эліасъ, какъ мнѣ благодарить!

— Да, вы можете разсчитывать на мою протекцію!

Недоставало немного, чтобъ онъ давалъ еще цѣловать свою руку; такъ дѣлается все на свѣтѣ!

Когда сдавались большія работы, Эліасъ явился первымъ и взялся за постройку мостовъ, водопроводовъ, тунелей. Онъ бралъ все, понималъ все, чутье у него было тоньше, глазъ зорче и духъ предпріимчивѣе, чѣмъ у другихъ. Конкуренты его приходили въ ярость; но чтожъ дѣлать? Онъ былъ достойный представитель своихъ праотцевъ. Ему былъ предначертанъ путь:

— Ты будешь продавцемъ всякой всячины: лентъ, бритвенныхъ щеточекъ, четокъ, сапогъ, бритвъ и всякихъ мелочей! Въ продолженіе двадцати лѣтъ ты будешь ходить изъ деревни въ деревню, таская старую корову, связанную за рога... Потомъ, ты пріютишься въ балаганъ, къ продавцу мыломъ на углу улицы, чтобы вести крупную торговлю. Наконецъ, ты будешь милордомъ... Будешь устраивать желѣзныя дороги, заводы и электрическіе телеграфы: разсчитывай на это, Эліасъ.

Блумъ обладалъ геніемъ торговли и промышленности, вслѣдствіе чего, онъ пріобрѣлъ вскорѣ архитекторовъ, землемѣровъ, всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ сотнями. Онъ устроилъ свое предпріятіе на большую ногу, и другимъ стоило только подражать ему, чтобъ вести хорошо дѣла.

Кто ѣздилъ когда-нибудь по Вогезамъ, спокойнымъ, уединеннымъ, пустыннымъ, въ которыхъ изрѣдка только встрѣчался человѣческій образъ пастуха или полѣсовщика, деревушка въ три или четыре домика между скалъ, съ флюгеромъ часовни посреди елей, съ нѣсколькими козами, разсѣянными по голубоватымъ вершинамъ; кто слышалъ только свистъ дрозда, пронзительный крикъ сарича, удары топора дровосѣка, монотонное постукиваніе пильной мельницы, вѣчное журчаніе потоковъ, продолжавшихся цѣлые дни; кто помнитъ эти пустыни, эти огромные лѣса, этихъ блѣдныхъ, оборванныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, съ босыми ногами, настоящихъ дикихъ, съ загорѣлыми лицами, выражавшими удивленіе при встрѣчѣ съ путешественникомъ; бѣднаго священника въ заплатанномъ подрясникѣ, съ молитвенникомъ подъ мышкой, взбиравшагося на гору

между деревьями; грустнаго школьнаго учителя въ окнѣ своей пустынной большой залы, ожидая учениковъ, которые не появлялись: кто помнитъ все это и не прибѣгаетъ къ помощи старинныхъ лѣтописей, чтобы оживить страну великими охотами и сраженіями, тотъ не можетъ быть одного мнѣнія со старикомъ Рокомъ и долженъ благословлять желѣзную дорогу, давшую возможность обращаться деньгамъ, то-есть доставившую работу и удобства въ эту отдаленную страну.

Отрадно было видѣть, какъ со всѣхъ сторонъ Франціи и изъ-за границы стекалось безчисленное множество рабочихъ для производства этой громадной работы. Они заселили гору и распространились по окрестнымъ долинамъ: жили въ лачугахъ и варили себѣ ѣду подъ открытымъ небомъ.

Все это были сильные малые, пришедшіе изъ Оверна, Бельгіи и Савои и поднимавшіе страшныя глыбы земли, съ окладистыми бородками, съ серебряными серьгами въ ушахъ, съ громадными руками, съ блѣдными лицами, съ бѣлыми зубами,— работники эти любили говядину и хорошее вино и работали за четверыхъ.

Стоило полюбоваться на нихъ, когда они, стоя на дощечкахъ вдоль пропасти, оббивали скалы, какъ какія-нибудь старыя источеныя стѣны и дробили гранитъ молотами и ломами: жадные коршуны не трудятся съ такимъ жаромъ надъ трупомъ. Цѣлые груды камней валились сверху съ страшнымъ трескомъ; потоки, бѣжавшіе внизу, были совершенно завалены, а рабочіе даже не оборачивались, чтобы взглянуть; они работали и все работали.

Стоило взглянуть на нихъ, какъ они тащили громадныя тачки, гуськомъ, какъ муравьи, все по одной и той же тропинкѣ, до тѣхъ поръ, покуда горы не были выровнены, а долины засыпаны; потомъ уходили подъ землю, строить громадные своды, возвышать мосты съ одной вершины на другую, отводить грязныя воды, подобно ребенку, который рукою отстраняетъ ручеекъ...

Черезъ мѣсяцъ весь Фельзенбургъ походилъ на большую гостиницу, куда приходили работники сотнями спать въ амбары, по чердакамъ и по сараямъ. Всѣмъ была работа: булочнику, слесарю, столяру... всѣмъ!

— Ахъ!—восклицалъ иногда Бенедумъ.—Какую кузницу...

какую кузницу могъ имѣть другъ мой Даніэль... Человѣкъ такъ хорошо знающій свое дѣло... Такой трудолюбивый... И съ такими славными работниками, какъ сыновья его... Онъ бы дѣлалъ въ день по сто заступовъ... Онъ ковалъ бы... Ковалъ бы... все что надо... Пріобрѣталъ бы деньги, какъ жидъ... Какое несчастіе!

Между тѣмъ старикъ Даніэль и сыновья его, вылечившись отъ ранъ, были переведены въ Нанси и преданы суду.

Прежде происшествіе это произвело бы впечатлѣніе на всѣхъ горныхъ жителей: кумушки, выметая свои сѣни, по утрамъ говорили бы объ этомъ мѣсяцевъ шесть съ восклицаніями и патетическими жестами, но тогда всякій заботился о своихъ собственныхъ дѣлахъ, не обращая вниманія на дѣла ближнихъ.

Еслибы священникъ Никлосъ, мэръ и Францъ Бенедумъ не должны были отправиться, какъ свидѣтели, то въ деревнѣ, можетъ быть, и не узнали бы объ этомъ великомъ событіи.

Старикъ Бенедумъ и священникъ Никлосъ, возвратясь изъ своей поѣздки, сообщили, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ множество рабочихъ было ранено старымъ кузнецомъ, такъ какъ пять или шесть изъ этихъ молодцевъ остались калѣками на всю жизнь, а двое изъ нихъ даже умерли, такъ какъ господинъ Орасъ чуть не лишился жизни въ этомъ дѣлѣ и всѣ свидѣтели въ одинъ голосъ говорили, что битву начали Роки, то все это заставляло предполагать, что имъ отрубятъ голову на большой Фельзенбургской площади.

Но въ это время жилъ въ Парижѣ одинъ знаменитый адвокатъ, который чувствовалъ необыкновенное благоговѣніе къ королю Хильперику.

Всякій разъ, когда представлялся случай сказать нѣсколько словъ о Хильперикѣ, онъ являлся и своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ вызывалъ слезы у присутствующихъ. Правда, что потомъ всѣ удивлялись своимъ слезамъ объ этомъ королѣ, о которомъ большинство не слыхивало, который никогда не дѣлалъ никому добра, никогда не отличился ничѣмъ великимъ и достойнымъ короля,—но, тѣмъ не менѣе, слезы проливались: это было уже дѣло искусства.

Знаменитый ораторъ этотъ, узнавъ изъ «Надежды», мерт-

ской газеты, что случилось на Фельзенбургской горѣ, былъ такъ удивленъ, что на свѣтѣ существуетъ человѣкъ, способный сломить себѣ шею, изъ за чести и славы Гюга Кривого. Онъ нашелъ трогательное совпаденіе своихъ чувствъ съ чувствами старика Рока. Кромѣ того, тутъ ему представлялся великолѣпный случай сказать нѣсколько словъ о Хильперикѣ... однимъ словомъ, онъ отправился въ путь, рѣшившись защищать старика Рока и его сыновей.

Онъ легко уговорилъ кузнеца поручить ему свою защиту, тѣмъ болѣе, что Никлосъ восхвалялъ до небесъ геній этого человѣка и постоянно повторялъ старику Даніэлю, что только онъ одинъ способенъ выпутать его.

Когда стали разбирать дѣло, весь городъ Нанси явился въ судъ и великій ораторъ говорилъ такъ хорошо, что сами судьи были тронуты.

Только одинъ Рокъ оставался равнодушнымъ къ тому, что въ рѣчи слишкомъ часто повторялось имя Хильперика и не довольно говорилось объ Гюгѣ Кривомъ.

Тѣмъ не менѣе, вмѣсто того, чтобы взойти съ сыновьями на эшафотъ, что было бы непремѣнно безъ этой рѣчи, они были осуждены только на пять лѣтъ заключенія.

Великій адвокатъ ничего не взялъ за свой трудъ и тотчасъ же уѣхалъ.

Священникъ Никлосъ рыдалъ все время потому, что онъ тоже чувствовалъ слабость къ Хильперику, но Бенедумъ былъ въ отчаяніи, что Даніэль не возвратится домой. Во время рѣчи онъ надѣялся, что ихъ тотчасъ же выпустятъ и что старику Року удастся быть на свадьбѣ Терезы съ его сыномъ.

До отъѣзда своего изъ Нанси, онъ выпросилъ позволеніе повидаться съ своимъ старымъ товарищемъ и проливалъ горькія слезы о его печальной долѣ.

Старикъ Даніэль сказалъ ему:

— Все это пустяки, Францъ: черезъ пять лѣтъ мы возвратимся въ Фельзенбургъ. Только мнѣ будетъ восемьдесятъ лѣтъ. Это будетъ моя вторая молодость и мы опять примемся за свои дѣлишки. А пока пусть Людвигъ и Тереза женятся. Батюшка Никлосъ передастъ Терезѣ мою волю. Вы сыграете свадьбу по домашнему... Мнѣ хочется, чтобы все было весело. Сначала выпейте стаканчикъ стараго рикевира за мое здоровье, потомъ

другой за здоровье Христіана и третій за здоровье Каспера. Знайте, что я доволенъ, и что меня не огорчаетъ то, что я сдѣлалъ... а напротивъ того, мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность начать сызнова... Обнимемтесь же и счастливаго пути.

Такимъ образомъ говорилъ старый кузнецъ спокойно и просто. Онъ сдѣлался кривымъ на лѣвый глазъ, но это не безобразило его мужественное лицо. Правый глазъ его горѣлъ какъ уголь, а щека, прорѣзанная длиннымъ шрамомъ дрожала отъ времени до времени.

Всѣ приказанія его были исполнены. Людвигъ и Тереза женились, и хотя года заключенія долги, хотя ихъ считаютъ секундами, но и они прошли.

Можете себѣ представить, какъ бились сердца всей семьи первый день шестого года.

Тереза родила ребенка, толстаго мальчика, котораго она еще кормила и съ робостью хотѣла показать его старому Орлу. Его ждали съ минуты на минуту; каждую минуту будто слышались его шаги по улицѣ и, казалось, онъ явится на порогѣ, но этого не случилось.

Въ шесть часовъ вечера Никлосъ Шперверъ изъ Шевгофа, вошелъ, сказавъ:

— Мастеръ Даніэль и сыновья его въ развалинахъ, они не хотѣли сойти въ деревню. На Берetальской тропинкѣ старикъ поручилъ мнѣ сказать вамъ это; такъ идите же въ большую башню, они васъ тамъ ждутъ.

XVIII.

Дядя Даніэль и его сыновья вышли изъ тюрьмы наканунѣ вечеромъ: они сдѣлали въ ту же ночь и въ слѣдующій день двадцать миль пѣшкомъ. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, старый кузнецъ не казался утомленнымъ такою далекою ходьбой; онъ сохранилъ всю свою бодрость, только сѣдая голова его побѣлѣла какъ снѣгъ, и безчисленныя морщины избороздили длинное, худое лицо его.

— Пріятно, однако,—сказалъ онъ улыбаясь:—расправить ноги и поглядѣть на солнце!—Сыновья его не перемѣнились; все, что говорилъ ихъ отецъ, находило въ нихъ заранѣе полное сочувствіе.

Завидѣвъ гору, всѣ трое на минуту остановились. Сколько мыслей, должно быть, тѣснилось тогда въ ихъ душѣ! Касперъ даже поблѣднѣлъ. Христіанъ спустился, немного отойдя отъ нихъ, съ дороги къ опушкѣ лѣса и срѣзалъ еловую вѣтку; дядя Рокъ оборвалъ съ нее нѣсколько иглъ, помялъ ихъ въ рукѣ и понюхалъ. Потомъ, они молча пошли по вальдекской дорогѣ, дѣлая кругъ, чтобы избѣжать вида желѣзной дороги, давно ужэ надоѣдавшей имъ своими безконечными рельсами.

Всѣ работы были окончены; оставалось только привезти локомотивъ и вагоны, чтобы стрѣлою помчаться изъ Нанси въ Страсбургъ.

Въ четыре часа пополудни, дядя Даніэль Рокъ и его сыновья прибыли на высоты деревни. Погода стояла чудесная. Вправо возвышался Оксенбергъ, а влѣво—плоская скала.

Они жадно окинули взоромъ кузницу, домики, тоннель и станцію, выстроенную изъ плитъ на полусклонѣ горы.

Сколько перемѣнъ! Вмѣсто разсѣянныхъ жалкихъ хижинъ, позеленѣвшихъ отъ сырости, хорошенькіе домики изъ краснаго песчаника, выстроенные врядъ, съ изящными кровлями, съ новыми лѣстницами, съ окнами въ бѣлыхъ рамахъ, съ блестѣвшими на солнцѣ стеклами; широкая, правильная улица, описывающая полукругъ у подошвы горы; маленькіе сады съ зелеными палисадниками; женщины и дѣвушки въ легкихъ платьяхъ новаго покроя; вмѣсто стараго, грязнаго водоема съ выдававшимися изъ земли деревянными жолобами, бѣлая колонна, посылающая три свѣтлыя струи въ широкій бассейнъ, изъ котораго пилъ скотъ; даже церковь выкрашена заново, и ратуша покрыта аспидною кровлею.

Домъ дяди Рока, съ его закрытыми ставнями, съ маленькою, ветхою кузницею, съ развалившеюся лѣстницею походилъ, среди всего этого, на какую-то западню, а когда-то это были лучшія строенія въ Фельзенбургѣ!

Надъ селеніемъ, на склонѣ горы виднѣлась красиво изогнутая линія желѣзной дороги, будто начертанная циркулемъ на протяженіи трехъ миль, изъ Эривиллера въ Савернъ; горы, высѣченныя уступами, терассы, висящія надъ обрывами, а выше, неподвижные лѣса, повитые облаками.

Вотъ, что представилось глазамъ кузнеца и его сыновей,

которые не могли не дивиться въ душѣ на эту картину, потому что дядя Даніэль и его сыновья не были лишены способности понять величіе и трудность такого дѣла.

Долго смотрѣли они на все это, наконецъ дядя Рокъ сказалъ:

— Хорошо поработали! Да! Нельзя отрицать, что хорошо; будто чернилами провели по бумагѣ. Однако мы теряемъ здѣсь время. Идемъ, дѣти, идемъ! Вы видите, что эта желѣзная дорога отняла у насъ, вонъ тамъ, три четверти нашего большого луга и перерѣзала нашу гору. Такое дѣло могли сдѣлать только разбойники.

— Вы правы!—сказалъ Касперъ.

— Да,—подтвердилъ Христіанъ,—настоящіе разбойники.

— Ну, такъ въ путь же! До остального намъ нѣтъ дѣла,—сказалъ дядя Даніэль.—Охотно пошелъ бы я сейчасъ же поцѣловать Терезу и Людовика, но никогда нога моя не будетъ въ этомъ вертепѣ воровъ. И ни одинъ человѣкъ, въ муниципальномъ совѣтѣ, не вступился за нашу собственность, и ее даже продали, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы заплатить нищимъ, обобравшимъ насъ, на нашей горѣ!.. Хорошо, теперь ихъ желѣзная дорога кончена: посмотримъ, какъ она пойдетъ! Мнѣ все сдается, что для нея понадобится болѣе лошадей, чѣмъ для обыкновенныхъ экипажей.

Разговаривая такимъ образомъ, они поднимались въ замокъ и, не доходя шаговъ пятидесяти, встрѣтили браконьера Сперврера, притаившагося въ гущѣ буковаго лѣса. Дядя Рокъ поручилъ ему тутъ извѣстить его дочь объ ихъ возвращеніи въ развалины. Придя на площадку горы, Даніэль и его сыновья ощутили большое удовольствіе. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, ничто не измѣнилось: терновникъ и плющъ разрослись еще красивѣе; груды обломковъ увеличивались съ каждымъ днемъ; только двѣ большія башни выдерживали бури и зиму.

— Вотъ здѣсь дышешь свободно!—вскричалъ старый кузнецъ, и широкая грудь его поднялась.

Онъ поглядѣлъ блестящими глазами на двухъ великолѣпныхъ ястребовъ, носившихся надъ замкомъ, и сказалъ:

— Глядите, дѣти! Они все еще вьютъ гнѣздо въ шестой бойницѣ вправо отъ сигнальной каланчи, но они побѣлѣли, какъ и я.

Путники раздвинули хворостъ и пошли къ башнѣ, господствовашей надъ деревнею. Вскорѣ послышался издали, привѣтствовавшій ихъ, разбитый голосъ:

— Добро пожаловать, дядя Даніэль, добро пожаловать!—И въ темной амбразурѣ высокаго готическаго окна, въ двадцати футахъ надъ землею, показалась Фульдрода, маленькая, сухая, сморщенная, въ волосяномъ чепцѣ на головѣ. Она, казалось, не постарѣла ни на одинъ день. Одна изъ ея козъ, безрогая, съ золотистыми глазами, съ длинною бородою, стояла передъ нею, положивъ лапы на окно, и глядѣла, какъ разумное существо; другая только протянула свою мохнатую, длинную шею и гнусила что-то дребезжащимъ голосомъ, точно хотѣла сказать: это было такъ странно!

Старый Рокъ подалъ руку; сыновья обнажили головы, и старуха стала спускаться съ витой лѣстницы, ступеней въ двадцать или въ тридцать. Когда она сошла, дядя Рокъ вошелъ въ сѣни. Они съ минуту молча глядѣли другъ на друга: Фульдрода, опершись на каменныя перила, а старый кузнецъ, стоя неподвижно у двери. Оба, казалось, были въ восторгѣ; наконецъ, дядя Рокъ сказалъ важнымъ тономъ:

— Вотъ мы и опять свидѣлись, Фульдрода! Какъ я радъ, что нахожу васъ попрежнему въ добромъ здоровьи!

— Да, Даніэль, время идетъ... Весенніе листья смѣняютъ осенніе... перелетныя птицы улетаютъ и прилетаютъ... А я все здѣсь... одна, позабытая, съ моими козами! О, друзья... друзья рѣдки! Поэтому, когда я встрѣчаю ихъ, у меня свѣтлѣетъ на сердцѣ. Добро пожаловать! Добро пожаловать!

— Вы не старѣете, Фульдрода,—сказалъ Даніэль,—какова была, такова и есть.

— Это правда; я подобно этимъ развалинамъ, которыя не старѣютъ, потому что уже совсѣмъ устарѣли! Но вы, добрые друзья мои, вы утомлены. Войдите, войдите. Вотъ все, что можетъ предложить вамъ Фульдрода въ эти дни испытанія.

Она указала имъ на яркій кленовый огонь среди башни, обливавшій своимъ золотистымъ пламенемъ и сѣроватымъ дымомъ великолѣпное козье бедро, воткнутое, въ видѣ вертела, на зеленый колъ.

— Вотъ что принесъ мнѣ сегодня съ охоты браконьеръ Зелигъ изъ Гиршланда. Добрый человѣкъ! Онъ даже оставилъ мнѣ

свою флягу съ бримбельвассеромъ, стоило мнѣ только сказать, что ко мнѣ придутъ сегодня дядя Рокъ съ сыновьями и что мнѣ нечѣмъ ихъ угостить, послѣ долгаго пути.

— Развѣ вы знали, Фульдрода, что мы освобождены?—съ удивленіемъ спросилъ старый кузнецъ.

Фульдрода взяла его за руку и подвела къ одной изъ бойницъ надъ бездною:

— Гляди!—сказала она.—Вся деревня ждетъ тебя, чтобы видѣть, какъ ты и сыновья твои придете униженные. Видишь ли, вонъ тамъ, на лѣстницѣ ратуши, дядю Захарія въ бѣломъ галстукѣ? А тамъ у гостиницы «Лебедя», еврея Эліаса, и всю эту толпу на улицѣ? Всѣ они хотятъ насладиться вашимъ униженіемъ... но долго придется имъ ждать! Я знала, что ты придешь въ развалины.

Дядя Даніэль свѣсился изъ бойницы надъ бездной въ двѣ тысячи футовъ, и глядѣлъ туда, куда ему указывала старуха. Онъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Хорошо,—сказалъ онъ, поднимаясь,—подойдите, дѣти; вонъ, какъ насъ собирались принять!

Сыновья поглядѣли по очереди и поблѣднѣли.

— Считайте за счастье, что вы не принадлежите къ этому отродью,—сказала старуха,—вамъ предстоитъ еще исполнить важныя обязанности. Еще не все кончено... Драконъ разворотилъ много земли, но онъ еще не перешелъ горы. Будьте готовы... Минута близка.

— Знаю, Фульдрода,—сказалъ кузнецъ,—мы еще поговоримъ объ этомъ. Садитесь ѣсть, дѣти. Подивятся еще эти внизу; это я, Даніэль Рокъ, говорю вамъ. Они желаютъ видѣть насъ... и увидятъ.

Онъ сѣлъ на высокую ступень у порога. Христіанъ снялъ съ вертела козье мясо и поднесъ его ему съ хлѣбомъ.

Даніэль нарѣзалъ его длинными кусками и они принялись ѣсть съ аппетитомъ. Фляга браконьера переходила изъ рукъ въ руки, а старуха сидѣла противъ нихъ, на скамьѣ, заложивъ ногу на ногу, и глядѣла на нихъ, улыбаясь.

Было около семи часовъ вечера. Огонь по временамъ вспыхивалъ ярче и освѣщалъ всѣ эти энергичныя лица. Старуха подоила одну изъ своихъ козъ въ деревянную чашку и сказала, прихлебывая молоко:

— Если вы хотите отдохнуть, то найдете подъ сводомъ башни широкую постель изъ сухихъ листьевъ. Теперь вамъ жарко, но тамъ будетъ хорошо.

— Благодарю, Фульдрода: я не хочу спать. Мы можемъ еще побесѣдовать, пока придутъ Тереза съ Людвигомъ. Сперверъ пошелъ сказать имъ, что мы здѣсь. Надо велѣть перенести сюда кузницу.

— Такъ, такъ,—сказала старуха:—вы будете ковать. Работа найдется. Господь не оставитъ васъ.

Едва Фульдрода выговорила эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій шумъ; вдали шелестилъ хворостъ. Дядя Даніэль, до той минуты хладнокровный, вздрогнулъ.

— Это они!—сказалъ онъ тихо,—это Тереза!

Настала глубокая тишина; огонь трещалъ, пробѣгая быстрымъ пламенемъ по внимательнымъ лицамъ. Тутъ можно было видѣть, какъ любилъ старый кузнецъ свою дочь; онъ затаилъ дыханіе и на лбу его выступили капли пота. Онъ не сводилъ глазъ съ темной двери и вдругъ, подпявшись, громко вскрикнулъ:

— Тереза!

Въ одинъ мигъ онъ былъ подлѣ нея и говорилъ:

— Дочь моя!.. Это ты!

Они смѣшали свои слезы и поцѣлуи. Касперъ и Христіанъ были до того разстроганы, что не могли тронуться съ мѣста; они молча сжимали другъ другу руки и по мускулистымъ щекамъ ихъ текли крупныя слезы.

Широкія руки старика поднялись въ темнотѣ, держа маленькаго ребенка.

— Какъ тебя зовутъ,—спрашивалъ дядя Рокъ,—тебя, дарованнаго мнѣ въ послѣдній часъ? Тебя, котораго я вижу въ первый разъ, и люблю больше своей крови! Какъ тебя зовутъ?

— Даніэль! — отвѣтила Тереза тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Ну, Даніэль, такъ поцѣлуемся, — сказалъ старый кузнецъ.—Ты можетъ быть сдѣлаешь еще то, чего мнѣ не удалось сдѣлать: ты отнимешь у воровъ наше наслѣдіе и истребишь ихъ всѣхъ, всѣхъ!.. О! Хорошее племя не вымерло.

Старый Даніэль говорилъ это съ неописаннымъ восторгомъ.

Въ эту минуту вошли Бенедумъ и Людвигъ, которыхъ Тереза опередила.

— Бенедумъ! Людвигъ! Всѣ здѣсь!—вскричалъ Даніэль.— Ха, ха, ха! На, Тереза, возьми малютку; я хочу обнять ихъ. Христіанъ, Касперъ! Ступайте сюда! Вотъ мы всѣ вмѣстѣ!

Начались общія объятія... Кто смѣялся, кто плакалъ, смотря по темпераменту и личнымъ вкусамъ.

— Какъ ты, должно быть, натерпѣлся тамъ, бѣдный старина!—говорилъ Бенедумъ.

— Ничего... Все кончено! Что объ этомъ думать... То-ли терпѣли люди встарь, любезный Францъ, отправляясь въ крестовые походы! Насъ не достанетъ рука невѣрныхъ,—это главное. Объ остальномъ я не забочусь. Сядемъ.

Въ продолженіе этой сцены, Фульдрода доила своихъ козъ, не обращая вниманія на то, что происходило вокругъ нея. Наконецъ, дядя Рокъ вспомнилъ о ней и, взявъ ребенка, поднесъ его къ ней.

— Взгляните, Фульдрода, какъ вы находите этого молодца?

— Я нахожу, что онъ похожъ на тебя, Даніэль, у него твой клювъ и твои когти; но это еще не причина, чтобы сваливать на него все дѣло.

— Правда, Фульдрода, правда! Каждому свое.

Старикъ отдалъ ребенка Терезѣ и сѣлъ среди другихъ около огня, принявъ болѣе спокойный видъ.

— Я радъ, что вижу васъ,—сказалъ онъ, — но не въ томъ дѣло. Во-первыхъ, ты долженъ знать, Бенедумъ, что мы остаемся здѣсь...

— Какъ? Вы не возвратитесь въ деревню?

— Нѣтъ. я не люблю разбойниковъ, которые ограбили насъ. Если я встрѣчу, на грѣхъ, кого нибудь изъ нихъ, въ недобрый часъ, такъ убью на поваль.

— Полно, Даніэль! Въ твои-ли года?

— Года мои все тѣ-же, Бенедумъ, для этихъ нищихъ; возрастъ не унимаетъ моей злобы; напротивъ, чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе укореняется во мнѣ ненависть. Не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть. Не далѣе какъ за минуту, глядя въ это отверстіе и видя Захарія Пипера. прогуливавшагося передъ ратушею, я почувствовалъ, какъ злоба проникала меня до мозга костей... О, если-бы онъ былъ въ моихъ рукахъ!

— Но подумайте-же, въ этихъ развалинахъ... зимою!..

— О зимѣ мы подумаемъ послѣ.. А пока ты навьючь завтра на ословъ мою наковальню, раздувательный мѣхъ, молоты, щипцы и доставь все это сюда.

Бенедумъ, Людвигъ и Тереза съ удивленіемъ переглянулись.

— Какого же чорта вы будете ковать здѣсь, гдѣ въ сто лѣтъ едва-ли проѣдетъ одинъ экипажъ или одна лошадь?—вскричалъ мельникъ.

— Мы выкуемъ здѣсь наше лучшее произведеніе, — отвѣтилъ старый Рокъ съ какою-то странною улыбкою:—прежде, для того, чтобы сдѣлаться кузнецомъ, нужно было выковать какой-нибудь предметъ: каску, щитъ, полные доспѣхи, а теперь довольно написать надъ дверью: кузнецъ Христофоръ или Николай. Это удобнѣе, но я держусь старины! Люблю старые обычаи!.. Поэтому мы намѣреваемся выковать мастерскую штуку! Не такъ-ли, дѣти?

Христіанъ и Касперъ утвердительно кивнули головой.

— Тщательно отдѣлаемъ!.. Вотъ увидите,—прибавилъ старикъ.

— Да что-жъ это такое?

— Теперь не могу тебѣ сказать.. Это я всѣмъ сюрпризъ готовлю.

Бенедумъ зналъ непреклонный характеръ своего товарища и, со времени сцены въ муниципальномъ совѣтѣ, рѣшился не допрашивать его и не возражать ему. Хотя онъ находилъ его мысль смѣшною, просто сумасбродною, но чтобы не нарушать общаго согласія, кивнулъ головою и обѣщалъ исполнить все, какъ желалъ дядя Даніэль.

Потолковали еще о множествѣ разныхъ предметовъ: о затрудненіяхъ при устройствѣ желѣзной дороги, о счастіи Эліаса Блума, о томъ, что произошло въ эти пять лѣтъ въ Фельзенбургѣ; но все это, повидимому, не слишкомъ занимало стараго кузнеца, который зѣвалъ, по временамъ, во весь ротъ и ощущалъ истинное удовольствіе, только глядя на свое потомство. Наконецъ, когда было около десяти часовъ, онъ сказалъ:

— Я долженъ сказать тебѣ, Бенедумъ, что мы не спали съ третьяго дня. Мои сыновья, должно быть, хотятъ спать. Да и я утомился. Приходите къ намъ въ другой разъ. Прощай, Тереза, поцѣлуй меня. Людовикъ, зажги фонарь и ступайте домой. Бере-

гитесь только, не поскользнитесь, выходя изъ башни; тутъ есть опасное мѣсто!..

Всѣ встали, и старикъ, выйдя на порогъ башни, глядѣлъ вслѣдъ за удалявшимся фонаремъ, пока свѣтъ его, скользившій по вереску, не скрылся за окраиною площадки. Тогда онъ вернулся въ башню и сказалъ сыновьямъ:

— Вы устали; мы съ Фульдродой еще поговоримъ немного о нашихъ дѣлахъ, а вы ступайте подъ сводъ и ложитесь; я тоже приду къ вамъ черезъ часъ.

Молодые люди вышли, а Фульдрода, подложивъ огня, указала дядѣ Даніэлю на мѣсто противъ нея, на широкой плитѣ.

XIX.

Въ тотъ день, когда происходило все вышеописанное, вся деревня ждала Даніэля Рока и его сыновей, чтобы потѣшиться ихъ униженіемъ.

— Какую-то мину они теперь сдѣлаютъ?—толковали между собою жители Фельзенбурга. — Въ особенности старикъ. Этотъ гордый, страшный, непреклонный старикъ, никогда никому не уступавшій, глядѣвшій на всѣхъ съ высоты своего величія, считавшій умнымъ одного себя! Теперь ему показали, что не вездѣ можно хозяйничать, что приходится разбавлять свое вино водою.

Вотъ какіе толки шли по деревнѣ и всѣ жители сидѣли у оконъ или у дверей, дожидаясь когда пройдетъ старый кузнецъ. Мэръ Пиперъ радовался больше всѣхъ этому случаю и намѣревался даже раскланяться съ Даніэлемъ и освѣдомиться о его здоровьи.

Что касается до еврея Эліаса, то при всемъ своемъ глубокомъ равнодушіи къ человѣческому роду, онъ всегда уважалъ дядю Рока; онъ видѣлъ въ этомъ человѣкѣ живого представителя понятій, совершенно противныхъ его собственнымъ, и поэтому любопытствовалъ посмотрѣть, какъ онъ вернется и какъ онъ будетъ держать себя въ своемъ униженіи.

Останется-ли онъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ? Сохранитъ-ли онъ свой смѣлый видъ? Не будетъ-ли, подобно другимъ, въ неудачѣ, убитымъ, робкимъ, тревожнымъ?—Вотъ что подстрекало любопытство еврея.

Прошелъ весь день, а вдали никого не показывалось. Только часовъ въ семь вечера, когда Бенедумъ, Людвигъ и Тереза отправились къ развалинамъ, всѣ догадывались, что старый рейтеръ не захотѣлъ быть потѣхою Фельзенбургскихъ жителей и слетѣлъ въ свое ястребиное гнѣздо. Всѣ огорчились, обманувшись въ ожиданіяхъ.

— Онъ не посмѣлъ взглянуть намъ въ глаза, старый ястребъ! Онъ не рѣшился показаться среди бѣлаго дня! Онъ спрятался тамъ, наверху!—говорили по деревнѣ.

Въ особенности недоволенъ остался мэръ Захарій Пиперъ, нарядившійся съ утра въ бѣлый галстукъ и въ черный фракъ, чтобы присутствовать при торжественномъ возвращеніи національныхъ героевъ, какъ онъ говорилъ.

Всѣ вернулись домой въ дурномъ расположеніи духа.

— А все же имъ придется слѣзть оттуда,—говорилъ сборщикъ Эбергардтъ,—завтра или послѣзавтра мы ихъ увидимъ, волей—неволею. Вѣдь нельзя же жить тамъ!

Фельзенбургъ принималъ въ ту пору физіономію маленькаго городка, со всѣми его сплетнями: народъ сходился въ пивоварнѣ Кальба, или въ кафе-ресторанѣ Баумгартена, такъ какъ гостиница «Лебедя» преобразовалась въ кафе. Весь первый этажъ былъ соединенъ въ одну большую залу, украшенную тремя кинкетами и бильярдомъ; на стѣнахъ были изображены швейцарскіе виды, съ ярко зелеными горами и съ ярко синими озерами; —словомъ, великолѣпіе! Тутъ играли въ пикетъ, въ экарте: порядочные люди не знали болѣе ни рамса, ни юкера. Вмѣсто треугольныхъ шляпъ носили шляпы въ видѣ печныхъ трубъ; вмѣсто бѣлаго Эльзасскаго вина, пили бишофъ водку; и кумушки, вмѣсто того, чтобы приходить по вечерамъ за мужьями съ половою щеткою въ рукахъ, мирно сидѣли съ ними рядомъ, прихлебывая шоколадъ или сладкое молоко. Эти новые обычаи поддерживали согласіе въ семействахъ: цивилизація сдѣлала важный шагъ впередъ.

Итакъ, всѣ надѣялись посмѣяться когда нибудь надъ дядею Рокомъ.

— Чѣмъ дольше они будутъ медлить,—говорилъ Баумгартенъ,—тѣмъ пуще ихъ осмѣютъ; впрочемъ, всякому грѣху есть прощеніе! Если старикъ придетъ ко мнѣ выпить водки, то, разумѣется, я не стану напоминать ему о его похожденіяхъ; у

него характеръ не мягкій, пожалуй, еще перебьетъ всѣ мои зеркала, кинкеты и стаканы. А вѣдь я человѣкъ смирный; люблю торговлю и спокойствіе.

Но когда, на слѣдующій день, дядя Францъ Бенедумъ и Людовикъ отперли кузницу и стали навьючивать на ословъ уголь, молоты, щипцы и наковальню, а потомъ повезли все это на гору, вся деревня пришла въ неописанное удивленіе.

— Они съ ума сошли! Не иначе какъ съ ума сошли!—толковали въ народѣ.—Кому же, кромѣ сумасшедшихъ, вздумается помѣщать кузницу на вершинѣ скалъ? Они обезумѣли въ тюрьмѣ. Этотъ старый гордецъ Рокъ захочетъ отличиться еще чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, какъ будто онъ мало еще отличился!

Въ продолженіе трехъ дней только и разговора было, что о странномъ рѣшеніи дяди Даніэля: одни насмѣхались, другіе пожимали плечами. Дядя Эліасъ молчалъ; у него было какое то смутное предчувствіе; Захарій Пиперъ также не былъ спокоенъ насчетъ цѣлей семейства Рокъ; съ тѣхъ поръ стали замѣчать, что мэръ, передъ тѣмъ, чтобы выйти со двора, всегда заботливо осматривалъ изъ окна улицу, будто опасаясь какой-нибудь нехорошей встрѣчи.

Но честнымъ жителямъ Фельзенбурга предстояло еще на многое дивиться; вскорѣ замѣтили, что старая башня освѣщается каждый вечеръ и оттуда доносился стукъ наковальни. Общее изумленіе превзошло всякую мѣру. Часовъ около десяти вечера, когда запирались всѣ двери, послѣ взаимныхъ пожеланій спокойной ночи, и въ деревнѣ воцарялась тишина, въ развалинахъ начиналось тяжелое постукиваніе молотовъ. Этотъ стукъ будилъ всѣхъ сосѣднихъ собакъ и со всѣхъ сторонъ поднимался зловѣщій лай. Если одна изъ собакъ, охрипши отъ крика, умолкала, ея лай подхватывала другая, а въ промежутокъ слышалось съ высоты: тукъ, тукъ, тукъ, тукъ... И такъ всю ночь.

Нельзя было сомкнуть глазъ. Всѣ просыпались; мужъ звалъ жену:

— Христина!

— Что такое?

— Слышишь? Что они тамъ дѣлаютъ?

— Почемъ я знаю?.. Оставь меня спать.

— Да я ужъ три часа что не сплю; мнѣ скучно одному. Вотъ теперь собака Крамера залаяла, слышишь?

— Ну, да, слышу.

Тикъ токъ... тикъ токъ...

Къ концу присоединялись другія собаки... Потомъ, пѣтухи принимались пѣть... Такъ никто и не спалъ. Вся деревня была въ отчаяніи.

— Старикъ рѣшился уморить насъ безсонницею! О, разбойникъ!

— Вотъ онъ чего хотѣлъ!

Нѣкоторые ходили даже къ мэру Захарію, узнавать, нельзя ли запретить Рокамъ ковать по ночамъ. Захарій Пиперъ, сильно озабоченный, уже обращался наканунѣ къ вице-префекту. Но ему отвѣтили, что такъ какъ развалины находятся далѣе одного километра отъ Фельзенбурга, то ничего нельзя сдѣлать. Пиперъ, придя еще въ большее горе, спросилъ, нельзя ли сдѣлать домовый обыскъ въ развалинахъ; но по какому поводу, домовый обыскъ? Нужно было, по крайней мѣрѣ, имѣть предлогъ. Кузнецы обыкновенно куютъ по ночамъ; нельзя вмѣнить имъ это въ вину.

Итакъ, не было никакой возможности воспрепятствовать старому Року морить людей по своему; такова, можетъ быть, и была его цѣль!

Всѣ были до крайности озадачены. Каждый вечеръ, передъ сномъ, на улицѣ стояло болѣе ста человѣкъ, глядѣвшихъ, поднявъ головы, на старую башню, которая освѣщалась во всѣхъ этажахъ, и красное пламя, свѣтившее изъ бойницъ, разстилалось по утесамъ.

Вдругъ раздавался стукъ молотовъ и продолжался до шести часовъ утра. Было отъ чего придти въ отчаяніе. Тѣ, что подсмѣивались прежде надъ дядей Рокомъ, перестали смѣяться и, напротивъ, говорили:

— Хорошо бы сдѣлалъ г. мэръ, еслибы послалъ къ этимъ людямъ депутацію отъ муниципальнаго совѣта. Ужъ если нельзя ихъ повѣсить, то надо покорно попросить возвратиться въ деревню, обѣщая строго наказать тѣхъ, кто будетъ смѣяться надъ ними, или кто взглянетъ на нихъ косо... Можетъ быть, они уймутся тогда и дадутъ намъ спать попрежнему... Ахъ! Какъ мы

были счастливы до возвращенія этихъ разбойниковъ! Какъ мы сладко спали!

Такимъ образомъ жаловались жители деревни. Но около этого времени, мэръ Захарій нашелъ, какъ онъ полагалъ, достаточныя причины для домоваго обыска.

Однажды, глашатай Жакъ Полакъ, видя его озабоченнымъ и зная, что онъ постоянно думаетъ о Рокахъ, сказалъ ему:

— Вамъ извѣстно, г. мэръ, что муниципальный совѣтъ уже шесть лѣтъ какъ сулитъ увеличить мнѣ жалованье; меня водятъ изъ года въ годъ этими обѣщаніями, а между тѣмъ, никто не барабанитъ и не кричитъ лучше меня во всемъ околоткѣ... Ни даже Фальсбургскій глашатай, Армантье, который охрипъ теперь навсегда. Только онъ одинъ и могъ со мной соперничать.

— Такъ,—сказалъ мэръ,—но...

— Выслушайте до конца, г. мэръ, не прерывайте. Вотъ что я вамъ предложу: теперь всѣ въ отчаяніи по поводу Роковъ... Но, если вы обѣщаете исходатайствовать для меня сто франковъ добавки, то я пожертвую собою для блага общины... Я смѣло пойду на приступъ и раскажу вамъ, что дѣлается въ башнѣ.

— И вы способны на это?—вскричалъ Захарій Пиперъ.— Какъ это благородно съ вашей стороны, Полакъ!

— Да, г. мэръ, благородно, потому что я рискую жизнью. Роки способны убить меня, если замѣтятъ, что я за ними подсматриваю. Это очень благородно съ моей стороны. Но мнѣ нужно сто франковъ прибавки къ жалованью, иначе, я сдѣлаю то же, что и всѣ: спокойно лягу спать и буду слушать стукъ молотовъ до завтрашняго утра.

— Вы получите ихъ, Полакъ, обѣщаю вамъ, — сказалъ мэръ.

— Ну, такъ съ Богомъ! Жертвую собою за жену и дѣтей... Немного раньше, немного позже, всѣмъ намъ тамъ быть... Молотъ ли отправитъ, или насморкъ, какъ Армантье, все равно

Вотъ какъ разсуждалъ этотъ неустрашимый человѣкъ и въ тотъ же вечеръ, часу въ одиннадцатомъ, получивъ инструкціи отъ мэра, оставшагося ожидать его въ своей комнатѣ, чтобы составить обвинительный актъ, Полакъ сталъ подниматься на гору, обуреваемый важными размышленіями и не безъ сильнаго біенія сердца... Но чего не дѣлаютъ люди для денегъ, въ

особенности, когда любятъ водку? А Полакъ любилъ водку... Это было лучшее, что онъ находилъ въ цивилизаціи.

Медленно всходилъ онъ на гору. Ночь была черна, какъ чернило; изъ мрака вырѣзалась башня, со своими освѣщенными отдушинами; молоты ударяли о наковальню, а внизу заунывно выли собаки. По мѣрѣ того, какъ Полакъ всходилъ, воздухъ становился свѣжѣе и молоты стучали все громче и громче. Нашимъ смѣльчакомъ овладѣло вдругъ какое то неопредѣленное безпокойство.

Ему мелькнула мысль присѣсть въ верескѣ, на полдорогѣ, выдумать какую-нибудь исторію насчетъ кузницы и вернуться разсказать ее мэру. Но, сколько онъ ни думалъ, ему не приходило въ голову никакой исторіи; онъ не могъ вообразить ничего, что могли бы дѣлать старый Даніэль съ сыновьями; все казалось ему недостаточно мрачнымъ, недостаточно страшнымъ. Притомъ же онъ разсудилъ, что если впослѣдствіи его ложь откроется, то ему, пожалуй, откажутъ отъ должности, несмотря на прекрасный голосъ. Поэтому, онъ сильно раскаивался въ своемъ рискѣ; но отъ природы тщеславный, онъ предпочелъ рисковать до конца, чѣмъ вернуться сказать Пиперу, и сказать, что онъ струсилъ. Въ такихъ колебаніяхъ дошелъ онъ до подошвы скалъ. Стукъ молотовъ продолжался. Полакъ долго прислушивался, переводя духъ, и оплакивалъ свою смѣлость.

— Кто можетъ быть глупѣе меня?—разсуждалъ онъ.—Не выпей я сегодня утромъ четырехъ рюмокъ водки, мнѣ никогда бы и въ голову не пришло предлагать мэру взойти сюда за сто франковъ. Не сто франковъ, а тысячу, десять тысячъ слѣдовало бы мнѣ спросить!.. Онъ не далъ бы ихъ, и я спокойно сидѣлъ бы теперь дома! Эти Роки уже перебили инженеровъ, архитекторовъ, рабочихъ... Теперь они только что вернулись съ каторги... они злѣе, неистовѣе, чѣмъ были. Что если кто-нибудь изъ нихъ увидитъ меня? Тогда я погибъ!

Въ его воображеніи мелькнули лица стараго Даніэля и его сыновей и показались ему страшными.

Кромѣ того, онъ вспомнилъ объ Фульдродѣ и не сомнѣвался, что она стоитъ насторожѣ.

Однимъ словомъ все ему представилось въ такомъ ужасномъ видѣ, что онъ вторично готовъ былъ изобрѣсти какую-нибудь исторію и спуститься внизъ.

— Я поднялся до самыхъ утесовъ,—думалъ онъ:—развѣ у кого-нибудь другого достало бы на это храбрости?.. Хотѣлось бы мнѣ здѣсь посмотрѣть на г. мэра; я увѣренъ, что онъ первый сказалъ бы мнѣ: «уйдемъ» и что онъ даже умолялъ бы меня бѣжать... Какъ они шумятъ тамъ наверху.

Однако, черезъ четверть часа однообразіе звуковъ придало ему нѣсколько храбрости.

— Такъ какъ они куютъ, то значитъ стоятъ спиною къ выходу... и не могутъ видѣть, что дѣлается сзади нихъ,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Кромѣ того грохотъ молота мѣшаетъ имъ слышать... Можетъ быть они меня и не увидятъ?.. Ну, Поллакъ, нечего робѣть! Ноги у меня прыткія... и я убѣгу.

Сказавъ это, глашатай быстро взобрался на тропинку и дошелъ до площадки. Лишь только онъ дошелъ туда, какъ шумъ стихъ.

— Меня замѣтили!—подумалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Но луна, высвободившись тогда изъ-подъ тучи, освѣтила пустынную гору, гдѣ не было слышно ни шуму... ни дыханія... все было тихо... спокойно.

Поллакъ почувствовалъ на душѣ пріятное облегченіе. Онъ глубоко вздохнулъ, осторожными шагами подошелъ къ башнѣ и даже рѣшился влѣзть на кучу камней и взглянуть въ отверстіе.

Въ этомъ отверстіи росъ густой кустарникъ; за нимъ глашатый былъ невидимъ, а ему было съ своей стороны видно все, какъ на днѣ колодца, потому что башенка была футовъ на пятнадцать ниже и развалины обсыпались вокругъ.

Вотъ, что онъ увидѣлъ.

Посреди башни, на дубовомъ пнѣ, была устроена наковальня; въ лѣвомъ углу стояла земляная печь, куда былъ проведенъ конецъ огромнаго мѣха, подвѣшеннаго на двухъ желѣзныхъ шестахъ, вдѣланныхъ въ стѣну.

Изъ печи выходило пламя, красное какъ кровь, освѣщавшее старуху, которая сидѣла на скамеечкѣ между двухъ сыновей, въ рубашкѣ и холщевыхъ штанахъ, завороченныхъ на голыхъ ногахъ, съ грудью и лицомъ облитымъ потомъ.

Они стояли у наковальни съ молотами въ рукахъ.

Поперегъ широкихъ плитъ лежало два шеста длиною футовъ въ пятнадцать, двадцать, изъ дубоваго дерева, съ длиннымъ желѣзнымъ наконечникомъ съ одного конца, а съ дру-

того съ короткой плоской прочной шишечкой; однимъ словомъ, двѣ пики, похожія на пики средневѣковыхъ великановъ.

Во всемъ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное.

Въ то время, какъ Поллакъ смотрѣлъ, старый кузнецъ засмѣялся и сказалъ:

— Ну, Фульдрода, работа подвигается.

— Да,—отвѣчала старуха, вставая.

Потомъ, подойдя къ одной изъ пикъ, она наклонилась и хотѣла ее поднять съ пола... Ея маленькія, бѣлыя руки вцѣпились... всѣ жилы на блѣдномъ лицѣ натянулись, но пика не поддавалась съ мѣста!.. Кузнецы смотрѣли, улыбаясь.

— Нравятся ли они вамъ, Фульдрода?—спросилъ старикъ.

— Онѣ тяжелы... очень тяжелы, Даніэль, кто сдержитъ ихъ?

Тогда старикъ, не говоря ни слова, подошелъ къ пикѣ, которую Фульдрода не могла приподнять, взялъ ее одной рукой, поднялъ какъ перо и гордо повернулъ надъ своей головой.

Онъ былъ великолѣпенъ въ эту минуту... даже Христіанъ и Касперъ, казалось, были удивлены его силой, а старуха вскричала:

— Даніэль, ты прекрасенъ, какъ Гюгъ Кривой!

Онъ же съ разгорѣвшимся окомъ, взмахнувъ пикой, бросилъ ее на плиты, и она брякнула, какъ металлическая, и долго развалины оглашались страшнымъ гуломъ.

Поллакъ почувствовалъ, что по кожѣ у него проходитъ морозъ.

— Теперь,—сказалъ старикъ:—примемся за третью... Двѣ у насъ есть, прочныя... онѣ не сломятся!

— Нѣтъ,—вскричала старуха,—нѣтъ, онѣ не сломятся!..

Поллакъ, увидѣвъ то, что хотѣлъ видѣть, осторожно сошелъ съ камней и какъ заяцъ пустился бѣжать по площадкѣ... Онъ направился по тропинкѣ между скалъ и, оглядываясь, исчезъ...

Молоты опять монотонно застучали.

Около двухъ часовъ утра глашатый вошелъ къ мэру и описалъ ему сцену, которую видѣлъ.

Захарій Пипперъ слушалъ его въ совершенномъ недоумѣніи.

— Что хотятъ они дѣлать съ этими пиками?—спросилъ онъ.

— Не знаю, г. мэръ... но это ужасно!

— Да ужасно, Поллакъ... мы подумаемъ объ этомъ... эти

разбойники замышляютъ какое-нибудь новое преступленіе... пики въ двадцат футовъ длины! Это, вѣроятно, для того, чтобы выбивать двери честныхъ людей, когда тѣ спятъ... или можетъ быть они хотятъ вооружить свой замокъ... что запрещено закономъ. Мы на досугѣ разберемъ это дѣло. Опасности, которымъ вы подвергались, Поллакъ, заслуживаютъ мое уваженіе... но онѣ мѣшаютъ мнѣ въ эту минуту написать рапортъ, подходящій къ обстоятельствамъ... Я дрожу за васъ!.. Завтра я соберу совѣтъ, и мы потолкуемъ.

— Да, г. мэръ, и не забудьте о прибавкѣ ста франковъ.

— Будьте покойны, Поллакъ, вы имѣете право на всеобщую благодарность... Я берусь за это!

Такимъ образомъ была открыта работа Роковъ въ развалинахъ, таинственная работа, возбуждавшая столько любопытства мэра Захарія и оправдавшая безпокойства общества.

Надо признаться, что предчувствія Захарія Пиппера были не лишены основанія и что домашній обыскъ становился весьма законнымъ при подобныхъ обстоятельствахъ: громадныя пики въ двадцат футовъ длины, безъ сомнѣнія, были военнымъ оружіемъ.

XX.

На слѣдующій день Захарій Пипперъ съ девяти часовъ утра хотѣлъ собрать муниципальный совѣтъ, какъ вдругъ получилъ отъ Страсбургскаго супрефекта бумагу, извѣщавшую его о будущемъ открытіи желѣзной дороги и въ то же время предписывавшую ему пригласить окрестныхъ жителей на это торжество цивилизаціи.

Между прочимъ, супрефектъ намекалъ, что преданные чиновники могутъ надѣяться на лестное отличіе.

Тутъ Захарій Пипперъ воспылалъ рвеніемъ, щеки его покрылись благородной краской, онъ опять вспомнилъ о мѣстѣ мирового судьи, онъ не сомнѣвался болѣе, что, сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ на этотъ разъ достигнетъ предмета своихъ долгихъ желаній.

Забывъ Рока, Поллака и все близко и далеко касавшееся ихъ, онъ взялъ рыжую лошадь Баумгартена и поѣхалъ по горамъ къ мэрамъ, къ ихъ помощникамъ, къ священникамъ и

выборнымъ, изъ деревни въ деревню, объявляя объ эпохѣ прогресса для торговли и промышленности и прося всѣхъ пріѣхать въ Фельзенбургъ, привѣтствовать торжество новыхъ идей.

Въ отдаленныя мѣста, какъ напр., Гирисланде, Томфессель, Шнекеппешъ, куда время не позволяло ему отправиться лично, онъ послалъ на свой собственный счетъ нарочнаго. Однимъ словомъ онъ не оставилъ ничего безъ вниманія и во время ходьбы и бѣготни онъ обдумывалъ рѣчь, которую ему надо будетъ произнести, въ качествѣ главнаго мѣстнаго чиновника.

Это краснорѣчивое торжественное сочиненіе должно было начинаться слѣдующимъ образомъ:

«Когда Ной получилъ отъ Господа приказаніе выстроить ковчегъ въ триста локтей и впустить туда по парѣ животныхъ всякой породы, то всѣ мѣстные жители были удивлены. Никто не могъ себѣ представить, какъ такой большой корабль поплыветъ какъ телѣга по пескамъ и по скаламъ... и надо сознаться, что трудно было понять, надо ли будетъ дѣйствовать веслами, или ждать благопріятнаго вѣтра... Люди, самые умные, находили предпріятіе это слишкомъ смѣлымъ, какъ вдругъ, къ счастію для этого зданія, началъ идти дождь и море поднялось до вершины горы Арарата».

Черезъ недѣлю мэръ возвратился въ деревню, а въ слѣдующее воскресенье назначено было открытіе желѣзной дороги.

Въ этотъ день всѣ мѣстныя власти горы и долины собрались на открытіе, такъ что Захарій Пипперъ не могъ блистать посреди столькихъ другихъ звѣздъ. Кромѣ того, архитекторъ Лангъ, плотникъ Улрикъ и многіе другіе артисты выстроили тріумфальную арку изъ дерева и вѣтвей, вышиною въ пятьдесятъ футовъ и шириною, соразмѣрною этой вышинѣ, подъ которой долженъ былъ пройти первый поѣздъ.

Теперь представьте себѣ сцену освѣщенную солнцемъ... Представьте себѣ мэровъ, муниципальныхъ совѣтниковъ въ красныхъ жилетахъ, многочисленныхъ, какъ звѣзды небесныя... Посреди этихъ господъ съ трехъуголками на головахъ, представьте вы себѣ высокіе подмостки, украшенные господами чиновниками и офицерами Фальсбургской крѣпости; а вокругъ эстрады женъ этихъ господъ, въ шляпахъ и шелковыхъ платьяхъ, сидѣвшихъ на стульяхъ; а вокругъ дамъ поселяне, муж-

чины, женщины и дѣти, начиная съ самыхъ отдаленныхъ деревень до самыхъ ближнихъ; наконецъ, сзади всего этого вершины Вогезовъ, покрытыхъ лѣсомъ, торжественно господствовавшихъ надъ этимъ муравейникомъ.

Надо признаться, что это не было такъ просто и такъ естественно, какъ приходъ поселянъ поклониться парижанкамъ; на этотъ разъ все было слишкомъ нарядно, всѣ были слишкомъ разряжены и слишкомъ серьезны; казалось, всѣ только пришли, чтобы слушать рѣчь Захарія Пиппера.

Кромѣ того жаръ былъ палящій... Всѣ потѣли... задыхались... и бились какъ рыба на лескѣ, за исключеніемъ дамъ, которымъ прислуга въ бѣлыхъ передникахъ наливала питье передъ всей публикой, какъ будто для того, чтобы обрадовать тѣхъ, которые умирали отъ жажды; за исключеніемъ дамъ, всѣ молили дождя и чувствовали, какъ потъ катится вдоль спины.

Тѣмъ не менѣе была торжественна одна минута, которую всѣ присутствовавшіе не забудутъ до самой смерти, минута, когда послѣ шести часовъ ожиданія на горизонтѣ показался, наконецъ, первый поѣздъ.

Народъ, стоявшій на пригоркахъ, первый увидѣлъ его.

— Вотъ онъ,—сказали они:—вотъ идетъ!

И восклицаніе это: Вотъ онъ! Вотъ онъ! переходившее изъ устъ въ уста до самой глубины долины произвело ужасный шумъ... Потомъ все замолкло, точно будто все умерло!

Послышался свистъ, но такой свистъ, какого никто изъ присутствовавшихъ еще никогда не слыхивалъ. Это было далеко... очень далеко, но тѣмъ не менѣе всѣ присутствовавшіе вздрогнули.

Вдругъ въ горахъ отозвался глухой и страшный шумъ... Поѣздъ въѣхалъ въ большой Эрвиллерскій туннель... Онъ мчалъ... мчалъ, катясь въ адъ... Земля вся дрожала, всѣ головы наклонились, полуоткрывъ рты.

Наконецъ, поѣздъ вышелъ, пустивъ по верху клубы бѣлаго дыма и помчалъ, какъ молнія.

Можетъ ли быть что-нибудь величественнѣе этого зрѣлища?.. Всякій съ гордостью думалъ въ это время:

— Я человѣкъ... И подобные мнѣ сдѣлали это!

На локомотивѣ находились инженеры желѣзной дороги: Орасъ, Фрагонаръ и Купріянъ.

Они гордились своей работой и имѣли право гордиться. Увидавъ огромную долину, покрытую головами внимательныхъ, удивленныхъ зрителей, они стали махать своими шляпами и восторженно закричали изъ всѣхъ силъ: но голосъ ихъ не былъ слышенъ, потому что его покрывалъ шумъ страшной машины.

Въ эту минуту поѣздъ повернулъ къ долинѣ, и Орасъ, устремивъ взоръ на второй туннель, проходившій черезъ ту гору, на верхушкѣ которой находились развалины Фельзенбургскаго замка, вдругъ поблѣднѣлъ... волосы его стали дыбомъ... и онъ протянулъ руки, указывая на что-то...

Всю толпу охватилъ страхъ... всѣ взоры обратились по указанному имъ направленію... и что же имъ представилось? Старикъ Даніэль Рокъ и его сыновья появились съ огромными пиками въ рукахъ подъ темнымъ подземнымъ сводомъ и вышли на свѣтъ!

Машина летѣла на нихъ, какъ вихрь... черезъ полминуты она должна была пронестись по ихъ тѣлу и влетѣть въ гору.

Старый кузнецъ, идя между двумя сыновьями, поднявъ гордо голову, съ пикой въ правой рукѣ, нахмуривъ брови, стиснувъ зубы, нагнувъ свой большой орлиный носъ, какъ клювъ, смотрѣлъ на бѣгъ поѣзда вызывающимъ взоромъ и точно говорилъ:

— Ты не пройдешь!..

Нельзя было не любоваться гордостью его осанки.

Христіанъ и Касперъ, шедшіе около него съ голой шеей и открытой грудью, казались безстрастными, какъ статуи.

Вдругъ они всѣ трое наклонились, воткнувъ свои крѣпкія пики въ землю.

Вся толпа вздрогнула.

Остановить машину было уже слишкомъ поздно.

Вотъ почему г. Орасъ, боясь, чтобы машина не соскочила съ рельсовъ, что было бы ужасно, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что онъ покрылъ грохотъ поѣзда:

— Выпускайте весь паръ!..

Послѣ этого локомотивъ покрылся тучей бѣлаго пара и влетѣлъ въ туннель съ страшнымъ свистомъ. Когда поѣздъ исчезъ, то всѣ взоры обратились на то мѣсто, гдѣ стояли за нѣсколько секундъ старикъ Рокъ и его сыновья. Тамъ больше ничего не было. Три кузнеца и ихъ толстыя пики были раздавлены, какъ солома... а машина все неслась и неслась!

Тутъ всѣ присутствующіе, блѣдные какъ мертвецы, посмотрѣли другъ на друга, и многіе проговорили:

— Вотъ какъ мысль отстраняетъ матерію!.. Почти не можетъ ее остановить: ни сила, ни отвага... Надо идти съ ней или умереть!

Эліасъ, услыхавъ это, отвѣчалъ:

— Да, господа, вы правы: лучше быть въ вагонѣ, чѣмъ подъ колесами.

XXI.

Черезъ семь или восемь дней послѣ этого страшнаго происшествія Орасъ, Фрагонаръ и Кипріанъ отправили по желѣзной дорогѣ свои вещи и математическіе инструменты.

Тѣла Рока и его сыновей были похоронены въ Фельзенбургскихъ склепахъ, согласно желанію Терезы.

Склепы эти были нѣкогда благословлены епископами Мецкимъ и Тревскимъ и потому могли считаться вродѣ святыхъ мѣстъ.

Въ вечеръ же печальной церемоніи Фульдрода ушла изъ башни... Никто не зналъ, что съ нею сталось; но на слѣдующій день браконьеръ Сперверъ, возвращаясь съ охоты на оленей изъ окрестности Шнеберга, разсказывалъ, что встрѣтилъ въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ старую разсказчицу преданій съ ея двумя козами; она несла подъ мышкой книгу лѣтописей и тихо направлялась къ нидекскимъ развалинамъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Фельзенбурга г. Орасъ посѣтилъ многихъ изъ лицъ мѣстныхъ властей и между прочимъ Захарія Пиппера и священника Никлоса.

Священникъ прогуливался въ своемъ садикѣ, когда увидѣлъ инженера. Онъ тотчасъ же закрылъ свой молитвенникъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу.

— Вы разстаетесь съ нами, г. инженеръ?

— Да, батюшка, я пришелъ проститься съ вами.

Они вошли въ маленькую бесѣдку изъ зелени, всю обвитую жимолостью, и, усѣвшись, стали бесѣдовать о великихъ событіяхъ, совершившихся въ странѣ за послѣднія пять лѣтъ.

— Да!—говорилъ старикъ Никлосъ.—Хорошая вещь ваши желѣзныя дороги и всевозможныя паровыя машины. Но куда

дѣвается невинность нравовъ, хорошія преданія, уваженіе къ старости, вѣра въ вѣчныя истины нашей святой религіи, покорность сердецъ и довѣрчивая простота? Все пропадаетъ, все уничтожается! Старое гостепріимство нашихъ горъ — это наслѣдственное гостепріимство, такъ совпадающее съ характеромъ горныхъ жителей и составлявшее прелесть нашихъ лѣсовъ, само гостепріимство исчезаетъ и пропадаетъ неизвѣстно куда. Все дѣлается только для денегъ... Ахъ, и у вашей цивилизаціи есть дурная сторона!..

Такимъ образомъ почтенный старикъ выражалъ сожалѣніе, а г. Орасъ слушалъ, улыбаясь и не прерывая его, такъ какъ священникъ Никлосъ любилъ говорить безъ остановки, какъ съ каѳедры.

Наконецъ, увидавъ, что онъ кончилъ свою рѣчь, онъ отвѣчалъ:

— Все это совершенно справедливо... У нынѣшнихъ людей идеи уже не пятнадцатаго вѣка, но идеи Гюга Капета не были уже идеями Кловисса; Людовикъ Святой думалъ не такъ, какъ Гюгъ Капетъ, а Людовикъ XIV не такъ, какъ Людовикъ Святой. Каждый изъ этихъ великихъ людей былъ представителемъ идей своего времени; если бы у нихъ были другія идеи, то вмѣсто того, чтобы быть великими людьми, они были бы мелкими. Вмѣсто того, чтобы оказывать услуги человѣчеству, они были бы его бичемъ. Желать поддержать принципы и идеи другого вѣка,—значитъ, быть лишеннымъ здраваго смысла; это значитъ желать, чтобы курица возвратилась въ яйцо, яйцо въ зародышъ, а зародышъ въ перваго попавшагося пѣтуха. Всѣ, до сихъ поръ бравшіеся за это дѣло, слывутъ въ глазахъ благоразумныхъ людей за безумцевъ. Можно сожалѣть о старыхъ обычаяхъ, о старыхъ преданіяхъ... это очень поэтично... Но если бы люди, которые жили при Гюгѣ Кривомъ, и которыхъ вѣшали дюжинами, когда Гюгъ нахмуривалъ брови, еслибъ люди эти возвратились съ воспоминаніемъ о травѣ, которую имъ приходилось ѣсть въ продолженіе полугода... то, я думаю, судьба самаго жалкаго нашего чернорабочаго показалась бы имъ достойной зависти. Замѣтьте, батюшка, что всѣ наши старыя молитвы начинаются фразой: «Господи! Избави насъ отъ голода». Сколько слезъ, сколько горя, сколько отчаянія въ этихъ немногихъ словахъ! Бѣдные наши отцы! Какъ, должно быть, они страдали при Люйт-

прайтахъ, при Бартольдахъ и другихъ... это для насъ, ихъ потомковъ, Господь уже исполняетъ ихъ скромную мольбу!

Старикъ Никлосъ былъ совершенно удивленъ этой тирадой; онъ не зналъ, что отвѣчать, и, вздыхая, глядѣлъ на свой молитвенникъ.

— Вотъ мое мнѣніе о старыхъ правахъ, — продолжалъ Орасъ,—и мнѣніе это составилось не вслѣдствіе поэтическаго чтенія, но изъ изученія исторіи, но вслѣдствіе отысканій, предусмотрительныхъ постановленій XII столѣтія, которыхъ я не нашелъ и слѣда; что же касается до пара, до желѣзныхъ дорогъ... до всѣхъ этихъ изобрѣтеній, которыя вы оплакиваете, то онѣ составятъ славу нашего времени и будутъ способствовать счастію нашихъ дѣтей. Когда впослѣдствіи будутъ спрашивать, что дѣлали люди съ душой въ эпоху великихъ открытій и гигантскихъ работъ, и когда узнаютъ, что тогда они говорили о среднихъ вѣкахъ и проповѣдывали старыя доктрины и старые принципы, то, я думаю, имъ не дадутъ лучшей роли въ нашей исторіи, и я даже думаю, что недоброжелательное потомство причислитъ ихъ къ трутнямъ нашего улья! Говорятъ много и не безъ основанія о мученикахъ нашей святой вѣры во времена Діоклетіана, но замѣтьте, батюшка, что у науки есть тысячи мучениковъ, и что она до сихъ поръ производитъ ихъ ежедневно, и они не жалуются, а умираютъ счастливые, что исполнили свой долгъ... Паровая машина считаетъ нѣсколько мученноквъ: Соломонъ Кагосъ, Папинъ, Уатъ, Фультонъ. Теперь у мысли Кагоса есть желѣзныя руки, которыя денно и нощно работаютъ, не уставая... И ноги, которыя ходятъ по двадцати миль въ часъ! Несмотря на это, изобрѣтатель умеръ въ нуждѣ! Я могу до завтра перечислять вамъ мучениковъ науки, и эти мученики, увѣряю васъ, не потеряли простоту вѣры.

— Они любили славу, — сказалъ старикъ Никлосъ; — они были мучениками своей гордости.

— Повиненъ, батюшка, и Моисей, и Святой Людовикъ, и Боссюэ тоже любили славу; у однихъ скотовъ предполагаются только физическія потребности. Все это не мѣшаетъ мнѣ восхищаться геройской храбростью вашего стараго Даніэля Рока... Это былъ славный характеръ... Вотъ какъ должны бы были являться на битву твердыя убѣжденія: съ поднятой головой, съ

копьемъ въ рукахъ, съ открытой грудью... Но защитники средняго вѣка боятся борьбы при дневномъ свѣтѣ, не рѣшаясь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ новою мыслію, которая непремѣнно раздавила бы ихъ: они стараются свалить ее съ рельсовъ!

При послѣднихъ словахъ инженеръ всталъ, священникъ низко съ нимъ раскланялся, провожая до садовой калитки, гдѣ они холодно разстались,—а старикъ Никлосъ опять принялся за чтеніе своего молитвенника.

———

КОЗЕЛЪ ОТПУЩЕНІЯ.

Въ Тюбингенѣ всѣмъ и каждому извѣстна злополучная исторія студіозуса Каспера Эвига и еврея Эліаса Гирша. Касперъ Эвигъ ухаживалъ за дѣвицею Евою Саломонъ, дочкою стараго продавца картинъ въ Іерихонской улицѣ. Однажды онъ засталъ моего друга Эліаса въ этой лавочкѣ, и, ужъ не знаю подъ какимъ предлогомъ, закатилъ ему три или четыре здоровыхъ пощечины.

Эліасъ Гиршъ, всего лишь пять мѣсяцевъ тому назадъ принявшійся за изученіе медицины, былъ принужденъ студенческимъ совѣтомъ къ вызову Каспера на поединокъ, на что онъ отважился съ превеликою неохотою, такъ какъ Эвигъ, въ качествѣ нѣмецкаго дворянина, само собою разумѣется, долженъ былъ отмѣнно владѣть оружіемъ.

И однакоже, это ни мало не воспрепятствовало Эліасу сдѣлать ловкій выпадъ и пронзить своею рапирою бокъ вышереченнаго дворянина, — обстоятельство, до такой степени стѣснившее его дыханіе, что онъ не далѣе какъ черезъ десять минутъ отправился на тотъ свѣтъ.

Ректоръ Димеръ, поставленный объ этомъ обстоятельствѣ въ извѣстность секундантами, холодно выслушалъ ихъ и сказалъ:

— Очень хорошо, господа. Такъ, значитъ, онъ умеръ?.. Ну, коли такъ, надо похоронить его.

Эліасу устроили настоящій тріумфъ, словно новому отцу Маккавеевъ. Но вмѣсто упоенія славою онъ впалъ въ глубочайшую меланхолію.

Онъ худѣлъ, онъ стоналъ, онъ вздыхалъ. Носъ его, и безъ того длинный, казалось, еще выросъ, и часто слышали, какъ, по вечерамъ, въ то время какъ онъ проходилъ по улицѣ Трехъ Фонтановъ, онъ бормоталъ:

— Касперъ Эвигъ, прости меня, я не хотѣлъ лишать тебя жизни!.. О, несчастная Ева, что ты надѣлала? Ты своимъ необдуманнымъ кокетствомъ раздражила и натравила другъ на друга двухъ безстрашныхъ мужчинъ... И вотъ теперь тѣнь Каспера преслѣдуетъ меня на яву и во снѣ!.. Ева, безразсудная Ева, что ты надѣлала!..

Такъ стоналъ этотъ бѣдный Эліасъ, и его стоны были потому

особенно жалостны, что сыны Израиля—люди не кровожадные, и что ихъ Богъ, Богъ ревнивый, сказалъ имъ:

«Неповинная кровь падетъ на ваши главы изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Въ одно прекрасное іюльское утро, въ то время какъ я засѣдалъ въ пивной «Сокола», и осушалъ кружку за кружкою, туда вошелъ Эліасъ Гиршъ. Мина у него была, по обыкновенію, самая разстроенная, щеки ввалились, волоса были растрепаны, взглядъ убитый. Онъ положилъ руку мнѣ на плечо и сказалъ:

— Милый Христіанъ, хочешь доставить мнѣ большое удовольствіе?

— Почему же нѣтъ, Эліасъ?.. Въ чемъ дѣло?

— Пойдемъ пройтись за городъ, я хочу съ тобой посовѣтоваться, насчетъ своего горя. Ты вѣдь знаешь все божеское и человѣческое, можетъ быть и придумаешь какое-нибудь средство противъ такой напасти. Я питаю къ тебѣ полное довѣріе, Христіанъ.—Я уже выпилъ пять—шесть бокальчиковъ, да двѣ три рюмочки водки, и мнѣ нечего было возразить ему. Ну, а кромѣ того, мнѣ очень понравилось и его довѣріе къ моему просвѣщенію.

Мы прошли весь городъ, и черезъ двадцать минутъ уже подымались по заросшей фіалочками тропинкѣ, извивающейся среди развалинъ Трифельза.

Мы были тутъ въ полномъ одиночествѣ и шли между двумя безконечными изгородями изъ боярышника, слушая жаворонка, который щебеталъ гдѣ-то въ поднебесьи, перепела, клекотавшаго среди зарослей винограда, тихонько подвигаясь къ высокимъ соснамъ Ротальповъ. Эліасъ, повидимому, немножко оправился; онъ поднялъ глаза къ небу и вскричалъ:

— Христіанъ, ты читалъ много богословскихъ книгъ; скажи, не нашелъ ли ты въ нихъ какихъ-нибудь средствъ и способовъ облегчить душевныя муки великихъ грѣшниковъ? Я знаю, что ты по этой части производилъ какія-то любопытныя изысканія... Скажи же мнѣ!.. Что бы ты мнѣ не посовѣтовалъ для того, чтобъ отдалить отъ меня мстительную тѣнь Каспера Эвига, я все исполню.

Воззваніе Гирша заставило меня задуматься. Мы шагали рядомъ, склонивъ головы, соблюдая полное безмолвіе. Онъ все искоса взглядывалъ на меня, а я въ это время старался со-

средоточить мысли и припомнить все, что мнѣ было извѣстно насчетъ этого деликатнаго предмета. Наконецъ я отвѣтилъ ему:

— Видишь ли, Эліасъ, будь мы съ тобою въ Индіи, я посовѣтывалъ бы тебѣ пойти омыться въ Гангѣ, ибо вода этой рѣки омываетъ всяческія нечистоты, тѣлесныя и душевныя; по крайней мѣрѣ, таково мнѣніе жителей тѣхъ мѣстъ; поэтому они и не страшатся ни убивать, ни поджигать, ни воровать, именно, благодаря этой странной добродѣтели водъ ихъ рѣки. Надо полагать, что тамъ, у нихъ, это является огромнымъ утѣшеніемъ для всѣхъ злодѣевъ!.. Но у насъ, увы, къ сожалѣнію, нѣтъ такой рѣки!.. Если бы мы жили во времена Язона, я сказалъ бы тебѣ, чтобъ ты поѣлъ соленыхъ лепешекъ царицы Цирцеи, которыя обладали замапчивымъ свойствомъ обѣлять черную совѣсть и устранять ея угрызенія. Наконецъ, еслибъ ты былъ сопричисленъ къ нашей святой религіи, я предписалъ бы тебѣ читать молитвы, а, главнѣе всего, жертвовать твое имущество церкви. Но, принимая въ разсчетъ время, мѣсто и религію, въ какихъ ты состоишь, я вижу только одно средство облегчить твою душу.

— Какое? — вскричалъ уже одушевившійся надеждою Гиршъ.

Въ эту минуту мы уже взобрались на Ротальпы, именно, на то пустынное мѣсто, которое называется Гольдерлохомъ. Это глубокая, мрачная впадина, вокругъ которой высятся черныя ели. Надъ бездною здѣсь нависла плоская скала, и въ эту бездну устремляются струи Мюрга.

Тропинка, по которой мы шли, какъ разъ вывела насъ сюда. Я усѣлся на мохъ и вдыхалъ туманъ, вздымающійся изъ бездны, и въ ту же минуту увидѣлъ подъ собою великолѣпнаго козла, который вытягивалъ голову, срывая пучки травы, росшей по краямъ уступа скалы.

Надо вамъ сказать, что Гольдерлохскія скалы вздымаются одна надъ другою въ видѣ лѣстницы; каждая ступень этой лѣстницы имѣетъ въ вышину около десятка футовъ, но въ выступѣ не болѣе фута; а по окраинамъ ступеней ростетъ множество всякихъ ароматическихъ растеній—каприфолій, плющъ, дикій виноградъ, вьюнки,—а все это постоянно орошается мельчайшими брызгами горнаго потока, такъ, что зелень тутъ самая свѣжая и роскошная.

Такъ вотъ, мой козелъ,—великолѣпное животное, съ широ-

кимъ лбомъ, увѣнчанными узловатыми рогами, съ блестящими, какъ двѣ золотыя пуговицы, глазами, съ рыжеватою бородою, съ смѣлымъ взглядомъ, какъ у стараго сатира, высматривающаго добычу,—мой козелъ, говорю, какъ разъ направлялся къ самой верхней ступенькѣ, и, видимо, упивался созерцаніемъ роскошнаго пастбища.

— Эліасъ,—воскликнулъ я,—духъ Господень просвѣщаетъ меня! Вообрази, какъ разъ въ ту минуту, когда я только что подумалъ о козлищѣ отпущенія у Израиля, я вижу его передъ собою... вотъ онъ, гляди!.. Развѣ во всемъ этомъ не видѣнъ перстъ Провидѣнія! Возложи твои тяготы душевныя на это козлище, и покончи съ ними разомъ и навсегда!

Эліасъ смотрѣлъ на меня въ крайнемъ недоумѣніи.

— Это было бы чудесно,—проговорилъ онъ,—но я рѣшительно не понимаю, какъ это устроить, какъ возложить на этого козла мои угрызенія?

— Нѣтъ ничего проще! Такъ, какъ это дѣлали римляне, чтобъ избавиться отъ злодѣевъ, запятнанныхъ преступленіями. Они свергали ихъ съ Тарпейской скалы, не такъ ли? Ну, такъ и ты сдѣлай. Возгласи надъ этимъ козломъ слова покаянія и сбрось въ Гольдерлохъ!.. Только и всего!..

— Однако...—отвѣтилъ Эіасъ.

— Я знаю, что ты хочешь сказать мнѣ!—вскричалъ я.— Ты хочешь возразить, что между Касперомъ Эвигомъ, тѣло котораго тебя преслѣдуетъ, и этимъ козломъ не существуетъ никакого соотношенія. Но, берегись, берегись, это будетъ нечестивое разсужденіе. Разсуди, какое соотношеніе существовало между водою Ганга, или лепешками царицы Цирцеи, или между Израилевымъ козлищемъ, и тѣми преступленіями, которыя ими искупались и очищались?.. Ни малѣйшаго! И, однако же, это не мѣшало искупленіямъ быть дѣйствительными, священными, настоящими, несомнѣнными, предписанными и признаваемыми Брамою, Вишну, Шивою, Озирисомъ, Еговою! Итакъ, возложи свое покаяніе на это козлище и низвергни его!.. Я повелѣваю тебѣ, ибо въ эту минуту я чувствую просвѣтлѣніе духа, и я вижу, какое соотношеніе существуетъ между козломъ и грѣхами смертныхъ, только не въ силахъ этого выразить, ибо свѣтъ небесный ослѣпляетъ меня.

Эліасъ не двинулся съ мѣста. Мнѣ даже казалось, что онъ смѣется, и это, конечно, раздражало меня.

— Что же это?—вскричалъ я.—Я тебѣ указываю легкое и вѣрное средство избѣгнуть справедливой кары за твое преступленіе, ты колеблешься, ты сомнѣваешься, ты смѣешься?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но, видишь ли, я не привыкъ карабкаться по скаламъ и боюсь вмѣстѣ съ козломъ свалиться въ Гольдерлохъ.

— Эхъ ты, трусъ! Видно, только тебя и хватило, что на одинъ разъ! Разъ въ жизни выказалъ мужество, да за этимъ разомъ все его изъ себя и вымоталъ! Ну, коли ты самъ не хочешь совершить жертвоприношеніе, которое я тебѣ предписываю, такъ я самъ его совершу!

И я поднялся на ноги.

— Христіанъ, Христіанъ!..—кричалъ мой пріятель.—Брось, поберегись! У тебя въ эту минуту нога не очень твердая!

— Нога не твердая!.. Ты осмѣливаешься сказать, что я пьянъ, потому что выпилъ какихъ-нибудь десять—двѣнадцать бокаловъ, да три рюмки водки?.. Прочь, прочь отъ меня, сынъ Беліала!..

И, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и остановившись прямо надъ козломъ, я простеръ руки и громкимъ, торжественнымъ голосомъ произнесъ:

— Хазазель, козлище несчастія и искупленія, я возлагаю на твою лохматую спину угрызенія моего друга Эліаса Гирша, и предаю тебя ангелу тьмы!

Потомъ, обойдя площадку, я спустился на нижній уступъ, намѣреваясь низвергнуть козла внизъ.

Мною овладѣла священная, почти божественная, ярость. Я не видѣлъ бездны передъ собою, я шелъ по уступу, какъ кошка.

Козелъ, видя, что я подхожу, сначала пристально поглядѣлъ на меня, потомъ отошелъ.

— Ага!—вскричалъ я.—Ты хочешь уйти отъ меня! Нѣтъ, не уйдешь, проклятый! Ты мой!

— Христіанъ, Христіанъ! — не переставая, кричалъ мнѣ Эліасъ, стонущимъ голосомъ.—Ради Бога, не рискуй!..

— Молчи, маловѣрный, молчи! Ты не стоишь того, чтобъ я расточалъ старанія ради твоего благополучія. Но знай, что

твой другъ Христіанъ никогда не отступаетъ! Хазазель долженъ погибнуть!

Немного подальше уступъ суживался и, наконецъ, сходилъ на нѣтъ.

Козелъ снова поглядѣлъ на меня и еще разъ отступилъ, но на этотъ разъ не безъ колебанія.

— Ага, ты начинаешь понимать!—крикнулъ я ему.—Да, да, вотъ когда я загоню тебя въ уголъ, тебѣ волей-неволей придется спуститься!

И въ самомъ дѣлѣ, дойдя до того мѣста, гдѣ уступъ совсѣмъ исчезалъ, Хазазель, казалось, пришелъ въ затрудненіе. А я все подходилъ къ нему, проникнутый святымъ энтузіазмомъ, заранѣе смѣясь надъ прыжкомъ внизъ, который ему предстоялъ.

Я видѣлъ его въ четырехъ шагахъ передъ собою. Я ухватился рукою за сукъ дерева, вросшаго въ скалу, и готовился пнуть его ногою.

— Взгляни, Эліасъ, взгляни на него, проклятаго! — кричалъ я.

Но въ эту же минуту прямо мнѣ въ животъ достался здоровенный ударъ головою, который меня самого отправилъ бы на дно Гольдерлоха, не держись я за сукъ Злополучный козелъ, видя, что онъ притиснутъ, первый началъ нападеніе.

Судите же о моемъ изумленіи. Прежде, чѣмъ я пришелъ въ себя, козелъ снова стоялъ на заднихъ ногахъ, и его рога опять угодили мнѣ подъ ложечку съ глухимъ стукомъ.

О, какое положеніе! Нѣтъ, наврядъ ли кому другому случалось испытать такую неожиданную напасть! Мнѣ казалось, что я вижу скверный сонъ; это было какое-то свѣтопредставленіе. Бездна, со своими острыми скалами, вся заплясала подо мной, а небо и деревья заплясали надо мной. Въ то же время я услыхалъ пронзительный голосъ Эліаса, вопившаго:

— Помогите, помогите!

А рога Хазазеля продолжали обрабатывать мои бока.

Тутъ уже я утратилъ всякое присутствіе духа. Козелъ, съ его длинной, рыжей бородой и рогами, которые наносили мнѣ размѣренные удары то въ животъ, то въ грудь, то въ бока, то въ бедра, казался мнѣ самимъ дьяволомъ. Рука моя, державшаяся за сукъ, разжалась, и я поѣхалъ книзу. Но тутъ, по счастью, что-то задержало меня. Сначала-то я не распозналъ, что

остановило мое паденіе. А это былъ пастушекъ Іери; онъ, стоя на выступѣ сверху, зацѣпилъ меня за шиворотъ своимъ посохомъ.

Благодаря этой подмогѣ, я, вмѣсто того, чтобъ свалиться въ бездну, поползъ вдоль уступа, причемъ страшный козелъ опередилъ меня, пройдя по мнѣ, и убѣжалъ.

— Идите сюда, держите крѣпче мой посохъ,—кричалъ пастухъ.—Я спущусь къ нему! Держите крѣпче!

— Ладно, будь спокоенъ!—отвѣтилъ Эліасъ.

Я слышалъ эти слова, словно въ кошмарѣ; я утратилъ сознаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже лежалъ на площадкѣ. Пастухъ Іери, дѣтина шести футовъ ростомъ, крѣпкій, какъ дубъ, поднялъ меня на руки, отнесъ на площадку и положилъ на мохъ.

Открывъ глаза, я увидалъ передъ собою этого колосса, съ впалыми сѣрыми глазами, желтой бородой, съ бараньею шкурою на плечахъ, и мнѣ подумалось, что я вернулся ко временамъ Эдипа, что не мало изумило меня.

— Вотъ такъ-то! — проговорилъ пастухъ горловымъ голосомъ.—Это васъ научитъ, каково проклинать моего козла!

Тогда я увидѣлъ и Хазазеля, который жался къ ногамъ своего хозяина и, вытянувъ шею, посматривалъ на меня ироническимъ взглядомъ. За мною стоялъ Эліасъ, который, видимо, изо всѣхъ силъ сдерживался, чтобъ не прыснуть со смѣха.

Мои разстроенныя мысли мало-по-малу приходили въ порядокъ. Я съ усиліемъ приподнялся, сѣлъ. Рога Хазазеля порядкомъ-таки обработали меня.

— Это ты меня спасъ?—сказалъ я пастуху.

— Да, молодой человѣкъ.

— Ты славный малый. Беру назадъ проклятія, которыя я обрушилъ на твоего козла. Вотъ тебѣ, на!

Я отдалъ ему свой кошелекъ, въ которомъ было около шестнадцати флориновъ.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ онъ.—Коли хотите, можете начинать сызнова. Здѣсь бой будетъ равный, а тамъ-то у моего козла были большія преимущества.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, братъ. Съ меня довольно. Дай-ка руку, милый человѣкъ, помоги встать. Ну, буду я васъ помнить, Эліасъ! Пойдемте.

Мы съ пріятелемъ, взявшись подъ руки, спустились по скату.

Пастухъ, опираясь на свой посохъ, издали смотрѣлъ на насъ, а козелъ снова началъ лазить по краю бездны. Небо было дивное, воздухъ, напоенный тысячами горныхъ благоуханій, доносилъ до насъ отдаленные звуки трубы и рокотанье горнаго потока.

Мы, совершенно растроганные, вернулись въ Тюбингенъ.

Впослѣдствіи мой другъ Эліасъ утѣшался въ томъ, что убилъ господина Каспера, и утѣшился очень своеобразнымъ способомъ.

Едва лишь онъ завладѣлъ дипломомъ доктора медицины, какъ, ни мало не медля, женился на фрейлинѣ Евѣ Саломонъ, съ похвальною цѣлью имѣть отъ нея какъ можно больше дѣтей, чтобы этимъ путемъ наверстать утрату, нанесенную обществу причиненною имъ гибелью одного изъ членовъ этого общества.

Четыре года тому назадъ я принималъ участіе въ его бракосочетаніи въ роли шафера, и вотъ, съ тѣхъ поръ уже два толстомордонькихъ малыша оживляютъ его хорошенькій домикъ въ Криспинусовской улицѣ.

Начало многообѣщающее!

Храни меня Богъ думать, что такой новый способъ искупленія убійства предпочтительнѣе, нежели тотъ, какой предписываетъ наша религія, т. е. молитвы и подаяніе на церковь. Нѣтъ, я только думаю, что все же этотъ способъ лучше индусскаго, и даже—ужъ если говорить прямо и откровенно,—и даже лучше знаменитой теоріи Израильскаго козлища!

МЕДВѢЖІЙ БОЙ.

Ничто такъ не огорчаетъ мою милую тетушку,—говаривалъ Касперъ,—за исключеніемъ моего пристрастія къ кабачку дяди Себальдуса Дика,—какъ то, что въ нашей семьѣ завелся живописецъ.

Мадамъ Катерина охотно бы согласилась, чтобъ я былъ адвокатомъ, судьею, прокуроромъ, совѣтникомъ. О, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, я сдѣлался совѣтникомъ, такимъ, какъ, напримѣръ, г. Андреусъ Фанъ-Бергумъ, произносилъ бы гнусавымъ голосомъ величественныя сэнтенціи, поглаживая кончиками ногтей свое жабо изъ тонкаго кружева,—какимъ почтеніемъ, какимъ подобострастіемъ прониклась бы достойная женщина къ monsieur своему племяннику! Съ какимъ чувствомъ говорила бы она о господинѣ совѣтникѣ Касперѣ! Какъ она, кстати и некстати, приводила бы мнѣнія и отзыва «monsieur нашего племянника, совѣтника». Вотъ ужъ тогда-то она угощала бы меня самыми изысканными вареньями, и каждый вечеръ, въ кругу своихъ знакомыхъ кумушекъ, наливала бы мнѣ въ стаканъ, примѣрно, этакъ, на палецъ мускатнаго вина XI года Республики, говоря при этомъ:

— Отвѣдайте-ка вотъ этого, господинъ совѣтникъ; этого вина всего только десять бутылокъ и остается!

И все касающееся господина нашего племянника Каспера, все исходящее отъ него, совѣтника окружнаго суда, было бы прекрасно и совершенно.

Увы!.. Господь не пожелалъ, чтобъ достойная женщина получила это высшее и верховное удовлетвореніе! Племянникъ именуется просто и кратко Касперомъ, Касперомъ Дидерихомъ. Нѣтъ у него ни титула, ни званія, ни жезла, ни парика. Онъ живописецъ!.. И вотъ тетушкѣ Катеринѣ остается только вѣчно твердить старую французскую поговорку:—«Gueux comme un peintre»—нищъ, какъ живописецъ—и это удручаетъ ее.

Я издавна тщетно старался убѣдить ее, что истинный артистъ тоже представляетъ собою нѣчто, заслуживающее уваженія: что его произведенія иногда переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и возбуждаютъ изумленіе потомковъ, и что, строго говоря, такая личность можетъ стоить любого совѣтника. Но, къ несча-

стью, это мнѣ никакъ не удавалось. Она только пожимала плечами, складывала ладошки и не удостоивала меня отвѣтомъ.

Я сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы наставить тетушку Катерину на путь здравый; но пожертвовать ради нея искусствомъ, жизнью артиста, музыкою, живописью и кабачкомъ Себальдуса,—нѣтъ, ужъ лучше смерть!

Кабачекъ дяди Себальдуса, мѣстечко по истинѣ усладительное. Онъ стоитъ на углу темненькой улицы Алебардъ и маленькой площади Аиста. Какъ только пройдешь въ ворота, сейчасъ попадешь внутрь просторнаго четырехугольнаго двора, окруженнаго дряхлыми, покрытыми мхомъ галлереями, на которыя ведетъ деревянная лѣстница. Кругомъ оконца съ свинцовыми переплетами тамъ, по модѣ послѣдняго столѣтія, отдушины. Столбы амбара поддерживаютъ опустившуюся крышу. Тутъ и амбары, и боченки, поставленные рядами въ углу; налѣво ходъ въ погребъ, что-то вродѣ голубятни съ высокою, остроконечною кровелькою. Выше, надъ галлереею, опять рядъ оконъ, въ углубленіи стѣнъ, въ тѣни; около нихъ видны посѣтители въ своихъ треухахъ, съ красными, багровыми и лиловыми носами, женщины изъ Гундегюка въ бархатныхъ капорцахъ съ широкими муаровыми лентами, иныя смущенныя, иныя важныя, иныя хохотушьи или сами смѣшныя. Подъ кровлею сѣновалъ, подъ нимъ конюшни, свинарникъ. Все это на перебой лѣзетъ вамъ въ глаза, и все это какъ-то удивительно причудливо.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ старой постройкѣ не было вколочено ни одного новаго гвоздика. Вы могли бы счесть все это за древнее и весьма почтенное крысиное гнѣздо. И когда осеннее солнце, это дивное, красное, какъ пламя, солнце просѣиваетъ свои лучи сквозь золотистую пыль; когда, па исходѣ дня, всѣ углы рѣзко выступаютъ, а тѣни проваливаются; когда весь кабачекъ гнуситъ и поетъ, когда кружки звенятъ; когда толстый Себальдусъ, прикрывъ свои колѣна кожанымъ передникомъ, проходитъ по комнатѣ и спускается въ погребъ съ кувшиномъ въ рукѣ; когда его жена Гредель приподнимаетъ окошко въ кухнѣ и своимъ выкрошившимся ножомъ чиститъ рыбу, или отсѣкаетъ головы у цыплятъ, у гусей, у утокъ, которые ревутъ, кудахтаютъ, крякаютъ, рыдаютъ и бьются среди фонтановъ крови; когда молодая Фридолина, съ своимъ маленькимъ розо-

вымъ ротикомъ и длинными бѣлокурыми косами высовывается въ окошечко, чтобы оправить свои каприфоліи, а надъ нею по крышѣ прогуливается дюжій рыжій котъ ея сосѣдки, помахивая хвостомъ и слѣдя жадными зелеными глазами за ласточкою, которая кружится въ темнолазуревомъ воздухѣ,—тогда, ей Богу, надо было не имѣть ни капли артистической крови въ жилахъ, чтобы не остановиться въ экстазѣ передъ такою картиною, вслушиваясь внимательнымъ ухомъ въ эти шелесты, этотъ шумъ, этотъ шепотъ. И глядя на эти трепещущіе переливы свѣта, на эти бѣгающія тѣни, нельзя было не прошептать про себя:—Какъ это прекрасно!

Но надо видѣть кабачекъ Себальдуса въ праздничный день, когда весь развеселый народъ Бергцаберна тѣснится въ просторной залѣ нижняго этажа, либо въ день пѣтушинаго боя, либо собачьей травли, либо когда тамъ показываютъ волшебный фонарь,—вотъ когда любопытно-то взглянуть на кабачекъ!

Въ прошлую осень, въ субботу, подъ Михайловъ день, между часомъ и двумя дня, всѣ мы собрались около большого дубоваго стола. Тутъ были: докторъ Мельхіоръ, котельщикъ Эйзенлоффель съ кумою, старуха Бербель Разимусъ, монахъ капуцинъ Іоганнесъ, кларнетчикъ изъ «Бычьей Ноги» Борвесъ Фрицъ, и человѣкъ еще съ полсотни. Всѣ мы хохотали, пѣли, орали, играли въ юкеръ, осушали стаканы, поѣдали колбасу и сосиски.

Хозяйка Гредель ходила взадъ-впередъ. Хорошенькія служанки Гейнрихенъ и Лотхе шмыгали вверхъ-внизъ по лѣстницѣ, которая вела въ кухню, словно бѣлочки, а на улицѣ, подъ воротами, раздавался веселый звонъ цимбалъ и грохотъ турецкаго барабана:

— Цинь, цинь, бумъ, бумъ! Э-э!.. Великій бой астурійскаго медвѣдя Бепо и савойскаго Баптиста противъ всѣхъ здѣшнихъ собакъ!.. Бумъ!.. Входите, милостивые государи, милостивыя государыни. Увидите калабрійскаго буйвола и онагра великой пустыни!.. Смѣлѣе, милостивые государи, входите, входите!..

И публика валила толпой.

Себальдусъ, во всеоружіи своего громаднаго чрева, заслонялъ дверь и загораживалъ проходъ, словно Горацій Коклесъ, крича изо всѣхъ силъ:

— Давайте пять крейцеровъ, канальи!.. Пять крейцеровъ, не то задушу васъ!..

Давка была неимовѣрная; люди другъ другу на спины лѣзли, чтобы только попасть. Маленькая Бригитта Кера потеряла въ этой сумятицѣ чулокъ, а старуха Анна Зейлеръ — половину юбки.

Но вотъ около двухъ часовъ вожакъ медвѣдей, здоровенный рыжій дѣтина, волосатый и бородатый, съ огромнѣйшимъ сѣрымъ колпакомъ на головѣ, похожимъ на сахарную голову, прітворилъ дверь и гаркнулъ намъ:

— Сейчасъ начнется бой!

Публика повскакивала изъ-за столовъ, не успѣвъ даже допить стакановъ. Я самъ пустился бѣжать къ сѣновалу, взобрался на него по лѣстницѣ, шагая черезъ четыре ступени, и лѣстницу потомъ убралъ, чтобъ быть тутъ одному. Я спокойно усѣлся на кучѣ соломы, около самаго лаза, и съ удовольствіемъ удостовѣрился въ томъ, что мнѣ все будетъ видно лучше, чѣмъ кому-либо другому.

Господи, народу-то сколько! Ветхія геллери трещали отъ перегрузки, крыши гнулись. Дрожь брала, глядя на эти галлереи; того и гляди, рухнутъ, кучи людей будутъ сжаты и стиснуты въ обломкахъ, какъ кисти винограда подъ прессомъ.

Видно было людей, которые вскарабкались на столбы, и еще выше, къ воронкамъ дождевыхъ трубъ, и еще выше, на голубятню, и еще выше—на Сенъ-Христофорскую колокольню. И вся эта толпа свѣшивалась впередъ, выла, вопила:

— Медвѣди, медвѣди!

Когда я, вдоволь наглядѣвшись на безчисленную публику, опустилъ взглядъ книзу, я увидалъ среди двора бѣднаго ослика, до такой степени тощаго, что онъ, пожалуй, перещеголялъ бы знаменитаго апокалипсическаго коня; онъ стоялъ, зажмуривъ глаза и повѣсивъ уши. Ему-то, несчастному, и доводилось начать битву.

— Ну, не глупы ли люди!—подумалъ я про себя.

Время шло, шумъ усиливался, люди начинали ужъ изъ себя выходить отъ нетерпѣнія. Громадный рыжебородый висѣльникъ въ своемъ сѣромъ колпакѣ выступилъ на середину двора и, упершись кулакомъ въ бокъ, торжественнымъ тономъ возопилъ:

— Онагръ великой пустыни вызываетъ на бой всѣхъ собакъ этого города!

Настало глубокое безмолвіе. Мясникъ Даніель, у котораго глаза были вѣчно выпучены и ротъ разинутъ, оглянулся во всѣ стороны и спросилъ:

— Какой онагръ, гдѣ онъ?

— Да вотъ онъ!

— Этотъ! Да вѣдь это оселъ.

— Нѣтъ, это онагръ.

Тогда всѣ заревѣли въ одинъ голосъ:

— Это оселъ, это оселъ!

— Это онагръ!

— Ну, да ладно, все равно, посмотримъ!—со смѣхомъ порѣшилъ мясникъ.

Онъ свистнулъ свою собаку и, указывая ей на осла, крикнулъ:

— Пиль!.. Возьми!..

Но, удивительная вещь! Едва осликъ увидалъ подбѣжавшую собаку, какъ съ живостью обернулся къ ней и, поднявъ заднюю ногу, нанесъ ей такой вѣрный, такъ ловко разсчитанный ударъ, что у собаки оказалась раздробленною челюсть.

Ужаснѣйшій взрывъ хохота вознесся до небесъ, а собака удирала во всѣ лопатки съ пронзительнымъ воемъ.

— Ну, что? Вы и теперь будете говорить, что мой онагръ—оселъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ сконфуженный Даніель,—теперь я вижу, что это онагръ.

— Ладно, ладно! Ну, пусть другія собаки еще попробуютъ сразиться съ этимъ животнымъ, вскормленнымъ въ пустынѣ. Пусть подходятъ, онагръ ждетъ ихъ!

Но никто больше не выступилъ. Напрасно вожакъ кричалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Ну-же, милостивые государи, милостивыя государыни, боитесь вы, что ли?.. Онагра боитесь?.. Вѣдь это стыдъ и срамъ для всѣхъ здѣшнихъ собакъ!.. Ну же, ну!.. Смѣлѣе! Милостивые государи... Милостивыя государыни!..

Никто не пожелалъ рисковать своимъ псомъ, пуская его на такого опаснаго осла. Всѣ снова зашумѣли.

— Медвѣдей, медвѣдей! Ведите медвѣдей!

Вожакъ скоро убѣдился въ томъ, что его оселъ всѣмъ наскучилъ. Онъ загналъ его въ стойло и, подойдя къ свинарнику, отворилъ его и выволокъ оттуда за цѣпь савойскаго медвѣдя Баптиста, стараго, облѣзлаго бураго звѣря, который былъ унылъ и смущенъ, какъ трубочистъ, вылѣзающій изъ трубы. Его, однако, встрѣтили всеобщими рукоплесканіями. Сами боевыя собаки, запертыя пока въ сѣняхъ кабачка, почуявъ запахъ хищнаго звѣря, разразились самымъ трагическимъ воемъ. Бѣднягу медвѣдя подвели къ столбу, врытому у стѣны прачечной;- онъ безропотно далъ привязать себя, обводя публику меланхолическимъ взглядомъ.

— Бѣдный старый бродяга!—воскликнулъ я про себя.— Лѣтъ десять тому назадъ ты ходилъ одинъ, вольный, важный и грозный по швейцарскимъ ледникамъ или мрачнымъ оврагамъ Ундервальда, и отъ твоего рева дрожали горные дубы. Кто могъ бы въ тѣ времена предрѣчь тебѣ, что настанетъ день, когда ты будешь привязанъ на веревку и отданъ на растерзаніе презрѣннымъ псамъ, для потѣхи Бергцаберна! Увы! Sic transit gloria mundi!

Въ то время, какъ я грезилъ объ этомъ, всѣ подавались впередъ, чтобъ лучше видѣть; и я сдѣлалъ тоже, и увидѣлъ, что дѣло становится горячимъ.

Гончія старика Гейнриха, дрессированныя для кабаньей травли, подбѣгали съ того конца двора. Хозяинъ крѣпко держалъ ихъ на сворѣ, а онѣ такъ и бѣсновались. Одинъ былъ датскій догъ, съ бѣлою, пятнистою рубашкою, поджарый, нервозный, съ оскаленными, какъ у крокодила зубами; другой былъ танневальдскій лягавый, съ впалыми пахами, съ выдающимися ребрами, съ головою въ видѣ наконечника стрѣлы, съ узловатыми, сухими, словно бамбуковыми, ляжками. Они не лаяли, а только изо всѣхъ силъ натягивали свору, такъ что старый Гейнрихъ, сдвинувшій на затылокъ свою сѣрую поярковую шляпу, украшенную дубовыми листьями, ощетинившій рыжіе усы, со своимъ тонкимъ и узкимъ, какъ бритва, носомъ, упиравшимся въ верхнюю губу, разставивъ ноги въ кожаныхъ гетрахъ и опираясь ими въ камни мостовой, съ величайшими усиліями удерживалъ ихъ, противясь ихъ порывамъ всею тяжестью своего корпуса.

— Отойдите, сторонитесь!—кричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ.

Вожакъ поспѣшилъ спрятаться въ свою коморку, позади мясника.

Вотъ тутъ-то стоило взглянуть на всѣ эти, склонившіяся чрезъ перила физіономіи—раскраснѣвшіяся, задыхающіяся, съ глазами на выкатѣ.

Медвѣдь подобрался и поднялъ свои широкія лапы. По его рыжей, длинной шерсти пробѣгала дрожь; намордникъ, видимо, очень стѣснялъ его.

Въ это время свора была спущена. Псы однимъ скачкомъ промчались съ одного конца двора на другой. Ихъ острые зубы впились въ уши бѣднаго Баптиста, а онъ, въ свою очередь, схвативъ лапами обѣихъ собакъ, запустилъ когти въ ихъ бедра, такъ что изъ нихъ брызнула кровь. Но и самъ медвѣдь былъ окровавленъ; его уши были растерзаны, и собаки, разъ за нихъ ухватившись, не выпуская ихъ изъ зубовъ. Желтые глаза медвѣдя бросали къ небу взгляды, возбуждавшіе жалость. Трое звѣрей оставались неподвижны, какъ каменная группа, не издавая ни крика, ни вздоха.

Я ощущалъ у себя холодный потъ, текшій вдоль спины.

Эта сцена продолжалась болѣе пяти минутъ. Потомъ лягавый началъ какъ будто сдаваться. Медвѣдь поглубже запустилъ въ него свои страшные когти, и въ глазахъ стараго бродяги блеснуло что-то вродѣ луча надежды. Потомъ вновь настала минута неподвижности. Послышался громкій звукъ, похожій на икоту, и какой-то хрустъ:—спинной хребетъ лягаваго былъ переломленъ, и онъ упалъ на бокъ съ окровавленною пастью.

Тогда Баптистъ съ видимымъ упоеніемъ обнялъ датскаго дога обѣими лапами. Тотъ одно мгновенье еще держался зубами за ухо звѣря; но вотъ зубы его скользнули по уху, онъ отчаянно согнулся и отпрыгнулъ. Медвѣдь бросился было за нимъ, но привязь не пустила его. Собака, вся красная отъ крови, отбѣжала къ охотнику и спряталась за него, издали поглядывая на лягавую, которая не возвращалась.

Баптистъ положилъ лапу на этотъ трупъ и, высоко поднявъ голову, словно упивался этимъ кровопролитіемъ, словно всею силою легкихъ вдыхалъ въ себя это упоеніе; въ немъ воскресъ прежній героизмъ. Бѣшеныя рукоплесканія раздались со всей

галлереи, слышались даже съ колокольни, и медвѣдь, казалось, понималъ ихъ. Я никогда не видывалъ такой гордой и рѣшительной осанки.

По окончаніи боя, всѣ добрые люди перевели духъ. Капуцинъ Іоганнесъ, сидѣвшій противъ меня у перилъ галлереи, махалъ палкою и улыбался въ свою длинную, желтую бороду. Всѣмъ надо было поотдохнуть, оправиться; начали угощать другъ друга табачкомъ. Голосъ доктора Мельхіора раздавался громче всѣхъ; онъ обсуждалъ разныя обстоятельства въ ходѣ боя. Но не успѣлъ онъ еще закончить своихъ разглагольствованій, какъ дверь стойла отворилась, и изъ нея высыпались на дворъ до двадцати пяти псовъ, большихъ и малыхъ; это были бродячія собаки, собранныя со всего города, и предназначенныя на сей любопытный случай въ жертвоприношеніе. Всѣ они кинулись во дворъ съ лаемъ, воемъ, визгомъ; потомъ, всѣ, словно бы по уговору отбѣжали въ самый дальній отъ звѣря уголъ двора, и оттуда продолжали бѣшено лаять на него, то наступая, то отступая.

— Эхъ, трусы!.. Эхъ, сволочь!..—кричала храбрая публика съ галлереи.

А собаки, поднимая носы вверхъ, словно хотѣли сказать имъ въ отвѣтъ своимъ отчаяннымъ лаемъ:

— А, ну-ка, сами попробуйте!

Медвѣдь держался насторожѣ. Въ это время, внезапно, ко всеобщему изумленію, вернулся Гейнрихъ со своимъ догомъ.

Послѣ я узналъ, что онъ подержалъ пари на пятьдесятъ флориновъ съ охотничьимъ сторожемъ Іозефомъ Кильяномъ, о томъ, что онъ одолѣетъ медвѣдя. Онъ погладилъ собаку и, подойдя къ медвѣдю, сталъ натравливать пса, крича ему:

— Смѣлѣе, Блитцъ!

И благородное животное, забывъ свои раны, снова сдѣлало нападеніе.

И вотъ тутъ-то всѣ эти «трусы» и «сволочь», дворняжки, пуделишки, крысоловы, таксы, бросились на злополучнаго звѣря и буквально покрыли его, облѣпили со всѣхъ сторонъ. Онъ катался подъ ними, ревѣлъ, рычалъ, фыркалъ, давилъ на смерть то одну, то другую изъ нихъ, либо увѣчилъ, противился изо всѣхъ силъ.

Храбрый датскій догъ, проявилъ экстренную неустраши-

мость. Онъ ухватился за чубъ медвѣдя и, крѣпко держась за него, ни на мгновеніе не выпуская его изъ зубовъ, катался вмѣстѣ съ нимъ, разставивъ лапы, въ то время, какъ прочія собаченки рвали его икры, его несчастныя окровавленныя уши. Хотѣлось, чтобъ это все поскорѣе кончилось.

— Ну, будетъ ужъ, довольно!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Иные, однако, не переставая науськивали собакъ, крича:

— Пиль, пиль, бери его, смѣлѣе!..

Въ эту минуту Гейнрихъ промелькнулъ черезъ дворъ, какъ молнія. Онъ схватилъ своего пса за хвостъ, тянулъ его изо всѣхъ силъ и кричалъ:

— Блитцъ, Блитцъ!.. Брось!..

Эге!.. Нѣтъ, братъ! Охотнику удалось, наконецъ, здоровымъ ударомъ арапника заставить пса отступить. Онъ поволокъ за собою собаку и скрылся съ нею подъ воротами.

Прочей собачьей компаніи этого было достаточно; всѣ начали отступать, только четыре—пять уже лежали на боку и не поднялись; всѣ прочія перепуганныя, задыхающіяся, бѣжали, иныя прихрамывая, во всѣ стороны; многія даже пытались взобраться на стѣны. Вдругъ одинъ изъ нихъ, песикъ старухи Разимусъ, увидавъ кухонное окно, движимый благороднымъ одушевленіемъ, кинулся въ него, прошибъ одно стекло и проскочилъ въ кухню. Послышался звонъ и грохотъ мисокъ, кастрюль и прочей посуды, которая повалилась на полъ, и въ то же время голосъ тетки Гредель, вопившей пронзительнымъ голосомъ:

— Помогите, помогите!..

Это былъ наилучшій моментъ представленія. Люди уже и хохотать не могли, только катались, держась за бока.

— Ха, ха, ха!.. Вотъ такъ штука!..

Скоро, однако, спокойствіе возстановилось. Теперь всѣ съ нетерпѣніемъ ждали выхода страшнаго астурійскаго медвѣдя.

— Астурійскаго, астурійскаго!—требовала публика.

Вожакъ сдѣлалъ было знакъ публикѣ, что хочетъ что-то сказать, но куда!.. Крики удвоились:

— Астурійскаго, астурійскаго!

Вожакъ проговорилъ что-то, что нельзя было за шумомъ разобрать, отвязалъ бураго медвѣдя и увелъ его въ клѣтку. Потомъ, со всевозможными предосторожностями отворилъ дверь сосѣдней клѣтки и ухватился за конецъ цѣпи, который лежалъ

на полу. Внутри клѣтки послышалось ужасающее рыканіе. Вожакъ быстро вкрѣпилъ конецъ цѣпи въ желѣзное кольцо, вдѣланное въ стѣну и вышелъ изъ клѣтки съ крикомъ:

— Эй, вы, пускайте собакъ!

Почти немедленно вслѣдъ затѣмъ въ затѣненную часть клѣтки прыгнулъ маленькій, коренастый сѣрый медвѣдь съ плоскою головою, широко растопыренными ушами, красными глазами. Почувствовавъ сопротивленіе цѣпи, онъ началъ свирѣпо ревѣть. Ясно было, что этотъ медвѣдь обладаетъ скверными философскими мнѣніями. Сверхъ того, онъ былъ до послѣдней степени перевозбужденъ лаемъ, воемъ и гамомъ только что происходившей схватки, и его хозяинъ очень хорошо дѣлалъ, что опасался его.

— Пускайте же собакъ!—кричалъ вожакъ, выставляя носъ изъ окошка, и затѣмъ добавилъ:—Если что придется не по вкусу кому-нибудь, такъ ужъ вина не моя. Выпускайте же собакъ, увидите знатную трепку!

Въ ту же минуту на дворъ выступили догъ Людвига Корба и два волкодава корзинщика Фишера изъ Гиршланда; псы эти были длинношерстые съ пышными волочившимися хвостами, длинными челюстями и прямыми ушами. Шли они вмѣстѣ, кучкою.

Догъ былъ спокоенъ, онъ зѣвнулъ, потянулся; онъ еще не видѣлъ медвѣдя и, казалось, только что проснулся. Но послѣ продолжительнаго зѣвка онъ оглянулся и тутъ увидѣлъ звѣря; онъ оставался неподвиженъ, словно пораженный. Медвѣдь тоже глядѣлъ, насторожившись уши; его когти судорожно впивались въ землю, а маленькіе глазки сверкали, словно онъ сторожилъ добычу.

Два волкодава стояли позади дога.

Настала такая тишина, что упади листокъ съ дерева, и то было бы слышно. Раздалось ворчаніе, глухое, глубокое, серьезное, словно раскатъ отдаленнаго грома, и отъ него дрожь проняла зрителей.

Вдругъ догъ сдѣлалъ скачокъ, два другіе вслѣдъ за нимъ, и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ ничего не стало видно, кромѣ смутной кучи, которая каталась, держась на цѣпи. Потомъ стало видно зеленыя и синія внутренности въ смѣси съ кровью, и все это растеклось по камнямъ мостовой; наконецъ,

приподнялся и медвѣдь; онъ держалъ подъ лапою дога, покачивалъ своею тяжелою головою и, въ свою очередь, зѣвнулъ во весь ротъ, потому что намордника на немъ уже не было, онъ свалился въ пылу боя.

По рядамъ зрителей пронеслось невнятное бормотанье. Рукоплесканій не было; публикою овладѣлъ не восторгъ, а страхъ. Догъ хрипѣлъ, двѣ другія собаки лежали всѣ растерзанныя въ клочья и не подавали признаковъ жизни. Въ сосѣднихъ стойлахъ скотина заявляла о своемъ ужасѣ громкими мычаніями; кони бились такъ, что стѣны тряслись. А между тѣмъ медвѣдь даже и не шевелился; онъ словно услаждался вызваннымъ имъ общимъ ужасомъ.

Но вотъ среди этого оцѣпенѣнія послышался какой-то хрустъ, потомъ еще... Старыя, ветхія галлереи начали подаваться подъ громаднымъ грузомъ народа!.. И этотъ шумъ среди боязливаго выжидательнаго безмолвія, этотъ слабый хрустъ имѣлъ въ себѣ что-то до такой степени ужасное, что даже и я, подъ надежною защитою моего сѣновала, внезапно похолодѣлъ. Окинувъ глазами галлереи напротивъ меня, я видѣлъ всюду лица, покрывшіяся какою-то странною блѣдностью. У тѣхъ были разинуты рты, у другихъ дыбомъ поднялись волосы; и всѣ они слушали, слушали, затаивъ дыханіе. Щеки капуцина Іоганнеса, сидѣвшаго на перилахъ, пріобрѣли какой-то зеленый отсвѣтъ, а большой кармазиновый носъ доктора Мельхіора совсѣмъ выцвѣлъ,—въ первый разъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Бабенки—тѣ только дрожали всѣмъ тѣломъ, не смѣя пошевелиться, словно сознавая, что чуть-чуть, малѣйшее лишнее движеніе, толчокъ, сотрясеніе могутъ повлечь за собою общій обвалъ.

Мнѣ хотѣлось удариться въ бѣгство. Мнѣ казалось, что старые дубовые столбы уходятъ въ землю. Былъ ли это обманъ чувствъ, причиненный страхомъ? Ужъ не знаю, но только въ ту же минуту одинъ изъ столбовъ издалъ трескъ и осѣлъ по крайней мѣрѣ пальца на три. Тутъ-то, милые друзья мои, и поднялось нѣчто несказанное. Сколь велико было передъ тѣмъ общее безмолвіе, столь же ужасны были поднявшіеся теперь крики, вопли, стоны. Вся эта куча людей, набившаяся въ галлереяхъ, какъ сельди въ бочкѣ, принялась лѣзть и карабкаться другъ черезъ друга, цѣпляться за стѣны, за столбы, за стойки, за перила; люди ожесточенно лупили другъ друга, даже кусались, чтобы

только поскорѣе прорваться впередъ и убѣжать. И среди всего этого ужасающаго кавардака, словно труба архангела на страшномъ судѣ, раздались жалобные крики Терезы Беккеръ, у которой отъ страха и давки начались преждевременные роды.

О, Господи Боже! И теперь еще меня дрожь пронимаетъ при одномъ воспоминаніи. Храни меня Богъ, еще разъ быть свидѣтелемъ такого зрѣлища!

Но всего ужаснѣе было то, что медвѣдь былъ привязанъ какъ разъ у самой лѣстницы, ведущей на галлерею.

Я, кажется, тысячу лѣтъ прожилъ бы и то не забылъ бы фигуры капуцина Іоганнеса, который прочищалъ себѣ дорогу своимъ монашескимъ посохомъ и уже готовился поставить ногу на первую ступень лѣстницы, и въ эту минуту вдругъ увидалъ Бепо; медвѣдь сидѣлъ на заднихъ лапахъ, до нельзя натянувъ свою цѣпь; глаза у него такъ и горѣли отъ радости, и онъ, видимо, готовился сгрести въ свои лапы добычу, какъ только она будетъ близко.

Сколько понадобилось Іоганнесу сдѣлать усилій, чтобы, ухватясь за перила, удержаться около нихъ и сдерживать напоръ толпы, которая ломилась слѣдомъ за нимъ. Я видѣлъ, какъ онъ хватался своими широкими руками за поручни лѣстницы, какъ онъ напрягалъ свою спину, какъ какой-нибудь гигантъ Атлантъ; мнѣ думается, что въ ту минуту онъ готовъ былъ принять на свои плечи не то что напоръ толпы, а грузъ цѣлаго свода небеснаго.

Среди этой свалки, когда, казалось, ничто уже не было въ состояніи предотвратить катастрофу, дверь стойла съ трескомъ отворилась, и на дворъ ринулся великолѣпный быкъ Себальдуса, Горни, съ мордою, покрытою пѣной.

Это былъ плодъ внезапнаго вдохновенія нашего достойнаго хозяина-кабатчика. Онъ жертвовалъ своимъ быкомъ, чтобы спасти народъ. Большая рыжая голова этого браваго человѣка показалась изъ слухового окна конюшни. Онъ кричалъ, чтобы люди успокоились, не боялись, что онъ сейчасъ откроетъ внутренній ходъ, лѣстницу, которая ведетъ внизъ, въ старую синагогу, что всѣ могутъ по ней безопасно выбраться на Еврейскую улицу.

Спустя двѣ-три минуты, все это, къ всеобщему удовольствію, и было сдѣлано.

Но дослушайте, чѣмъ вся эта исторія кончилась.

Едва медвѣдь замѣтилъ быка, какъ кинулся на этого новаго врага, сдѣлавъ при этомъ такое отчаянное движеніе, что цѣпь его порвалась. Быкъ при видѣ медвѣдя забился въ уголъ двора около голубятни и, опустивъ голову, выставивъ рога, ожидалъ нападенія.

Медвѣдь сдѣлалъ нѣсколько попытокъ проскользнуть вдоль стѣны, подаваясь то вправо, то влѣво. Но быкъ, держа голову книзу, слѣдилъ за всѣми его движеніями съ изумительнымъ спокойствіемъ.

Галлереи ужъ пять минутъ какъ опустѣли, и шумъ толпы, уходившей вдоль Еврейской улицы, постепенно замиралъ. Два противника, казалось, готовились тянуть свои маневры до безконечности. Но вдругъ быкъ потерялъ терпѣніе и кинулся на медвѣдя всѣмъ грузомъ своей громадной массы. Медвѣдь, преслѣдуемый по пятамъ, забился въ дровяной сарай. Голова быка углубилась вслѣдъ за нимъ и, надо полагать, пригвоздила его рогами къ стѣнѣ, потому что я слышалъ страшный вой и хрустъ костей и вслѣдъ затѣмъ увидалъ кровавый ручей, заструившійся по землѣ.

Мнѣ былъ виденъ только задъ быка да его бурно махающій хвостъ. Можно было подумать, что онъ хотѣлъ проломить стѣну, съ такою яростью упирался онъ задними ногами въ камни мостовой двора. Эта безмолвная сцена, происходившая въ сумракѣ сарая, имѣла въ себѣ что-то ужасное. Я не дождался ея окончанія, потихоньку спустился по лѣстницѣ съ сѣновала и выскользнулъ изъ двора какъ воръ. Очутившись на улицѣ, я съ неизрѣченнымъ наслажденіемъ вздохнулъ полною грудью. Пробившись сквозь толпу у воротъ, которая сгрудилась около вожака медвѣдей, рвавшаго на себѣ волосы отъ горя, я побѣжалъ къ дому моей тетушки.

Поворачивая за уголъ, я натолкнулся на моего учителя живописи Конрада Шмидта, который остановилъ меня и сказалъ:

— Э, Касперъ, куда это тебя чертъ несетъ съ такою прыткостью?

— Иду писать картину—медвѣжій бой!—отвѣтилъ я ему съ величайшимъ одушевленіемъ.

— Опять кабацкая сценка, конечно?—спросилъ онъ, покачивая головою.

— Э, почему же бы и не такъ, маэстро? Хорошая сцена въ кабачкѣ стоитъ сцены на форумѣ.

Я хотѣлъ было идти дальше, но онъ уцѣпился за мою руку и продолжалъ важнымъ тономъ:

— Выслушай меня, Касперъ, ради Бога! Мнѣ нечему больше учить тебя; ты рисуешь лучше чѣмъ Схваанъ и пишешь масляными красками, какъ самъ Фанъ Берхемъ. Краски у тебя сочныя, ровныя, гармоничныя. Тебѣ бы надо теперь постранствовать. Благодари небо за то, что оно тебѣ ниспослало ежегодный доходъ въ 1500 флориновъ. Не у каждаго это найдется. Надо бы тебѣ побывать въ Италіи, полюбоваться тамошнимъ чуднымъ небомъ, вмѣсто того чтобы тратить время по кабачкамъ. Тамъ ты жилъ бы въ обществѣ Рафаэля, Микель-Анджелю, Павла Веронезе, Тиціана, Леонарда—феникса изъ фениксовъ. Ты вернулся бы сюда къ намъ, выросши на семь локтей, и прославилъ бы стараго Конрада!

— Ну, васъ, маэстро, что это вы мнѣ за чертовщину напѣваете?—вскричалъ я, не на шутку возмущенный.—Это все тетушка Катерина нажужжала вамъ въ уши, чтобъ только отбить меня отъ кабачка Себальдуса Дика, да только ничего изъ этого не выйдетъ. Когда человѣкъ имѣлъ счастье родиться въ Бергцабернѣ, среди чудныхъ виноградниковъ Рингау и прекрасныхъ лѣсовъ Гундерюка, пойдетъ ли ему въ голову странствовать! Въ какой части свѣта можно найти окорока лучше нашихъ Майнцкихъ, или паштеты лучше нашихъ Страсбургскихъ, или вина благороднѣе рюдисгейскихъ, маркобруннскихъ, штейнбергскихъ, или дѣвушекъ красивѣе нашихъ пирмазенскихъ, кайзерлаутернскихъ, анвейлерскихъ, нейштадтскихъ? Гдѣ найти физіономіи болѣе достойными передачи въ потомство, какъ не въ нашемъ добромъ, маленькомъ городкѣ Бергцабернѣ? Гдѣ? Въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Венеціи? Но всѣ эти рыбаки, лаццарони, пастухи такъ похожи одинъ на другого, да и писали ихъ переписывали сто тысячъ разъ. У всѣхъ прямой носъ, впалый жи-

вотъ, тощія ноги. Нѣтъ, знаете, маэстро Конрадъ, не хочу льстить вамъ, но скажу вамъ, что вы, съ вашимъ маленькимъ, пухлымъ носомъ, кожаной фуражкой и сѣрой накидкой, запачканной красками, въ тысячу разъ прекраснѣе самого Аполлона Бельведерскаго!

— Ты хочешь издѣваться надо мной!—вскричалъ ошеломленный добрякъ.

— Нѣтъ, я говорю, что думаю. По крайней мѣрѣ глаза у васъ не во лбу и ноги не какъ у козы тонкія. Подите-ка, сыщите у вашихъ древнихъ мастеровъ голову болѣе замѣчательную, чѣмъ у нашего стараго доктора Мельхіора, съ свѣтло-желтымъ парикомъ, опускающимся завитками на спину, съ треухомъ на затылкѣ и багровымъ лицомъ, словно виноградная кисть осенью! А стоитъ ли вашъ фарнезскій Геркулесъ, съ своей львиной кожей и дубиной, нашего добраго, нашего толстаго, нашего достойнѣйшаго хозяина кабачка, Себальдуса Дика, съ его широкимъ кожанымъ передникомъ, повязаннымъ на животѣ, покрывающимъ всю его фигуру, отъ тройного подбородка вплоть до бедеръ, съ его лицомъ, цвѣтущимъ какъ роза, съ его носомъ, краснымъ какъ малина, съ его голубыми глазами, выпуклыми какъ у лягушки, съ его мокрою губою, выдвинутою впередъ, какъ носокъ у графина? Вы взгляните на него въ профиль, когда онъ поетъ, маэстро Конрадъ. Какая великолѣпная линія начиная съ локтя, вдоль бедеръ, ляжекъ и икръ! Какой каскадъ мяса! Вотъ это я называю образцовымъ произведеніемъ міротворенія! Дядя Себальдусъ не истребляетъ сидръ, но за то выпиваетъ восемь бутылокъ Іоганисбергера и съѣдаетъ два аршина колбасы въ одинъ вечеръ. Онъ охотнѣе держитъ въ рукѣ кувшинъ, чѣмъ змѣю. Развѣ это не достаточная причина, чтобъ признать его совершенства? А нашъ бравый капуцинъ Іоганнесъ, съ своей большой бородой, своими костлявыми щеками, сѣрыми глазами, черными бровями, сходящимися посрединѣ лба! Сколько въ немъ величія, съ какимъ важнымъ видомъ онъ запѣваетъ своимъ звучнымъ голосомъ: «Выпьемъ, выпьемъ, выпьемъ!» Какъ его мускулистая рука сжимаетъ стаканъ, какъ блеститъ его глазъ! Развѣ это не краска, не истинная краска, вольная, прочная! А найдите-ка у вашихъ древнихъ мастеровъ созданія, красивѣе чѣмъ эта Роберта Веберъ и ея сестра Ева, уличныя пѣвички, въ то время какъ онѣ бродятъ отъ кабачка

къ кабачку, одна съ гитарою подъ рукою, другая съ арфою черезъ плечо, и волокутъ за собою подолы своихъ старыхъ платьевъ, съ величіемъ Семирамиды! Вотъ это я называю натурщицами, истыми натурщицами! Да, хоть и оборванныя, хоть и въ лохмотьяхъ, Ева и Роберта говорятъ душѣ моей; ихъ черные глаза, ихъ смуглая кожа, ихъ строгій профиль приводятъ меня въ восторгъ. Я почитаю ихъ превыше всѣхъ Венеръ на свѣтѣ; онѣ не чванятся, и то ужъ дорого. Ну, а что касается до всѣхъ этихъ сухихъ, прямолинейныхъ пейзажей, которые намъ присылаютъ изъ Италіи, что касается ихъ заливовъ, да развалинъ, то, право, меня въ тысячу разъ больше восхищаютъ особые ничтожные глухіе уголки нашей родины:—какой нибудь тынъ, въ которомъ жужжитъ майскій жукъ, или тѣсный проселокъ, по которому шагаетъ чахоточная кляча, запряженная въ телѣгу съ грязными колесами, или бичъ, занесенный надъ лошадью, словомъ, любая мелочь, любое ничтожество—лужа съ утками, лучъ солнца, пробившійся въ сарай, голова крысы въ тѣни, которая жуетъ что-то или причесываетъ себѣ усы. Для меня все это дороже, значительнѣе вашихъ старыхъ, осыпавшихся колоннъ, или закатовъ солнца и эффектовъ ночного освѣщенія. Видите ли, маэстро Конрадъ, вѣдь все это у нихъ тамъ—подражаніе. Я ничего не говорю, древній языческій міръ сдѣлалъ свое, я это признаю. Но намъ-то, вмѣсто того чтобъ рабски копировать все это, надо создать что-нибудь свое. Насъ мучаютъ теперь стилями, жанрами, классическими образцами и идеалами. Я не хочу принадлежать ни къ какой академіи, я фламандецъ. Я люблю все натуральное, люблю сосиски, когда ихъ готовятъ въ собственномъ соку. Вотъ пусть итальянцы выдумаютъ сосиски вкуснѣе, чѣмъ у тетки Гредель, да пусть герои и боги на ихъ барельефахъ и картинахъ не позируютъ, какъ актеры передъ публикою, ну тогда я поѣду въ Римъ, поселюсь тамъ. А пока ужъ буду здѣсь сидѣть. Мой Ватиканъ—это кабачекъ дяди Себальдуса. Тутъ я изучаю свои великолѣпныя модели и свѣтовые эффекты, осушая стаканы. Это много интереснѣе, чѣмъ шляться по развалинамъ и мечтать...

Я готовъ былъ разглагольствовать и дальше, да въ эту минуту мы какъ разъ дошли до моей двери.

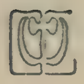
— Ну, добрый вечеръ, маэстро!—вскричалъ я, пожимая его руку.—Не сердитесь на меня!

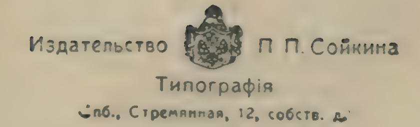
— Сердиться! — съ улыбкою отвѣчалъ мой учитель. — Но вѣдь ты знаешь, что по существу мои взгляды совпадаютъ съ твоими. Если я иной разъ и гоню тебя въ Италію, такъ вѣдь только ради того, чтобы доставить нѣкоторое удовольствіе тетушкѣ Катеринѣ. Слѣдуй своей идеѣ, Касперъ! Кто беретъ идею у другихъ ничего путнаго создать не можетъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ПРІЯТЕЛЬ ФРИЦЪ

L'AMI FRITZ

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

I

Когда Захарія Кобусъ, мировой судья въ Гюнебургѣ, умеръ въ 1832, его сынъ, Фрицъ Кобусъ, увидѣвъ себя владѣльцемъ красиваго дома на площади Акацій, хорошей фермы въ долинѣ Мейны, и изрядной суммы экю, помѣщенной подъ солидныя обезпеченія, вытеръ слезы, и сказалъ вмѣстѣ съ Экклезіастомъ: «Суета суетъ, и всяческая суета! Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми онъ трудился подъ солнцемъ? Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу; всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется. Все сущее несетъ трудъ и не можетъ человѣкъ пересказать всего этого: не насытится око зрѣніемъ, не наполнится ухо слушаніемъ; нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти:—всего лучше ничего не дѣлать, чтобы не упрекать себя»!

Такъ разсуждалъ Фрицъ Кобусъ въ этотъ день.

А на другой день, сознавая, что онъ правильно разсуждалъ наканунѣ, онъ сказалъ себѣ:

«Ты будешь вставать утромъ между семью и восемью часами, а старуха Катель будетъ подавать тебѣ завтракъ, заказанный тобою, по твоему вкусу. Затѣмъ ты можешь отправиться либо въ казино читать газеты, либо прогуляться по полямъ для возбужденія аппетита. Въ полдень ты вернешься домой обѣдать; послѣ обѣда будешь просматривать счеты, подсчитывать ренту, дѣлать покупки. Вечерами, послѣ ужина, пойдешь въ пивную «Большого Оленя», сыграть нѣсколько партій въ «юкеръ» или «рамсъ» съ посѣтителями. Будешь покуривать трубочку, попивать пиво и чувствовать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ

мірѣ. Старайся всегда имѣть голову въ холодѣ, животъ въ голодѣ и ноги въ теплѣ: это правило мудрости. А въ особенности избѣгай трехъ вещей: полноты, дѣловыхъ хлопотъ и женитьбы. И тогда, предсказываю тебѣ, Кобусъ,—ты проживешь Мафусаиловъ вѣкъ; и тѣ, кто будутъ жить послѣ тебя, скажутъ: «умный былъ человѣкъ, человѣкъ со смысломъ, весельчакъ!» Чего тебѣ желать больше, когда самъ царь Соломонъ объявляетъ, что участь животныхъ и участь сыновъ человѣческихъ—одна участь; что какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и что одно дыханіе у всѣхъ!.. Разъ это такъ—думалъ Кобусъ—будемъ же по крайней мѣрѣ пользоваться нашимъ дыханіемъ, пока намъ позволено дышать».

И вотъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Фрицъ Кобусъ слѣдовалъ правилу, которое заранѣе установилъ для себя; его старая служанка Катель, лучшая кухарка въ Гюнебургѣ, готовила ему блюда по его выбору, съ приправой по его вкусу; у него всегда подавалась лучшая капуста, лучшая ветчина, лучшіе угри и лучшія вина; онъ регулярно осушалъ свои пять кружекъ «bockbier» въ пивной «Большого Оленя», регулярно читалъ въ тотъ же часъ ту же газету; регулярно игралъ въ «юкеръ» и «рамсъ» то съ тѣмъ, то съ другимъ посѣтителемъ.

Все кругомъ него мѣнялось; одинъ Фрицъ Кобусъ не мѣнялся; всѣ его бывшіе товарищи дѣлали карьеру, и онъ не завидовалъ имъ; напротивъ, читая въ своей газетѣ, что Іери-Гансъ назначенъ капитаномъ гусаровъ за свою храбрость; что Францъ Сепель изобрѣлъ машину, которая вдвое удешевляетъ производство пряжи; что Петрусъ получилъ каѳедру метафизики въ Мюнхенѣ; что Никелю Бишофу пожалованъ орденъ за его прекрасные стихи,—онъ подсмѣивался и говорилъ: «Посмотрите, какъ усердствуютъ эти молодцы: одни готовы переломать себѣ руки и ноги, охраняя мое добро; другіе дѣлаютъ изобрѣтенія, чтобы удешевить для меня товары; третьи корпятъ надъ писаніемъ стиховъ, чтобы развлечь меня въ минуту скуки!.. Ха! ха! ха! Добрые ребята!

И толстыя щеки Кобуса тряслись, большой ротъ разѣвался до ушей, носъ раздувался отъ удовольствія; онъ хохоталъ до упада.

Впрочемъ, никогда не пренебрегая умѣреннымъ моціономъ, Фрицъ чувствовалъ себя все лучше и лучше; состояніе его ро-

сло постепенно, такъ какъ онъ не покупалъ акцій и не желалъ обогатиться сразу. Онъ не зналъ семейныхъ заботъ, оставаясь холостякомъ; все ему было на руку, все его удовлетворяло, все его радовало; это былъ живой образчикъ благодушія, порождаемаго здравымъ смысломъ и мудростью, и разумѣется, имѣя деньги, онъ имѣлъ и друзей.

Не было человѣка довольнѣе Фрица, но это давалось ему не безъ труда, такъ вы сами можете сообразить, какое безчисленное множество матримоніальныхъ предложеній пришлось ему отвергнуть въ эти пятнадцать лѣтъ; сколько вдовъ и дѣвицъ желали посвятить свою жизнь его счастью; какія уловки измышлялись мамашами, которыя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и изъ года въ годъ пытались завлечь его въ свои семьи и остановить его выборъ на Шарлоттѣ или Гретхенъ; нѣтъ, не безъ труда Кобусъ охранялъ свою свободу отъ этого всеобщаго заговора.

Въ особенности одинъ старый раввинъ, Давидъ Зихель—самый рьяный устроитель браковъ, какой только былъ когда-либо на этомъ свѣтѣ—въ особенности этотъ старый раввинъ изъ кожи лѣзъ, стараясь женить Фрица. Можно было подумать, что онъ видѣлъ въ этомъ вопросъ чести. А хуже всего было то, что Кобусъ искренно любилъ стараго Давида; любилъ его за то, что съ дѣтства привыкъ видѣть торчащимъ съ утра до вечера у мирового судьи, своего почтеннаго отца; за то, что слышалъ его бормотанье, споры и крикъ подлѣ своей колыбели; заставлялъ его вскакивать на длинныя, тощія ноги, дергая за бороду; научился отъ него говорить на «жаргонѣ»; за то, что игралъ во дворѣ старой синагоги и обѣдалъ маленькимъ въ бесѣдкѣ, которую Давидъ Зихель устраивалъ у себя, какъ всѣ сыны Израиля, въ праздникъ Кущей.

Всѣ эти воспоминанія смѣшивались и сливались въ умѣ Фрица съ лучшей порой дѣтства: оттого-то для него не было большаго удовольствія, какъ увидѣть вблизи или вдали фигуру стараго «реббе» въ потертой шапкѣ, откинутой назадъ, въ черной бумажной ермолкѣ, сдвинутой на затылокъ, въ ветхомъ зеленомъ кафтанѣ съ высокимъ засаленнымъ воротникомъ, закрывавшимъ уши:—фигуру съ крючковатымъ носомъ, запачканнымъ въ табакѣ, съ сѣдой бородкой, на длинныхъ, тощихъ ногахъ, обутыхъ въ черные чулки, собиравшіеся большими складками, точно вокругъ палокъ, и въ круглые башмаки съ

мѣдными пряжками. Да, это желтое лицо, полное хитрости и добродушія, радовало Кобуса болѣе, чѣмъ всякое другое въ Гюнебургѣ, и замѣтивъ его издали на улицѣ, онъ кричалъ въ носъ, подражая жестамъ и голосу стараго реббе:

— Эй! эй! старый «лоше-изроель» *), какъ дѣла? Иди же, я угощу тебя киршвассеромъ.

Хотя Давиду Зихелю было за семьдесятъ лѣтъ, а Фрицу только тридцать шесть, но они были на ты и не могли обойтись другъ безъ друга.

Итакъ, старый реббе подходилъ, смѣшно покачивая головой, и гнусавя:

— Schaude... schaude... **), такъ ты никогда не перемѣнишься, ты всегда будешь такимъ же неразумнымъ, какимъ былъ, когда я качалъ тебя на колѣнахъ, а ты старался вырвать мнѣ бороду? Кобусъ, ты весь въ отца; тотъ былъ старый вѣтренникъ, увѣрялъ, что знаетъ Талмудъ и пророковъ лучше, чѣмъ я, и смѣялся надъ святыми вещами, какъ истый язычникъ! Если бъ онъ не былъ лучшимъ человѣкомъ въ мірѣ, и не судилъ такъ же мудро, какъ самъ царь Соломонъ, то заслуживалъ бы висѣлицы! Ты похожъ на него, ты «эпикауресъ ***); и за то я тебя прощаю, долженъ тебя простить.

Фрицъ хохоталъ до слезъ, и они поднимались вмѣстѣ выпить рюмочку киршвассера, которымъ старый раввинъ отнюдь не брезговалъ. Они говорили на жаргонѣ о городскихъ дѣлахъ, о цѣнахъ на пшеницу, о скотѣ, о разныхъ разностяхъ. Иногда Давидъ нуждался въ деньгахъ, и Кобусъ ссужалъ ему довольно большія суммы безъ процентовъ. Короче сказать, онъ любилъ стараго реббе, и у Давида Зихеля, послѣ его жены Зурле и двухъ сыновей, Исидора и Натана, не было друга лучше Фрица; но онъ злоупотреблялъ этой дружбой, желая женить его.

Стоило имъ побыть вмѣстѣ минутъ двадцать—болтая о дѣлахъ и глядя другъ на друга съ тѣмъ удовольствіемъ, которое всегда испытываютъ друзья, толкуя и выражаясь свободно, безъ задней мысли, чего нельзя съ посторонними,—стоило имъ побыть вмѣстѣ, какъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда разговоръ о дѣлахъ изсякалъ, физіономія стараго реббе принимала мечта-

*) Дурной еврей.
**) Вѣтренникъ.
***) Эпикуреецъ.

тельный характеръ, потомъ страшно оживлялась, и онъ восклицалъ:

— Кобусъ, ты знаешь молодую вдову совѣтника Ремера. Ты знаешь, что она красивая женщина, да, красивая женщина! У нея прекрасные глаза, у этой молодой вдовы, и она очень любезна. Знаешь ли ты, что, когда я проходилъ вчера мимо ея дома на Арсенальной улицѣ, она высунулась въ окно и говоритъ мнѣ: «А! Это господинъ раввинъ Зихель; какъ я рада васъ видѣть, любезный господинъ Зихель!» Тогда, Кобусъ, я съ удивленіемъ останавливаюсь и отвѣчаю съ улыбкой: «Можетъ ли такой старый пентюхъ, какъ Давидъ Зихель, радовать такіе прекрасные глаза, мадамъ Ремеръ? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, вы говорите мнѣ это только по добротѣ сердечной!» И дѣйствительно, Кобусъ, она добра и мила, и при томъ умница; она по слову Пѣсни Пѣсней, какъ роза Сарона и лилія долинъ,—заключалъ старый раввинъ, все болѣе одушевляясь.

Но, замѣтивъ улыбку Фрица, онъ останавливался, качая головой, и восклицалъ:

— Ты смѣешься... ты только и знаешь смѣяться! Что это за манера разговаривать, а? Развѣ она не такая, какъ я сказалъ... развѣ я не правъ?

— Она еще въ тысячу разъ лучше,—отвѣчалъ Кобусъ.— Только, разскажи мнѣ остальное, она зазвала тебя къ себѣ, не правда ли... ей хочется вторично выйти замужъ?

— Да.

— Ого, такъ это выходитъ двадцать третья...

— Двадцать третья, которую ты отказываешься принять изъ моихъ рукъ, Кобусъ?

— Это правда, Давидъ; съ сожалѣніемъ, съ большимъ сожалѣніемъ; я бы охотно женился, чтобъ доставить тебѣ удовольствіе, но ты знаешь...

Тогда старый реббе возмущался.

— Да,—говорилъ онъ,—я знаю, что ты грубый эгоистъ, человѣкъ, который думаетъ только о ѣдѣ и питьѣ и необычайно высокаго мнѣнія о себѣ. Ну, такъ ты не правъ, Фрицъ Кобусъ; да, ты напрасно отказываешься отъ честныхъ особъ и лучшихъ партій Гюнебурга, потому что ты старѣешься; черезъ три или четыре года у тебя будутъ сѣдые волосы. Тогда ты вспомнишь обо мнѣ, ты скажешь: «Давидъ, ищи мнѣ жену, хлопочи, не

найдется ли подходящей». Но будетъ уже поздно, проклятый «schande», который надо всѣмъ смѣется! Эта вдова еще слишкомъ добра, что соглашается выйти за тебя.

Чѣмъ болѣе старый раввинъ сердился, тѣмъ сильнѣе Фрицъ хохоталъ.

— Я не могу слышать этого смѣха,—кричалъ Давидъ, вставая и зажимая руками уши—я не могу слышать этого смѣха: онъ меня раздражаетъ! Надо быть сумасшедшимъ, чтобы такъ смѣяться.

Пріостановившись на мгновеніе, онъ прибавлялъ съ гримасой досады:

— Кобусъ, своей манерой смѣяться ты заставишь меня бѣжать изъ твоего дома. Неужели ты не можешь быть серьезнымъ хоть разъ въ жизни?

— Полно, «поше-изроель», — говорилъ въ свою очередь Фрицъ,—садись, выпьемъ еще по рюмочкѣ этого стараго кирша.

— Пусть этотъ киршвассеръ будетъ мнѣ ядомъ, если я хоть разъ еще буду у тебя! Твой смѣхъ такъ глупъ, такъ глупъ, что меня тошнитъ.

И, вздернувъ голову, онъ спускался съ лѣстницы, крича.

— Послѣдній разъ, Кобусъ, послѣдній разъ!

— Ба, — говорилъ Кобусъ, свѣшиваясь черезъ перила и сіяя отъ удовольствія,—ты придешь завтра.

— Никогда!

— Завтра, Давидъ; ты знаешь, бутылка-то еще полна до половины.

Старый раввинъ большими шагами выходилъ на улицу, бормоча что-то въ сѣдую бороду, а Фрицъ, счастливый, какъ король, ставилъ бутылку въ буфетъ и говорилъ:

— Это двадцать третья! Ахъ, старый «поше-изроель», какъ ты меня потѣшаешь!

На другой или на третій день Давидъ приходилъ по приглашенію Кобуса; они садились за тѣмъ же столомъ, и о томъ, что произошло наканунѣ не было больше рѣчи.

II.

Однажды, въ концѣ апрѣля, Фрицъ Кобусъ всталъ очень рано, чтобы отворить окна, выходившія на Площадь Акацій, и затѣмъ снова улегся въ свою теплую постель, завернувшись въ

одѣяло, и смотрѣлъ на красный свѣтъ сквозь вѣки, зѣвая съ истиннымъ удовольствіемъ. Онъ думалъ о разныхъ вещахъ, и время отъ времени пріоткрывалъ глаза, чтобы убѣдиться, что проснулся.

На дворѣ стояла заясная погода періода таянія снѣговъ, когда въ небѣ ни облачка, когда крыша, отсвѣчивающія на солнцѣ окна, верхушки деревьевъ, словомъ все кажется сіяющимъ; когда чувствуешь себя помолодѣвшимъ, и видишь то, что было скрыто пять мѣсяцевъ: горшокъ съ цвѣтами у сосѣдки, кошку, которая снова пускается въ свои экскурсіи по водосточнымъ трубамъ, крикливыхъ воробьевъ, принимающихся за свои драки.

Легкіе порывы теплаго вѣтра колебали занавѣски Фрица; потомъ дыханіе горъ, охлажденное медленно тающими льдами, снова наполняло комнату.

Вдали, на улицѣ, слышался смѣхъ кумушекъ, сгонявшихъ метлами тающій снѣгъ къ водосточнымъ канавкамъ; лай собакъ раздавался звонче; куры кудахтали на дворахъ.

Наконецъ-то наступила весна.

Кобусъ дремалъ, пока не заснулъ снова, какъ вдругъ звуки скрипки, трогательные и нѣжные, какъ голосъ друга, который говоритъ вамъ послѣ долгаго отсутствія:—«Вотъ и я!»,—заставили его проснуться и вызвали слезы на его глаза. Онъ затаилъ дыханіе, чтобъ лучше слышать.

Это была скрипка цыгана Іозефа; она пѣла подъ аккомпаниментъ второй скрипки и контрбаса,—пѣла въ его комнатѣ, за голубыми занавѣсками, и говорила:

— Это я, Кобусъ, это я, твой старый другъ! Я возвращаюсь къ тебѣ съ весною, съ яркимъ солнцемъ.—Слушай, Кобусъ, пчелы жужжатъ вокругъ первыхъ цвѣтовъ, первые листья шелестятъ, первый жаворонокъ заливается подъ облаками, первая перепелка бѣгаетъ по бороздамъ. — А я возвращаюсь обнять тебя.—Теперь, Кобусъ, зимнія невзгоды кончились.—Теперь я снова стану бродить изъ деревни въ деревню по дорожной пыли или подъ теплымъ дождемъ лѣтней грозы. Но я не хотѣлъ пройти мимо, не повидавъ тебя, Кобусъ, я зашелъ спѣть тебѣ мою пѣснь любви, мой первый привѣтъ веснѣ.

Все это говорила ему скрипка Іозефа, и много другихъ вещей, болѣе глубокихъ; вещей, которыя вызываютъ у насъ

старыя воспоминанія молодости, и существуютъ для насъ... только для насъ. Итакъ, весельчакъ Кобусъ плакалъ отъ умиленія.

Наконецъ, онъ тихонько отодвинулъ занавѣски постели, межъ тѣмъ какъ музыка продолжалась, еще болѣе серьезная и трогательная, и увидѣлъ трехъ цыганъ у дверей комнаты, и старуху Катель за ними, въ дверяхъ. Онъ увидѣлъ Іозефа, высокаго, тощаго, желтаго, въ лохмотьяхъ какъ всегда, нѣжно придерживавшаго скрипку подбородкомъ и любовно водившаго смычкомъ, съ опущенными рѣсницами, съ длинными черными волосами, падавшими изъ-подъ изорванной войлочной шляпы на плечи, какъ руно мериноса.

Онъ видѣлъ его, поглощеннаго музыкой, а подлѣ него горбуна Копеля, чернаго, какъ воронъ, съ длинными костлявыми пальцами растопыренными на струнахъ контрбаса, съ заплатой на колѣнѣ и въ дырявыхъ башмакахъ; а дальше, молодого Андреса, большіе черные глаза котораго, съ синими кругами, были въ экстазѣ устремлены къ потолку.

Фрицъ смотрѣлъ на все это съ невыразимымъ волненіемъ.

Теперь надо вамъ разсказать, почему Іозефъ являлся къ нему съ музыкой весною, и почему это трогало его.

Давно уже какъ то, въ сочельникъ, онъ находился въ пивной «Большого Оленя». На дворѣ снѣгу навалило на три фута. Въ большой комнатѣ, полной сизаго дыма, вокругъ желѣзной печки, толпились курильщики: то тотъ, то другой отходилъ къ столу выпить свою кружку, затѣмъ возвращался грѣться.

Внезапно вошелъ цыганъ, въ дырявыхъ башмакахъ на босу ногу; онъ дрожалъ отъ холода, и принялся играть съ меланхолическимъ видомъ. Фрицу очень понравилась его музыка: это былъ какъ бы лучъ солнца, проглянувшій сквозь сѣрыя зимнія тучи.

Но за бродягой, у дверей, стоялъ въ тѣни вахтманъ Фуксъ, съ головой насторожившагося волка, съ ушами торчкомъ, съ заостренной мордой, съ свѣтящимися глазами. Кобусъ понялъ, что бумаги цыгана не въ порядкѣ, и что Фуксъ поджидаетъ его выхода съ цѣлью арестовать его.

Вознегодовавъ на это, онъ подошелъ къ цыгану, сунулъ ему въ руку талеръ, и взявъ его подъ руку сказалъ:

— Я нанимаю тебя на эту рождественскую ночь; идемъ!

Они вышли среди общаго изумленія, и не одинъ изъ посѣтителей подумалъ:

— Этотъ Кобусъ просто сумасшедшій: разгуливаетъ подъ руку съ бродягой,—вотъ оригиналъ!

Фуксъ слѣдовалъ за нами, крадучись у стѣнъ. Цыганъ боялся, что его арестуютъ, но Францъ сказалъ:

— Не бойся, никто не посмѣетъ тебя тронуть.

Онъ повелъ его къ себѣ домой, гдѣ уже былъ накрытъ рождественскій столъ; посреди него, на бѣлой скатерти, красовалась елка, а вокругъ были размѣщены въ подобающемъ порядкѣ пирогъ, «кюхели», посыпанные мелкимъ сахаромъ, «кугельгофы» съ изюмомъ. Три бутылки стараго бордо, завернутыя въ салфетки, грѣлись на фарфоровой грѣлкѣ.

— Катель, дай другой приборъ,—сказалъ Кобусъ, отряхая снѣгъ съ сапогъ,—я буду сегодня встрѣчать Рождество съ этимъ славнымъ малымъ, и пусть-ка кто-нибудь за нимъ явится... пусть попробуетъ!

Служанка повиновалась, бѣдный цыганъ усѣлся за столомъ, удивляясь тому, что съ нимъ происходитъ. Стаканы были наполнены до краевъ, и Кобусъ воскликнулъ:

— Празднуемъ Рождество Господа Нашего Іисуса Христа, истиннаго Бога добрыхъ сердцемъ!

Въ эту минуту вошелъ Фуксъ. Онъ изумился, увидѣвъ цыгана за столомъ, рядомъ съ хозяиномъ дома. Вмѣсто того, чтобы предъявить требованіе, онъ сказалъ:

— Желаю вамъ весело провести Рождественскую ночь, господинъ Кобусъ.

— Спасибо, хочешь выпить съ нами стаканчикъ вина?

— Благодарствуйте, я никогда не пью при исполненіи служебныхъ обязанностей. Но вы знаете этого человѣка, господинъ Кобусъ?

— Знаю и ручаюсь за него.

— Значитъ, его документы въ порядкѣ?

Кобусъ не могъ больше слушать; его полныя щеки поблѣднѣли отъ гнѣва; онъ всталъ, схватилъ вахтмана за шиворотъ, и вышвырнулъ его вонъ, крикнувъ:

— Я научу тебя врываться къ честнымъ людямъ въ Рождественскую ночь!

Потомъ снова усѣлся, и замѣтивъ, что цыганъ дрожитъ, сказалъ ему:

— Ничего не бойся, ты у Фрица Кобуса. Пей и ѣшь спокойно, если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе.

Онъ угостилъ его бордосскимъ; и зная, что Фуксъ стережетъ на улицѣ, несмотря на снѣгъ, приказалъ приготовить гостю постель на ночь; дать ему завтра башмаки и старое платье, и съѣстного на дорогу.

Фуксъ поджидалъ до конца мессы, затѣмъ ушелъ; и когда цыганъ—это и былъ Іозефъ—ушелъ рано утромъ, объ этомъ происшествіи не было больше и рѣчи.

Самъ Кобусъ позабылъ о немъ, но весною, лежа въ постели въ одно прекрасное утро, онъ услышалъ у дверей своей комнаты нѣжную музыку:—это бѣдный жаворонокъ, котораго онъ спасъ изъ снѣга, явился поблагодарить его съ первымъ лучомъ весенняго солнца.

Съ тѣхъ поръ Іозефъ возвращался ежегодно въ одно и тоже время, то одинъ, то съ однимъ или двумя товарищами, и Фрицъ принималъ его, какъ брата.

Вотъ и въ этотъ день Кобусъ снова увидѣлъ своего стараго пріятеля цыгана, и когда контрбасъ умолкъ, когда Іозефъ, съ послѣднимъ ударомъ смычка поднялъ глаза, онъ протянулъ ему руку изъ-за занавѣски и воскликнулъ: «Іозефъ!»

Цыганъ подошелъ поцѣловать его, смѣясь и показывая свои бѣлые зубы, со словами:

— Видишь, я не забываю тебя; первая пѣсня жаворонка—тебѣ!

— Да... а вѣдь это уже десятый годъ!—воскликнулъ Кобусъ.

Они держались за руки, глядя другъ на друга полными слезъ глазами.

Остальные двое важно ожидали. Кобусъ расхохотался и сказалъ:

— Іозефъ, дай-ка мнѣ мои панталоны.

Цыганъ повиновался, и Фрицъ, досталъ изъ кармана два талера.

— Вотъ вамъ,—сказалъ онъ Копелю и Андресу—вы можете пообѣдать у «Трехъ Голубей». Іозефъ будетъ обѣдать со мною.

Потомъ, вскочивъ съ постели и одѣваясь, онъ прибавилъ:

— Ты уже сдѣлалъ обходъ пивныхъ, Іозефъ?

— Нѣтъ, Кобусъ.

— Ну, такъ торопись, потому что обѣдъ будетъ подан ровно въ полдень. Мы еще разъ погуляемъ. Ха! ха! ха! Весна вернулась, надо хорошенько ее встрѣтить. Катель! Катель!

— Такъ я пойду,—сказалъ Іозефъ.

— Да, старина; только не забудь—въ полдень.

Цыганъ и его двое товарищей спустились съ лѣстницы, а Фрицъ, глядя на свою старую служанку, сказалъ ей съ улыбкой удовольствія:

— Ну, Катель, вотъ и весна. Мы зададимъ маленькую пирушку. Но постой: прежде всего надо созвать друзей.

И, высунувшись въ окно, онъ крикнулъ:

— Людвигъ! Людвигъ!

Мимо проходилъ мальчуганъ, это и былъ Людвигъ, сынъ ткача Коффеля, съ всклокоченной бѣлокурой головой, шлепая босыми ногами по талому снѣгу. Онъ остановился и задралъ голову.

— Иди сюда!—крикнулъ Кобусъ.

Ребенокъ повиновался и остановился на порогѣ, поглядывая изподлобья и почесывая затылокъ.

— Подойди же... слушай! Вотъ, во первыхъ, два гроша.

Людвигъ взялъ два гроша и засунулъ ихъ въ карманъ панталонъ, проведя рукавомъ подъ носомъ, какъ бы говоря:

— Это не дурно.

— Сбѣгай къ Фредерику Шульцу, на улицѣ Пладетэнъ, и къ сборщику Гаану, въ гостиницѣ «Аиста»... понимаешь?

Людвигъ энергически кивнулъ головой.

— Скажи имъ, что Фрицъ Кобусъ приглашаетъ ихъ обѣдать ровно въ полдень.

— Да, господинъ Кобусъ.

— Погоди, ты зайдешь также къ старому рэбби Давиду и скажешь ему, что я жду его къ часу, на чашку кофе. Теперь маршъ!

Мальчуганъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы, отхватывая по четыре ступеньки заразъ; Кобусъ нѣсколько времени слѣдилъ въ окно, какъ онъ бѣжалъ по грязной улицѣ, перескакивая черезъ ручейки. Старуха служанка все еще ждала.

— Послушай, Катель—сказалъ Фрицъ, поворачиваясь къ

ней,—ступай немедленно на рынокъ. Выбери что найдешь лучшаго по части рыбы и дичи. Если есть свѣжія овощи, купи, за какую угодно цѣну: главное, чтобы все было хорошо! Я самъ накрою на столъ и достану бутылки, такъ что ты займись только кухней. Но торопись; я увѣренъ, что учитель Шпекъ и другіе городскіе лакомки уже на мѣстѣ, и выбираютъ самые лакомые кусочки.

III.

По уходѣ Катель, Фрицъ пошелъ въ кухню зажечь свѣчу, такъ какъ хотѣлъ навѣдаться въ погребъ и выбрать нѣсколько бутылокъ стараго вина, чтобы отпраздновать весну.

Его полное лицо выражало внутреннее довольство; онъ уже предвидѣлъ вереницу прекрасныхъ весеннихъ дней: праздникъ спаржи, партіи въ кегли въ «Панье-Флери», въ окрестностяхъ Гюнебурга; рыболовныя экскурсіи съ Христелемъ, его фермеромъ въ Мейзенталѣ: спускъ по Лоссеру въ лодкѣ въ тѣни огромныхъ прибрежныхъ вязовъ, Христеля съ сѣтью на плечѣ: вотъ онъ говоритъ «стопъ!» у ручья съ форелями, и разомъ забрасываетъ сѣть, развернувъ ее, какъ огромную паутину, а затѣмъ вытаскиваетъ наполненную серебристыми рыбами. Онъ рисовалъ себѣ заранѣе также много другихъ вещей: отъѣздъ на охоту въ буковые лѣса близъ Капенбаха, шарабанъ съ веселыми пріятелями, высокія кожаныя гетры съ пряжками, ягташъ за спиной на сѣрой блузѣ, походную фляжку и пороховницу на боку, двуствольныя ружья между колѣнями въ соломѣ; собакъ привязанныхъ сзади, воющихъ, прыгающихъ, бѣснующихся; и себя самого, Фрица на облучкѣ: онъ правитъ лошадьми, останавливается у сторожки полѣсовщика Редига, и разстается съ охотниками, чтобы слѣдить за кухней, поджаривать мелкій лукъ и охлаждать вина въ кадкѣ. Вечеромъ охотники возвращаются, иные съ пустыми ягдташами, другіе торжественно трубя въ рога. Всѣ эти веселые дни проходили передъ его глазами, пока онъ зажигалъ свѣчку:—жатва хмѣля, уборка винограда, — и вызывали у него легкіе взрывы смѣха:—Хе, хе, хе! Славно... славно!

Наконецъ онъ спустился съ лѣстницы, положивъ связку

ключей въ карманъ, съ корзинкой на рукѣ, заслоняя ладонью огонь.

Внизу, подъ лѣстницей онъ отворилъ дверь въ погребъ, старый сухой погребъ, стѣны котораго были покрыты блестящей, какъ хрусталь селитрой, погребъ Кобусовъ, основанный полтораста лѣтъ тому назадъ, когда Николай помѣстилъ въ немъ первую партію «Маркобруннера» въ 1715, и съ тѣхъ поръ, по милости Божіей, разраставшійся изъ года въ годъ, благодаря мудрой предусмотрительности остальныхъ Кобусовъ.

Онъ вошелъ въ него и увидѣлъ напротивъ два слуховыя окна съ синими стеклами, выходившія на Площадь Акацій. Онъ медленно прошелъ мимо рядовъ боченковъ, окованныхъ желѣзными обручами и размѣщенныхъ по большимъ балкамъ вдоль стѣнъ; и, глядя на нихъ, говорилъ себѣ:

— Этому «глейсцеллеру» восемь лѣтъ, я самъ купилъ его; теперь онъ, должно быть, хорошо выстоялся, пора разлить въ бутылки. Черезъ недѣлю я позову укупорщика Швейера, и мы вмѣстѣ примемся за дѣло. А этому «штейнбергу» одиннадцать лѣтъ; на него напала болѣзнь, но должно быть прошла... мы скоро увидимъ это. А, вотъ мой прошлогодній «форстгеймеръ», который я очищалъ яичнымъ бѣлкомъ; надо будетъ попробовать его, но теперь я не хочу портить себѣ вкусъ; завтра, послѣ завтра—успѣется.

Думая объ этомъ, Кобусъ подвигался впередъ, съ мечтательнымъ и важнымъ видомъ.

Собираясь войти во второе отдѣленіе, въ свой главный погребъ, погребъ съ бутылками, онъ остановился снять со свѣчи, что исполнилъ пальцами, такъ какъ забылъ щипцы; затѣмъ, растоптавъ ногою нагаръ, прошелъ, согнувшись подъ сводомъ, вытесаннымъ въ скалѣ, и отворивъ вторую дверь, запертую огромнымъ висячимъ замкомъ, выпрямился и весело воскликнулъ:

— Ага! Вотъ мы и на мѣстѣ!

Голосъ его гулко отдался подъ высокимъ сѣрымъ сводомъ. Въ ту же минуту черная кошка вскарабкалась на стѣну, и обернулась на минуту въ слуховомъ окнѣ, сверкая своими зелеными глазами, прежде чѣмъ исчезнуть на улицѣ.

Этотъ погребъ, самый здоровый въ Гюнебургѣ, былъ частью пробитъ въ скалѣ, частью же сложенъ изъ огромныхъ тесаныхъ

камней; онъ былъ не великъ, двадцать футовъ въ длину и пятнадцать въ ширину; но высокъ, раздѣленъ надвое рѣшеткой и запирался рѣшетчатой же дверью. Вдоль стѣнъ шли полки, на нихъ лежали бутылки въ удивительномъ порядкѣ. Тутъ были всѣхъ годовъ отъ 1780 до 1840. При свѣтѣ, проникавшемъ въ отдушины, донышки бутылокъ сверкали пріятно и живописно.

Кобусъ вошелъ.

Онъ принесъ съ собой корзину съ гнѣздами для бутылокъ, поставилъ ее на полъ, и поднявъ свѣчу двинулся вдоль полокъ. Зрѣлище всѣхъ этихъ прекрасныхъ винъ, иныхъ съ синей печатью, другихъ съ свинцовой обверткой, умиляло его, и минуту спустя онъ воскликнулъ:

— Если бы бѣдные старики, которые столько времени, съ такимъ благоразуміемъ и предусмотрительностью, откладывали эти добрыя вина, если бы они вернулись на землю, то, я увѣренъ, остались бы довольны, убѣдившись, что я слѣдую ихъ примѣру, и признали бы меня своимъ достойнымъ преемникомъ. Да, всѣ остались бы довольны! Вѣдь эти три полки наполнилъ я, и, смѣю сказать, съ разборомъ: я всегда самъ отправлялся въ виноградникъ и толковалъ съ винодѣломъ. И здѣсь, въ погребѣ, я не жалѣлъ трудовъ. Хотя эти вина моложе остальныхъ, но не уступятъ имъ по качеству; онѣ состарѣются и достойно замѣстятъ тѣ. Такъ поддерживаются хорошія традиціи, и въ тѣхъ же семьяхъ оказывается не только хорошее, но и лучшее...

Да, если бы старый Николай Кобусъ, дѣдъ Францъ-Зепель, и мой отецъ Захаріасъ могли вернуться на землю и попробовать эти вина, они остались бы довольны своимъ внукомъ; они признали бы за нимъ то же благоразуміе и тѣ же добродѣтели, какими сами отличались. Къ несчастію они не могутъ вернуться,—ихъ пѣсенка спѣта, спѣта! Мнѣ приходится замѣщать ихъ во всемъ. Это грустно, все таки! Такіе разумные люди, такіе бонвиваны, и, какъ подумаешь, не могутъ больше пропустить стаканчикъ своего вина, восхваляя Господа за его милости. Ничего не подѣлаешь! Та же участь предстоитъ всѣмъ намъ, потому-то и слѣдуетъ пользоваться хорошими вещами, пока мы живы!

Послѣ этихъ меланхолическихъ размышленій, Кобусъ принялся выбирать вина, которыя намѣревался выпить въ этотъ день, и это вернуло ему веселое настроеніе.

— Мы начнемъ,—сказалъ онъ—съ французскихъ винъ, которыя мой достойный дѣдъ Францъ Сепель уважалъ болѣе всѣхъ прочихъ. Пожалуй, онъ былъ не совсѣмъ неправъ, такъ какъ это старое бордо всѣхъ лучше для того, чтобъ заложить фундаментъ въ желудкѣ. Да, возьмемъ шесть бутылочекъ бордо; это будетъ хорошое начало. Затѣмъ, три бутылки «рюдесгейма», который такъ любилъ мой бѣдный отецъ!.. положимъ четыре, въ память о немъ. Итого уже десять. Но остальныя двѣ, подъ конецъ, должны быть отборныя, что-нибудь очень старое, что заставитъ насъ пѣть... Постойте, постойте, надо васъ расмотрѣть поближе.

Кобусъ нагнулся, осторожно порылся въ соломѣ на нижней полкѣ и сталъ перебирать бутылки, читая на старыхъ этикеткахъ: «Маркобруннеръ» 1798. «Аффенталь» 1804. «Іоганнисбергеръ капуцинскій», безъ даты.

— А, а! Іоганнисбергеръ отъ капуциновъ!—сказалъ онъ, выпрямляясь и щелкнувъ языкомъ.

Онъ поднялъ запыленную бутылку и осторожно уложилъ ее въ корзину.

— Знаю это вино!—сказалъ онъ.

Съ минуту онъ думалъ о Гюнебергскихъ капуцинахъ, которые бѣжали въ 1792, при наступленіи Кюстина, бросивъ свои погреба; они были разграблены французами, но дѣду Францу удалось добыть двѣсти или триста бутылокъ. Это было золотистое вино такого тонкаго букета, что тому, кто пилъ его, казалось будто какое-то восточное благоуханіе таетъ у него во рту.

Вспомнивъ объ этомъ, Кобусъ остался доволенъ.

— Будетъ; еще бутылка «капуцина», и мы скатимся подъ столъ. Нужно пользоваться, какъ безпрестанно повторялъ мой добродѣтельный отецъ, но не злоупотреблять.

Затѣмъ, онъ тщательно заперъ дверь, снова повѣсилъ замокъ, и вернулся въ первый погребъ. Мимоходомъ онъ дополнилъ корзинку бутылкой стараго рома, который стоялъ въ сторонѣ, въ шкафу, между двумя столбами низкаго свода; и наконецъ поднялся наверхъ, запирая за собою двери.

Проходя мимо кухни онъ услыхалъ звяканье кастрюль и трэскъ огня: Катель уже вернулась съ рынка, все шло какъ по маслу, и это доставило ему удовольствіе.

Онъ остановился въ дверяхъ кухни и крикнулъ:

— Вотъ бутылки! Надѣюсь, Катель, что ты превзойдешь самое себя и угостишь насъ такимъ обѣдомъ... такимъ обѣдомъ!..

— Будьте покойны, сударь,—отвѣчала старая кухарка, не любившая напоминаній—развѣ вамъ случилось хоть разъ за двадцать лѣтъ остаться недовольнымъ мною?

— Нѣтъ, нѣтъ, Катель, напротивъ; но ты сама знаешь: можно сдѣлать хорошо, очень хорошо и какъ нельзя лучше.

— Сдѣлаю, что могу,—отвѣчала старуха—большаго нельзя требовать.

Увидѣвъ на столѣ пару пулярдокъ, великолѣпную щуку въ лоханкѣ, маленькія форели для жаренія и роскошный паштетъ, Кобусъ рѣшилъ, что все идетъ хорошо.

— Славно, славно,—думалъ онъ, уходя—дѣло на мази, ха, ха, ха! Мы посмѣемся.

Вмѣсто того, чтобы войти въ столовую онъ прошелъ сбоку по маленькому коридору, поставилъ корзину на полъ передъ высокой дверью, засунулъ въ замокъ ключъ и отворилъ: это была парадная столовая Кобусовъ; здѣсь обѣдали только въ торжественныхъ случаяхъ. Три высокихъ окна были закрыты рѣшетчатыми ставнями; въ полусвѣтѣ виднѣлась старинная мебель, желтыя кресла, бѣлый мраморный каминъ, и большія рамы на стѣнахъ, закрытыя бѣлымъ каленкоромъ.

Фрицъ сначала открылъ окна и распахнулъ ставни, чтобы освѣжить воздухъ.

Эта столовая, отдѣланная старымъ дубомъ, имѣла торжественный и достойный видъ: ясно было съ перваго взгляда, что въ ней давались хорошіе обѣды изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Фрицъ снялъ чехлы съ портретовъ: это были портреты Николая Кобуса, совѣтника при дворѣ курфюрста Фридриха Вильгельма въ 1715. На г. совѣтникѣ былъ огромный парикъ эпохи Людовика XIV, коричневое платье съ широкими рукавами, подобранными до локтей, и жабо изъ тонкихъ кружевъ; у него было широкое, квадратное и важное лицо. Другой портретъ изображалъ Франца-Зепеля Кобуса, прапорщика въ драгунскомъ Лейнингенскомъ полку, въ мундирѣ небеснаго цвѣта съ серебряными бранденбурами, въ бѣломъ шарфѣ на лѣвой рукѣ, съ напудренными волосами и въ треуголкѣ на бэкрень; онъ былъ въ то время не старше двадцати лѣтъ и свѣжъ, какъ бутонъ боя-

рышкика. Третій портретъ изображалъ Захаріаса Кобуса, мирового судью, въ черной мантіи; на немъ былъ парикъ съ косичкой, а въ рукѣ онъ держалъ табакерку.

Эти три портрета, одинаковой величины, были хорошо и тщательно исполнены: видно было, что Кобусы могли хорошо платить художникамъ, бравшимся сохранить ихъ черты для потомства. Фрицъ имѣлъ много общаго со всѣми ими: голубые глаза, приплюснутый носъ, круглый подбородокъ съ ямочкой, широкій ротъ и жизнерадостное выраженіе.

Направо, противъ камина, висѣлъ портретъ женщины, бабки Кобуса, свѣжей, улыбающейся, съ полуоткрытымъ ртомъ, чтобъ показать прекраснѣйшіе бѣлые зубы, какіе только можно себѣ представить, съ зачесанными въ формѣ корабля волосами, и въ голубомъ бархатномъ платьѣ съ розовой каймой.

Судя по этой картинѣ, дѣдушка Францъ-Зепель имѣлъ успѣхъ у женщинъ, и можно было удивляться, что его внукъ питалъ такое отвращеніе къ браку.

Всѣ эти портреты, въ большихъ вызолоченныхъ рамахъ, производили хорошій эффектъ на буромъ фонѣ столовой.

Надъ дверями красовался родъ барельефа, изображавшій Амура въ колесницѣ, везомой тремя голубками. Наконецъ, вся мебель, высокія дверцы шкафовъ, старинная шифоньерка розоваго дерева, буфетъ съ большими рѣзными панелями, овальный столъ съ изогнутыми ножками, и самый паркетъ, въ которомъ желтыя планки чередовались съ черными, говорили о важной роли которую Кобусы играли въ Гюнебургѣ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ.

Открывъ ставни, Фрицъ выкатилъ столъ, снабженный колесиками на середину столовой, затѣмъ открылъ два шкафа,—высокихъ шкафа, съ двойными дверцами, отдѣланныхъ рѣзьбой и доходившихъ отъ пола до потолка. Въ одномъ было столовое бѣлье лучшаго качества, какого только можно пожелать; въ другомъ посуда, великолѣпный старинный саксонскій фарфоръ: груды тарелокъ внизу, принадлежности всякаго рода, пузатыя суповыя миски, чашки и сахарницы наверху; серебро въ корзинѣ.

Кобусъ выбралъ прекрасную камчатную скатерть и разостлалъ ее на столѣ, тщательно выглаживая складки и связывая на углахъ въ большіе узлы, чтобы концы не волочились по полу.

Онъ дѣлалъ это медленно, важно, любовно. Послѣ этого онъ взялъ и поставилъ на каминѣ груду мелкихъ тарелокъ, затѣмъ глубокихъ. Тоже онъ сдѣлалъ съ подносомъ, на которомъ помѣщались хрустальные граненые бокалы, тяжелые бокалы, въ которыхъ красное вино сверкаетъ, какъ рубинъ, а бѣлое, какъ топазъ. Наконецъ, онъ разставилъ на столъ приборы, правильно, одинъ противъ другого; тщательно свернулъ салфетки корабликомъ и епископской митрой, заходя то справа, то слѣва, чтобы судить о симметріи.

Пока онъ предавался этому занятію, его благодушная полная физіономія принимала невыразимо сосредоточенное выраженіе, губы сжимались, брови хмурились.

— Такъ,—разсуждалъ онъ вполголоса,—большой Фридрихъ Шульцъ со стороны оконъ, спиной къ свѣту, сборщикъ Христіанъ Гаанъ противъ него, Іозефъ съ этой стороны, а я съ этой: такъ будетъ хорошо... имено такъ; когда дверь отворится, я буду видѣть все съ одного взгляда, буду знать, что подается; могу сдѣлать знакъ Катель подойти или подождать; отлично. Теперь бокалы: направо для бордо, для начала; по срединѣ для рюдесгейма, и, наконецъ, для іоганнисбергэра капуциновъ. Все въ порядкѣ и въ свое время: судки на каминѣ, соль и перецъ на столѣ, теперь все, и смѣю сказать... Ахъ, да, вино! Такъ какъ оно уже согрѣлось, то мы поставимъ его въ лоханку подъ кранъ, прохладиться, кромѣ бордо, которое нужно пить теплымъ; я скажу Катель.—А теперь моя очередь, надо побриться и переодѣться; надѣну мой шикарный коричневый рединготъ.— Славно, Кобусъ, настоящій весенній праздникъ... А солнышко-то, солнышко! Эге! Долговязый Фридрихъ уже показался на площади; нельзя терять ни минуты!

Фрицъ вышелъ; проходя мимо кухни, онъ приказалъ Катель нагрѣть бордо и охладить другія вина; онъ былъ лучезаренъ и вошелъ въ свою комнату, тихонько напѣвая:—Тра, ри, ро, вотъ и лѣто пришло, ю, ю!

Пріятный запахъ раковаго супа наполнилъ домъ, и долговязая Френцель, кухарка изъ «Краснаго Быка», предупрежденная заранѣе, явилась на подмогу, такъ какъ старая Катель не могла управляться разомъ на кухнѣ и въ столовой.

Въ церкви Св. Ландольфа пробило половину двѣнадцатаго, гости должны были скоро явиться.

IV.

Есть ли въ этомъ мірѣ что-нибудь пріятнѣе, чѣмъ сидѣть съ тремя-четырьмя старыми пріятелями за хорошо сервированнымъ столомъ, въ старинной столовой своихъ отцовъ; и, подвязавъ салфетку подъ подбородокъ, погружать ложку въ благоухающій супъ съ раковыми шейками и передавать тарелки, приговаривая:

— Попробуйте-ка это, друзья мои, и скажите, какъ вамъ понравится.

Какъ пріятно приступать къ подобному обѣду, когда голубое весеннее или осеннее небо глядитъ въ открытыя окна.

А когда вы берете большой ножъ съ роговой ручкой, чтобы разрѣзать на ломти сочное жиго, или серебряную лопаточку, чтобъ раздѣлить вдоль великолѣпную заливную щуку съ петрушкой во рту, съ какимъ сосредоточеннымъ видомъ слѣдятъ за вами остальные!

Потомъ, когда вы достаете изъ лоханки, стоящей за вашимъ стуломъ, новую бутылку и ставите ее между колѣнъ, чтобъ вытащить пробку безъ толчковъ, какъ они смѣются, думая: «Что-то въ ней окажется?»

Ахъ, я вамъ говорю, большое удовольствіе угощать старыхъ друзей и думать: «Это будетъ повторяться изъ года въ годъ, пока Господь Богъ не призоветъ насъ, и мы почіемъ на лонѣ Авраамовомъ».

Когда же, за пятой или шестой бутылкой, лица оживляются, когда одни испытываютъ внезапно потребность восхвалять Творца, осыпающаго насъ благодѣяніями, а другіе величать славу старой Германіи, ея окороковъ, ея паштетовъ, ея благородныхъ винъ; когда Каспаръ разнѣживается и проситъ прощенія у Михеля за то, что разозлился на него, о чемъ Михель и не подозрѣвалъ; а Христіанъ, свѣсивъ голову на плечо, смѣется втихомолку, вспоминая о дядѣ Бишофѣ, умершемъ десять лѣтъ тому назадъ и давно забытомъ; когда одни говорятъ объ охотѣ, другіе о музыкѣ, всѣ разомъ, останавливаясь время отъ времени, чтобы расхохотаться; вотъ тогда-то водворяется настоящее веселье и наступаетъ рай на землѣ.

Ну, вотъ, таково-то было положеніе вещей у Фрица Кобуса около часа пополудни: старое вино произвело свое дѣйствіе.

Долговязый Фридрихъ Шульцъ, бывшій секретарь отца Кобуса и бывшій капралъ ландвера въ 1814, въ длинномъ синемъ

сюртукѣ, въ парикѣ съ косичкой въ видѣ крысинаго хвостика, длиннорукій и длинноногій, съ плоской спиной и заостреннымъ носомъ разсказывалъ, какъ онъ спасся отъ гибели во время французской кампаніи, въ какой-то эльзасской деревушкѣ, притворившись мертвымъ въ то время, какъ двое крестьянъ стаскивали съ него сапоги. Онъ сжималъ губы, таращилъ глаза и кричалъ, разводя руками, какъ будто еще находился въ томъ же критическомъ положеніи: «Я не шелохнулся! Я думалъ: Если ты пошевелишься, они всадятъ тебѣ вилы въ спину».

Онъ разсказывалъ объ этомъ происшествіи толстому сборщику податей Гаану, съ круглымъ, какъ у снигиря брюхомъ, съ багровымъ лицомъ, который дѣлалъ видъ, что слушаетъ, распустивъ галстукъ и думая о близкомъ открытіи охотничьяго сезона со слезами умиленія на глазахъ. Время отъ времени онъ пыхтѣлъ, какъ будто собираясь что-то сказать; но снова медленно опускался на спинку кресла, положивъ жирную руку, унизанную перстнями, на столъ подлѣ стакана.

Іозефъ сохранялъ серьезный видъ; его мѣдное лицо выражало внутреннее созерцаніе; онъ отбросилъ за уши свои длинные курчавые волосы, а его черные глаза были устремлены въ небесную лазурь за высокими окнами.

Кобусъ такъ хохоталъ, слушая долговязаго Фридриха, что его приплюснутый носъ занималъ половину лица.

— Ну-ка, выпьемъ,—говорилъ онъ,—еще по стаканчику! Бутылка опорожнена только до половины.

Остальные пили, и бутылка переходила изъ рукъ въ руки.

Въ эту минуту вошелъ Давидъ Зихель, и можно себѣ представить, какими восторженными криками его встрѣтили.

— Э! Давидъ!.. Вотъ и Давидъ!.. Добро пожаловать!.. Онъ пришелъ!

Старый раввинъ обвелъ сардоническимъ взглядомъ остатки тортовъ, искрошенные паштеты и опорожненныя бутылки, и сразу почувствовалъ, на какомъ градусѣ пиршество. Онъ усмѣхнулся себѣ въ бороду.

— Э, Давидъ, наконецъ-то!—весело воскликнулъ Кобусъ.— Еще десять минутъ, и я послалъ бы за тобой жандармовъ; мы ждемъ тебя уже полчаса.

— Во всякомъ случаѣ не среди стенаній вавилонскихъ,— замѣтилъ старый реббе насмѣшливымъ тономъ.

— Только этого не доставало!—сказалъ Кобусъ, указывая ему кресло.—Садись же, старина. Какъ жаль, что ты не можешь попробовать этого паштета: восхитителенъ.

— Да, — воскликнулъ долговязый Фридрихъ, — но это «трейфе» *), ничего не подѣлаешь; Господь создалъ окорока, колбасы и сосиски только для насъ.

— И для разстройства желудка также,—сказалъ Давидъ, подсмѣиваясь.—Сколько разъ твой отецъ, Іоганнъ Шульцъ, повторялъ мнѣ ту же фразу: это семейная острота, она переходитъ отъ отца къ сыну, какъ парикъ съ косичкой и бархатные панталоны съ пряжками. При всемъ томъ, если бы твой отецъ не такъ любилъ окорокъ, сосиски и колбасы, онъ былъ бы еще свѣжъ и крѣпокъ, какъ я. Но вы, «шауле», вы не хотите ничего слушать, и то тотъ, то другой изъ васъ попадается въ ловушку, какъ крыса, изъ-за любви къ салу.

— Какъ вамъ это понравится, старый «поше-израель» увѣряетъ, будто боится разстройства желудка!—воскликнулъ Кобусъ.—Какъ будто не Моисеевъ законъ запрещаетъ ему эту пищу.

— Молчи,—перебилъ его Давидъ,—я говорю это для тѣхъ, которые не понимаютъ лучшихъ резоновъ; но этотъ долженъ быть достаточнымъ для васъ; онъ очень хорошъ для капрала ландвера, который позволилъ стащить съ себя сапоги въ Эльзасской лужѣ; разстройства желудка такъ же опасны, какъ удары вилъ.

Всѣ захохотали, а долговязый Фридрихъ поднялъ палецъ и сказалъ:

— Давидъ, я поймаю тебя послѣ.

Но онъ не нашелся отвѣтить, и старый реббе смѣялся вмѣстѣ съ остальными.

Долговязая Френцель, изъ гостиницы «Краснаго Быка», убравъ со стола, принесла подносъ съ чашками, а Катель слѣдовала за нею, съ другимъ подносомъ, на которомъ стояли кофейникъ и ликеры.

Старый реббе занялъ мѣсто между Кобусомъ и Іозефомъ. Фридрихъ Шульцъ важно вытащилъ изъ кармана сюртука большую ульмскую трубку, а Фрицъ досталъ изъ шкафа сигары.

---

*) **Пища, объявленная нечистой въ Моисеевомъ законѣ.**

Но Катель не успѣла войти, и дверь еще оставалась открытой, когда на кухнѣ раздался свѣжій и веселый голосокъ:

— Здравствуйте, мадмуазель Катель; Боже мой, да у васъ званый обѣдъ; весь городъ говоритъ о немъ.

— Ш-ш-ш!..— сказала старая служанка.

И дверь затворилась.

Всѣ въ столовой навострили уши, а толстый сборщикъ Гаанъ сказалъ:

— Ба, какой милый голосокъ! Слышали? Хе, хе, хе! Этотъ плутъ Кобусъ—каковъ!

— Катель! Катель!—крикнулъ удивленный Кобусъ.

Дверь кухни отворилась.

— Развѣ что-нибудь забыто, сударь?—спросила Катель.

— Нѣтъ, но кто это у васъ?

— Это Сюзель, знаете, дочь Христеля, вашего фермера въ Мейзенталѣ. Она принесла яйца и масло.

— А, крошка Сюзель, такъ, такъ!.. Ну, пусть войдетъ, я уже пять мѣсяцевъ не видалъ ея.

Катель повернулась къ кухнѣ.

— Сюзель, баринъ требуетъ, чтобы ты вошла.

— Ахъ, Боже мой, мадмуазель Катель, но я не одѣта.

— Сюзель,—крикнулъ Кобусъ,—иди сюда!

Бѣлокурая розовая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати-семнадцати, свѣжая, какъ бутонъ боярышника, съ голубыми глазами, прямымъ носикомъ съ тонкими ноздрями, изящно округленными губами, въ бѣлой шерстяной юбкѣ и синемъ полотняномъ казакинѣ, появилась на порогѣ, опустивъ голову, въ крайнемъ смущеніи.

Друзья смотрѣли на нее съ восхищеніемъ, а Кобусъ какъ будто удивился, увидѣвъ ее.

— Какая же ты стала большая, Сюзель!—сказалъ онъ. — Но подойди же, не бойся, тебя не укусятъ.

— Ахъ, я знаю,—сказала дѣвушка,—но я не одѣта, господинъ Кобусъ.

— Не одѣта! — воскликнулъ Гаанъ. — Хорошенькія дѣвушки всегда одѣты къ лицу.

Фрицъ повернулся къ нему, качая головой и пожимая плечами.

— Гаанъ! Гаанъ! Вѣдь это ребенокъ... совсѣмъ дитя! Полно,

Сюзель, выпей съ нами кофе; Катель, принеси для нея чашку.

— Ахъ, господинъ Кобусъ, я никогда не посмѣю!

— Ба, ба! Катель, живѣе.

Когда старуха принесла чашку, Сюзель, красная до ушей, сидѣла, выпрямившись, на краешкѣ стула между Кобусомъ и старымъ реббе.

— Ну, какъ идутъ дѣла на фермѣ, Сюзель? Здоровъ ли дядя Христель?

— О, да, сударь, слава Богу,—сказала дѣвушка, — здоровъ; онъ велѣлъ мнѣ кланяться вамъ, и мама тоже.

— Спасибо. Много было снѣгу въ этомъ году?

— На два фута вокругъ фермы и держался три мѣсяца, а растаялъ въ одну недѣлю.

— Значитъ, посѣвъ былъ хорошо закрытъ?

— Да, господинъ Кобусъ. Теперь все тронулось, поля уже позеленѣли.

— Отлично. Но пей же, Сюзель, или ты не любишь кофе? Хочешь стаканчикъ вина?

— О, нѣтъ! Я очень люблю кофе, господинъ Кобусъ.

Старый реббе посматривалъ на дѣвушку съ нѣжнымъ и отеческимъ видомъ. Онъ самъ положилъ ей сахару въ кофе, говоря:

— Хорошая дѣвушка, да, хорошая дѣвушка, но слишкомъ робка. Выпей же чашечку, Сюзель, это придастъ тебѣ смѣлости.

— Благодарствуйте, господинъ Давидъ, — отвѣчала дѣвушка тихо.

И старый реббе выпрямился, съ нѣжностью глядя, какъ она опускаетъ въ чашку свои розовыя губки.

Всѣ смотрѣли съ истиннымъ удовольствіемъ на эту кроткую и боязливую дѣвушку; самъ Іозефъ улыбался. Она какъ будто принесла съ собой благоуханіе полей, запахъ весны и раздолья, что-то смѣющееся и нѣжное, какъ трели жаворонка надъ пшеничными полями; глядя на нее, вамъ казалось, что вы въ деревнѣ, на старой фермѣ, послѣ таянія снѣговъ.

— Итакъ, у васъ все зеленѣетъ,—продолжалъ Фрицъ,— начались огородныя работы?

— Да, господинъ Кобусъ; земля еще холодновата, но послѣ этой солнечной недѣли, все тронулось; недѣли черезъ двѣ у насъ будетъ молодой редисъ. Ахъ, отецъ хотѣлъ бы васъ ви-

дѣть; мы соскучились по васъ, отцу нужно поговорить съ вами о разныхъ вещахъ. Бѣлянка телилась на прошлой недѣлѣ, и благополучно; у ней бѣлая телка.

— Бѣлая телка, тѣмъ лучше!

— Да, бѣлыя даютъ больше молока, и притомъ онѣ красивѣе другихъ.

Наступило молчаніе. Кобусъ, видя, что дѣвушка выпила кофе и чувствуетъ себя крайне смущенной, сказалъ ей:

— Ну, дитя мое, я радъ тебя видѣть: но такъ какъ ты стѣсняешься съ нами, то ступай къ старухѣ Катель, которая тебя ждетъ; она положитъ въ твою корзинку хорошій кусокъ паштета, понимаешь, скажи ей объ этомъ,—и бутылку хорошаго вина для дяди Христеля.

— Благодарствуйте, господинъ Кобусъ,—сказала крошка, быстро вставая.

Она сдѣлала реверансъ и исчезла.

— Не забудь сказать дома, что я пріѣду самое позднее черезъ двѣ недѣли!—крикнулъ ей вдогонку Фрицъ.

— Нѣтъ, сударь, не забуду; мы будемъ очень рады.

Она упорхнула, какъ птичка изъ клѣтки, а старый Давидъ, радостно сверкая глазами, воскликнулъ:

— Вотъ, можно сказать, хорошенькая дѣвушка, изъ которой выйдетъ, надѣюсь, славная хозяйка!

— Славная хозяйка, я въ этомъ увѣренъ,—съ хохотомъ воскликнулъ Кобусъ.—Старый «поше-изроель» не можетъ видѣть дѣвушку или парня, чтобъ не подумать о бракѣ! Ха, ха, ха!

— Ну да,—воскликнулъ старый реббе, тряся бородой,—да, я сказалъ и повторяю: славная хозяйка! Что же тутъ дурного? Черезъ два года эта маленькая Сюзель можетъ быть замужемъ, можетъ даже имѣть на рукахъ розоваго крошку.

— Полно, замолчи, старина, ты бредишь.

— Я брежу?.. Это ты бредишь, «эпикауресъ»; во всемъ остальномъ у тебя, кажется, хватаетъ здраваго смысла, но въ отношеніи брака ты просто сумасшедшій.

— Ладно, теперь я сумасшедшій, а Давидъ Зихель разумный. Что у тебя за чертовская манія женить и выдавать замужъ?

— Развѣ не въ этомъ назначеніе мужчины и женщины? Развѣ Богъ не сказалъ съ самаго начала: «Плодитесь и раз-

множайтесь!» Развѣ не безуміе желать идти противъ Бога, желать жить...

Но тутъ Фрицъ разразился такимъ хохотомъ, что старый реббе поблѣднѣлъ отъ негодованія:

— Ты смѣешься,—сказалъ онъ, сдерживаясь, — смѣяться легко. Хотя бы ты продолжалъ свои «ха, ха, ха, хе, хе, хи, хи, хи!» до скончанія вѣка, что жъ бы это доказало? Вотъ если бъ ты вздумалъ разсуждать со мною, я бы тебя уничтожилъ! Но ты смѣешься, ты разѣваешь ротъ до ушей: «ха, ха, ха!», твой носъ расплывается между щекъ, какъ масляное пятно, и ты воображаешь, что побѣдилъ. Это не то, Кобусъ, такъ не разсуждаютъ.

Говоря это, старый реббе дѣлалъ такіе комическіе жесты, передразнивалъ смѣхъ Кобуса съ такими забавными гримасами, что никто изъ присутствующихъ не могъ удержаться отъ смѣха, а Фрицъ долженъ былъ схватиться за животъ, чтобъ не лопнуть.

— Нѣтъ, это не то,—продолжалъ Давидъ съ странной настойчивостью.—Ты не думаешь, ты никогда не размышлялъ.

— Я?.. Да я только этимъ и занимаюсь,—сказалъ Кобусъ, отирая свои полныя щеки, по которымъ катились слезы,—а если я смѣюсь, то только по поводу твоихъ странныхъ идэй. Ты считаешь меня черезчуръ простодушнымъ. Пятнадцать лѣтъ я живу спокойно со старухой Катель, и все устроилъ у себя къ своему полному удовольствію; когда мнѣ хочется гулять, я гуляю; когда хочется сидѣть и дремать—сижу и дремлю; захочется выпить—выпью; придетъ въ голову пригласить трехъ, четырехъ, пятерыхъ друзей, приглашаю. А тебѣ бы хотѣлось заставить меня измѣнить все это, тебѣ бы хотѣлось посадить сюда женщину, которая перевернетъ все вверхъ дномъ! Право, Давидъ, это ужъ слишкомъ!

— Стало быть, ты думаешь, Кобусъ, что все такъ и будетъ идти до конца? Разумѣется, милый, годы идутъ и, зная твой образъ жизни, я предвижу, что твой большой палецъ скоро дастъ тебѣ замѣтить, что удовольствіе тянулось слишкомъ долго. Тогда ты пожалѣешь, что у тебя нѣтъ жены!

— У меня будетъ Катель.

— Твоя старуха Катель отжила свой вѣкъ, какъ я. Тебѣ придется взять другую прислугу, которая будетъ тебя объѣдать,

будетъ тебя обкрадывать, а тебѣ останется только вздыхать, прикованному подагрой къ креслу.

— Ба!—перебилъ Кобусъ. — Если это случится... всему свое время, тогда и подумаемъ, какъ быть. Пока я счастливъ, вполнѣ счастливъ. Если бы я взялъ теперь жену, то, предполагая даже, что мой выборъ оказался бы удачнымъ, жена превосходной женщиной, отличной хозяйкой и все прочее, то все же, Давидъ, мнѣ пришлось бы время отъ времени вывозить ее, сопровождать на балъ г. бургомистра или г-жи су-префектши; мнѣ пришлось бы мѣнять свои привычки, я не могъ бы ходить въ шляпѣ на бекрень или на затылокъ, въ смятомъ галстукѣ, я долженъ былъ бы отказаться отъ трубки... Вѣдь это смерть что такое, я дрожу при одной мысли объ этомъ. Какъ видишь, я также хорошо разсуждаю о своихъ дѣлишкахъ, какъ старый реббе, проповѣдующій въ синагогѣ. Прежде всего, постараемся быть счастливыми.

— Ты плохо разсуждаешь, Кобусъ.

— Какъ плохо разсуждаю? Развѣ счастье не общая наша цѣль?

— Нѣтъ, это вовсе не наша цѣль; иначе, мы всѣ были бы счастливы; не было бы такого множества несчастныхъ; Богъ далъ бы намъ средства достигнуть нашей цѣли; ему стоило бы только пожелать этого. Онъ желаетъ, чтобы птицы летали—и у птицъ есть крылья; онъ желаетъ, чтобы рыбы плавали—и у рыбъ есть плавники; онъ желаетъ, чтобы плодовыя деревья приносили плоды въ свое время—и они приносятъ плоды; каждое существо получаетъ средства достигнуть своей цѣли. А такъ какъ человѣкъ не обладаетъ средствами стать счастливымъ, такъ какъ въ настоящую минуту, быть можетъ, нѣтъ ни одного счастливаго человѣка на всей землѣ, даже изъ тѣхъ, которые располагаютъ средствами для счастья, то значитъ Богъ этого не хочетъ.

— Чего же онъ хочетъ, Давидъ?

— Онъ хочетъ, чтобы мы заслуживали счастья, а это большая разница, Кобусъ; такъ какъ для того, чтобы заслужить счастье, въ этомъ ли мірѣ или въ иномъ, нужно прежде всего исполнять свои обязанности, а первая изъ этихъ обязанностей создать семью, имѣть жену и дѣтей, воспитывать честныхъ людей и передавать другимъ жизнь, ввѣренную намъ.

— Забавныя идеи у этого стараго реббе,—замѣтилъ Фридрихъ Шульцъ, подливая въ чашку киршвассера,—можно подумать, что онъ вѣритъ тому, что говоритъ.

— Въ моихъ идеяхъ нѣтъ ничего забавнаго,—отвѣчалъ Давидъ,—онѣ справедливы. Если бы твой отецъ, булочникъ, разсуждалъ такъ же, какъ ты, если бы онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ всякихъ хлопотъ и вести жизнь, безполезную для другихъ, и если бы Захаріасъ Кобусъ поступалъ точно такъ же, вы не сидѣли бы здѣсь съ красными носами, угощаясь насчетъ ихъ трудовъ. Можете смѣяться надъ старымъ реббе, но онъ скажетъ вамъ то, что думаетъ. Эти старики тоже шутили иногда, но о серьезныхъ вещахъ они разсуждали серьезно и, говорю вамъ, онц лучше понимали, что такое счастье, чѣмъ вы. Помнишь ли, Кобусъ, какъ твой отецъ, старикъ Захаріасъ, такой важный въ судѣ, помнишь ли ты, какъ онъ возвращался домой между одиннадцатью и двѣнадцатью, съ большой папкой подъ мышкой, и какъ измѣнялось его лицо, когда онъ, бывало, увидитъ тебя, играющаго у дверей, какъ оно озарялось улыбкой точно солнечнымъ лучемъ? Когда же въ этой самой комнатѣ, гдѣ мы сидимъ теперь, онъ бралъ тебя къ себѣ на колѣни, и ты болталъ тысячи глупостей по своему обыкновенію, развѣ не былъ онъ счастливымъ? Ступай же въ погребъ, достань бутылку своего лучшаго вина, поставь ее передъ собою—и посмотримъ, будешь ли ты смѣяться такъ, какъ онъ, будетъ ли твое сердце биться отъ радости, будутъ ли твои глаза блестѣть, запоешь ли ты арію «Три гусара», которую онъ пѣлъ, чтобы позабавить тебя?

— Давидъ,—воскликнулъ тронутый Фрицъ,—поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ!

— Нѣтъ, всѣ ваши холостыя удовольствія, все ваше старое вино, которое вы пьете въ своей кампаніи, всѣ ваши шуточки, все это ничто... все это жалкій вздоръ въ сравненіи съ семейнымъ счастьемъ; только въ семьѣ вы истинно счастливы, потому что любимы; только въ ней вы восхваляете Господа за его благодѣянія. Но вы не понимаете этихъ вещей; я вамъ говорю то, что думаю о самомъ истинномъ, о самомъ справедливомъ, а вы не слушаете.

Говоря это, старый реббе казался не на шутку взволнованнымъ; толстый сборщикъ Гаанъ смотрѣлъ на него, вытара-

щивъ глаза, а Іозефъ, время отъ времени, бормоталъ неясныя слова.

— Что ты думаешь объ этомъ, Іозефъ?—спросилъ Кобусъ.

— Я думаю тоже, что реббе Давидъ,—сказалъ тотъ,—но я не могу жениться, такъ какъ люблю бродячую жизнь, и мои дѣти могли бы умереть на дорогѣ.

Фрицъ задумался.

— Да, онъ недурно разсуждаетъ для стараго «поше-изроель»,—замѣтилъ онъ, смѣясь,—но я держусь за свою идею; я холостякъ и останусь холостякомъ.

— Ты!—воскликнулъ Давидъ.—Слушай же, Кобусъ; я никогда не брался быть пророкомъ, но сегодня предсказываю тебѣ, что ты женишься.

— Я женюсь, ха, ха, ха! Давидъ, ты еще не знаешь меня.

— Ты женишься!—воскликнулъ старый реббе. — Ты женишься!

— Держу пари, что нѣтъ.

— Не держи пари, Кобусъ, проиграешь.

— Ладно же... я ставлю... да...

— Да... я ставлю мой участокъ виноградника Зонпебергъ; знаешь, этотъ маленькій участокъ, который даетъ такое хорошее бѣлое вино, лучшее изъ моихъ винъ, и который извѣстенъ тебѣ, реббе, ставлю его.

— Противъ чего?

— Противъ ничего.

— Принимаю пари,—сказалъ Давидъ,—вотъ свидѣтели, что я его принимаю. Буду попивать хорошее винцо даромъ, а послѣ меня его будутъ пить мои ребята: хе, хе, хе!

— Будь покоенъ, Давидъ,—сказалъ Кобусъ, вставая,—отъ этого вина у васъ не зашумитъ въ головѣ.

— Ладно ладно, принимаю; вотъ моя рука, Фрицъ.

— А вотъ моя, реббе.

Затѣмъ Кобусъ, обернувшись къ другимъ, прибавилъ

— Не пойти ли намъ освѣжиться къ «Большому Оленю»?

— Да, идемъ въ пивную,—подхватили остальные,—это отлично закончитъ нашъ день. Какой чудный обѣдъ!

Всѣ встали и взялись за шапки; толстый сборщикъ Гаанъ и долговязый Фредерикъ Шульцъ двинулись впередъ, за ними

Кобусъ и Іозефъ, а развеселившійся Давидъ Зихель замыкалъ шествіе. Они поднялись рука объ руку по улицѣ Капуциновъ и вошли въ пивную «Большого Оленя» противъ стараго рынка.

V.

На другой день около девяти часовъ Фрицъ Кобусъ сидѣлъ на постели съ меланхолическимъ видомъ, медленно натягивалъ сапоги и читалъ самому себѣ проповѣдь:

— Мы выпили слишкомъ много пива вчера вечеромъ,—говорилъ онъ, почесывая за ухомъ,—это напитокъ, вредный для здоровья. Лучше бы мнѣ было выпить лишнюю бутылку, по четырьмя, пятью кружками меньше.

Потомъ онъ крикнулъ:

— Катель! Катель!

Старуха служанка появилась въ дверяхъ и, видя его зѣвоту, красные глаза и всклокоченные волосы, сказала:

— Хе, хе, хе! У васъ болитъ голова господинъ Кобусъ?

— Да! Всему виною пиво; но это въ послѣдній разъ...

— Ахъ, вы всякій разъ говорите тоже самое,—замѣтила старуха, смѣясь.

— Не дашь ли ты мнѣ чего-нибудь, чтобы поправиться?—продолжалъ Фрицъ.

— Чаю хотите?

— Чаю! Нѣтъ ужъ дай лучше супу съ лукомъ, да, постой...

— Винегретъ изъ телячьяго уха?

— Да, пожалуй, винегретъ изъ телячьяго уха. Что за нелѣпая идея пить столько пива! Ну, да разъ дѣло сдѣлано, не будемъ говорить о немъ. Живо, Катель, я сейчасъ выйду.

Катель, смѣясь вернулась на кухню, а Кобусъ умылся, одѣлся и причесался. Онъ едва могъ пошевелить руками и ногами. Наконецъ, онъ надѣлъ халатъ и отправился въ столовую, гдѣ принялся за луковый супъ, который нѣсколько облегчилъ его. Онъ съѣлъ затѣмъ винегретъ изъ телячьяго уха и выпилъ стаканъ «форстгеймера», который придалъ ему бодрости. Однако, онъ все-таки чувствовалъ тяжесть въ головѣ.

— Какой вредный напитокъ пиво!—сказалъ онъ.—Стоило бы свернуть шею этому Гамбринусу, когда онъ догадался прибавить хмеля въ сусло. Противно природѣ смѣшивать сладкое съ горькимъ; люди поступаютъ, какъ безумцы, глотая подобныя

ядъ. Но причина всего дымъ; если бъ можно было отказаться отъ трубки, то и пиво не пошло бы въ глотку. Да, это вѣрно. Кэтель!

— Что, сударь?

— Я ухожу подышать свѣжимъ воздухомъ. Надо предпринять большую прогулку.

— Но вы вернетесь въ полдень?

— Да, я думаю. Во всякомъ случаѣ, если я не вернусь къ часу, ты уберешь со стола; значитъ, я отправился въ какую-нибудь сосѣднюю деревню.

Говоря это, Фрицъ надѣлъ фетровую шляпу, взялъ въ углу камина трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и спустился въ переднюю.

Кэтель убирала скатерть, смѣясь, и говорила сама съ собой:

— Завтра послѣ обѣда его первый визитъ будетъ къ «Большому Оленю». Таковы мужчины, они никогда не могутъ исправиться.

Выйдя изъ дома Кобусъ степенно зашагалъ по Гильдебрандтовской улицѣ. Погода стояла великолѣпная, всѣ окна были открыты.

— Здравствуйте, господинъ Кобусъ, какая прекрасная погода,—кричали ему кумушки.

— Да, Бербель... да, Катринъ, погода славная.

Дѣти плясали, прыгали и шумѣли у всѣхъ дверей; нельзя было представить себѣ болѣе веселую картину.

Выйдя изъ города чрезъ старыя Гильдебрандтовскія ворота гдѣ женщины уже разстилали на солнцѣ, вдоль старинныхъ укрѣпленій, свое бѣлье и красныя платья, Фрицъ поднялся по откосу. Послѣдній снѣгъ таялъ въ тѣни деревьевъ, окаймлявшихъ дорогу, и всюду вокругъ города, насколько хваталъ глазъ, виднѣлась нѣжная зелень на живыхъ изгородяхъ, на деревьяхъ фруктовыхъ садовъ и аллеяхъ тополей, вдоль Лаутера. Вдали, голубыя Вогезскія горы еще сохраняли на своихъ вершинахъ едва замѣтныя бѣлыя полосы; а надъ ними разстилалось необъятное небо, по которому неслись въ безконечную даль легкія облачка.

Кобусъ, видя все это, чувствовалъ себя счастливымъ, и глядя вдаль, думалъ:

— Если бы я находился тамъ, на берегу Жене, я былъ бы только въ полумилѣ отъ моей фермы въ Мэйзенталѣ; я могъ бы

поговорить о дѣлахъ со старикомъ Христелемъ, посмотрѣть посѣвы и бѣлую телушку, о которой говорила Сюзель.

Пока онъ въ задумчивости смотрѣлъ вдаль, стая дикихъ голубей пролетѣла въ высотѣ надъ холмами, направляясь къ буковому лѣсу.

Фрицъ, съ просіявшими глазами, слѣдилъ за ними, пока они не исчезли въ бездонной глубинѣ неба, и тотчасъ рѣшилъ идти въ Мэйзенталь.

Старикъ садовникъ Боссеръ проходилъ въ эту минуту по дорогѣ съ заступомъ на плечѣ.

— Эй, дядя Боссеръ!—крикнулъ Фрицъ.

Тотъ поднялъ голову.

— Сдѣлайте одолженіе, такъ какъ вы возвращаетесь въ городъ, передайте отъ меня Катель, что я иду въ Мейзенталь, и вернусь только часамъ къ шести, къ семи.

— Хорошо, господинъ Кобусъ, я передамъ ей.

— Вы меня очень обяжете.

Боссеръ ушелъ, а Фрицъ свернулъ налѣво по тропинкѣ, которая спускается въ долину Аблеттъ, за Постталемъ и поднимается на противоположную сторону по склону Жене.

Эта тропинка уже просохла, но внизу, на большомъ лугу Грессельталя перекрещивались тысячи ручейковъ снѣговой воды, сверкавшихъ на солнцѣ, какъ серебряныя жилки.

Кобусъ, поднявшись на противоположный склонъ, замѣтилъ двѣ или три парочки горлинокъ, которыя носились надъ сѣрыми обрывами Гупы и цѣловались носиками на уступахъ, распуская вѣеромъ хвосты. Пріятно было видѣть, какъ они безшумно скользили въ воздухѣ; казалось, имъ не было надобности въ крыльяхъ, любовь поддерживала ихъ; онѣ не разставались другъ съ другомъ и кружились то въ тѣни скалъ, то на солнцѣ, точно букеты цвѣтовъ, падающіе съ неба. Только совершенно безчувственный могъ бы остаться равнодушнымъ къ этимъ миловиднымъ птицамъ. Фрицъ, опираясь на трость, долго смотрѣлъ на нихъ; ему никогда не случалось видѣть ихъ такъ ясно, такъ какъ лѣсныя горлицы очень дики. Въ концѣ концовъ онѣ замѣтили его и улетѣли. Тогда онъ двинулся дальше, погруженный въ задумчивость, и къ одиннадцати часамъ былъ на склонѣ Жене.

Отсюда Гюнебургъ съ его старыми извилистыми улицами, церковью, фонтаномъ святого Арбогаста, кавалерійской казармой, тремя ветхими старинными воротами, обросшими плющемъ и мхомъ, казался точно нарисованнымъ синей краской на противоположномъ склонѣ; маленькія окна ослѣпительно сіяли. Звукъ трубы гусарскаго полка, трубившей сборъ, доносился, какъ жужжаніе осы. Изъ воротъ Гильдебрандта тянулась какъ бы вереница муравьевъ; Кобусъ вспомнилъ, что наканунѣ умерла акушерка Лепель: это были ея похороны!

Полюбовавшись на эту картину, онъ быстрыми шагами пошелъ черезъ холмъ; и вскорѣ, когда песчаная тропинка начала спускаться, передъ нимъ внезапно появились внизу, въ долинѣ Мейзы, большая сѣрая черепичная крыша фермы и двѣ другія, поменьше, сарая и голубятни.

Это была старая ферма, выстроенная по старинному образцу, съ большимъ квадратнымъ дворомъ, окруженнымъ невысокой каменной стѣнкой; съ колодцемъ посреди двора; съ хлѣвами и конюшнями направо; съ амбарами и голубятней, увѣнчанной заостренной башенкой, налѣво; съ домомъ посрединѣ; за нимъ находились прачешная, давильня, курятникъ и свинарня; все это полуторастолѣтней давности, такъ какъ ферму построилъ прадѣдъ Николай Кобусъ. Но двадцать арпановъ заливного луга, сорокъ пять пахотной земли, фруктовый садъ по всему склону, и гектаръ виноградника на солнечной сторонѣ придавали этой фермѣ большую цѣнность и доставляли хорошій доходъ.

Спускаясь зигзагами по тропинкѣ, Фрицъ видѣлъ Сюзель, бучившую бѣлье у колодца, стаи голубей, кружившихся вокругъ голубятни, и дядю Христеля, съ большимъ бичемъ въ рукѣ, гнавшаго быковъ съ водопоя. Эта деревенская картина радовала его; онъ съ истиннымъ удовольствіемъ слушалъ лай собаки Мопселя, сливавшійся съ ударами валька въ безмолвной долинѣ, и мычаніе быковъ, отдававшееся въ буковыхъ лѣсахъ, гдѣ еще оставались сугробы желтоватаго снѣга вокругъ деревьевъ.

Но съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на Сюзель, нагнувшуюся надъ доской, намыливавшую бѣлье, колотившую и выкручивавшую его руками, какъ настоящая хозяюшка. Каждый разъ какъ она поднимала валекъ, блестѣвшій отъ мыль-

пой воды, солнечный лучъ отражался отъ него, какъ молнія до вершины склона.

Фрицъ, бросая время отъ времени взглядъ въ глубину ущелья, гдѣ Лаутеръ извивался среди луговъ, замѣтилъ на вершинѣ стараго дуба сарыча, слѣдившаго за голубями, которые носились вокругъ фермы. Онъ приложился въ него тростью; и птица тотчасъ улетѣла, испустивъ жалобный крикъ, а голуби, услыхавъ его, вѣеромъ спустились въ голубятню.

Кобусъ, посмѣиваясь, продолжалъ спускаться рысцой по тропинкѣ, когда раздался звонкій голосокъ:

— Господинъ Кобусъ!.. Это господинъ Кобусъ!

Это кричала Сюзель, которая замѣтила его и побѣжала въ сарай позвать отца.

Онъ только что вышелъ на проѣзжую дорогу у подошвы склона, когда старый фермеръ, анабаптистъ, съ окладистой бородой, въ волосяной шляпѣ, въ сѣромъ шерстяномъ камзолѣ съ латунными пуговицами, вышелъ къ нему навстрѣчу, съ сіяющей физіономіей, и воскликнулъ веселымъ тономъ:

— Добро пожаловать, господинъ Кобусъ, добро пожаловать! Вы очень обрадовали насъ; мы не ожидали видѣть васъ такъ скоро.

— Да, Христель, это я, — сказалъ Фрицъ, пожимая ему руку,—мнѣ внезапно пришло въ голову пойти, и вотъ я здѣсь. Хе, хе, хе! Я съ удовольствіемъ вижу, что вы попрежнему въ добромъ здоровьи, дядя Христель.

— Да, небо сохранило намъ здоровье, господинъ Кобусъ; это величайшее благо, какого мы можемъ пожелать. Но вотъ моя жена, дѣвочка увѣдомила ее.

Въ самомъ дѣлѣ, добрая тетка Оршель, тучная, въ черномъ тафтяномъ чепцѣ, въ бѣломъ передникѣ, съ высовывавшимся изъ рукавовъ полными круглыми руками, тоже выбѣжала навстрѣчу, а за ней Сюзель.

— Ахъ, Боже мой, это вы, господинъ Кобусъ,—говорила добрая женщина, сіяя,—такъ рано? Ахъ, какой пріятный сюрпризъ.

— Да, тетка Оршель. Все, что я вижу, меня радуетъ. Я видѣлъ по дорогѣ фруктовые сады; все распускается какъ нельзя лучше; а сейчасъ видѣлъ скотъ, шедшій съ водопоя; мнѣ кажется, онъ въ хорошемъ состояніи.

— Да, да, все благополучно,—сказала толстая фермерша.

Видно было, что ей хочется обнять Кобуса; маленькая Сюзель тоже казалась довольной.

— Двое работниковъ, въ блузахъ, выходили со двора съ запряженнымъ плугомъ; они подняли шапки съ крикомъ:

— Здравствуйте, господинъ Кобусъ!

— Здравствуй, Іоганнъ, здравствуй Каспаръ,—сказалъ онъ весело.

Онъ подходилъ къ старой фермѣ, по фасаду которой, прикрытому рѣшеткой, взбирались подъ крышу пять или шесть узловатыхъ виноградныхъ лозъ; но побѣги только еще начинали показываться.

Вправо отъ маленькой круглой двери находилась каменная скамья. Дальше подъ крышей сарая, выступавшей въ видѣ навѣса, громоздились въ безпорядкѣ бороны, плуги, соломорѣзка, пилы и лѣстницы. У воротъ риги висѣлъ большой неводъ; а наверху, между балками сарая, свѣшивались снопы соломы, гдѣ гнѣздились воробьи. Собака Мопсель, маленькая овчарка, темно-сѣрой шерсти, съ большими усами и волочащимся хвостомъ, терлась о ноги Фрица, который гладилъ ее по головѣ.

Такъ, среди взрывовъ смѣха и веселыхъ восклицаній, которыя всегда вызывало появленіе Кобуса, они вмѣстѣ вошли въ аллею, потомъ въ общую комнату фермы, большую комнату, выбѣленную известью, въ восемь или девять футъ высотой, съ бревенчатымъ потолкомъ. Три окна, съ восьмиугольными стеклами, выходили на долину; другое, маленькое, на противоположной стѣнѣ, было обращено къ склону; вдоль оконъ стоялъ длинный дубовый столъ, съ ножками въ видѣ буквы X и скамьями съ каждой стороны; за дверью налѣво виднѣлась чугунная печь въ формѣ пирамиды, а на столѣ стояли нѣсколько стакановъ и каменная кружка съ синими цвѣтами; старинные образа святыхъ, раскрашенные киноварью, въ черныхъ рамкахъ, дополняли меблировку комнаты.

— Вы будете обѣдать здѣсь, сударь,—сказалъ Христель,—не правда ли?

— Разумѣется.

— Хорошо. Ты вѣдь знаешь, Оршель, что любитъ г. Кобусъ?

— Да, будь покоенъ; мы какъ разъ сегодня поставили тѣсто.

— Ну, такъ присядемъ. Вы устали, господинъ Кобусъ? Хотите снять башмаки и надѣть мои сабо?

— Вы шутите, Христель; я и не замѣтилъ, какъ прошелъ эти двѣ мили.

— Ну, тѣмъ лучше. Но что жъ ты ничего не скажешь г. Кобусу, Сюзель?

— Что же мнѣ говорить? Онъ видитъ, что я здѣсь, и что всѣ рады его видѣть.

— Она права, дядя Христель. Мы говорили съ ней в она разсказала мнѣ, что здѣсь происходитъ. Я доволенъ ею: она славная дѣвушка. Но разъ мы всѣ собрались, и тетка Оршель готовитъ намъ «нудели», знаете ли, что мы сдѣлаемъ въ ожиданіи? Пойдемте взглянуть на поля, садъ, огородъ; я такъ давно не выходилъ, что только размялъ ноги этой прогулкой.

— Съ удовольствіемъ, господинъ Кобусъ. Сюзель, помоги матери; а мы вернемся черезъ часъ.

Фрицъ и дядя Христель отправились, и когда они проходили по двору, Кобусъ замѣтилъ блескъ пламени въ кухнѣ. Фермерша уже мѣсила тѣсто на каменномъ столѣ.

— Черезъ часъ господинъ Кобусъ!—крикнула она.

— Да, тетка Оршель, черезъ часъ.

Они вышли со двора.

— Мы давили много фруктовъ нынче зимою, — сказалъ Христель,—у насъ вышло, по крайней мѣрѣ, десять мѣръ сидра и двадцать грушовки. Этотъ напитокъ лучше освѣжаетъ, чѣмъ вино, во время жатвы.

— И онъ здоровѣе пива,—прибавилъ Кобусъ.—Не нужно ни прибавлять ему крѣпости, ни разводить его водой; это естественный напитокъ.

Они проходили въ это время мимо перегоннаго подвала; Фрицъ заглянулъ въ него черезъ слуховое окно.

— А перегоняли вы яблоки, Христель?

— Нѣтъ, сударь, они вѣдь не уродились въ прошломъ году; надо дождаться обильнаго урожая, иначе дѣло не стоитъ хлопотъ.

— Это правда... Мнѣ кажется, что у васъ больше куръ, чѣмъ въ прошломъ году, и куры лучше.

— А, да, господинъ Кобусъ, это кохинхинки. Послѣдніе два года ихъ стали разводить въ нашей мѣстности; я видѣлъ ихъ у Даніэля Штенгэра, на Лаутербахской фермѣ, и рѣшимъ завести. Порода великолѣпная, нужно только посмотрѣть, хороши ли они, носки ли?

Они шли мимо рѣшетки птичника, гдѣ много куръ, большихъ и малыхъ, хохлатыхъ и мохноногихъ, съ пышнымъ пѣтухомъ посрединѣ, держались въ тѣни, поглядывая, прислушивались и чистили носы. Нѣсколько утокъ находились тутъ же.

— Сюзель! Сюзель!—крикнулъ фермеръ.

Дѣвушка тотчасъ явилась.

— Что такое, отецъ?

— Выпусти-ка куръ погулять, а утокъ поплавать; мы запремъ ихъ, когда все подростетъ, и онѣ станутъ рыться на огородѣ.

Сюзель отворила птичникъ, а Христель направился внизъ къ рѣкѣ, Фрицъ слѣдовалъ за нимъ. Въ ста шагахъ отъ рѣки, когда почва стала мокрой, анабаптистъ остановился и сказалъ:

— Вотъ, господинъ Кобусъ, десять лѣтъ на этомъ склонѣ не было ничего, кромѣ ивняка да лужъ, травы не хватало на одну корову. Нынче зимою мы выровняли его, и теперь вода стекаетъ въ рѣку. Если хорошая погода простоитъ двѣ недѣли, онъ просохнетъ, и мы можемъ сѣять здѣсь что угодно: клеверъ, эспарцетъ, люцерну; ручаюсь, что укосъ будетъ отличный.

— Вотъ удачная мысль,—сказалъ Фрицъ.

— Да, сударь, но мнѣ нужно поговорить съ вами еще о другомъ; когда мы будемъ на обратномъ пути въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ излучину, я объясню вамъ, тамъ вы лучше поймете.

Они гуляли по долинѣ до полудня. Христель объяснялъ Кобусу свои планы.

— Здѣсь,—говорилъ онъ,—я посажу картофель; тамъ мы посѣемъ пшеницу; она какъ разъ подходитъ послѣ клевера.

Кобусъ ничего не понималъ, но дѣлалъ видъ, что понимаетъ, а старый фермеръ былъ радъ поговорить о вещахъ, которыя всего больше занимали его.

Становилось жарко. Походивъ по этой жирной землѣ, оставлявшей комки на ногахъ, Кобусъ почувствовалъ, что потъ струится у него по спинѣ; когда же они достигли вершины склона

и остановились перевести духъ, его слухъ впервые поразило неумолчное гудѣніе насѣкомыхъ, выползающихъ изъ земли въ первые жаркіе дни.

— Прислушайтесь, Христель,—сказалъ онъ,—какова музыка, а?.. Это удивительно, эта жизнь, выходящая изъ земли въ формѣ гусеницъ, майскихъ жуковъ, мухъ и наполняющая воздухъ изо дня въ день; это нѣчто грандіозное.

— Да, и даже черезчуръ грандіозное,—замѣтилъ анабаптистъ.—Счастье, что у насъ есть воробьи, зяблики, ласточки и сотни другихъ мелкихъ пташекъ, какъ щеглы и славки, истребляющихъ всю эту тварь, а то бы мы пропали, господинъ Кобусъ; майскіе жуки, гусеницы и саранча съѣли бы у насъ все! Къ счастью, Господь не оставляетъ насъ своей помощью. Слѣдовало бы запретить охоту на маленькихъ птичекъ; я всегда запрещалъ разорять гнѣзда воробьевъ на фермѣ; правда, они воруютъ у насъ не мало зерна, но сберегаютъ его для насъ еще больше.

— Да, — сказалъ Фрицъ, — такъ-то все идетъ на этомъ свѣтѣ: насѣкомыя пожираютъ растенія, птицы пожираютъ насѣкомыхъ, а мы пожираемъ птицъ и все остальное. Съ самаго начала вещи устроены такъ, чтобы мы ѣли все: у насъ для этого тридцать два зуба: одни острые, другіе рѣжущіе, третьи, которые мы называемъ коренными, раздавливающіе. Это доказываетъ, что мы цари земли. Но послушайте, Христель, что это за звонъ?

— Это большой колоколъ въ Гюнебургѣ звонитъ полдень; звукъ проникаетъ въ долину подлѣ скалы Горлицъ.

Они стали спускаться, а на берегу рѣки, въ ста шагахъ отъ фермы, анабаптистъ снова остановился и сказалъ:

— Господинъ Кобусъ, вотъ идея, о которой я говорилъ сейчасъ. Посмотрите, какъ высоко стоитъ вода въ рѣкѣ въ этомъ мѣстѣ; всякій годъ, когда таетъ снѣгъ или послѣ сильнаго ливня лѣтомъ, рѣка разливается; она проникаетъ, по крайней мѣрѣ, на сто шаговъ въ этомъ углу; если бы вы были здѣсь на прошлой недѣлѣ, то увидѣли бы его полнымъ пѣны; да и теперь еще земля совсѣмъ сырая. Вотъ я и думаю, что если срѣзать пять-шесть футовъ на этой излучинѣ, то мы получимъ, во первыхъ, двѣсти или триста возовъ жирной земли, которая послужитъ отличнымъ удобреніемъ для склона; нѣтъ ничего

лучше жирнаго ила для удобренія известковой почвы. Во-вторыхъ, соорудивъ маленькую, крѣпкую стѣну вдоль берега, мы устроимъ прекраснѣйшій бассейнъ для форели, усачей, линей и всѣхъ породъ Лаутера. Вода будетъ проходить въ шлюзъ съ рѣшеткой, а выходить сквозь плетень на другомъ концѣ, рыба же оставаться въ проточной водѣ, и намъ достаточно будетъ закинуть сѣть, чтобы наловить сколько понадобится. Теперь же, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Гюнебургскій часовщикъ и двое его сыновей являются каждый праздникъ удить рыбу и уносятъ по вечерамъ полные сачки форелей, рыбы совсѣмъ не достанешь. Что вы объ этомъ думаете, господинъ Кобусъ, вѣдь вы охотникъ до рѣчной рыбы? Сюзель будетъ носить вамъ ее каждую недѣлю вмѣстѣ съ молокомъ, яйцами и всѣмъ прочимъ.

— Да,—сказалъ изумленный Фрицъ, — это великолѣпная идея. Христель, вы человѣкъ полный здраваго смысла. Я давно уже подумывалъ о такомъ бассейнѣ, такъ какъ очень люблю форель. Да, вы правы. Да, да, это совершенно вѣрно. Мы начнемъ завтра же, понимаете, Христель. Сегодня вечеромъ я найму въ Гюнебургѣ работниковъ съ возами и тачками. Мы пригласимъ и архитектора Ланга, чтобы все было правильно. А покончивъ съ устройствомъ, посѣемъ тамъ форелей, окуней, усачей, какъ сѣютъ капусту, рѣпу и морковь въ огородѣ.

Кобусъ расхохотался, а старый анабаптистъ былъ, повидимому, очень радъ, что онъ одобрилъ его планъ.

Возвращаясь на ферму, Фрицъ говорилъ:

— Я проживу у васъ, Христель, недѣлю, десять дней, двѣ недѣли, чтобы наблюдать за работами. Я хочу видѣть все своими глазами. Стѣнку надо построить крѣпкую, на солидномъ основаніи, и скрѣпить хорошей цемянкой; намъ понадобится также песокъ и гравій для дна бассейна, такъ какъ рѣчная рыба любитъ гравій. Словомъ, мы устроимъ вещь долговѣчную.

Они входили въ эту минуту во дворъ; Сюзель стояла у дверей.

— Твоя мать ожидаетъ насъ?—спросилъ старый анабаптистъ.

— Нѣтъ еще; она накрываетъ на столъ.

— А! Значитъ, мы успѣемъ осмотрѣть хлѣвъ.

Онъ перешелъ черезъ дворъ и открылъ окошечко. Кобусъ увидѣлъ хлѣвъ, выбѣленный известью и вымощенный плитня-

комъ, съ жолобомъ посрединѣ; быки и коровы стояли въ рядъ въ тѣни. Когда всѣ эти животныя повернули голову на свѣтъ, дядя Христель сказалъ:

— Эти два большіе быка, впереди, откармливаются уже три мѣсяца; мясникъ еврей Исаакъ Шмуль зарится на нихъ; онъ былъ уже два или три раза. Остальныхъ шести намъ будетъ достаточно для работъ въ этомъ году. Но посмотрите на этого маленькаго, чернаго, сударь, онъ великолѣпенъ, и жаль, что у насъ нѣтъ для него пары. Я уже всюду разыскивалъ такого же. Коровы тѣ же, что въ прошломъ году; Резель недавно телилась; я предоставлю ей кормить бѣлую телку.

— Хорошо,—сказалъ Кобусъ,—я вижу, что все въ порядкѣ. Теперь идемъ обѣдать, у меня аппетитъ разыгрался.

VI.

Идея рыбнаго садка привела въ восторгъ Фрица. Кончивъ обѣдъ, около часа, онъ немедленно отправился въ Гюнебургъ. А на другой день вернулся съ возомъ заступовъ, кирокъ и тачекъ, нѣсколькими рабочими и архитекторомъ Лангомъ, который долженъ былъ начертить планъ сооруженія.

Тотчасъ спустились къ рѣкѣ, осмотрѣли мѣсто. Лангъ произвелъ измѣренія, обсудилъ дѣло съ дядей Христелемъ, и Кобусъ самъ разставилъ вѣхи. Когда окончательно столковались относительно работы и цѣнъ, рабочіе принялись за дѣло.

Лангъ занятъ былъ въ этомъ году постройкой каменнаго моста черезъ Лаутеръ между Гюнебургомъ и Биверкирхомъ; онъ не могъ наблюдать за работами; но Фрицъ, водворившійся у анабаптиста въ комнатѣ второго этажа, взялъ эту задачу на себя.

Оба его окна выходили на крышу амбара; ему не нужно было даже вставать, чтобъ видѣть, какъ идетъ дѣло; съ своей постели онъ видѣлъ рѣку, фруктовый садъ по ту сторону и склонъ надъ нимъ. Комната точно нарочно была устроена для него.

На разсвѣтѣ, когда пѣтухъ оглашалъ своимъ крикомъ еще совсѣмъ сѣрую долину, а эхо Бихельберга отвѣчало ему издали среди глубокой тишины, когда Мопсель, тявкнувъ два-три раза,

поворачивался въ своей конурѣ; когда черный дроздъ издавалъ свою первую ноту въ звучныхъ лѣсахъ; а затѣмъ все снова умолкало на нѣсколько секундъ, и вдругъ листья начинали шелестѣть, Богъ знаетъ почему, точно тоже хотѣли привѣтствовать Подателя жизни и свѣта, и край неба начиналъ бѣлѣть,— въ это время Кобусъ просыпался; онъ слышалъ все это, еще не открывъ глаза.

Кругомъ было еще темно, но внизу по аллеѣ шелъ тяжелымъ шагомъ работникъ; онъ входилъ въ ригу и открывалъ окно сѣновала, чтобъ задать корма животныхъ. Цѣпи гремѣли, быки тихонько мычали, точно во снѣ, деревянные башмаки постукивали по плитамъ.

Вскорѣ затѣмъ тетка Оршель спускалась въ кухню; Фрицъ, прислушиваясь, какъ эта добрая женщина зажигаетъ огонь и передвигаетъ кастрюли, отодвигалъ занавѣски и видѣлъ маленькія, сѣрыя окна, выдѣлявшіяся на блѣдномъ горизонтѣ.

Иногда легкое, какъ пухъ, розовое облачко показывало, что солнце появится между двумя склонами минутъ черезъ десять, черезъ четверть часа.

Но ферма уже наполнилась шумомъ: во дворѣ пѣтухъ, куры, собака, все это суетилось, орало, кудахтало, лаяло. На кухнѣ гремѣли кастрюли, трещали дрова, отворялись и затворялись двери. Подъ навѣсомъ кто-то ходилъ съ фонаремъ. Издали доносился топотъ рабочихъ, шедшихъ изъ Бихельберга.

Потомъ вдругъ все побѣлѣло: это было оно... солнце, появившееся наконецъ. Оно показалось надъ горизонтомъ, красное, блиставшее какъ золото. Фрицъ смотрѣлъ, какъ оно поднималось между двумя холмами, и думалъ: «Богъ великъ!»

А взглянувъ на работниковъ, рывшихъ землю, катившихъ тачки, говорилъ: «Все исправно».

Онъ слышалъ, какъ маленькая Сюзель выбѣгала и сбѣгала по лѣстницѣ, ставила у дверей его вычищенные башмаки, стараясь ступать тихо, чтобы не разбудить его. Онъ улыбался, въ особенности, когда слышалъ, какъ Мопсель принимался лаять на дворѣ, а дѣвушка кричала на него задушеннымъ голосомъ:

— Перестань! Перестань! Ахъ, негодяй, онъ разбудитъ господина Кобуса.

— Удивительно,—думалъ онъ,—какъ внимательна ко мнѣ эта крошка: она угадываетъ все, что можетъ доставить мнѣ удо-

вольствіе; стоило мнѣ пожелать «дамфнуделей», они явились; захотѣлось яицъ въ смятку, она стала подавать ихъ, хотя я не сказалъ ни слова; когда надоѣли яйца, она сдѣлала мнѣ котлеты съ зеленью. Это ребенокъ, полный здраваго смысла; она просто удивляетъ меня!

Думая объ этомъ, онъ одѣлся и сошелъ внизъ; работники кончили завтракъ; они запрягали плуги и отправлялись въ поле.

На концѣ стола была разостлана маленькая, бѣлая скатерть, стояли приборъ, бутылка вина и большой графинъ съ свѣжей водой, покрытый сверкающими капельками. Въ открытыя окна, выходившія на долину, проникалъ пряный ароматъ лѣсовъ.

Въ эту минуту старикъ Христель появлялся уже откуда-нибудь съ берега, въ блузѣ, вымоченной росою, съ комьями земли на башмакахъ.

— Какъ поживаете, господинъ Кобусъ?—спрашивалъ онъ.

— Отлично, дядя Христель; мнѣ здѣсь все больше и больше нравится, катаюсь какъ сыръ въ маслѣ, Сюзель предупреждаетъ всѣ мои желанія.

Если Сюзель находилась здѣсь, она краснѣла и убѣгала, а старый анабаптистъ говорилъ:

— Вы черезчуръ хвалите дѣвочку, господинъ Кобусъ; она, пожалуй, загордится.

— Ба! Ба! Надо же поощрять ее; она отличная хозяйка; она будетъ утѣшеніемъ вашей старости, дядя Христель.

— Дай то Богъ, господинъ Кобусъ, дай то Богъ, для ея и для нашего счастья!

Затѣмъ они завтракали вмѣстѣ, а потомъ отправлялись посмотрѣть работы, которыя подвигались впередъ вполнѣ успѣшно. Послѣ этого фермеръ шелъ въ поля, а Фрицъ возвращался въ свою комнату выкурить трубочку у окна, глядя, какъ идутъ работы, какъ гоняютъ животныхъ на водопой, перекапываютъ огородъ, какъ тетка Оршель садитъ фасоль, а Сюзель съ чистой еловой шайкой отправляется въ хлѣвъ доить коровъ, что она дѣлала въ семь часовъ утра и въ шесть часовъ вечера передъ ужиномъ.

Часто онъ сходилъ внизъ, чтобы полюбоваться этимъ зрѣлищемъ, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ получилъ пристрастіе къ скоту, и для него было истиннымъ удовольствіемъ смотрѣть на этихъ славныхъ коровъ, тихихъ и спокойныхъ, кото-

рыя при входѣ Сюзель поворачивали свои розовыя или синеватыя морды и разомъ начинали мычать, какъ будто привѣтствовали ее.

— Полно, Чернушка, полно, Горни... подвиньтесь... дайте мнѣ пройти! — кричала имъ Сюзель, отталкивая ихъ своей пухлой ручкой.

Они такъ любили ее, что не сводили съ нея глазъ, и когда она усаживалась на табуреткѣ и принималась доить, большая Бѣлянка и маленькая Розель то и дѣло поворачивались къ ней, стараясь лизнуть ее языкомъ, что крайне сердило ее.

— Они никогда не дадутъ мнѣ кончить!—восклицала она.

А Фрицъ, глядя въ окошечко, отъ души смѣялся.

Иногда послѣ полудня онъ снималъ бредень и спускался въ лодкѣ по рѣкѣ до сѣрыхъ скалъ березовой рощи. Онъ закидывалъ бредень; но рѣдко ему удавалось поймать что-нибудь и, гребя противъ теченія, на обратномъ пути къ фермѣ онъ думалъ:

- Хорошая это мысль—выкопать бассейнъ для рыбы; за одинъ разъ я наловлю больше, чѣмъ въ рѣкѣ за двѣ недѣли.

Такъ проходило время на фермѣ, и Кобусъ удивлялся, что такъ мало жалѣетъ о своемъ погребѣ, кухнѣ, старухѣ Катель и пивѣ «Большого Оленя», къ которому привыкъ за пятнадцать лѣтъ.

— Я совсѣмъересталъ думать обо всемъ этомъ,—говорилъ онъ самому себѣ иногда по вечерамъ,—точно ничего этого вовсе не существовало. Правда, мнѣ было бы пріятно повидать стараго реббе Давида, долговязаго Фридриха Шульца, сборщика Гаана; я бы сыгралъ съ ними партію въ «юкеръ», но отлично обхожусь и безъ этого; даже, мнѣ кажется, чувствую себя здоровѣе: ноги не такъ затекаютъ, аппетитъ лучше; это отъ чистаго воздуха. Когда я вернусь въ городъ, у меня будетъ физіономія каноника: свѣжая, розовая, пухлая; глаза заплывутъ жиромъ, ха, ха, ха!

Однажды, когда Сюзель купила въ городѣ жирную телячью грудинку, начинила ее мелкимъ рубленнымъ лукомъ и яичными желтками, и прибавила къ этому блюду оладьи особаго рода, посыпанныя корицей и сахаромъ, Фрицъ, нашедшій все это необыкновенно вкуснымъ, узнавъ, что Сюзель приготовила эти

яства одна, не могъ не сказать старому анабаптисту послѣ обѣда:

— Послушайте, Христель, у вашей дочки сообразительность и смышленность изъ ряда вонъ. Гдѣ могла Сюзель научиться этимъ вещамъ? Это должно быть природное.

— Да, господинъ Кобусъ,—сказалъ старикъ фермеръ,—это природное; одни родятся съ извѣстными способностями, другія безъ нихъ, къ своему несчастію. Вотъ, напримѣръ, моя собака Мопсель, очень хорошій сторожъ; но если бы кто-нибудь вздумалъ пользоваться ей, какъ охотничьей собакой, она оказалась бы никуда негодной. Наша дѣвочка, господинъ Кобусъ, родилась, чтобъ быть хозяйкой; она умѣетъ ростить коноплю, прясть, мыть, бить масло, дѣлать сыръ и стряпать не хуже моей жены. Никогда не приходится ей говорить: «Сюзель, за это нужно приниматься такъ-то». Это и есть настоящая хозяйка; то есть, будетъ ею черезъ два-три года; пока она еще недостаточно сильна для тяжелыхъ работъ; но она будетъ настоящей хозяйкой; она получила этотъ даръ отъ Господа и дѣлаетъ эти вещи съ удовольствіемъ. «Когда приходится понуждать свою собаку къ охотѣ,—говаривалъ старый полѣсовщикъ Фрелингъ,—то дѣло плохо; настоящая охотничья собака одна идетъ на охоту; ей не нужно говорить: это воробей, а это перепелка или куропатка; она не сдѣлаетъ стойку надъ кочкой, какъ надъ зайцемъ». Мопсель, тотъ ничего бы этого не разбиралъ. Но что касается Сюзель, то, смѣю сказать, она родилась для домашняго хозяйства.

— Положительно, — согласился Фрицъ. — Но, видите ли, даръ стряпни есть истинное благословеніе. Ростить коноплю, прясть, стряпать, для всего этого потребуются только руки, ноги да добрая воля; но отличить одинъ соусъ отъ другого и умѣть ихъ приготовить, какъ слѣдуетъ,—это уже нѣчто рѣдкое. Оттого я ставлю эти оладьи выше всего остального; и утверждаю, что для того, чтобы состряпать ихъ такъ искусно, требуется въ тысячу разъ больше таланта, чѣмъ для того, чтобы соткать и выбѣлить пятьдесятъ аршинъ полотна.

— Возможно, господинъ Кобусъ; въ этихъ вещахъ вы сильнѣе меня.

— Да, Христель, и я такъ доволенъ этими оладьями, что желалъ бы знать, какъ онѣ дѣлаются.

— Что жъ! Для этого стоитъ только позвать ее, и она намъ объяснитъ. Сюзель! Сюзель!

Сюзель въ это время била масло на кухнѣ, въ передникѣ съ нагрудникомъ, подвязанномъ вокругъ таліи, застегнутомъ на шеѣ и достигавшемъ отъ нижняго края синей шерстяной юбки до ея хорошенькаго маленькаго подбородка. Сотни бѣлыхъ пятнышекъ покрывали пухлыя руки и щеки; онѣ виднѣлись даже на ея волосахъ, съ такимъ усердіемъ она работала. Въ такомъ видѣ она вошла, спрашивая:

— Что такое, отецъ?

А глядя на нее, свѣжую и улыбающуюся, съ большими, наивными, голубыми глазами, съ маленькимъ полуоткрытымъ ротикомъ, въ которомъ виднѣлись прекрасные бѣлые зубы, Фрицъ невольно подумалъ, что она аппетитна, какъ тарелка земляники со сливками.

— Что такое, отецъ?—сказала она веселымъ голосомъ.— Вы меня звали?

— Да, господину Кобусу такъ понравились оладьи, что онъ желалъ бы знать, какъ они дѣлаются.

Сюзель покраснѣла отъ удовольствія.

— О, господинъ Кобусъ смѣется надо мной.

— Нѣтъ, Сюзель, оладьи восхитительны; разскажи, какъ ты ихъ дѣлала.

— О, господинъ Кобусъ, это нетрудно; я взяла... но не хотите ли, я напишу это, иначе вы забудете.

— Какъ! Она умѣетъ писать, дядя Христель?

— Она ведетъ всѣ счеты фермы уже два года,—сказалъ старый анабаптистъ.

— Чортъ побери... каково!.. Но она настоящая хозяйка... Я не рѣшусь больше говорить ей ты... Ну, хорошо, Сюзель, рѣшено, напиши мнѣ рецептъ.

Сюзель, счастливая какъ царевна, вернулась на кухню, а Кобусъ закурилъ трубку въ ожиданіи кофе.

Работы по устройству бассейна кончились на другой день къ пяти часамъ. Онъ имѣлъ тридцать метровъ въ длину и двадцать въ ширину и былъ окруженъ крѣпкой стѣною, но прежде чѣмъ поставить рѣшетки, заказанныя въ Клингенталѣ, слѣдовало дождаться, пока стѣнка просохнетъ.

Работники отправились во-свояси съ кирками и заступами

на плечахъ; а Фрицъ объявилъ въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, что онъ возвращается завтра въ Гюнебургъ. Это рѣшеніе огорчило всѣхъ.

— Вы уходите въ самое лучшее время года,—сказалъ анабаптистъ.—Еще два-три дня, и распустится сирень и бузина, зацвѣтетъ дрокъ на склонѣ, фіалки засинѣютъ подъ каждымъ кустикомъ.

— А Сюзель собиралась угостить васъ на дняхъ молодымъ редисомъ,—подтвердила тетка Оршель.

— Что же дѣлать,—отвѣчалъ Фрицъ,—мнѣ бы и самому хотѣлось остаться, да нужно получать деньги, выдавать квитанціи; возможно, что меня ждутъ письма. Притомъ черезъ двѣ недѣли я вернусь ставить рѣшетки, и тогда увижу все, о чемъ вы говорите.

— Ну, если это необходимо,—замѣтилъ фермеръ,—дѣлать нечего; но все-таки досадно.

— Конечно, Христель, я самъ жалѣю.

Сюзель ничего не сказала, но казалась очень грустной и въ этотъ вечеръ Кобусъ, присѣвшій подъ окномъ выкурить трубочку, не слышалъ ея пріятнаго голоска; противъ обыкновенія она не распѣвала, моя посуду. Небо, направо, въ сторонѣ Гюнебурга, пылало какъ костеръ, тогда какъ противоположные склоны, на другой сторонѣ горизонта, переливались всѣми оттѣнками отъ голубого до темно-фіолетоваго.

Рѣка въ глубинѣ долины искрилась золотой пылью; ивы съ ихъ длинными висячими листьями, камыши съ острыми стрѣлками, осины, трепетавшія на вѣтру, выдѣлялись большими черными вырѣзками на этомъ свѣтящемся фонѣ. Какая-то водяная птица, безъ сомнѣнія, зимородокъ, нарушала тишину своимъ страннымъ крикомъ. Потомъ все стихло, и Фрицъ улегся.

На другой день, въ восемь часовъ, онъ позавтракалъ и, стоя съ тростью въ рукѣ передъ фермой, прощался со старикомъ анабаптистомъ и теткой Оршель, собираясь уйти.

— Да куда же запропастилась Сюзель, — воскликнулъ онъ,—я еще не видалъ ее сегодня?

— Она, должно быть, въ хлѣву, или на дворѣ,—сказала фермерша.

— Найдите же ее, я не могу уйти изъ Мейзенталя, не простившись съ нею.

Оршель ушла въ домъ и спустя нѣсколько мгновеній появилась Сюзель, вся красная.

— А, Сюзель, иди же сюда,—крикнулъ ей Кобусъ,—я долженъ поблагодарить тебя; я очень доволенъ тобою, ты хорошо принимала меня. Чтобъ доказать мое удовольствіе, вотъ тебѣ гульденъ, можешь дѣлать съ нимъ, что хочешь.

Но Сюзель, вмѣсто того, чтобы обрадоваться подарку, казалась совершенно сконфуженной.

— Благодарствуйте, господинъ Кобусъ,—сказала она.

Фрицъ настаивалъ, говоря:

— Возьми же, Сюзель, ты заслужила его.

Она отвернула голову и залилась слезами.

— Что это значитъ?—сказалъ дядя Христель.—О чемъ ты плачешь?

— Не знаю, папа,—отвѣчала она, рыдая.

Кобусъ, съ своей стороны, подумалъ:

— Малютка горда, она думаетъ, что я отношусь къ ней, какъ къ служанкѣ, и обижается.

Потому, положивъ гульденъ въ карманъ, онъ сказалъ:

— Послушай, Сюзель, я самъ куплю тебѣ что-нибудь, это будетъ лучше. Но ты должна пожать мнѣ руку; иначе я буду думать, что ты сердишься на меня.

Тогда Сюзель, спрятавъ свое хорошенькое личико въ передникъ, и наклонивъ голову на плечо, протянула ему руку, и когда онъ пожалъ ее, убѣжала въ аллею.

— У дѣтей бываютъ странныя идеи, — сказалъ анабаптистъ.—Она думала, что вы хотите заплатить ей за то, что она дѣлала для васъ отъ души.

— Да,—сказалъ Кобусъ,—мнѣ жаль, что я огорчилъ ее.

— Э!—воскликнула тетка Оршель.—Она черезчуръ горда! Эта дѣвочка доставитъ намъ много огорченій.

— Полно, успокойтесь, тетка Оршель, — сказалъ Фрицъ, смѣясь,—лучше небольшой избытокъ гордости, чѣмъ недостатокъ ея, особливо для дѣвушекъ. А теперь, до свиданія!

Онъ пустился въ путь съ Христелемъ, который проводилъ его до склона; подлѣ скалъ они простились, и Кобусъ пошелъ въ Гюнсбургъ.

VII.

Какъ ни пріятна была для Фрица жизнь на фермѣ, онъ не безъ удовольствія увидѣлъ съ холма Гюнебургъ. Мокрая, въ день его ухода долина, была теперь совсѣмъ суха. Большой лугъ Финкмата простирался огромнымъ зеленымъ ковромъ, откосы до ручья Аблеттъ, а вверху большіе огороды кавалерійскаго полка, садики ветерановъ, окруженные живыми изгородями, и старыя мшистыя укрѣпленія, производили эффектное впечатлѣніе.

Онъ видѣлъ также за шаровидными акаціями маленькой площади, подлѣ ратуши, фасадъ своего дома и, несмотря на разстояніе, замѣтилъ, что окна открыты для освѣженія воздуха.

На ходу онъ представлялъ себѣ пивную «Большого Оленя», съ ея дворомъ, обсаженнымъ платанами, столиками внизу, посѣтителями, пѣнящимися кружками. Онъ видѣлъ себя въ своей комнатѣ, въ домашнемъ костюмѣ, въ туфляхъ, и весело говорилъ себѣ:

— Все-таки всего лучше у себя дома, въ старомъ платьѣ, и при старыхъ привычкахъ. Я съ удовольствіемъ провелъ двѣ недѣли въ Мейзенталѣ, но если бы пришлось остаться дольше, я бы соскучился. Мы возобновимъ наши старые споры съ Давидомъ Зихелемъ, партіи въ «юкеръ» съ Фридрихомъ Шульцемъ, сборщикомъ Гааномъ, Шпекомъ и другими. Все-таки я всего лучше себя чувствую, когда сижу за своимъ столомъ, обѣдаю или провѣряю счеты, и все идетъ своимъ чередомъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ я могу быть доволенъ, но нигдѣ не чувствую себя такъ спокойно, такъ уютно, какъ въ моемъ миломъ, старомъ Гюнебургѣ.

Черезъ полчаса, предаваясь такимъ мечтамъ, онъ оставилъ тропинку Финкмата и шелъ за огородами Постталя, у входа въ городъ.

— Что-то скажетъ мнѣ старая Катель!—думалъ онъ.—Небось, выложитъ весь свой запасъ: будетъ упрекать меня за такое долгое отсутствіе.

Пройдя въ ворота Гильдебрандта, онъ улыбался, погляды-

вая мимоходомъ въ открытыя окна и двери извилистой улицы и узнавая жестяника Шварца, съ очками на вздернутомъ носу и вытаращенными глазами, рѣзавшаго жесть; токаря Спорта, за работой; ткача Коффеля, маленькаго, желтаго, передъ неумолчно жужжавшимъ станкомъ; кузнеца Никеля, подковывавшаго лошадь жандарма Гіертеса у воротъ кузницы; и бондаря Швейера, набивавшаго обручи на бочки, подъ гудѣвшимъ сводомъ.

Весь этотъ шумъ, движеніе, свѣтъ на крышахъ, тѣнь на улицѣ, прохожіе, кланявшіеся ему съ особеннымъ выраженіемъ, какъ будто говоря: «вотъ и г. Кобусъ вернулся; надо разсказать объ этомъ женѣ», дѣти, хоромъ выкрикивавшіе въ школѣ: «Б—А Ба, Б—Е Бе», кумушки, сидѣвшія по пяти-шести у дверей, съ вязаньемъ или за чисткой картофеля, трещавшія какъ сороки, и кричавшія ему: «А, это вы, г. Кобусъ, давненько васъ не видно!», все это радовало его и приводило въ привычное благодушное настроеніе духа.

— Я переодѣнусь дома,—думалъ онъ,—а затѣмъ пойду выпить кружечку къ «Большому Оленю».

Въ этихъ пріятныхъ мысляхъ онъ свернулъ за уголъ мэріи и перешелъ черезъ площадь Акацій, гдѣ важно прогуливались отставные капитаны, грѣя на солнышкѣ свой ревматизмъ, и семь или восемь гусарскихъ офицеровъ, закоченѣлыхъ въ своихъ мундирахъ, точно деревянные солдатики.

Но не успѣлъ онъ подняться на крыльцо своего дома, какъ старуха Катель уже закричала изъ передней:

— Это г. Кобусъ!

— Да... да... это я,—отвѣтилъ онъ, отхватывая по четыре ступеньки заразъ.

— Ахъ, господинъ Кобусъ,—воскликнула старуха, складывая руки,—сколько безпокойства вы мнѣ доставили!

— Какъ такъ, Катель, вѣдь я же предупредилъ тебя, когда нанималъ работниковъ, что буду въ отсутствіи нѣсколько дней.

— Да, сударь, но это все равно... оставаться дома одной... стряпать только на одного человѣка.

— Безъ сомнѣнія... безъ сомнѣнія... понимаю... я нарушилъ порядокъ; но разъ въ пятнадцать лѣтъ, это не слишкомъ часто. Но вотъ я и вернулся... будешь опять стряпать для насъ обо-

ихъ. А теперь, Катель, оставь меня,—я вспотѣлъ и хочу переодѣться.

— Да, сударь, поторопитесь, а то не долго и простудиться.

Фрицъ вошелъ въ свою комнату, и, затворивъ за собою дверь, воскликнулъ:

— Вотъ мы и дома!

Онъ былъ уже не тотъ, что прежде. Задергивая занавѣси, умываясь, перемѣняя бѣлье и платье, онъ подсмѣивался и говорилъ самому себѣ:

— Хе! хе! хе! Я верну себѣ свое прежнее настроеніе, я буду опять смѣяться! Эти быки, коровы, куры вогнали меня въ меланхолію.

Долговязый Шульцъ, сборщикъ Гаанъ, старый реббе Давидъ, пивная «Большого Оленя», дворъ старинной синагоги, рынокъ, базаръ, весь городъ проходили передъ его глазами, какъ фигуры волшебнаго фонаря.

Наконецъ, спустя двадцать минутъ, онъ вышелъ изъ комнаты, свѣжій, веселый, лучезарный въ большой фетровой шляпѣ на бекрень, и сказалъ на ходу Катель:

— Я хочу пройтись по городу.

— Да, сударь... но вы вернетесь?

— Будь покойна, будь покойна; въ полдень я буду за столомъ.

Онъ вышелъ на улицу, спрашивая себя:

— Куда же мнѣ пойти? Въ пивную? Тамъ никого нѣтъ до полудня. Зайду-ка я къ Давиду, да, зайду къ старому реббе. Забавно, лишь вспомню о немъ, меня разбираетъ смѣхъ. Надо будетъ подразнить его; скажу ему что-нибудь такое, что его разсердитъ; это меня встряхнетъ и прибавитъ мнѣ аппетита.

Съ этой пріятной перспективой онъ спустился по улицѣ Капуциновъ до двора синагоги, куда входили въ старинныя ворота. Пройдя дворъ и спустившись по маленькой лѣстницѣ попадали на Еврейскую улицу. Она была ровесницей Гюнебурга, темная, сѣрая, съ ветхими высокими постройками съ заржавленными желобами; всюду, до слуховыхъ оконъ, было развѣшано тряпье еврейской бѣдноты, дырявые чулки, старыя засаленныя юбки, заплатанныя панталоны, рваное бѣлье. Во всѣхъ окнахъ и отдушинахъ виднѣлись трясущіяся головы, беззубые рты, крючковатые носы и подбородки; иной подумалъ бы, что эти люди

явились изъ Ниневіи и Вавилона или бѣжали изъ плѣна Египетскаго: такими старыми онѣ казались.

Помои изъ домовъ струились вдоль стѣнъ, и сказать правду, не очень-то пріятно здѣсь пахло.

У воротъ двора сидѣлъ, поджавъ ноги, нищій христіанинъ, съ давно небритой сѣдой щетиной и усами въ формѣ пистолетныхъ прикладовъ; это былъ старый солдатъ имперіи: его называли: «der Frantzose» *).

Старый Давидъ жилъ въ глубинѣ двора со своей женой, старухой Сурле, круглой и жирной, но подернутой нездоровой желтизной,—сѣть морщинъ окружала ея щеки, вздернутый носъ, темнокаріе глаза и ротъ, казавшійся дырою въ центрѣ лучеобразныхъ морщинъ.

Она носила повязку на лбу, по закону Моисееву, чтобы скрыть свои волосы и не соблазнять постороннихъ. Впрочемъ, сердце у нея было доброе, и старый Давидъ охотно называлъ ее совершеннымъ образцомъ ея пола.

Фрицъ положилъ «грошъ» въ чашку «француза»; закурилъ трубку и сталъ пускать густые клубы дыма, чтобъ легче пройти клоаку. Передъ небольшой лѣстницей, каждая ступенька которой была вдавлена точно желобъ, нагнулся къ маленькому круглому окну у самой земли и увидѣлъ раввина въ большой закопченной комнатѣ передъ столомъ изъ стараго дуба, онъ сидѣлъ, облокотившись на столъ и зажавъ между руками морщинистый лобъ, надъ большой книгой съ краснымъ обрѣзомъ.

Фигура стараго Давида, въ этой задумчивой позѣ, при этомъ тускломъ освѣщеніи, не лишена была рѣзкой характерности: черты его носили печать мечтательности и созерцательности дромадера, присущую, впрочемъ, всѣмъ восточнымъ расамъ.

— Онъ читаетъ Талмудъ,—подумалъ Фрицъ.

Затѣмъ, спустившись на двѣ ступеньки, отворилъ дверь и крикнулъ:

— Ты, я вижу, всегда погруженъ въ законъ и пророковъ, старый «поше-изроэль»?

— А, это ты, «шауде»!—воскликнулъ старый раввинъ, на лицѣ котораго тотчасъ явилось выраженіе тайной радости, и въ тоже время тонкой ироніи, впрочемъ, полной благодушія,—

---

*) Французъ.

ты, значитъ не могъ дольше обойтись безъ меня; ты соскучился и радъ меня видѣть?

— Да, я всякій разъ вижу тебя съ новымъ удовольствіемъ,— сказалъ Кобусъ смѣясь,—для меня большое удовольствіе видѣть истинно вѣрующаго, потомка праведнаго Іакова, который обобралъ родного брата...

— Стой!—воскликнулъ реббе,—стой! Оставь свои шуточки. Ты «эпикауресъ», ни во что не вѣрующій. Мнѣ легче выдержать формальный споръ съ двумя стами священниками, пятьюдесятью епископами, и самимъ папой, чѣмъ съ тобою. Они по крайней мѣрѣ вынуждены принимать тексты, признавать, что Авраамъ, Іаковъ, Давидъ и всѣ пророки были почтенные люди; но ты, проклятый «шауде», ты отрицаешь все, отвергаешь все, объявляешь, что наши патріархи были плуты; ты хуже чумы, съ тобой нельзя спорить! А потому, Кобусъ, прошу тебя, оставимъ это. Очень дурно съ твоей стороны нападать на меня по поводу такихъ вещей, которыя мнѣ совѣстно защищать; пришли ко мнѣ лучше священника.

Фрицъ расхохотался, и воскликнулъ, усаживаясь:

— Реббе! Я люблю тебя! Ты лучшій и забавнѣйшій изъ людей.—Если тебѣ совѣстно защищать Авраама, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Онъ не нуждается въ защитѣ,—воскликнулъ Давидъ,— онъ самъ себя защититъ!

— Да, трудно было бы причинить ему зло теперь,—сказалъ Фрицъ—ну, да оставимъ это. Угости-ка меня киршвассеромъ, Давидъ; я знаю, у тебя есть очень хорошій.

Это приглашеніе окончательно развеселило старика раввина, который дѣйствительно не любилъ спорить съ Кобусомъ о религіозныхъ вещахъ. Онъ всталъ, улыбаясь, отворилъ дверь въ кухню, и сказалъ старухѣ Зурле, мѣсившей тѣсто для «шаледа» *):

— Зурле, дай-ка мнѣ ключи отъ шкафа; мой другъ Кобусъ хочетъ выпить рюмочку киршвассера.

— Здравствуйте, господинъ Кобусъ!—воскликнула добрая старуха.—Не могу къ вамъ выйти, у меня руки по локоть въ тѣстѣ.

Фрицъ всталъ, заглянулъ въ темную кухню, освѣщенную

*) Еврейскій пирогъ.

окошечкомъ въ свинцовомъ переплетѣ, и смотрѣлъ на старуху, пока Давидъ вытаскивалъ у нея изъ кармана ключи.

— Не безпокойтесь, Зурле,—сказалъ онъ.—Не безпокойтесь.

Давидъ вернулся въ комнату, заперъ кухню и отворилъ дверцу стѣнного шкафчика, гдѣ оказался киршвассеръ и три рюмки; онъ поставилъ ихъ на столъ, радуясь, что можетъ угостить Кобуса. Послѣдній, замѣтивъ эту радость, объявилъ, что киршъ хоть куда.

— У тебя лучше,—замѣтилъ старикъ реббе, прихлебывая.

— Нѣтъ, нѣтъ, Давидъ, такъ же хорошъ, быть можетъ, но не лучше.

— Еще рюмочку?

— Спасибо, не слѣдуетъ злоупотреблять хорошими вещами, какъ говорилъ мой отецъ; я еще не разъ буду у тебя.

Тутъ они совсѣмъ помирились.

Старый реббе заговорилъ, лукаво прищуривъ глаза:

— А что ты дѣлалъ на фермѣ, «шауде»? Говорятъ, истратилъ кучу денегъ на устройство бассейна для рыбы? Правда это?

— Правда.

— Ага!—воскликнулъ ребе.—Это меня не удивляетъ; когда дѣло идетъ о ѣдѣ, ты не жалѣешь издержекъ.

И, покачавъ головой, онъ прибавилъ въ носъ:

— Ты всегда будешь вѣренъ себѣ.

Фрицъ улыбался.

— Послушай, Давидъ, мѣсяцевъ черезъ шесть-семь, когда рыба станетъ рѣдкой, и твой носъ на рынкѣ будетъ вытягиваться въ аршинъ, не находя ничего добраго... потому что, старина, ты вѣдь тоже охотникъ до лакомаго кусочка, сколько ни качай головой, ты изъ породы кошекъ и любишь рыбку...

— Кобусъ, Кобусъ!—воскликнулъ Давидъ.—Теперь ты готовъ представить меня такимъ же «эпикауресъ», какъ ты самъ? Безъ сомнѣнія, я предпочту хорошую щуку коровьему хвосту; это само собою разумѣется; иначе я не былъ бы человѣкомъ; но я не думаю объ этомъ, этими вещами занимается Зурле.

— Та, та, та!—произнесъ Кобусъ.—Когда, черезъ шесть мѣсяцевъ, я пришлю тебѣ форелей съ бутылочкой «форстгей-

мера къ празднику «Зимресъ-Тора *), мы увидимъ, увидимъ, будешь ли ты попрекать меня моимъ бассейномъ.

Давидъ улыбнулся.

— Господь,—сказалъ онъ,—создалъ все ко благу; однимъ онъ дастъ благоразуміе; другимъ умѣренность. Ты благоразуменъ; я не упрекаю тебя за благоразуміе, это даръ Божій, и когда форели явятся, ихъ примутъ благосклонно.

— Аминь!—воскликнулъ Фрицъ.

Оба расхохотались отъ всей души.

Однако, Кобусу хотѣлось побѣсить стараго реббе. Онъ сказалъ неожиданно:

— А женщины, Давидъ, женщины? Не нашелъ ли ты для меня еще одну? Двадцать четвертую! Ты долженъ торопиться выиграть виноградникъ въ Зоннебергѣ. Я бы не прочь узнать, кто она такая, двадцать четвертая?

Прежде, чѣмъ отвѣтить, Давидъ Зихель принялъ серьезный видъ:

— Кобусъ,—сказалъ онъ, — я припоминаю одну старую исторію, изъ которой каждый можетъ извлечь пользу. Прежде, чѣмъ стать ослами, — говоритъ эта исторія, — ослы были лошадьми; у нихъ были маленькія головы, короткія уши и волосяные хвосты, а не пучки волосъ на концѣ хвоста. Случилось какъ-то, что одинъ изъ этихъ коней, родоначальникъ всѣхъ ословъ, пасся по брюхо въ травѣ и сказалъ самъ себѣ: «Эта трава черезчуръ груба для меня; мнѣ требуется тонкая овощь, такая нѣжная, какой еще не приходилось пробовать ни одной лошади». Вотъ онъ бросилъ пастбище и отправился на поиски тонкой овощи. Нашелъ неподалеку траву болѣе жесткую, чѣмъ та, которую оставилъ; и вознегодовалъ. Потомъ встрѣтилъ лужу на краю болота и перешелъ черезъ нее. Обошелъ болото и попалъ въ сухую мѣстность, все въ поискахъ тонкой овощи, однако, не нашелъ даже мха. Проголодался, началъ осматриваться, замѣтилъ въ рытвинѣ чертополохъ... и съѣлъ его съ аппетитомъ. Тутъ у него выросли длинныя уши, на концѣ хвоста появился пучокъ волосъ, онъ хотѣлъ заржать, но могъ только кричать: это былъ первый оселъ.

---

*) Празадникъ радости въ память объявленія Закона еврейскому народу.

Фрицъ вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, смутился, самъ не зная почему.

— А если бы онъ не ѣлъ чертополоха?—спросилъ онъ.

— Онъ былъ бы меньше, чѣмъ живымъ осломъ, онъ былъ бы мертвымъ осломъ.

— Все это ничего не значитъ, Давидъ.

— Нѣтъ; но лучше жениться молодымъ, чѣмъ взять въ жены служанку, какъ дѣлаютъ всѣ старые холостяки. Повѣрь мнѣ...

— Поди ты къ чорту!—воскликнулъ Кобусъ, вставая. — Двѣнадцать часовъ, мнѣ нѣкогда отвѣчать тебѣ.

Давидъ проводилъ его до дверей, подсмѣиваясь про себя; и на прощанье, сказалъ съ тонкимъ видомъ:

— Послушай, Кобусъ, ты не хотѣлъ женщинъ, которыхъ я предлагалъ тебѣ, и, можетъ быть, не былъ неправъ. Но скоро ты будешь искать жену самъ.

— «Поше-изроэль»,—отвѣтилъ Кобусъ,—«поше-изроэль»!

Онъ пожалъ плечами, сдѣлалъ жестъ состраданія ,и ушелъ.

— Давидъ,—крикнула Зурле изъ кухни,—обѣдъ готовъ, накрывай на столъ.

Но старый реббе, иронически прищуривъ свои хитрые глаза, провожалъ Фрица взглядомъ до калитки; потомъ вернулся, подсмѣиваясь тихонько надъ тѣмъ, что произошло.

VIII.

Послѣ полудня Кобусъ отправился въ пивную «Большого Оленя» и нашелъ тамъ своихъ старыхъ пріятелей, Фридриха Шульца, Гаана и другихъ, собиравшихся сыграть партію въ «юкеръ», какъ они дѣлали это ежедневно, отъ часа до двухъ, съ 1 января до святого Сильвестра.

Разумѣется, всѣ они закричали:—А, Кобусъ!.. Вотъ и Кобусъ!

Каждый спѣшилъ уступить ему мѣсто, а онъ, смѣясь и радуясь, пожималъ руки направо и налѣво. Наконецъ, онъ усѣлся на концѣ стола, противъ оконъ. Лотхенъ, въ бѣломъ передникѣ и красной юбкѣ, поставила передъ нимъ кружку; онъ взялъ ее, важно поднялъ на свѣтъ, чтобъ полюбоваться красивымъ ян-

тарнымъ цвѣтомъ, сдулъ пѣну отъ края, и выпилъ, не торопясь, полузакрывъ глаза. Сказавъ: «пиво хорошо!», онъ нагнулся черезъ плечо долговязаго Фридриха, чтобъ посмотрѣть взятку, которую тотъ только что взялъ.

Такъ просто онъ вернулся къ своимъ привычкамъ.

— Трефы! Бубны! Снимите туза!—кричалъ Шульцъ.

— Я сдаю,—заявилъ Гаанъ, собирая карты.

Стаканы звенѣли, кружки стучали, и Фрицъ столько же думалъ о Мейзенталѣ, какъ о турецкомъ султанѣ; ему казалось, что онъ никогда не покидалъ Гюнебурга.

Въ два часа вошелъ учитель Шпекъ въ большихъ четырехугольныхъ башмакахъ на длинныхъ тощихъ ногахъ и въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ. Онъ торжественно снялъ шляпу и сказалъ:

— Имѣю честь сообщить компаніи, что аисты прилетѣли.

По всей пивной тотчасъ загудѣли голоса: — Аисты прилетѣли! Аисты прилетѣли!

Началась суматоха, каждый бросалъ недопитую кружку, чтобъ посмотрѣть на аистовъ. Не прошло и минуты, какъ болѣе сотни людей столпились, задравъ головы кверху, передъ «Большимъ Оленемъ».

Аистиха, стоявшая на одной ногѣ на самой маковкѣ церкви, сложивъ черныя крылья надъ бѣлымъ хвостомъ и меланхолически опустивъ свой длинный красный клювъ, служила предметомъ восторга для всего города. Самецъ кружился около нея и пробовалъ помѣститься на колесѣ, гдѣ еще торчали остатки соломы стараго гнѣзда.

Реббе Давидъ тоже вышелъ на улицу и, сдвинувъ шапку на затылокъ, смотрѣлъ на аистовъ, восклицая:

— Они были въ Іерусалимѣ!.. Они отдыхали на египетскихъ пирамидахъ!.. Они прилетѣли изъ-за морей!

По всей улицѣ, на рынкѣ, всюду виднѣлись кумушки, почтенные папаши и дѣти, смотрѣвшіе вверхъ, въ какомъ-то экстазѣ. Старушки, отирая глаза, говорили:

— Вотъ и еще разъ довелось ихъ увидѣть.

Кобусъ, глядя на этихъ добрыхъ людей, съ умиленными лицами, въ позахъ, выражавшихъ восхищеніе, думалъ:

— Курьезно... какъ мало нужно, чтобы обрадовать людей.

Растроганное лицо стараго реббе особенно подстрекало его шутливость.

— Какъ ребе,—сказалъ онъ,—тебѣ это очень нравится?

Старикъ опустилъ глаза и, видя, что онъ смѣется, воскликнулъ:

— Неужели у тебя нѣтъ сердца? Ты во всемъ видишь только предметъ для насмѣшки? Ты совсѣмъ безчувственный!

— Не кричи такъ громко, шауде, на насъ всѣ смотрятъ.

— А если я хочу кричать? Если я хочу говорить тебѣ правду! Если я хочу...

Къ счастью, аисты, послѣ минутнаго отдыха, снова пустились въ путь, чтобы сдѣлать кругъ надъ городомъ и вступить во владѣніе Гюнебургскимъ небомъ; и весь городъ огласился восторженными криками.

Обѣ птицы, какъ будто отвѣчая на этотъ привѣтъ, щелкали клювами, паря въ воздухѣ, а толпа ребятишекъ слѣдовала за ними по улицѣ Капуциновъ, восклицая:—Тра-ри-ро, лѣто опять наступило! Іу-іу, лѣто опять наступило.

Кобусъ вернулся въ пивную съ остальными, и до семи часовъ только и рѣчи было, что о возвращеніи аистовъ и о благополучіи, которое они приносятъ тѣмъ городамъ, гдѣ гнѣздуютъ; не говоря уже о массѣ другихъ услугъ, оказываемыхъ спеціально Гюнебургу, каковы истребленіе жабъ, змѣй и ящерицъ, которыми безъ нихъ кишѣли бы старые городскіе рвы, да и берега Лаутера, гдѣ прохода не было бы отъ всякихъ звѣрей, если бы не эти птицы, посланныя небомъ для истребленія полевыхъ гадовъ.

Давидъ Зихель тоже зашелъ, и Фрицъ, желая подшутить надъ нимъ, началъ увѣрять, будто у евреевъ въ обычаѣ убивать аистовъ и ѣсть на Пасху вмѣстѣ съ пасхальнымъ агнцемъ, и будто этотъ обычай послужилъ во время оно причиной казни Египетской, когда въ Египтѣ развелось столько лягушекъ, что онѣ прыгали въ окна и изъ печей, такъ что фараонъ не нашелъ иного средства избавиться отъ этой язвы, какъ выгнать чадъ Авраамовыхъ изъ своей страны.

Это объясненіе такъ взбѣсило стараго реббе, что онъ объявилъ Кобуса достойнымъ висѣлицы.

Такъ Фрицъ отомстилъ за притчу объ ослѣ и чертополохѣ; и слезы струились по его щекамъ отъ хохота. Въ довершеніе его

торжества долговязый Фридрихъ Шульцъ, Гаанъ и профессоръ Шпекъ воскликнули, что необходимо возстановить миръ, что двое такихъ старыхъ друзей, какъ Давидъ и Кобусъ не должны ссориться изъ-за аистовъ.

Они предложили Фрицу взять назадъ свой разсказъ, а Давидъ за это долженъ поцѣловаться съ нимъ. Фрицъ согласился; затѣмъ онъ и Давидъ нѣжно обнялись; и старый реббе со слезами объявилъ, что еслибъ не эта дурная привычка смѣяться надо всѣмъ на свѣтѣ, Кобусъ былъ бы лучшимъ изъ людей.

Можете себѣ представить, какъ развеселила Фрица вся эта исторія. Онъ пересталъ смѣяться только въ полночь, и даже позднѣе время отъ времени просыпался, чтобы еще посмѣяться.

— Пришлось бы далеко идти,—думалъ онъ,—чтобы найти такихъ славныхъ людей, какъ въ Гюнебургѣ. Этотъ бѣдный старый реббе Давидъ,—какъ онъ искрененъ въ своей вѣрѣ! А долговязый Фредерикъ предобродушная дубина! А какъ смѣшно кудахчетъ Гаанъ! Счастье жить въ такомъ мѣстѣ!

На другое утро въ восемь часовъ онъ еще спалъ сномъ праведника, какъ вдругъ его разбудило какое-то странное лязганье. Онъ прислушался и сообразилъ, что это точильщикъ Гигбикъ помѣстился, какъ это обыкновенно бывало по пятницамъ, на углу его дома, чтобы точить ножи и ножницы горожанъ. Это обстоятельство очень раздосадовало его, такъ какъ ему хотѣлось спать.

Болтовня кумушекъ то-и-дѣло прерывала визгъ колеса; потомъ залаялъ пудель, потомъ принялся кричать оселъ, потомъ загорѣлся споръ изъ-за платы за точку; шумъ не прекращался.

— Чортъ бы тебя побралъ!—думалъ Кобусъ. — Какъ это бургомистръ не запретитъ подобныхъ вещей? Послѣдній крестьянинъ можетъ спать спокойно, а добрыхъ гражданъ будятъ въ восемь часовъ изъ-за небрежности властей.

Внезапно Гигбикъ принялся кричать гнусавымъ голосомъ:

— Точить ножи, ножницы!

Тутъ Кобусъ не выдержалъ и въ бѣшенствѣ вскочилъ съ постели.

— Я этого такъ не оставлю,—думалъ онъ,—я подамъ къ мировому! Этотъ Гигбикъ въ концѣ концовъ вообразилъ, что уголъ моего дома его собственность; сорокъ пять лѣтъ онъ на-

доѣдаетъ намъ, моему дѣду, моему отцу и мнѣ; довольно, пора положить этому конецъ.

Такъ думалъ Кобусъ, одѣваясь; привычка спать на фермѣ, не слыша другого шума, кромѣ шелеста листьевъ, избаловали его. Но послѣ завтрака онъ и думать забылъ объ этихъ пустякахъ. Ему пришла въ голову мысль разлить по бутылкамъ двѣ бочки рейнскаго вина, купленныя имъ прошлой осенью. Онъ послалъ Катель за бочаромъ и натянулъ длинный сѣрый шерстяной камзолъ, который надѣвалъ на время возни въ погребѣ.

Дядя Швейеръ явился въ кожаномъ передникѣ, съ колотошукой за поясомъ, буравомъ подъ мышкой и съ сіяющей толстой физіономіей.

— Итакъ, господинъ Кобусъ, — воскликнулъ онъ, — мы начнемъ сегодня?

— Да, дядя Швейеръ пора: «маркобруннеръ» выстаивался пятнадцать мѣсяцевъ, а «штейнбергъ» два года.

— Ладно... а бутылки?

— Вымыты и приготовлены уже двѣ недѣли.

— О, по части ухода за благороднымъ виномъ Кобусы понимаютъ толкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе,—замѣтилъ Швейеръ.—Значитъ, намъ остается только спуститься въ погребъ?

— Да, идемъ.

Фрицъ зажегъ свѣчку на кухнѣ; взялся за одну ручку корзины съ бутылками, Швейеръ за другую, и они сошли въ погребъ. Очутившись внизу, старый бочаръ воскликнулъ:

— Что за погребъ, какъ здѣсь сухо! гм! гм! Какъ свѣтло. Ахъ, господинъ Кобусъ, я сто разъ говорилъ, что у васъ лучшій погребъ въ городѣ.

Затѣмъ, подойдя къ бочкѣ и постучавъ въ нее пальцемъ, онъ прибавилъ:

— Это «маркобруннеръ, не такъ ли?

— Да, а вотъ «штейнбергъ».

— Отлично, мы съ нимъ побесѣдуемъ.

Затѣмъ, нагнувшись и упираясь животомъ въ буравъ, онъ просверлилъ бочку съ «маркобруннеромъ» и быстро вставилъ въ отверстіе кранъ. Послѣ этого Кобусъ передалъ ему бутылку, которую онъ наполнилъ и закупорилъ; Фрицъ залилъ пробку синимъ сургучемъ и приложилъ печать. Операція продолжалась

такимъ же порядкомъ, къ великому удовольствію Кобуса и Швейера.

— Хе! Хе! Хе!—говорили они время отъ времени,—надо стюхнуть.

— Да, выпьемъ по стаканчику,—прибавлялъ Фрицъ.

Они освѣжались стаканчикомъ этого превосходнаго вина и снова принимались за дѣло.

Всѣ прошлые разы Кобусъ, послѣ двухъ или трехъ стакановъ, принимался распѣвать громовымъ голосомъ старинныя молитвы, какія только приходили ему въ голову, вродѣ Miserere, «Гимна Гамбринусу» или пѣсни о «Трехъ о Гусарахъ».

— Здѣсь разонансъ какъ въ соборѣ,—говорилъ онъ, смѣясь.

— Да,—подтвердилъ Швейеръ — вы хорошо поете; жаль, что вы не были членомъ нашего пѣвческаго Іоганнисбергскаго общества; тамъ только васъ бы и слушали.

Затѣмъ онъ принимался разсказывать, какъ въ его время тридцать пять, сорокъ лѣтъ тому назадъ — существовало общество бочаровъ, любителей пѣнія, въ Нассау; какъ въ этомъ обществѣ пѣли только подъ аккомпаниментъ бочекъ, боченковъ и жбановъ; кружки и бокалы играли роль флейты, а фудеры *)—контрабасовъ; что никогда не было слыхано ничего болѣе нѣжнаго и трогательнаго; что дочери хозяевъ бочаровъ раздавали преміи отличившимся, и что онъ, Швейеръ, получилъ двѣ кисти винограда и серебряную чарку за свою музыкальную манеру стучать въ бочку въ пятдесятъ три мѣры.

Онъ говорилъ это, глубоко взволнованный своими воспоминаніями, а Фрицъ съ трудомъ удерживался, чтобъ не расхохотаться.

Онъ разсказывалъ еще много любопытныхъ вещей, и расхваливалъ погребъ великаго герцога нассаусскаго, хранящаго драгоцѣнныя вина, дата которыхъ теряется во мракѣ временъ.

Такъ старикъ Швейеръ развлекался во время работы. Эти веселые разсказы не мѣшали бутылкамъ наполняться, запечатываться и помѣщаться на мѣсто, напротивъ, работа шла съ тѣмъ большимъ рвеніемъ и увлеченіемъ.

Кобусъ обыкновенно поощрялъ Швейера, когда его ожи-

---

*) Фудеръ—большая бочка. *Перев.*

вленіе ослабѣвало, какой нибудь остротой или напоминаніемъ о какихъ-нибудь старыхъ исторіяхъ. Но въ этотъ разъ старому бочару показалось, что онъ занятъ посторонними мыслями.

Два или три раза онъ начиналъ пѣть; но послѣ двухъ-трехъ нотъ умолкалъ и слѣдилъ за кошкой, удиравшей въ отдушину, за ребенкомъ, заглядывавшимъ въ нее, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ погребѣ, или прислушивался къ визгу бруска точильщика, къ лаю его пуделя, и другимъ шумамъ.

Умъ его виталъ гдѣ-то внѣ погреба, и Швейеръ, человѣкъ по натурѣ скромный, не хотѣлъ мѣшать его размышленіямъ.

Такъ дѣло шло три или четыре дня.

Каждый вечеръ Фрицъ по обыкновенію заходилъ къ «Большому Оленю» сыграть нѣсколько партій въ «юкеръ». Здѣсь его пріятели тоже замѣтили въ немъ страшную разсѣянность: онъ забывалъ свою очередь.

— Ну, Фрицъ, что же ты, твоя очередь!—кричалъ ему додолговязый Фридрихъ.

Онъ бросалъ карту наудачу, и, разумѣется, проигрывалъ.

— Мнѣ что-то не везетъ,—говорилъ онъ уходя.

Такъ какъ у Швейера была работа дома, то онъ могъ приходить только на два часа, утромъ или вечеромъ, и работа затягивалась, а затѣмъ оборвалась очень странно.

Просверливъ бочку со «штейнбергомъ», старикъ бочаръ ожидалъ, что Кобусъ, по обыкновенію, наполнитъ стаканчикъ и предложитъ ему. Но Фрицъ, по разсѣянности, забылъ объ этой важной части церемоніала.

Швейеръ обидѣлся.

— Онъ угощаетъ меня тѣмъ, что похуже,—подумалъ онъ,—а вино высокой марки считаетъ черезчуръ тонкимъ для меня.

Эта мысль привела его въ дурное настроеніе духа, когда же, нѣсколько минутъ спустя, Кобусъ нечаянно капнулъ ему на руку горячимъ сургучемъ, онъ взбѣсился.

— Господинъ Кобусъ, — сказалъ онъ, вставая,—вы, кажется, съ ума сошли! Прежде вы пѣли «Miserere», и я ничего не говорилъ, хотя это было оскорбленіемъ нашей святой религіи, а въ особенности для старика моихъ лѣтъ: вы какъ будто укладывали меня въ могилу; и это было отвратительно, такъ какъ я не сдѣлалъ вамъ ничего худого. Къ тому же старость не преступленіе; всякій желаетъ дожить до старости; вы, можетъ быть,

тоже сдѣлаетесь старикомъ, господинъ Кобусъ, и тогда поймете, какъ вы скверно поступали. Теперь вы нарочно капаете мнѣ сургучемъ на руку.

— Какъ, нарочно?—воскликнулъ изумленный Фрицъ.

— Да, нарочно, вы надо всѣмъ насмѣхаетесь!.. Даже въ эту минуту васъ разбираетъ охота смѣяться; но я не намѣренъ быть вашимъ «Гансъ-вурстомъ» *),—понимаете? Въ послѣдній разъ работаю съ такимъ вѣтреникомъ, какъ вы.

Сказавъ это, Швейеръ снялъ свой передникъ, взялъ буравъ и ушелъ.

Истинной причиной его гнѣва было не «Miserere», и не капля сургуча, а забывчивость Кобуса относительно «штейнберга».

Кобусъ, который не былъ лишенъ сообразительности, очень хорошо понялъ истинный мотивъ его гнѣва, но, тѣмъ не менѣе, пожалѣлъ о свой неловкости и забвеніи старыхъ обычаевъ; такъ какъ всѣ бочары міра имѣютъ право на стаканчикъ вина, которое разливаютъ по бутылкамъ, и если хозяинъ присутствуетъ при этомъ, то онъ обязанъ угостить.

— Что за чертовщина съ моей толовой?—думалъ онъ.—Съ нѣкоторыхъ поръ я то и дѣло задумываюсь, зѣваю, скучаю; все у меня есть, а мнѣ чего-то не достаетъ; это удивительно... надо слѣдить за собой.

Однако, такъ какъ Швейера невозможно было вернуть, онъ въ концѣ концовъ разлилъ вино по бутылкамъ самъ, и на этомъ пока дѣло остановилось.

IX.

По утрамъ во вторникъ и въ пятницу Кобусъ обыкновенно покуривалъ трубочку у окна, глядя на Гюнебургскихъ хозяекъ, озабоченно сновавшихъ между длинными рядами корзинъ, плетушекъ, балагановъ, глиняной посуды и тележекъ, выстроившихся на площади Акацій. Это были для него дни своего рода театральныхъ представленій: весь этотъ шумъ, тысячи сценокъ между покупателями и продавцами, спорившими изъ-за цѣнъ, съ крикомъ и гвалтомъ, доставляли ему необычайное удовольствіе.

*) Нѣмецкій Петрушка.

Замѣтивъ издали что-нибудь аппетитное, онъ звалъ Катель и говорилъ ей:

— Видишь тамъ связку дроздовъ и вонъ того жирнаго зайца, на третьей скамьѣ въ послѣднемъ ряду? Сходи-ка посмотри.

Катель уходила, онъ съ интересомъ слѣдилъ за торгомъ; и когда старуха возвращалась съ дроздами или зайцемъ, говорилъ самому себѣ:

— Вотъ они и наши.

Однажды утромъ онъ сидѣлъ у окна, противъ обыкновенія разсѣянный, зѣвая въ руку и равнодушно глядя на площадь. Ничто не возбуждало его интереса: движеніе, суета всѣхъ этихъ людей казались ему чѣмъ-то монотоннымъ. Иногда онъ выпрямлялся и, глядя на далекій холмъ Жене, говорилъ про себя:

— Какъ тамъ-то солнце свѣтитъ, въ Мейзенталѣ.

Тысячи мыслей бродили въ его головѣ: онъ слышалъ мычаніе скота; видѣлъ Сюзель съ засученными рукавами, идущую съ подойникомъ въ хлѣвъ; Мозеля, плетущагося за нею; стараго анабаптиста, степенно поднимающагося по склону. Эти воспоминанія волновали его.

— Стѣна бассейна, должно быть, просохла,—думалъ онъ,—пора ставить рѣшетку.

Въ эту минуту, когда онъ забылся въ своихъ размышленіяхъ, вошла Катель.

— Я нашла это въ вашемъ зимнемъ пальто,—сказала она, подавая ему какую-то бумажку.

Онъ взялъ ее и развернулъ.

— Ба! ба!—замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ,—рецептъ оладій! Какъ же это я не вспомнилъ о немъ цѣлыхъ три недѣли? Положительно, я совсѣмъ потерялъ голову.

И, взглянувъ на старуху, онъ воскликнулъ съ какой-то нѣжностью:

— Это рецептъ, какъ дѣлать оладьи,—но восхитительныя оладьи! Угадай, Катель, кто мнѣ его далъ?

— Толстая Френцель изъ «Краснаго Быка».

— Френцель, полно! Развѣ она способна изобрѣсти что-нибудь, а тѣмъ болѣе, подобныя оладьи? Нѣтъ... это крошка Сюзель, дочь анабаптиста.

— О!—сказала Катель,—это меня не удивляетъ, у этой дѣвочки голова полна хорошихъ мыслей.

— Да, она умна не по лѣтамъ. Приготовь-ка мнѣ эти оладьи, Катель. Но сдѣлай точно такъ, какъ указано въ рецептѣ, иначе ничего не выйдетъ.

— Будьте покойны, сударь, будьте покойны, состряпаю, какъ нужно.

Катель вышла, а Фрицъ, тщательно набивъ трубку, снова усѣлся передъ окномъ. Теперь все измѣнилось въ его глазахъ: фигуры, мины, рѣчи, крики! Точно солнечный лучь озарилъ площадь.

Продолжая мечтать о фермѣ, онъ подумалъ, что пребываніе въ городѣ пріятно собственно только зимою; что слѣдуетъ также время отъ времени мѣнять столъ, такъ какъ одна и та же кухня въ концѣ концовъ становится противной. Онъ вспоминалъ, что прекрасный, свѣжій сливочный сыръ анабаптиста доставляли ему больше удовольствія за завтракомъ, чѣмъ всѣ лакомыя блюда Катель.

— Если бы я не испытывалъ въ нѣкоторомъ родѣ потребности сыграть партію въ «юкеръ», выпить пива, повидаться съ Давидомъ, Фридрихомъ Шульцемъ и толстымъ Гааномъ,—думалъ онъ,—я предпочелъ бы проводить шесть недѣль или два мѣсяца въ году въ Мейзенталѣ. Но объ этомъ и думать нечего, мои удовольствія и мои дѣла здѣсь; досадно, что нельзя собрать въ одно мѣсто все, что тебѣ нравится.

Эти мысли носились въ его головѣ.

Наконецъ, пробило одиннадцать, и старая служанка вошла накрыть на столъ.

— Ну, Катель,—сказалъ онъ, поворачиваясь,—а мои оладьи?

— Вы правы, сударь, онѣ вышли удивительно нѣжныя.

— Такъ онѣ удались тебѣ?

— Я готовила по рецепту; какъ же онѣ могли не удаться.

— Ну, разъ они удались,—сказалъ Кобусъ,—то все должно быть одно къ одному; я схожу въ погребъ за бутылкой «форстгеймера».

Онъ выходилъ, взявъ связку ключей, когда ему пришла въ голову мысль:

— А гдѣ рецептъ?

— У меня въ карманѣ, сударь.

— Не потерять бы его; дай-ка я положу его въ конторку; онъ еще понадобится намъ.

Развернувъ бумажку онъ снова прочелъ рецептъ.

— Какъ она красиво пишетъ,—замѣтилъ онъ,—какой славный, круглый почеркъ. Знаешь, эта Сюзель просто необыкновенная дѣвушка.

— Да, сударь, она умница. Послушали бы вы, что она говоритъ на кухнѣ, когда приходитъ; всегда насмѣшитъ.

— Ба! Ба! А мнѣ она казалась немножко печальной.

— Печальной? Вотъ выдумали!

— Что же она говоритъ?—спросилъ Кобусъ, полная физіономія котораго расцвѣла при мысли, что дѣвочка веселаго характера.

— Мало ли что! Ей стоитъ только пройти по площади, чтобы замѣтить все, у кого какая мина, и она разсказываетъ объ этомъ такъ забавно...

— Бьюсь объ закладъ, что она подтрунивала надо мною!—воскликнулъ Фрицъ.

— О, нѣтъ, никогда, сударь; надъ долговязымъ Фридрихомъ Шульцемъ случается, но надъ вами...

— Ха! ха! ха!—перебилъ Шульцъ,—такъ она подтрунивала надъ Шульцемъ! Она находитъ его глуповатымъ, не правда ли?

— О, нѣтъ, не совсѣмъ такъ, я ужъ не помню... вы понимаете...

— Хорошо, Катель, хорошо,—сказалъ онъ весело, уходя.

Старуха служанка слышала, какъ онъ смѣялся все время, спускаясь съ лѣстницы, и приговаривалъ:

— Эта крошка Сюзель приводитъ меня въ веселое настроеніе духа.

Когда онъ вернулся, супъ уже стоялъ на столѣ. Онъ откупорилъ бутылку, засунулъ салфетку за воротъ съ видомъ глубокаго удовлетворенія, засучилъ рукава и пообѣдалъ съ аппетитомъ.

Катель подала ему оладьи передъ дессертомъ.

Тогда, наполнивъ стаканъ, онъ сказалъ:

— Посмотримъ, каковы.

Старуха осталась подлѣ стола, чтобы услышать его приговоръ. Онъ взялъ оладью и съѣлъ ее молча; потомъ другую, третью; наконецъ, повернулся къ Катель, и произнесъ съ вѣсомъ, съ разстановкой:

— Оладьи превосходны, Катель, превосходны. Легко замѣтить, что ты по возможности слѣдовала рецепту. И тѣмъ не менѣе, послушай, что я скажу—это не въ упрекъ тебѣ—но на фермѣ онѣ были лучше; въ нихъ было что-то болѣе тонкое, болѣе нѣжное, такъ сказать, особый ароматъ,—продолжалъ онъ, поднимая палецъ,—я не могу тебѣ объяснить, въ чемъ дѣло, было не такъ сильно, если хочешь, но болѣе пріятно.

— Можетъ быть, я переложила корицы?

— Нѣтъ, нѣтъ, онѣ хороши, очень хороши; но эта маленькая Сюзель, видишь ли ты, вдохновляется оладьями, какъ ты вдохновляешься индѣйкой съ каштанами.

— Очень можетъ быть, сударь.

— Положительно такъ. Я не могу не признать этихъ оладій восхитительными; но выше самыхъ лучшихъ вещей стоитъ то, что учитель Шпекъ называетъ «идеалъ», то есть нѣчто поэтическое, нѣчто...

— Да, сударь, я понимаю,—сказала Катель; — вотъ, напримѣръ, сосиски тетки Гафенъ, никто ихъ не сумѣлъ сдѣлать такъ хорошо, какъ она, потому что не хватало трехъ штучекъ гвоздики.

— Нѣтъ, моя мысль не та; здѣсь все, что нужно, положено, и тѣмъ не менѣе...

Онъ хотѣлъ продолжать, но дверь отворилась и вошелъ старый раввинъ.

— А, это ты, Давидъ!—воскликнулъ онъ.—Иди же и постарайся объяснить Катель, что такое идеалъ.

При этихъ словахъ Давидъ нахмурился.

— Ты смѣешься надо мною?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я говорю вполнѣ серьезно; разскажи, Катель, почему вы сожалѣете о моркови и луковицахъ Египта...

— Послушай, Кобусъ,—воскликнулъ старый реббе,—я прихожу, и ты сразу начинаешь издѣваться надъ святыми вещами; это нехорошо.

— Ты все понимаешь шиворотъ-на-выворотъ, «поше-изро-

ель». Садись, и такъ какъ ты не хочешь разговаривать о египетскомъ лукѣ, то оставимъ это. Но если бъ ты не былъ евреемъ...

— Ну я вижу, что ты хочешь меня выгнать.

— Да нѣтъ же! Я говорю только, что если бъ ты не былъ евреемъ, то могъ бы поѣсть этихъ оладій и долженъ былъ бы согласиться, что онѣ въ тысячу разъ лучше той манны, которая падала съ неба, чтобы очистить васъ отъ проказы и другихъ болѣзней, захваченныхъ вами у невѣрныхъ.

— Нѣтъ, я уйду; это ужъ слишкомъ.

Катель вышла, а Кобусъ, удерживая стараго реббе за рукавъ, прибавилъ:

— Да полно, какого чорта! Садись! Право мнѣ досадно.

— Что досадно?

— Да что ты не можешь выпить со мною стаканчикъ вина и попробовать этихъ оладій: нѣчто необыкновенное!

Давидъ сѣлъ, засмѣявшись въ свою очередь.

— Твое изобрѣтеніе, не правда ли?—сказалъ онъ. — Ты всегда дѣлаешь подобныя изобрѣтенія.

— Нѣтъ, реббе, нѣтъ; не мое, и не Катели. Я бы гордился, если бъ изобрѣлъ эти оладьи, но воздадимъ Кесарево Кесареви: честь принадлежитъ крошкѣ Сюзель... знаешь, дочь анабаптиста?

— А!—сказалъ старый реббе,—впиваясь въ Кобуса своими сѣрыми глазами,—такъ, такъ!.. И ты находишь, что онѣ очень хороши?

— Восхитительны, Давидъ!

— Хе! хе! хе! Да... эта дѣвочка способна на все... даже удовлетворить такого лакомку, какъ ты.

Потомъ, измѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Эта маленькая Сюзель съ самаго начала нравилась мнѣ; смышленная дѣвочка. Черезъ два-три года она будетъ знать стряпню не хуже твоей старухи Катель; она будетъ водить мужа за носъ, и если онъ окажется умнымъ человѣкомъ, то самъ пойметъ, что лучшаго счастья ему и желать нельзя.

— Ха! ха! ха! На этотъ разъ, Давидъ, я согласенъ съ тобою,—замѣтилъ Кобусъ,—ты не преувеличиваешь. Удивительно, что дядя Христель и тетка Оршель, у которыхъ не находится и двухъ мыслей въ головѣ, произвели на свѣтъ это милое существо. Знаешь ли ты, что она уже ведетъ все хозяйство на фермѣ?

— А что, я говорилъ,—воскликнулъ Давидъ,—я былъ увѣренъ въ этомъ! Видишь ли, Кобусъ, если женщина умна, если она не тщеславна, если она не старается унизить мужа, чтобы возвысить себя, то сразу дѣлается хозяйкой; повиноваться ей, своего рода счастье.

Въ эту минуту какая-то мысль мелькнула въ головѣ Фрица; онъ посмотрѣлъ на стараго реббе и сказалъ:

— Она очень хорошо дѣлаетъ оладьи, но что касается остального...

— А я говорю,—воскликнулъ Давидъ,—что она составитъ счастье честнаго фермера, который на ней женится, и что этотъ фермеръ будетъ богатъ и будетъ чувствовать себя, какъ нельзя лучше! Съ тѣхъ поръ, какъ я наблюдаю женщинъ—а этому ужъ не мало лѣтъ—я научился разбирать ихъ; я сразу узнаю, что онѣ такое и чего стоятъ, чѣмъ онѣ станутъ и чего будутъ стоить. Да, такъ эта крошка Сюзель мнѣ понравилась и я очень радъ узнать, что она хорошо дѣлаетъ оладьи.

Фрицъ задумался; вдругъ онъ спросилъ:

— Послушай, «поше-изроэль», почему это ты явился ко мнѣ въ полдень, вѣдь это не твой часъ?

— Да, правда, ты долженъ ссудить мнѣ двѣсти флориновъ.

— Двѣсти флориновъ? Ого! — сказалъ Кобусъ полушутя, полусерьезно.—Разомъ, реббе?

— Разомъ.

— Тебѣ лично?

— Мнѣ, если хочешь, потому что я одинъ обязуюсь вернуть тебѣ деньги, но мнѣ хочется оказать услугу одному человѣку.

— Кому, Давидъ?

— Ты знаешь дядю Герцберга, разносчика; ну вотъ, его дочери предлагаетъ руку сынъ Соломона; оба славные ребята,—прибавилъ старикъ реббе, съ нѣжностью складывая руки,—только понимаешь, нужно маленькое приданое, и вотъ Герцбергъ пришелъ ко мнѣ...

— Ты всегда останешься неисправимъ? — перебилъ Фрицъ.—Мало тебѣ собственныхъ долговъ, хочешь и чужіе взваливать себѣ на шею?

— Но, Кобусъ, Кобусъ!—воскликнулъ Давидъ пронзительнымъ и патетическимъ голосомъ, потупивъ глаза въ землю.—Если бы ты видѣлъ этихъ славныхъ ребятъ! Какъ отказать имъ

въ счастьи жизни? Къ тому же дядя Герцбергъ человѣкъ солидный, онъ уплатитъ мнѣ черезъ годъ или два, или позднѣе.

— Какъ хочешь,—сказалъ Кобусъ,—твое дѣло; но послушай, на этотъ разъ ты уплатишь проценты, пять процентовъ. Тебѣ я готовъ ссужать безъ процентовъ, но другимъ...

— О, Господи, кто же будетъ спорить,—сказалъ Давидъ,—лишь бы эти бѣдные дѣти были счастливы! Отецъ заплатитъ мнѣ пять со ста.

Кобусъ открылъ конторку и отсчиталъ двѣсти флориновъ, пока еврей нетерпѣливо ждалъ; затѣмъ досталъ бумагу, чернильницу, перо и сказалъ:

— Ну, Давидъ, провѣрь сумму.

— Зачѣмъ? Я слѣдилъ, ты хорошо считаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, пересчитай.

Старый реббе пересчиталъ съ видимымъ удовольствіемъ, засовывая столбики монетъ въ объемистые карманы своихъ панталонъ.

— Теперь садись и пиши росписку съ обязательствомъ заплатить пять процентовъ и помни, что если мои шутки будутъ тебѣ не по нутру, то я могу допечь тебя этимъ клочкомъ бумаги

Давидъ съ сіяющей улыбкой принялся писать. Фрицъ смотрѣлъ черезъ его плечо и, видя, что онъ собирается отмѣтить пять процентовъ, воскликнулъ:

— Стой, поше-изроэль, стой!

— Ты хочешь назначить шесть?

— Ни пять, ни шесть. Развѣ мы не старые пріятели? Но ты не понимаешь шутки; съ тобой нужно быть всегда серьезнымъ, какъ оселъ, котораго колотятъ.

Старый реббе всталъ, пожалъ ему руку и сказалъ съ чувствомъ:

— Спасибо, Кобусъ.

Затѣмъ, подписавъ бумагу, ушелъ.

— Хорошій человѣкъ! — думалъ Фрицъ, слѣдя за нимъ, пока онъ шелъ по улицѣ, сгорбившись и засунувъ руку въ карманъ,—вонъ, бѣжитъ къ другому, точно дѣло идетъ о его собственномъ счастьи; видитъ счастливыхъ дѣтей и смѣется себѣ подъ носъ со слезами на глазахъ.

Съ этими мыслями онъ взялъ трость и отправился читать свою газету.

X.

Два или три дня спустя, вечеркомъ, въ Казино, разговоръ случайно зашелъ о старыхъ временахъ. Толстый сборщикъ Гаанъ восхвалялъ старинные нравы, прогулки въ саняхъ зимою; добрый папа Христіанъ въ дорожномъ плащѣ на лисьемъ мѣху, въ высокихъ сапогахъ, подбитыхъ барашкомъ, въ бобровой шапкѣ, надвинутой на уши и въ перчаткахъ до локтей возилъ свое семейство на вершину Ротальпа полюбоваться лѣсами, одѣтыми инеемъ; городская молодежь слѣдовала за санями верхомъ, посматривая на молодыхъ дѣвушекъ, укутанныхъ въ пелеринки, высовывающихъ розовые носики изъ лебяжьяго пуха, бѣлаго какъ снѣгъ.

— Ахъ, доброе, старое время!—говорилъ онъ.—Вскорѣ затѣмъ весь городъ узнавалъ, что молодой совѣтникъ Лобштейнъ, или нотаріусъ Мюнцъ помолвленъ съ маленькой Лотхенъ, или красавицей Розой или большой Вильгельминой; любовь зарождалась среди снѣговъ на глазахъ у родителей. Съ другой стороны, сходились у мадамъ Гютъ въ танцклассѣ всѣмъ гуртомъ; всѣ ранги перемѣшивались: знать, буржуазія, народъ. Интересовались не тѣмъ, кто баронъ, а кто хорошій вальсеръ. Найдите-ка такую свободу въ наши дни! Съ тѣхъ поръ какъ надѣлали столько новой знати, она вѣчно боится, какъ бы ее не смѣшали съ чернью.

Гаанъ хвалилъ также маленькіе концерты, милую комнатную музыку, элегантную и наивную, старыхъ дней, смѣнившуюся трескомъ большихъ представленій и мрачной мелодіей симфоній.

Слушая его, казалось, что видишь воочію стараго совѣтника Баумгартена въ напудренномъ парикѣ и длинномъ четырехугольномъ фракѣ, съ віолончелью, упирающейся въ ногу, и занесеннымъ смычкомъ, дѣвицу Серафію Шмидтъ за клавесиномъ, между двумя канделябрами, скрипки кругомъ, а подальше кружокъ гостей въ тѣни.

Эти картины трогали всѣхъ, и самъ долговязый Шульцъ, покачиваясь на стулѣ, охвативъ руками костлявое колѣно и уставившись въ потолокъ, восклицалъ:

— Да, да, эти времена далеки отъ насъ! Да, какъ подумаешь, вѣдь мы и вправду старѣемся... Какія вещи ты напоминаешь намъ, Гаанъ! Не помолодѣешь отъ этихъ воспоминаній.

Когда Кобусъ возвращался домой по улицѣ Капуциновъ, голова его была полна разсужденіями Гаана.

— Онъ правъ,—говорилъ себѣ Фрицъ,—все это мы видѣли, а теперь кажется, будто съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый вѣкъ.

И глядя на звѣзды, мерцавшія въ необъятномъ небѣ, онъ думалъ:

— Все это остается на мѣстѣ, все возвращается въ опредѣленное время; только мы мѣняемся. Какая ужасная участь измѣняться понемногу каждый день, не замѣчая этого. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ становишься сѣдымъ, сморщеннымъ, и производишь на новыхъ людей впечатлѣніе старыхъ лохмотьевъ или тѣхъ почтенныхъ париковъ, о которыхъ сейчасъ говорилъ Гаанъ. Какъ ни вертись, а это постигнетъ и насъ, какъ другихъ.

Такъ размышлялъ Фрицъ, возвращаясь домой, и когда онъ легъ, эти мысли преслѣдовали его еще нѣсколько времени, пока онъ не заснулъ.

На другой день онъ забылъ о нихъ, какъ вдругъ его взглядъ упалъ на старый клавесинъ между буфетомъ и дверью. Это былъ небольшой инструментъ изъ розоваго дерева, на шаткихъ ножкахъ, заканчивавшихся въ формѣ групп, всего съ пятью октавами. Онъ стоялъ здѣсь тридцать лѣтъ; Катель ставила на немъ тарелки передъ обѣдомъ, а Кобусъ клалъ на него платье. Онъ такъ привыкъ видѣть его, что пересталъ замѣчать; но теперь ему показалось, будто онъ встрѣтился съ нимъ послѣ долгой разлуки. Онъ одѣлся въ задумчивости; потомъ, выглянувъ въ окно, увидѣлъ Катель, покупавшую провизію на рынкѣ. Подойдя къ клавесину, онъ провелъ пальцемъ по пожелтѣвшимъ клавишамъ: раздался тонкій, хлипкій звукъ, и добрякъ Кобусъ въ одно мгновеніе увидѣлъ передъ собою то, что было тридцать лѣтъ тому назадъ. Увидѣлъ госпожу Кобусъ, свою мать, еще молодую женщину, съ продолговатымъ и блѣднымъ лицомъ, за клавесиномъ; мирового судью Кобуса, который сидитъ подлѣ нея и слушаетъ, повѣсивъ свою треуголку на спинку стула; и себя самого. Фрица, совсѣмъ маленькаго, сидящаго на полу и покрикивающаго: «Но, но!» на игрушечную лошадку, межъ тѣмъ какъ добрякъ отецъ поднимаетъ палецъ и говоритъ: «Тише!» Все это и многое другое прошло передъ его глазами.

Онъ сѣлъ, попробовалъ припомнить нѣсколько старинныхъ

арій и сыгралъ «Трубадура» и старинный романсъ «Крестоносецъ».

— Я никогда не повѣрилъ бы, что вспомню хоть одну ноту,—подумалъ онъ.—Удивительно, что этотъ старый клавесинъ совсѣмъ не разстроенъ; мнѣ кажется, будто я слышалъ его вчера.

Нагнувшись онъ сталъ перебирать старыя ноты: «Осада Праги», «Ченерентола», увертюра къ «Весталкѣ» и старинные любовные романсы, веселыя арійки, но всегда о любви: любовь, которая плачетъ, и любовь, которая смѣется,—внѣ этого, ничего.

Два или три мѣсяца тому назадъ, Кобусъ не преминулъ бы потѣшиться надъ всѣми этими Люкосами въ розовыхъ подвязкахъ и Артурами въ черномъ беретѣ; онъ читалъ когда-то «Вертера» и хватался за бока во время чтенія; но теперь онъ находилъ все это прекраснымъ.

— Гаанъ совершенно правъ,—думалъ онъ,—теперь уже не сочиняютъ такихъ милыхъ куплетовъ:

«Розетта,
«—Прекрасная, какъ лѣто,
«Отдай мнѣ твое сердце
«Иль я умру!»

— Какъ это просто, какъ это естественно!

«Отдай мнѣ твое сердце, иль я умру!»

— Въ добрый часъ! Вотъ это поэзія; она говоритъ о глубокихъ вещахъ наивнымъ языкомъ. А какая музыка!

Онъ принялся играть, напѣвая:

«Розетта,
«—Прекрасная, какъ лѣто,
«Отдай мнѣ твое сердце, иль я умру!»

Онъ не уставалъ повторять старый романсъ, и это длилось добрыхъ двадцать минутъ, когда послышался легкій шумъ у дверей: кто-то постучался.

— Это Давидъ,—подумалъ онъ, живо захлопывая клавесинъ,—теперь онъ посмѣется, если слышалъ, какъ я распѣвалъ «Розетту!»

Онъ подождалъ съ минуту, и видя, что никто не входитъ, пошелъ самъ отворить дверь. Каково же было его изумленіе,

когда онъ увидѣлъ за дверью маленькую Сюзель, раскраснѣвшуюся и смущенную, въ маленькомъ бѣломъ чепчикѣ, въ косынкѣ небесно-голубого цвѣта и въ передникѣ.

— Какъ! Это ты, Сюзель!—сказалъ онъ, точно ошеломленный.

— Да, господинъ Кобусъ,—сказала дѣвушка,—я уже давно поджидаю въ кухнѣ мадемуазель Катель, но она не идетъ, и я подумала, что мнѣ все-таки слѣдуетъ исполнить порученіе, прежде чѣмъ уйти.

— Какое порученіе, Сюзель?

— Мой отецъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что рѣшетки доставлены, и мы ждемъ только васъ, чтобы поставить ихъ.

— Какъ! Онъ послалъ тебя нарочно для этого?

— О! Мнѣ нужно еще сказать еврею Шмулю, чтобы онъ пріѣхалъ за быками, если не хочетъ платить за прокормъ.

— А, такъ быки проданы?

— Да, господинъ Кобусъ, за триста пятьдесятъ флориновъ.

— Хорошая цѣна. Но войди, Сюзель, что ты стѣсняешься?

— О, я не стѣсняюсь!

— Да, да... стѣсняешься; я это вижу, иначе ты вошла бы сразу. Вотъ, садись здѣсь.

Онъ подвинулъ ей стулъ и снова открылъ клавесинъ съ самымъ довольнымъ видомъ.

— Всѣ ли у васъ здоровы,—дядя Христель, тетка Оршель?

— Всѣ, слава Богу, господинъ Кобусъ. Мы будемъ очень рады, если вы побываете у насъ.

— Буду, Сюзель; завтра или послѣзавтра непремѣнно буду у васъ.

Фрицу хотѣлось поиграть въ присутствіи Сюзель; онъ съ улыбкой взглянулъ на нее и сказалъ:

— Я сейчасъ игралъ старинныя аріи и пѣлъ. Ты, можетъ быть, слышала изъ кухни и смѣялась, а?

— О, господинъ Кобусъ, напротивъ, это дѣлало меня грустной; хорошая музыка всегда наводитъ на меня грусть. Я не знала, кто это играетъ.

— Постой,—сказалъ Фрицъ,—я сыграю тебѣ что-нибудь веселенькое.

Онъ радъ былъ показать свой талантъ Сюзель и началъ «Прусскую Королеву». Пальцы его бѣгали по клавишамъ, онъ

отбивалъ тактъ ногою, и время отъ времени видѣлъ дѣвушку въ зеркалѣ напротивъ, причемъ кусалъ себѣ губы, какъ дѣлаютъ, когда боятся взять фальшивую ноту. Можно было подумать, что онъ играетъ передъ цѣлымъ городомъ. Сюзель, съ широко раскрытыми отъ восхищенія глазами и полураскрытымъ ротикомъ, казалась въ экстазѣ.

Когда Кобусъ окончилъ вальсъ и повернулся къ ней, вполнѣ довольный собою, она сказала:

— О, какъ это хорошо, какъ хорошо!

— Ба!—отвѣтилъ онъ.—Это еще пустячки. Но я тебѣ сыграю великолѣпную вещь, «Осаду Праги»; слышно, какъ грохочутъ пушки; вотъ послушай.

Онъ принялся играть «Осаду Праги» съ необыкновеннымъ увлеченіемъ; старый клавесинъ гудѣлъ и ходилъ ходуномъ на своихъ непрочныхъ ножкахъ. Когда же Кобусъ услыхалъ, что Сюзель прошептала: «О, какъ хорошо!», это придало ему по истинѣ невѣроятный пылъ; онъ чувствовалаъ себя на седьмомъ небѣ.

Послѣ «Осады Праги», онъ сыгралъ «Ченерентолу»; послѣ «Ченерентолы» увертюру къ «Весталкѣ»; а такъ какъ играть больше было нечего, а Сюзель все повторяла: «О, какъ это хорошо, господинъ Кобусъ, какая прекрасная музыка!», то онъ воскликнулъ:

— Да, это хорошо, но если бы я не схватилъ насморка, то пропѣлъ бы тебѣ одну штучку, а ты бы послушала, Сюзель! Все равно, я все-таки попытаюсь; только я охрипъ, вотъ бѣда.

Сказавъ это, онъ запѣлъ такимъ же звонкимъ голосомъ, какъ пѣтухъ въ курятникѣ:

«Розетта,
«—Прекрасная, какъ лѣто,
«Отдай мнѣ твое сердце, иль я умру!»

Онъ медленно покачивалъ головой, разинувъ ротъ до ушей; и всякій разъ, когда доходилъ до конца куплета, повторялъ безъ конца, жалостнымъ тономъ, откинувшись на спинку стула, задравъ голову и раскачиваясь, точно въ отчаяніи:

«Отдай мнѣ твое сердце,
«Отдай мнѣ твое сердце,
«Иль я умру... иль я умру...
«Я умру... умру... умру!...»

Такъ что подъ конецъ потъ струился по его лицу.

Сюзель, раскраснѣвшись и точно стыдясь подобной пѣсни, потупилась, не рѣшаясь взглянуть на него; и когда Кобусъ повернулся къ ней, ожидая услышать: «Какъ хорошо! Какъ хорошо!» Онъ увидѣлъ, что она тихонько вздыхаетъ, положивъ руки на колѣни и опустивъ глаза.

Тутъ и онъ, случайно взглянувъ въ зеркало, замѣтилъ, что краснѣетъ, какъ ракъ; и не зная, что дѣлать въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, пробѣжалъ рукою по всѣмъ клавишамъ, отдуваясь и восклицая: «прру! прру!»

Въ ту же минуту Катель хлопнула дверью на кухнѣ; онъ услышалъ, вскочилъ и закричалъ: «Катель! Катель!», голосомъ утопающаго.

Катель явилась.

— А, хорошо,—сказалъ онъ.—Да... Сюзель дожидается тебя уже цѣлый часъ.

Когда Сюзель подняла на него свои большіе, смущенные глаза, онъ прибавилъ:

— Да, мы занимались музыкой... Старинныя аріи... Ни къ чорту не годятся!.. Ну, да, я игралъ, какъ умѣлъ. Не достанешь хорошаго зерна изъ плохого мѣшка.

Сюзель взяла свою корзину и ушла съ Катель, сказавъ:— До свиданія, господинъ Кобусъ!—такимъ нѣжнымъ голоскомъ, что онъ не нашелся, что отвѣтить, и съ минуту стоялъ посреди комнаты, глядя на дверь, совершенно ошеломленный; потомъ сказалъ самому себѣ:

— Славныя дѣла, Кобусъ! Отличился ты съ этимъ проклятымъ старымъ ящикомъ... Да... Да... Прекрасно... можешь похвастаться... Это такъ подходитъ къ твоему возрасту. Что за чертовская вещь эта музыка! Пусть мнѣ свернутъ шею, если я еще когда-нибудь сыграю хоть «Отца капуцина»!

Не дожидаясь завтрака, онъ взялъ шляпу и трость, и пошелъ прогуляться къ укрѣпленіямъ, желая обдумать на досугѣ поразительныя, только что случившіяся вещи.

XI.

Можно себѣ представить размышленія Кобуса на укрѣпленіяхъ! Онъ прогуливался за военной пекарней, понуривъ голову, взявъ трость подъ мышку и посматривая вправо и влѣво, не идетъ ли кто. Ему казалось, что каждый долженъ съ перваго взгляда догадаться о его состояніи.

— Старый, тридцатилѣтній холостякъ влюбился въ семнадцатилѣтнюю дѣвочку, — да вѣдь это курамъ на смѣхъ!—думалъ онъ.—Такъ вотъ причина твоей скуки, Фрицъ, твоей разсѣянности и задумчивости въ послѣднія три недѣли! Вотъ почему ты проигрываешь въ пивной, теряешь голову въ погребѣ, зѣваешь, какъ оселъ, глядя въ окно на рынокъ. Можно ли быть такимъ глупымъ въ твоемъ возрастѣ?—Влюбись ты во вдову Виндлинъ или толстую Саломэ Редигъ, это бы еще куда ни шло. Лучше тебѣ сто разъ повѣситься, чѣмъ жениться на какой-нибудь изъ нихъ; но, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей этотъ бракъ былъ бы разумнымъ. Но влюбиться въ крошку Сюзель, дочь твоего фермера, ребенка, чистаго ребенка, не ровню тебѣ ни по званію, ни по общественному положенію, и которой ты годился бы въ отцы,—это слишкомъ! Это противуестественно, въ этомъ нѣтъ ни капли здраваго смысла. Если бы, Боже упаси, кто-нибудь заподозрилъ это, ты не посмѣлъ бы глазъ показать, ни въ «Большомъ Оленѣ», ни въ «Казино», нигдѣ. Вотъ когда, Фрицъ, посмѣялись бы надъ тобою, какъ ты смѣялся надъ другими. Это было бы ужасно; самъ старый Давидъ, при всей своей любви къ бракамъ, засмѣялся бы тебѣ въ лицо. Онъ бы прочелъ тебѣ проповѣдь, прочелъ бы!..

Полно, полно!.. Счастье, что никто ничего не знаетъ, и ты самъ во время спохватился. Нужно погасить все это, выполоть поскорѣе эту сорную траву изъ твоего сада... Ты, можетъ быть, погрустишь дня три-четыре, но здравый смыслъ вернется къ тебѣ. Старое вино утѣшитъ тебя, ты будешь давать обѣды, предпринимать поѣздки по окрестностямъ въ экипажѣ Гаапа. Кстати, онъ третьяго дня приглашалъ меня въ сотый разъ отправиться съ нимъ собирать налоги. Такъ и сдѣлаемъ, поболтаемъ, посмѣемся, развлечемся, и въ двѣ недѣли все будетъ кончено.

Двое гусаръ приближались къ нему, подъ руку съ своими любезными. Кобусъ замѣтилъ ихъ издали и спустился въ улицу Феррайль, чтобы вернуться домой.

— Первымъ дѣломъ напишу дядѣ Христелю, что онъ можетъ одинъ поставить рѣшетки и наполнить бассейнъ. Нѣтъ, ужъ теперь меня въ Мейзенталь не затащутъ; развѣ послѣ дождичка въ четвергъ!

Когда онъ вернулся, Катель накрывала на столъ. Сюзель давно ушла. Фрицъ открылъ конторку, написалъ дядѣ Христелю, что онъ не можетъ пріѣхать, и проситъ поставить рѣшетки безъ него; запечаталъ письмо, усѣлся за столъ и пообѣдалъ, не сказавъ ни слова.

Послѣ обѣда онъ вышелъ около часа и отправился къ Гаану, который жилъ въ отелѣ «Лебедь», противъ рынка. Гаанъ находился въ своей маленькой конторѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, съ трубкой въ зубахъ; онъ приготовлялъ мѣшки, укладывалъ въ кожаный футляръ большія книги въ переплетахъ изъ телячьей кожи. Его служитель Гейсъ помогалъ ему.

— А, Кобусъ!—воскликнулъ онъ,—откуда мнѣ сіе? Я не часто вижу тебя здѣсь.

— Ты говорилъ мнѣ третьяго дня, что отправляешься въ объѣздъ,—отвѣтилъ Фрицъ, присаживаясь на край стола.

— Да, завтра утромъ, въ пять часовъ; экипажъ заказанъ. Видишь, я укладываю квитанціонную книгу и мѣшки. Поѣду на семь или на восемь дней.

— Я поѣду съ тобой.

— Поѣдешь со мной?—воскликнулъ Гаанъ радостно, хлопнувъ своими огромными ручищами по столу.—Наконецъ-то, наконецъ-то ты рѣшился! Это хорошо. Ха! Ха! Ха!

Въ полномъ восторгѣ онъ отбросилъ въ сторону свою черную шапочку, взъерошилъ волосы на огромной рыжей полуплѣшивой головѣ, и крикнулъ:

— Въ добрый часъ!.. Въ добрый часъ!.. Намъ будетъ весело!

— Да, погода, кажется, хорошая,—сказалъ Фрицъ.

— Великолѣпная!—воскликнулъ Гаанъ, отдергивая занавѣски за своимъ кресломъ.—Золотое время, какого не было уже десять лѣтъ! Мы отправимся завтра рано утромъ, побываемъ въ деревнѣ... Это рѣшено... Только не отпирайся!

— Будь покоен.

— Право,—продолжалъ толстякъ,—ты не могъ бы доставить мнѣ лучшаго удовольствія. Гейсъ, Гейсъ!

— Сударь?

— Мое пальто! Вотъ, возьмите халатъ и повѣсьте его за дверью. Заприте контору и отдайте ключъ теткѣ Леръ. Мы пойдемъ къ «Большому Оленю», Кобусъ?

— Да, выпить пива; за городомъ не найдемъ хорошаго.

— Почему нѣтъ? Въ Гакматѣ хорошее пиво.

— Значитъ, ты кончилъ всѣ свои сборы, Гаанъ?

— Да, все готово. Но, послушай, тебѣ не мѣшаетъ положить въ мой саквояжъ двѣ-три рубашки и носки.

— У меня будетъ свой.

— Ну, такъ идемъ,—воскликнулъ Гаанъ, взявъ его подъ руку.

Они вышли и толстый сборщикъ принялся перечислять деревни, которыя имъ предстояло посѣтить въ долинѣ и въ горахъ.

— Въ долинѣ въ Гакматѣ, въ Миттельброннѣ, въ Ликсгеймѣ все протестанты, богатые люди, прочно устроившіеся, хорошіе дома, хорошія вина, хорошій столъ, хорошая постель. Первые шесть дней мы будемъ какъ сыръ въ маслѣ кататься; никакихъ затрудненій при сборѣ, все приготовлено заранѣе. Только подъ конецъ, мы попадемъ въ захолустье, Вильдландъ, нѣчто вродѣ пустыни, гдѣ видишь только кресты вдоль дороги, и гдѣ путешественникамъ приходится положить зубы на полку; но не безпокойся, мы все-таки не умремъ съ голода.

Фрицъ слушалъ, смѣясь, и такъ они дошли до «Большого Оленя». Тутъ дѣла пошли обычнымъ порядкомъ: играли, осушали кружки пива, а около семи часовъ разошлись по домамъ, ужинать.

Кобусъ, вернувшись домой, зашелъ, по своему обыкновенію, въ кухню, посмотрѣть, что приготовила ему Катель. Онъ увидѣлъ старуху служанку, которая сидѣла на табуретѣ подлѣ печки и натирала саломъ его сапоги.

— Что ты это дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Натираю саломъ ваши сапоги, вѣдь вы пойдете завтра или послѣзавтра на ферму.

— Не нужно,—сказалъ Фрицъ,—я не пойду, у меня есть другія дѣла.

— Не пойдете?—съ удивленіемъ возразила Катель.—Дядя Христель, Сюзель и всѣ тамошніе будутъ огорчены, сударь!

— Ба, они обходились безъ меня до сихъ поръ, и, надѣюсь, съ Божьей помощью обойдутся и дольше. Я поѣду съ Гааномъ, чтобы уладить кое-какіе счеты. Да, вспомнилъ, тамъ на каминѣ я положилъ письмо для Христеля; пошли его завтра съ маленькимъ Іери, а сегодня вечеромъ положи въ мой саквояжъ три рубашки и все, что нужно для поѣздки на нѣсколько дней.

— Хорошо, сударь.

Кобусъ пошелъ въ столовую, гордый своей рѣшимостью, и поужинавъ съ довольно хорошимъ аппетитомъ, легъ спать, такъ какъ завтра надо было встать рано.

Было еще только пять часовъ, солнце начинало просвѣчивать сквозь испаренія, скопившіяся надъ Лоссеромъ, когда Фрицъ Кобусъ и его пріятель Гаанъ, въ старомъ шарабанѣ, оплетенномъ ивой, на манеръ корзины, по мѣстной модѣ, выѣхали въ ворота Гильдебрандта, и покатили крупной рысью по дорогѣ изъ Гюнебурга въ Михельсбергъ.

Гаанъ былъ въ касториновомъ дорожномъ плащѣ и въ лисьей шапкѣ съ свѣшивавшимся на спину хвостомъ, Кобусъ въ синемъ пальто, бархатномъ жилетѣ съ зелеными и красными полосками въ клѣтку и черной фетровой шляпѣ.

Нѣсколько старухъ со щетками въ рукахъ провожали ихъ взглядами, говоря:

— Ѣдутъ собирать деньги по деревнямъ; значитъ, и намъ нужно готовиться, скоро будетъ сборъ съ дверей и оконъ. Что за каналья этотъ Гаанъ! Подумать только, что всѣ должны надрываться для него, а ему всегда мало, и жандармы за него!

Затѣмъ онѣ принимались заметать свою досаду.

Отъѣхавъ отъ города, Гаанъ и Кобусъ очутились среди ночныхъ тумановъ.

— Однако, сегодня свѣжо,—сказалъ Кобусъ.

— Ха, ха, ха!—отвѣтилъ Гаанъ, щелкая хлыстомъ.—Вѣдь, я тебя предупреждалъ вчера. Надо было надѣть шерстяной камзолъ, а теперь заройся въ соломѣ, старина, заройся. Но, но, Фу, шевелись!

— Я выкурю трубочку,—сказалъ Кобусъ,—это меня согрѣетъ.

Онъ досталъ изъ кармана большую фарфоровую трубку, выбилъ огня и важно закурилъ.

Лошадь, большая мекленбургская кляча, старалась изо всѣхъ силъ, деревья мелькали за деревьями, кустарники за кустарниками. Гаанъ, сунувъ хлыстъ въ уголъ, подъ локтемъ, тоже курилъ въ мечтательномъ настроеніи, какое нападаетъ среди тумановъ, когда не видишь ясно очертаній.

Солнце не могло разсѣять быстро эти массы тумана. Лоссеръ бурлила подъ откосомъ дороги; она казалась бѣлой, какъ молоко, и, несмотря на свой глухой шумъ, какъ будто дремала подъ огромными ивами.

Иногда при приближеніи экипажа зимородокъ испускалъ свой рѣзкій крикъ и улеталъ; потомъ жаворонокъ начиналъ было свою трель. Вглядѣвшись, можно было замѣтить его сѣрыя крылышки на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ полемъ, но секунду спустя онъ опускался, и снова слышно было только журчанье рѣки и шелестъ тополей.

Кобусъ чувствовалъ искреннее удовольствіе, онъ радовался и гордился своей рѣшимостью, побудившей его обратиться въ героическое бѣгство отъ Сюзель; это казалось ему верхомъ человѣческой мудрости.

— Сколько другихъ,—думалъ онъ,—задремали бы въ этихъ гирляндахъ розъ, которыя все сильнѣе обвивали бы тебя и въ концѣ концовъ превратились бы въ крѣпкія веревки вродѣ тѣхъ, что добродѣтельная Далила плела для Самсона! Да, да, Кобусъ, ты можешь благодарить небо за свою удачу; ты снова свободенъ, какъ птица небесная; и будешь до глубокой старости праздновать день своего отъѣзда изъ Гюнебурга, на подобіе евреевъ, которые всегда съ нѣжностью вспоминали о золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ Египта; они бросили капусту, рѣдьку и лукъ, чтобы спасти кивотъ завѣта; ты слѣдуешь ихъ примѣру, и самъ старикъ Зихель подивился бы твоему рѣдкому благоразумію.

Всѣ эти мысли и тысячи другихъ, столь же разсудительныхъ, проходили въ головѣ Фрица; онъ считалъ себя внѣ всякой опасности и съ сладкой увѣренностью дышалъ весеннимъ воздухомъ. Но Господь Богъ, безъ сомнѣнія, недовольный его фанаберіей, рѣшилъ доказать ему мудрость изрѣченія: «Скройся,

бѣги, спрячься въ горахъ и въ долинѣ, въ чащѣ лѣсовъ и на днѣ колодца, я найду тебя, и рука моя отяготѣетъ надъ тобою!»

Въ Штейнбахѣ, у большой мельницы, они встрѣтили крестины, направлявшіяся въ церковь Санъ-Блэзъ: розоваго младенца на бѣлой подушкѣ, повивальную бабку, гордую своимъ кружевнымъ чепцомъ, и остальныхъ, веселыхъ какъ зяблики;— въ Гохеймѣ чету стариковъ, праздновавшихъ на лужайкѣ пятидесятилѣтіе своей свадьбы; они плясали среди всей деревни; гудошникъ, стоя на бочкѣ, задувалъ въ свой кларнетъ, неимовѣрно раздувъ щеки и закинувъ голову съ пурпуровымъ носомъ; смѣялись, чокались; вино, пиво, киршвассеръ лились рѣкою: каждый отбивалъ тактъ; старички вальсировали съ лучезарными лицами; ребятишки, столпившіеся вокругъ нихъ, неистово визжали отъ восторга. Въ Франкенталѣ свадьба подпималась по ступенькамъ лѣстницы, дружка впереди, съ огромнымъ букетомъ на груди и разноцвѣтными лентами на шляпѣ, за нимъ взволнованные женихъ и невѣста, старые папаши, подсмѣивающіеся въ сѣдыя бороды, толстыя маменьки съ расплывающимися отъ удовольствія физіономіями.

Любопытно было видѣть эти вещи, наводившія на очень серьезныя размышленія.

Въ другихъ мѣстахъ пятнадцати и шестнадцатилѣтніе мальчики и дѣвочки собирали фіалки вдоль изгородей, у дороги, и видно было по ихъ блестящимъ глазамъ, что они не замедлятъ влюбиться. Тамъ попадался навстрѣчу рекрутъ, котораго провожала его суженая, и слышно было издали, какъ они клялись другъ другу ждать. Вездѣ и всюду старая исторія любви въ тысячахъ разнообразныхъ формъ; можно было подумать, что самъ дьяволъ впутался въ дѣло.

Было какъ разъ то весеннее время, когда сердца пробуждаются, когда все возрождается, когда жизнь украшается, когда все зоветъ насъ къ счастью, когда небо расточаетъ безчисленныя обѣщанія любящимся! Всюду Кобусъ встрѣчалъ какое-нибудь зрѣлище этого рода, напоминавшее ему Сюзель, и всякій разъ онъ краснѣлъ, задумывался, почесывалъ въ затылкѣ и вздыхалъ. Онъ говорилъ самому себѣ:

— Какъ глупы люди, что женятся. Чѣмъ больше ѣздишь, тѣмъ больше убѣждаешься, что три четверти мужчинъ потеряли головы и что въ каждомъ городѣ только какіе-нибудь пятеро или

шестеро старыхъ холостяковъ сохранили здравый смыслъ. Да, положительно... мудрость не всѣмъ по плечу, и можно поздравить себя съ тѣмъ, что принадлежишь къ небольшому числу избранныхъ.

Когда они пріѣзжали въ какую-нибудь деревню, Гаанъ отправлялся собирать королевскую подать и выдавать квитанціи, а пріятель Фрицъ скучалъ; мечты о крошкѣ Сюзель овладѣвали имъ, и, чтобы разсѣяться, онъ выходилъ изъ гостиницы и направлялся по главной улицѣ, посматривая на старинные дома съ деревянной рѣзьбой, балкончиками, ветхими галлереями, башенками, обвитыми плющемъ, палисадниками, птичниками, а на заднемъ планѣ—огромными орѣшниками, высокими каштанами, блестящая листва которыхъ выдавалась надъ крышами. Воздухъ, пронизанный ослѣпительнымъ свѣтомъ, улички, гдѣ прогуливались отряды куръ и утокъ, кудахтающихъ и бормочущихъ; маленькія окна съ шестиугольными стеклами, потускнѣвшими отъ пыли; ласточки, начинающія строить гнѣзда въ углахъ оконъ и мелькающія съ быстротой молніи надъ улицами; бѣловолосыя дѣти, заплетающіе хвосты своихъ кнутовъ; старухи, благодушно выглядывающія изъ глубины темныхъ кухонь; дѣвушки, съ любопытствомъ высовывающіяся изъ оконъ,—все это проходило мимо него, но не развлекало его.

Онъ шелъ, глядя на окружающее, и самъ привлекая на себя взгляды, и все время думалъ о Сюзель, о ея косынкѣ, о ея чепчикѣ, о ея прекрасныхъ волосахъ, о ея пухлыхъ рукахъ; о томъ днѣ, когда старый Давидъ усадилъ ее за столъ между ними двумя; о звукѣ ея голоса, когда она опускала глаза; и, наконецъ, объ оладьяхъ или о бѣлыхъ пятнышкахъ сливокъ на ея рукахъ, на фермѣ; наконецъ, обо всемъ; онъ видѣлъ все это передъ собою, самъ того не желая!

Такъ, задравъ голову, засунувъ руки въ карманы, онъ дошелъ до конца деревни и пошелъ по тропинкѣ, извивавшейся между полями ржи и картофеля. Тутъ перепелъ воспѣвалъ любовь, куропатка призывала своего самца, жаворонокъ прославлялъ счастье быть матерью; позади, въ отдаленныхъ уличкахъ, пѣтухъ издавалъ торжествующій крикъ; теплые порывы вѣтра разносили, сѣяли всюду безчисленные зародыши, долженствующіе оплодотворить землю: любовь, вѣчно любовь! А надо всѣмъ этимъ пышное солнце, отецъ всего живущаго, съ огромной ры-

жей бородой и длинными золотыми руками, обнимающее и благословляющее все, что дышетъ! Ахъ! Какая ужасная травля! Надо же такое несчастье: всюду встрѣчать одну и ту же идею, одну и ту же мысль и одну и ту же докуку! Попробуйте-ка отдѣлаться отъ этой чесотки своего рода, которая преслѣдуетъ васъ всюду и тѣмъ сильнѣе донимаетъ васъ, чѣмъ сильнѣе вы барахтаетесь! Господи Боже мой! Чему только не подвержены люди!

— Просто удивительно,—разсуждалъ бѣдняка Кобусъ,—что я не свободенъ думать, о чемъ мнѣ угодно, и забывать то, что мнѣ не подходитъ. Какъ! Всѣ идеи порядка, здраваго смысла и предусмотрительности разрушаются въ моемъ мозгу, когда я вижу птицъ, которыя цѣлуются носиками, бабочекъ, которыя гоняются другъ за другомъ! Чистое ребячество, вещи, лишенныя всякаго смысла! И я думаю о Сюзель, несу чепуху, чувствую себя несчастнымъ, когда у меня нѣтъ ни въ чемъ недостатка, когда я хорошо ѣмъ и хорошо пью! Полно, полно, Фрицъ, это слишкомъ; стряхни съ себя это, будь разсудителенъ.

Но это было все равно, что призывать разсудительность противъ подагры или зубной боли.

Хуже всего было то, что, блуждая такимъ образомъ по тропинкамъ, онъ какъ будто слышалъ надъ своимъ ухомъ голосъ стараго Давида:—«Хе, Кобусъ, надо покориться... ты кончишь тѣмъ, что и всѣ остальные... Хе! хе! хе! Я тебѣ говорю, Фрицъ, твой часъ близокъ!

— Чортъ бы тебя побралъ!—думалъ Фрицъ.

Иногда же онъ говорилъ самому себѣ съ грустной покорностью:

— Быть можетъ, Фрицъ, въ концѣ концовъ люди созданы для того, чтобы жениться... разъ уже всѣ женятся. Злонамѣренные люди, заходя еще дальше, могутъ, пожалуй, утверждать, что старые холостяки вовсе не мудрецы, а безумцы, и что, если разсмотрѣть поближе, они тоже, что трутни въ ульѣ.

Эти идеи были только молніями, которыя сильно докучали ему; онъ отворачивался отъ нихъ и негодовалъ на людей, способныхъ имѣть другія теоріи, кромѣ теорій мира, спокойствія и тишины, которыя онъ положилъ въ основу своего существованія. Всякій разъ, когда подобная идея мелькала у него въ головѣ, онъ спѣшилъ отвѣтить:

— Когда наше счастье зависитъ уже не отъ насъ, а отъ

каприза женщины, тогда все пропало; лучше повѣситься, чѣмъ ввязаться въ такую исторію.

Наконецъ, услыхавъ издали бой деревенскихъ часовъ, онъ возвращался, удивляясь, какъ быстро идетъ время.

— А, вотъ и ты!—кричалъ ему толстый сборщикъ; я заканчиваю свои счеты; присядь, это дѣло десяти минутъ.

Столъ былъ заставленъ столбиками флориновъ и талеровъ, звенѣвшихъ при малѣйшемъ толчкѣ. Гаанъ, нагнувшись надъ реестромъ, подводилъ итоги. Затѣмъ, съ сіяющимъ лицомъ, сваливалъ столбики монетъ въ мѣшокъ, тщательно увязывалъ его и клалъ на полъ, подлѣ другихъ. Наконецъ, когда все было кончено, счеты провѣрены и итоги подведены, онъ весело обернулся и воскликнулъ:

— Посмотри, вотъ содержаніе королевскихъ армій! Немало требуется денежекъ, чтобы оплатить арміи его величества, его совѣтниковъ и все прочее, ха! ха! ха! Земля должна потѣть золотомъ и люди тоже. Когда же ограничатъ тузовъ и облегчатъ бѣдняковъ! Сдается мнѣ, что это будетъ не такъ-то скоро, Кобусъ, потому что прежде всего совѣтуются объ этихъ вещахъ съ тузами.

Затѣмъ онъ брался обѣими руками за животъ, чтобы посмѣяться вволю, и восклицалъ:

— Какая комедія! Какая комедія! Но все это насъ не касается, я дѣйствую правильно. Чего бы выпить?

— Мнѣ ничего не хочется, Гаанъ.

— Ба! Сокрушимъ бутылочку, пока запрягутъ лошадь; стаканчикъ вина заставляетъ видѣть вещи съ хорошей стороны. Когда одолѣваютъ меланхолическія идеи, Фрицъ, надо перемѣнить стекла очковъ и разсматривать вселенную сквозь донышко бутылки «глейсцеллера» или «умштейна».

Онъ вышелъ, чтобы приказать запрячь лошадь и расплатиться по счету въ гостинницѣ; затѣмъ вернулся выпить вина съ Кобусомъ; а когда все было кончено, мѣшки уложены въ обитый жестью ящикъ шарабана, щелкнулъ хлыстомъ и отправился въ другую деревню.

Такъ проводилъ время пріятель Фрицъ; какъ видимъ, не всегда весело. Его лѣкарство, путешествіе, не производило такого хорошаго дѣйствія, какого онъ ожидалъ.

Но всего болѣе докучали ему вечера въ старыхъ деревен-

скихъ гостиницахъ, когда съ девяти часовъ водворялись безмолвіе и полная тишина, потому что всѣ ложились спать,—вечера, проводимые съ глазу на глазъ съ Гааномъ, причемъ нельзя было даже сыграть партію въ «юкеръ» или выпить кружку-другую пива, потому что картъ не было, а пиво напоминало уксусъ.

При такихъ обстоятельствахъ они утѣшались «шнапсомъ» или Экерстальскимъ виномъ. Но у Фрица, со времени его бѣгства изъ Гюнебурга, опьяненіе было удивительно меланхолическое и нѣжное; даже эта кислятина, отъ которой заплясали бы козы, наводила его на меланхолическія мысли. Онъ разсказывалъ старыя исторіи: исторію женитьбы своего дѣда Никласа на бабкѣ Горжель, или приключеніе своего двоюроднаго дѣда Серафіона Кобуса, совѣтника при главномъ фазаньемъ дворѣ курфюрста Ганса-Петера XVII, который, то есть дѣдушка, а не курфюрстъ—неожиданно влюбился въ шестидесятидвухлѣтнемъ возврастѣ въ танцовщицу изъ французской оперы, Розу фонъ Помпонъ, такъ что таскался за ней по всѣмъ ярмаркамъ и театрамъ, чтобы наслаждаться ея лицезрѣніемъ.

Фрицъ тянулъ и размазывалъ подробности, а Гаанъ дремалъ и лишь время отъ времени зѣвалъ въ руку и мямлилъ: «Неужели? Можетъ ли быть»? Или внезапно разражался смѣхомъ, самъ не зная почему, и лепеталъ:

— Хе, хе, хе! Забавныя дѣла творятся на этомъ свѣтѣ! Продолжай, Кобусъ, продолжай, я слушаю. Но я вспомнилъ сейчасъ объ этомъ животномъ, Шульцѣ, который допустилъ, чтобы крестьяне стянули съ него сапоги въ лужѣ.

Фрицъ продолжалъ свою сантиментальную исторію, и такимъ образомъ наступалъ часъ ложиться спать.

Очутившись въ спальнѣ съ двумя кроватями, между которыми ставили ящикъ, причемъ дверь запирали на задвижку, Кобусъ сообщалъ новыя подробности о несчастной страсти дѣдушки Серафіона и дурномъ характерѣ дѣвицы Розы фонъ-Помпонъ, пока его не прерывалъ громогласный, какъ труба, храпъ Гаана,—это вынуждало его докончить разсказъ самому себѣ— и всегда завершая его бракомъ.

XII.

Однажды утромъ, проѣзжая по очень плохой дорогѣ, въ долинѣ ее, межъ тѣмъ какъ Гаанъ осторожно правилъ, стараясь не попадать въ выбоины, нашъ пріятель Кобусъ съ горечью размышлялъ о томъ, что всякая мудрость въ концѣ концовъ суета суетъ; онъ былъ очень грустенъ и говорилъ самому себѣ:

— Много тебѣ пользы, Фрицъ, отъ того, что ты двадцать лѣтъ старался держать голову въ холодѣ, животъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ? Несмотря на все твое благоразуміе, слабое существо возмутило твой покой однимъ своимъ взглядомъ. Какая тебѣ польза бѣжать изъ своего дома, если эта безумная мысль слѣдуетъ за тобою всюду и ты никогда не можешь избавиться отъ нея? Къ чему тебѣ было собирать такъ предусмотрительно превосходныя вина и все, что можетъ утѣшать вкусъ и обоняніе, втеченіе многихъ лѣтъ, не одному человѣку, а многимъ, если тебѣ достаточно теперь выпить стаканъ вина, чтобы раскиснуть, какъ старая прачка, и пуститься разсказывать исторіи, которыя сдѣлали бы тебя посмѣшищемъ Давида, Шульца, Гаана, если бы они узнали, почему ты ихъ разсказываешь? Нѣтъ для тебя никакого утѣшенія!

Думая объ этихъ вещахъ, онъ восклицалъ мысленно вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ:

— Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: дай испытаю себя весельемъ и наслажусь благами земли, но и это суета! Искалъ я въ сердцѣ моемъ средства ублажить себя, но чтобы сердце мое придерживалось мудрости. Я построилъ себѣ дома, насадилъ сады и виноградники, устроилъ водоемы и развелъ въ нихъ деликатныхъ рыбъ; я собралъ богатства и возвеличился; и оглянулся я на всѣ дѣла мои, и вотъ все суета! И если меня постигла та же участь, что безумнаго, то къ чему же я сдѣлался очень мудрымъ? Эта маленькая Сюзель донимаетъ меня такъ, что и выразить невозможно, и все-таки душа моя веселится ею! Я и мое сердце, мы обращались во всѣ стороны, чтобы изслѣдовать и разсмотрѣть мудрость, и нашли только зло безумія, глупости и неблагоразумія: мы нашли эту дѣвочку, улыбка которой есть свѣтъ, а взглядъ узы; не безуміе ли это? Почему же она не повредила ногу въ тотъ же день, когда шла въ Гюнс-

бургъ? Почему я увидѣлъ ее среди веселаго праздника, а позднѣе, въ увлеченіи музыкой? Почему все это произошло именно такимъ образомъ, а не инымъ? А теперь, Фрицъ, почему ты не можешь отдѣлаться отъ этой суеты?

Онъ обливался потомъ и невыразимо тосковалъ. Но всего болѣе докучалъ ему Гаанъ, который вытаскивалъ изъ соломы бутылку, и говорилъ:

— Ну, Кобусъ, глотнемъ хорошенько! Какая жарища въ этихъ долинахъ!

— Спасибо,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ не хочется пить.

Онъ боялся, что опять примется разсказывать амурныя исторіи своихъ предковъ, а подъ конецъ, пожалуй, разскажетъ и свою.

— Какъ! Не хочется пить!—воскликнулъ Гаанъ.—Это невозможно! Ну-ка!

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня что-то здѣсь неладно,—отвѣчалъ Кобусъ, кладя руку на желудокъ.

— Это потому, что мы мало выпили вчера, слишкомъ рано легли спать,—убѣждалъ толстый сборщикъ,—выпей глоточекъ и поправишься.

— Нѣтъ, спасибо.

— Не хочешь? Напрасно.

Тогда Гаанъ поднималъ локоть, и Фрицъ видѣлъ, какъ его горло вздувалось и опадало съ видомъ несказаннаго наслажденія. Затѣмъ толстякъ переводилъ духъ, прихлопывалъ ладонью пробку, засовывалъ бутылку себѣ подъ ноги и говорилъ:

— Пользительно. Но, но, Фу, пошевеливайся!

— Какой матеріалистъ этотъ Гаанъ,—думалъ Фрицъ, — только и думаетъ о питьѣ и ѣдѣ!

— Кобусъ,—начиналъ его пріятель серьезнымъ тономъ,— ты наживешь болѣзнь, берегись! Вотъ уже два дня ты ничего не пьешь, это дурной знакъ. Ты худѣешь; а толстымъ людямъ опасно худѣть, какъ тощимъ жирѣть.

— Чортъ бы тебя побралъ!—думалъ Фрицъ, а по временамъ ему приходило въ голову, что Гаанъ подозрѣваетъ что-то; тогда, весь красный, онъ слѣдилъ за нимъ искоса, но тотъ оставался такимъ благодушнымъ, что опасенія разсѣивались.

Наконецъ, спустя два часа, они выѣхали на гладкую песчанистую дорогу на днѣ долины, и Гаанъ, указывая хлыстомъ

на сотню ветхихъ лачужекъ на противоположномъ склонѣ, въ полугорѣ, ниже часовни, стоявшей на самомъ верху, въ облакахъ, сказалъ меланхолическимъ тономъ:

— Вотъ Вильдландъ, о которомъ я говорилъ тебѣ въ Гюнсбургѣ. Мы будемъ тамъ черезъ четверть часа. Посмотри, вонъ тамъ, на деревѣ два «ex-voto» *), а тамъ внизу другой, четки въ разсѣлинѣ скалы; мы будемъ встрѣчать это на каждомъ шагу: просто бѣда, ни одной дороги въ исправномъ состояніи, а «ex-voto» повсюду! И подумать, что эти люди заказываютъ мессу всякій разъ, какъ у нихъ наберется четыре су, а бѣдняга Гаанъ долженъ кричать, стучать кулакомъ по столу и надрываться, чтобъ получить королевскую подать! Вѣрь не вѣрь, Кобусъ, но у меня сердце обливается кровью, когда я пріѣзжаю сюда, чтобы требовать деньги и продавать съ молотка постройки цѣной въ четыре «крейцера» и мебель цѣной въ два «пфеннига».

Говоря это, Гаанъ нахлестывалъ Фу, которая пустилась въ галопъ.

Деревня находилась въ двухъ или трехстахъ шагахъ надъ ними, на краю глубокаго и крутого ущелья, въ формѣ подковы.

Дорога, по которой поднимался шарабанъ, была завалена пескомъ, каменьями, гравіемъ, изрыта глубокими колеями отъ тяжелыхъ мѣстныхъ телѣгъ, запряженныхъ быками и коровами, и такъ узка, что мѣстами ось задѣвала за оба склона, между которыми пролегала дорога.

Разумѣется Фу вскорѣ поплелась попрежнему и только черезъ четверть часа они достигли двухъ первыхъ хижинъ, настоящихъ лачугъ, въ пятнадцать-двадцать футовъ высотой, обращенныхъ заднимъ фасадомъ къ долинѣ, дверями и двумя маленькими окнами къ дорогѣ. Женщина, съ рыжими волосами, прикрытыми ситцевымъ чепцомъ, съ исхудалымъ лицомъ, длинной шеей, по которой шла глубокая рытвина отъ нижней челюсти до груди, съ неподвижнымъ мутнымъ взглядомъ, заостреннымъ носомъ, стояла на порогѣ первой хижины и смотрѣла на экипажъ.

У дверей другой лачуги, напротивъ, сидѣлъ ребенокъ двухъ

---

*) Даръ, приносимый въ жертву святымъ, и т. п.

или трехъ лѣтъ, въ изорванной рубашенкѣ, смуглый, съ желтыми волосами; онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и недовѣрчиво.

Фрицъ наблюдалъ это странное зрѣлище. Грязная улица, риги, полныя соломой, сараи, тусклыя окошечки, открытыя двери, провалившіяся крыши: все это, скученное на небольшомъ пространствѣ, безпорядочно выдѣлялось на зеленомъ фонѣ еловаго лѣса.

Экипажъ пробрался по улицѣ среди кучъ навоза; черная собаченка, задравъ хвостъ крючкомъ, съ лаемъ кинулась на лошадь. Тогда въ дверяхъ хижинъ стали появляться люди, старые и молодые, въ грязныхъ блузахъ и холщевыхъ штанахъ, съ голой грудью, въ разстегнутыхъ рубашкахъ.

Проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ по деревнѣ, они увидѣли налѣво церковь, чистую, бѣлую, съ новыми стеклами, веселую и нарядную среди этой нищеты; кладбище, съ маленькими крестами, расположилось вокругъ нея

— Пріѣхали,—сказалъ Гаанъ.

Экипажъ остановился въ рытвинѣ, на углу дома, окрашеннаго въ желтую краску, лучшаго въ деревнѣ, послѣ дома кюрэ. Онъ былъ одноэтажный, съ пятью окнами, тремя вверху, двумя внизу. Входъ въ него былъ сбоку, черезъ сарай. Въ этомъ сараѣ лежали вязанки хвороста, пила, топоръ и клинья; ниже помѣщались наклонно двѣ или три большія каменныя плиты, по которымъ вода съ крыши стекала на улицу, гдѣ остановился шарабанъ.

Фрицъ и Гаанъ не успѣли сойти съ экипажа и вступить на плиты, какъ у дверей появился маленькій человѣчекъ, съ носомъ сороки, замѣтившей что-нибудь лакомое, бѣлобрысый, съ свѣтло-голубыми глазами.

— Хе, хе, хе, господинъ Гаанъ,—сказалъ онъ,—вы явились двумя днями раньше, чѣмъ въ прошломъ году.

— Это правда, Шнеегансъ, — отвѣтилъ толстый сборщикъ,—но я васъ предупредилъ. Вы, конечно, распорядились насчетъ публикаціи.

— Какъ же, господинъ Гаанъ, «бейтель» *) расхаживаетъ съ утра; прислушайтесь... вотъ онъ барабанитъ на площади.

Въ самомъ дѣлѣ съ деревенской площади доносился тощій

---

*) Сторожъ.

барабанный бой. Кобусъ оглянулся и увидѣлъ подлѣ колодца рослаго малаго въ блузѣ, съ шапкой на затылкѣ, съ рогомъ на спинѣ, съ краснымъ носомъ, впалыми щеками, который билъ въ барабанъ, а потомъ закричалъ визгливымъ голосомъ, между тѣмъ какъ толпа людей прислушивалась изъ оконъ:

— Объявляемъ, что господинъ «einnehmer» *) Гаанъ остановился въ гостиницѣ «Вороной Лошади», гдѣ ожидаетъ плательщиковъ податей, которые еще не заплатили, и будетъ ждать ихъ до двухъ часовъ; если они не явятся къ этому времени, то должны будутъ въ теченіе двухъ недѣль явиться въ Гюнебургъ, если не хотятъ видѣть у себя «штейербота **).

Послѣ этого «бейтель» отправился дальше, продолжая барабанить, а Гаанъ, взявъ свои списки, отправился въ гостиницу; Кобусъ слѣдовалъ за нимъ. Они поднялись по деревянной лѣстницѣ и очутились наверху въ комнатѣ, такой же, какъ нижняя, только болѣе свѣтлой и украшенной двумя кроватями съ балдахиномъ, такими высокими, что взобраться на нихъ можно было только подставивъ стулъ. Направо находился четырехугольный столъ. Два или три деревянныхъ стула, старый барометръ, висѣвшій за дверью, и, по выбѣленнымъ стѣнамъ, ярко раскрашенныя изображенія святого Маклофа, святого Іеронима, и святой Дѣвы, составляли убранство этой комнаты.

— Наконецъ-то,—сказалъ толстый сборщикъ, садясь и отдуваясь,—вотъ мы и на мѣстѣ. Ты увидишь нѣчто любопытное, Кобусъ.

Онъ раскрылъ списки и отвинтилъ крышку своей чернильницы. Кобусъ, стоя у окна, смотрѣлъ черезъ крыши па огромную голубоватую долину и луга на днѣ ея; передъ лугами фруктовые сады и садики, окруженные ветхими заборами или живыми изгородями, а кругомъ мрачные еловые лѣса; это напоминало ему ферму въ Мейзенталѣ!

Вскорѣ внизу послышался сильный шумъ: вся деревня, мужчины и женщины, собралась въ гостиницу. Въ ту же минуту вошелъ Шнеегансъ съ бутылкой бѣлаго вина и двумя стаканами:

— Впускать всѣхъ разомъ?—спросилъ онъ.

---

*) Сборщикъ.
**) Приставъ.

— Нѣтъ, по одиночкѣ, по вызову,—отвѣтилъ Гаанъ, наполняя стаканы.—Ну, выпей стаканчикъ, Фрицъ! Намъ не придется сегодня открывать большой мѣшокъ; я увѣренъ, что они сдѣлали новое пожертвованіе въ церковь.

Нагнувшись надъ перилами, онъ крикнулъ:

— Францъ Лаеръ!

Въ ту же минуту лѣстница заскрипѣла подъ тяжелыми шагами, и пока сборщикъ усаживался за столомъ, въ комнату вошелъ рослый молодецъ въ синей блузѣ и широкой, черной войлочной шляпѣ. Его длинное, костлявое и желтое лицо казалось безстрастнымъ. Онъ остановился на порогѣ.

— Францъ Лаеръ,—сказалъ ему Гаанъ—за вами девять флориновъ недоимки и четыре флорина текущаго сбора.

Крестьянинъ завернулъ блузу, засунулъ руку до локтя въ карманъ панталонъ и положилъ на столъ восемь флориновъ, сказавъ:

— Вотъ!

— Какъ, вотъ? Что это значитъ ?Вы должны тринадцать флориновъ.

— У меня больше нѣтъ; моя дочка была у перваго причастія недѣлю тому назадъ, это мнѣ стоило не мало! А кромѣ того, я пожертвовалъ четыре флорина на новый плащъ святому Маклофу.

— Новый плащъ святому Маклофу?

— Да, коммуна купила новый плащъ, великолѣпнѣйшій, съ золотымъ шитьемъ, святому Маклофу, нашему патрону.

— А! а! Очень хорошо,—отвѣтилъ Гаанъ, искоса поглядывая на Кобуса,—такъ бы вы и сказали съ самаго начала, разъ что вы купили новый плащъ святому Маклофу... Старайтесь только, чтобы ему ничего не понадобилось въ будущемъ году. Итакъ, я пишу:—Принято восемь флориновъ.

Гаанъ написалъ квитанцію и отдалъ ее Лаеру, сказавъ:

— Остается за вами пять флориновъ, которые вы должны заплатить не позже трехъ мѣсяцевъ, иначе я вынужденъ буду прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ.

Крестьянинъ вышелъ, а Гаанъ сказалъ Фрицу:

— Это лучшій въ деревнѣ, помощникъ мэра; можешь судить, каковы остальные.

Затѣмъ онъ крикнулъ съ мѣста:

— Жозефъ Бемъ!

Вошелъ плательщикъ, старикъ дровосѣкъ, и уплатилъ четыре флорина вмѣсто двѣнадцати; затѣмъ другой—два флорина вмѣсто тринадцати, и такъ дальше: всѣ они пожертвовали на плащъ святому Маклофу, и у каждаго имѣлся братъ, сестра, ребенокъ въ чистилищѣ, за которыхъ нужно было служить мессы; женщины стонали, воздѣвали руки къ небу, призывали Святую Дѣву; мужчины держались спокойно.

Наконецъ, одинъ за другимъ послѣдовали пятеро или шестеро, не уплатившіе ничего; и Гаанъ, въ бѣшенствѣ бросившись къ дверямъ, заоралъ неистовымъ голосомъ:

— Идите, идите всѣ, бездѣльники! Идите сюда!

На лѣстницѣ поднялась суматоха. Гаанъ вернулся на мѣсто, а Кобусъ, сидя подлѣ него, смотрѣлъ на входящихъ. Въ двѣ минуты половина комнаты была полна народа: мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ, въ блузахъ, въ курткахъ, въ заплатанныхъ юбкахъ; всѣ сухопарые, тощіе, оборванные, съ настоящими лошадиными головами: узкій лобъ, выдающіяся скулы, длинные носы, тусклые глаза, безстрастное выраженіе.

Нѣкоторые, болѣе гордые, старались держаться съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ и подбоченившись. Двѣ или три старухи смотрѣли съ гнѣвомъ и презрѣніемъ; блѣдныя молодыя дѣвушки, съ волосами цвѣта льняной кудели, и другія, маленькаго роста, со вздернутыми носами, смуглыя, какъ черника, подталкивали другъ друга локтями, шушукались и поднимались на цыпочки, чтобы лучше видѣть.

Сборщикъ, съ багровымъ лицомъ, съ взъерошенными остатками волосъ на лысой головѣ, дожидался пока всѣ соберутся, дѣлая видъ, что читаетъ реестръ. Наконецъ, онъ рѣзко повернулся, и спросилъ, кто еще намѣренъ заплатить.

Одна старуха дала два крейцера; всѣ остальные не шелохнулись.

Тогда Гаанъ воскликнулъ:

— Мнѣ сказали, что вы купили прекрасный новый плащъ патрону вашей деревни; и такъ какъ три четверти изъ васъ ходятъ безъ рубашекъ, то я думалъ, что блаженный святой Маклофъ, въ благодарность за ваше доброе усердіе, самъ принесетъ мнѣ слѣдуемыя съ васъ деньги. Я и мѣшки приготовилъ—видите, и заранѣе радовался; однако никто не пришелъ: королю

придется долго ждать, если онъ будетъ надѣяться, что святые наполнятъ его кассы.

Желалъ бы я знать, однако, что сдѣлалъ для васъ святой Маклофъ, какія услуги онъ вамъ оказалъ, что вы отдаете ему всѣ ваши деньги?

Провелъ онъ вамъ дорогу, по которой вы бы могли возить въ городъ вашъ лѣсъ, скотъ, овощи? Платитъ онъ жандармамъ, которые поддерживаютъ порядокъ? Помѣшалъ бы вамъ святой Маклофъ обворовывать, грабить и убивать другъ друга, если бъ не было властей?

Не безобразіе ли это, — возлагать все бремя на короля, издѣваться, подобно вамъ, надъ тѣмъ, кто платитъ на содержаніе арміи, защищающей отечество, пословъ, представляющихъ достоинство родины, архитекторовъ, инженеровъ, рабочихъ, которые строятъ каналы, мосты, дороги, зданія всякаго рода, составляющія честь и славу нашей націи; «штейерботовъ», чиновниковъ, жандармовъ, благодаря которымъ каждый можетъ сохранить то, что у него есть; судьямъ, которые отправляютъ правосудіе согласно нашимъ старымъ законамъ, нашимъ старымъ обычаямъ и нашему писаному праву?.. Не безобразіе ли не платить на все это, не помогать, какъ подобаетъ честнымъ людямъ, а нести всѣ ваши крейцеры святому Маклофу, Лалла-Бумфелю, о которыхъ нѣтъ ни слова въ священномъ Писаніи, и которые отнимаютъ у васъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ дней въ году, не считая пятидесяти двухъ воскресеній.

Или вы думаете, что это можетъ длиться вѣчно? Вы не видите, что это противно здравому смыслу, справедливости, всему?

Будь у васъ немного побольше совѣсти, развѣ вы не приняли бы въ соображеніе услуги, которыя вамъ оказываетъ вашъ милостивый монархъ, отецъ своихъ подданныхъ, благодаря которому вы можете спокойно ѣсть свой хлѣбъ? Не стыдно вамъ отдавать всѣ ваши гроши святому Маклофу, межъ тѣмъ какъ я тщетно дожидаюсь здѣсь уплаты вашего долга государству?

Слушайте! Если бы король не былъ такъ добръ, такъ терпѣливъ, онъ давно бы приказалъ продать ваши лачуги, и вы бы увидѣли, соблаговолили бы ваши святые построить вамъ новыя.

Но если вы такъ вѣрны святому Маклофу, почему же вы

не поступите такъ же, какъ онъ, не оставите вашихъ женъ и дѣтей, и не пойдете по міру, питаясь подаяніемъ? Естественно было бы послѣдовать его примѣру! Другіе взялись бы обрабатывать ваши земли и исполнять за васъ обязаности по отношенію къ монарху.

Оглянитесь кругомъ, на жителей Шнеемата, Гакмата, Урмата и другихъ деревень: они воздаютъ Кесарево Кесарю, а Божіе Богу, согласно божественнымъ словамъ нашего Господа Іисуса Христа. Посмотрите на нихъ: они добрые христіане, они работаютъ, а не выдумываютъ каждый день новые праздники, чтобы имѣть предлогъ коснѣть въ лѣности и пропивать свои деньги въ кабакѣ. Они не покупаютъ расшитыхъ золотомъ плащей; они предпочитаютъ покупать башмаки своимъ дѣтямъ, тогда какъ вы ходите босые, точно дикари.

Пятьдесятъ праздниковъ въ годъ на тысячу человѣкъ составитъ пятьдесятъ тысячъ потерянныхъ рабочихъ дней! Если вы бѣдны, несчастны, не можете платить королю, то этимъ вы обязаны вашимъ святымъ.

Я говорю вамъ все это, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего несноснѣе, какъ пріѣзжать сюда каждые три мѣсяца, чтобы исполнять свой долгъ, и находить нищихъ—несчастныхъ и голыхъ по собственной винѣ—которые вдобавокъ смотрятъ на тебя, какъ на антихриста, когда ты требуешь отъ нихъ то, что слѣдуетъ монарху во всѣхъ христіанскихъ странахъ, и даже у дикарей, каковы турки и китайцы. Вся вселенная платитъ подати, чтобъ пользоваться порядкомъ и свободой труда; вы одни отдаете все святому Маклофу, а вѣдь стоитъ взглянуть на васъ, чтобъ видѣть, какъ онъ васъ вознаграждаетъ за это!

Теперь, предупреждаю васъ вотъ о чемъ: къ тѣмъ, кто не уплатитъ въ теченіе восьми дней, будетъ присланъ «штейерботъ». Терпѣніе Его Величества велико, но и ему есть границы.

Я кончилъ. — Ступайте и помните, что сказалъ вамъ Гаанъ: къ вамъ явится «штейерботъ».

Послѣ этого они ушли толпою, ничего не отвѣтивъ.

Фрицъ былъ ошеломленъ краснорѣчіемъ своего пріятеля; когда послѣдніе плательщики исчезли на лѣстницѣ, онъ сказалъ:

— Послушай, Гаанъ, ты говорилъ, какъ настоящій ораторъ; но, между нами, ты слишкомъ суровъ съ этими бѣдняками.

— Слишкомъ суровъ!—воскликнулъ сборщикъ, поднимая свою взъерошенную голову.

— Да, ты ничего не понимаешь въ чувствѣ... Въ жизни чувства...

— Въ жизни чувства?—повторилъ Гаанъ.—Да ты смѣешься надо мною, Фрицъ... Ха! ха! ха! Я вѣдь не старый реббе Давидъ... Твоя серьезная мина не обманетъ меня... Я тебя знаю!.

— А я тебѣ говорю,—воскликнулъ Кобусъ,—что несправедливо упрекать этихъ крестьянъ за ихъ вѣру и вмѣнять имъ ее въ преступленіе. Человѣкъ живетъ на землѣ не для того, чтобъ собирать деньги да наполнять себѣ брюхо! Эти бѣдняки, съ ихъ наивной вѣрой и картофелемъ, быть можетъ болѣе счастливы, чѣмъ ты, съ твоими омлетами, угрями и хорошимъ виномъ.

— Хе! хе! шутникъ!..—сказалъ Гаанъ, кладя ему руку на плечо.—Разсказывай сказки; сдается мнѣ, что ни я, ни ты не жили до сихъ поръ «ex-voto» и картофелемъ, и я надѣюсь, что это съ нами не такъ-то скоро случится. Ты, я вижу, вздумалъ подшутить надъ старымъ Гааномъ! Совсѣмъ новыя идеи и теоріи!

Разговаривая такимъ образомъ, они собирались спуститься внизъ, когда у дверей послышался легкій шумъ. Они оглянулись и увидѣли у стѣны дѣвушку шестнадцати или семнадцати лѣтъ, стоявшую опустивъ глаза. Она была блѣдна и хрупка, въ сѣромъ холщевомъ платьѣ, босая; прекрасныя бѣлокурыя волосы обрамляли ея виски, и странное сходство наполнило душу Кобуса нѣжной жалостью, какой онъ еще никогда не испытывалъ: ему показалось, будто онъ видитъ маленькую Сюзель, но исхудалую, больную, дрожащую, истощенную крайней нищетой. Сердце его сжалось, холодъ пробѣжалъ по щекамъ.

Гаанъ, съ своей стороны съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣвушку.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ рѣзко.—Реестры уложены, сборъ конченъ; вы должны заплатить въ Гюнебургѣ.

— Господинъ сборщикъ,—отвѣтила бѣдняжка послѣ минутнаго молчанія,—я пришла вмѣсто моей бабушки Анны Эвигъ. Она уже пять мѣсяцевъ не встаетъ съ постели. Съ нами случилось большое несчастье; мой отецъ зимою попалъ подъ сани въ Кольплацѣ... онъ умеръ... намъ пришлось много платить за упокой его души.

Гаанъ, который начиналъ было смягчаться, съ негодованіемъ

взглянулъ на Фрица, точно говорилъ:—Видишь, опять святой Маклофъ!

Потомъ сказалъ громко:

— Это несчастія, которыя могутъ случаться со всѣми; мнѣ очень жаль, но казначейство не спрашиваетъ у меня, кто изъ плательщиковъ счастливъ, кто несчастливъ, оно спрашиваетъ, сколько денегъ я принесъ; и если оказывается, что денегъ не хватаетъ, то я долженъ дополнять изъ собственнаго кармана. Твоя бабушка должна восемь флориновъ; я заплатилъ за нее въ прошломъ году, но не могу платить постоянно.

Бѣдная дѣвочка совсѣмъ пригорюнилась; видно было, что она готова заплакать.

— Послушай, — продолжалъ Гаанъ,—ты пришла сообщить мнѣ, что не можешь ничего заплатить; что у твоей бабушки нѣтъ ни единаго су; для этого не стоило приходить, я и самъ это знаю.

Не поднимая глазъ, она тихонько протянула и открыла руку, въ которой оказался флоринъ.

— Мы продали нашу козу... чтобы заплатить хоть часть,— сказала она прерывающимся голосомъ.

Кобусъ повернулся къ окну; сердце его надрывалось.

— Въ зачетъ,—произнесъ Гансъ,—вѣчно въ зачетъ! Да хоть бы стоило хлопотать.

Однако, онъ открылъ квитанціонную книгу и сказалъ:

— Ну, иди сюда!

Дѣвочка подошла; но Фрицъ, нагнувшись къ сборщику, который началъ писать, шепнулъ ему на ухо:

— Полно, брось это.

— Какъ такъ?—возразилъ Гаанъ съ недоумѣніемъ.

— Смарай все.

— Какъ... смарай?

— Ну, да!—Возьми свои деньги,—прибавилъ Фрицъ, обращаясь къ дѣвочкѣ.

И сказалъ на ухо Гаану:

— Я плачу.

— Восемь флориновъ?

— Да.

Гаанъ отложилъ перо, задумался и, поглядѣвъ на дѣвочку, сказалъ важнымъ тономъ:

— Вотъ г. Кобусъ изъ Гюнебурга, онъ платитъ за васъ. Скажи это своей бабушкѣ. Не святой Маклофъ платитъ, а г. Кобусъ, человѣкъ серьезный, разсудительный, который дѣлаетъ это по добротѣ душевной.

Дѣвочка подняла глаза и Фрицъ увидѣлъ, что они свѣтлоголубые, какъ у Сюзель, и полные слезъ. Она уже положила на столъ свой флоринъ; онъ взялъ его, порылся въ карманѣ, досталъ еще пять или шесть и протянулъ ей, говоря:

— Вотъ, дитя мое, постарайтесь вернуть вашу козу или купить другую, не хуже. Теперь можешь идти.

Но она не двигалась, и Гаанъ, увидавъ ея мысль, сказалъ:

— Ты хочешь поблагодарить господина, не правда ли?

Она молча наклонила голову.

— Хорошо, хорошо,—продолжалъ онъ.—Разумѣется, мы знаемъ, что ты должна думать: на васъ свалилась милость неба. Старайтесь же не входить въ недоимку. Не такъ ужъ трудно отложить два су въ недѣлю, чтобы имѣть спокойную совѣсть. Ступай, твоя бабушка обрадуется.

Дѣвочка, бросивъ на Кобуса взглядъ невыразимой благодарности, вышла и спустилась съ лѣстницы. Взволнованный Фрицъ подошелъ къ окну; онъ видѣлъ, какъ бѣдняжка пустилась бѣгомъ по улицѣ, точно у нея выросли крылья.

— Вотъ мы и кончили съ дѣлами,—сказалъ Гаанъ,—теперь въ путь!

Оглянувшись, Кобусъ увидѣлъ, что онъ уже выходитъ съ книгами подъ мышкой. Онъ вытеръ глаза и пошелъ за нимъ.

— Какъ! — воскликнулъ Шнеегансъ, встрѣтившій ихъ внизу, въ большой комнатѣ,—развѣ вы не пообѣдаете передъ отъѣздомъ, господинъ сборщикъ?

— Ты хочешь ѣсть, Кобусъ?—спросилъ Гаанъ.

— Нѣтъ.

— Я тоже не хочу; можете пожертвовать вашъ обѣдъ святому Маклофу! Каждый разъ, когда я попадаю въ этотъ злосчастный уголъ, я разстроенъ на цѣлыхъ двѣ недѣли; все это меня выбиваетъ изъ колеи. Запрягите лошадь, Шнеегансъ, это все, что я отъ васъ требую.

Хозяинъ вышелъ. Гаанъ и Фрицъ, стоя у воротъ, смотрѣли

какъ онъ выводилъ лошадь и запрягалъ. Кобусъ усѣлся, Гаанъ заплатилъ по счету, взялъ возжи и хлыстъ, и отправились.

Было около двухъ часовъ. Всѣ жители деревни, стоя у своихъ лачужекъ, смотрѣли, какъ они проѣзжали; впрочемъ никто не подумалъ снять шляпу.

Они направились по дорогѣ, спускавшейся по дну рытвины.

Тѣнь скалы Маклофа достигала долины; противоположный склонъ былъ залитъ свѣтомъ. Гаанъ задумался; Фрицъ, опустивъ голову, въ первый разъ отдался чувствамъ любви и нѣжности, которыя съ нѣкоторыхъ поръ вторглись въ его душу. Онъ закрывалъ глаза и видѣлъ передъ собою то Сюзель, то бѣдную дѣвочку Вильдланда. Сборщикъ, стараясь благополучно провести экипажъ между каменьями и выбоинками, не говорилъ ни слова.

Въ пять часовъ экипажъ катился по песчаной дорогѣ Тифенбаха. Гаанъ, взглянувъ на Кобуса, увидѣлъ, что тотъ сидитъ какъ будто въ забытьи, слегка покачивая головой; онъ закурилъ трубку и поѣхалъ дальше. Проѣхавъ полмили и желая сократить путь, онъ вышелъ изъ шарабана, взялъ лошадь подъ-уздцы и повелъ ее по крутому подъему Танневальда. Фрицъ остался на мѣстѣ; онъ не спалъ, какъ думалъ его товарищъ, а предавался мечтамъ!.. Никогда еще въ жизни онъ такъ не мечталъ.

Между тѣмъ вечеръ опускался надъ лѣсами, долины наполнялись сумракомъ; но вершины еще свѣтились.

Послѣ добраго часа подъема, причемъ Фу и Гаанъ время отъ времени останавливались перевести духъ, шарабанъ выбрался, наконецъ, на плато. Теперь оставалось только проѣхать лѣсъ, чтобы увидѣть Гюнебургъ.

Сборщикъ, который, несмотря на свое брюхо, шелъ довольно быстро, влѣзъ теперь въ экипажъ, усѣлся, щелкнулъ хлыстомъ и крикнулъ:

— Впередъ! Гопъ! Гопъ!

И Фу побѣжала рысью, какъ будто не сдѣлала передъ тѣмъ четырехъ миль по трудной горной дорогѣ.

Ахъ! Какъ хорошъ видъ, какъ прекрасенъ закатъ солнца, когда, выѣхавъ изъ долины, вы внезапно увидите пурпурный вечерній свѣтъ сквозь высокіе султаны березъ, отчетливо выдѣляющихся на небѣ, а тысячи лѣсныхъ благоуханій разливаются вокругъ васъ въ воздухѣ!

Экипажъ двигался по лѣсной опушкѣ; иногда становилось

совсѣмъ темно, вѣтви огромныхъ деревьевъ смыкались сводомъ; иногда кусочекъ багроваго неба показывался изъ-за деревьевъ; кустарники тянулись непрерывной чередой, а солнце все спускалось; всякій разъ, появляясь въ просвѣтѣ между деревьями, оно оказывалось градусомъ ниже. Вскорѣ верхушки травъ выдѣлялись на его жизнерадостномъ лицѣ, истинномъ лицѣ Силена, багровомъ и увѣнчанномъ виноградными вѣтками. Наконецъ, оно исчезло, и длинныя золотыя покрывала окутали его въ безднѣ: сѣрые ночные тона завладѣли небомъ; нѣсколько звѣздочекъ уже мерцали надъ мрачными массивами лѣса, въ глубинахъ безконечности.

Мечтательное настроеніе Кобуса еще усилилось въ этотъ часъ; онъ прислушивался къ шороху колесъ по песку, къ звукамъ копытъ, ударявшихся о кремни, къ вспархиванію птицъ, слетавшихъ съ дороги при приближеніи экипажа. Спустя нѣкоторое время Гаанъ замѣтилъ, что одинъ изъ ремней отстегнулся. Онъ остановилъ лошадь и слѣзъ. Фрицъ открылъ глаза, чтобы посмотрѣть, что случилось: луна всходила, тропинка была озарена бѣлымъ свѣтомъ.

Когда сборщикъ застегивалъ пряжку, работники и работницы, возвращавшіеся домой, запѣли старинную пѣсню:

«Когда вспоминаю о милой!»

Въ лѣсу стало какъ будто еще тише, точно сами деревья прислушивались къ этимъ сильнымъ и мягкимъ голосамъ, сливавшимся въ чувствѣ любви.

Пѣвцы находились недалеко, слышны были ихъ шаги на лѣсной опушкѣ; они шли въ ногу.

Гаанъ и Кобусъ не разъ слышали эту пѣсню; но теперь она показалась имъ такой прекрасной, такъ гармонирующей съ этимъ безмолвнымъ лѣсомъ, что они слушали въ какомъ-то поэтическомъ восторгѣ. Но волненіе Фрица было совсѣмъ иного рода, чѣмъ Гаана: среди этихъ голосовъ выдѣлялся одинъ, чистый, высокій, звонкій, который всякій разъ начиналъ строфу и заканчивалъ послѣднимъ, точно небесный вздохъ. Ему казалось, что онъ узнаетъ этотъ свѣжій, нѣжный, страстный голосъ, и его сердце всецѣло переселилось въ слухъ.

Спустя минуту Гаанъ, державшій Фу подъ уздцы, чтобъ она не мотала головой, сказалъ:

— Правильно. Хорошо у насъ поютъ, однако. Поищите-ка въ другомъ мѣстѣ...

— Тише!—перебилъ его Кобусъ.

Старинная пѣсня снова началась, удаляясь, и тотъ же голосъ выдѣлялся, сильный и трогательный, среди всѣхъ остальныхъ. Наконецъ, шумъ листьевъ заглушилъ его.

— Хороши эти старинныя пѣсни, — сказалъ сборщикъ, влѣзая въ шарабанъ.

— Гдѣ мы находимся?—спросилъ Фрицъ.

— Подлѣ скалы Горлицъ, въ двадцати минутахъ ходьбы отъ твоей фермы,—отвѣтилъ Гаанъ, усаживаясь и погоняя лошадь.

— Это былъ голосъ Сюзель,—подумалъ Кобусъ,—я такъ и зналъ.

Выбравшись изъ лѣса, Фу пустилась въ галопъ: она почуяла конюшню. Гаанъ, радуясь предстоящимъ кружкамъ пива, говорилъ о талантахъ старой Германіи, о старинныхъ романсахъ, о миннезингерахъ. Кобусъ не слушалъ, мысли его были въ другомъ мѣстѣ; они уже проѣхали ворота Гильдебрандта, онъ не замѣчалъ свѣта, лившагося изъ оконъ, какъ вдругъ экипажъ остановился.

— Ну, старина, ты можешь сойти, вотъ твой домъ,—сказалъ Гаанъ.

Онъ оглянулся и вышелъ изъ шарабана.

— Покойной ночи, Кобусъ!——крикнулъ сборщикъ.

— Покойной ночи,—отвѣтилъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ глубокой задумчивости.

Въ этотъ вечеръ старуха Кател, обрадованная его возвращеніемъ, собиралась перевернуть вверхъ дномъ всю кухню, чтобы отпраздновать его возвращеніе, но ему не хотѣлось ѣсть.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не нужно... Я обѣдалъ... спать хочу.

Онъ улегся спать.

Такъ этотъ бонъ-виванъ, этотъ лакомка, этотъ тонкій гастрономъ Кобусъ, удовольствовался ломтемъ ветчины утромъ и стариннымъ романсомъ вечеромъ; сильно онъ измѣнился!

XIII.

Богъ знаетъ, въ которомъ часу Кобусъ заснулъ въ эту ночь; но былъ уже день, когда Кател вошла въ его комнату и увидѣла, что шторы спущены.

— Это ты, Катель?—спросилъ онъ, потягиваясь.—Въ чемъ дѣло?

— Дядя Христель желаетъ васъ видѣть, сударь; онъ ждетъ уже полчаса.

— А! Дядя Христель, отлично, пусть войдетъ! Войдите, Христель! Катель, открой ставни. Здорово, здорово, дядя Христель, такъ это вы!—говорилъ онъ, пожимая обѣ руки старику анабаптисту, подошедшему къ кровати.

Онъ смотрѣлъ на него съ сіяющимъ лицомъ; Катель была изумлена этимъ восторженнымъ пріемомъ.

— Я, господинъ Кобусъ,—сказалъ анабаптистъ, улыбаясь,—я принесъ вамъ съ фермы корзиночку вишенъ... Знаете, вишни съ того дерева за сараемъ, которое вы сами посадили двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Фрицъ увидѣлъ на столѣ корзиночку вишенъ, тщательно уложенныхъ въ земляничные листья, свѣшивавшіеся по краямъ; они выглядѣли такими свѣжими, такими аппетитными и спѣлыми, что онъ пришелъ въ восторгъ.

— А, это славно, славно!—воскликнулъ онъ.—Да, я очень люблю эти вишни. Такъ вы вспомнили обо мнѣ, дядя Христель?

— Это Сюзель,—отвѣтилъ фермеръ,—она мнѣ покоя не давала. Каждый день ходила осматривать вишни и говорила мнѣ:—«Когда вы пойдете въ Гюнебургъ, папа? Вишни поспѣли. Вы знаете, что господинъ Кобусъ любитъ ихъ». Наконецъ, вчера вечеромъ я говорю ей: «пойду завтра!», а сегодня утромъ, чуть свѣтъ, она взяла лѣсенку и собрала ихъ.

Каждое слово дяди Христеля было какимъ-то освѣжительнымъ бальзамомъ для Кобуса. Ему хотѣлось обнять фермера, но онъ сдержался и крикнулъ:

— Катель, дай-ка сюда вишни, надо ихъ попробовать!

Когда Катель подала вишни, онъ сначала полюбовался ими; онъ точно видѣлъ, какъ Сюзель устилаетъ корзинку зелеными листьями, а затѣмъ укладываетъ вишни, и это доставляло ему

внутреннее удовлетвореніе, такъ что онъ готовъ былъ совсѣмъ расчувствоваться. Наконецъ, онъ попробовалъ вишни, медленно разжевывая ихъ, глотая даже косточки.

— Какъ они свѣжи!—говорилъ онъ.—Какъ хороши эти вишни съ дерева. На рынкѣ такихъ не найдешь; они еще напоены росой, они сохранили свой естественный вкусъ, свою силу и жизнь.

Христель смотрѣлъ на него веселыми глазами.

— Вы очень любите вишни?—спросилъ онъ.

— Да, это моя страсть. Но садитесь, садитесь же.

Онъ поставилъ корзиночку на кровать, между своими колѣнями, и, разговаривая, бралъ время отъ времени вишню и съ наслажденіемъ съѣдалъ ее, причемъ глаза его свѣтились удовольствіемъ.

— Значитъ, дядя Христель,—продолжалъ онъ,—у васъ всѣ здоровы?.. Тетка Оршель?

— Слава Богу, господинъ Кобусъ.

— И Сюзель?

— Да, слава Богу, всѣ здоровы. Въ послѣдніе дни Сюзель казалась грустной; я думалъ, не больна ли она, но это ужъ такой возрастъ, господинъ Кобусъ; въ этомъ возрастѣ дѣти всегда начинаютъ мечтать.

Фрицъ вспомнилъ сцену съ клавесиномъ, покраснѣлъ до ушей и закашлялся.

— Это вѣрно... да... да... Ну, Кателъ, поставь эти вишни въ буфетъ, а то я способенъ съѣсть ихъ всѣ до обѣда. Простите, дядя Христель, я буду одѣваться.

— Не стѣсняйтесь, господинъ Кобусъ, не стѣсняйтесь.

Одѣваясь, Фрицъ спросилъ:

— Но вѣдь вы пришли изъ Мейзенталя не для того только, чтобы принести мнѣ вишни?

— О, нѣтъ! У меня есть другія дѣла въ городѣ. Помните, когда вы были въ послѣдній разъ на фермѣ; я показывалъ вамъ пару бычковъ, пущенныхъ въ откормъ. Спустя нѣсколько дней послѣ вашего ухода, ихъ купилъ Шмуль; мы сошлись на трехстахъ пятидесяти флоринахъ. Онъ долженъ былъ взять ихъ 1 іюня, если же не возьметъ, то платить по флорину за каждый день просрочки. Но вотъ уже три недѣли онъ держитъ ихъ у меня въ хлѣву. Сюзель ходила къ нему сообщить, что мнѣ это

очень неудобно; но онъ ничего не отвѣтилъ, и я притянулъ его къ мировому. Онъ не отрицаетъ, что купилъ быковъ; но говоритъ, что относительно срока и платы за просрочку ничего не было условлено; и такъ какъ у судьи не было никакихъ уликъ, то онъ постановилъ потребовать отъ Шмуля присяги, которую онъ и долженъ принести сегодня въ десять часовъ у стараго реббе Давида Зихеля, потому что у евреевъ свой способъ приносить присягу.

— А, отлично!—сказалъ Кобусъ, надѣвая пальто и снимая съ вѣшалки шляпу.—Скоро десять часовъ, я провожу васъ къ Давиду, а затѣмъ мы вернемся обѣдать; вы пообѣдаете со мною.

— О, господинъ Кобусъ,—мои лошади въ гостиницѣ «Краснаго Быка».

— Ба! Ба! Вы пообѣдаете со мною. Катель, смотри, чтобъ обѣдъ былъ хорошій. Я радъ васъ идѣть, Христель.

Они вышли.

На пути Фрицъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Не удивительно ли? Сегодня утромъ я мечталъ о Сюзель, и вотъ ея отецъ приноситъ мнѣ вишни, которыя она собрала; это удивительно, удивительно!

Лицо его свѣтилось внутренней радостью; онъ усматривалъ во всемъ этомъ перстъ Божій.

Спустя нѣсколько минутъ они были во дворѣ старинной синагоги. Старикъ нищій «Французъ» сидѣлъ тамъ съ деревянной чашкой на колѣняхъ; Кобусъ въ своемъ радостномъ настроеніи, кинулъ въ нее флоринъ, а дядя Христель подумалъ, что онъ великодушенъ и добръ.

«Французъ» съ удивленіемъ поднялъ на него глаза; но Фрицъ не смотрѣлъ на него, онъ шелъ, поднявъ голову, съ сіяющимъ лицомъ, радуясь тому, что отецъ Сюзель подлѣ него: какъ будто между этими высокими мрачными постройками пахнуло воздухомъ Мейзенталя, мелькнулъ лучъ деревенскаго солнца.

Какія, однако, странныя настроенія бываютъ у людей; два или три мѣсяца тому назадъ онъ видѣлъ въ этомъ старикѣ анабаптистѣ честнаго крестьянина и только; теперь онъ любилъ его, находилъ въ немъ умъ и другія качества, которыхъ не замѣчалъ раньше; принималъ близко къ сердцу его интересы и негодовалъ на Шмуля.

Между тѣмъ старый реббе Давидъ, стоя у открытаго окна,

уже поджидалъ Христеля, Шмуля и письмоводителя мирового судьи. Увидѣвъ Кобуса, онъ обрадовался.

— А, это ты, «шауде»,—крикнулъ онъ издали,—я не видѣлъ тебя цѣлую недѣлю!

— Да, это я, Давидъ,—сказалъ Фрицъ, останавливаясь у окна,—я пришелъ къ тебѣ съ Христелемъ, моимъ фермеромъ, славнымъ малымъ, за котораго ручаюсь, какъ за самого себя; онъ не способенъ утверждать то, чего не было...

— Ладно, ладно!—перебилъ Давидъ.—Я давно знаю его. Войдите, войдите, остальные скоро явятся: я слышу, бьетъ десять.

Старый Давидъ былъ въ своемъ длинномъ коричневомъ кафтанѣ, лоснившемся на локтяхъ; черная бархатная шапочка прикрывала затылокъ его лысаго черепа, рѣдкіе сѣдые волосы развѣвались вокругъ; тощее желтое лицо, усѣянное безчисленными морщинами, имѣло мечтательное выраженіе, какъ въ день «Кипура» *).

— Ты не будешь одѣваться?—спросилъ Фрицъ.

— Нѣтъ, это безполезно. Садитесь.

Они сѣли.

Старуха Зурле, выглянувъ изъ кухни, сказала:

— Здравствуйте, господинъ Кобусъ.

— Здравствуйте, Зурле, здравствуйте. Вы не выйдете?

— Сейчасъ выйду,—отвѣчала она.

— Мнѣ врядъ ли нужно говорить тебѣ, Давидъ,—продолжалъ Фрицъ,—что я считаю Христеля правымъ и готовъ головой отвѣчать за него.

— Да, я это знаю,—сказалъ старый ребе,—и знаю также, что Шмуль хитеръ, очень хитеръ, даже слишкомъ хитеръ. Но не будемъ говорить объ этомъ; я получилъ предписаніе три дня тому назадъ, обдумалъ это дѣло и... но вотъ и они!

Шмуль съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и ярко-рыжими волосами, въ короткой блузѣ, опоясанной веревкой, и плоской фуражкѣ, надвинутой на глаза, проходилъ въ это время по двору съ беззаботнымъ видомъ. За нимъ шелъ секретарь Шванъ въ шляпѣ въ формѣ печной трубы, торчавшей стоймя надъ его

*) День поста и покаянія у евреевъ.

угреватымъ лицомъ, и съ книгой подъ мышкой. Минуту спустя они вошли въ комнату. Давидъ важно сказалъ имъ:

— Садитесь, господа.

Затѣмъ онъ пошелъ отворить дверь, которую машинально затворилъ за собой Шванъ, и сказалъ:

— Клятва должна приноситься публично.

Онъ досталъ изъ стѣнного шкафа большую Библію въ деревянномъ переплетѣ, съ краснымъ обрѣзомъ и потертыми листами. Раскрывъ ее на столѣ, онъ усѣлся въ кресло. Во всей его фигурѣ было что-то важное и задумчивое. Остальные ждали. Пока онъ перелистывалъ книгу, вошла Зурле и стала за спинкой кресла. Двое или трое прохожихъ остановились на темной лѣстницѣ Еврейской улицы и съ любопытствомъ смотрѣли.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ, такъ что каждый имѣлъ время обдумать дѣло; затѣмъ Давидъ, поднявъ голову и положивъ руку на книгу, сказалъ:

— Г. судья Рихтеръ постановилъ привести къ присягѣ Исаака Шмуля, торговца скотомъ, по слѣдующему вопросу: «Правда ли, что между Исаакомъ Шмулемъ и Гансомъ Христелемъ было условлено, что Шмуль возьметъ въ теченіе недѣли пару быковъ, купленныхъ имъ 22 мая, если же оставитъ ихъ дольше у Христеля, то будетъ платить послѣднему по флорину за каждый день просрочки, въ вознагражденіе за кормъ быкамъ». Такъ ли это?

— Такъ,—разомъ сказали Шмуль и анабаптистъ.

— Стало̀ быть, остается узнать, согласенъ ли Шмуль дать клятву?

— Я для того и пришелъ,—спокойно сказалъ Шмуль,—я готовъ.

— Одну минуту,—перебилъ старый реббе, поднимая руку,—одну минуту! Моя обязанность, прежде чѣмъ приступить къ такому акту, одному изъ самыхъ святыхъ, самыхъ священныхъ актовъ нашей религіи, напомнить Шмулю о его важности.

Затѣмъ онъ принялся читать внушительнымъ тономъ:

— Не произноси имени Вѣчнаго, Бога твоего, напрасно. Не произноси ложнаго свидѣтельства!

Потомъ, немного погодя, онъ прочелъ тѣмъ же торжественнымъ тономъ:

— О всякой вещи спорной, о волѣ, объ ослѣ, о мелкомъ

скотѣ, объ одеждѣ, о всякой вещи потерянной, дѣло обоихъ должно быть доведено до судьи, и клятва Господа да будетъ между обоими.

Шмуль хотѣлъ что-то сказать, но Давидъ вторично сдѣлалъ знакъ молчать и сказалъ:

— «Не произноси имени Вѣчнаго, Бога твоего, напрасно; не произноси ложнаго свидѣтельства!» Таковы двѣ заповѣди Божіи, которымъ весь народъ Израиля внималъ среди громовъ и молній, трепеща и стоя въ отдаленіи, въ пустынѣ Синайской. А вотъ, что Господь говоритъ о томъ, кто нарушаетъ эти заповѣди:

«Если не послушаешь голоса Вѣчнаго, Бога твоего, и не будешь исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, которыя я заповѣдаю тебѣ сегодня, то небеса твои, которыя надъ головою твоею,сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ.

«Вмѣсто дождя, Вѣчный дастъ твоей землѣ пыль, и прахъ съ неба будетъ падать на тебя; Вѣчный поразитъ тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими и постоянными. и болѣзнями злыми и постоянными.

«Пришелецъ будетъ возвышаться надъ тобою выше, выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже; онъ будетъ давать тебѣ взаймы, а ты не будешь давать ему взаймы; онъ будетъ главою, а ты будешь хвостомъ.

«Пошлетъ Господь на тебя проклятіе, смятеніе и несчастіе во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, какое ни станешь ты дѣлать, доколѣ не будешь истребленъ.

«Сыновья твои и дочери твои будутъ отданы другому народу; глаза твои будутъ видѣть и всякій день оплакивать ихъ, и не будетъ силы въ рукахъ твоихъ.

«Твоя жизнь будетъ висѣть предъ тобой, и будешь трепетать ночью и днемъ и не будешь увѣренъ въ жизни твоей; отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь объятъ, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами твоими, утромъ ты скажешь: «о, если бы пришелъ вечеръ!», а вечеромъ скажешь: «о, если бы наступило утро!»

«И придутъ на тебя всѣ проклятія сіи и будутъ преслѣдовать тебя и постигнутъ тебя, доколѣ не будешь истребленъ, за то, что ты не слушалъ гласа Вѣчнаго, Бога твоего, и не соблюдалъ заповѣдей Его и постановленій Его, которыя онъ заповѣдалъ тебѣ!»

— Таковы слова Вѣчнаго!—заключилъ Давидъ, поднявъ голову.

Онъ смотрѣлъ на Шмуля, который уставился на Библію, повидимому, въ глубокой задумчивости.

— Теперь, Шмуль, — продолжалъ онъ, — ты принесешь клятву на этой книгѣ, въ присутствіи Вѣчнаго, который слышитъ тебя; ты поклянешься, что между Христелемъ и тобою не было ничего условлено ни относительно срока, ни относительно просрочки, ни относительно платы за кормленіе быковъ во время этой просрочки. Но берегись прибѣгать въ сердцѣ своемъ къ увѣрткамъ, которыя оправдываютъ, по твоему мнѣнію, клятву, хотя ты не увѣренъ въ истинности твоей клятвы; берегись говорить себѣ, напримѣръ: «Этотъ Христель былъ несправедливъ со мною, онъ причинилъ мнѣ убытки, онъ помѣшалъ мнѣ получить барышъ при такихъ-то обстоятельствахъ». Или: «Онъ причинилъ зло моему отцу, моимъ близкимъ, и я такимъ образомъ завладѣваю тѣмъ, что мнѣ слѣдовало по праву». Или: «Слова нашего условія имѣютъ двойной смыслъ, мнѣ угодно понимать ихъ въ томъ смыслѣ, котрый для меня выгоденъ; они были неясны, и я могу отрицать ихъ». Или: «Христель взялъ съ меня слишкомъ дорого; быки стоятъ дешевле условленной цѣны, стало быть, я добиваюсь только истинной справедливости, которая требуетъ, чтобы товаръ и цѣна были въ равновѣсіи, какъ двѣ чашки вѣсовъ». Или еще: «Теперь я не при деньгахъ, впослѣдствіи исправлю свой грѣхъ»,—или что бы то ни было въ этомъ родѣ.

Нѣтъ, всѣ эти извороты не обманутъ ока Вѣчнаго; не въ этихъ или имъ подобныхъ мысляхъ ты долженъ поклясться; не сообразуясь съ собственнымъ умомъ, который можетъ быть увлеченъ къ злу интересомъ, долженъ ты принести клятву; не съ своею мыслью, а съ моей долженъ ты сообразоваться; и ты не можешь ничего прибавить и ничего убавить лукавствомъ или какъ-нибудь иначе, къ тому или изъ того, что я думаю.

Итакъ, я, Давидъ Зихель, высказываю слѣдующую ясную и простую мысль:—Обѣщалъ ли Шмуль платить Христелю флоринъ за кормленіе быковъ и за каждый день просрочки сверхъ условленной недѣли, обѣщалъ ли онъ это? Если онъ не обѣщалъ этого Христелю, то пусть положитъ руку на книгу закона и

скажетъ: «Клянусь, что нѣтъ! Я ничего не обѣщалъ!» Шмуль, подойди, протяни руку и клянись!

Но Шмуль, поднявъ, наконецъ, глаза, сказалъ:

— Тридцать флориновъ не такая сумма, чтобы приносить изъ-за нея подобную клятву. Такъ какъ Христель увѣренъ, что я обѣщалъ, а я не помню хорошенько, то я заплачу; и надѣюсь, что мы останемся добрыми друзьями. Позднѣе, я наверстаю убытокъ, такъ какъ цѣна дѣйствительно высока. Но долгъ есть долгъ, и Шмуль никогда не станетъ давать клятвы изъ-за суммы вдесятеро большей, если онъ не вполнѣ увѣренъ.

Давидъ посмотрѣлъ на Кобуса съ необычайно тонкимъ выраженіемъ и отвѣтилъ:

— И хорошо сдѣлаешь, Шмуль; въ сомнѣніи лучше воздержаться.

Секретарь занесъ въ протоколъ объ отказѣ принести клятву; всталъ, поклонился собранію и вышелъ вмѣстѣ съ Шмулемъ, который въ дверяхъ повернулся и сказалъ рѣзкимъ тономъ:

— Завтра въ восемь часовъ я явлюсь за быками и заплачу.

— Хорошо,—отвѣтилъ Христель, кивнувъ головой.

Когда они остались одни, старый реббе засмѣялся.

— Шмуль хитеръ,—сказалъ онъ,—но наши старые талмудисты еще хитрѣе; я зналъ, что онъ не пойдетъ до конца, оттого и не надѣлъ облаченія.

— Э!—воскликнулъ Фрицъ.—Да, я вижу, въ вашей религіи есть кое-что доброе.

— Молчи, «эпикауресъ»,—отвѣчалъ Давидъ, затворяя дверь и укладывая Библію въ шкафъ,—не будь насъ, вы всѣ были бы язычниками; нашей мыслью вы живете двѣ тысячи лѣтъ; сами вы ничего не изобрѣли, ничего не открыли. Подумай только, сколько разъ вы дѣлились и дрались за эти двѣ тысячи лѣтъ, сколько сектъ и религій вы создали! Мы, мы всегда одни и тѣ же со временъ Моисея, мы всегда дѣти Вѣчнаго; вы же дѣти времени и гордости, малѣйшій интересъ заставляетъ васъ измѣнять мнѣніе; тогда какъ вся вселенная, соединившаяся противъ насъ, несчастныхъ, не могла заставить насъ отказаться отъ малѣйшаго изъ нашихъ законовъ.

— Эти слова показываютъ гордость твоего племени,—сказалъ Фрицъ;—до сихъ поръ я считалъ тебя скромнымъ, а теперь вижу, что ты дышешь гордостью въ глубинѣ твоей души.

— А почему я долженъ быть скромнымъ?—протянулъ Давидъ въ носъ.—Если Вѣчный избралъ насъ, значитъ мы были достойнѣе, чѣмъ вы.

— Полно, замолчи,—сказалъ Кобусъ, смѣясь,—это тщеславіе пугаетъ меня; я способенъ разсердиться.

— Сердись, сколько угодно,—отвѣчалъ старый реббе,—не стѣсняйся.

— Нѣтъ, я предпочитаю пригласить тебя на чашку кофе въ часъ; мы поболтаемъ, посмѣемся, а тамъ пойдемъ пить мартовское пиво; согласенъ?

— Будь по твоему,—сказалъ Давидъ,—я согласенъ; чертополоху всегда полезно водиться съ розой.

Кобусъ хотѣлъ воскликнуть: «Нѣтъ. это ужъ слишкомъ!», но остановился и сказалъ:

— Роза, это я!

Тутъ всѣ трое расхохотались.

Христель и Кобусъ вышли рука объ руку, разговаривая:

— Хитеръ этотъ реббе Давидъ! У него всегда наготовѣ какая-нибудь поговорка, которая разсмѣшитъ васъ: славный человѣкъ!

Все произошло, какъ было условлено; Христель и Кобусъ пообѣдали вмѣстѣ, Давидъ явился къ дессерту, выпить кофе, затѣмъ они отправились въ пивную «Большого Оленя».

Фрицъ былъ въ самомъ ликующемъ настроеніи не только потому, что шелъ между своимъ старымъ другомъ Давидомъ и отцемъ Сюзель, но и потому, что на него дѣйствовала бутылка «штейнберга», не считая бордо и киршвассера. Онъ видѣлъ вещи этого міра какъ бы сквозь солнечный лучъ; его полное лицо разрумянилось, а толстыя губы пріятно улыбались. Взрывъ энтузіазма встрѣтилъ его, когда онъ появился подъ полотнянымъ навѣсомъ, въ дверяхъ «Большого Оленя».

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!—кричали со всѣхъ сторонъ, поднимая кружки.—Вотъ Кобусъ!

А онъ, смѣясь, повторялъ:

— Да, вотъ онъ! Ха, ха, ха!

Онъ проходилъ между скамьями и пожималъ руки старымъ пріятелямъ.

Въ теченіе восьми дней всѣ спрашивали:

— Куда онъ дѣвался? Когда мы его увидимъ?

А старый Крауттеймеръ приходилъ въ отчаяніе, такъ какъ всѣ кліенты находили пиво плохимъ.

Наконецъ, онъ усѣлся среди всеобщаго ликованія и усадилъ подлѣ себя дядю Христеля. Давидъ подошелъ къ Фридриху Шульцу, толстому Гаану, Шпеку и пяти или шести другимъ, которые играли партію въ «рамсъ», по два крейцера фишка.

Принялись за пресловутое мартовское пиво, которое бьетъ вамъ въ носъ, какъ шампанское.

Напротивъ, въ пивной «Двухъ Ключей», гусары Фридриха-Вильгельма тоже угощались пивомъ; пробки хлопали, какъ пистолетные выстрѣлы; посѣтители обѣихъ пивныхъ обмѣнивались привѣтствіями черезъ улицу, такъ какъ граждане Гюнебурга всегда поддерживали добрыя отношенія съ военными, не смѣшиваясь, однако, съ ними и не принимая ихъ въ свои семьи: вещь всегда опасная.

Дядя Христель то-и-дѣло говорилъ:

— Пора мнѣ ѣхать, господинъ Кобусъ; извините, мнѣ уже два часа слѣдовало бы быть дома.

— Ба!—восклицалъ Фрицъ, кладя ему руку на плечо,— вѣдь это не каждый день случается; надо же время отъ времени повеселиться и провѣтрить мозги. Ну-ка, еще кружечку!

И старый анабаптистъ, уже подъ хмѣлькомъ, снова садился, думая:—Это уже шестая! Лишь бы мнѣ не опрокинуться на дорогѣ!

Затѣмъ онъ говорилъ:

— Но, господинъ Кобусъ, что подумаетъ жена, если я вернусь въ подпитіи? Никогда еще она не видала меня въ такомъ состояніи!

— Ба, ба! На воздухѣ все пройдетъ, дядя Христель; и потомъ, вамъ стоитъ только сказать: «такъ хотѣлъ Кобусъ!» Сюзель вступится за васъ.

— Да, это вѣрно, — восклицалъ Христель, смѣясь, — это вѣрно: все, что говоритъ и дѣлаетъ г. Кобусъ, хорошо! Ну, ладно, еще кружечку!

Кружка появлялась на сцену, осушалась; служанка приносила другую, и такъ далѣе.

Вдругъ, когда на часахъ церкви св. Сильвестра пробило три, среди самаго беззаботнаго настроенія, изъ-за угла гостиницы «Лебедя» появилась толпа ребятишекъ, бѣжавшихъ къ во-

ротамъ Ландау, за ними нѣсколько человѣкъ солдатъ, несшихъ на носилкахъ товарища, за ними опять ребятишки, цѣлое шествіе, гулъ шаговъ котораго разносился далеко.

Всѣ поспѣшили къ окнамъ или на улицу посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Солдаты поднимались по улицѣ Форорь, къ госпиталю, и должны были пройти мимо пивной «Большого Оленя».

Карты были брошены; всѣ влѣзли па стулья: Гаанъ, Шульцъ, Давидъ, Кобусъ, служанки, Краутгеймеръ, всѣ присутствующіе. Другіе выбѣгали изъ залы; слышались сообщенія вполголоса: «Это дуэль! Это дуэль!»

Между тѣмъ носилки медленно приближались; ихъ несли двое людей; это была маленькая платформа, употребляемая при очисткѣ отъ навоза конюшенъ кавалерійской казармы; на ней лежалъ солдатъ; ноги его свѣшивались между передними брусьями носилокъ, подъ голову былъ подложенъ свернутый мундиръ; глаза его были закрыты, лицо мертвенно блѣдное, ротъ полуоткрытъ, грудь рубашки въ крови. Сзади шли секунданты, старый гусаръ съ пожелтѣвшими бровями и огромными рыжими усами; онъ несъ подъ мышкой саблю раненаго и казался совершенно спокойнымъ. Другой, помоложе, бѣлокурый, былъ точно пришибленный, онъ несъ въ рукѣ киверъ; за нимъ слѣдовали двое унтеръ-офицеровъ, которые то-и-дѣло оглядывались, точно негодуя на толпу.

Нѣсколько гусаръ передъ пивной «Двухъ Ключей» окликнули старика, несшаго саблю; это, безъ сомнѣнія, былъ ихъ учитель фехтованія; но онъ ничего не отвѣтилъ и даже не оглянулся.

Когда проходили двое послѣднихъ, Фридрихъ Шульцъ, въ качествѣ бывшаго капрала ландвера, крикнулъ съ высоты своего стула.

— Эй, товарищи... товарищи!

Одинъ изъ нихъ остановился.

— Что такое случилось, товарищъ?

— Да что, старина, сабельный ударъ въ честь дѣвицы Гредель, кухарки «Краснаго Быка».

— А!

— Да, противникъ не успѣлъ отпарировать во-время.

— И получилъ ударъ?

— Въ грудь, на двѣ линіи ниже праваго соска.

Шульцъ выпятилъ губу; онъ видимо гордился тѣмъ, что получилъ отвѣтъ. Остальные прислушивались.

— Скверный ударъ,—замѣтилъ онъ, — я видалъ такіе въ французскую компанію.

Но гусаръ, видя, что его товарищи уже свернули въ переулокъ, къ госпиталю, приложилъ руку къ виску и сказалъ:

— Извините!

Затѣмъ онъ присоединился къ своимъ, а Шульцъ, окинувъ компанію довольнымъ взглядомъ, усѣлся, говоря:

— Солдату приходится дѣйствовать саблей; это не то, что буржуа, которые лупятъ другъ друга кулаками.

Онъ точно говорилъ:—«Я это сотни разъ продѣлывалъ!»

И многіе восхищались имъ.

Но другіе, большинство, люди мирные и разсудительные, толковали между собою вполголоса.

— Возможно ли, чтобы люди убивали другъ друга изъ-за кухарки! Вѣдь это противоестественно. Эту Гредель слѣдовало бы выгнать изъ города, чтобъ она не возбуждала такихъ пагубныхъ страстей у гусаръ.

Фрицъ не говорилъ ничего; онъ казался задумчивымъ, а глаза его свѣтились страннымъ огнемъ. Но когда старикъ реббе въ свою очередь замѣтилъ:—Такъ-то созданія Божіи истребляютъ другъ друга изъ-за пустяка!—онъ совершенно неожиданно расходился.

— Что ты называешь пустякомъ, Давидъ?—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.—Развѣ любовь не внушала, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, прекраснѣйшихъ дѣлъ и самыхъ высокихъ мыслей? Развѣ она не дыханіе Вѣчнаго, не начало жизни, энтузіазма, мужества и самоотверженія? Подобаетъ ли тебѣ хулить источникъ нашего счастья и славы рода человѣческаго. Отними любовь у человѣка, что у него останется? Эгоизмъ, скупость, пьянство, скука и самые презрѣнные инстинкты; сдѣлаетъ ли онъ что-нибудь великое, скажетъ ли онъ что-нибудь прекрасное? Ничего; онъ будетъ думать только о наполненіи брюха!

Всѣ присутствующіе повернулись къ нему, изумленные его азартомъ; Гаанъ смотрѣлъ на него черезъ плечо Шульца, кото-

рый съ своей стороны вытягивалъ шею, чтобы убѣдиться, точно ли это говоритъ Кобусъ, такъ какъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Но Фрицъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Послушай, Давидъ,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь,—когда великій Гомеръ, царь поэтовъ, разсказываетъ намъ о герояхъ Греціи, которые переплываютъ море на своихъ ладьяхъ—чтобы вернуть похищенную у нихъ прекрасную женщину—и рѣжутся зъ-за нея десять лѣтъ съ азіатами,—думаешь ли ты, что онъ самъ сочинилъ это? Думаешь ли ты, что его разсказъ неправда? И если онъ величайшій изъ поэтовъ, то не потому ли, что воспѣлъ самое великое и возвышенное въ мірѣ: любовь! И если до сихъ поръ помнятъ пѣсню вашего Соломона, Пѣснь Пѣсней, то не потому ли, что она воспѣваетъ любовь, чувство болѣе благородное, болѣе возвышенное, болѣе глубокое, чѣмъ всѣ остальныя побужденія сердца человѣческаго? Когда онъ говоритъ: «Прекрасна ты, возлюбленная моя, какъ сводъ небесный, любезна, какъ Іерусалимъ, грозна, какъ полки со знаменами!»—то развѣ онъ не хочетъ этимъ сказать, что нѣтъ ничего прекраснѣе, непобѣдимѣе и слаще любви? А развѣ всѣ ваши пророки не говорили того же? И со времени Христа развѣ не любовь обратила варварскіе народы? Развѣ не превращала она, съ помощью простой розовой ленты, дикаря въ рыцаря?

Если въ наши дни нѣтъ былого величія, красоты, благородства, то не потому ли, что люди не знаютъ болѣе истинной любви, и женятся только изъ-за денегъ? Да, я,—слушай, Давидъ,—я говорю и утверждаю, что истинная любовь, чистая любовь есть единственная вещь, которая измѣняетъ сердце человѣческое, возвышаетъ его и стоитъ того, чтобы за нее отдавали жизнь: я нахожу, что эти люди хорошо поступили, вступивъ въ бой, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ отказаться отъ своей любви, не признавъ себя недостойнымъ.

— Эй!—крикнулъ Гаанъ.—Да ты-то какъ можешь разсуждать объ этомъ? Вѣдь ты никогда не былъ влюбленъ; ты судишь объ этихъ вещахъ, какъ слѣпой о краскахъ.

Фрицъ сразу опѣшилъ при этомъ обращеніи, онъ посмотрѣлъ на Гаана, хотѣлъ что-то отвѣтить и пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, глотая пиво.

Многіе засмѣялись. Но Кобусъ тотчасъ опомнился и, под-

нявъ свою большую голову, съ взъерошенными, точно ожившими волосами, воскликнулъ страннымъ тономъ:

— Это правда, я никогда не былъ влюбленъ! Но если бъ былъ, то я скорѣе позволилъ бы изрубить себя въ крохи, чѣмъ отказался отъ своей возлюбленной, или изрубилъ бы другого.

— О, о!—сказалъ Гаанъ слегка насмѣшливымъ тономъ, тасуя карты.—О, Кобусъ, неужели ты былъ бы такимъ свирѣпымъ?

— Такимъ свирѣпымъ!—возразилъ Кобусъ. — Мы старые пріятели, не правда ли, Гаанъ? Такъ вотъ, если бы я былъ влюбленъ, и если бы мнѣ показалось, что ты хотя бы только въ мысляхъ желаешь той, которую я избралъ, я бы... задушилъ тебя!

Глаза его при этихъ словахъ налились кровью; совсѣмъ не похоже было, что онъ шутитъ; другіе тоже перестали смѣяться.

— Да,—прибавилъ онъ,—и я бы требовалъ, чтобы весь городъ и вся округа относилась съ уваженіемъ къ моей возлюбленной, хотя бы даже она уступала мнѣ въ отношеніи званія, общественнаго положенія и состоянія: малѣйшее порицаніе по ея адресу сдѣлалось бы причиной страшнаго побоища.

— Ну,—сказалъ Гаанъ, дай Богъ чтобы ты никогда не влюбился, потому что гусары Фридриха Вильгельма не всѣ умерли и многимъ изъ нихъ грозила бы смерть, еслибъ твоя возлюбленная была хороша собой.

Брови Фрица дрогнули.

— Возможно,—сказалъ онъ, садясь.—Я былъ бы гордъ, я былъ бы радъ драться по такому поводу. Не правъ ли я, Христель?

— Вполнѣ правы, господинъ Кобусъ,—отвѣчалъ выпившій анабаптистъ.—Наша религія, религія мира, но въ тѣ времена, когда я былъ влюбленъ въ Оршель,—да, Богъ меня прости, но я былъ способенъ драться за нее косой. Благодареніе Богу, кровопролитія не понадобилось, и я радъ, что мнѣ не въ чѣмъ упрекнуть себя.

Фрицъ, видя, что всѣ смотрятъ на него, понялъ, что поступилъ неблагоразумно. Старый реббе Давидъ не спускалъ съ него глазъ и, казалось, читалъ въ его душѣ. Нѣсколько минутъ спустя, дядя Христель воскликнулъ въ двадцатый разъ:

— Но, господинъ Кобусъ, уже поздно, меня ждутъ; Оршель и Сюзель навѣрное безпокоятся.

Фрицъ, наконецъ-то, отвѣтилъ согласіемъ.

— Да, теперь пора; я провожу васъ до экипажа.

Это былъ предлогъ удалиться.

Анабаптистъ всталъ говоря:

— О, если вамъ хочется еще посидѣть, то я одинъ найду дорогу въ гостиницу.

— Нѣтъ, я васъ провожу.

Они вышли изъ пивной и пошли черезъ площадь. Старый Давидъ ушелъ почти тотчасъ вслѣдъ за ними. Фрицъ, усадивъ Христеля, благоразумно вернулся домой.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Зурле услышала, что старикъ реббе бормочетъ какія-то слова; это показалось ей страннымъ.

— Что съ тобой Давидъ?—спросила она.—Ты все время что-то шепчешь, о чемъ ты думаешь?

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ, натягивая одѣяло,—я думаю о словахъ пророка: «Я ревную къ Евѣ великою ревностью!», и еще: «Въ эти времена случатся вещи необычайныя, вещи новыя и счастливыя».

— Хорошо, если бъ онъ насъ имѣлъ въ виду, говоря это,— возразила Зурле.

— Аминь!—заключилъ старый реббе.—Все приходитъ вовремя къ тому, кто умѣетъ ждать. Будемъ спать спокойно.

XIV.

Кобусъ долженъ бы былъ сожалѣть, на другой день, о своихъ неосторожныхъ рѣчахъ въ пивной «Большого Оленя»; долженъ бы былъ даже придти въ отчаяніе, такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, замѣтивъ, что вино развязываетъ ему языкъ и заставляетъ его выдавать свои мысли, онъ сказалъ себѣ:

— Виноградъ растеніе Гоморры; его гроздья полны желчи, а косточки горьки; ты не будешь больше пить виноградного сока.

Вотъ что онъ сказалъ себѣ; но сердце человѣка въ рукахъ Вѣчнаго, Который дѣлаетъ изъ него все, что Ему угодно: обра-

щаетъ его къ сѣверу, обращаетъ его къ югу. Вотъ почему Фрицъ, проснувшись, не думалъ о томъ, что произошло въ пивной.

Первая мысль его была, что Сюзель очень мила; онъ любовался ею въ мечтахъ, слышалъ ея голосъ и видѣлъ ея улыбку.

Потомъ онъ вспомнилъ о бѣдной дѣвушкѣ въ Вильдманѣ и похвалилъ себя за то, что помогъ ей, въ виду ея сходства съ дочерью анабаптиста; онъ вспомнилъ также пѣніе Сюзель въ хорѣ рабочихъ; и этотъ нѣжный голосъ, поднимавшійся, какъ вздохъ, въ ночной тиши, показался ему голосомъ ангела небеснаго.

Все, что случилось съ первыхъ дней весны, ожило въ его памяти, какъ греза: онъ снова увидѣлъ Сюзель среди своихъ пріятелей Гаана, Шульца, Давида и Іозефа, простую и скромную, съ опущенными глазами, украсившую послѣдній часъ его праздника; онъ видѣлъ ее на фермѣ, въ синей шерстяной юбкѣ, за стиркой бѣлья, и позднѣе, подлѣ себя, робкую и дрожащую, межъ тѣмъ какъ онъ распѣвалъ, подъ аккомпаниментъ клавесина, старинную арію:

«Розетта,
«Прекрасная, какъ лѣто,
«Отдай мнѣ твое сердце,
«Иль я умру!»

Съ нѣжностью думая объ этихъ вещахъ, онъ испытывалъ сильнѣйшее желаніе увидѣть Сюзель.

— Пойду-ка я въ Мейзенталь,—думалъ онъ,—да отправлюсь послѣ завтрака; мнѣ безусловно нужно ее видѣть!

Такъ исполнялись слова ребе Давида женѣ: «Въ эти времена случатся вещи необычайныя!»

Эти слова относились къ перемѣнѣ, происшедшей съ Кобусомъ, и свидѣтельствовали также о большой проницательности стараго раввина.

Обуваясь, Кобусъ вспомнилъ, что дядя Христель говорилъ наканунѣ, что Сюзель собирается на праздникъ въ Бишемъ, помочь своей бабушкѣ дѣлать тортъ. Онъ широко раскрылъ глаза и спустя минуту сказалъ:

— Сюзель, должно быть, уже отправилась; праздникъ Бишемъ, въ день св. Петра, будетъ завтра, въ воскресенье.

Тутъ онъ задумался.

Катель подала ему завтракъ; онъ поѣлъ съ аппетитомъ, а

затѣмъ, надѣвъ свою широкую фетровую шляпу, пошелъ на площадь, гдѣ толстый Гаанъ и долговязый Шульцъ имѣли привычку прогуливаться между девятью и десятью. Но ихъ не оказалось, къ досадѣ Фрица, такъ какъ онъ рѣшилъ тащить ихъ съ собою завтра на праздникъ въ Бишемъ.

— Если я отправлюсь одинъ,—думалъ онъ,—послѣ всего, что я наговорилъ вчера въ пивной, то могутъ возникнуть подозрѣнія; люди такъ злоязычны, а особливо старухи, которыя интересуются всѣмъ, что до нихъ не касается! Я долженъ взять съ собой двухъ или трехъ пріятелей, тогда это будетъ просто прогулка, съ цѣлью поѣсть пирога съ телятиной и выпить бѣлаго вина, ради развлеченія.

Онъ поднялся на укрѣпленія и обошелъ городъ, высматривая, куда дѣвались Гаанъ и Шульцъ, но не замѣтилъ ихъ на улицахъ и рѣшилъ, что они отправились за городъ, сыграть партію въ кегли въ «Цвѣточной Корзинѣ», у дяди Баумгартена, на берегу Лоссера.

Предположивъ это, Фрицъ дошелъ до воротъ Гильдебрандта и, поглядѣвъ въ сторону кабачка, находившагося на полъ-выстрѣла отъ Гюнебургскихъ пушекъ, въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ какія-то фигуры за большими ивами.

Обрадованный, онъ спустился съ откоса, прошелъ въ ворота и направился по тропинкѣ вдоль рѣки. Спустя четверть часа, онъ услышалъ раскатистый хохотъ Гаана и громкій голосъ Шульца, кричавшаго:

— Два! Никакихъ шансовъ!..

Раздвинувъ листву, онъ увидѣлъ передъ домикомъ, крыша котораго спускалась въ фруктовый садъ на два или на три фута отъ земли, а бѣлый фасадъ былъ обвитъ великолѣпными виноградными лозами, своихъ обоихъ пріятелей, въ рубашкахъ, съ засученными рукавами, безъ сюртуковъ, висѣвшихъ на изгороди и двухъ другихъ, секретаря мэріи Гитцига, парикъ котораго висѣлъ на палкѣ, воткнутой въ землю, и учителя Шпека; всѣ четверо играли въ кегли.

Толстый Гаанъ стоялъ, плотно упираясь ногами въ землю, поднявъ шаръ къ самому носу, съ багровымъ лицомъ, прищурившись, стиснувъ зубы; его три волоска стояли на затылкѣ какъ щетина: онъ цѣлилъ! Шульцъ и старикъ секретарь смотрѣли на него, согнувшись, опустивъ одно плечо и балансируя,

скрестивъ руки на груди; маленькій Сепель Баумгартенъ подальше, на другомъ концѣ, поднималъ кегли.

Наконецъ Гаанъ, хорошенько разсчитавъ, опустилъ полукругомъ руку и шаръ покатился, описавъ внушительную кривую.

Почти въ тужe минуту раздались крики:—Пять!—и Шульцъ нагнулся, чтобы взять свой шаръ; межъ тѣмъ какъ секретарь, взявши Гаана за руку, что-то говорилъ ему, поднимая палецъ, безъ сомнѣнія, объясняя какую-то ошибку, которую тотъ сдѣлалъ. Но Гаанъ не слушалъ, а смотрѣлъ на кегли; потомъ усѣлся на концѣ скамьи и важно наполнилъ свой стаканъ.

Эта маленькая сценка обрадовала Фрица.

— Они веселятся,—подумалъ онъ,—это хорошо; я изложу имъ дѣло похитрѣе, и все пойдетъ какъ по маслу.

Онъ подошелъ къ нимъ.

Долговязый Фридрихъ Шульцъ, тощій, костлявый, только что раскатилъ и кинулъ шаръ, который покатился, подпрыгивая, какъ заяцъ среди кустовъ, и Шульцъ, поднявъ руки, воскликнулъ:—Король, король!—когда Фрицъ, остановившійся за его спиной, расхохотался и сказалъ:

— Славный ударъ! Давай же я увѣнчаю тебя короной.

Всѣ обернулись и воскликнули:

— Кобусъ! Добро пожаловать... добро пожаловать... наконецъ-то ты заглянулъ сюда!

— Кобусъ,—сказалъ Гаанъ,—прими участіе въ партіи; я заказалъ жареныхъ пискарей, и ты долженъ заплатить за нихъ!

— Хе!—отвѣтилъ Фрицъ.—Отлично; я не сильный игрокъ, однако, попытаюсь побить васъ.

— Ладно!—воскликнулъ Шульцъ,—партія въ ходу, у меня пятнадцать, они твои! Согласенъ?

— Идетъ, — сказалъ Кобусъ, снимая пальто и поднимая шаръ; посмотримъ, не забылъ ли я игры съ прошлаго года.

— Дядя Баумгартенъ! — крикнулъ учитель Шпекъ. — Дядя Баумгартенъ!

Появился хозяинъ.

— Дайте стаканъ для г. Кобуса и еще бутылку. Жарится ли рыба?

— Да, господинъ Шпекъ.

— Зажарьте побольше, у насъ прибавился еще ѣдокъ.

Баумгартенъ, выгнувъ спину, какъ хорекъ, рысцой вернулся въ трактиръ; и въ туже минуту Фрицъ бросилъ шаръ съ такой силой, что онъ упалъ по ту сторону кегельбана, въ фруктовомъ саду.

Можно себѣ представить восторгъ остальныхъ; они балансировали на скамьяхъ и хохотали, какъ сумасшедшіе, а Гаанъ долженъ былъ даже разстегнуть нѣсколько пуговицъ на брюкахъ, чтобы не задохнуться.

Наконецъ, подали жареную рыбу, великолѣпныхъ жареныхъ пискарей, хрустѣвшихъ и сверкавшихъ, какъ утренняя роса, и распространявшихъ восхитительный запахъ.

Фрицъ проигралъ партію; Гаанъ, хлопнувъ его по плечу, воскликнулъ:

— Ты силенъ, Кобусъ, очень силенъ! Берегись только, другой разъ, какъ бы не пробить небо, въ сторонѣ Ландау.

Затѣмъ они усѣлись вокругъ ветхаго столика. Принялись за дѣло. Каждый, смѣясь, старался убрать свою долю фритюры; оловянныя вилки сновали взадъ и впередъ, какъ челнокъ у ткача; челюсти работали, тѣнь листвы дрожала на оживленныхъ лицахъ, на большомъ разрисованномъ блюдѣ, на граненыхъ стаканчикахъ и высокой желтой бутылкѣ, гдѣ искрилось мѣстное бѣлое вино.

Подлѣ стола сидѣлъ Меланъ, маленькій шпицъ, принадлежавшій «Цвѣточной Корзинѣ», бѣлый, какъ снѣгъ, съ чернымъ носомъ, прямыми ушами и блестящими глазами. То тотъ, то другой кидалъ ему кусочекъ хлѣба или хвостикъ рыбы, которые онъ ловилъ на лету.

Это было премилое зрѣлище.

— Право,—сказалъ Фрицъ,—я радъ, что забрелъ сюда; я скучалъ и не зналъ, что дѣлать; вѣчно все таже пивная,—это ужасно однообразно.

— Э!—воскликнулъ Гаанъ, — если ты находишь пивную однообразной, то это не твоя вина, потому, нечего сказать, ты-таки внесъ въ нее разнообразіе; ты ловко потѣшился надъ нами, вчера, съ твоими цитатами изъ Пѣсни Пѣсней! Ха, ха, ха!

— Теперь, — прибавилъ Шульцъ, поднимая вилку, — мы знаемъ этого степеннаго человѣка: когда онъ серьезенъ, нужно смѣяться, а когда онъ смѣется, нужно остерегаться.

Фрицъ добродушно разсмѣялся.

— Ахъ, вы все толкуете шиворотъ на выворотъ,—сказалъ онъ,—я думалъ...

— Кобусъ,—перебилъ Гаанъ,—мы тебя знаемъ давно, не пытайся втирать намъ очки. Но, чтобы вернуться къ твоимъ словамъ, оно вѣрно, къ несчастью, что эта жизнь пивной можетъ сыграть съ нами плохую шутку..Если мы видимъ столько людей, ожирѣвшихъ раньше времени, астматическихъ, одутловатыхъ, съ одышкой, подагриковъ, сотни страдающихъ водянкой, то этому причиной пиво, франкфуртское, страссбургское, мюнхенское и какія тамъ еще есть; потому что пиво содержитъ черезчуръ много воды, оно дѣлаетъ желудокъ лѣнивымъ, а когда желудокъ лѣнивъ, это распространяется на всѣ члены.

— Это совершенно вѣрно, господинъ Гаанъ, — сказалъ учитель Шпекъ, — лучше выпить двѣ бутылки вина, чѣмъ кружку пива; оно содержитъ меньше воды, и потому не такъ способствуетъ образованію камней; вода, какъ всѣмъ извѣстно, отлагаетъ камни въ мочевомъ пузырѣ; а съ другой стороны ожирѣніе тоже вызывается водою. Поэтому, человѣкъ, который пьетъ только вино, имѣетъ шансы остаться худощавымъ долгое время, а худобу не такъ-то легко превратить въ тучность.

— Разумѣется, господинъ Шпекъ, разумѣется,—отвѣтилъ Гаанъ,—когда откармливаютъ скотъ, ему даютъ воду съ отрубями; если бы его поили виномъ, онъ никогда бы не разжирѣлъ. Но, кромѣ того, человѣку нужно движеніе; движеніе поддерживаетъ наши сочлененія въ исправномъ состояніи, такъ что мы не уподобляемся тѣмъ телѣгамъ, которыя скрипятъ при каждомъ поворотѣ колесъ: вещь очень непріятная. Наши предки, обладавшіе большою проницательностью, придумали, чтобы избѣжать этихъ дурныхъ послѣдствій, игру въ кегли, мачты съ призами, бѣгъ въ мѣшкахъ, катанье на конькахъ, не говоря уже о танцахъ, охотѣ и рыбной ловлѣ; теперь же карты взяли верхъ надо всѣмъ остальнымъ, вотъ почему родъ человѣческій вырождается.

— Да, это печально,—воскликнулъ Фрицъ, осушивъ свой стаканчикъ,—печально! Помню, когда я былъ ребенкомъ, всѣ добрые горожане ходили на деревенскіе праздники, съ женами и дѣтьми; а теперь, плѣсневѣютъ дома; побывать за городомъ цѣлое событіе. На деревенскихъ праздникахъ пѣли, танцовали, стрѣляли въ цѣль, дышали чистымъ воздухомъ; оттого наши

прэдки доживали до ста лѣтъ; оставались румяными и не знали никакихъ старческихъ болѣзней. Какая жалость, что всѣ эти праздники забыты.

— А! — воскликнулъ Гаанъ, хорошо знавшій старинные нравы.—Это происходитъ, Кобусъ, отъ распространенія путей сообщенія. Прежде, когда дороги были рѣдки, когда не существовало проселочныхъ дорогъ, не разъѣзжало столько коммивояжэровъ, предлагающихъ въ каждой деревнѣ тотъ перецъ и горчицу, другой скребницы и щетки, третій матеріи всякаго рода. Нельзя было найти подлѣ своихъ дверей бакалейщика, жестяника, суконщика. Въ каждой семьѣ поджидали какого-нибудь праздника, чтобъ сдѣлать запасы. Оттого праздники были богаче и красивѣе; купцы были увѣрены, что продадутъ товаръ, и пріѣзжали на ярмарку издалека. Это были цвѣтущія времена ярмарокъ—Франкфуртской, Лейпцигской, Гамбургской въ Германіи; Льежской и Ганской во Фландріи; Бокерской во Франціи. Теперь торгъ производится постоянно, и въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ можно найти все, что потребуется, за свои деньги. Все имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону; мы можемъ пожалѣть о бѣгѣ въ мѣшкахъ и стрѣльбѣ въ цѣль, не порицая естественнаго прогресса торговли.

— Все это не мѣшаетъ намъ быть ослами—возразилъ Фрицъ такъ какъ вмѣсто того, чтобы плѣсневѣть на одномъ мѣстѣ, мы могли бы развлекаться, пить доброе вино, танцовать, смѣяться и всячески тѣшить себя. Идти въ Бокэръ или во Фландрію далеконько; но когда тутъ же, бокъ о бокъ съ нами, бываютъ веселые праздники, то, мнѣ кажется, было бы вовсе не дурно посѣщать ихъ.

— Гдѣ же это?—воскликнулъ Гаанъ.

— Да, въ Гарцвиллерѣ, въ Рорбахѣ, въ Клингенталѣ. Да вотъ, чтобы не далеко ходить, я помню, что мой отецъ ежегодно водилъ меня на праздникъ въ Бишемѣ, и какими чудными пирогами угощались мы тамъ... чудными!

Онъ поцѣловалъ кончики пальцэвъ; Гаанъ смотрѣлъ на него, какъ очарованный.

— Тамъ мы ѣли раковъ, величиною въ кулакъ,—продолжалъ онъ, — куда вкуснѣе Лоссерскихъ, и пили легкое бѣлое вино, очень... очень сносное; не «іоганнисбергеръ», разумѣется, и не «штейнбергеръ», но оно все-таки веселило душу.

— Эхъ!—воскликнулъ Гаанъ,—что жъ ты не сказалъ намъ давно; мы бы побывали тамъ! Чортъ возьми, ты правъ, совершенно правъ.

— Что подѣлаешь, въ голову не приходило!

— Когда же бываетъ этотъ праздникъ?—спросилъ Шульцъ.

— Постой-ка, дай сообразить... да, въ Петровъ день.

— Значитъ, завтра!—воскликнулъ Гоанъ.

— А вѣдь и вправду,—сказалъ Фрицъ,—какъ это сошлось! Стало быть, рѣшено, идемъ въ Бишемъ?

— Разумѣется! разумѣется!—воскликнулъ Гаанъ и Шульцъ.

— А эти господа?

Шпекъ и Гитцигъ извинились, ссылаясь на служебныя обязанности.

— Ну, такъ отправляемся втроемъ,—сказалъ Фрицъ, вставая.—Да, я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о пирогахъ, ракахъ и легкомъ бѣломъ винѣ въ Бишемѣ.

— Намъ понадобится экипажъ?—замѣтилъ Гаанъ.

— Ладно, ладно,—отвѣтилъ Кобусъ, расплачиваясь по счету, — я обо всемъ позабочусь.

Нѣсколько минутъ спустя эти бонвиваны шли обратно въ Гюнебургъ, и можно было за полверсты слышать, какъ они расхваливали деревенскіе пироги, «кугельгофъ» и «кюхели», которые, по ихъ словамъ, напоминали имъ счастливыя времена дѣтства. Одинъ говорилъ о теткѣ, другой о бабушкѣ; точно они собирались увидѣть и воскресить ихъ, попивая легкое вино на праздникѣ въ Бишемѣ.

Такъ пріятель Фрицъ добился удовольствія увидѣть Сюзель, не возбудивъ никакихъ подозрѣній.

XV.

Можно себѣ представить, какъ доволенъ былъ Кобусъ. Идеи о пышности и величіи носились въ его головѣ; ему хотѣлось видѣть Сюзель и показаться ей въ необычайномъ блескѣ; въ нѣкоторомъ родѣ ослѣпить ее; онъ не зналъ, чѣмъ бы такимъ возбудить ея изумленіе.

Въ обыкновенное время онъ нанялъ бы экипажъ и старую клячу у Батиста Кромера, но теперь это казалось ему недостойнымъ Кобуса. Тотчасъ послѣ обѣда онъ взялъ трость и от-

правился на почтовую станцію, на Кайзерлаутерской дорогѣ, къ метру Іогану Фанену, у котораго стояло десять почтовыхъ каретъ въ сараѣ и восемнадцать лошадей въ конюшняхъ.

Фаненъ былъ старикъ шестидесяти лѣтъ, владѣлецъ большихъ луговъ по Лоссену, богатый, но съ простыми привычками, человѣкъ толстый, маленькаго роста, въ полотняномъ кителѣ и большой волосяной шляпѣ, съ длинной, сѣдой бородой и круглыми, желтыми щеками, изборожденными крупными морщинами.

Въ такомъ видѣ засталъ его Фрицъ во дворѣ станціи, гдѣ онъ распоряжался чисткой лошадей.

Фаненъ, узнавъ его издали, вышелъ навстрѣчу къ воротамъ, и сказалъ, подымая шляпу:

— А! Здравствуйте, господинъ Кобусъ; чему я обязанъ удовольствіемъ и честью вашего посѣщенія?

— Господинъ Фаненъ,—отвѣтилъ Фрицъ улыбаясь,—я рѣшилъ предпринять увеселительную поѣздку на праздникъ въ Бишемъ, съ моими друзьями Гааномъ и Шульцомъ. Всѣ городскіе экипажи въ разгонѣ, нельзя найти шарабанъ. Ладно, сказалъ я себѣ, сходимъ къ г. Фанену и наймемъ почтовый экипажъ; двадцать или тридцать флориновъ не разорятъ, а когда хочешь веселиться, расходами стѣсняться нечего.

Хозяинъ нашелъ это разсужденіе вполнѣ резоннымъ.

— Господинъ Кобусъ,—сказалъ онъ,—вы правильно поступаете, я васъ одобряю; когда я былъ молодъ, то любилъ пожить въ свое удовольствіе; теперь я старикъ, но держусь тѣхъ же идей: эти идеи хороши, когда есть средства для ихъ выполненія, какъ у васъ и у меня.

Онъ повелъ Фрица подъ навѣсъ. Тамъ стояли новомодныя парижскія коляски, легкія какъ пухъ, украшенныя гербами, и такія красивыя, такія элегантныя, что ихъ можно бы было поставить въ гостиной какъ изящную мебель.

Кобусу онѣ очень понравились, но пристрастіе къ пышности заставило его выбрать большой берлинъ, обитый внутри шелкомъ, тяжеловатый правда, но, по словамъ Фанена, употребляемый знатными лицами.

Итакъ онъ выбралъ его, а затѣмъ хозяинъ повелъ его въ конюшню.

Подъ выбѣленнымъ известью потолкомъ, длиною въ сто двадцать шаговъ, шириною въ шестьдесятъ, на двѣнадцати ду-

бовыхъ столбахъ, размѣщались въ два ряда, раздѣленныя перегородками, шестьдесятъ лошадей, сѣрыхъ, вороныхъ, гнѣдыхъ, въ яблокахъ, съ круглыми и лоснящимися крупами, подвязаными хвостами, высокими головами; иныя ржали и топали ногами, другія жевали сѣно, третьи поворачивали головы, чтобъ посмотрѣть. Свѣтъ, проникавшій въ два высокія окна, освѣщалъ эту конюшню длинными, золотыми снопами. Тѣни столбовъ тянулись по мощеному полу, чистому какъ паркетъ, звонкому, какъ камень. Все это выглядѣло очень красиво, даже внушительно.

Конюхи чистили лошадей скребницами и отирали соломой; почтальонъ, въ синей курткѣ съ серебрянымъ шитьемъ, съ фуражкой на затылкѣ, выводилъ лошадь изъ конюшни; видно, спѣшилъ съ эстафетой.

Дядя Фаненъ и Фрицъ медленно прошли вдоль рядовъ лошадей.

— Вамъ нужно пару,—сказалъ хозяинъ станціи,—выбирайте.

Кобусъ, осмотрѣвъ лошадей, выбралъ пару жеребцовъ, сѣрыхъ въ яблокахъ, съ виду быстрыхъ какъ вѣтеръ. Затѣмъ онъ отправился съ Фаненомъ въ контору и доставъ изъ кармана длинный, зеленый шелковый кошелекъ съ золотыми кисточками, заплатилъ по счету, сказавъ, что ожидаетъ экипажъ завтра къ девяти утра и попросилъ въ кучера старика Циммера, который возилъ нѣкогда Наполеона I.

Покончивъ съ этимъ, условившись, договорившись, дядя Фаненъ проводилъ его во дворъ; они пожали другъ другу руки, и Фрицъ, удовлетворенный, пошелъ обратно въ городъ.

По пути онъ представлялъ себѣ удивленіе Сюзель, старика Христеля и всего Бишема, когда онъ явится такъ парадно, при щелканіи бича и звукахъ рожка. Это внушало ему какую-то странную разнѣженность, особливо мысль объ удивленіи Сюзель.

Онъ не замѣчалъ, какъ летѣло время. Когда онъ, поглощенный своими мечтами, подходилъ къ Гюнебургу, ему бросились въ глаза на тропинкѣ вдоль садиковъ подъ гласисомъ старый реббе Давидъ, въ парадномъ кафтанѣ каштановаго цвѣта, и Зурле въ великолѣпномъ тюлевомъ чепцѣ съ большими желтыми лентами. Они отправлялись за городъ каждую субботу, и прогу-

ливались рука объ руку, точно юные влюбленные, и всякій разъ Давидъ говорилъ женѣ:

— Зурле, когда я вижу эту зелень, эту волнующуюся пшеницу, и медленно текущую рѣку, я совсѣмъ молодѣю, мнѣ кажется, что я прогуливаюсь съ тобой, какъ въ двадцать лѣтъ, и я благодарю Бога за его милости.

Добрая старушка расцвѣтала, такъ какъ Давидъ говорилъ искренно и безъ лести.

Реббе тоже замѣтилъ Фрица за изгородью, и крикнулъ ему:

— Кобусъ!.. Кобусъ!.. Иди сюда!

Но Фрицъ, опасаясь, что старый раввинъ вздумаетъ посмѣяться надъ его рѣчью въ пивной «Большого Орла», продолжалъ путь, качая головой.

— Другой разъ, Давидъ, другой разъ,—отвѣтилъ онъ,—я спѣшу.

А реббе, лукаво усмѣхнувшись себѣ въ бороду, подумалъ:

— Бѣги, я все-таки поймаю тебя.

Наконецъ, Кобусъ вернулся домой къ четыремъ часамъ. Несмотря на открытыя окна, было очень жарко, и Кобусъ не безъ удовольствія разоблачился.

— Теперь мы беремъ одежду и бѣлье,—весело говорилъ онъ самому себѣ, доставая ключи изъ конторки.—Нужно привести въ восторгъ Сюзель, нужно затмить красивѣйшихъ молодцовъ Бишема, чтобы она мечтала только обо мнѣ. Боже небесный, помоги мнѣ, чтобы я ослѣпилъ всѣхъ!

Онъ отворилъ три большіе стѣнные шкафа, доходившіе отъ потолка до пола. Госпожа Кобусъ, мать, и бабушка Никлоссъ питали такое же пристрастіе къ хорошему бѣлью, какъ отецъ и дѣдъ Кобуса къ хорошему вину. Можно себѣ представить, какое количество камчатныхъ скатертей, салфетокъ, платковъ, рубашекъ и полотняныхъ вещей было нагромождено здѣсь,—просто невѣроятно! Старуха Катель употребляла половину своего времени на раскладываніе и складываніе этого бѣлья съ цѣлью провѣтриванія; на перекладываніе его резедой, лавандой и другими снадобьями противъ моли. Наверху были подвѣшены за клювы два высохшія чучела зимородковъ съ зелеными и золотистыми перьями: существуетъ повѣрье, что эти птицы прогоняютъ насѣкомыхъ.

Одинъ изъ шкафовъ былъ наполненъ стариннымъ хламомъ:

треуголками съ кокардой, париками, плюшевыми камзолами съ большими серебряными пуговицами, тростями съ набалдашниками изъ слоновой кости, коробками съ пудрой съ пуховками изъ лебяжьяго пуха; все это сохранилось отъ временъ дѣда Никлосса въ неизмѣнномъ видѣ; старики могли бы вернуться и одѣться по модѣ восемнадцатаго столѣтія, не замѣтивъ своего долгаго сна.

Въ другомъ отдѣленіи находилось платье Фрица. Каждый годъ онъ заказывалъ полную пару у портного Геркулеса Шнейдера въ Ландау; онъ никогда не надѣвалъ этого платья, но ему пріятно было говорить себѣ:—Я могъ бы одѣваться по модѣ, какъ толстый Гаанъ, еслибъ захотѣлъ, но предпочитаю свой старый сюртукъ; у каждаго свой вкусъ.

Фрицъ принялся разсматривать все это съ большимъ увлеченіемъ. Ему пришло въ голову, что Сюзель, быть можетъ, тоже любитъ бѣлье, какъ мать и бабушка Кобусъ; въ такомъ случаѣ она умножитъ сокровища хозяйства, будетъ носить связку ключей и приходить въ восторгъ передъ этими шкафами.

Эта мысль растрогала его, и онъ пожелалъ, чтобы она оказалась справедливой, такъ какъ любовь къ хорошему вину и хорошему бѣлью создаютъ хорошее хозяйство.

Но сейчасъ дѣло шло о томъ, чтобы найти лучшую рубашку, лучшій платокъ, лучшій пару чулокъ и прекраснѣйшее верхнее платье. Вотъ въ чемъ было затрудненіе.

Послѣ продолжительнаго осмотра Кобусъ въ большомъ затрудненіи крикнулъ:

— Катель! Катель!

Старуха служанка, вязавшая въ кухнѣ, отворила дверь.

— Поди сюда, Катель,—сказалъ Кобусъ,—я въ большомъ затрудненіи: Гаанъ и Шульцъ требуютъ неотступно, чтобы я ѣхалъ съ ними на праздникъ въ Бишемъ; они такъ приставали ко мнѣ, что я, наконецъ, согласился. Но на этотъ праздникъ пріѣзжаютъ сотни пруссаковъ, судьи, офицеры, куча франтовъ, одѣтыхъ по послѣдней французской модѣ, которые смотрятъ на насъ, баварцевъ, свысока. Какъ мнѣ одѣться? Я ничего не понимаю въ этихъ вещахъ; это не мое дѣло.

Маленькіе глазки Катель прищурились; она была польщена тѣмъ, что къ ея помощи прибѣгаютъ въ такомъ важномъ случаѣ, и, положивъ свое вязанье на столъ, сказала:

— Вы хорошо сдѣлали, что позвали меня, сударь. Слава

Богу, мнѣ не первый разъ давать совѣты, какъ хорошо одѣться, соотвѣтственно времени и лицамъ. Господинъ мировой судья, вашъ батюшка, имѣлъ обыкновеніе призывать меня, когда шелъ куда-нибудь съ церемоннымъ визитомъ, и я ему говорила:—Съ вашего позволенія, господинъ судья, вамъ не достаетъ еще того-то или того-то.—И всегда это оказывалось вѣрно; всѣ въ городѣ признавали, что никто такъ хорошо не одѣвается, какъ г. Кобусъ.

— Хорошо! Хорошо! Я тебѣ вѣрю,—сказалъ Фрицъ,—и радъ это слышать, хотя мода съ тѣхъ поръ измѣнилась.

— Мода можетъ мѣняться, какъ ей угодно,—отвѣчала Катель, подходя къ шкафу, — здравый смыслъ не мѣняется. Прежде всего мы найдемъ вамъ рубашку. Жаль, что теперь не носятъ панталонъ въ обтяжку, у васъ нога очень хороша, какъ и у вашего отца; и парикъ бы вамъ былъ къ лицу, прекрасный парикъ, напудренный по французски; это было великолѣпно! Но теперь господа одѣваются, какъ крестьяне. Однако, старыя моды должны вернуться рано или поздно, чтобъ дѣлать разницу; а то совсѣмъ не разберешься!

Катель стояла на лѣсенкѣ и выбирала рубашку. Фрицъ, внизу, молча ждалъ. Она спустилась, наконецъ, держа въ растопыренныхъ рукахъ рубашку и носовой платокъ, съ благоговѣйнымъ видомъ; и, положивъ ихъ на столъ, сказала:

— Вотъ, во-первыхъ, главное; увидимъ, будутъ ли у вашихъ пруссаковъ такія рубашки и платки. Это, господинъ Кобусъ, рубашки и платки, которые г. міровой судья употреблялъ въ торжественныхъ случаяхъ. Посмотрите, какое тонкое полотно, какое пышное жабо съ шестью рядами кружевъ; взгляните на эти манжеты, прекраснѣйшія, какія только были виданы въ Гюнсбургѣ; взгляните на это ажурное шитье: птицы съ длинными хвостами и листья,—что за работа, Боже ты мой, что за работа!

Фрицъ, который раньше такъ же мало интересовался этими вещами, какъ жителями луны, провелъ пальцами по кружевамъ и любовался ими въ экстазѣ, а старуха служанка, скрестивъ руки на передникѣ, громко выражала свой восторгъ:

— Можно ли повѣрить, сударь, что это сдѣлано женскими руками!—говорила она.—Не чудесная ли это вещь!

— О, прекрасная вещь!—отвѣчалъ Кобусъ, думая, какое

впечатлѣніе произведетъ онъ на Сюзель въ этомъ пышномъ жабо и манжетахъ.—Но развѣ ты думаешь, Катель, что найдется много людей, способныхъ оцѣнить такую работу?

— Много ли! Да, во-первыхъ, всѣ женщины, сударь; даже тѣ, которыя пасли гусей до пятидесяти лѣтъ, сумѣютъ разобрать, что богато, что прекрасно, что прилично. Человѣкъ въ такой рубашкѣ, будь онъ первый глупецъ въ мірѣ, займетъ почетное мѣсто въ ихъ мысляхъ; и правильно, потому что, если у него самого нѣтъ смысла, то у его родителей хватило и на него.

Фрицъ расхохотался.

— Ха, ха, ха! У тебя бываютъ забавныя идеи, Катель,—замѣтилъ онъ,—но все равно, я думаю, что ты несовсѣмъ не права. Теперь намъ требуются чулки.

— Вотъ они сударь: шелковые. Пощупайте, какая гибкость, нѣжность! Г-жа Кобусъ сама вязала ихъ иглами, тонкими, какъ волоски: огромная была работа. Теперь ихъ ткутъ на станкѣ; зато жъ и чулки выходятъ! Правильно дѣлаютъ, что прячутъ ихъ подъ панталоны.

Такъ разсуждала старуха служанка, а Кобусъ, становившійся все веселѣе и веселѣе, воскликнулъ:

— Ладно, ладно, дѣла принимаютъ хорошій оборотъ, и если мы найдемъ подходящее верхнее платье, то, пожалуй, пруссакамъ не придется посмѣяться надъ нами.

— Да, Господи милостивый,—возразила Катель,—что вы мнѣ толкуете о пруссакахъ! Голяки, у которыхъ не найдется десяти талеровъ въ карманѣ, и которые надѣваютъ на себя все, что у нихъ есть, чтобы показаться чѣмъ-нибудь. Мы совсѣмъ другая статья! У насъ есть гдѣ приклонить голову вечеромъ, и, слава Богу, не на голомъ камнѣ! Есть гдѣ добыть бутылочку хорошаго вина, если захочется выпить. Мы люди извѣстные, солидные; когда говорятъ о г. Кобусѣ, то знаютъ, что у него ферма въ Мейзенталѣ, буковый лѣсъ въ Михельсбергѣ...

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія; но вѣдь эти прусскіе офицеры, съ ихъ усищами, бравые молодцы, и не одна дѣвушка...

— Не считайте дѣвушекъ такими глупыми,—перебила Катель, достававшая изъ шкафа верхнее платье,—онѣ тоже знаютъ разницу между птицей въ небѣ и птицей на вертелѣ; боль-

шинству хотѣлось бы устроиться домкомъ, а о тѣхъ, которыя заглядываются на пруссаковъ, не стоитъ и разговаривать. Но вотъ вамъ и верхнее платье, есть изъ чего выбрать.

Фрицъ принялся разсматривать гардеробъ и, минуту спустя, сказалъ:

— Мнѣ нравится этотъ сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ.

— Что вы говорите, сударь?—воскликнула служанка. — Сюртукъ при рубашкѣ съ жабо!

— Почему жэ нѣтъ? Матерія великолѣпная.

— Вы хотите одѣться какъ слѣдуетъ, сударь?

— Ну, конечно.

— Возьмите же этотъ фракъ небесно-голубого цвѣта, который еще ни разу не былъ надѣванъ. Посмотрите-ка.

Она снимала бумажки съ позолоченныхъ пуговицъ:

— Я не знаю новыхъ модъ; но эта вещь по моему хороша; простая, отлично сшитая; легкая, по сезону, а, вдобавокъ, небесно-голубой цвѣтъ идетъ бѣлокурымъ. Мнѣ кажется, сударь, что этотъ фракъ будетъ вамъ къ лицу.

— Посмотримъ,—сказалъ Кобусъ.

Онъ надѣлъ фракъ.

— Великолѣпно!.. Посмотрите-ка на себя въ зеркало.

— А сзади, Катель?

— И сзади чудесно, сударь; у васъ въ немъ талія молодого человѣка.

Фрицъ, смотрѣвшійся въ зеркало, покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Да вѣрно ли?

— Такъ вѣрно, что я и сама не ожидала, сударь; это ваши просторные сюртуки старятъ васъ на десять лѣтъ, просто удивительно.

Она провела рукою по его спинѣ.

— Ни складочки!

Кобусъ, повернувшись на каблукахъ, воскликнулъ:

— Надѣну этотъ фракъ. Теперь жилетъ, что-нибудь эффектное, понимаешь, въ такомъ же родѣ, только больше краснаго цвѣта.

Катель засмѣялась:

— Вы точно крестьяне Кокесберга, которые рядятся въ

красное отъ головы до ногъ! Красное съ небесно-голубымъ, да вѣдь надъ этимъ будутъ смѣяться по всей Пруссіи, и на этотъ разъ пруссаки будутъ правы.

— Что же надѣть?—спросилъ Фрицъ, тоже разсмѣявшись.

— Бѣлый жилетъ, сударь, бѣлый вышитый галстукъ, палевые панталоны. Вотъ, взгляните сами.

Она разложила все это на краю комода.

— Всѣ эти цвѣта созданы одинъ для другого, они подходятъ другъ къ другу; вы будете легкимъ, можете танцовать, если это вамъ нравится, помолодѣете на десять лѣтъ. Неужто вы сами не видите? Неужто жалкая старуха должна вамъ объяснять?

Она снова засмѣялась, а Кобусъ, съ удивленіемъ взглянувъ на нее, сказалъ:

— Это правда. Я такъ рѣдко думаю объ одеждѣ...

— И напрасно сударь: платье краситъ человѣка. Надо еще навощить ваши тонкіе ботинки; тогда вы будете совсѣмъ хоть куда; всѣ дѣвушки влюбятся въ васъ.

— О!—воскликнулъ Фрицъ,—ты смѣешься надо мною!

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ я увидѣла, какая у васъ талія... хе! хе! хе!.. надо только крѣпче стягивать пряжку. А что, сударь, если вы встрѣтитесь на этомъ праздникѣ съ какой-нибудь хорошенькой дѣвушкой, и покончите... хе! хе! хе!.. свадебкой.

Она смѣялась своимъ беззубымъ ртомъ, а онъ, красный какъ ракъ, не зналъ, что отвѣтить.

— А что бы ты сказала?—спросилъ онъ наконецъ.

— Я была бы довольна.

— Но вѣдь ты бы ужъ не была хозяйкой въ домѣ.

— Э, Боже мой, хозяйкой, чтобы все дѣлать, за всѣмъ смотрѣть, все беречь. Ахъ, если молодая хозяйка, добрая и трудолюбивая, сниметъ съ меня эту обузу, я буду очень рада, лишь бы мнѣ позволили дѣтокъ качать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ не было бы обидно?

— Напротивъ! Сами посудите, теперь я съ каждымъ днемъ слабѣю, ноги не ходятъ; это не можетъ длится вѣчно... Мнѣ шестьдесятъ четыре года, сударь, шестьдесятъ четыре годочка...

— Ба! Ты преувеличиваешь свою старость, — возразилъ Фрицъ, внутренно довольный этимъ желаніемъ, совпадавшимъ съ его мечтами,—я еще никогда не видалъ тебя такой живой и дѣятельной.

— Ну,—закончилъ онъ, смѣясь,—приготовь же мнѣ все на завтра.

Онъ еще разъ осмотрѣлъ фракъ, бѣлый жилетъ, галстухъ съ вышитыми уголками, палевые панталоны и рубашку съ жабо. Потомъ, взглянувъ на ожидавшую Катель, спросилъ:

— Это все?

— Да, сударь.

— Ну, такъ я пойду выпить пива.

— А я готовить ужинъ.

Онъ снялъ со стѣны свою большую пѣнковую трубку, и ушелъ, посвистывая, какъ дроздъ.

Ка ель вернулась въ кухню.

XVI.

На другой день, въ половинѣ девятаго, долговязый Шульцъ, расфранченный, въ нанкиновой парѣ, съ тросточкой изъ китоваго уса, въ охотничьей фуражкѣ, ухарски сидѣвшей надъ его длинной, кирпично-виннаго цвѣта физiономiей, поднимался по лѣстницѣ Кобуса, отхватывая по четыре ступеньки заразъ. Гаанъ, въ зеленомъ сюртучкѣ, въ черномъ бархатномъ жилетѣ съ желтыми цвѣточками, съ цѣлой кучей брелоковъ и въ великолѣпной касторовой шляпѣ, слѣдовалъ за нимъ медленно, держась рукой за перила; ступени скрипѣли подъ его тяжелыми шагами. Они казались веселыми и безъ сомнѣнiя ожидали найти Кобуса въ его сѣромъ балахонѣ и панталонахъ цвѣта ржавчины, по обыкновенiю.

— Ну что, Катель, — крикнулъ Шульцъ, заглянувъ въ кухню,—готовъ онъ?

— Войдите, господа, войдите—сказала старуха, улыбаясь.

Они пришли въ большую гостиную, и въ изумленiи остановились на порогѣ: Фрицъ былъ тамъ, передъ зеркаломъ, расфранченный какъ женихъ: талiя стянута небесно-голубымъ фракомъ, нога плотно охваченная палевыми панталонами, розовый, свѣжiй, лоснящiйся подбородокъ, красныя уши, волоса, зачесанные къ затылку, перчатки цвѣта сливочнаго масла, тщательно застегнутыя подъ манжетами съ тремя рядами кружевъ. Словомъ Купидонъ да и полно, только стрѣлъ не хватаетъ.

— О-го-го! — воскликнулъ Гаанъ, — ого-го! Кобусъ!... Кобусъ!..

Отъ изумленія онъ едва выговаривалъ слова.

Шульцъ сначала ничего не говорилъ, а разсматривалъ, вытянувъ шею и опираясь на тросточку; потомъ сказалъ:

— Это... это предательство, Кобусъ, ты хочешь, чтобы насъ приняли за твоихъ слугъ... Это не пройдетъ... я протестую...

Кобусъ, повернувшись къ нимъ, съ нѣжностью въ глазахъ, такъ какъ думалъ о маленькой Сюзель, спросилъ:

— Такъ вы находите, что это мнѣ къ лицу?

— Да ты просто убиваешь, уничтожаешь насъ!—воскликнулъ Гаанъ. Желалъ бы я знать чего ради ты устроилъ намъ такой подвохъ?

— Э!—сказалъ Кобусъ, смѣясь—ради пруссаковъ.

— Какъ, ради пруссаковъ?

— Ну, да, развѣ вы не знаете, что сотни пруссаковъ съѣзжаются на праздникъ въ Бишемъ; народъ все спѣсивый, одѣты по послѣдней модѣ, а на насъ, баварцевъ, смотрятъ свысока.

— Честное слово, я этого не зналъ,—сказалъ Гаанъ.

— А я, воскликнулъ Шульцъ,—если бъ зналъ, то надѣлъ бы мундиръ ландвермана; онъ больше идетъ мнѣ, чѣмъ нанковый камзолъ, и притомъ показываетъ національный духъ... представитель арміи.

— Ба!—возразилъ Фрицъ—ты и такъ хорошъ.

Всѣ трое посмотрѣлись въ зеркало, и каждый нашелъ, что выглядитъ хоть куда; такъ что въ концѣ концовъ Гаанъ воскликнулъ:

— Если разсудить хорошенько, Кобусъ правъ; конечно, догадайся онъ предупредить насъ, мы бы одѣлись лучше, но и такъ мы выглядимъ недурно.

Шульцъ прибавилъ:

— Я, положимъ, одѣтъ небрежно; но я ѣду въ Бишемъ безъ всякихъ претензій, поглядѣть, повеселиться...

— А мы зачѣмъ же?—сказалъ Гаанъ.

— Да, но я болѣе сообразуюсь съ обстоятельствами; нанковая пара проще, натуральнѣе на праздникѣ, чѣмъ жабо и кружева.

Повернувшись, они увидѣли на столѣ бутылку «форстгеймера», три стаканчика и тарелку съ бисквитами.

Фрицъ бросилъ послѣдній взглядъ на галстухъ, и нашелъ, что все обстоитъ хорошо.

— Выпьемъ,—сказалъ онъ,—экипажъ скоро будетъ.

Они сѣли, и Шульцъ, хлебнувъ вина, сказалъ разсудительнымъ тономъ:

— Все это хорошо, но явиться туда такимъ франтамъ какъ вы въ старомъ шарабанѣ, на пучкахъ соломы,—сознайтесь, что это не слишкомъ шикарно; это рѣжетъ глаза, это даже немножко вульгарно.

— Э!—воскликнулъ толстый сборщикъ,—всего лучше было бы явиться въ блузахъ на ослѣ. Всѣмъ извѣстно, что у деревенскихъ господъ не всегда имѣется экипажъ подъ рукой. На праздникъ попадаютъ случайно; кто же стѣсняется, когда идетъ веселиться?..

Такъ они болтали минутъ двадцать, а Кобусъ, видя, что назначенный часъ приближается, время отъ времени прислушивался. Вдругъ онъ сказалъ:

— Вотъ и экипажъ!

Остальные двое прислушивались, но услыхали только отдаленный гулъ, сопровождаемый щелканьемъ бича.

— Это не онъ,—сказалъ Гаанъ,—это почтовый экипажъ на большой дорогѣ.

Но гулъ приближался, а Кобусъ посмѣивался. Наконецъ экипажъ показался на улицѣ и щелканье бича, топотъ лошадей и грохотъ мостовой раздались на площади Акацій.

Тогда всѣ трое встали, и увидѣли въ окно берлинъ, нанятый Фрицомъ, и стараго почтаря Циммера, въ большомъ пеньковомъ парикѣ заплетенномъ вокругъ ушей, въ бѣломъ жилетѣ, въ курткѣ съ серебрянымъ шитьемъ, замшевыхъ штанахъ и высокихъ сапогахъ, щелкавшаго бичемъ.

— Ѣдемъ!—воскликнулъ Кобусъ.

Онъ надѣлъ шляпу, тогда какъ двое пріятелей смотрѣли на него, ошеломленные; они не могли повѣрить, что берлинъ предназначается для нихъ, и только когда онъ остановился у крыльца, Гаанъ расхохотался и воскликнулъ:

— Въ добрый часъ! Въ добрый часъ! Кобусъ устраиваетъ все на большую ногу! Ха, ха, ха! Славная штука!

Они спустились съ лѣстницы, сопровождаемые подсмѣивав-

шейся служанкой; а Циммеръ, увидѣвъ ихъ, повернулся на своей лошади и сказалъ:

— Минута въ минуту, господинъ Кобусъ, минута въ минуту.

— Да, это хорошо, Циммеръ,—отвѣтилъ Фрицъ, открывая дверку берлина.—Ну, влѣзайте, ребята. Можно опустить верхъ?

— Поверните только пуговку, господинъ Кобусъ,—онъ и опустится.

Они усѣлись, счастливые, какъ принцы, Фрицъ тоже сѣлъ и опустилъ верхъ. Онъ помѣстился направо, Гаанъ налѣво, Шульцъ по срединѣ.

Болѣе сотни любопытныхъ выглядывали изъ оконъ и дверей, такъ какъ почтовые экипажи не проѣзжаютъ обыкновенно по улицѣ Акаціи, они слѣдуютъ по большой дорогѣ; появленіе такого экипажа на площади было нѣчто новое.

Можно себѣ представить, какъ довольны были Гаанъ и Шульцъ.

— Эхъ!—воскликнулъ Шульцъ, ощупывая карманы, — забылъ на столѣ трубку.

— У насъ есть сигары,—сказалъ Фрицъ, протягивая имъ сигары, которыя они немедленно закурили, развалившись въ коляскѣ, скрестивъ ноги, задравъ носы вверхъ и закинувъ руки за головы.

Катель казалась такой же довольной, какъ они.

— Готовы, господинъ Кобусъ?—спросилъ Циммеръ.

— Да, поѣзжайте, но не шибко, — сказалъ Кобусъ, — не шибко, пока не выѣдемъ за ворота Гильдебрандта.

Циммеръ щелкнулъ бичемъ, натянулъ возжи, и лошади тронулись мелкой рысью, межъ тѣмъ какъ старый ямщикъ трубилъ въ свой рожокъ.

Катель, стоя на порогѣ, провожала ихъ взглядомъ до поворота улицы. Такъ они проѣхали Гюнебургъ изъ конца въ конецъ; мостовая гудѣла, въ окнахъ показывались изумленныя лица, а они, важно развалясь, точно знатные баре, равнодушно покуривали сигары, точно весь вѣкъ свой катались въ колясках.

Наконецъ, грохотъ мостовой смѣнился болѣе мягкимъ шумомъ колесъ, катящихся по дорогѣ, и Циммеръ, повѣсивъ рожокъ, снова взялся за бичъ. Двѣ минуты спустя, они мчались

какъ вѣтеръ по дорогѣ въ Бишемъ; лошади неслись, разстилая хвосты, щелканье бича отдавалось далеко въ поляхъ; тополи, кустарники, поля, луга бѣжали мимо.

Фрицъ съ блаженнымъ лицомъ, устремивъ глаза въ небо, мечталъ о Сюзель. Онъ видѣлъ ее, какъ живую, и слезы подступали къ его глазамъ.

— То-то удивится!—думалъ онъ.—Подозрѣваетъ ли она что-нибудь? Нѣтъ, но скоро, скоро она узнаетъ все... Нужно, чтобы все выяснилось!

Толстый Гаанъ важно курилъ, а Шульцъ засунулъ фуражку между складками кузова, и вѣтеръ игралъ его длинными сѣдѣющими волосами.

— Да,—говорилъГаанъ,—вотъ такія поѣздки я понимаю! Не говорите мнѣ о старыхъ трясучкахъ, салатныхъ корзинкахъ, отъ которыхъ чувствуешь себя разбитымъ; я ими сытъ по горло; но катить въ такомъ экипажѣ—другое дѣло. Вѣрь не вѣрь, Кобусъ, а я бы въ двѣ недѣли привыкъ къ такому экипажу.

— Ха, ха, ха!—засмѣялся Шульцъ,—еще бы! Ты вѣдь неприхотливъ.

Фрицъ мечталъ.

— Когда мы пріѣдемъ?—спросилъ онъ Циммера.

— Чересъ два часа, сударь.

Тутъ Кобусъ подумалъ:

— Лишь бы она была тамъ, лишь бы старикъ Христель не раздумалъ.

Это опасеніе омрачило его лицо; но минуту спустя онъ успокоился и кровь снова прихлынула къ его щекамъ.

— Она тамъ,—думалъ онъ,—я увѣренъ въ этомъ. Не можетъ быть иначе.

И межъ тѣмъ, какъ Гаанъ и Шульцъ нѣжились, потягивались, подсмѣиваясь про себя и медленно выпуская дымъ изо рта, чтобы насладиться его ароматомъ, онъ то и дѣло приподнимался, поглядывая во всѣ стороны и находя, что лошади бѣгутъ недостаточно быстро.

Двѣ или три деревни промелькнули втеченіе часа, затѣмъ еще двѣ, и, наконецъ, берлинъ спустился въ долину Альтенбрука. Кобусъ тотчасъ вспомнилъ, что Бишемъ находится на противоположномъ склонѣ. Подъемъ шагомъ показался ему

очень долгимъ; но они выѣхали, наконецъ, на плоскую вершину холма, и Циммеръ, щелкнувъ бичемъ, воскликнулъ:

— Вотъ и Бишемъ!

Въ самомъ дѣлѣ, они увидѣли почти тотчасъ же старинное мѣстечко, раскинувшееся вокругъ противуположной долины, его длинную извилистую улицу, ветхіе фасады съ украшенными рѣзьбой балками; досчатыя галлереи, наружныя лѣстницы, ворота съ прибитыми надъ ними облѣзлыми совами; черепичныя, аспидныя и гонтовыя крыши, видѣвшія войны маркграфовъ и ландграфовъ, армледеровъ, шведовъ, республиканцевъ, все это строившееся, сгоравшее и перестраивавшееся по двадцати разъ въ столѣтіи: домъ направо временъ Гоша, другой налѣво временъ Меласа, третій подальше, временъ Барбароссы.

Большія треуголки, шлыки, красные жилеты, сновавшіе по всѣмъ направленіямъ, пріостанавливаясь, чтобы взглянуть; лающія собаки, гуси и куры, разбѣгавшіяся съ крикомъ: все это видѣли, пока берлинъ спускался во весь карьеръ по главной улицѣ, а Циммеръ трубилъ такъ, что мертвые, казалось, должны были проснуться.

Гаанъ и Шульцъ смотрѣли на все это и наслаждались общимъ удивленіемъ. Они увидѣли на поворотѣ улицы, на площади Двухъ Пословъ, старинный водоемъ, «Madame Hütte» изъ еловаго теса, балаганы торговцевъ и кишащую толпу; все это промелькнуло мимо, какъ молнія. Дальше они увидѣли старинную церковь святого Ульриха съ двумя высокими четырехугольными башнями и большими полукруглыми пролетами временъ Карла Великаго. Служба кончалась, колокола звонили во всю мочь, толпа спускалась съ паперти: все это исчезло въ одно мгновеніе.

У Фрица была одна мысль: Гдѣ она?

Онъ наклонялся къ каждому дому, какъ будто Сюзель должна была выйти изъ него. Его взглядъ останавливался на каждомъ балконѣ, на каждомъ окнѣ, на каждой двери, круглой или четырехугольной, обвитой виноградомъ или голой; все съ тѣмъ же вопросомъ:—Гдѣ она?

И онъ не пропустилъ ни одной дѣвушки на улицѣ, въ окнѣ, въ глубинѣ комнаты, онъ узналъ бы ленту Сюзель! Но ея нигдѣ не было видно, и берлинъ остановился, наконецъ, на площади Старой Бойни, передъ «Золотымъ Бараномъ».

Фрицъ тотчасъ припомнилъ старую гостиницу; здѣсь оста-

навливался его отецъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Онъ узналъ большія ворота, ведшія на мощеный щебнемъ дворъ, деревянную галлерею съ массивными столбами, двѣнадцать окошекъ съ зелеными ставнями, маленькую сводчатую дверь и потертыя ступени.

За нѣсколько минутъ раньше, это зрѣлище пробудило бы въ его душѣ нѣжныя воспоминанія, но теперь онъ боялся, что не увидитъ Сюзель, и это приводило его въ отчаяніе.

Гостиница, очевидно, была полна посѣтителей, такъ какъ едва экипажъ показался на площади, множество лицъ появилось въ окнахъ, пруссаки въ плоскихъ фуражкахъ, съ огромными усами, и другіе. Двѣ лошади были привязаны къ кольцамъ у воротъ; ихъ хозяева выглядывали изъ коридора.

Какъ только берлинъ остановился, старый трактирщикъ Лерихъ, высокій, спокойный и важный, въ бумажномъ колпакѣ на бѣлой, какъ лунь, головѣ, торжественно откинулъ подножку и сказалъ:

— Не угодно ли ихъ свѣтлостямъ сойти..

Фрицъ воскликнулъ:

— Какъ, дядя Лерихъ, вы не узнаете меня?

Старикъ съ удивленіемъ уставился на него.

— А! Дрожайшій господинъ Кобусъ!—сказалъ онъ минуту спустя.—Какъ вы похожи на вашего отца! Простите, мнѣ слѣдовало узнать васъ.

Фрицъ вышелъ изъ коляски и сказалъ, смѣясь:

— Ничего, дядя Лерихъ, двадцать лѣтъ измѣняютъ человѣка. Позвольте вамъ представить моего фельдмаршала Шульца и перваго министра Гаана; мы путешествуетъ инкогнито.

Гости, смотрѣвшіе, въ окна, засмѣялись, особливо пруссаки, къ негодованію Шульца.

— Что-жь!—сказалъ онъ,—я могъ бы быть фельдмаршаломъ не хуже всякаго другого; посылалъ бы войска въ бой или на штурмъ, а самъ смотрѣлъ издали.

Гаанъ былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы сердиться.

— Въ которомъ часу обѣдъ?—спросилъ онъ.

— Въ двѣнадцать, сударь.

Они вошли въ переднюю, межъ тѣмъ какъ Циммеръ отпрягалъ лошадей и отводилъ ихъ въ конюшню. Передняя примыкала внутри къ саду, а налѣво въ кухнѣ; слышалось пощелки-

ваніе вертела, трескъ дровъ, ворочаніе кастрюль. Служанки бѣгали по коридору съ тарелками и стаканами; буфетчикъ поднимался изъ погреба съ корзиной вина.

— Намъ нужно комнату,—сказалъ Фрицъ трактирщику,—отведите намъ комнату Гоша.

— Невозможно, господинъ Кобусъ, она занята, въ ней помѣстились пруссаки.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сосѣднюю.

Дядя Лерихъ повелъ ихъ по большой лѣстницѣ. Шульцъ, услыхавъ о комнатѣ Гоша, пожелалъ узнать, что это такое.

— Вотъ она, сударь,—сказалъ трактирщикъ, отворяя дверь большой комнаты въ первомъ этажѣ.—Здѣсь республиканскіе генералы держали совѣтъ 23 декабря 1793 г., за три дня до аттаки Виссембургскихъ линій. Гошъ стоялъ тамъ.

Онъ указалъ на большую чугунную печь въ овальной нишѣ направо.

— Вы видѣли его?

— Да, сударь, и помню его, какъ будто это случилось вчера; мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ. Французы расположились лагеремъ вокругъ деревни, генералы не спали ни днемъ, ни ночью. Мой отецъ привелъ меня сюда однажды вечеромъ и сказалъ: «Смотри и помни!» Французскіе генералы, съ трехцвѣтными шаржами вокругъ пояса, въ большихъ треуголкахъ поперекъ головы, съ волочащимися саблями, ходили взадъ и впередъ по комнатѣ.

Офицеры, въ снѣгу, то и дѣло являлись за приказаніями. Такъ какъ всѣ говорили о Гошѣ, то мнѣ хотѣлось взглянуть на него, и я проскользнулъ въ комнату, прижимаясь къ стѣнѣ и посматривая на этихъ важныхъ людей, поднимавшихъ такой шумъ въ домѣ.

Мой отецъ, который тоже вошелъ въ комнату, дернулъ меня за рукавъ и шепнулъ мнѣ на ухо: «Онъ рядомъ съ тобой». Я повернулся и увидѣлъ Гоша передъ печкой, онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и нагнувъ голову впередъ. Онъ былъ въ синемъ сюртукѣ, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ и въ сапогахъ съ желѣзными шпорами и казался совсѣмъ невзрачнымъ въ сравненіи съ другими генералами. Я какъ сейчасъ вижу его: средняго роста, смуглый, съ довольно длиннымъ лицомъ; длинные волосы, раздѣленные посерединѣ проборомъ, падали ему на

щеки; онъ задумался среди этой суматохи, ничто не могло его разсѣять. Въ ту же ночь, въ одиннадцать часовъ, французы ушли; на другой день не было видно ни одного, ни въ деревнѣ, ни въ окрестностяхъ. Пять или шесть дней спустя, распространился слухъ, что произошло сраженіе и имперцы разбиты. Можетъ Гошъ и обдумывалъ въ тотъ вечеръ этотъ ударъ.

Дядя Лерихъ разсказывалъ это просто, но посѣтители слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Затѣмъ онъ провелъ ихъ въ сосѣднюю комнату, и спросилъ, не подать ли обѣдъ въ номеръ; но они предпочли обѣдать за табльдотомъ.

Затѣмъ они снова сошли внизъ.

Большая зала была полна народа: трое или четверо путешественниковъ, съ чемоданами на стульяхъ, поджидали экипажа чтобъ ѣхать въ Ландау; прусскіе офицеры расхаживали подвое взадъ и впередъ; нѣсколько пріѣзжихъ купцовъ обѣдали въ сосѣдней комнатѣ; горожане сидѣли за большимъ столомъ, уже накрытымъ скатертью, и уставленнымъ сверкающими графинами и тарелками.

Ежеминутно новыя лица появлялись на порогѣ. Они заглядывали въ залу и уходили или входили.

Въ ожиданіи обѣда Фрицъ велѣлъ принести бутылку рюдесгейма.

Онъ тоскливо смотрѣлъ на пышные обои, размалеванные индиго и желтой охрой и изображавшіе Швейцарію съ ея ледниками, Вильгельма Телля, цѣлящагося въ яблоко на головѣ своего сына, затѣмъ отталкивающаго ногою отъ берега лодку Гесслера. Онъ все думалъ о Сюзель.

Гаанъ и Шульцъ находили вино хорошимъ.

Въ эту минуту на улицѣ раздалось пѣніе, и почти въ ту же минуту тѣнь огромной повозки упала на окна, за нею другая.

Это были крестьяне, отправлявшіеся въ Америку. Ихъ повозки были нагружены старыми шкафами, кроватями, матрацами, стульями, комодами. Все это прикрывалось огромными полотняными кузовами на обручахъ. Изъ подъ кузововъ спокойно глазѣли дѣти, сидѣвшіе на соломѣ, дряхлыя старухи съ пожелтѣвшими отъ старости волосами; а пять или шесть клячъ, крупы которыхъ были прикрыты собачьими шкурами, плелись потихоньку. Сзади шли мужчины, женщины и трое сгорбленныхъ

стариковъ, съ обнаженными головами, опиравшихся на палки. Они пѣли хоромъ:

Гдѣ отечество для нѣмцевъ?
Гдѣ отечество для нѣмцевъ?

А старики отвѣчали:

Въ Америкѣ! Въ Америкѣ!

Прусскіе офицеры толковали между собою:

— Слѣдовало бы арестовать этихъ людей!

Гаанъ, услыхавъ эти слова, не утерпѣлъ и замѣтилъ ироническимъ тономъ:

— Они утверждаютъ, что нѣмецкое отечество Пруссія; слѣдовало бы свернуть имъ шеи!

Прусскіе офицеры посматривали на него косо; но онъ былъ не изъ пугливыхъ, а Шульцъ тоже гордо выпрямился.

Кобусъ спокойно всталъ и ушелъ, будто бы освѣдомиться о чемъ-то на кухнѣ. Спустя четверть часа Гаанъ и Шульцъ, не дождавшись его возвращенія, удивлялись тѣмъ болѣе, что уже подали супъ и всѣ усѣлись за столъ.

Фрицъ вспомнилъ, что въ переулкѣ Уа, за Бишемомъ, жили двѣ или три семьи анабаптистовъ, и что его отецъ обыкновенно заѣзжалъ къ нимъ за мѣшкомъ чернослива, когда возвращался въ Гюнебургъ. Думая, что Сюзель могла остановиться у нихъ, онъ, никому не сказавшись, спустился въ садъ «Золотого Барана», а оттуда въ небольшую аллею остролистовъ, окаймлявшую деревню.

Онъ бѣжалъ какъ заяцъ по этой аллеѣ, до такой степени хотѣлось ему видѣть Сюзель. То-то бы удивился онъ три мѣсяца тому назадъ, еслибъ увидѣлъ себя въ такомъ состояніи!

Наконецъ, увидѣвъ изъ-за фруктоваго сада большую, сѣрую черепичную крышу анабаптистовъ, онъ проскользнулъ тихонько между изгородями во дворъ, и тутъ увидѣлъ, къ своему полному удовольствію, между большой квадратной кучей навоза и верхнимъ фасадомъ, обвитымъ плющемъ, экипажъ дяди Христеля.

— Она здѣсь!—подумалъ онъ.—Это хорошо... это хорошо! Теперь я увижу ее во что бы то ни стало; хотя бы пришлось оставаться здѣсь три дня.

Онъ не могъ наглядѣться на этотъ экипажъ. Вдругъ Мопсель выскочилъ откуда-то съ лаемъ, какимъ собаки привѣт-

ствуютъ старыхъ знакомыхъ. Фрицъ едва успѣлъ скрыться въ переулокъ, пригнувшись подъ защитой изгородей, какъ воръ, такъ какъ, несмотря на свою радость, онъ нѣсколько стыдился своего поведенія; чувствовалъ себя счастливымъ и сконфуженнымъ.

— Что еслибъ тебя увидѣли,—говорилъ онъ самому себѣ,— еслибъ узнали, что ты дѣлаешь! Богъ ты мой, вотъ бы потѣшались надъ тобою, Фрицъ! Но все равно; все устроилось хорошо; ты можешь похвастаться, что тебѣ везетъ.

Онъ вернулся къ «Золотому Барану» тѣми же закоулками. Подали второе блюдо, когда онъ вошелъ въ залу. Гаанъ и Шульцъ приберегли для него мѣсто.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросилъ Гаанъ.

— Я хотѣлъ повидаться съ докторомъ Рубенскомъ, другомъ моего отца,—сказалъ онъ, подвязывая салфетку; но сейчасъ узналъ, что онъ умеръ два года тому назадъ.

Затѣмъ онъ принялся ѣсть съ аппетитомъ; и такъ какъ подали великолѣпнаго угря съ горчицей, то толстый Гаанъ не нашелъ умѣстнымъ предлагать другіе вопросы.

Въ теченіе всего обѣда Фрицъ съ сіяющимъ лицомъ не переставалъ повторять про себя:—Она здѣсь!

Его большіе глаза на выкатѣ повременамъ нѣжно щурились, потомъ широко раскрывались, какъ у кота, который мечтательно смотритъ на мышекъ.

Онъ пилъ и ѣлъ съ увлеченіемъ, самъ того не замѣчая.

Погода была чудесная; улица оглашалась веселыми пѣснями, визгливыми звуками деревянныхъ трубъ и взрывами смѣха; люди въ праздничныхъ нарядахъ, съ цвѣтами на шляпахъ и яркими лентами на чепцахъ поднимались рука объ руку къ площади Двухъ Козловъ. То тотъ, то другой изъ собесѣдниковъ вставалъ, вѣшалъ салфетку на стѣнку стула и выходилъ на улицу.

Къ двумъ часамъ Гаанъ, Шульцъ, Кобусъ и двое или трое прусскихъ офицеровъ оставались одни за столомъ передъ дессертомъ и пустыми бутылками.

Въ эту минуту Фрицъ очнулся отъ своей задумчивости, приведенный въ себя оглушительными звуками барабана и рожка, возвѣщавшими о началѣ танцевъ.

— Сюзель, пожалуй, уже тамъ,—подумалъ онъ.

И, застучавъ по столу рукояткой своего ножа, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Дядя Лерихъ! Дядя Лерихъ!

Появился старый трактирщикъ.

Фрицъ съ лукавой улыбкой спросилъ:

— Есть у васъ еще то легкое бѣлое вино, знаете,—вино, которое искрится и которое любилъ мировой судья Кобусъ?

— Да, еще найдется,—отвѣтилъ трактирщикъ такимъ же веселымъ тономъ.

— Принесите же намъ пару бутылочекъ,—сказалъ Фрицъ, подмигивая.—Мнѣ нравилось это вино, я бы не прочь угостить имъ моихъ друзей.

Дядя Лерихъ вышелъ, и спустя нѣсколько минутъ вернулся, неся подъ мышками, двѣ бутылки, солидно закупоренныя, съ обтянутыми проволокой колпачками. Онъ несъ также щипцы, чтобъ перерѣзать проволоку и три тонкихъ, сверкающихъ бокала въ формѣ рожковъ, на подносѣ.

Гаанъ и Шульцъ поняли, что это за бѣлое вино и съ улыбкой переглянулись.

— Хе! хе! хе!—засмѣялся Гаанъ, — у этого Кобуса бываютъ иногда удачныя шутки; онъ называетъ это легкимъ виномъ.

А Шульцъ, искоса посматривая на пруссаковъ, прибавилъ:

— Да, легкое французское вино; не первый разъ мы его пьемъ; но тамъ, въ Шампани, горлышко бутылки отбивали саблей.

Говоря это, онъ сдвинулъ фуражку на бекрень и покручивалъ свои сѣдѣющіе усы.

Пробка взлетѣла къ потолку, со звукомъ пистолетнаго выстрѣла; бокалы наполнились небесной росой.

— За здоровье пріятеля Фрица! — крикнулъ Шульцъ, поднимая бокалъ.

И небесная роса струей полилась въ его длинное журавлиное горло.

Гаанъ и Фрицъ послѣдовали его примѣру; три раза подъ рядъ они повторяли то же движеніе, восхищаясь букетомъ легкаго вина.

Пруссаки съ достоинствомъ поднялись и вышли.

Кобусъ, откупоривая вторую бутылку, сказалъ:

— Шульцъ, ты хвастаешься иногда просто непозволительно; развѣ твой батальонъ заходилъ когда-нибудь дальше крѣпости Фальсбурга въ Лотарингіи, и развѣ вы пили тамъ что-нибудь, кромѣ бѣлаго эльзасскаго вина?

— Ба, оставь пожалуйста, — воскликнулъ Фрицъ—развѣ стоитъ стѣсняться съ этими пруссаками? Я представляю здѣсь баварскую армію, и могу сказать, что если бы мы нашли на походѣ шампанское, я бы выпилъ свою часть. Развѣ можно упрекать меня въ томъ, что мы попали въ безплодную страну? Это вѣдь произошло по винѣ фельдмаршала Шварценберга, который пожертвовалъ нами, чтобы откормить своихъ австрійцевъ. Не говори мнѣ объ этомъ, Кобусъ; при одномъ воспоминаніи я дрожу отъ злости: на разстояніи двухъ переходовъ мы не видали ничего кромѣ сосенъ, а затѣмъ встрѣтились съ кучей оборванцевъ, которые швыряли въ насъ каменья съ высоты своихъ скалъ—босяки, просто дикари... Могу тебя увѣрить, что гораздо пріятнѣе было бы глотать шампанское, чѣмъ биться съ этими бѣшеными вогезскими горцами.

— Полно, успокойся,—съ улыбкой сказалъ Гаанъ—мы согласны съ тобой, хотя тысячи австрійцевъ и пруссаковъ сложили свои кости въ Шампани.

— Кто знаетъ? Быть можетъ мы пьемъ теперь квинтэссенцію какого-нибудь капрала,—воскликнулъ Фрицъ.

Всѣ трое расхохотались, какъ блаженные; они были теперь въ полпьяна.

— Ха! ха! ха! Теперь танцевать!—сказалъ Кобусъ.

— Танцевать!—повторили остальные.

Они допили бокалы, стоя, и наконецъ вышли, слегка пошатываясь и хохоча такъ громко, что всѣ оборачивались на нихъ на улицѣ.

Шульцъ высоко поднималъ свои длинныя ноги и размахивалъ руками:

— Я вызываю Пруссію, — кричалъ онъ тономъ «Гансъ-Вурста»,—вызываю всѣхъ пруссаковъ, отъ капрала до фельдмаршала.

А Гаанъ, съ краснымъ какъ макъ носомъ и румяными щеками, со слезами на глазахъ лепеталъ:

— Шульцъ! Шульцъ, ради Бога, умѣрь свой воинственный пылъ; не навлекай на насъ армію Фридриха-Вильгельма; мы

люди мирные, люди порядка, будемъ уважать спокойствіе нашей Германіи.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я вызываю ихъ всѣхъ!—кричалъ Фрицъ.— Пусть подойдутъ; увидятъ, что такое отставной сержантъ баварской арміи. Да здравствуетъ нѣмецкое отечество!

Не одинъ пруссакъ подсмѣивался въ усъ, когда они проходили мимо.

Фрицъ, мечтавшій о томъ, какъ онъ увидитъ Сюзель, чувствовалъ невыразимое блаженство.

— Всѣ молодыя дѣвушки собираются у «Мадамъ Хютте»,— думалъ онъ—особливо въ первый день праздника. Сюзель тамъ!

Эта мысль уносила его на седьмое небо; онъ былъ въ восторгѣ и бросалъ на встрѣчныхъ нѣжные взгляды. Но когда они пришли на площадь, и онъ увидѣлъ флагъ надъ балаганомъ и узналъ въ послѣднихъ нотахъ «хопсера» смычокъ своего другъ Іозефа, радость совершенно опьянила его и, таща за собой пріятелей, онъ закричалъ во все горло:

— Это труппа Іозефа!.. Это труппа Іозефа!.. Надо сознаться, что Господь Богъ покровительствуетъ намъ!

Когда они были у дверей «Хютте», «хопсеръ» кончился, люди выходили, тромбонъ, кларнетъ и флейта настраивались для другого танца; послѣдніе удары турецкаго барабана замирали въ гулкомъ балаганѣ.

Они вошли, и взорамъ ихъ представились эстрады, наполненныя дѣвушками, престарѣлыми папашами, бабушками, гирлянды изъ дубовыхъ и буковыхъ вѣтвей развѣшанныя между столбами.

Въ балаганѣ царило оживленіе; кавалеры отводили на мѣста своихъ дамъ. Фрицъ замѣтивъ издали густую шевелюру своего друга Іозефа, среди оркестра, не могъ сдержать своего восторга, и, махая шляпой, закричалъ:

— Іозефъ! Іозефъ!

Публика оборачивалась посмотрѣть, какой это чудакъ такъ оретъ. Но когда увидѣли Гаапа, Шульца и Кобуса, которые подвигались впередъ, смѣясь, ликуя, съ раскраснѣвшимися лицами, держась подъ руки и слегка покачиваясь, какъ бываетъ послѣ хорошей выпивки, волна смѣха пробѣжала по балагану,

и каждый подумалъ:—Вотъ молодцы, которые пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ и хорошо пообѣдали.

Между тѣмъ Іозефъ повернулъ голову и, узнавъ издали Кобуса, сбѣжалъ съ эстрады, съ смычкомъ въ одной рукѣ и скрипкой въ другой. Они поцѣловались, къ изумленію публики.

— Кто бы это могъ быть?—говорили въ толпѣ. — Такой важный баринъ, а цѣлуется съ цыганомъ.

А Бокель, Андресъ и весь оркестръ, наклонившись надъ рампой апплодировали этому зрѣлищу.

Наконецъ, Іозефъ, выпрямившись, поднялъ смычокъ и сказалъ:

— Слушайте! Это господинъ Кобусъ изъ Гюпебурга, мой другъ, который намѣренъ танцевать «трейелейнсъ» вмѣтсѣ съ своими двумя пріятелями. Имѣете вы что-нибудь противъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть танцуетъ! — закричали со всѣхъ сторонъ.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ Іозефъ,—я сыграю вамъ, вальсъ Іозефа Альмани, сочиненный имъ, когда онъ думалъ о томъ, кто помогъ ему въ день великой скорби. Этого вальса никто еще не слыхалъ, кромѣ Бокеля, Андреса и деревьевъ Танневальда. Выбери же даму по сердцу; а вы, Гаанъ и Шульцъ, выберите своихъ: никто кромѣ васъ не будетъ танцевать вальса Альмани.

Фрицъ, стоя на ступенькахъ эстрады, обвелъ глазами залу, и въ первую минуту испугался, что не найдетъ Сюзель. Хорошенькихъ дѣвушекъ было много: брюнетки и шатенки, рыжія и бѣлокурыя; всѣ выпрямлялись, глядя на Кобуса и краснѣя, когда встрѣчались съ его взглядомъ; такъ какъ лестно было оказаться избранной такимъ франтомъ, особливо въ «трейелейнсъ». Но Фрицъ не замѣчалъ ихъ краски; не замѣчалъ, какъ онѣ выпрямлялись, точно гусары Фридриха-Вильгельма на парадѣ, выставляя плечи и складывая губы сердечкомъ; онъ не видѣлъ этого пышнаго цвѣта юности, распустившагося передъ его глазами; онъ искалъ крошечную «vergissmeinnicht» *), скромный голубой цвѣтокъ любовныхъ воспоминаній.

Долго онъ искалъ, начиная все сильнѣе и сильнѣе тревожиться; и наконецъ нашелъ ее вдали, скрытую за дубовой гир-

*) Незабудку.

ляндой, спускавшейся со столба, направо отъ двери. Сюзель, спрятавшись за этой гирляндой, робко выглядывала изъ-за большихъ зеленыхъ листьевъ, опасаясь и въ тоже время желая быть замѣченной.

Прекрасные бѣлокурые волосы, падавшія на плечи длинными косами, были единственнымъ украшеніемъ ея головы; голубая шелковая косынка прикрывала ея дѣвственную грудь; маленькій бархатный корсетъ съ бѣлой шнуровкой обрисовывалъ ея тонкую талію; а подлѣ нея стояла, выпрямившись какъ столбъ, бабушка Анна въ черномъ чепцѣ, прикрывавшемъ ея сѣдыя волосы. Онѣ явились сюда не для танцевъ, а посмотрѣть, и держались въ заднихъ рядахъ публики.

Щеки Фрица разгорѣлись; онъ спустился съ эстрады и прошелъ черезъ балконъ, среди общаго вниманія. Сюзель, видя, что онъ приближается, поблѣднѣла какъ полотно и ухватилась за перила; она не смѣла поднять глазъ. Онъ поднялся по четыремъ ступенькамъ, отстранилъ гирлянду и взялъ ее за руку, говоря вполголоса:

— Сюзель, хочешь танцевать со мной «трэйелейнсъ»?

Тогда, поднявъ на него свои большіе голубые глаза, она вспыхнула и сказала, взглянувъ на бабушку:

— О да, господинъ Кобусъ!

Старуха наклонила голову въ знакъ согласія и сказала:— Отчего же... танцуй.—Она знала Фрица еще въ ту пору, когда онъ бывалъ въ Бишемѣ съ отцомъ.

Итакъ, они спустились въ залу. Распорядители танцевъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ перевязками, обходили баракъ вдоль рампы, шутливо помахивая своими плетьми изъ лентъ и приглашая публику очистить мѣсто. Гаанъ и Шульцъ еще искали дамъ; Юзефъ, стоя передъ пюпитромъ, ждалъ; Бокель, прижавъ контрабасъ въ вытянутой ногѣ, и Андресъ со скрипкой стояли подлѣ него; они одни должны были аккомпанировать ему.

Сюзель, опираясь на руку Фрица бросала кругомъ робкіе взгляды, полные внутренней радости и смущенія; всѣ любовались на ея длинныя косы, спускавшіяся до нижняго края свѣтлоголубой юбки съ бархатной каемкой, круглые башмачки съ черными шелковыми бантами, выдѣлявшимися на фонѣ бѣлоснѣжныхъ чулокъ; розовыя губки, круглый подбородокъ, гибкую и граціозную шею.

Не одна хорошенькая дѣвушка сердито поглядывала на нее, высматривая что-нибудь достойное порицанія, межъ тѣмъ какъ ея хорошенькая ручка, обнаженная до локтя по мѣстной модѣ, съ наивной граціей покоилась на рукѣ Фрица; но двѣ или три старухи, щуря глаза, улыбались и говорили не стѣсняясь: — Онъ умѣетъ выбирать!

Слыша это, Кобусъ оглядывался на нихъ съ удовольствіемъ. Ему хотѣлось сказать какую-нибудь любезность Сюзель, да ничего не приходило въ голову: онъ былъ слишкомъ счастливъ.

Наконецъ Гаанъ выбралъ на третьей скамьѣ слѣва женщину въ шесть футовъ ростомъ, съ черными волосами, орлинымъ носомъ и пронзительными глазами, которая выпрямилась и величественно сошла съ эстрады. Онъ любилъ этотъ типъ женщинъ; она была дочь бургомистра. Гаанъ, повидимому, гордился своимъ выборомъ; онъ выпрямлялся, поправляя жабо, а дѣвушка, переросшая его на полголовы, казалось вела его.

Въ то же время Шульцъ выбралъ маленькую кругленькую женщину съ ярко рыжими волосами, но веселую, улыбающуюся, и такъ быстро повисшую на его рукѣ, словно она боялась, чтобъ онъ не убѣжалъ.

Они стали на мѣста, чтобы обойти вокругъ залы, какъ это обыкновенно дѣлалось. Едва они кончили обходъ, Іозефъ крикнулъ:

— Готовъ ли ты, Кобусъ?

Вмѣсто отвѣта Фрицъ обнялъ лѣвой рукой талію Сюзель, и высоко поднявъ ея руку по старинной галантной модѣ восемнадцатаго столѣтія увлекъ ее какъ перышко. Іозефъ началъ вальсъ тремя ударами смычка.

Всѣ поняли, что готовится что-то необыкновенное; вальсъ духовъ воздуха, вечеромъ, когда вдали на равнинѣ ничего не видно кромѣ золотой линіи, когда листья молчатъ, насѣкомыя опускаются на землю, а соловей начинаетъ свою прелюдію изъ трехъ нотъ: первой важной, второй нѣжной, а третьей до того исполненной восторга, что все умолкаетъ и слушаетъ.

Такъ началъ и Іозефъ, не разъ, въ своей бродячей жизни, учившійся у пѣвца ночи, лежа на травѣ, воодушевившись, какъ великій маэстро съ трепещущими крылышками, разсыпающій каждый вечеръ вокругъ гнѣзда, гдѣ покоится его возлюбленная, больше звуковъ, чѣмъ выпадетъ жемчужныхъ капель

росы на травѣ, онъ началъ вальсъ, быстрый, безшумный, сверкающій: духи воздуха пустились въ плясъ, увлекая Фрица и Сюзель, Гаана и дочь бургомистра, Шульца и его даму въ безконечномъ вихрѣ. Контрабасъ Бокеля гудѣлъ какъ отдаленный потокъ, а долговязый Андрэсъ отмѣчалъ тактъ быстрыми и веселыми ударами, напоминавшими щебетанье ласточекъ, разсѣкающихъ воздухъ; вѣдь если вдохновеніе нисходитъ съ неба и знаетъ только свою фантазію, то на землѣ все же должны царить порядокъ и мѣра.

Теперь представьте себѣ страстные извивы вальса, порхающія ноги, развѣвающіяся и раздувающіяся платья; Фрица, который держитъ въ объятіяхъ маленькую Сюзель, граціозно поднимаетъ ея руку, смотритъ на нее въ упоеніи, то несется вихремъ, то замираетъ на мѣстѣ, покачиваясь, улыбаясь, мечтая, снова смотритъ на нее и пускается дальше съ новымъ пыломъ; а она, изгибая талію, съ развѣвающимися косами, откинувъ назадъ свою хорошенькую головку, въ свою очередь смотритъ на него въ экстазѣ, и едва касается ногами земли.

Толстый Гаанъ, положивъ обѣ руки на плечи своей рослой дамы, галопируя, балансируя и стуча каблуками, смотрѣлъ на нее снизу вверхъ съ выраженіемъ глубокаго восхищенія; она же, съ своимъ огромнымъ носомъ, вертѣлась какъ волчокъ.

Шульцъ, согнувшись и подогнувъ свои длинныя ноги, держалъ свою рыженькую дамочку, и вертѣлся, вертѣлся, вертѣлся безъ перерыва съ удивительной регулярностью, точно катушка на мотовилѣ; онъ такъ безукоризненно соблюдалъ тактъ, что всѣ восхищались.

Но Фрицъ и Сюзель возбуждали особенное восхищеніе своей граціей и блаженнымъ видомъ. Они были уже не на землѣ, они носились въ небѣ; эта музыка, которая пѣла, смѣялась, прославляла счастье, восторгъ, любовь, казалось была создана нарочно для нихъ: вся зала любовалась ими, а они видѣли только другъ друга. Ихъ находили такими милыми, что по временамъ шепотъ восхищенія пробѣгалъ по «Мадамъ Хютте»; казалось, вотъ загремятъ аплодисменты, но желаніе слушать вальсъ сдерживало публику. Только когда Гаанъ, точно обезумѣвшій въ восторгѣ отъ созерцанія рослой дочери бургомистра, вытянулся на цыпочкахъ, заставилъ ее дважды сдѣлать пируэтъ, крича оглушительнымъ голосомъ: «Ю»! и опустился на каблуки послѣ

этого фокуса, а Шульцъ въ ту же минуту, поднявъ правую ногу, перенесъ ее, не теряя такта, черезъ голову рыженькой дамы, и продолжая вертѣться, какъ бѣсноватый, завопилъ хриплымъ голосомъ: «Ю! ю! ю! ю! ю! ю!», раздался взрывъ аплодисментовъ, криковъ и топота, отъ котораго затрясся баракъ.

Никода, никогда еще не было видано такого великолѣпнаго танца; восторги длились болѣе пяти минутъ, когда же они стихли, всѣ съ удовольствіемъ услышали вальсъ духовъ воздуха, который снова раздался, какъ пѣсня соловья послѣ порыва вѣтра въ лѣсу.

Шульцъ и Гаанъ не выдержали; потъ струился по ихъ лицамъ, они стали прохаживаться, одинъ положивъ руку на плечо своей дамы, другой почти неся свою на рукахъ.

Сюзель и Фрицъ продолжали вертѣться; они не слышали криковъ и топота публики; и когда утомленный Іозефъ въ послѣдній разъ провелъ смычкомъ по скрипкѣ, они остановились какъ разъ передъ дядей Христелемъ и другимъ старикомъ анабаптистомъ, которые только-что вошли въ залу и смотрѣли на нихъ въ изумленіи.

— А, это вы, дядя Христель, — радостно воскликнулъ Фрицъ,—а мы съ Сюзель, какъ видите, танцуемъ.

— Это большая честь для насъ, господинъ Кобусъ,—отвѣтилъ фермеръ, улыбаясь, — большая честь; но развѣ дѣвочка умѣетъ танцевать? Я думалъ, что она ни разу въ жизни еще не сдѣлала тура вальса.

— Дядя Христель, Сюзель мотылекъ, настоящая маленькая фея; у нея крылья.

Сюзель стояла подъ руку съ нимъ, опустивъ глаза, раскраснѣвшись; и дядя Христель, ласково глядя на нее, спросилъ:

— Но, Сюзель, кто же научилъ тебя танцевать? Меня удивляетъ это!

— Майель и я,—отвѣтила дѣвушка—дѣлали иногда два-три тура вальса на кухнѣ, для забавы.

Публика, толпившаяся вокругъ нихъ, засмѣялась, а другой анабаптистъ воскликнулъ:

— Христель, о чемъ ты спрашиваешь?.. Развѣ дѣвушкамъ нужно учиться вальсировать?.. Это къ нимъ приходитъ само собой. Ха! ха! ха!

Фрицъ, зная, что Сюзель никогда еще не танцевала ни съ

кѣмъ, кромѣ него, какъ будто вдыхалъ благоуханіе; ему хотѣлось пѣть, но онъ сдержался и сказалъ:

— Все это только начало праздника. Мы еще покажемъ себя! Вы останетесь съ нами, дядя Христель; Гаанъ и Шульцъ тоже здѣсь, мы будемъ танцевать до вечера, а потомъ поужинаемъ вмѣстѣ у «Золотого Барана».

— Съ вашего позволенія, господинъ Кобусъ, — сказалъ Христель—несмотря на все удовольствіе, которое это доставило бы мнѣ, я не могу остаться; пора ѣхать... я вѣдь и пришелъ за Сюзель.

— За Сюзель?

— Да, господинъ Кобусъ.

— Но почему?

— Потому что дома работа не ждетъ; началась уборка... вѣтеръ не сегодня завтра можетъ перемѣниться. Ужъ и то много: потерять два дня въ такое время, но я не упрекаю себя, такъ какъ сказано: «Чти отца твоего и матерь твою». Повидаться съ матерью два-три раза въ годъ, это немного. А теперь пора ѣхать. Къ тому же на прошлой недѣлѣ, въ Гюнебургѣ, вы такъ угостили меня, что я вернулся только къ десяти часамъ. Если я останусь сегодня, жена подумаетъ, что я усваиваю дурныя привычки; будетъ безпокоиться.

Фрицъ былъ совсѣмъ обезкураженъ. Не зная, что отвѣтить, онъ взялъ Христеля за руку и вышелъ съ нимъ и Сюзель на площадь; другой анабаптистъ слѣдовалъ за ними.

— Дядя Христель,—сказалъ онъ взявъ его за пуговицу,— пожалуй, что вы и правы; но зачѣмъ увозить Сюзель? Вы смѣло можете довѣрить ее мнѣ; а вѣдь не часто выпадаетъ случай повеселиться!

— Э, Богъ мой, я бы охотно довѣрилъ ее вамъ!—воскликнулъ фермеръ, поднимая руки.—Съ вами она будетъ какъ съ роднымъ отцомъ, господинъ Кобусъ, но мы не можемъ обойтись безъ нея... Нельзя оставить работниковъ однихъ... жена занята на кухнѣ, я самъ вожу сѣно... Удастся ли намъ убрать его, если вѣтеръ перемѣнится? А кромѣ того намъ нужно порѣшить одно очень важное семейное дѣло.

Говоря это, онъ взглянулъ на другого анабаптиста, который важно наклонилъ голову.

— Пожалуйста, господинъ Кобусъ, не задерживайте насъ; правда, это нельзя; не правда ли, Сюзель?

Сюзель ничего не отвѣтила; она смотрѣла въ землю, и видно было, что ей хотѣлось бы остаться.

Фрицъ понялъ, что если онъ будетъ настаивать, то можетъ возбудить общее подозрѣніе; поэтому, принявъ рѣшеніе, онъ воскликнулъ довольно веселымъ тономъ:

— Ну, разъ это невозможно, не о чемъ и толковать. Но, по крайней мѣрѣ, выпейте съ нами стаканчикъ вина въ «Золотомъ Баранѣ».

— О, съ удовольствіемъ, господинъ Кобусъ. Я и Сюзель зайдемъ только попрощаться съ бабушкой, а черезъ четверть часа нашъ экипажъ остановится передъ гостиницей.

— Хорошо, ступайте!

Фрицъ тихонько пожалъ руку Сюзель, которая казалась печальной, и, проводивъ ихъ взглядомъ, вернулся къ «Мадамъ Хютте».

Гаанъ и Шульцъ, усадивъ своихъ дамъ, поднялись на эстраду; онъ присоединился къ нимъ:

— Поручи Андресу дирижировать оркестромъ, — сказалъ онъ Іозефу,—и пойдемъ съ нами выпить вина.

Цыганъ ничего лучшаго не желалъ. Андресъ сталъ къ пюпитру, и они вышли вчетверомъ, взявшись подъ руки.

Въ гостиницѣ «Золотого Барана» Фрицъ велѣлъ подать дессертъ въ большую залу, теперь пустую, а дядя Лерихъ спустился въ погребъ за тремя бутылками шампанскаго, которыя поставилъ прохладиться въ лохань съ ключевой водой. Затѣмъ подошли къ окнамъ и почти въ ту же минуту шарабанъ анабаптиста показался въ концѣ улицы. Христель сидѣлъ впереди, а Сюзель сзади, на вязанкѣ соломы, среди «кугельгофовъ» и пряниковъ всякаго рода, какіе обыкновенно привозятъ съ ярмарки.

Фрицъ, увидѣвъ Сюзель, поспѣшилъ снять проволоку съ бутылки, и въ тотъ моментъ, когда экипажъ остановился, онъ выпрямился передъ окномъ, пробка хлопнула какъ петарда, а онъ крикнулъ:

— Въ честь самой милой танцорки «трейелейпа»!

Можно себѣ представить восторгъ Сюзель; это вышло точно пистолетный выстрѣлъ на свадьбѣ. Христель отъ души смѣялся и думалъ:

— Добрый господинъ Кобусъ подъ хмелькомъ, ну да вѣдь дѣло праздничное!

Войдя въ залу онъ поднялъ шляпу и сказалъ:

— Это, должно быть, шампанское, о которомъ я часто слыхалъ, французское вино, которое бросается въ голову воинственнымъ людямъ и заставляетъ ихъ вызывать на бой весь міръ! Я вѣдь не ошибся?

— Нѣтъ, дядя Христель, нѣтъ; присаживайтесь,—отвѣтилъ Фрицъ.—Сюзель, вотъ твой стулъ рядомъ со мной. Возьми-ка бокалъ.—За здоровье моей дамы!

Всѣ стукнули по столу, восклицая:

Das soll gülden!

И поднимая бокалы, щелкнули языкомъ, какъ стая дроздовъ, клюющая чернику.

Сюзель обмакнула розовыя губки въ пѣну и, поднявъ свои большіе глаза на Кобуса, сказала тихонько:

— О, какъ хорошо! Это не вино, а что-то лучше вина.

Она раскраснѣлась, какъ вишня; а Фрицъ, счастливый, какъ король, выпрямился на стулѣ.

— Гмъ! гмъ!—произнесъ онъ, глотая вино,—да, да, оно недурно.

Онъ отдалъ бы всѣ вина Франціи и Германіи, чтобы еще разъ протанцовать съ нею «трейелейнъ».

Какъ мѣняются идеи человѣка въ какіе-нибудь три мѣсяца!

Христель, сидѣвшій противъ окна, сдвинувъ шапку на затылокъ, съ лучезарнымъ лицомъ, поставивъ локти на столъ и зажавъ хлыстъ между колѣнами, смотрѣлъ на пышное солнце; и, думая о своихъ посѣвахъ, повторялъ:

— Да... да... доброе винцо!

Онъ не обращалъ вниманія на Кобуса и Сюзель, которые улыбались другъ другу, какъ дѣти, ничего не говоря, радуясь, что видятъ другъ друга. Но Іозефъ задумчиво смотрѣлъ на нихъ.

Шульцъ снова наполнилъ бокалы, воскликнувъ:

— Что ни говори, а у французовъ есть хорошія вещи! Какъ жаль, что ихъ Шампань, ихъ Бургонь, ихъ Бордо не находятся по сю сторону Рейна!

— Шульцъ,—сказалъ Гаанъ значительнымъ тономъ,—ты самъ не знаешь, чего требуешь; подумай,—вѣдь если бы эти страны были у насъ, они явились бы забрать ихъ. Вышла бы

рѣзня совсѣмъ другого рода, чѣмъ за равенство и свободу; просто конецъ міру пришелъ бы! Потому что вино есть вещь солидная, а эти французы, безпрестанно толкующіе о великихъ принципахъ, возвышенныхъ идеяхъ, благородныхъ чувствахъ, держатся за солидное. Межъ тѣмъ какъ англичане вѣчно стремятся облагодѣтельствовать родъ человѣческій, и дѣлаютъ видъ, что ничуть не безпокоятся о сахарѣ, перцѣ, хлопкѣ, французы вѣчно выпрямляютъ какую-нибудь границу; то она забираетъ черезчуръ вправо, то черезчуръ влѣво; они называютъ это опредѣленіемъ своихъ естественныхъ границъ.

Что касается тучныхъ пастбищъ, виноградниковъ, луговъ, лѣсовъ, которые находятся между этими линіями, то о нихъ французы меньше всего думаютъ: они стоятъ только за свои идеи справедливости и геометріи. Боже избави насъ имѣть кусокъ Шампани въ Саксоніи или въ Мекленбургѣ; ихъ естественныя границы живо бы оказались тамъ! Будемъ лучше покупать у нихъ вино и сохранять наше равновѣсіе. Старуха Германія любитъ покой, вотъ она и изобрѣла равновѣсіе. Ради Бога, Шульцъ, не высказывай безразсудныхъ желаній!

Такъ краснорѣчиво изъяснялся Шульцъ, а Гаанъ залпомъ осушилъ бокалъ, и отвѣтилъ:

— Ты говоришь, какъ мирный обыватель, а я, какъ воинъ: у каждаго свой вкусъ и своя профессія.

Онъ нахмурился, откупоривая вторую бутылку.

Христель, Іозефъ, Фрицъ и Сюзель не обращали вниманія на этотъ разговоръ.

— Какая чудесная погода!—воскликнулъ Христель, обращаясь, повидимому, къ самому себѣ,—цѣлый мѣсяцъ не было дождя, а по вечерамъ обильная роса; истинно благословеніе Божіе.

Іозефъ наполнилъ бокалы.

— Съ 22 года,—продолжалъ старикъ фермеръ,—я не запомню такой хорошей погоды во время сѣнокоса. Въ томъ году и вино вышло очень хорошее, нѣжное вино; и хлѣба и виноградъ хорошо уродились.

— Весело было тебѣ, Сюзель?—спросилъ Фрицъ.

— О, да, господинъ Кобусъ,—отвѣтила дѣвушка,—я еще никогда такъ не веселилась, какъ сегодня. Я буду долго помнить этотъ день!

Она смотрѣла на Фрица, глаза котораго подернулись влагой.

— Ну-ка, еще бокалъ,—сказалъ онъ.

Наливая, онъ дотронулся до ея руки, что заставило ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Нравится тебѣ «трейелейнъ», Сюзель?

— Это прекраснѣйшій танецъ, господинъ Кобусъ,—какъ же онъ можетъ не нравиться. А потомъ, такая прекрасная музыка!.. Ахъ, какая чудная музыка!

— Сышишь, Іозефъ?—шепнулъ ему Фрицъ.

— Да, да,—отвѣтилъ цыганъ тоже шепотомъ,—я понимаю, Кобусъ, это меня радуетъ... я доволенъ!

Онъ смотрѣлъ на Фрица, и, казалось, видѣлъ его насквозь, а Кобусъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, что не зналъ, что сказать.

Между тѣмъ три бутылки были прикончены; Фрицъ обратившись къ трактирщику, сказалъ ему:

— Дядя Лерихъ, еще двѣ бутылки!

Но Христель, опомнившись, воскликнулъ:

— Господинъ Кобусъ, господинъ Кобусъ, что это вы выдумали? Вѣдь этакъ я опрокинусь!.. Нѣтъ... нѣтъ!.. Половина шестого, намъ пора ѣхать.

— Ну, если вы такъ рѣшили, дядя Христель, отложимъ до другого раза. Развѣ это вино не нравится вамъ?

— Напротивъ, господинъ Кобусъ, очень нравится, но его мягкость полна силы. Я могу ошибиться дорогой, хе! хе! хе!— Идемъ Сюзель, пора ѣхать.

Сюзель встала, взволнованная, а Фрицъ, удерживая ее за руку, совалъ ей въ карманы дессертъ: конфекты, миндаль, все, что попадалось подъ руку.

— О, господинъ Кобусъ,—говорила она своимъ нѣжнымъ голоскомъ,—довольно.

— Погрызи конфетокъ,—возражалъ онъ,—у тебя хорошенькіе зубы. Сюзель; Богъ создалъ ихъ для того, чтобы грызть сласти. Да выпьемъ еще этого легкаго бѣлаго вина, оно тебѣ нравится.

— О, Боже мой! Мнѣ ли пить такое дорогое вино!—отнѣкивалась она.

— Ладно... ладно... я знаю, что говорю,—бормоталъ онъ,— мы все-таки выпьемъ!

А дядя Христель, слегка подъ хмѣлькомъ, смотрѣлъ на нихъ, говоря про себя:

— Славный человѣкъ этотъ добрѣйшій господинъ Кобусъ! Ахъ, Господь справедливо посылаетъ свое благословеніе такимъ людямъ: отъ нихъ оно и другимъ достается.

Наконецъ всѣ вышли, Фрицъ, подъ руку съ Сюзель, впереди.

— Я долженъ проводить мою даму.

Внизу, у экипажа, онъ взялъ Сюзель подъ локти и воскликнувъ: «гопъ, Сюзель!», поднялъ ее какъ перышко и усадилъ на солому, которую принялся оправлять.

— Закрой хорошенько свои ножки,—говорилъ онъ,—вечеромъ свѣжо.

Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, подошелъ къ Христелю и крѣпко пожалъ ему руку:

— Счастливый путь, дядя Христель,—сказалъ онъ,—счастливый путь!

— Веселитесь хорошенько, сударь,—отвѣтилъ старый анабаптистъ, усаживаясь въ шарабанъ.

Сюзель поблѣднѣла; Фрицъ взялъ ее за руку и сказалъ, поднявъ палецъ:

— Мы выпьемъ еще легкаго, бѣлаго вина.

Это заставило ее улыбнуться.

Христель щелкнулъ бичемъ и лошади помчались въ галопъ. Гаанъ и Шульцъ вернулись въ гостиницу. Фрицъ и Іозефъ провожали взглядомъ экипажъ; Фрицъ въ особенности не спускалъ съ него глазъ; на поворотѣ съ главной улицы Сюзель быстро оглянулась.

Кобусъ со слезами на глазахъ обнялъ и поцѣловалъ Іозефа.

— Да... да...—сказалъ цыганъ мягкимъ и глубокимъ голосомъ,—хорошо обнять стараго друга! Но та, которую любишь и которая тебя любитъ... ахъ, Фрицъ!.. Это совсѣмъ другое дѣло!

Фрицъ понялъ, что Іозефъ все угадалъ! Слезы просились на его глаза; но вдругъ онъ встрепенулся и воскликнулъ:

— Ну, старина, будемъ смѣяться... будемъ веселиться... Идемъ къ «Мадамъ Хютте»! Ахъ, чудный день! Чудное солнце!

Циммеръ, почтовый ямщикъ, стоялъ у воротъ, съ раскраснѣвшейся физіономіей; Кобусъ далъ ему два флорина:

— Ступайте выпить Циммеръ,—сказалъ онъ,—повеселите душу! Мы поѣдемъ послѣ ужина, въ девять часовъ.

— Хорошо, господинъ Кобусъ, экипажъ будетъ готовъ. Мы помчимся, какъ молнія.

Затѣмъ, проводивъ ихъ глазами, пока они удалялись рука объ руку, старый почтарь добродушно усмѣхнулся и направился въ кабачекъ «Чернаго Медвѣдя» напротивъ.

XVII.

На другой день Фрицъ всталъ въ веселомъ настроеніи духа; онъ всю ночь видѣлъ во снѣ Сюзель, и намѣревался провести шесть недѣль въ Мейзенталѣ, чтобы насмотрѣться на нее досыта.

Пусть себѣ Гаанъ, Шульцъ и старый Давидъ смѣются сколько душѣ угодно,—думалъ онъ,—я преспокойно отправлюсь туда; я долженъ видѣть Сюзель, и если дѣло зайдетъ дальше, слава Богу! Пусть будетъ, чему быть суждено!

За завтракомъ онъ представлялъ себѣ заранѣе тропинку Посттале, скалу Горлицъ, склонъ Жене, ферму; затѣмъ удивленіе Христеля, радость Сюзель, и все это радовало его. Онъ готовъ былъ пѣть вмѣстѣ съ Соломономъ: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные». Наконецъ, онъ надѣлъ шляпу и взялъ палку, полный нетерпѣнія.

Но кого же онъ увидѣлъ, когда шелъ предупредить Катель, чтобы она не ждала его ни къ вечеру, ни завтра утромъ? Тетку Оршель внизу лѣстницы!.. Она медленно поднималась, согнувъ спину и неся свой синій казакинъ на рукѣ: видно быстро шла по жарѣ.

Можете себѣ представить его удивленіе; онъ вѣдь и шелъ на ферму.

— Какъ, это вы, тетка Оршель?—воскликнулъ онъ.—Что это заставило васъ придти такъ рано?

Катель въ то же время появилась въ дверяхъ кухни и сказала:

— Здравствуйте, тетка Оршель! Господи, какъ вы, должно быть, шибко шли: вы вся въ поту.

— Да, Катель,—отвѣчала фермерша, переводя духъ,—я торопилась.

И, обращаясь къ Фрицу, прибавила:

— Я пришла по дѣлу, о которомъ Христель говорилъ вамъ вчера на праздникѣ въ Бишемѣ, господинъ Кобусъ. Я ушла изъ дома рано утромъ. Это важное дѣло; Христель не хочетъ рѣшать, не посовѣтовавшись съ вами.

— Но,—сказалъ Фрицъ,—я не знаю, что это за дѣло. Христель сказалъ мнѣ только, что важное семейное дѣло заставляетъ его вернуться въ Мейзенталь, и, разумѣется, я не разспрашивалъ его.

— Потому-то я и пришла, господинъ Кобусъ.

— Ну, такъ войдите и присядьте, тетка Оршель,—сказалъ онъ, отворяя дверь,—а позавтракаете потомъ.

— О, благодарю васъ, господинъ Кобусъ, я завтракала передъ уходомъ.

Оршель вошла въ комнату, усѣлась у стола, надѣла свой большой, круглый чепецъ, висѣвшій у нея на рукѣ, тщательно заправила подъ него волосы, потомъ разложила казакинъ на колѣняхъ. Фрицъ смотрѣлъ на нее, заинтересованный дѣломъ; наконецъ, онъ усѣлся противъ нея и спросилъ:

— Христель и Сюзель вернулись вчера благополучно?

— Благополучно, господинъ Кобусъ, благополучно; въ восемь часовъ были дома.

Наконецъ, кончивъ свои приготовленія, она начала, сложивъ руки и наклонивъ голову, какъ кумушка, разсказывающая что-нибудь сосѣдкѣ:

— Надо вамъ сказать, господинъ Кобусъ, что въ Бишемѣ есть у насъ кузенъ, тоже анабаптистъ, Гансъ Христіанъ Пельсли; внукъ Френцель-Деборы-Рупертъ, родной сестры Анны-Христины-Каролины-Рупертъ, бабушки Сюзель. Такъ вотъ и выходитъ, что мы кузены.

— Такъ, — сказалъ Фрицъ, спрашивая себя, къ чему же все это клонится.

— Да,—продолжала она,—Гансъ Христіанъ нашъ кузенъ; Христель говорилъ мнѣ, что вы видѣли его вчера въ Бишемѣ. Человѣкъ зажиточный, у него земля подъ Беверкирхою и сынъ Якобъ; славный малый, господинъ Кобусъ, усердный, рачительный; теперь ему двадцать шестой годъ; и никто еще не говорилъ о немъ дурного.

Фрицъ сдѣлался серьезнымъ.

— Какого чорта она затѣваетъ съ этимъ Якобомъ?—подумалъ онъ съ безпокойствомъ.

— Сюзели,—продолжала фермерша,—скоро исполнится восемнадцать; она родилась въ октябрѣ, послѣ уборки винограда; значитъ, ей будетъ восемнадцать лѣтъ черезъ пять мѣсяцевъ, какъ разъ такой возрастъ, чтобы выходить замужъ.

Щеки Фрица дрогнули, мурашки пробѣжали по головѣ, невыразимая тоска сдавила ему сердце.

Но толстая фермерша, спокойная и благодушная по натурѣ, ничего не замѣчала.

— Я тоже вышла замужъ въ восемнадцать лѣтъ, господинъ Кобусъ; и чувствую себя очень хорошо, слава Богу!

— Пельсли, зная наше положеніе, уже со св. Михаила подумывалъ о Сюзель для своего сына. Но, прежде чѣмъ что-нибудь сказать и предпринять, онъ явился къ намъ самъ, будто бы для покупки бычка. Онъ провелъ у насъ день, видѣлъ Сюзель, убѣдился, что у нея нѣтъ порока: не горбатая, не хромая, никакихъ изъяновъ; что она понимаетъ всякое дѣло и любитъ работу. Тогда онъ просилъ Сюзель пріѣхать на праздникъ въ Бишемъ, и вчера Сюзель видѣла парня; его зовутъ Якобъ, онъ высокаго роста, хорошо сложенъ, работящій; чего жъ еще желать для Сюзели? Вотъ онъ и просилъ вчера руки Сюзели для своего сына.

Уже нѣсколько мгновеній Фрицъ ничего больше не слышалъ; его радость, его надежды, его любовныя мечты, все улетѣло; у него кружилась голова. Онъ былъ точно луговой одуванчикъ, у котораго вѣтеръ развѣялъ пушокъ, и остался жалкій, одинокій стебель.

Тетка Оршель, ничего не подозрѣвая о волновавшихъ его чувствахъ, вытянула изъ кармана кончикъ платка, высморкалась и продолжала:

— Мы всю ночь проговорили объ этомъ съ Христелемъ. Это хорошая партія для Сюзель, но Христель сказалъ: «Все это такъ; но господинъ Кобусъ такой добрый человѣкъ, такъ любитъ насъ, оказалъ намъ такія услуги, что мы были бы неблагодарными, если бъ порѣшили такое дѣло, не посовѣтовавшись съ нимъ. Я не могу самъ отправиться въ Гюнебургъ сегодня же, потому что намъ нужно убирать сѣно; и ты успѣешь сходить послѣ завтрака и вернуться еще во время, чтобы приготовить

обѣдъ рабочимъ». Вотъ, что сказалъ мнѣ Христель. Мы оба надѣемся, что вамъ это дѣло придется по душѣ, особливо когда вы увидите парня; Христель хочетъ нарочно привести его къ вамъ. И если онъ вамъ понравится,—ну что жъ! Мы сыграемъ свадебку, и я надѣюсь, что вы на ней будете; вы не можете отказать намъ въ этой чести.

Кончивъ свой разсказъ, Оршель удивляясь, что не слышитъ отвѣта, спросила:

— Что же вы скажете объ этомъ, господинъ Кобусъ?

— О чемъ?

— О свадьбѣ.

Онъ медленно провелъ рукою по лбу, на которомъ блестѣли капли пота; а тетка Оршель, пораженная его блѣдностью, сказала:

— Вамъ нехорошо, господинъ Кобусъ?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ, вставая.

Мысль, что другой женится на Сюзель, разрывала ему сердце. Онъ хотѣлъ налить стаканъ воды; но потрясеніе оказалось черезчуръ сильнымъ, колѣни его дрожали; и, протягивая руку за графиномъ, онъ пошатнулся и грохнулся на полъ.

Тетка Оршель завопила:

— Катель! Катель! Вашему барину дурно! Господи, смилуйся надъ нами!

Катель вбѣжала какъ сумасшедшая и, увидѣвъ бѣднягу Фрица на полу, блѣднаго какъ смерть, воздѣла руки къ небу, съ возгласомъ:

— Боже мой! Боже мой! Бѣдный мой баринъ! Какъ это случилось, Оршель? Я никогда не видала его въ такомъ состояніи!

— Не знаю, мадмуазель Катель; мы спокойно говорили о Сюзель. Онъ всталъ, чтобы налить воды, и вдругъ упалъ!

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Только бы это не былъ ударъ!

Бѣдныя старухи, плача, жалуясь и приходя въ отчаяніе, подняли его, одна за плечи, другая за ноги, и положили на постель.

Вотъ до какихъ крайностей доводитъ насъ любовь! Такой разсудительный человѣкъ, такъ хорошо устроившійся, чтобы спокойно прожить жизнь, такой предусмотрительный, такъ благоразумно запасшійся хорошимъ виномъ, человѣкъ, которому казалось, нечего было бояться ни на небѣ, ни на землѣ... и вотъ

до чего довелъ его взглядъ ребенка, безхитростной и простодушной дѣвочки! Говорите послѣ этого, что любовь самая нѣжная, самая пріятная изъ страстей.

Но на эту тему можно расзуждать до скончанія вѣковъ; поэтому, я предпочитаю предоставить каждому выводить какія-угодно заключенія.

Оршель и Катель приходили въ отчаяніе и не знали, что дѣлать. Однако, Катель показала себя въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

— Оршель,—сказала она, развязывая галстукъ Фрицу,— бѣгите скорѣй на площадь Акаціи; вы увидите вправо отъ церкви переулокъ, а на лѣвой сторонѣ переулка зеленую рѣшетку на низенькой стѣнкѣ. Тамъ живетъ докторъ Кипертъ; онъ навѣрное возится, какъ всегда, съ своими гвоздиками и розами. Скажите ему, что г. Кобусъ боленъ и что его просятъ придти.

— Хорошо,—скзала толстая фермерша, отворяя дверь. Она вышла, а Катель, снявъ съ Фрица башмаки, побѣжала на кухню нагрѣть воды; такъ какъ горячую воду всегда полезно имѣть подъ рукой въ случаѣ заболѣванія.

Пока она возилась съ этимъ, Оршель вернулась.

— Вотъ онъ, мадемуазель Катель!—сказала она, едва переводя духъ.

Почти въ ту же минуту докторъ—маленькій, худощавый человѣчекъ, въ зеленой фуфайкѣ и нанковыхъ шароварахъ съ подтяжками, съ сѣдыми волосами, падавшими пятью или шестью космами вокругъ его краснаго лба—показался въ коридорѣ и, не говоря ни слова, прошелъ въ комнату.

Оршель и Катель слѣдовали за нимъ.

Онъ осмотрѣлъ Фрица, потомъ взялъ пульсъ, уставившись на конецъ кровати, какъ старая охотничья собака, дѣлающая стойку надъ куропаткой, и, спустя минуту, сказалъ:

— Пустяки, сердце бьется ускоренно, но пульсъ ровный... это не опасно... Нужно успокоительное питье, вотъ и все.

Только теперь старуха кухарка принялась рыдать, закрывъ лицо передникомъ.

Кипертъ спросилъ ее:

— Что же тутъ случилось?

— Ничего,—отвѣчала за нее фермерша,—мы спокойно говорили, и вдругъ онъ упалъ.

Старикъ докторъ еще разъ осмотрѣлъ Кобуса, и сказалъ:

— Ничего серьезнаго... волненіе... какая-то идея! Всего важнѣе спокойствіе... не тревожьте его... онъ самъ придетъ въ себя. Я зайду къ Гарвичу и самъ приготовлю питье.

Собираясь уйти, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на больного и замѣтилъ, что Фрицъ открылъ глаза.

— Это я, господинъ Кобусъ,—сказалъ онъ, возвращаясь.— У васъ какая-то непріятность... огорченіе... горе... не правда ли?

Фрицъ снова закрылъ глаза и Кипертъ замѣтилъ въ ихъ углахъ слезы.

— Вашъ баринъ чѣмъ-то огорченъ,—шепнулъ онъ Катель.

Въ эту минуту Кобусъ прошепталъ:

— Реббе!.. Старый реббе!..

— Вы хотите видѣть стараго Давида?

Онъ наклонилъ голову.

— Это хорошо, опасность миновала, — сказалъ Кипертъ, улыбаясь.—Курьезныя вещи случаются на этомъ свѣтѣ.

Не задерживаясь больше, онъ ушелъ.

Кател уже кричала въ окно:

— Іери! Іери!

Маленькій Іери Коффель, сынъ ткача, игравшій на улицѣ, поднялъ свою запачканную рожицу.

— Сбѣгай за старымъ реббе Зихелемъ, сбѣгай! Скажи ему, чтобъ пришелъ немедленно!

Мальчикъ побѣжалъ было, но остановился и крикнулъ:

— Вонъ онъ идетъ!

Катель, выглянувъ въ окно, увидѣла реббе Давида; съ шапкой на затылкѣ, въ развѣвающемся кафтанѣ, съ разстегнутой рубашкой, онъ бѣжалъ со всей быстротой, на какую были способны его старыя ноги.

Въ городѣ уже знали, что съ г. Кобусомъ припадокъ. Можно себѣ представить волненіе Давида при этомъ извѣстіи; онъ даже не застегнулся какъ слѣдуетъ и мчался въ невыразимомъ огорченіи.

— Если это не опасно,—сказала тетка Оршель,—то я могу уйти... Я зайду завтра или послѣзавтра узнать отвѣтъ г. Кобуса.

— Да, вамъ можно уйти,—отвѣтила Катель, провожая ее.

Фермерша сошла внизъ и у самой лѣстницы столкнулась со старикомъ реббе. Давидъ, увидѣвъ Катель, залепеталъ:

— Что случилось?.. Что случилось?.. Онъ боленъ... Съ Кобусомъ припадокъ?

Слышно было, какъ колотится его сердце.

— Да, войдите,—сказала старуха,—онъ хочетъ васъ видѣть.

Онъ вошелъ блѣдный, на ципочкахъ, вытягивая шею и съ такимъ испуганнымъ видомъ, что жалко было смотрѣть.

— Кобусъ! Кобусъ!—сказалъ онъ тихонько, точно обращаясь къ маленькому ребенку.

Фрицъ открылъ глаза

— Ты боленъ, Кобусъ,—продолжалъ старый реббе все тѣмъ же дрожащимъ голосомъ,—случилось что-нибудь?

Фрицъ, съ влажными глазами, взглянулъ на Катель, и Давидъ тотчасъ понялъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Ты хочешь поговорить со мной наединѣ?—спросилъ онъ.

— Да,—прошепталъ Кобусъ.

Катель вышла, закрывъ лицо фартукомъ, а Давидъ, наклонившись надъ Фрицемъ, спросилъ:

— Что съ тобой... ты боленъ?..

Фрицъ, вмѣсто отвѣта, обвилъ его шею обѣими руками, и они поцѣловались.

— Я очень несчастенъ!—сказалъ онъ.

— Ты несчастенъ?

— Да, несчастнѣйшій изъ людей.

— Не говори этого,—сказалъ Давидъ,—не говори этого... ты разрываешь мнѣ сердце! Что же съ тобой случилось?

— Ты не будешь смѣяться надо мною, Давидъ? Я виноватъ передъ тобою... я часто подшучивалъ надъ тобой... не соблюдалъ почтенія, которое долженъ былъ оказывать старѣйшему другу моего отца... Ты не будешь смѣяться надо мною, не правда ли?

— Но, Кобусъ, ради Бога!—воскликнулъ старикъ реббе, готовый расплакаться.—Не говори такихъ вещей... Ты всегда доставлялъ мнѣ только удовольствіе... никогда не огорчалъ меня... напротивъ... напротивъ... Меня радовало, когда ты смѣялся... Скажи мнѣ только...

— Значитъ, ты обѣщаешь не смѣяться надо мною?

— Смѣяться надъ тобою? Неужели я такой черствой души, что стану смѣяться надъ искреннимъ горемъ моего лучшаго друга? Ахъ, Кобусъ!

Тогда Фрицъ признался:

— Она была моя единственная радость, Давидъ; я только о ней и думалъ... и вотъ ее выдаютъ за другого!

— Кого? Кого?

— Сюзель,—отвѣтилъ тотъ, рыдая.

— Маленькую Сюзель... дочь твоего фермера?.. Ты ее любишь?

— Да!

— Ахъ,—воскликнулъ старый реббе, выпрямляясь и вытаращивъ отъ изумленія глаза,—такъ это маленькая Сюзель, онъ любитъ маленькую Сюзель!.. Ба... ба... ба... я могъ бы догадаться!.. Но что же тутъ дурного, Кобусъ, эта дѣвушка очень мила... Тебѣ такую и нужно... ты будешь счастливъ... вполнѣ счастливъ съ нею...

— Они хотятъ выдать ее за другого!—перебилъ Кобусъ съ отчаяніемъ.

— За кого?

— За какого-то анабаптиста.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Тэтка Оршель... сейчасъ... она за этимъ и пришла...

— Ага! Такъ... теперь понимаю: она разсказала ему объ этомъ по простотѣ душевной, ничего не подозрѣвая... а ему сдѣлалось дурно... Такъ, теперь ясно... это совершенно естественно.

Такъ говорилъ Давидъ, расхаживая по комнатѣ, заложивъ руку за спину.

Потомъ, остановившись у кровати, воскликнулъ:

— Но если ты ее любишь, Сюзель должна знать это... Вѣдь ты же сказалъ ей?

— Я не посмѣлъ.

— Нэ посмѣлъ!.. Все равно, она знаетъ. Эта дѣвочка умная... она сразу замѣтила... Навѣрное, она рада, что понравилась тебѣ,—ты то вѣдь не первый попавшійся анабаптистъ... Ты представляешь изъ себя нѣчто; я тебѣ говорю, что дѣвочка польщена, рада, что городской господинъ обратилъ на нее вниманіе: видный малый, свѣжій, упитанный, веселый и даже величе-

ственный, когда надѣнетъ черный сюртукъ и развѣситъ золотую цѣпочку по животу; утверждаю, что ты ей долженъ нравиться больше всѣхъ анабаптистовъ въ мірѣ! Неужели старый реббе Зихель не знаетъ женщинъ? Все это очевидно. Но скажи, спросилъ онъ, по крайней мѣрѣ, согласна ли она выйти за другого?

— Я не подумалъ объ этомъ; у меня въ головѣ точно жерновъ завертѣлся.

— Хе!—воскликнулъ Давидъ, пожимая плечами съ странной гримасой, наклонивъ голову и сложивъ руки съ видомъ глубокаго состраданія.—Какъ, ты не подумалъ объ этомъ? И ты приходишь въ отчаяніе, падаешь въ обморокъ, плачешь и стонешь! Вотъ... вотъ они, влюбленные! Постой, постой, если тетка Оршель еще не ушла, мы сейчасъ узнаемъ!

Онъ отворилъ дверь и крикнулъ въ коридоръ:

— Катель, тетка Оршель еще здѣсь?

— Ушла, господинъ Давидъ.

Онъ снова затворилъ дверь.

Фрицъ какъ будто немного оправился.

— Давидъ,—сказалъ онъ,—ты возвращаешь мнѣ жизнь.

— Ну, «шауде»,—сказалъ старый реббе,—вставай, надѣвай башмаки и слушайся меня. Мы пойдемъ вмѣстѣ на ферму сватать Сюзель. Только можешь ли ты держаться на ногахъ?

— О, чтобъ просить руки Сюзель!—воскликнулъ Фрицъ.—Я пошелъ бы на край свѣта!

— Хе, хе, хе!—засмѣялся старый Зихель, щуря глаза.—Хе, хе, хе! И напугалъ же ты меня!.. Вѣдь я бѣжалъ по городу въ такомъ видѣ; хорошо еще, что не забылъ надѣть штаны.

Онъ смѣялся, застегивая свой жилетъ и длинный зеленый кафтанъ. Но Фрицъ еще не дерзалъ смѣяться; блѣдный отъ безпокойства, онъ надѣлъ башмаки, шляпу и, взявъ трость, сказалъ съ волненіемъ:

— Я готовъ, Давидъ; да поможетъ намъ Богъ!

— Аминь!—отвѣтилъ старый реббе.

Они отправились.

Катель въ кухнѣ уловила кое-что изъ ихъ разговора, и, видя, что они уходятъ, ничего не сказала, удивляясь и радуясь этимъ необыкновеннымъ событіямъ. Они прошли городъ, поглощенные своими размышленіями, не замѣчая, что люди смо-

трятъ на нихъ съ удивленіемъ. Когда они выбрались изъ города, чистый воздухъ освѣжилъ Фрица; и, спускаясь по тропинкѣ Постталя, онъ принялся разсказывать обо всемъ, что случилось въ послѣдніе три мѣсяца: какъ онъ замѣтилъ, что влюбленъ въ Сюзель; рѣшилъ развлечься; предпринялъ поѣздку съ Гааномъ; но эта мысль преслѣдовала его всюду, не давала ему выпить стаканъ вина спокойно и въ концѣ концовъ онъ положился на волю Божію.

Давидъ, нагнувъ голову, посмѣивался въ свою сѣдую бороду и время отъ времени подмигивалъ:

— Хе, хе, хе!—подсмѣивался онъ.—Я тебѣ говорилъ, Кобусъ, я тебѣ говорилъ, противъ этого не устоишь! Такъ вы занимались музыкой и ты пѣлъ «Розетту».. А затѣмъ?

Фрицъ продолжалъ свой разсказъ.

— Такъ... такъ...—снова перебилъ старый реббе—хе, хе, хе! Это преслѣдовало тебя... оказалось сильнѣе тебя... Да... да... я представляю себѣ все это, какъ будто бы оно происходило въ моемъ присутствіи. Тотъ разъ, въ пивной «Большого Оленя», ты вызывалъ весь свѣтъ и прославлялъ любовь... Продолжай, продолжай, я люблю слушать объ этихъ вещахъ.

Фрицъ, радуясь, что можетъ говорить о своей любви, продолжалъ. Онъ останавливался только, время отъ времени, чтобы воскликнуть:

— Такъ ты серьезно думаешь, что она любитъ меня, Давидъ?

— Да... да... любитъ...—подтверждалъ старый реббе, щуря глаза.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Хе, хе, хе, разумѣется... Такъ въ Бишемѣ вы танцовали «трейелейнсъ». Ты чувствовалъ себя счастливымъ, Фрицъ?

— О!—воскликнулъ Фрицъ.

И все упоеніе «трейелейнса» снова кружило ему голову. Никогда старикъ Зихель не чувствовалъ себя такимъ довольнымъ; онъ готовъ былъ цѣлый вѣкъ слушать Кобуса; и повременамъ нарушалъ молчанія какимъ-нибудь библейскимъ изрѣченіемъ, вродѣ: «Подъ яблонью разбудила я тебя: тамъ родила тебя мать твоя, тамъ родила тебя родительница твоя». Или: «Большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ея». Или:

«Плѣнила ты сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ зерномъ ожерелья на шеѣ твоей».

Фрицъ находилъ эти изрѣченія прекрасными. Онъ въ третій разъ началъ разсказывать съ новыми подробностями, когда старикъ реббе, остановившись на опушкѣ лѣса, близъ скалы Горлицъ, въ десяти минутахъ отъ фермы, сказалъ:

— Вотъ Мейзенталь. Ты доскажешь послѣ. Теперь я спущусь, а ты подожди меня здѣсь.

— Какъ, я долженъ остаться?—спросилъ Кобусъ.

— Да, это деликатное дѣло; мнѣ, безъ сомнѣнія, нужно сначала переговорить съ ними. Кто знаетъ, быть можетъ они дали уже обѣщаніе анабаптисту. Тебѣ лучше не присутствовать при этомъ объясненіи. Оставайся здѣсь, а я спущусь одинъ; и если дѣло пойдетъ на ладъ, ты увидишь меня на углу сарая; я махну платкомъ, и ты будешь знать, что это значитъ.

Фрицъ, несмотря на все свое нетерпѣніе, долженъ былъ признать основательность этихъ резоновъ. Итакъ, онъ остался на опушкѣ, а Давидъ спустился внизъ, пробираясь, какъ старый заяцъ среди кустиковъ вереска, нагнувъ голову и уставляя впередъ палку, взятую у Фрица.

Было около часа; солнце палило и искрилось на рѣкѣ. Ни одинъ кузнечикъ не оглашалъ своимъ монотоннымъ трещаньевъ неподвижнаго воздуха; птицы спали, спрятавъ головки подъ крылья, и лишь время отъ времени быки Христеля, лежавшіе въ тѣни, оглашали безмолвную долину торжественнымъ мычаніемъ.

Можно было представить размышленія Фрица по уходѣ старика реббе. Онъ провожалъ его глазами до фермы. Миновавъ верескъ, Давидъ направился по песчаной тропинкѣ, сворачивавшей въ тѣни яблонь у подошвы склона. Кобусъ видѣлъ теперь только его шапку, подвигавшуюся впередъ; затѣмъ онъ направился вдоль хлѣвовъ и въ тоже время раздался лай Мопселя. Давидъ нагнулся и выставилъ палку впередъ, на что Мопсель отвѣтилъ удвоеннымъ лаемъ. Наконецъ, старый реббе исчезъ за угломъ фермы.

Время тянулось необычайно медленно для Фрица въ этой глубокой тишинѣ. Ему казалось, что этому конца не будетъ. Минуты слѣдовали за минутами; прошло четверть часа, когда что-то блеснуло на фермѣ; онъ подумалъ, что это платокъ Да-

вида, и вздрогнулъ; но это только кухонное окно блеснуло на солнцѣ: служанка Майель отворила его, чтобы выбросить корки; раздалось кудахтанье куръ, клохтанье утокъ, и время потянулось еще медленнѣе.

Кобусъ строилъ тысячи догадокъ; ему представлялось, что Христель и Оршель отказываютъ... старикъ реббе умоляетъ... Какъ знать!.. Мысли тѣснились толпою, такъ что онъ терялъ голову.

Наконецъ, Давидъ появился на углу хлѣва; онъ не махалъ платкомъ, и у Фрица задрожали колѣни. Старикъ реббе, спустя мгновеніе, засунулъ руку по локоть въ карманъ своего длиннаго кафтана, вытащилъ носовой платокъ, высморкался, какъ ни въ чемъ не бывало, и наконецъ, поднялъ руку и махнулъ платкомъ. Кобусъ немедленно пустился внизъ, ноги его сами дѣлали скачки, онъ мчался, какъ олень. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ, онъ былъ у фермы. Давидъ, сморщивъ лицо въ безчисленныя мелкія складки и сверкая глазами, встрѣтилъ его съ улыбкой.

— Хе, хе, хе! Дѣло идетъ на ладъ... идетъ на ладъ... Они согласны... да погоди же... слушай!

Фрицъ не слушалъ; онъ бѣжалъ къ воротамъ, а реббе слѣдовалъ за нимъ, радуясь его пылу. Пять или шесть поденщиковъ въ блузахъ, въ соломенныхъ шляпахъ, собирались на работу; одни надѣвали на быковъ ярмо, украшенное листьями, другіе, съ вилами или граблями на плечахъ, смотрѣли. Всѣ они оглянулись и сказали:

— Здравствуйте, господинъ Кобусъ!

Но онъ ничего не слышалъ, какъ сумасшедшій вбѣжалъ въ сѣни, потомъ въ застольную, въ сопровожденіи стараго Давида, который слѣдовалъ за ними по пятамъ, потирая руки и посмѣиваясь въ бороду.

Только что кончили обѣдать; красныя фаянсовыя миски, оловянныя вилки, каменныя кружки еще не были убраны со стола. Христель, сидѣвшій въ концѣ стола, казался совершенно ошеломленнымъ; тетка Оршель, съ широкимъ краснымъ лицомъ, стояла въ дверяхъ кухни, разинувъ ротъ; а маленькая Сюзель, сидѣвшая въ старомъ кожаномъ креслѣ между большой желѣзной печкой и стѣнными часами, отбивавшими свои вѣчные тикъ-такъ, Сюзель, въ рубашкѣ съ короткими рука-

вами и синемъ полотняномъ корсажѣ, спрятала свое милое лицо въ передникѣ. Видны были только ея загорѣлая шея и согнутыя руки.

Фрицъ хотѣлъ заговорить, но не могъ произнести слова; такъ что началъ дядя Христель:

— Господинъ Кобусъ!—воскликнулъ онъ тономъ глубокаго изумленія.—Возможно ли то, что сказалъ намъ реббе Давидъ: вы любите Сюзель, вы просите ея руки? Вы должны сами сказать намъ это, иначе мы не можемъ повѣрить.

— Дядя Христель,—отвѣтилъ Фрицъ,—если вы откажете мнѣ въ рукѣ Сюзель или если Сюзель не любитъ меня, то я больше не жилецъ на свѣтѣ; я никогда никого не любилъ, кромѣ Сюзель, и никого не хочу любить, кромѣ нея. Если Сюзель меня любитъ, и вы отдаете ее за меня, я буду счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и сдѣлаю все для ея счастья.

Христель и Оршель смотрѣли другъ на друга въ полнѣйшемъ смущеніи, а Сюзель принялась рыдать; быть можетъ отъ радости, это оставалось неизвѣстнымъ, но она плакала, какъ Магдалина.

— Дядя Христель,—продолжалъ Фрицъ,—моя жизнь въ вашихъ рукахъ...

— Но, господинъ Кобусъ,—воскликнулъ фермеръ громкимъ голосомъ и вытягивая руки, — мы съ радостью отдадимъ за васъ наше дитя! Какая же честь можетъ быть для насъ выше чести имѣть зятемъ такого человѣка, какъ вы? Но я прошу васъ, господинъ Кобусъ, подумайте... подумайте хорошенько о томъ, кто такіе мы и кто вы... Подумайте о томъ, что вы занимаете совсѣмъ другое положеніе, чѣмъ мы; мы люди рабочіе, простые люди, а ваша семья съ давнихъ поръ отличена не только богатствомъ, но и уваженіемъ, которое заслужили ваши предки и вы сами. Подумайте обо всемъ этомъ... чтобы вамъ не пришлось раскаяваться позднѣе... а намъ съ горечью думать, что вы несчастны по нашей винѣ. Вы больше насъ знаете, господинъ Кобусъ, мы бѣдные, необразованные люди; подумайте же за всѣхъ насъ.

— Вотъ честный малый!—подумалъ старый реббе.

А Фрицъ сказалъ съ чувствомъ:

— Если Сюзль любитъ меня, все пойдетъ хорошо! Если, къ несчастью, она не любитъ меня, то богатство, положеніе,

уваженіе людей ничего не значатъ для меня! Я думалъ и я ищу только любви Сюзель.

— Ну, да будетъ воля Божія!—воскликнулъ Христель. — Сюзель, ты слышала, отвѣчай сама. Что до насъ касается, то чего же еще можемъ мы пожелать для твоего счастья? Сюзель, любишь ли ты г. Кобуса?

Но Сюзель не отвѣтила, она только зарыдала еще пуще.

Наконецъ, Фрицъ воскликнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Сюзель, значитъ ты не любишь меня, если не хочешь отвѣтить!

Вдругъ она вскочила, точно безумная и бросилась въ его объятія, восклицая:

— О, да! Я люблю васъ!

И продолжала плакать, а Фрицъ прижалъ ее къ груди, и крупныя слезы покатились по его щекамъ.

Всѣ присутствующіе тоже плакали; Майель, со щеткой въ рукѣ, вытягивая шею, выглядывала изъ кухни; а за окнами виднѣлись изумленныя фигуры съ вытаращенными глазами, нагибавшіяся, чтобъ лучше видѣть и слышать.

Наконецъ, старый реббе высморкался и сказалъ:

— Это хорошо... это хорошо... любите другъ друга... любите другъ друга!

Безъ сомнѣнія онъ прибавилъ бы какую-нибудь сентенцію, какъ вдругъ Фрицъ, испустивъ торжествующее восклицаніе, охватилъ рукою талію Сюзель и принялся вальсировать съ нею, восклицая:—Ю, гопса, Сюзель! Ю, ю, ю, ю, ю!

Тогда всѣ, кто только что плакалъ, разсмѣялись, а маленькая Сюзель, улыбаясь сквозь слезы, спрятала свое хорошенькое личико на груди Кобуса.

Радость озарила всѣ лица; точно яркое солнце вслѣдъ за теплымъ весеннимъ ливнемъ.

Двѣ толстыя дѣвушки, въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ въ формѣ зонтика, съ румяными лицами и вытаращенными глазами, расхрабрились до того, что ухватились за окна, заглядывая въ комнату и смѣясь отъ души. За ними толпились остальные.

Оршель, которая только что вышла, отирая глаза передникомъ, вернулась съ бутылкой и стаканами.

— Это бутылка вина, которую вы прислали намъ съ Сю-

зель три мѣсяца тому назадъ,—сказала она Фрицу;—я берегла ее къ именинамъ Христеля, но мы можемъ распить ее сегодня.

Въ ту же минуту на дворѣ щелкнулъ бичъ, и Зафери, старшій работникъ, крикнулъ:—Идемъ!

Публика, толпившаяся подъ окнами исчезла, и когда Христель наполнилъ стаканы, старый реббе весело спросилъ его:

— Ну, Христель, когда же свадьба?

Эти слова заставили встрепенуться Сюзель и Фрица.

— А? Какъ ты думаешь, Оршель?—спросилъ фермеръ.

— Когда угодно г. Кобусу,—отвѣтила толстая фермерша, садясь.

— За ваше здоровье, дѣтки!—сказалъ Христель.—Я думаю, что по окончаніи сѣнокоса...

Фрицъ взглянулъ на старика реббе, который сказалъ:

— Слушайте, Христель, сѣно вещь хорошая, но счастье еще лучше. Я представляю отца Кобуса, который былъ моимъ лучшимъ другомъ... Такъ вотъ я говорю, что намъ слѣдуетъ сыграть свадьбу черезъ недѣлю, какъ разъ срокъ, который нуженъ для публикацій. Къ чему заставлять страдать этихъ славныхъ дѣтей? Чего еще ждать? Ты согласенъ съ этимъ, Кобусъ?

— Чего желаетъ Сюзель, того и я желаю,—отвѣтилъ онъ, глядя на нее.

Она, опустивъ глаза, вмѣсто отвѣта склонила голову на плечо Фрица.

— Итакъ, это рѣшено,—сказалъ Христель.

— Да,—отвѣчалъ Давидъ,—это самое лучшее; завтра вы явитесь въ Гюнебургъ подписать контрактъ.

Затѣмъ принялись за вино, а старый реббе, улыбаясь, прибавилъ:

— Я устроилъ много браковъ за свою жизнь; но этотъ всѣхъ больше радуетъ меня, и я имъ горжусь. Я пришелъ къ вамъ, Христель, какъ служитель Авраама, Елеазаръ, къ Лавану: этотъ бракъ устроенъ Всевышнимъ.

— Да будетъ благословенна воля Всевышняго,—отвѣтили Оршель и Сюзель въ одинъ голосъ.

Съ этого момента рѣшено было, что контрактъ подпишутъ завтра въ Гюнебургѣ, а свадьбу сыграютъ недѣлю спустя.

XVIII.

Слухи объ этихъ событіяхъ распространились въ Гюнебургѣ въ тотъ же день, и весь городъ былъ въ изумленіи; каждый говорилъ:—Какъ это г. Кобусъ, человѣкъ богатый, человѣкъ съ положеніемъ, женится на простой дѣвушкѣ, дочери своего фермера,—онъ, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ отвергъ столько хорошихъ партій?

Останавливались на улицахъ, чтобы сообщить эту странную вѣсть; обсуждали ее на порогѣ домовъ, въ комнатахъ и во дворахъ; удивленію конца не было.

Такъ Шульцъ, Гаанъ, Шпекъ и остальные друзья Фрица узнали объ этихъ вещахъ и на другой день, собравшись въ пивной «Большого Оленя», обсудили ихъ и пришли къ заключенію:—Въ высшей степени неблагоразумно жениться на женщинѣ низшаго званія, чѣмъ свое: результатомъ бываютъ всякаго рода непріятности и ревность. Лучше не жениться совсѣмъ. Нѣтъ на землѣ мужа, такого довольнаго, такого веселаго, такого здороваго, какъ старые холостяки.

— Да, воскликнулъ Шульцъ, сердившійся на то, что Кобусъ ничего не сообщилъ ему,—не видать намъ больше толстаго Фрица; теперь онъ будетъ жить въ своей раковинѣ и стараться втянуть рога внутрь. Вотъ какъ слабѣютъ люди съ возрастомъ! Простая деревенская дѣвушка укрощаетъ ихъ и ведетъ куда хочетъ. Только старые вояки могутъ сопротивляться. Теперь мы можемъ сказать Кобусу: «Прощай прощай, почивай въ мирѣ!»

Гаанъ задумчиво смотрѣлъ подъ столъ и выколачивалъ пепелъ изъ своей большой трубки между колѣнями. Но когда его собесѣдникъ остановился перевести духъ, онъ сказалъ въ свою очередь:

— Бракъ конецъ счастья, и я, съ своей стороны, предпочелъ бы засунуть голову въ кустъ терновника, чѣмъ надѣвать себѣ такую петлю на шею. При всемъ томъ, разъ уже нашъ пріятель Кобусъ обратился, каждый долженъ признать, что его маленькая Сюзель достойна произвести такое чудо; я знаю только одну особу, которая можетъ потягаться съ ней въ отно-

шеніи миловидности, ума, здраваго смысла, и даже превосходитъ ее важностью осанки: это дочь Бишемскаго бургомистра, съ которой я танцевалъ «трейслейнсъ».

Тогда Шульцъ воскликнулъ, что «ни Сюзель, ни дочь бургомистра не достойны развязать шнурковъ на башмакахъ маленькой блондинки, которую онъ выбралъ». Возгорѣвшійся по этому поводу споръ продолжался до полночи, когда полицейскій заявилъ господамъ, что на время засѣданіе закрывается.

Въ тотъ же день у Фрица былъ составленъ брачный контрактъ. Когда нотаріусъ составлялъ опись имущества Кобуса, причемъ оказалось, что Сюзель не вноситъ въ домъ ничего, кромѣ чаръ молодости и любви, старый Давидъ, нагнувшись къ нотаріусу, сказалъ ему:

— Запишите, что реббе Давидъ Зихель даетъ въ приданое Сюзель, три арпана виноградника въ Зоннебергѣ, производящаго лучшее вино въ этомъ краѣ. Запишите это, Мюнцъ.

Когда Фрицъ съ изумленіемъ встрепенулся, такъ какъ эти три арпана принадлежали ему, старый реббе поднялъ палецъ и съ улыбкой сказалъ:

— Вспомни, Кобусъ, вспомни нашъ споръ о бракѣ, послѣ обѣда, три мѣсяца тому назадъ, въ этой комнатѣ!

Тогда и Кобусъ вспомнилъ пари.

— Это правда,—сказалъ онъ, краснѣя,—эти три арпана принадлежатъ Давиду, онъ выигралъ ихъ у меня; но такъ какъ онъ даритъ ихъ Сюзель, то я принимаю ихъ для нея. Только прибавьте, что онъ сохраняетъ за собой право пользоваться ими; я хочу, чтобы онъ могъ пить вино до возраста своего пращура Маѳусаила; это необходимо для моего счастья. Запишите также, что Сюзель приноситъ въ приданое ферму Мейзенталь, которую я дарю ей въ знакъ любви; Христель и Оршель будутъ обрабатывать ферму для ея дѣтей; это будетъ для нихъ пріятнѣе.

Такъ былъ составленъ брачный контрактъ.

Что касается остального, прибытія Іозефа Альмани, Бокеля и Андреса, прибѣжавшихъ за пятнадцать миль играть на свадьбѣ своего друга Кобуса, пира, устроеннаго старухой Катель, по всѣмъ правиламъ искусства, при содѣйствіи кухарки «Краснаго Быка», наивной граціи Сюзель, радости Фрица; важности Гаана и Шульца, его дружекъ; прекраснаго поученія

пастора Димера; бала, который былъ открытъ самимъ старымъ реббе Давидомъ съ Сюзель, подъ громъ всеобщихъ апплодисментовъ; энтузіазма Іозефа, игравшаго на скрипкѣ такъ изумительно, что половина Гюнебурга толпилась на площади Акацій до двухъ часовъ утра,—то описаніе всего этого составило бы разсказъ такой же длинный, какъ предыдущій.

Достаточно съ васъ знать, что недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы, Фрицъ созвалъ всѣхъ своихъ друзей на обѣдъ въ той же столовой, гдѣ Сюзель сидѣла съ ними три мѣсяца тому назадъ, и объявилъ во всеуслышаніе, что старый реббе былъ правъ, когда говорилъ: «внѣ любви все суета; съ ней ничто не сравнится, и бракъ съ любимой женщиной есть земной рай!»

А взволнованный Давидъ Зихель произнесъ изреченіе, которое онъ прочелъ въ одной еврейской книгѣ, и которое находилъ возвышеннымъ, хотя оно было не изъ Ветхаго Завѣта: «Возлюбленные! Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь!»

ВОРОВКА ДѢТЕЙ.

ВОРОВКА ДѢТЕЙ.

Въ 1815 году ежедневно можно было видѣть въ Майнцѣ высокую, сухощавую, изнуренную горемъ женщину съ впалыми щеками и безумными глазами. Она по цѣлымъ днямъ блуждала по Гессенъ-Дармштадскому кварталу, представляя собой страшное изображеніе сумасшествія. Эта несчастная женщина, извѣстная подъ именемъ Христины Эвитъ, проживала въ узкой улицѣ, извѣстной подъ наименованіемъ Голубятни, позади собора и потеряла разсудокъ вслѣдствіе ужаснаго происшествія.

Разъ вечеромъ проходила она по извилистой улицѣ Три Лодки, ведя за руку свою маленькую дочь. Вдругъ она замѣтила, что на одну минуту выпустила руку дѣвочки и съ тѣхъ поръ не слышитъ уже ея шаговъ; тогда бѣдная мать повернулась назадъ и стала громко звать ее.

— Дейбхе! Дейбхе! Гдѣ ты? Куда ты дѣвалась?

Никто не отвѣчалъ и на улицѣ, насколько она могла видѣть, не было ни души.

Тогда она со слезами и воплями бросилась назадъ къ пристани, вездѣ отыскивая и призывая свою дочь.

Ея вопли и стоны вызвали изъ домовъ сосѣдей, которые собрались вокругъ бѣдной матери, выслушивая ея объясненія. Всѣ бросились помогать ей въ поискахъ, но никакихъ слѣдовъ, ни малѣйшихъ признаковъ не было открыто, чѣмъ можно бы было объяснить эту страшную тайну.

Съ той поры Христина Эвитъ никогда уже не переступала порога своей квартиры; дни и ночи она блуждала по городу и съ плачемъ и стонами звала слабѣющимъ голосомъ:

— Дейбхе! Дейбхе!

Безъ жалости нельзя было на нее смотрѣть; добрые люди оберегали ее, кормили и одѣвали, а полиція, видя общественное участіе, не считала своею обязанностью вмѣшиваться и упрятывать Христину въ домъ умалишенныхъ по обычаю того времени.

Ей предоставлена была свобода ходить, куда она вздумаетъ, и никто не обращалъ вниманія на ея поступки.

Но вслѣдъ за несчастнымъ случаемъ съ Христиной послѣдовала истинно грозная тѣнь, потому что исчезновеніе ея дочери было какъ бы сигналомъ для происшествій такого же рода: самымъ непостижимымъ и поразительнымъ образомъ стали пропадать дѣти одни за другими,—всего до двѣнадцати дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ высшему сословію.

Каждый разъ это случалось въ сумеркахъ, когда прохожихъ бывало мало, да и тѣ спѣшили по домамъ по окончаніи своихъ дневныхъ трудовъ. Какое-нибудь шаловливое дитя выскочитъ за ворота, мать кричитъ: «Карлъ, Людвигъ, Лотхенъ» и также напрасно зоветъ, какъ и Христина. Нѣтъ отвѣта, бросаются, разыскиваютъ по всѣмъ закоулкамъ—нѣтъ слѣдовъ. Дитя исчезло и слѣды пропали.

Невозможно описать всю тревогу въ городѣ, поиски полиціи, аресты, преслѣдованія, ужасъ и отчаяніе семействъ, постигнутыхъ неожиданнымъ ударомъ.

Видѣть смерть ребенка, безъ всякаго сомнѣнія больно и ужасно, но лишиться своего ребенка, не зная, что съ нимъ сдѣлалось, куда онъ дѣвался, думать, что никогда уже не увидишь его, что слабое и нѣжное существо которое мать съ такою любовью прижимала къ сердцу, можетъ быть, заболѣло, страдаетъ и зоветъ насъ на помощь, а мы не въ силахъ помочь своему сокровищу—это горе превосходитъ всякое воображеніе, и нѣтъ у человѣка словъ, чтобы выразить эту душевную муку.

Разъ вечеромъ, въ октябрѣ 1817 года, Христина Эвигъ, цѣлый день проходивъ по улицамъ, пришла къ Епископскому фонтану и сѣла у подножія его; ея длинные сѣдые волосы закрывали лицо, тусклые глаза блуждали, какъ въ пустынѣ.

Сосѣднія дѣвушки, приходившія за водою, не остановились, какъ обыкновенно поболтать между собою, но поспѣшно наполняли водою свои кувшины и торопились по домамъ.

Бѣдная безумная старуха оставалась одна, неподвижная и

оцѣпенѣвшая подъ холоднымъ инеемъ и въ туманѣ, облекавшимъ Рейнъ. Вокругъ высокіе дома съ ихъ остроконечными крышами, окнами, обнесенными рѣшеткою, безчисленными огнями мало-по-малу погружались въ сонъ.

На Епископской башнѣ ударило семь часовъ, но Христина не шевелилась и все сидѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ и шепотомъ произнося:

— Дейбхе, Дейбхе!

Но въ эту минуту, когда блѣдныя тѣни сумерекъ, исчезая, ложились еще на выдающихся частяхъ кровель, она вдругъ содрогнулась всѣмъ тѣломъ, вытянула шею впередъ и ея лицо, безсмысленное около двухъ лѣтъ, вдругъ озарилось такимъ выраженіемъ мысли, что служанка совѣтника Трумпфа, подходившая въ это время съ кувшиномъ въ рукахъ, остолбенѣла отъ изумленія при видѣ разительной перемѣны въ наружности безумной старухи.

Въ эту самую минуту на другой сторонѣ площади проходила какая-то женщина, низко опустя голову и неся въ рукахъ бѣлый узелъ, въ которомъ что-то барахталось.

Эта женщина, подъ дождемъ и въ сумеркахъ, имѣла въ себѣ что-то ужасающее; она бѣжала украдкой, какъ воръ, совершившій удачную кражу. Христина Эвигъ протянула къ ней лѣвую руку, произнося невнятныя слова, и вдругъ изъ ея груди вырвался пронзительный вопль:

— Это она!..

И бросившись вслѣдъ за нею, бѣдная старуха пробѣжала за площадь на уголъ улицы Желѣзнаго Лома, куда завернула проходившая женщина, и скрылась въ темнотѣ.

Тутъ Христина остановилась, задыхаясь отъ волненія; неизвѣстная женщина вдругъ стала невидима, и ничего не стало слышно, кромѣ шума отъ дождя и потоковъ воды изъ водосточныхъ трубъ.

Что происходило въ душѣ безумной? Что она припоминала? Мелькнуло ли передъ нею откровеніе, какъ проблескъ души, вставшій изъ мрачной глубины прошлаго? Одному Богу извѣстно...

Но что бы тамъ ни было, она внезапно пришла въ себя. Не теряя ни минуты на преслѣдованіе пропавшей изъ виду женщины, Христина поспѣшила въ улицу Трехъ Лодокъ и, повернувъ

за уголъ Гутенбергской площади, бросилась прямо въ залу бургомистра Каспара Шварца и закричала дрожащимъ голосомъ:

— Господинъ бургомистръ, похитители дѣтей открыты! Слышите ли? Скорѣе же, спѣшите!

Градоначальникъ только что поужиналъ сытно и, какъ слѣдуетъ глубокомысленному философу, любилъ успокоиться послѣ ужина. Понятно, что появленіе такого призрака крайне потревожило его, и потому поставивъ чашку чая на столъ онъ закричалъ:

— Боже милостивый! Неужели я не могу имѣть одной спокойной минуты въ цѣлый день? Есть ли на свѣтѣ человѣкъ несчастнѣе меня? Ну чего хочетъ отъ меня эта сумасшедшая?.. И какъ могли ее допустить сюда?

При этихъ словахъ Христина успокоилась и сказала смиренно:

— Ахъ, господинъ бургомистръ, вамъ угодно знать, есть ли на свѣтѣ человѣкъ несчастнѣе васъ? Взгляните же на меня. Взгляните!

Рыданія прервали ея слова: дрожащими руками она откинула назадъ сѣдые волосы, и тогда открылось ея смертельно изнуренное, блѣдное лицо: жалко было смотрѣть на него.

— Сумасшедшая! Да, благодаря Бога, я съ ума сошла; Богъ по своему милосердію скрылъ отъ меня на время жестокое несчастіе. Но теперь я не сумасшедшая. О если бы вы знали, что я видѣла! Та ужасная женщина несла ребенка—да, она опять украла ребенка—это я говорю вамъ навѣрное.

— Убирайся ты къ чорту и съ этой женщиною и съ ребенкомъ! Убирайся вонъ! — закричалъ бургомистръ. Но когда несчастная упала передъ нимъ на колѣни, онъ пуще прежняго закричалъ: — Гансъ! Да вытолкай же вонъ эту дуру!.. Что за чертовская должность бургомистръ. Никакой выгоды, кромѣ хлопотъ и невзгодъ.

Явился слуга и Каспаръ Шварцъ, указывая на Христину, сказалъ:

— Убери ты ее! Завтра я отдамъ формальное приказаніе, чтобы избавить городъ отъ этой безпокойной сумасшедшей. Слава Богу, у насъ есть довольно домовъ для умалишенныхъ.

Безумная захохотала, а жалостливый слуга, взявъ ее за руку, сказалъ кротко:

— Пойдемъ со мною, Христина, уйдемъ отсюда.

Она снова впала въ помѣшательство и пробормотала со стономъ:

— Дейбхе, Дейбхе!

II.

Когда кончалось это происшествіе въ домѣ градоначальника Каспара Шварца, изъ Арсенальной улицы показалась карета; часовой у парка, узнавъ экипажъ графа Дидерихъ, полковника императорскаго Гильбуритхаузенскаго полка, отдалъ честь. Лошади быстро мчались какъ будто къ Германской Заставѣ, но вдругъ повернули въ улицу Желѣзнаго Человѣка и остановились у подъѣзда градоначальника.

Полковникъ, въ полной парадной формѣ, вышелъ изъ кареты и съ удивленіемъ оглядѣлся, услышавъ потрясающій хохотъ сумасшедшей старухи, которую выводили изъ того же дома.

Графъ Дидерихъ имѣлъ около сорока лѣтъ, былъ высокаго роста, съ темнорусыми волосами, такою же бородою и суровой энергичной физіономіею.

Онъ быстро вошелъ въ переднюю, откуда Гансъ выводилъ Христину и, не дождавшись чтобы о немъ доложили, самъ вошелъ прямо въ столовую и громко сказалъ:

— Милостивый государь, подвѣдомственная вамъ полиція отвратительна. Двадцать минутъ тому назадъ я остановился у собора во время вечерни. Выходя изъ кареты я увидѣлъ графиню фонъ-Гильбуригхаузенъ, которая выходила изъ церкви и спускалась въ это время съ лѣстницы; я посторонился, чтобы уступить ей дорогу; въ эту минуту мой трехлѣтній сынъ, сидѣвшій около меня, вдругъ исчезъ. Дверцы кареты къ дому архіепископа были отворены; пока я спускался съ подножки, сынъ мой былъ украденъ. Всѣ поиски и разспросы оказались безполезными. Я пришелъ въ отчаяніе.

Мучительно было безпокойство полковника; изъ его черныхъ глазъ сверкали молніи, сквозь слезы, которыя онъ усиливался сдерживать; судорожно хватался онъ за рукоятку своей шпаги.

Бургомистръ онѣмѣлъ; его безчувственная натура была при-

ведена въ сокрушеніе при мысли, что, пожалуй, еще придется ночь провести на ногахъ, отдавать приказанія и самому распорядиться, переходя съ мѣста на мѣсто, короче сказать,—приниматься въ сотый разъ за поиски, всегда безуспѣшные.

Гораздо легче будетъ отложить это дѣло какъ-нибудь до завтра.

— Поймите, милостивый государь, — кричалъ полковникъ внѣ себя:—я не позволю шутить съ собою: вы будете отвѣчать головою за моего сына. На васъ лежитъ обязанность заботиться объ общественной безопасности. Вы не исполняете своего долга—это постыдно. О, еслибы я только могъ узнать, кто нанесъ мнѣ этотъ ударъ!

Произнося эти безсвязныя слова, онъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, скрежеща зубами и бросая мрачные взоры.

Крупные капли пота выступили на багровомъ челѣ Шварца; опустивъ глаза на блюдо, онъ пробормоталъ:

— Очень жалѣю, ваше сіятельство, душевно жалѣю, но это не первый случай, а уже десятый; похители бываютъ гораздо ловчѣе сыскной полиціи. Что же прикажете дѣлать?

При такомъ неразумномъ отвѣтѣ полковникъ задрожалъ отъ ярости и, схвативъ толстаго бургомистра за шиворотъ, такъ и вытащилъ его изъ удобныхъ креселъ.

— Что мнѣ надо приказать вамъ! Такъ ли вы должны отвѣчать отцу, который требуетъ отъ васъ сына?

— Выпустите меня, графъ, выпустите меня,—заоралъ бургомистръ, задыхаясь отъ испуга.—Ради самого Бога успокойтесь! Сейчасъ была у меня одна женщина—она сумасшедшая Христина Эвигъ—она тоже говорила—да, я вспомнилъ... Гансъ! Гансъ!

Слуга, подслушивавшій у дверей, тотчасъ же вошелъ.

— Что прикажете?

— Верни назадъ сумасшедшую старуху!

— Ея уже нѣтъ здѣсь.

— Ну, бѣги скорѣе за нею! Прошу васъ присѣсть полковникъ.

Графъ Дидерихъ оставался посрединѣ комнаты, и черезъ минуту привели Христину Эвигъ съ безумнымъ взглядомъ, безумнымъ смѣхомъ—словомъ, она опять помѣшалась, когда прогнали ее вмѣсто того, чтобы выслушать.

Гансъ и служанка стояли у открытыхъ дверей, разинувъ ротъ отъ удивленія и любопытства. Полковникъ повелительнымъ знакомъ приказалъ имъ удалиться и, скрестивъ руки предъ Каспаромъ Шварцомъ, закричалъ:

— Чего вы хотите добиться отъ этой несчастной женщины?

Бургомистръ пришелъ въ движеніе, какъ будто хотѣлъ говорить: его жирныя щеки тряслись.

Безумная захохотала; въ ея смѣхѣ слышались слезы.

— Полковникъ,—проговорилъ, наконецъ, бургомистръ:—эта женщина приходила ко мнѣ по такому же дѣлу, какъ и вы. Два года назадъ у нея украли дочь, отчего она и съ ума сошла

Слезы навернулись на глазахъ графа Дидериха.

— Что же далѣе?

— За минуту передъ вашимъ приходомъ она прибѣжала ко мнѣ и, какъ будто образумившись, стала говорить...

Каспаръ Шварцъ замолчалъ.

— Что же такое она вамъ сказала?

— Что она видѣла, какъ одна женщина несла ребенка.

— А!

— Я думалъ, что она бредитъ, и велѣлъ ее выгнать вонъ.

Полковникъ горько засмѣялся.

— Такъ вы ее выгнали за это, выгнали?..

— Да, и мнѣ кажется, что она опять впала въ сумасшествіе.

— Такъ вы не хотѣли подать помощи этой несчастной?—закричалъ графъ внѣ себя.—Вмѣсто того, чтобы оказать ей помощь и защиту, какъ это вамъ предписывалъ долгъ службы, вы прогнали ее—и уничтожили послѣдній лучъ разсудка. И вы еще осмѣливаетесь оставаться на своемъ мѣстѣ! Вы имѣете дерзость пользоваться почестями и жалованіемъ!

Онъ нагнулся лицомъ къ лицу къ бургомистру, у котораго парикъ затрясся отъ страха, и прибавилъ заглушаемымъ голосомъ:

— Ты мерзавецъ, и если я не найду моего сына, то убью тебя, какъ собаку!

Каспаръ Шварцъ ни слова не сказалъ; глаза его вытаращились, словно хотѣли выскочить, руки безсознательно растопырились, ротъ разинулся; отъ ужаса у него дыханіе сперло; впрочемъ, онъ и не сумѣлъ бы отвѣтить на это.

Графъ отвернулся отъ него и, подойдя къ Христинѣ, посмотрѣлъ на нее пристально и сказалъ:

— Милая моя, постарайтесь собраться съ мыслями и отвѣчать мнѣ на вопросы... Ради самого Бога—ради вашей дочери—скажите мнѣ, гдѣ вы видѣли эту женщину?

Онъ замолчалъ, а бѣдная женщина жалобно прошептала:

— Дейбхе, Дейбхе! Они убили ее.

Графъ поблѣднѣлъ и отшатнулся въ ужасѣ, но въ тотъ же мигъ схватилъ ее за руку и закричалъ:

— Отвѣчай же мнѣ, несчастная женщина, отвѣчай!

Онъ съ силою потрясалъ ее за руку; голова Христины опустилась и она, заливаясь страшнымъ смѣхомъ, говорила:

— Ну, да, дѣло кончено: злыя женщины и этого убили!

У графа ноги подкашивались отъ ужаса; онъ почти упалъ на близстоящій стулъ и, облокотившись о столъ, положивъ блѣдное лицо на руки, смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ, какъ будто передъ его глазами проходила страшная картина.

Медленно тянулись минуты въ этомъ страшномъ молчаніи. Въ это время пробило десять часовъ, графъ вздрогнулъ при этихъ звукахъ. Онъ всталъ, отворилъ дверь, и Христина вышла.

— Господинъ полковникъ,—заговорилъ Шварцъ.

— Молчать!—прервалъ его полковникъ, бросая на него грозный взоръ, и послѣдовалъ за безумною въ темную улицу.

Страшная мысль пришла ему въ голову.

— Все погибло,—говорилъ онъ про себя.—Эта несчастная женщина лишилась разсудка и не въ состояніи понимать вопросовъ; но она что-то видѣла и, можетъ быть, инстинктъ будетъ руководить ею.

Не надо объяснять въ какое недоумѣніе былъ приведенъ бургомистръ. Не теряя ни минуты, достопочтенный градоначальникъ заперъ свою дверь, повернулъ два раза ключъ, и послѣ этого предался взрыву вполнѣ благороднаго негодованія.

— Какъ! Угрожать такому человѣку, какъ я! Схватить за шиворотъ меня! Эге, господинъ полковникъ, мы еще потягаемся съ вами! Докажемъ мы вамъ, что и у насъ законы существуютъ! Завтра, завтра утромъ я подамъ жалобу самому великому герцогу съ изложеніемъ незаконнаго поведенія его офицеровъ, и пр., и пр.

III.

Между тѣмъ, полковникъ слѣдовалъ за безумною и, по странному возбужденію чувствъ, видѣлъ ее въ темнотѣ ночной, несмотря на туманъ, и видѣлъ такъ ясно, какъ въ бѣлый день; онъ слышалъ ея вздохи, невнятныя слова, несмотря на свистъ осенняго вѣтра, свирѣпствовавшаго по безлюднымъ улицамъ.

Изрѣдка на тротуарахъ попадались одинокіе пѣшеходы, спѣшившіе по домамъ, поднявъ воротники до ушей, нахлобучивъ шляпы до бровей и засунувъ руки по карманамъ; иногда слышалось, какъ дверь вдругъ захлопнулась или худо прикрѣпленные ставни стучали о стѣну; то черепица, сорванная съ крыши, съ шумомъ падала на мостовую, и вслѣдъ затѣмъ снова заревѣтъ буря и своимъ могучимъ воплемъ покрываетъ всѣ ночные звуки.

Словомъ, была одна изъ тѣхъ холодныхъ ночей въ концѣ октября, когда флюгера, потрясаемые сѣвернымъ вѣтромъ, дико вертятся на высокихъ крышкахъ и какъ бы вопіютъ пронзительно: «Зима! Зима! Зима идетъ!»

Дошедши до деревяннаго моста, Христина облокотилась на его перила и смотрѣла внизъ на темныя воды канала; потомъ приподнялась какъ бы съ недоумѣніемъ и пошла своею дорогою, и дрожа бормотала:

— Ой! Ой! Какъ холодно!

Полковникъ слѣдовалъ за нею, одною рукою придерживая свою шинель, а другую прижимая къ сердцу, которое такъ билось, какъ будто выскочить хотѣло.

Пробило одиннадцать часовъ на колокольнѣ Св. Игнатія, потомъ двѣнадцать.

Христина все шла впередъ, переходя по узкимъ улицамъ: Типографіи, Мальве, Виннаго Рынка, Старой Бойни и Епископскаго Рва.

Сто разъ полковникъ въ отчаяніи увѣрялъ себя, что это ночное преслѣдованіе ни къ чему не приведетъ; но припомнивъ, что въ этомъ его послѣдняя надежда, онъ терпѣливо слѣдовалъ за нею съ мѣста на мѣсто, иногда останавливаясь то за угломъ, то въ углубленіи стѣны, и снова продолжая свой невѣдомый путь, словно бездомный звѣрь, шатающійся въ темнотѣ наобумъ.

Наконецъ, около часа пополуночи, Христина опять верну-

лась на Епископскую площадь. Погода какъ будто поутихла, дождь прекратился, свѣжій вѣтеръ свистѣлъ по улицамъ, и мѣсяцъ, то прячась за черными облаками, то снова вынырнувъ изъ-за нихъ, сіялъ въ полномъ блескѣ, озаряя своими холодными и блестящими, какъ сталь, лучами безчисленное множество лужъ между впадинами мостовой.

Безумная преспокойно усѣлась на краю фонтана, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла нѣсколько часовъ назадъ. Долго оставалась она въ одномъ положеніи, съ неподвижно устремленными глазами, въ мокрыхъ лохмотьяхъ прильнувшихъ къ ея изсохшему тѣлу.

Графъ прощался уже съ послѣднею надеждою.

Но въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда мѣсяцъ, вынырнувъ изъ черныхъ тучъ, озарилъ блѣдными лучами безмолвныя зданія, она вдругъ приподнялась и вытянула голову. Полковникъ, слѣдуя по направленію ея взгляда, замѣтилъ, что она приглядывалась къ узкому переулку «Старая Бойня» въ двухстахъ шагахъ отъ фонтана.

Внезапно она вскочила и какъ стрѣла бросилась туда.

Графъ не отступалъ отъ нея ни на шагъ, скрываясь подъ тѣнью старыхъ высокихъ зданій напротивъ церкви Св. Игнатія. Сумасшедшая Христина неслась точно на крыльяхъ; десять разъ графъ почти терялъ ее изъ вида, такъ быстро она мчалась по извилистымъ переулкамъ, загроможденнымъ тачками, кучами хвороста и вязанками дровъ, сложенными у воротъ при приближеніи зимняго времени.

Вдругъ она исчезла въ какомъ-то глухомъ переулкѣ, гдѣ было такъ темно, какъ въ подвалѣ. Графъ принужденъ былъ остановиться, не зная въ какую сторону повернуться.

Къ счастью черезъ нѣсколько секундъ пробились блѣдно-желтоватые лучи лампы сквозь небольшое разбитое окно и освѣтили мрачную бездну этой помойной ямы. Свѣтъ оставался неподвижнымъ, но по временамъ помрачался какою то тѣнью.

Очевидно, было существо, не спавшее въ глухомъ переулкѣ.

Но кто бы это былъ?

Не колеблясь ни минуты, полковникъ направился прямо къ свѣту.

Посреди сора и грязи онъ увидѣлъ Христину, которая, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, смотрѣла на одинокій огонекъ.

Появленіе графа, казалось, не удивило ее; указавъ ему на окно перваго этажа, гдѣ свѣтился огонекъ, она сказала: «Вотъ здѣсь», но съ такимъ потрясающимъ выраженіемъ, что онъ былъ пораженъ.

Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, онъ бросился къ дверямъ этого дома и подъ сильнымъ давленіемъ его плеча дверь отворилась. Въ этомъ пространствѣ господствовала непроницаемая темнота. Безумная не отступала отъ него.

— Тише!—сказала она.

И снова, повинуясь инстинкту этой несчастной женщины, графъ остановился неподвижно и прислушался.

Могильное молчаніе царствовало въ домѣ; можно было подумать, что тутъ все вымерло или крѣпко спитъ.

На колокольнѣ Св. Игнатія пробило два часа.

Тихій шопотъ послышался въ первомъ этажѣ и тусклый свѣтъ появился на полуосыпавшейся стѣнѣ; доски затрещали надъ головой полковника и свѣтъ медленно приближался, сперва освѣтивъ лѣстницу, кучу старыхъ желѣзныхъ обломковъ въ углу и вязанку дровъ; потомъ на подъемномъ окнѣ, выходившемъ на дворъ, освѣтились бутылки, корзина съ разнымъ хламомъ, и обнаружилась темная, грязная и отвратительная лѣстница.

Наконецъ, медленно выдвинулась на площадкѣ лѣстницы жестяная лампа съ закоптѣвшею свѣтильнею въ маленькой иссохшей и жилистой рукѣ, похожей на когти хищной птицы, а надъ этимъ свѣтомъ появилась голова испуганно высматривавшей женщины, съ волосами льняного цвѣта, костлявымъ лицомъ, высоко торчавшими ушами, свѣтло-сѣрыми глазами, сверкавшими изъ подъ густо нависшихъ бровей; это зловѣщее существо, въ грязной кофтѣ, въ старыхъ башмакахъ, держало въ одной рукѣ лампу, а въ другой острый топоръ.

Не успѣло это отвратительное существо заглянуть въ бездну темноты, какъ въ ту же минуту опять бросилось наверхъ съ изумительнымъ проворствомъ.

Но было уже поздно: полковникъ погнался вслѣдъ за старою колдуньею и схватилъ ее за платье.

— Моего сына, вѣдьма,—завопилъ онъ,—отдай моего сына!

На это рыканіе льва, старая гіена повернулась и ударила его топоромъ, какъ попало.

Завязалась страшная борьба; женщина бросилась на полъ и стала даже кусаться; лампа выпала изъ ея рукъ и продолжала горѣть на полу, и ея фитиль въ копоти и дымѣ бросалъ измѣнчивыя тѣни на сумрачныя стѣны.

— Отдай мнѣ сына,—кричалъ полковникъ,—моего сына, или я убью тебя!

— Да, да, будетъ у тебя сынъ!—шипѣла злобная вѣдьма.— О, этимъ еще не покончилось наше дѣло, у меня и зубы хороши. Экій подлецъ! Совсѣмъ задушилъ. Эй! Оглохла ты, что ли? Бѣги сюда скорѣе! Караулъ!..

Она совсѣмъ задыхалась; въ это время другая вѣдьма, еще старѣе, еще омерзительнѣе, спускаясь съ лѣстницы, кричала:

— Вотъ и я!

Она была вооружена большимъ мясницкимъ ножемъ; графъ, взглянувъ на нее, увидѣлъ, что она подняла ножъ и готовилась ударить его по спинѣ между плечами.

Онъ понялъ свою погибель: одно Провидѣніе могло спасти его.

Безумная до той минуты была неподвижною зрительницею всего происходившаго, но въ это мгновеніе она бросилась на старуху съ дикимъ воплемъ:

— Это она! Это она! Я узнаю ее! Теперь она не ускользнетъ отъ меня!..

Въ отвѣтъ на это брызнулъ цѣлый потокъ крови, залившій площадку. Старая вѣдьма перерѣзала горло несчастной Христинѣ.

Все это было дѣломъ одной минуты.

Полковникъ успѣлъ вскочить на ноги и принять оборонительное положеніе; увидѣвъ, что съ нимъ не сладить, обѣ вѣдьмы быстро бросились вверхъ по лѣстницѣ и исчезли въ темнотѣ.

Пламя дымившагося фитиля вспыхивало въ маслѣ и графъ, пользуясь его послѣдними лучами послѣдовалъ за убійцами. Но, достигнувъ конца лѣстницы, онъ почувствовалъ, что изъ благоразумія ему не слѣдуетъ покидать этого средства къ выходу.

Онъ слышалъ тяжелое дыханіе Христины, лежавшей внизу, и капли крови, падавшія со ступени на ступень, были явственно слышны въ ночномъ безмолвіи. Ужасные звуки!

Между тѣмъ, послышалась странная суматоха и возня внутри этого вертепа; графъ испугался, вообразивъ, что эти вѣдьмы могутъ убѣжать изъ окна.

Незнаніе мѣстности на минуту удержало его на мѣстѣ, но въ это время блеснулъ передъ нимъ свѣтъ въ стеклянной двери, съ помощью котораго онъ разсмотрѣлъ два окна, выходившія на улицу, освѣщенную въ эту минуту снаружи. Въ это же время оттуда раздался голосъ.

— Эй! Что тамъ за возня? Отворяйте двери!

— Ступайте сюда скорѣе, скорѣе!—закричалъ полковникъ.

Свѣтъ вдругъ показался и внутри дома.

— Ай! Что это!—закричалъ голосъ снизу.—Кровь... Что за диво? Вѣдь это Христина. И ошибиться нельзя.

— Сюда, сюда!—продолжалъ звать полковникъ.

На лѣстницѣ раздались тяжелые шаги и вскорѣ на верхней площадкѣ показалось усатое лицо сторожа Зелига, въ огромной мѣховой шапкѣ и въ козьемъ тулупѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, свѣтъ котораго онъ направилъ прямо на полковника.

При видѣ мундира, добрый сторожъ остолбенѣлъ.

— Что тутъ такое?—освѣдомился онъ.

— Скорѣе иди сюда!

— Виноватъ, полковникъ, но тамъ внизу...

— Женщина убита... Но ея убійцы здѣсь.

Сторожъ вышелъ на площадку и освѣтилъ пространство; на четырехугольную площадку выходила дверь изъ той комнаты, куда спрятались обѣ злодѣйки. Лѣстница на лѣвой сторонѣ вела на чердакъ.

Блѣдность полковника испугала Зелига, однако, онъ не осмѣлился разспрашивать его о причинѣ.

— Кто тутъ живетъ?—спросилъ у него полковникъ.

— Двѣ женщины, мать съ дочерью; онѣ извѣстны на рынкѣ; мать торгуетъ мясомъ, дочь приготовляетъ мясныя колбасы.

Графу припомнились слова, произнесенныя Христиной въ бреду: «Бѣдное дитя: онѣ его убили» , и у него сдѣлалось страшное головокруженіе и холодный потъ выступилъ на лбу.

По ужасной случайности, онъ оглянулся въ это время назадъ и увидѣлъ маленькую шотландскую тюнику изъ клѣтчатой матеріи, синей съ краснымъ, пару маленькихъ ботинокъ и черную шапочку, брошенные въ темный уголъ. Онъ содрогнулся, но невѣдомая сила тянула его туда, чтобы лучше осмотрѣть и собственными глазами убѣдиться въ ужасной дѣйствительности.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ подошелъ въ тотъ уголъ и слабѣющей рукою приподнялъ одежду. Это было платье его сына...

Капли свѣжей крови обагрили его пальцы...

Одному Богу извѣстно, что въ это время происходило въ душѣ графа. Долго стоялъ онъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ остолбенѣвшими глазами, безсильно опущенными руками, открытымъ ртомъ, какъ бы оглушенный ударомъ. Но вдругъ онъ очнулся и бросился къ замкнутой двери съ такимъ бѣшенымъ воплемъ, что сторожъ пришелъ въ ужасъ. Такому натиску дверь не могла противостоять. Въ комнатѣ раздался трескъ мебели, которую нагромоздили эти женщины, думая тѣмъ защититься отъ нападенія. Все старое зданіе сотряслось въ своемъ основаніи. Графъ исчезъ въ темнотѣ; затѣмъ во мракѣ ночи раздавались вопли, крики, проклятія, предсмертное хрипѣніе. Тутъ ничего не было человѣческаго; казалось, дикіе звѣри разрывали другъ друга въ темномъ логовищѣ.

Въ переулкѣ толпились люди. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались сосѣди, и толкаясь въ грязи и навозѣ, разспрашивали другъ друга:—«Что такое случилось? Неужто онѣ перерѣзали другъ друга?» Вдругъ все смолкло и графъ, покрытый ранами отъ ножа, въ изорванномъ мундирѣ, спустился съ лѣстницы; его шпага была въ крови до самой рукоятки. Даже его усы были окровавлены; можно было подумать, что онъ дрался, какъ тигръ.

Что же еще разсказывать послѣ этого?

Полковникъ Дидерихъ вылечился отъ ранъ и скрылся изъ Майнца.

Городское начальство считало нужнымъ скрыть подробности, эти жестокія подробности отъ родителей маленькихъ жертвъ. Я узналъ обо всемъ этомъ отъ сторожа Зелига, когда онъ на старости лѣтъ оставилъ службу и удалился въ свою деревню близъ Саарбрюкена. Ему одному были извѣстны всѣ эти ужасы, потому, что онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ при тайномъ изслѣдованіи этого дѣла въ уголовномъ судѣ Майнца.

Отнимите у человѣка нравственное чувство и разсудокъ, которымъ онъ такъ гордится, не предохранитъ его отъ самыхъ гнусныхъ страстей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.
Пріятель Фрицъ 3
Воровка дѣтей 177